

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, сентября 1-го.

Содержаніе: Русское духовенство въ Галиціи (Изъ наблюденій путеше-
ственника).—Туринская плащаница (Замѣтка).—Понеченіе о кре-
стьянскихъ дѣтяхъ дошкольнаго возраста (Замѣтка подъ живымъ
впечатлѣніемъ).—Свѣтская печать о пенсіяхъ духовенству.

Русское духовенство въ Галиціи.

(Изъ наблюденій путешественника).

I.

Общая замѣчанія.

Галиція, составляющая нынѣ особую провинцію (намѣст-
ничество) Австро-Венгерскаго соединеннаго государства, есть
край, во многихъ отношеніяхъ близкій, родной и дорогой для
нашей Россіи. Со временъ глубокой исторической древности
нынѣшняя Галиція, составлявшая тогда особое удѣльное рус-
ское княжество, находилась въ самомъ тѣсномъ взаимообще-
ніи съ русскимъ государствомъ, съ которымъ она была свя-
зана узами политическаго единства, племенного происхожде-
нія, а также единствомъ вѣры и языка.

Изъ этихъ, какъ видимъ, самыхъ крѣпкихъ и важныхъ духовныхъ нитей, соединявшихъ Галицію съ Россіею, прервалась прежде всего политическая связь. Еще въ XIV в. Галиція, или Червоная Русь, была оторвана отъ русскаго государства и сдѣлалась достояніемъ Польши, которая въ то время могущественно усилилась и возобладала надъ Россіею, сильно ослабленную татарскимъ нашествіемъ и владычествомъ. Съ того времени Галиціи не суждено уже было воссоединиться съ единоплеменной ей Россіею. До самаго конца существованія Польши Галиція составляла одну изъ самыхъ обширныхъ, плодородныхъ и доходныхъ для казны провинцій ея. Съ паденіемъ польско-литовскаго государства, послѣ раздѣленія его между тремя сосѣдними монархіями, въ послѣдней четверти XVIII в., Галиція вошла въ составъ Габсбургской имперіи, которой и доселѣ принадлежитъ.

За прекращеніемъ политической связи между Россіею и Галиціею, послѣдовало, хотя и не такъ скоро, и религіозное разъединеніе между ними, которое наступило въ самомъ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в.в., когда въ Галиціи была введена унія.

Унія, введенная въ Западной Россіи въ самомъ концѣ XVI в., очень долго совершенно не прививалась въ Галиціи. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что были условія, которыя, по видимому, должны были какъ нельзя болѣе содѣйствовать и скорому введенію здѣсь уніи, послѣ ея происхожденія, и успѣшному распространенію ея въ послѣдствіи. Разумѣемъ сравнительную отдаленность Галиціи отъ владѣній Россіи, покровительство которой православнымъ жителямъ Польши было въ XVII—XVIII в. однимъ изъ самыхъ могущественныхъ препятствій къ распространенію уніи въ предѣлахъ нынѣшней Западной Россіи, и принадлежность Галиціи съ давняго времени къ составу самой Польши, такъ называемой Короны Польской. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, православно-русское населеніе Галиціи должно было въ гораздо большей степени, нежели православно-русское населеніе дру-

гихъ областей (напр. Литвы, Бѣлоруссіи и др.) польско-литовскаго государства, испытывать на себѣ всю тяжесть польскихъ ограничительныхъ и стѣснительныхъ законовъ, которые больше всего располагали и побуждали православныхъ русскихъ подданныхъ Польши къ переходу въ унию.

Такимъ образомъ, если униа такъ долго почти совершенно не прививалась въ Галиціи, то это зависѣло больше всего отъ той любви и той преданности къ отеческой православной вѣрѣ, которыя воодушевляли русское духовенство (преимущественно низшее) и простой русской народъ въ Галиціи въ его борьбѣ съ врагами вѣры православной и народности русской.

Поэтому, униа была введена въ Галиціи сравнительно весьма поздно и нѣкоторымъ особеннымъ образомъ. Такъ какъ православные русскіе галичане, руководимые своимъ доблестнымъ Львовскимъ братствомъ, рѣшительно не желали добровольно принимать ненавистой имъ унии, то польское правительство рѣшило прибѣгнуть къ особеннымъ мѣрамъ хитрости для того, чтобы постепенно и незамѣтно ввести унию въ Галиціи.

Съ этою цѣлію на сторону затѣи правительства разными приманками были привлечены епископы двухъ православныхъ епархій, существовавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Галиціи: Львовской, въ составъ которой входила и Подолія, и Черемышльской. Это совершилось въ послѣдней четверти XVII вѣка.

Но епископы—Галицко-Львовскій Іосифъ Шумлянскій и Черемышльскій Иннокентій Винницкій, хотя сами, по своимъ личнымъ расчетамъ и выгодамъ, и желали принять унию, однакоже боялись сдѣлать это открыто, такъ какъ знали все нерасположеніе, какое имѣлъ русской православный народъ къ унии. Поэтому, въ теченіе нѣкотораго времени они вынуждены были оставаться тайными униатами, стараясь скрыть свой переходъ въ унию отъ своей православной паствы и разными тайными мѣрами подготовить ее къ переходу въ унию. Только въ 1696 году Черемышльскій епископъ Иннокентій Вин-

ницкій и въ 1700 году Галицко-Львовскій и Подольскій епископъ Юсифъ Шумлянскій открыто перешли въ унию. вслѣдъ за чѣмъ польское правительство объявило и всѣ вообще епархіи—Черемышльскую и Галицко-Львовскую—униатскими, т. е. принявшими унию съ Римомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ни духовенство низшее, ни простой русскій народъ, населявшій эти епархіи, и слышать не хотѣли объ униі.

Такимъ образомъ, первоначальный переходъ русскихъ галичанъ въ унию былъ совершенно номинальнымъ. Такимъ же онъ оставался и впоследствии въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, когда низшее духовенство и простой народъ продолжали считать себя православными, какими они и были на самомъ дѣлѣ по духу, по вѣрѣ и даже въ отношеніи соблюденія церковныхъ обрядовъ. Всѣ дальнѣйшія мѣры, которыя принимались въ теченіе XVIII вѣка (изданіе правилъ Замойскаго униатскаго собора, порча богослужебныхъ книгъ, употреблявшихся въ униатской церкви и т. п.) для того, чтобы по возможности окатоличить униатовъ и какъ можно болѣе отдалить унию отъ православія, оказывались малодѣйственными въ отношеніи русско-галиційскихъ униатовъ. Насколько мало древле-православная вѣра и церковная обрядность были повреждены къ концу XVIII в. у галиційскихъ униатовъ, объ этомъ можно заключать на основаніи слѣдующей аналогіи. Стоило только въ это время Подолію и Волинь присоединить отъ Польши къ Россіи, какъ всѣ бывшіе униаты изъ русскихъ жителей этихъ областей сразу и безъ всякихъ побужденій сдѣлались православными. А между тѣмъ униа Галиційская какъ со стороны своего происхожденія, такъ и по своей дальнѣйшей исторической судьбѣ въ теченіе всего XVIII в. была совершенно подобна униі Волинской и Подольской.

Со времени же присоединенія Галиціи къ Австро-Венгрии, когда польско-католическое населеніе первой совершенно наравнѣ съ русско-униатскимъ населеніемъ ея подпало подъ власть иѣмцевъ, надолго прекратились въ Галиціи вся-

кія вообще религіозныя ограниченія и стѣсненія, направленныя къ окатоличенію русскихъ уніатовъ.

Благодаря всѣмъ этимъ историческимъ условіямъ, унія, несмотря на свое 200-лѣтнее существованіе въ Галиціи, не успѣла пустить особенно крѣпкихъ корней здѣсь, не завоевала себѣ среди русскаго населенія ея особенной симпатіи и тѣмъ болѣе любви, вообще оказала сравнительно ничтожное вліяніе на религіозное міросозерцаніе русскихъ галичанъ, у которыхъ древле-православная церковность и обрядность сохранились до послѣдняго времени въ сравнительно неповрежденномъ видѣ. Даже мало того: у нихъ доселѣ остается сильною внутренняя любовь къ православной вѣрѣ, которая имѣетъ нѣчто сродное, близкое, дорогое русскому сердцу. Поэтому, среди старѣйшаго поколѣнія галицко-русскихъ уніатовъ и доселѣ еще живы симпатіи къ православной Россіи, равно какъ въ жизни и бытѣ галицко-русскихъ уніатовъ и доселѣ еще нерѣдко во всей свѣжести и чистотѣ сохранились старинныя русскіе православныя религіозно-церковныя обряды. Съ этой стороны наблюденіе надъ жизнью и бытомъ галицко-русскаго духовенства и народа представляетъ несомнѣнный интересъ и для насъ, православныхъ. Не интересно ли и не поучительно ли, въ самомъ дѣлѣ, для насъ, православныхъ священниковъ, познакомиться съ жизнью, дѣятельностію и пастырскою практикою такихъ галицко-русскихъ священниковъ, какъ при-снопамятный страдалецъ за вѣру и народность галицкій патріотъ Іоаннъ Наумовичъ? Наши наблюденія привели насъ къ твердому убѣжденію въ томъ, что *духъ Наумовича не умеръ и доселѣ среди русскаго духовенства въ Галиціи*. Но, съ другой стороны, тѣ же наблюденія привели насъ и къ тому заключенію, что въ послѣднее время наступили для Галиціи такія тяжкія—и внѣшнія и внутреннія—условія, которыя угрожаютъ серьезною опасностію той сравнительной цѣлости и неповрежденности древле-православной церковности и той внутренней симпатіи къ православію, какія доселѣ сохранялись среди русскихъ галичанъ.

Объ этихъ тяжкихъ условіяхъ жизни русскаго духовенства и народа въ Галиціи мы скажемъ нѣсколько позже, а теперь продолжимъ прежнюю рѣчь.

Со времени введенія уніи въ Галиціи, т. е. съ начала XVIII в., остались только двѣ нити, связывавшія Галицію съ православною Россією,—это: единство языка и единство происхождения.

До самаго послѣдняго времени литературнымъ языкомъ въ Галиціи среди русскаго населенія ея, желавшаго писать не по-польски, а по русски, былъ нашъ общерусскій литературный языкъ, съ самыми незначительными отступленіями и измѣненіями, явившимися подъ вліяніемъ общенародной разговорной русской рѣчи, употребляемой въ Галиціи (весьма сходной съ нашею малорусскою рѣчью). Тотъ же самый общелитературный русскій языкъ служилъ до послѣдняго времени и разговорнымъ языкомъ для образованныхъ галичанъ, такъ что всякій русскій образованный человекъ могъ совершенно легко и свободно понимать рѣчь и поддерживать разговоръ съ образованнымъ галичаниномъ. Но въ послѣднее время въ Галиціи съ этой именно стороны произошла довольно значительная перемена. Въ Галиціи, съ нѣкотораго времени, образовалась патріотическо-народная партія, стремящаяся къ возрожденію русской народности въ Галиціи. Ближайшая и главнѣйшая цѣль дѣятельности этихъ „народниковъ“ галицкихъ состоитъ въ томъ, чтобы дать русскому народу въ Галиціи образованіе, поднять его національное самосознаніе и затѣмъ уже уравниять его во всѣхъ правахъ съ другими народностями, населяющими Галицію, напр., польскою. Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ возрожденію русской народности избранъ языкъ. Народническая, т. н. младо-русская партія стремится создать для русскаго народа въ Галиціи особый самостоятельный галицко-русскій языкъ, такъ чтобы русскимъ галичанамъ не было нужды пользоваться услугами не только польскаго, но даже и русскаго общелитературнаго языка. Въ основу при созданіи особаго самостоятельнаго ли-

тературнаго языка младо-русская партія взяла народную разговорную рѣчь. Но такъ какъ въ этой рѣчи иногда недостаетъ словъ для выраженія и обозначенія нѣкоторыхъ понятій, то въ такихъ случаяхъ галиціе народники создаютъ новыя слова, при нѣкоторомъ пособіи то польскаго, то русскаго языка. Такъ создается нынѣ въ Галиціи новый языкъ, который въ отличіе отъ русскаго называется иногда *русинскимъ*.

Само собою разумѣется, что пока созданіе новаго, т. н. русинскаго языка понимается какъ средство для культурнаго развитія русской народности въ Галиціи вообще и, въ частности, для освобожденія ея отъ зависимости со стороны поляковъ, въ чемъ-бы то ни было (какъ, напр., въ данномъ случаѣ въ отношеніи языка), то дѣятельность галиційскихъ народниковъ можетъ вызывать одно только сочувствіе у всякаго образованнаго человѣка вообще, и у насъ, русскихъ, въ частности. Но вся бѣда въ томъ, что созданіе самостоятельнаго языка для русскихъ галичанъ понимается нѣкоторыми изъ младо-русской партіи, какъ средство для обособленія русскаго народа въ Галиціи, между прочимъ, и отъ Россіи. Съ этой стороны, рожденіе новаго литературнаго русскаго языка въ Галиціи можетъ и должно вызывать у всѣхъ русскихъ людей, разумѣется, одно только сожалѣніе, ибо несомнѣнно, что общій литературный языкъ служилъ и всегда будетъ служить однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ для поддержанія и укрѣпленія духовнаго единенія между русскимъ народомъ, живущимъ въ великой Россіи и въ Галиціи. Это прекрасно сознаютъ и сами Галичане, среди которыхъ существуетъ цѣлая партія, т. н. старо-русская, которая всѣми мѣрами стремится поддержать *духовное* (а не политическое, въ чемъ её напрасно подозрѣваютъ и обвиняютъ) взаимообщеніе и единеніе между Россіею и Галиціею, совершенно справедливо полагая, что одной изъ важнѣйшихъ мѣръ въ этомъ отношеніи можетъ служить общерусскій литературный языкъ. Въ Галиціи, кромѣ того, существуютъ особыя институты („Народный Домъ“), общества („Качковскаго“) и литературныя

союзы („Галицко-Руска Матица“), которые въ числѣ другихъ цѣлей преслѣдуютъ, между прочимъ, и поддержаніе этой могущественной связи между ихъ родиною и нашею Россіею. Все это имѣетъ важное значеніе для нашей послѣдующей рѣчи, такъ какъ и русское духовенство въ Галиціи теперь подраздѣлилось между двумя вышеназванными партіями: старо-русскою и младо-русскою.

Мы, русскіе, съ своей стороны, никогда не должны забывать близкаго и родного намъ русскаго народа, живущаго въ Галиціи, хотя бы онъ теперь и не былъ связанъ съ нами такими тѣсными и многообразными узами, какими онъ былъ соединенъ съ нашими отдаленными предками. Намъ не должно забывать, что этотъ народъ и въ происхожденіи своемъ и во всей прошлой судьбѣ своей связанъ съ нами узами самаго близкаго родства. Народъ этотъ въ массѣ своей еще и теперь всѣмъ сердцемъ своимъ любитъ православную Россію. Недалеко еще ушло отъ насъ то время, когда русскіе галичане, несмотря на свою формальную принадлежность къ греко-уніатской церкви, цѣлыми массами посѣщали Кіевъ и Почаевъ. Народъ этотъ, наконецъ, имѣетъ весьма много общаго съ нашимъ русскимъ православнымъ народомъ въ вѣрѣ, обрядахъ, жизни и бытѣ,—словомъ, во всемъ своемъ религіозномъ и умственномъ міросозерцаніи.

Имѣя все это въ виду, мы и намѣрены познакомить читателей нашего журнала съ своими наблюденіями, между прочимъ, надъ жизнію, дѣятельностію и пастырскою практикою русскаго духовенства въ Галиціи, сдѣланными нами во время 3-хмѣсячнаго пребыванія въ Галиціи. Въ частности, мы имѣемъ въ виду обратить вниманіе на слѣдующія стороны въ жизни галицко-русскаго духовенства: а) приготовленіе кандидатовъ священства; б) опредѣленіе священниковъ на мѣста и отношеніе ихъ къ своему начальству, патронамъ и паствѣ; в) особенности пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

(Продолженіе будетъ).

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА.

(ЗАМѢТКА).

Наши читатели уже знакомы съ открытіемъ французскаго ученаго натуралиста М. Виньона, который въ своемъ недавно обнародованномъ изслѣдованіи: „Плащаница Христа“ (Le Linceul du Christ, étude scientifique. Prix. 15 fr. Paris) доказываетъ, на основаніи точныхъ научныхъ данныхъ, что хранящаяся съ незапамятныхъ временъ въ г. Туринѣ плащаница Христа есть дѣйствительно та самая плащаница, которою обвито было Тѣло Спасителя Іосифомъ и Никодимомъ, какъ говоритъ католическое преданіе, и что на ней сохранилось изображеніе подлиннаго Лица Іисуса Христа. Виньонъ произвелъ изслѣдованіе надъ фотографическими снимками съ Туринской плащаницы, величайшей святыни католическаго міра, и нашель, что на плащаницѣ мы имѣемъ двойное негативное изображеніе человѣка (съ лица и спины), который есть Христось, снятый со Креста, какъ свидѣлствуютъ всѣ подробности изображенія (см. Церк. Вѣд. № 27, стр. 900). Откуда же взялось это изображеніе, которое по своей необыкновенной тонкости и реальности якобы не можетъ быть произведеніемъ какого-либо художника? Виньонъ говоритъ, что Тѣло Спасителя, покрытое потомъ, должно было оставить слѣды (въ видѣ даннаго изображенія) на плащаницѣ, пропитанной смирной и алоемъ (Ін. 19, 39, 40). Явленіе это не чудеснаго свойства, а вполне естественнаго, натуральнаго: оно обязано тому, что потъ окисая превращается въ углекислую соль амміака, которая производитъ амміаковые пары, способные вызывать реакцію въ ткани, пропитанной смирной и алоемъ. Это и случилось во время погребенія Христа, такъ какъ сильныя крестныя страданія несомнѣнно вызвали обильный лихорадочный потъ, который вслѣдствіе окиси произвелъ пары, окислившіе алоэ и давшіе на плащаницѣ негативный химическій отпечатокъ ¹⁾. Такимъ образомъ, въ Ту-

¹⁾ Revue chrétienne 1902, № 6, p. 456.

ринской плащаницѣ мы имѣемъ самую древнюю и священнѣйшую реликвию первостепенной важности, а также вѣрнѣйшее, подлинное изображеніе Лица Спасителя.

Но такъ ли это въ дѣйствительности? Не имѣемъ ли въ данномъ случаѣ дѣло съ вѣковымъ заблужденіемъ, которое, хотя и обставлено научнымъ образомъ, однако мало оправдывается какъ текстомъ евангельской исторіи, такъ и церковно-историческими данными?

Въ евангельскомъ текстѣ мы не находимъ достаточныхъ основаній для принятія положеній г. Виньона. Синоптики говорятъ о погребеніи Иисуса Христа такъ: „Взявъ Тѣло, Іосифъ обвилъ его чистою плащаницею—συδόν“ (Мѳ.), „Онъ (Іосифъ), купивъ плащаницу и снявъ его (Тѣло), обвилъ плащаницею—συδόν“ (Мрк.), „Снявъ его, (Іосифъ) обвилъ плащаницею—συδόν и положилъ его въ гробъ“ (Лука). Повѣствованіе синоптиковъ, повидимому, благопріятствуетъ предположеніямъ г. Виньона, такъ какъ даетъ ту мысль, что Иисусъ Христосъ былъ обвитъ *по нагому Тѣлу плащаницею—συδόν*, т. е. *погребальною простынею*, и Тѣло его *обмыто водою не было*, отчего получились всѣ условія, необходимыя для того химическаго явленія, результатомъ котораго Виньонъ считаетъ изображеніе на Туринской плащаницѣ. Но четвертое евангеліе вводитъ въ повѣствованіе синоптиковъ такія подробности, которыя ставятъ теоріи Виньона непреодолимыя затрудненія. Св. ев. Іоаннъ повѣствуетъ: „(Іосифъ) пошелъ и снялъ Тѣло Іисуса. Пришелъ также и Никодимъ, приходившій прежде къ Іисусу ночью, и принесъ составъ изъ смирны и алая, литръ около ста. И такъ они взяли Тѣло Іисуса и обвили его пеленами (ἐθήσαν αὐτὸ ὀθονίοις) съ благовоніями, какъ обыкновенно погребаютъ іудеи“ (19, 39, 40). Послѣдній стихъ говоритъ о *пеленахъ* (слав. ризы) и *вообще, о соблюденіи погребальнаго обычая іудейскаго*. А обычай іудейскій, какъ извѣстно, былъ такой: тѣло покойника обмывалось и *затѣмъ* умащалось благовоніями, руки и ноги обвивались пеленами, а голова покрывалась платомъ, который назывался σουδάριον (слав. сударь

Іоан. 20, 6, 7). Такимъ образомъ, если мы принимаемъ замѣчаніе еван. Іоанна о соблюденіи погребальнаго іудейскаго обычая, то должны согласиться, что Тѣло Спасителя предварительно было обмыто, слѣд.—на немъ не осталось пота, необходимаго для производства реакціи въ плащаницѣ; далѣе, должны признать, что Тѣло было обвито пеленами (*ὀδονίαι*, т. е. небольшими кусками ткани), а на головѣ былъ *сударь*, слѣд. изображеніе Спасителя должно было получиться на пеленахъ и на сударѣ, а не на плащаницѣ синоптиковъ (*σινδών*), которою—можно думать—обвито было Тѣло Христа поверхъ пелень и сударя. Правда, г. Виньонъ¹⁾ доказываетъ, на основаніи общепризнанныхъ авторитетовъ въ области филологіи и экзегетики, что *ὀδονίαι* или *ὀδονή* употребляется иногда въ смыслѣ *σινδών*; но такъ ли это въ данномъ случаѣ, еще никѣмъ и ничѣмъ не доказано. Тѣмъ менѣе цѣнности представляетъ сближеніе г. Виньономъ *σινδάριον* св. Іоанна съ *σινδών*омъ синоптиковъ. Эти два слова имѣютъ точное и определенное значеніе въ евангеліи (Мрк. 14, 51, Лук. 19, 20 ср. Дѣян. 19, 12): первое означаетъ большое покрывало, простыню, а второе—платокъ.

Но если открытіе г. Виньона противорѣчитъ обычному пониманію евангельскаго текста, то оно мало согласно и съ церковно-историческими данными. Ни въ евангеліи, ни въ апостольскихъ посланіяхъ, ни въ древнѣйшихъ памятникахъ христіанской письменности, ни даже въ преданіи мы не находимъ указаній на плащаницу Христа. Единственное свидѣтельство, относящееся сюда, заключается въ слѣдующихъ словахъ бл. Іеронима: „*евангеліе*, называемое *отъ евреевъ* и недавно мною переведенное на греческій и латинскій языкъ, которымъ (евангеліемъ) и Оригенъ часто пользовался, повѣствуетъ, что Господь по воскресеніи, послѣ того какъ отдалъ плащаницу (*sinclonem*) служителю архіерей, отправился къ Іакову и явился ему“ (*De vir. ill.*). Но это свидѣтельство показываетъ только то, что плащаница Христа не имѣла изо-

¹⁾ Ibid., № 7, р. 27.

браженія Лика Его, иначе Спаситель отдалъ бы ее не служителю Своего врага, а кому либо изъ учениковъ, и вообще, не представляла цѣнности, достойной тщательнаго храненія. Кромѣ того, замѣчательно, что бл. Иеронимъ, приводящій указанное мѣсто изъ апокрифическаго евангелія, ни единымъ словомъ не обмолвился о дальнѣйшей судьбѣ плащаницы Христа, значить—въ его время и преданія никакого не было объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ такая величайшая святыня съ изображеніемъ Лика Спасителя не могла бы остаться неизвѣстной, если бы она дѣйствительно существовала. Случаевъ къ обнаруженію ея представлялось немало. Напомнимъ нѣкоторые данныя изъ исторіи изображенія Лика Спасителя. Въ періодъ мучениковъ и исповѣдниковъ, вѣрующіе находились подъ сильнымъ вліяніемъ ветхозавѣтнаго ригоризма относительно священныхъ изображеній—ригоризма, доходившаго въ иныхъ случаяхъ до мовтанистской нетерпимости (Тертуллианъ). Поэтому въ катакомбахъ изображали Спасителя въ образѣ рыбы, голубя, агнца, добраго пастыря и т. п., но изображенія подлиннаго Лика Христа не находимъ. Въ концѣ 2-го в. мы встрѣчаемся съ недоумѣніемъ христіанъ, какой былъ внѣшній видъ Христа. Александрійская школа, какъ извѣстно, рѣшала это недоумѣніе согласно съ пророчествомъ Исаи объ уничиженномъ видѣ Мессіи (Климентъ Александрійскій). Евсевій Кесарійскій опредѣленно говоритъ, что онъ не знаетъ изображенія Христа въ человѣческомъ видѣ смиреннаго раба. Констанціи, сестрѣ импер. Константина В., пожелавшей имѣть образъ Христа и обратившейся къ Евсевию съ просьбою указать, гдѣ можно его достать, Кесарійскій епископъ писалъ: „какого рода образъ желаетъ имѣть принцесса? Образъ ли истинной и вѣчной сущности Христа Сына Божія, или же образъ Его земнаго существованія подъ человѣческимъ видомъ смиреннаго раба? Въ обоихъ случаяхъ желаніе принцессы неосуществимо. Богъ одинъ вѣдаетъ природу Сына, что же до Его плоти, то апостоль говоритъ, что мы и ея также не знаемъ“. Впослѣдствіи греческое искусство завоевало мало по

малу симнатіи христіанъ, и храмы стали украшаться изображеніями Христа, Богоматери и святыхъ. Но на первыхъ порахъ изображали Христа различно,—то въ видѣ античнаго Аполлона, то въ видѣ Юпитера, и только съ теченіемъ времени выработался особый типъ Христа, упрочившійся въ преданіи христіанскаго искусства и сохраняющійся до настоящаго времени безъ измѣненія. Теперь спросимъ: если дѣйствительно существовала плащаница Христа съ изображеніемъ подлиннаго Лица Его, то могли ли имѣть мѣсто въ исторіи только что указанныя обстоятельства—отсутствие изображенія подлиннаго Лица Христа въ катакомбахъ, недоумѣніе вѣрующихъ о ви́шнемъ видѣ Христа, отвѣтъ Евсевія Кесарійскаго Констанціи и несогласіе христіанскихъ живописцевъ относительно подлинныхъ чертъ Божественнаго Лица Спасителя? По нашему мнѣнію, все это необъяснимо съ точки зрѣнія католическаго преданія о Туринской плащаницѣ, и г. Виньонъ, повидимому столь блестяще защищающій это преданіе, долженъ былъ, прежде всего, расчислить путь для своихъ научныхъ изслѣдованій, показавши возможность сохраненія плащаницы Христа въ продолженіе первыхъ четырнадцати вѣковъ, о которыхъ исторія Туринскаго савана ничего не говоритъ (эта исторія начинается съ 1353 года).

Н. Гр.

Попеченіе о крестьянскихъ дѣтяхъ дошкольнаго возраста.

(замѣтка подѣ живымъ впечатлѣніемъ).

Кто бывалъ и живалъ въ деревнѣ, присматривался къ крестьянской жизни, тотъ хорошо знаетъ, что самыми беззащитными, самыми обездоленными существами въ деревнѣ являются дѣти. Всегда грязныя, чаще всего безъ всякаго призора, они зимою валяются на холодномъ полу, иногда вмѣстѣ съ ягнятами, телятами, кошками и проч., а лѣтомъ, въ большинствѣ случаевъ оставляемыя совсѣмъ на

произволь судьбы или на попеченіе дѣтей же подростковъ родителями, занятыми полевыми работами, они валяются въ пескѣ и землѣ, возятся въ грязи и лужахъ, копаются въ навозныхъ кучахъ. Вслѣдствіе этого между крестьянскими дѣтьми очень распространены всевозможныя болѣзни; но крестьяне мало обращаютъ вниманія на эти болѣзни, рѣдко лѣчатъ дѣтей и къ смерти ихъ относятся, за рѣдкими исключеніями, съ поразительнымъ равнодушіемъ, какъ къ чему-то роковому и неизбѣжному. И вотъ печальный результатъ: по отчетамъ медицинскаго департамента, за время съ 1887 по 1892 годъ— за пятилѣтіе, умерло въ Россіи *только трудныхъ дѣтей больше семи милліоновъ*, слишкомъ по милліону каждый годъ!

Не лучше и та нравственная атмосфера, въ какой приходится жить крестьянскимъ дѣтямъ. Съ самаго ранняго возраста крестьянскія дѣти являются свидѣтелями всевозможныхъ грязныхъ уличныхъ сценъ, присутствуютъ при всемъ дурномъ, что говорится и совершается взрослыми въ крестьянской семьѣ, а потому еще въ дѣтствѣ заражаются, хотя и бессознательно, ядомъ разныхъ пороковъ. Легко развратить и испортить юную душу дитяти, такъ какъ никогда человѣкъ не бываетъ такъ воспримчивъ и къ хорошему и къ дурному, какъ въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ. Человѣкъ рождается съ многими недостатками и дурными прирожденными наклонностями, унаслѣдованными отъ родителей, но въ душѣ дитяти легче искоренить тѣ дурныя предрасположенія, которыя, въ послѣдствіи постепенно развиваясь, образуютъ въ зрѣломъ возрастѣ съ большимъ трудомъ искореняемые пороки.

Забота о физическомъ здоровьѣ и нравственномъ воспитаніи дѣтей должна прежде всего и главнымъ образомъ лежать на родителяхъ. „Родители, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, суть первые проповѣдники, первые пророки, первые апостолы, которыхъ Богъ посылаетъ къ дѣтямъ“. Но въ крестьянской средѣ много духовнаго невѣдѣнія, и нельзя требовать отъ родителей—крестьянъ—должнаго пониманія своихъ обязанностей къ дѣтямъ и должнаго исполненія этихъ обязанностей,

когда мы видимъ, что и образованные родители не всѣ и не всегда надлежащимъ образомъ понимаютъ и исполняютъ свои обязанности къ дѣтямъ. Нужно притти на помощь родителямъ—крестьянамъ. Нечего и говорить о томъ, что дѣло это столь же трудное при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго быта, сколь важное: можно даже съ увѣренностью сказать, что въ настоящее время уничтоженіе всѣхъ дурныхъ условій въ положеніи крестьянскихъ дѣтей невозможно, но за то возможно хоть нѣсколько улучшить положеніе крестьянскихъ дѣтей,—и это долгъ всѣхъ образованныхъ людей, близко стоящихъ къ крестьянамъ.

Крестьяне не потому не заботятся о здоровьѣ своихъ дѣтей, что не хотятъ заботиться, а частью по убѣжденію, что жизнь и смерть человѣка—въ рукахъ Божіихъ, главнымъ же образомъ потому, что не знаютъ, *какъ* должно заботиться, *какъ* должно обходиться съ дѣтьми, чтобы сохранять ихъ здоровье. Заразительныя болѣзни особенно опасны въ дѣтскомъ возрастѣ и уносятъ въ могилу громадное количество крестьянскихъ дѣтей, такъ какъ крестьяне не вѣрятъ въ заразительность болѣзни, а потому не заботятся о томъ, чтобы не допускать общенія здоровыхъ дѣтей съ больными; напротивъ, часто вещи, которыми пользовались дѣти, больныя дифтеритомъ, скарлатиной, оспой и проч., переходятъ въ пользованіе другихъ здоровыхъ дѣтей, отчего и эти заболѣваютъ и умираютъ. Хорошее правильное питаніе имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ сохраненія дѣтскаго здоровья, а между тѣмъ крестьянскія дѣти ѣдятъ, что пошало, и потому умираютъ въ большомъ количествѣ отъ желудочныхъ болѣзней. Дѣлается все это потому, что крестьяне наши не имѣютъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по гигиенѣ вообще и дѣтской въ особенности. Нужно сознаться, что и воспринимаются познанія по гигиенѣ крестьянами съ большимъ трудомъ: „зачѣмъ намъ?“ говорятъ они: „то господское дѣло“. Но, несомнѣнно, если бы самыя главныя свѣдѣнія по гигиенѣ крестьяне получали изъ такого авторитетнаго источника, какъ священникъ и учитель или учи-

тельница, если бы эти свѣдѣнія не только сообщались, но и повторялись при всякомъ удобномъ случаѣ, то крестьяне въ концѣ концовъ отнеслись бы къ нимъ съ должнымъ довѣріемъ и постепенно стали бы примѣнять въ своей жизни. Въ данномъ случаѣ особенную службу могли бы сослужить образованныя женщины прихода — матушки и дочери священниковъ. Тенерь, слава Богу, во многихъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ введено преподаваніе гигиены; свѣдѣнія по гигиенѣ, полученные въ школѣ, воспитанницы, окончившія курсъ, могутъ легко потомъ восполнить домашнимъ чтеніемъ. И вотъ въ ихъ рукахъ превосходное орудіе, которымъ онѣ могутъ оказать неоцѣненную услугу русскому народу. Женщинамъ особенно свойственна любовь къ дѣтямъ — и своимъ и чужимъ; пусть же онѣ придутъ на помощь беззащитнымъ дѣтямъ деревни. А для этого пусть матушки, дочери священниковъ или учительницы, при содѣйствіи священника, заведутъ общедоступныя бесѣды съ крестьянскими матерями о томъ, какъ должно заботиться о сохраненіи здоровья дѣтей, какъ предохранять ихъ отъ заразы, простудъ и проч., какія мѣры прежде всего слѣдуетъ употреблять при заболѣваніи дѣтей. Ихъ живое, проникнутое любовью къ дѣтямъ слово, ихъ въ нужныхъ случаяхъ личное дѣятельное участіе въ лѣченіи больныхъ дѣтей не могутъ, не должны остаться безплодными; а одно спасенное отъ опасной болѣзни или даже смерти дитя, его благодарный взглядъ, теплая признательность его родителей будутъ лучшею наградою за ихъ труды, за непріятности, безъ которыхъ не обходится начало всякаго дѣла. Пусть онѣ распространяютъ свѣдѣнія по дѣтской гигиенѣ преимущественно между крестьянками, потому что забота о дѣтяхъ лежитъ всегда больше на матеряхъ, чѣмъ на отцахъ; къ тому же крестьянки внимательнѣе отнесутся къ словамъ заботящейся о ихъ дѣтяхъ женщины, — извѣстно, какъ любятъ крестьянки дѣлиться невзгодами своей семейной жизни съ матушками и дочерьми священниковъ, — тутъ всегда найдется достаточно подходящихъ поводовъ, помимо общихъ бесѣдъ, за-

говорить съ одной, съ двумя, а иногда и съ нѣсколькими крестьянками о дѣтяхъ и заботахъ о ихъ здоровьи и воспитаніи. Можно твердо надѣяться, что совмѣстная и энергичная проповѣдь и дѣятельность священника, учителя или учительницы, образованной матушки и образованныхъ дочерей священника принесутъ плодъ: не вдругъ, но постепенно въ крестьянскую семью проникнетъ сознание отвѣтственности предъ Богомъ и людьми, за здоровье дѣтей, необходимости мудрой и постоянной заботливости о предохраненіи ихъ отъ болѣзней и скорѣйшемъ лѣченіи уже заболѣвшихъ дѣтей. Дѣло же это столь важное, что, при осуществленіи его, нельзя останавливаться ни предъ какими препятствіями, нельзя щадить никакихъ усилій.

Особенно въ тяжелыхъ условіяхъ находятся крестьянскія дѣти лѣтомъ. Отцы и матери съ ранняго утра уходятъ на работу въ поле и остаются тамъ до вечера; грудныхъ дѣтей крестьянки берутъ съ собою и устраиваютъ имъ подъ тѣнью помѣщеніе, которое, разумѣется, не спасаетъ дѣтей отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца; остальные же дѣти остаются въ деревнѣ или безъ всякаго призора или на попеченіи стариковъ и старушекъ, если таковыя есть въ семействѣ или на попеченіи дѣтей же подростковъ. Старики и старушки, если они не способны уже къ полевой работѣ, то не въ состояніи усмотрѣть за дѣтьми, а дѣти подростки и сами не прочь порѣзвиться и пошалить, такъ что дѣти, порученныя наблюденію тѣхъ и другихъ, остаются почти безъ всякаго призора. Между тѣмъ, если въ деревнѣ найдется два-три энергичныхъ человѣка и особенно двѣ-три образованныхъ женщины, то можно значительно улучшить положеніе дѣтей лѣтомъ. Теперь въ весьма многихъ деревняхъ устроены такъ называемыя *ясли*, которыя приносятъ крестьянскимъ дѣтямъ незамѣнимую пользу, а потому желательно, чтобы ясли были устраиваемы, по возможности, во всѣхъ селахъ.

Помѣщеніемъ для яслей вполне можетъ служить школа, какъ это обычно и дѣлается. Поэтому особенно желательно, ЕН

чтобы при каждой школѣ заведенъ былъ хоть небольшой садикъ, въ которомъ дѣти лѣтомъ могли бы проводить время въ тѣни деревьевъ. Никакихъ особыхъ приспособленій въ школѣ для яслей дѣлать не нужно: достаточно, если вдоль стѣнъ школы поставлены длинные простые скамьи, а посреди школы поставленъ большой продолговатый столъ. Сюда—въ школу лѣтомъ, утромъ, должны быть принимаемы всѣ дѣти отъ трехъ до девяти лѣтъ и старше, если дома о нихъ некому заботиться и за ними наблюдать. Здѣсь вмѣстѣ дѣти проводятъ цѣлый день до возвращенія родителей съ поля, когда дѣти на ночь уходятъ домой. Впрочемъ, въ случаѣ нужды дѣти могутъ и почевать въ школѣ—для ночлега крестьянскихъ дѣтей особыхъ приспособленій тоже не потребуется. Что касается пропитанія дѣтей, то крестьяне, посылающіе дѣтей въ школу, сами должны давать известное количество провизіи: хлѣба, молока, сала, пшена и проч. Для надзора за собранными въ школу дѣтьми можно нанять какую-либо умную и добрую старуху, а для приготовленія пищи дѣтямъ—стрипуху. Правда, одной старухи для надзора за рѣзвой дѣтворой мало, но у нея всегда найдутся добровольные помощники и помощницы изъ дѣвочекъ или мальчиковъ постарше; къ тому же и завѣдующая школой—яслями или, еще лучше, завѣдующія ею не должны оставлять дѣтей безъ своего личнаго возможно частаго посѣщенія и наблюденія. Деньги, необходимыя для первоначальнаго устройства яслей и содержанія ихъ, можно собрать путемъ частныхъ пожертвованій или добыть какимъ-либо другимъ путемъ,—этихъ денегъ потребуется очень немного, всего 20—40 рублей и на устройство и на содержаніе яслей. Такъ устроенныя школы-ясли не только даютъ крестьянскимъ дѣтямъ лѣтомъ необходимый пріютъ, но и многое, чего они обычно лишены въ крестьянской семьѣ: собранная въ школу дѣтвора можетъ развлекаться разными незамысловатыми, но для дѣтей весьма занятыми и интересными играми безъ игрушекъ или съ игрушками, если только на пріобрѣтеніе послѣднихъ есть средства. Я неоднократно бывалъ въ такихъ школахъ-ясляхъ и

всегда выносилъ оттуда самое отрадное впечатлѣніе. Полная непринужденность и беззаботное веселіе царитъ тамъ; дѣти переходятъ отъ одной игры къ другой, не только играя въ тѣ игры, которымъ ихъ научили, но изобрѣтая новыя; смѣхъ и движеніе не умолкаютъ; личики веселыя, возбужденныя; рѣдкія ссоры и недоразумѣнія между дѣтьми быстро прекращаются или самими дѣтьми или наблюдательницей. Въ положенное время вся дѣтвора съ веселымъ смѣхомъ усаживается за одинъ столъ для обѣда. Во время обѣда наблюдательница заботится о томъ, чтобы всѣ дѣти сидѣли смирно, не допускали излишнихъ шалостей, — вообще хоть немного приучаетъ дѣтей къ чистотѣ и приличію; предъ обѣдомъ и послѣ обѣда кто либо изъ дѣтей читаетъ молитву; затѣмъ дѣти, что постарше, сами убираютъ и моютъ посуду. Послѣ обѣда дѣти собираются вокругъ наблюдательницы — старушки, которая или читаетъ какую-либо книжку, или рассказываетъ сказку или же, часто по просьбѣ самихъ дѣтей, рассказываетъ житіе какого-либо святого, — и все это дѣти слушаютъ съ удовольствіемъ и внимательно. Часто приходитъ сама попечительница — матушка или учительница, и дѣтвора, уже привыкшая къ ней, весело встрѣчаетъ ее и охотно слушаетъ читаемое или рассказываемое попечительницей. Пройдетъ часъ — другой въ такомъ непринужденномъ занятіи, а тамъ снова — беззаботное веселіе, нескончаемыя игры. Поистинѣ эти ясли — благодѣяніе для дѣтей. Здѣсь они видятъ ласку и любовь къ себѣ, привыкаютъ къ общительности, нѣсколько отвыкаютъ отъ той грубости, какая обычно царитъ въ крестьянской семьѣ. Вообще тутъ — широкое поле для нравственнаго воспитанія крестьянскихъ дѣтей: при участіи приходского батюшки можно постепенно въ самой, такъ сказать, жизни, а не правоученіями только, искоренять въ дѣтяхъ порочныя наклонности, развивать въ нихъ сѣмена добра, возбуждать въ нихъ вѣру въ Бога. Человѣкъ никогда не бываетъ столь воспримчивъ къ религіознымъ впечатлѣніямъ, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, и никакія впечатлѣнія такъ глубоко не вкореняются въ сердце

и такъ долго не сохраняются, какъ впечатлѣнія дѣтскаго возраста. На нѣжномъ сердцѣ дитяти легко можно напечатлѣть доступныя дѣтямъ истины Христовой вѣры и правила христіанской жизни. Въ душу дитяти, не смущаемую еще никакими страстями, легко вселить страхъ Божій, легко раскрыть въ ней любовь ко всему прекрасному и отвращеніе ко всему нравственно-дурному. Нужно только любить дѣтей и самому нелицемѣрно вѣрить во все, что желаешь насадить въ ихъ сердцахъ и умахъ. Пройдутъ года, много прекраснаго и добраго вымететъ изъ сердца дитяти житейская буря, но долго, долго будутъ жить въ душѣ человѣка святаго впечатлѣнія дѣтства. Дай только Богъ, чтобы побольше этихъ добрыхъ впечатлѣній дѣтства вынесъ человѣкъ въ жизнь и дольше сохранялъ ихъ неприкосновенными!

Съ особымъ интересомъ и любовію слушаютъ дѣти рассказы изъ жизни Спасителя. Глубокое, неизгладимое впечатлѣніе производятъ эти рассказы не столько на умъ, сколько на сердца дѣтей. Въ одномъ селѣ, гдѣ школа-ясли существуютъ уже три лѣта, почти всѣ дѣти, въ возрастѣ восьми-девяти лѣтъ, могли по дѣтски, съ какою то особенною теплотою и любовью рассказать о важнѣйшихъ событіяхъ Евангельской исторіи. У насъ, среди педагоговъ, распространено не совсѣмъ правильное мнѣніе, что дѣти любятъ слушать только сказки и что сказки имѣютъ глубокое воспитательное вліяніе на дѣтей. Справедливо, что сказки очень занимаютъ дѣтское воображеніе; описаніе невиданнаго и ужаснаго возбуждаетъ въ нихъ страхъ, и потому дѣти, затаивъ дыханіе, слушаютъ выдумки искуснаго рассказчика. Если дѣтямъ часто рассказывать сказки, то они только ихъ и слушаютъ съ особымъ интересомъ,—воображеніе дѣтское какъ бы привыкаетъ вращаться въ сферѣ страшнаго и небывалаго. Конечно, сказки, въ основѣ своей имѣя правоученіе, оказываютъ нѣкоторое воспитательное вліяніе на дѣтей; но вообще-то направленіе, даваемое сказками умственнымъ способностямъ дѣтей, крайне односторонне и, при извѣстныхъ условіяхъ жизни

дѣтей, можетъ быть и положительно вреднымъ. Какъ бы то ни было, нѣтъ серьезныхъ основаній увлекаться сказками и придавать имъ особенное значеніе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей: сказки не особенно полезны уже потому, что, подъ ихъ вліяніемъ, въ умѣ дѣтей устанавливается неточное представленіе о границахъ дѣйствительнаго и вымышленнаго. Къ тому же, дѣти съ неменьшей охотой слушаютъ поучительные рассказы о событіяхъ дѣйствительной жизни: о событіяхъ изъ жизни Христа-Спасителя, житія святыхъ, о событіяхъ изъ жизни великихъ людей и проч. Такіе рассказы болѣе нравоучительны, чѣмъ сказки. Воспитательнымъ цѣлямъ должны служить и игры въ ясляхъ. Въ играхъ дѣти пріобрѣтаютъ сообразительность, ловкость, находчивость; во время игръ между дѣтьми возникаютъ ссоры, которыя всегда можно обратить къ наученію виновныхъ и правыхъ; во время же игръ дѣти научаются уважать чужую собѣтвенность и чужія права. Въ первый годъ существованія яслей много возни съ дѣтьми и наблюдательницъ и завѣдующимъ или попечительницамъ, но чрезъ годъ-два въ ясляхъ уже воспитываются дѣти, знающія порядки, вліяющія на другихъ дѣтей и часто сами улаживающія разныя недоразумѣнія.

Нужно сознаться, что и наши крестьяне на первыхъ порахъ не особенно довѣрчиво относятся къ яслямъ и не особенно охотно отправляютъ туда своихъ дѣтей: привыкнувъ за все расплачиваться, они съ трудомъ вѣрятъ, чтобы объ ихъ дѣтяхъ стали заботиться безвозмездно; поэтому вначалѣ нужно какъ можно меньше обращаться къ помощи крестьянъ; зато впоследствии они, понявъ всю пользу такого учрежденія, отзываются о немъ съ великой благодарностью, проникаются еще большимъ уваженіемъ и любовью къ школь, батюшкѣ и женщинамъ, заботящимся о ясляхъ.

Повторяемъ, устройство яслей—дѣло необходимости, если—благодѣяніе для крестьянскихъ дѣтей, и потому желательно, чтобы священники, по мѣрѣ возможности, устроили ихъ во всѣхъ селахъ. Пока устройствомъ яслей болѣе озабочено зем-

ство достигшее въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Пусть на этомъ пути работаетъ и земство, но это доброе дѣло еще ближе должно быть священникамъ и учителямъ церковно-приходскихъ школъ. Къ самому энергичному участию въ дѣлѣ заботь о крестьянскихъ дѣтяхъ должны примкнуть и образованныя женщины, живущія въ деревнѣ, — матушки, дочери священниковъ и другія. Ихъ благословить за это Христось, своимъ примѣромъ призывающій всѣхъ людей любить дѣтей и заботиться о нихъ!

А. Тр.

Свѣтская печать о пенсіяхъ духовенству.

Назначеніе пенсій и единовременныхъ пособій заштатнымъ священникамъ и діаконамъ и ихъ осиротѣвшимъ семьямъ, вызвавшее благодарственный адресъ Св. Синода, отвѣчаетъ самой настоятельной и уже давнишней нуждѣ. Никто у насъ не стоитъ такъ близко къ народу, какъ священникъ, и не знаетъ его жизни до такой глубокой подробности. Сельскій священникъ и діаконъ уже почти стоятъ въ рядахъ крестьянства, лишь немного изъ него выдѣляясь болѣе образованіемъ, чѣмъ бытомъ. Они также имѣютъ землю и обрабатываютъ ее; ихъ жизнь и средства этой жизни неотдѣлимо слиты со всѣми перипетіями крестьянской жизни, съ ея матеріальными невзгодами и благополучіемъ. Быть народный и душа народная въ ея глубинѣ и красотѣ, а также въ ея слабостяхъ и изъянахъ, никому такъ не вѣдомы, какъ священнику. Наконецъ духовенство наше, еще въ стародавнюю пору принеся въ Россію основные государственные идеалы: царя, какъ Помазанника Божіа, и народа, какъ сонма христіанскихъ душъ, а не только какъ экономической силы и вообще какъ матеріала механическаго управленія,—и до сихъ поръ это духовенство представляетъ въ себѣ великое сосредоточеніе основныхъ русскихъ идеаловъ.

Начиная съ царствованія императора Александра III, идутъ заботы объ улучшеніи его быта. Никто объ этомъ бытѣ такъ хорошо не писалъ, какъ извѣстный священникъ Беллюстинъ, еще въ 60-хъ годахъ; онъ пламенно указывалъ на безотлагательную необходимость обезпеченія сельскаго духовенства хоть небольшимъ жалованьемъ. Нынѣ все это благополучно двигается впередъ и Богъ дастъ дойдетъ до благополучнаго конца. Доброе и краткое наше духовенство, тѣс-

нимое до крайности нуждою и въ понятномъ страхѣ за обезпеченность семей своихъ въ случаѣ смерти главы, съ крайнимъ прискорбіемъ, конечно, вынуждалось къ нервному пересчитыванью тѣхъ пятаковъ и гривенниковъ, какіе получало за исполненіе религіозныхъ обязанностей. Тутъ нельзя его не пожалѣть. Существовать нужно, а за потребу брать больно: и вся жизнь священника, діакона и причетника проходитъ между этими Сциллою и Харибдою и можно сказать была отравлена и испорчена этой связью противоположныхъ вещей. Вполиѣ нужно удивляться въковой выносливости нашего духовенства и огромному его самообладанію, что при такомъ положеніи оно сохранило и любовь къ народу, и теплую вѣру и вообще прошло черезъ испытаніе, не деморализировавшись. Никогда не слышно было публичныхъ жалобъ священника къ прихожанамъ своего прихода на скудость приношеній. Этого не было во всей Россіи и никогда. Крестъ бѣдности священникъ несть безмолвно. Между тѣмъ не неизвѣстны хотя рѣдчайшіе случаи, что и ксендзь, и пасторъ съ церковной кафедры говорили приходу, о скудости приносимой ленты.

Слова, написанныя Государемъ на благодарственномъ адресѣ „о служеніи въ истинно-христіанскомъ духѣ“, къ усиленію коего призывается епархіальное духовенство, содержатъ указаніе на нравственный, моральный смыслъ христіанства и такую же миссію въ народѣ нашего священства. Нельзя не замѣтить, что долгіе вѣка усердною работою духовенство вышколило народъ въ обрядовой сторонѣ отношенія къ Богу. Но сердечная, совѣтливая и тревожная сторона не получила такой же обработки. Русскій народъ былъ бы первымъ въ мірѣ по нравственности, страшись онъ также обмана, какъ вкушенія скоромной пищи въ постъ. Прекрасно, что онъ соблюдаетъ посты, но бѣдственно, что въ той же мѣрѣ и заботливости и непремѣнности онъ не воздерживается отъ насилия, грубости и лукавства. Быть народа въ нравственномъ отношеніи, въ смыслѣ „правовъ и обычаевъ“, оставляетъ чрезвычайно многого желать. И намъ кажется, что указаніе на „служеніе въ истинно христіанскомъ духѣ“ двигаетъ или можетъ двинуть духовенство въ этомъ направленіи. Христіанство у насъ было выражено какъ уставность жизни; между тѣмъ оно еще болѣе есть жизнь духа и въ духѣ.

Едва ли мы не угадаемъ истину, если скажемъ, что въ самомъ нашемъ духовенствѣ есть уже встрѣчное сюда движеніе,—особенно въ молодомъ священствѣ. Многіе пламенно идутъ на просвѣщеніе народа, читаютъ съ нимъ, учатъ его,

разсказываютъ, раздають книги: и все съ зовомъ на подвигъ состраданія къ ближнему и очищенія сердца отъ всякой скверны и лукавства. Слова Государя на адресъ живѣйшимъ ободреніемъ пронесутся въ сердцахъ этихъ частицъ нашего духовенства и еще болѣе окрылятъ его на подвигъ для народа. Нѣтъ сомнѣнія, что ближайшее будущее нашей церкви выразится въ этомъ движеніи на моральную ниву, и въ распространеніи сознанія среди духовенства, что послѣ того, какъ девять вѣковъ народъ „служилъ церкви“—какъ говорится въ молитвѣ передъ ученіемъ,—насталъ десятый вѣкъ, когда и церковь послужить народу не однимъ просвѣщеніемъ церковнымъ учительнымъ истинамъ, но и возженіемъ въ немъ общечеловѣческаго свѣта, общечеловѣческой совѣсти, общечеловѣческой отвѣтственности. Здѣсь духовенство можетъ не только научать, но и укорять. Деревенское пьянство, нелѣпыя и вредныя приговоры сельскаго схода подъ давленіемъ кулака, самое это кулачество въ его беззастѣнчивыхъ проявленіяхъ менѣе бы развились, если бы встрѣчали въ твердомъ священникѣ нѣкоторый моральный себѣ укоръ, моральное противодѣйствіе. Но страшная необезпеченность духовенства и зависимость отъ всякаго пятака и гривенника сламливала твердость. Въ одномъ былъ твердъ священникъ—въ терпѣніи за себя и у себя; но въ отношеніяхъ къ приходу и къ прихожанамъ онъ не имѣлъ ни силы, ни возможности быть твердымъ.

„Истинно христіанскій духъ“ можетъ быть подскажетъ духовенству о необходимости ослабленія еще одной неосторожности въ его отношеніяхъ къ міру, къ людямъ. Мы говоримъ о сектанствѣ русскомъ. Воздѣйствіе на него духовенства будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ станетъ мягче, сердечнѣе если будетъ ограничиваться всецѣло однимъ словомъ, бесѣдою, ни прямо, ни косвенно не ища другихъ пособій. Но русское духовенство такъ всегда было даровито, что конечно оно сумѣетъ сгладить въ себѣ эти временныя шероховатости.

(Новое Время № 9449).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 августа 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. *Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.*

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 36.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, сентября 8-го.

Содержаніе: Мысли и впечатлѣнія. По поводу приближающагося прославленія старца Серафима Саровскаго.—Покаянная церковная дисциплина.—Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе).—Изъ поученія ставленнику.

— МЫСЛИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

По поводу приближающагося прославленія старца Серафима Саровскаго.

Итакъ, это долго жданное событіе близко...

Въ скоромъ времени, въ великой, незаходимой славъ промчится по Россіи, по всему православному міру, по всему—можетъ быть—христіанству имя отца Серафима.

И трудно передаваемыя впечатлѣнія восторга, умиленія, счастья, радостнаго ожиданія переживаютъ тѣ, кто привыкли уже давно любить и чтить его, считать его дивнымъ чудотворцемъ.

Да, отецъ Серафимъ, о которомъ еще такъ мало знаетъ наше образованное общество, былъ однимъ изъ самыхъ замѣ-

чательныхъ людей не только XVIII и XIX вѣковъ, которые онъ озарилъ сіяніемъ своей праведной души, но и всѣхъ вѣковъ христіанства.

Возьмите время расцвѣта подвиговъ наиболѣе высокихъ въ аскетизмъ великихъ египетскихъ отцовъ, прибавьте къ этому ту глубокую задушевность, какою отмѣчены въ большинствѣ случаевъ личности нашихъ преподобныхъ; представьте себѣ человѣка, уже на землѣ живущаго какъ бы внѣ плоти, небесною жизнію; человѣка, для котораго уже какъ бы упразднились условія связывающія другихъ людей,—которому возвращены всѣ тѣ дары, что при концѣ мірозданія обильно были удѣлены Богомъ первому, богоподобному, человѣку; представьте себѣ человѣка, словомъ однимъ исцѣляющаго застарѣлыя, тяжкіе недуги, человѣка, предъ взоромъ котораго одинаково обнажено невѣдомое будущее и сокровенное прошлое, котораго видятъ то ходящимъ надъ землею, то поднимающимся на воздухъ во время молитвы, какъ нѣкогда Марія Египетская въ пустынѣ. Представьте душу, сжигаемую огнемъ любви Божественной и въ то же время расширяемую самымъ безграничнымъ, грѣющимъ, трогательнымъ сочувствіемъ къ людямъ; душу, возвышавшуюся еще на землѣ до созерцанія самыхъ великихъ тайнъ Божества, какія лучшимъ и праведнѣйшимъ людямъ откроются лишь за завѣтною гранью, въ иной жизни; представьте человѣка, для котораго міръ надземный былъ роднымъ, званымъ; къ которому, окруженная несказанною славой, Владычица міра сходила для бесѣды, какъ съ близкимъ человекомъ; однимъ словомъ, представьте себѣ спустившееся на землю торжествующее небо, воплотившуюся самую смѣлую, дерзновенную мечту о томъ, какъ далеко въ земныхъ условіяхъ можетъ пойти побѣда духа; представьте себѣ слетѣвшаго къ людямъ, на утѣшеніе имъ, „пламеннаго“ серафима, представьте себѣ высшее, совершеннѣйшее, прекраснѣйшее выраженіе того сложнаго понятія, какое опредѣляется словомъ „святой“,—и вы получите приблизительный намекъ на то, чѣмъ былъ здѣсь, на землѣ, отецъ Серафимъ.

О, какъ отрадно и легко его любить! И какъ самъ онъ дѣлательно и легко любилъ!

Одно изъ величайшихъ утѣшеній для живущихъ въ Церкви заключается въ томъ, что они находятся въ живомъ общеніи со свѣтлымъ сонмомъ святыхъ. Имъ молятся, имъ открываютъ душу. И святые внемлютъ ихъ молитвамъ, откликаются на нихъ. Сознательно и тепло вѣрующій христіанинъ пойметъ, что къ каждому изъ святыхъ, для него близкихъ, у него особое, личное отношеніе. У всякаго святого свои дары, свои способы проявлять свое попеченіе о тѣхъ, кто зоветъ ихъ. Какъ эти выдающіеся люди при земной жизни своей имѣли каждый ярко-очерченную, цѣльную и отличную отъ другихъ личность, такъ и въ новомъ видѣ своего бытія всѣ особенности ихъ личностей столь же ярки. И именно сила этихъ личностей, воздѣйствіе ихъ на вѣрующихъ, размѣръ, такъ-сказать, проявляемой ими заботы о вѣрующихъ и вызываетъ ту или другую форму почитанія ихъ, то или другое напряженіе усердія къ нимъ.

Вѣдь самое прославленіе святыхъ начинается съ того, что они видимымъ, осязательнымъ образомъ, проявляютъ „жизнь свою по смерти“, являясь къ людямъ съ помощью, утѣшеніемъ и исцѣленіемъ, при чемъ одни изъ этихъ людей чтили и призывали ихъ, другіе же ничего и не слышали о нихъ.

И вотъ, въ этихъ явленіяхъ ихъ, въ тѣхъ словахъ любви и милосердія, которыя они произносятъ,—познается характеръ святыхъ, при чемъ впечатлѣніе отъ этихъ дѣлствій ихъ, перешедшихъ въ міръ безплотный, усиливается и какъ бы сливается со впечатлѣніемъ произведеннымъ ихъ жизнію.

И.

Земными подвигами своими отецъ Серафимъ оставилъ по себѣ неуывадаемую память безграничной духовной крѣпости. Трудно назвать хоть кого-нибудь, кто бы могъ сравниться съ отцомъ Серафимомъ въ его трудахъ: трудно назвать кого-нибудь не только изъ современниковъ его, но и вообще изъ извѣст-

ныхъ намъ пустынножителей. Онъ одинъ понесъ на себѣ труды пустынножительства, заступничества, старчества. Его кротость умиляла до слезъ приходившихъ къ нему. Смиренію его не было границъ. Всякаго посѣтителя, богатаго барина и нищаго, праведника и грѣшника, изболѣвшаго грѣхами, онъ цѣловалъ, кланялся до земли и, благословляя, цѣловалъ ему руки. Рѣчи его дышали проникающею, тихою, живительною властію. Онѣ согрѣвали заходоудѣвшія въ жизни сердца, снимали завѣсу съ глазъ, озаряли умъ, приводили къ раскаянію и, чудною силой охватывая разумъ и волю, осѣняли душу человѣка тишиной. Цѣлымъ откровеніемъ, живымъ и мощнымъ доказательствомъ бытія духовнаго міра, былъ ясный, покоряющій видъ его, какъ яркій лучъ солнца, засіявшій въ темнотѣ жизни.

Толпы народа неотступно притекали къ старцу въ послѣдніе годы его жизни, когда въ нѣкоторые дни число посѣтителей его доходило до 2.000 въ сутки. Заживо народъ призналъ его святымъ и чудотворцемъ. А этотъ истинный послѣдователь Христовъ до послѣднихъ дней до того угнеталъ себя вольными страданіями, что безъ ужаса нельзя было смотрѣть на его жизнь, безъ ужаса нельзя и теперь вспомнить о мукѣ его.

Онъ былъ геніальный человѣкъ, съ яснымъ, мѣткимъ, широкимъ, основательнымъ умомъ, счастливою памятью, творческимъ, живымъ воображеніемъ. Это былъ великій духъ, въ тонкомъ, необыкновенно прекрасномъ тѣлѣ.

Современники радовались на него и утѣшались имъ.

Извѣстный жизнью своею, игуменъ Глинской пустыни Филаретъ, въ день кончины отца Серафима, выходя съ братією отъ утрени, указалъ братіи на необыкновенный свѣтъ, видимый въ небѣ, и произнесъ: „Вотъ, такъ отходятъ души праведныхъ. Нынѣ въ Саровѣ душа отца Серафима возносится на небо“.

Вскорѣ послѣ кончины отца Серафима, извѣстный высокою жизнію своею, одинъ изъ наиболѣе выдающихся подвижниковъ XIX вѣка, архіепископъ Воронежскій Антоній говорилъ: „Мы какъ копѣчныя свѣчи. А онъ какъ пудовая свѣча

всегда горить предъ Господомъ какъ прошедшею своею жизнию на землѣ, такъ и настоящимъ дерзновеніемъ предъ Святою Троицею“.

Кончилось для него земное странствованіе. Настала небесная слава. И что же, въ какомъ образѣ, предстаетъ онъ теперь людямъ?.. Та же кротость, та же любовь. Тѣмъ же ласковымъ словомъ зоветъ онъ людей, какъ звалъ ихъ на землѣ: „радость моя!“

„Я пришелъ навѣстить своихъ нищихъ. Давно здѣсь не былъ“, говорилъ онъ въ 1858 году, явившись для исцѣленія Дивѣвской инокини Евдокии.

„Радость моя, говоритъ онъ, явившись Саровскому монаху, впаавшему въ уныніе: я всегда съ тобою. Мужайся, не унывай!“

Вотъ, онъ является во снѣ Шатской (городъ Шацкъ) купчихѣ Петаковской, знавшей его при жизни, и говоритъ: „Въ ночь воры подломили лавку твоего сына.. Но я взялъ метелку и сталъ мести около лавки, и они ушли“.

„Сынъ твой выздоровѣетъ и испытаніе въ наукахъ выдержитъ!“ говоритъ онъ, явившись во снѣ въ 1864 году въ Петербургѣ г-жѣ Сабанѣевой, у которой сынъ заболѣлъ предъ экзаменомъ въ Горный Институтъ.

„Что ты все плачешь“, говоритъ онъ монахинѣ Понетаевского монастыря Анастасіи, придя къ ней въ бѣломъ балахончикѣ и камилавкѣ и сѣвши на постели больной: „что все плачешь, радость моя... Всѣ тѣ спасутся, которые призываютъ имя мое!“

„Простая и добросердечная!“ говоритъ онъ одной знатной, тяжело больной барынѣ, войдя къ ней неожиданно ночью, съ открытою головою, въ бѣломъ балахончикѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди.

„Миръ дому сему и благословеніе!“ говоритъ онъ въ 1865 году предъ Рождествомъ, входя, въ видѣ безызвѣстнаго, сѣдого, согбеннаго странника въ домъ г-жи Бар., гдѣ, по обычаю, раздавали пособія нуждающимся.

— Ты за подаваніемъ? спрашиваетъ его раздатчица.

— Нѣтъ, не за тѣмъ. Мнѣ ничего не надо. А только видѣть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

— Хозяйки нѣтъ дома. Что передать, скажи намъ.

— Нѣтъ, мнѣ надо самому.

Одна изъ прислуги шепнула другой:

— Что ему тутъ? Пусть идетъ—можетъ, бродяга какой.

А старичекъ сказалъ:

— Когда будетъ хозяйка, я зайду, я скоро зайду,—и вышелъ.

Стало тогда раздатчицѣ жаль старика, и она бросилась за нимъ на крыльцо. Но онъ исчезъ. Отъ хозяйки это все скрыли. Подозрительной же слугѣ кто-то сказалъ во снѣ: „Ты напрасно говорила: у васъ былъ не бродяга, а великій старецъ Божій“.

На слѣдующее утро г-жа Бар. получила съ почты изображение чтимаго ею отца Серафима. Въ этомъ изображеніи тѣ, кто говорилъ наканунѣ со старичкомъ, узнали этого старичка.

Во всѣ отношенія свои къ людямъ что-то безконечно-нѣжное, заботливое материнское вкладываетъ отецъ Серафимъ, и эти сокровища сочувствія, эту безграничную отзывчивость уловить, отгадать въ немъ всякое вѣрующее сердце, и привяжется къ нему, насколько можно только привязаться.

Теперь отецъ Серафимъ станетъ широко извѣстнымъ, и все то, что тайлось въ немъ, сравнительно, для немногихъ: для тысячъ, десятковъ тысячъ,—распространится и обнаружится на милліоны Русскихъ людей. И едва ли ошибочно будетъ сказать, что въ привязанностяхъ, въ усердіи народа отецъ Серафимъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Конечно онъ не имѣетъ для Россіи того великаго политическаго значенія, которымъ отмѣчена прижизненная и загробная дѣятельность величайшаго изъ нашихъ святыхъ, игумена нашей земли, преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Но, какъ скорый помощникъ и покровитель, какъ на-

дежда отчаивающихся, какъ неизсякаемый источникъ благодѣяній, онъ, быть можетъ, станетъ въ послѣдствіи извѣстенъ повсюду—на Руси и въ чужихъ краяхъ—не менѣе, чѣмъ чтимый согласно и трогательно не только всѣми христіанами всѣхъ исповѣданій, даже отметающими, какъ лютеране, святыхъ, но и магометанами, язычниками—Николай чудотворецъ.

III.

Много величавыхъ подвижниковъ выставилъ изъ среды своей русскій народъ; и все то, что они на своемъ вѣку сдѣлали, представляетъ собой изумительно-разнообразную сокровищницу нравственнаго богатства русскаго племени. И среди этихъ дивныхъ людей все же довольно одинокимъ, довольно исключительнымъ по мѣрѣ трудовъ своихъ, по вдохновенію своему, по достигнутой имъ—и очень еще мало кѣмъ—степени духовныхъ вершинъ, стоитъ старецъ Серафимъ. И человѣку, много думавшему надъ жизнями святыхъ, искавшему и въ дальнихъ, и въ недавнихъ вѣкахъ слѣдовъ сильныхъ духовныхъ настроеній въ русскомъ бытѣ, остается лишь трепетно изумляться отцу Серафиму. Умъ нѣмѣетъ, сердце смущенно и радостно замираетъ, когда вдумываешься въ его жизнь и, вдумываясь, видишь, куда благодать можетъ вознести человѣческое естество.

Уже высказавъ мысль о томъ, что старцу Серафиму не принадлежало и едва ли будетъ принадлежать то политическое значеніе, какое имѣли, на примѣръ, въ древности Преп. Сергій и Святители Петръ, Алексій, Филиппъ, Гермогенъ, въ новѣйшее время митрополитъ Московскій Филаретъ, остается добавить, что, какъ святой, дѣйствующій не разомъ на весь народъ, повертывая жизнь историческую въ то или иное русло, а на отдѣльныя личности,—онъ будетъ имѣть громадное значеніе.

Все, что человѣкъ ищетъ въ человѣкѣ (а вѣдь и къ святымъ мы обращаемся лишь, какъ къ самымъ лучшимъ, добрымъ, чуткимъ и сильнымъ людямъ), все, чего недостаетъ

намъ въ живыхъ людяхъ,—все то совершенство любви и заботы и ласки найдеть въ немъ всякій, кто увѣруеть въ отца Серафима, или кого онъ заставитъ увѣровать въ себя. Онъ на все откликнется, онъ все пойметъ и предусмотритъ...

Да, благодатная волна, что надвинется скоро на Русскую землю, собирается, скапливается теперь въ Саровѣ. Какія неисчислимыя тайны благодѣяній, помощей, исцѣленій польются отъ гроба съ нетлѣннымъ тѣломъ старца,—отъ гроба, придавленнаго теперь тяжелымъ, неуклюжимъ памятникомъ, и вскорѣ открояющагося всенародно.

Отъ силы и свѣжести этой волны всколыхнется-подымется Русская земля...

И какъ прекрасна ты, Русь, когда, полная однимъ чувствомъ, согласно поднимаешься ты, когда все наносное, временное спадаетъ съ тебя, и стоишь ты, единственная, незравненная, въ своей истинной сущности. И эти эпохи подъема твоего духа—какъ бы сторожевые столпы на многотрудномъ пути твоей исторіи...

Вотъ и теперь, когда умножились въ тебѣ беззаконія, охватила тебя душевная смута, еще разъ прозвучитъ тебѣ въ тѣхъ дивныхъ явленіяхъ, которыя теперь готовятся, любящій призывъ Божій.

Заслышавъ его, поймешь ли ты, что только въ старыхъ путяхъ—въ смиреніи и вѣрѣ—лежитъ твое спасеніе и твоя судьба?..

Да, на предстоящее прославленіе отца Серафима, которое, какъ то внушаетъ вѣра въ величіе старца, будетъ сопровождаться изумительными знаменіями, нельзя смотрѣть иначе, какъ на новый призывъ Божій.

Сколько религиозныхъ сомнѣній въ нашемъ обществѣ, какъ нуждается оно въ чрезвычайныхъ способахъ для того, чтобы повѣрить хоть „видѣвши“...

Вѣдь много людей жаждутъ вѣры—и не могутъ развить ее въ себѣ. Сколько разъ въ бесѣдахъ съ такими людьми, надѣясь на всепобуждающую, надъ всѣмъ торжествующую

благодать Божию, приходилось заранѣе убѣждать ихъ ѣхать на открытіе мощей отца Серафима, которое ожидалось вѣрующими давно и съ нѣтерпѣніемъ. Конечно, тамъ не будетъ ни отрицанья, ни сомнѣній.

А потомъ въ наши дни современнымъ изстрадавшимся людямъ такъ нужны такіе чудотворцы.

Жизнь становится все суровѣй и холоднѣй; каждый все больше думаетъ о себѣ, все болѣе ограничивая сферу своихъ сочувствій.

Все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе стонъ, несущійся къ небу изъ стѣсненныхъ жизнию грудей, и неутоленная жажда сочувствія, отклика, помощи все сильнѣе мучитъ человѣчество.

И вотъ забьетъ новый, могучій источникъ состраданія и утѣшенія.

Слезы наворачиваются на глаза, когда подумаешь о томъ, что переживаютъ теперь вѣрныя дѣти отца Серафима.

Эти, напимѣръ, трогательныя сестры Дивѣвскія, у которыхъ одинъ придѣлъ въ ихъ великолѣпномъ соборѣ стоитъ неосвященнымъ, ожидая, когда его можно будетъ освятить во имя отца Серафима.

Что чувствуютъ тѣ, кто читаетъ отца Серафима съ любовью, какъ бы утѣснявшею сердце, вырывавшеюся въ пламенныхъ прославленіяхъ, въ ласкательныхъ восклицаніяхъ къ великому старцу. А такую любовью любили его многіе. Какое же будетъ имъ счастье, когда придетъ свѣтлый день прославленія отца Серафима!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дѣлясь впечатлѣніями поездки въ Саровъ и Дивѣвъ, пишущій эти строки говорилъ приблизительно такъ:

„Счастливъ тотъ, кто теперь, прежде, чѣмъ имя отца Серафима промчалось по Руси съ трубнымъ гласомъ, посѣтитъ Саровъ и Дивѣвъ, пока тиха еще пустыня, пока не оглушаютъ ее свистки поѣздовъ, переполненныхъ спѣшными на поклонъ богомольцами. Счастливъ, кто теперь увѣруетъ въ отца Серафима, не видѣвъ еще всей славы его—вѣра, ко-

торую Христось ублажилъ—и съ усердіемъ послужить ему“.

Теперь эта возможность миновала. Саровъ становится общенародною святыней. Къ нему, отстоявшему на 100 слишкомъ версть отъ желѣзнодорожной сѣти, придвинулись желѣзнодорожные пути—станція *Шатки* теперь близко отъ тѣхъ мѣсть. И по всей Руси скоро огласится имя старца.

И, вмѣстѣ съ ликованіемъ, какая-то странная, сложная грусть закрадывается въ тѣхъ, кто давно уже раньше съ восторгомъ любилъ и поклонялся отцу Серафиму.

Грусть эта похожа на странное чувство, когда что-нибудь очень близкое, кровное, дорогое становится всеобщимъ достояніемъ...

Но что говорить объ этихъ трудно уловимыхъ отгѣнкахъ чувства, когда въ общемъ, такъ безмѣрно свѣтло и радостно, когда душѣ открылась область безоблачнаго, самаго напряженнаго счастья¹⁾.

Е. Поселянинъ.

¹⁾ Москов. Вѣдомости 1902 г. №№ 217 и 218.

Покаянная церковная дисциплина.

Цѣлесообразная жизнь Церкви, какъ видимо-существующаго и внѣшне-организованнаго общества вѣрующихъ во Христа, опредѣляется, поддерживается и охраняется, какъ жизнь и всякаго другого стройно-организованнаго общества людей, опредѣленными законами или канонами. Совокупность этихъ каноновъ, направляющихъ церковное общество къ цѣлямъ, указаннымъ ему Основателемъ Церкви, носитъ названіе *церковной дисциплины* въ широкомъ смыслѣ. По самому своему существу церковная дисциплина, съ одной стороны, регламентируетъ внѣшній строй жизни Церкви, а съ другой стороны, охраняетъ этотъ строй Церкви отъ всякихъ нарушеній со стороны членовъ ея. Жизнь Церкви, имѣя нѣкоторое сходство

¹⁾ Москов. Вѣдомости 1902 г. №№ 217 и 218.

съ жизнью другихъ человѣческихъ обществъ, значительно и отличается отъ жизни тѣхъ обществъ. Всѣ другія человѣческія общества заботятся только о внѣшней организаціи своего строя, а потому и дисциплина такихъ обществъ направляется лишь противъ внѣшнихъ нарушеній ихъ строя, или противъ проступковъ и преступленій, въ которыхъ выражается открытое нарушеніе законовъ этихъ обществъ. Церковь же, тоже заботясь о сохраненіи внѣшняго своего строя, какъ выраженія внутренней своей жизни, главную свою заботу направляетъ къ попеченію о религіозно-нравственномъ состояніи своихъ членовъ, о душахъ ихъ, а потому и дисциплина ея направляется не только противъ нарушеній внѣшняго ея строя, но и противъ уклоненія ея членовъ отъ пути истинной религіозно-нравственной жизни. Поскольку церковная дисциплина направляется противъ нарушенія уставовъ и законовъ, охраняющихъ внѣшній строй церковнаго общества, постольку она проявляется какъ церковный судъ вообще, а поскольку церковная дисциплина имѣетъ въ виду внутреннюю душевную жизнь членовъ Церкви, постольку она является какъ *покаянная церковная дисциплина* ¹⁾.

Сущность и характеръ покаянной церковной дисциплины вытекаютъ изъ понятія о цѣли существованія Церкви на землѣ и изъ отношенія этой дисциплины къ таинству покаянія.

¹⁾ Едва ли можно согласиться съ взглядомъ тѣхъ канонистовъ (М. Горчаковъ, Н. Суворовъ и др.), которые покаянную церковную дисциплину (по ихъ терминологіи, „внутренній или таинственный“ судъ Церкви) совершенно исключаютъ изъ области церковной юрисдикціи и считаютъ ее нѣкоторой принадлежностью таинства покаянія. Такое рѣзкое и полное разграниченіе церковнаго суда и покаянной дисциплины не имѣетъ основанія въ канонахъ вселенскихъ соборовъ и въ ученіи отцевъ Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ значительную путаницу въ разсужденія такихъ канонистовъ о церковной дисциплинѣ. (См. Н. Суворова: „О церковныхъ наказаніяхъ“. Сиб. 1876, стр. 2 и д.). „Общему суду церковному, справедливо говоритъ другой канонистъ, подлежатъ преступленія членовъ Церкви противъ вѣры, нравственности и уставовъ церковныхъ“ (Проф. И. С. Бердниковъ: „Краткій курсъ церковнаго права православной греко-россійской Церкви“. Казань, 1888: стр. 180).

Цѣль существованія Церкви—водительство членовъ ея къ нравственному совершенствованію и спасенію. Но нравственное совершенствованіе и достиженіе спасенія можетъ совершаться лишь при полномъ свободномъ участіи человѣка: насильно привести человѣка ко спасенію нельзя. Поэтому покаянная церковная дисциплина совершенно чужда принудительнаго характера. Цѣль ея—не принуждать людей идти путемъ нравственнаго усовершенствованія, а помогать имъ возвратиться на временно оставленный ими путь спасенія и остаться на немъ. Въ человѣкѣ происходитъ постоянная борьба между добромъ и зломъ, происходитъ борьба духа съ искушеніями плоти и окружающаго міра. Духъ человѣка не устоялъ въ борьбѣ и поддался искушенію. Онъ сознаетъ свое паденіе, онъ раскаивается въ немъ, дѣлаетъ попытку возвратиться на путь добра; но эта попытка разъ побѣжденнаго въ борьбѣ съ искушеніемъ духа слаба,—ему необходима внѣшняя поддержка, необходимы внѣшнія средства подкрѣпленія въ борьбѣ съ прежнимъ и новыми искушеніями; — и такую поддержку, такіа средства указываетъ покаянная дисциплина: она указываетъ ему благочестивыя упражненія, которыя укрѣпили бы его духъ для борьбы съ искушеніемъ, назначаетъ грѣшнику лишенія, которыя ослабили бы силу искушенія. Человѣкъ кается въ своихъ грѣхахъ; но и искреннее раскаяніе можетъ быть неглубокимъ, временнымъ; нужно укрѣпить это раскаяніе, нужно глубже внѣдрить въ совѣсть грѣшника сознаніе грѣховности его прежней жизни,—и это дѣлаетъ покаянная дисциплина: она на время лишаетъ кающагося грѣшника благъ члена Церкви и особенно величайшаго блага—принятія св. Таинъ. Лишеніе грѣшника благъ Церкви сильнѣе возбуждаетъ раскаяніе грѣшника, углубляетъ это раскаяніе въ его душѣ; возвращеніе на прежній путь грѣха для него становится труднѣй. Покаянная церковная дисциплина блюдетъ за совѣстью грѣшника, не допуская ея до сна, до покоя во грѣхѣ, до рабства грѣху, или помогая грѣшнику выйти изъ этого рабства, когда онъ уже попалъ

въ него. Свобода разумно-правственнаго существа, каковъ чело-
вѣкъ, не въ томъ состоитъ, чтобы рабски подчиниться силь-
нѣйшей изъ дѣйствующихъ въ мѣрѣ силъ,—что легко можетъ
случиться, если уже зараженный грѣхомъ чело-вѣкъ будетъ
предоставленъ своей участи,—а въ томъ, чтобы, несмотря ни
на какія вѣшнія противодѣйствія и внутреннія искушенія,
остаться нравственнымъ существомъ, вѣрнымъ своей свободѣ,
направленной къ добру; покаянная церковная дисциплина
помогаетъ чело-вѣку или сохранить путь истинно-свободной
нравственной жизнедѣятельности или возвратиться на него.
Грѣхъ, порокъ, грѣховная жизнь разсматриваются Церковью
какъ временныя болѣзни воли, которыя необходимо лѣчить,—
и Церковь не наказываетъ грѣшника за его грѣхи, а даетъ
ему, какъ больному грѣхами или пороками и страстями, не-
обходимыя лѣкарства. „Здѣсь, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,
врачебница, а не судилище; здѣсь не истязуютъ, а даютъ
прощеніе во грѣхахъ“. „Итакъ, желающій скорѣе возвратитъ
себѣ здоровье и уврачевать душевныя раны, приступай съ
усердіемъ, отрѣшась отъ всего житейскаго, проливай горячія
слезы, показывай сильную настоятельность, принеси твердую
вѣру, полагайся на искусство врача, и тотчасъ получишь здо-
ровье“. И Василій Великій называетъ „удаленіе отъ грѣховъ
истиннымъ врачеваніемъ“¹⁾.—Чѣмъ сильнѣе и опаснѣе бо-
лѣзнь, тѣмъ сильнѣе нужно лѣкарство, тѣмъ строже должна
быть діета. Если не дѣйствуютъ легкія средства, Церковь об-
ращается къ болѣе суровымъ и строгимъ мѣрамъ исправленія
грѣшника. Только въ томъ случаѣ, когда никакія средства и
мѣры, какими располагаетъ Церковь, не дѣйствуютъ на боль-
ного грѣхами, когда онъ какъ бы превращается въ одну зло-
вонную язву, распространяющую заразу среди другихъ чле-
новъ Церкви,—только тогда Церковь, со скорбію о погибшемъ

¹⁾ Прав. Василія Великаго 3-е: „Вообще же истиннѣйшее врачеваніе есть удаленіе отъ грѣха“. Книга правилъ свв. отецъ на греч. и слав. языкахъ (изд. Общества любит. дух. просвѣщ.).

своёмъ членѣ и по заботамъ о здоровыхъ членахъ, совсѣмъ отсѣкаетъ отъ себя неизлѣчимо больной членъ свой. „У Бога и у пріившаго пастырское водительство, говорятъ богомудрые отцы шестого вселенскаго собора, все попеченіе о томъ, дабы овцу заблудшую возвратити, и уязвленную зміемъ уврачевати. Не должно ниже гнати по стремнинамъ отчаянія, ниже опускати бразды къ расслабленію жизни и къ небреженію: но должно *непремѣнно, которымъ либо образомъ, или посредствомъ суровыхъ и вяжущихъ, или посредствомъ болѣе мягкихъ и легкихъ врачевныхъ средствъ, противодѣйствовать недугу, и къ заживленію раны подвизатися*“¹⁾.

Мѣры и средства, какими Церковь пользуется для врачеванія кающаго грѣшника, для возвращенія его на путь спасенія, называются вообще *епитиміями*. Сущность всѣхъ епитимій состоитъ во временномъ лишеніи тѣхъ благъ и правъ, какими пользуются члены Церкви, и въ различныхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, направленныхъ противъ грѣха, страсти или порока кающагося грѣшника; а цѣль епитимій—возбудить въ грѣшникѣ живое и искреннее сознаніе важности своихъ грѣховъ, искреннее раскаяніе въ нихъ, укрѣпить желаніе грѣшника исправиться и дать доказательства своего исправленія. Само собою разумѣется, что епитиміи, имѣя цѣлью исправленіе грѣшника, врачеваніе его отъ грѣховъ и страстей, должны быть строго соразмѣрны съ душевнымъ состояніемъ кающагося грѣшника, съ важностью его грѣха, со степенью искренности и глубины покаянія. „Пріившіе отъ Бога власть рѣшити и вязати должны разсматривати качество грѣха и готовности согрѣшившаго ко обращенію, и тако употреблять приличное недугу врачеваніе, дабы, не соблюдая мѣры въ томъ и другомъ, не утратити спасенія недугующаго. Ибо неодинаковъ есть недугъ грѣха, но различенъ и многообразенъ, и производитъ многія отрасли вреда, изъ которыхъ

¹⁾ 102 пр. шестого вс. собора. Правила св. вселенскихъ соборовъ. Изд. Общества любителей дух. просвѣщенія. Москва. 1877.

зло обильно развивается и далѣе распространяется, доколѣ не будетъ остановлено силою врачующаго. Почему духовное врачебное искусство являющему подобаешь во первыхъ разсматривати расположеніе согрѣшившаго и наблюдать, къ здравію ли онъ направляется, или напротивъ, собственными нравами привлекаетъ къ себѣ болѣзнь, и како между тѣмъ учреждаетъ свое поведеніе“¹⁾. Лѣченіе и физической болѣзни—опасное дѣло, требующее строгой осмотрительности и большого благоумія, но еще болѣе страшное и опасное дѣло, требующее глубокого благоумія со стороны пастыря,—врачеваніе духовныхъ недуговъ. Одинъ и тотъ же грѣхъ часто долженъ лѣчиться не однимъ и тѣмъ же способомъ; къ исправленію различныхъ грѣшниковъ должны быть употребляемы различныя мѣры. Одною грѣшника могутъ привести къ глубокому покаянію и исправленію только строгія и суровыя епитиміи, напротивъ, другою грѣшника эти же епитиміи могутъ довести до отчаянія, а могутъ его исправить только мѣры кроткія и снисходительныя. „Не просто по мѣрѣ грѣховъ, писалъ Іоаннъ Златоустъ, должно назначать епитиміи, но принимать во вниманіе произволеніе согрѣшающихъ, дабы желая сшить разорванное, не разорвать еще больше, и стараясь поставить упавшее прямо, не причинить еще большаго паденія... Поэтому нужно пастырю имѣть великое благоуміе и безчисленное множество глазъ, чтобы со всѣхъ сторонъ осмотрѣть состояніе души (кающагося). Ибо какъ многіе доходятъ до безумія и отчаянія въ своемъ спасеніи вслѣдствіе того, что *не могутъ понести суровыхъ врачествъ*, такъ, наоборотъ, есть такіе, которые, *не получая наказанія, соответственно ихъ грѣхамъ*, побуждаются къ нерадѣнію, дѣлаются гораздо худшими и пріобрѣтаютъ наклонность грѣшить еще больше“²⁾.

Въ христіанской Церкви первыхъ вѣковъ преимуществ-

¹⁾ 102 пр. шестого всел. собора.

²⁾ Изъ 4-й главы 2-го слова о священствѣ. См. А. Павловъ. Помонаконъ при Большомъ Трѣбникѣ; Москва, 1897; стр. 18—19.

венно практиковалась открытая публичная исповѣдь грѣховъ, и эта исповѣдь сопровождалась строгой покаянной дисциплиной, по которой кающіеся грѣшники несли публичныя епитиміи. Впрочемъ, публичныя епитиміи налагались не на всѣхъ грѣшниковъ, а на уличенныхъ или сознавшихся въ болѣе или менѣе тяжкихъ грѣхахъ и преступленіяхъ; при чемъ публичныя епитиміи всегда сопровождались съ лишеніемъ грѣшниковъ принятія св. Таинъ. Было четыре степени публичной епитиміи: плачь, слушаніе, припаданіе и купностояніе. „Плачь, говоритъ св. Григорій неокесарійскій, бываетъ внѣ вратъ молитвеннаго храма, гдѣ стоя, согрѣшившій долженъ просити входящихъ вѣрующихъ, дабы они помолилися за него. Слушаніе бываетъ внутри вратъ въ притворѣ (ἐν τῷ ὑάρθῳ), гдѣ грѣшникъ долженъ стояти до моленія объ оглашенныхъ, и тогда исходити. Ибо правило глаголетъ: слушавъ писанія и ученіе, да изженется, и да не сподобится молитвы. Чинъ припадающихъ есть, когда кающійся, стоявъ внутри вратъ храма, исходитъ вмѣстѣ съ оглашенными. А членъ купно стоящихъ есть, когда кающійся стоитъ купно съ вѣрными, и не исходитъ съ оглашенными. Конечное же есть причастіе святыхъ Таинъ“¹⁾. Кающіеся грѣшники, смотря по роду и тяжести грѣха, проходили или всѣ эти четыре степени епитиміи или нѣкоторыя изъ нихъ; равнымъ образомъ и продолжительность епитиміи была большая или меньшая, смотря по нравственному состоянію кающагося и по тяжести его грѣха. Публичное покаяніе существовало въ христіанской Церкви весьма долго: есть о немъ свидѣтельства, восходящія до XIV в.²⁾ Но уже съ V в.—именно со времени уничтоженія предшественникомъ Іоанна Златоуста на константинопольской патріаршей кафедрѣ Нектаріемъ должности пресвитера—духовника³⁾, наблюдавшаго за исполненіемъ кающимися публич-

¹⁾ 12 прав. Григорія Неокесарійскаго.

²⁾ Н. Суворовъ. Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи Церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Ярославль, 1884, стр. 130.

³⁾ Сократъ. Церковная исторія. Спб. 1850; кн. V, гл. 19; ср. Созоменъ. Церковная исторія. Спб. 1851; кн. VII, гл. 16.

ной епитиміи,—практика открытаго прохожденія епитиміи стала значительно сокращаться, хотя и не была окончательно прекращена.

Покаянная церковная дисциплина, по правиламъ отцовъ Церкви и соборовъ, была очень строга. Отцы Церкви строго и бдительно охраняли чистоту жизни христіанъ, внимательно наблюдали за тѣмъ, чтобы искренно раскавшіеся и исправившіеся грѣшники были допускаемы до принятія св. Таинъ. „Не долженъ приступать сюда (къ принятію св. Таинъ), наставляетъ св. Іоаннъ Златоустъ, ни одинъ безчеловѣчный, ни одинъ жестокій и немилосердый, ни одинъ нечестивый. Хотя бы кто былъ полководецъ, хотя бы начальникъ, хотя бы самъ украшенный діадемою, но если приступаетъ недостойно, запрети, не допусти: ты (священнослужитель) имѣешь здѣсь больше власти, нежели онъ. Если бы тебѣ поручено было сохранять въ чистотѣ источникъ воды для стада, и ты увидѣлъ бы овцу, имѣющую на устахъ много грязи, то, конечно, непустилъ бы ей наклониться и возмутить источникъ. А здѣсь тебѣ ввѣренъ источникъ не воды, а Крови и Духа, и если ты увидишь, что кто-нибудь приступаетъ, оскверненный грѣхомъ болѣе смраднымъ, чѣмъ грязь болотная, ужели не вознегодуешь? ужели не запретишь? и можешь ли получить какое прощенье за пренебреженіе этого?... Скорѣе предамъ душу мою, нежели дамъ недостойному Тѣло Господне; скорѣе соглашусь пролить кровь, чѣмъ понужу причаститься пресвятѣйшей той Крови тому, кому не должно“ ¹⁾. И св. Діонисій александрійскій говоритъ: „Приступати къ тому, еже есть Святая святыхъ, да запретится не совсѣмъ чистому душею и тѣломъ“ ²⁾. Соотвѣтственно этому главной епитиміей для кающихся грѣшниковъ было отлученіе отъ св. Таинъ. Болѣе или менѣе продолжительное лишеніе кающихся принятія св. Таинъ отцы

¹⁾ Бесѣда на евангелиста Маттея 82, пп. 5 и 6.

²⁾ Посланіе канонич. св. Діонисія алекс., пр. 2. Книга правилъ свв. отецъ.

Церкви и соборы опредѣляли въ зависимости отъ тяжести и соблазнительности для другихъ ихъ грѣховъ, отъ степени участія свободной воли согрѣшившаго, отъ степени искренности его раскаянія и исправленія и проч. Не имѣя намѣренія подробно излагать правила соборовъ и отцовъ Церкви объ епитиміяхъ, мы укажемъ лишь тѣ изъ этихъ правилъ, которыя наиболѣе характеризуютъ древне-христіанскую покаянную церковную дисциплину.

Ар. Троицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русское духовенство въ Галиціи¹⁾.

II.

Приготовленіе кандидатовъ священства въ Галиціи.

Кандидаты греко-католическаго галицко-русскаго духовенства получаютъ образованіе въ особо предназначенныхъ для того учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ. Такихъ заведеній во всей галицко-русской митрополіи существуетъ три: *греко-католическая генеральная духовная семинарія* во Львовѣ, резиденціи галицкаго греко-католическаго митрополита, и *епархіяльныя семинаріи* въ Перемышлѣ и Станиславовѣ. Перемышльскій и Станиславовскій лицеи, учрежденные сравнительно не такъ давно, представляютъ собою закрытыя духовно-учебныя заведенія. До нѣкоторой степени они напоминаютъ наши духовныя семинаріи, или правильнѣе училища. Они удовлетворяютъ потребностямъ собственно мѣстныхъ епархій. Кромѣ того, они не даютъ законченнаго образованія, необходимаго для греко-католическаго священника, такъ что окончившіе курсъ въ нихъ поступаютъ затѣмъ для довершенія

¹⁾ См. № 35 за 1902 г.

своего образованія въ греко-католическую семинарію, находящуюся во Львовѣ. Болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о Перемышльской и Станиславовской семинаріяхъ не можемъ сообщить, такъ какъ мы сами лично не видѣли ихъ и не имѣли возможности ближайшимъ образомъ наблюдать ихъ.

Съ греко-католическою русскою семинаріею во Львовѣ мы успѣли довольно близко познакомиться какъ путемъ личныхъ непосредственныхъ наблюденій, потому что долго жили рядомъ съ этимъ заведеніемъ, посѣщали нерѣдко его и церковь его, такъ и путемъ бесѣдъ съ лицами, стоящими во главѣ семинаріи, или же близко знающими жизнь и строй семинаріи. Къ тому же греко-католическая Львовская семинарія невольно обращала на себя вниманіе наше, такъ какъ одно время она сдѣлалась главнымъ центромъ происходившаго осенью минувшаго года волненія русскихъ студентовъ Львовскаго университета, во главѣ котораго стояли именно студенты-богословы, питомцы греко-католической семинаріи.

Греко-католическая семинарія во Львовѣ представляетъ типъ учебно-воспитательнаго заведенія, необыкновеннаго для насъ и не встрѣчающагося у насъ въ Россіи. Въ частности, семинарія эта, по своему строю и жизни, не имѣетъ ничего общаго съ нашими православными духовными семинаріями.

Особенности въ строѣ и жизни греко-католической галицкой духовной семинаріи явились результатомъ двойственнаго вліянія на нее: римско-католическаго и обще-государственнаго австрійскаго порядковъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ.

Должно сказать, что въ Австріи существуетъ одинъ типъ средне-образовательной государственной школы, общей для всѣхъ жителей Габсбургской монархіи, желающихъ дать своимъ дѣтямъ-мальчикамъ образованіе. Это—гимназія классическая, или же реальная. Гимназія, въ которую поступаютъ дѣти изъ народной школы или семьи послѣ домашняго воспитанія, и даетъ образованіе среднее и вмѣстѣ приготавливаетъ кандидатовъ для высшихъ учебныхъ заведеній: университета, или же технической школы.

Этому же порядку воспитанія дѣтей, въ силу необходимости, подчинено и галицко-русское греко-католическое духовенство, которое, за исключеніемъ Перемышльской и въ послѣднее время Станиславовской епархій, не имѣетъ специальныхъ низшихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Такимъ образомъ, дѣти галицко-русскаго греко-католическаго духовенства и вообще кандидаты священства въ Галиціи получаютъ низшее и среднее общее образованіе въ народной школѣ и гимназіи на ряду со всѣми вообще дѣтьми, подготовляемыми къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ.

Изъ окончившихъ курсъ и получившихъ аттестатъ зрѣлости гимназистовъ и набираются воспитанники русской греко-католической духовной семинаріи во Львовѣ такимъ образомъ.

Тѣ изъ окончившихъ курсъ гимназистовъ, которые, по собственному расположенію и влеченію, желали бы посвятить себя служенію церкви въ санѣ священника, заявляютъ объ этомъ начальству семинаріи, которое и принимаетъ ихъ въ семинарію. Тогда они получаютъ званіе русскихъ богослововъ, или чаще принятое въ обыденномъ словоупотребленіи русскихъ академиковъ.

Но поступивъ въ семинарію, русскіе богословы не получаютъ здѣсь образованія, *не учатся, а только живутъ и отчасти воспитываются въ семинаріи*. Русская греко-католическая духовная семинарія во Львовѣ, подобно и римско-католической семинаріи, находящейся тамъ же, не представляетъ учебнаго заведенія въ полномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе пансіонъ, въ которомъ живутъ богословы-академики.

Греко-католическая духовная семинарія во Львовѣ находится на улицѣ Коперника, напротивъ бібліотеки Оссолинскихъ, на мѣстѣ закрытаго въ 1784 г. монастыря доминикановъ. Она представляетъ очень обширное 3-хъ этажное каменное зданіе довольно красивой архитектуры, построенное въ 1890 г. Рядомъ съ зданіемъ семинаріи находится св.-духовская церковь, обращенная изъ старой церкви доминиканскаго монастыря, построенной въ 1729 году.

Эта церковь служитъ храмомъ семинарскимъ, въ который вмѣстѣ съ тѣмъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собираются для слушанія богослуженія и всѣ русскіе гимназисты греко-католическаго вѣроисповѣданія, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ семинарской церкви гимназій.

Въ семинарской церкви совершается богослуженіе ежедневно собственно для академиковъ, которые обязаны посѣщать богослуженіе и прислуживать при немъ ежедневно. По словамъ самого о. ректора семинаріи, въ послѣднее время довольно обычны отступленія отъ этого порядка, требуемаго самымъ уставомъ. И объ этомъ, разумѣется, немало сожальютъ лица, заинтересованныя въ подготовленіи кандидатовъ греко-католическаго русскаго духовенства въ Галиціи, потому что присутствіе ежедневное при совершеніи богослуженія составляетъ, по существу дѣла, одинъ изъ предметовъ учебно-практическаго образованія, которое имѣетъ въ виду семинарія главнымъ образомъ, почти исключительно.

Греко-католическая духовная семинарія во Львовѣ доставляетъ своимъ питомцамъ полное содержаніе: квартиру, или помѣщеніе, одежду и пищу, отчасти также и учебныя пособія. *Образованіе же русскіе академики получаютъ на богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета.*

Впрочемъ, и въ семинаріи преподаются, или, какъ принято тамъ выражаться, объясняются нѣкоторые практическіе предметы, которые не входятъ въ составъ курса богословскаго факультета во Львовскомъ университетѣ. Таковы именно: объясненіе церковнаго устава и изученіе литургики. Преподаваніе этихъ предметовъ особо назначенными для того профессорами семинаріи происходитъ въ часы, свободные отъ посѣщенія семинаристами лекцій богословскаго факультета въ университетѣ. Есть основаніе думать, что эти предметы, не смотря на всю свою важность, занимаютъ совершенно второстепенное мѣсто въ общемъ курсѣ образованія русскихъ академиковъ въ Галиціи и преподаются далеко несоотвѣтственно своему дѣйствительному значенію.

На богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета русскіе академики слушаютъ весь курсъ богословія наравнѣ съ римско-католическими академиками. А такъ какъ Львовскій университетъ доселѣ находится всецѣло въ вѣдѣніи поляковъ-католиковъ, то само собою разумѣется, что курсъ богословскаго факультета—исключительно католическій, спеціально приспособленный для богослововъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. При извѣстной довольно значительной разности дѣйствительной уніи отъ римско-католичества не только въ обрядовомъ, но и въ догматическомъ отношеніи (дѣйствительная унія есть соединеніе русскихъ съ римско-католическою церковью, основанное на признаніи главенства папы), такой порядокъ вещей нельзя не признать въ высшей степени страннымъ и ненормальнымъ. Русское греко-католическое духовенство въ Галиціи, очевидно, только въ силу необходимости мирится съ такимъ положеніемъ вещей, какъ съ неизбежнымъ зломъ.

Такимъ образомъ, низшее и среднее образованіе кандидаты греко-католическаго священства въ Галиціи получаютъ въ начальныхъ школахъ и гимназіяхъ, находящихся въ вѣдѣніи поляковъ-католиковъ, наравнѣ съ католическими воспитанниками, а высшее свое образованіе они получаютъ на богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета, находящемся въ полномъ распоряженіи католиковъ, вмѣстѣ съ римско-католическими семинаристами. Законоучителями кандидатовъ греко-католическаго священства въ Галиціи во время обученія ихъ въ гимназіяхъ и профессорами богословскихъ предметовъ въ университетѣ (за немногими исключеніями въ тѣхъ и другомъ) являются римско-католическіе ксендзы, которые въ Австріи болѣе фанатичны, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Какъ относится само уніатское духовенство къ такому порядку подготовленія будущихъ служителей ихъ церкви? Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, подмѣчается большая разница между молодымъ и старымъ поколѣніями

греко-католическаго галицко-русскаго духовенства. Молодые священники склонны видѣть болѣе благопріятныя, свѣтлыя стороны въ представленномъ нами выше порядкѣ образованія ихъ. Общее образованіе, получаемое въ гимназіяхъ на ряду со всѣми образованными людьми въ государствѣ, вполне подготавливаетъ, говорятъ, будущаго священника къ его пастырскому служенію. Это образованіе, завершаемое вполне научнымъ изученіемъ богословія въ университетѣ, дѣлаетъ священника греко-уніатскаго вполне образованнымъ человѣкомъ, ни въ чемъ рѣшительно неуступающимъ нормально образованному человѣку въ государствѣ. Благодаря этому, греко-уніатскій священникъ, говорятъ, можетъ вполне удовлетворить всѣмъ запросамъ своей паствы, не только простаго народа, но и образованныхъ людей. Съ другой стороны, вышеуказанный порядокъ подготовленія и образованія будущихъ священниковъ предотвращаетъ возможность обособленія духовенства отъ другихъ сословій общества, устраняетъ развитіе кастичности въ греко-уніатскомъ духовенствѣ. Этому немало способствуетъ еще и то, что въ послѣднее время кандидаты галицко-русскаго греко-католическаго духовенства выходятъ изъ среды не одного только духовнаго, но и другихъ сословій. Въ прежнее время мѣста священниковъ занимали преимущественно ихъ сыновья, которые самымъ рожденіемъ и домашнимъ воспитаніемъ приготавливались къ своему будущему служенію—пастырскому. Теперь же наблюдается стремленіе дѣтей греко-католическаго духовенства въ Галиціи къ поступленію на другія какія-либо должности, только не на священническую.

Наконецъ, въ вышеуказанномъ способѣ подготовленія кандидатовъ греко-католическаго духовенства въ Галиціи нѣкоторые видятъ еще ту выгоду, что во время совмѣстнаго обученія съ дѣтьми всѣхъ сословій, званій и состояній будущіе священники имѣютъ возможность знакомиться со всѣми сторонами общественной жизни, что, будто бы, содѣйствуетъ расширенію ихъ умственнаго кругозора и вообще благопріятно отражается на ихъ послѣдующей пастырской дѣятельности.

Но всё эти и другія выгоды, изъ коихъ значительная часть имѣеть мнимое, или сомнительное значеніе, являются ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ страшнымъ зломъ, которое провидятъ въ вышеуказанномъ способѣ подготовленія кандидатовъ русскаго греко-католическаго духовенства въ Галиціи старыя священники. Эти послѣдніе если и мирятся съ нимъ, то только какъ съ неизбѣжнымъ зломъ.

Дѣло въ томъ, что существующій способъ подготовленія кандидатовъ священства посредствомъ образованія ихъ въ католическихъ гимназіяхъ и на богословскомъ католическомъ факультетѣ Львовскаго университета неизбѣжно ведетъ къ обезличенію, обезразличенію греко-католическаго духовенства въ Галиціи. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ способѣ образованія священниковъ, какой существуетъ нынѣ въ Галиціи, чѣмъ галицко-русскій греко-католическій священникъ отличается въ духовномъ отношеніи отъ галицко-польскаго римско-католическаго ксендза? Вся сумма этого отличія сводится къ изученію двухъ-трехъ церковно-практическихъ предметовъ, которое (изученіе), разумѣется, обогащаетъ запасъ чисто практическаго вѣдѣнія и слишкомъ мало отношенія имѣеть къ общему духовно-умственному и религіозно-нравственному развитію человѣка. И нельзя не согласиться съ тѣми галицко-русскими патріотами, которые говорятъ, что еще слѣдуетъ удивляться, какъ, при такихъ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, галицко-русское греко-католическое духовенство въ лицѣ своихъ молодыхъ членовъ остается твердымъ, вѣрнымъ и преданнымъ своей родной русской, т. е. греко-уніатской вѣрѣ. Только духъ нетерпимости, съ какою относятся въ Галиціи ко всему русскому, и тотъ антагонизмъ, который существуетъ между русскими и поляками вездѣ въ Галиціи вообще и, въ частности, въ учебныхъ заведеніяхъ, препятствуютъ полному обезличенію кандидатовъ греко-католическаго духовенства, могущественно обособляютъ ихъ отъ римско-католическихъ духовныхъ воспитанниковъ.

Этотъ антагонизмъ со всею рельефностию выразился во время волненій русскихъ студентовъ во Львовѣ, въ которыхъ принимали главнѣйшее участіе греко-католическіе академики и которыя происходили въ концѣ минувшаго года. Эти волненія бросаютъ настолько яркій свѣтъ на всю систему образованія кандидатовъ греко-католическаго духовенства въ Галиціи и будутъ имѣть, по всей вѣроятности, настолько важное значеніе въ дальнѣйшей исторіи образованія галицко-русскаго греко-католическаго духовенства, что мы позволяемъ себѣ остановить на нихъ вниманіе читателей.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

(Продолженіе будетъ).

Изъ поученія ставленнику.

„Тревожное, печальное мы переживаемъ время во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ религіозномъ и нравственномъ. И невольно является вопросъ, отчего все это происходитъ, гдѣ причина сему? Причины сему разныя; но едва ли нѣ послѣдняя и та, что мы, духовные, мало внимательны, мало ревностны въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей... Болѣзни времени, цедуги нашихъ прихожанъ, особенно интеллигентовъ, мы иногда считаемъ, какъ-бы чѣмъ-то до насъ не касающимся. Можетъ ли внимательный пастырь не видѣть и не знать, какъ его приходъ, обольщаемый темными личностями, дерзко присвояющими себѣ право учить, возстаетъ и на права родителей и противъ Власти, какъ въ немъ развиваются страсти къ легкой наживѣ, къ приобрѣтеніямъ путемъ насилія и грабежа чужой собственности? Пастырь все это долженъ знать и долженъ съ этимъ зломъ своимъ оружіемъ бороться. Иначе онъ не пастырь, а печальный укоръ и своему сословію, и своимъ учителямъ и начальству, которые безъ должной осмотрительности и вниманія облекли его высокимъ

служеніемъ. Учи же свою паству заповѣдямъ Божіимъ. Объясняй имъ особенно 5-ю заповѣдь. Ибо отъ несоблюденія этой заповѣди все зло общественное, а въ соблюденіи ея всякое благо; кто не чтитъ родителей, не послушенъ имъ, тотъ можетъ-ли быть къ кому-либо почтителенъ и послушенъ? Объясняй народу и 10 заповѣдь. Все зло общественное отъ недовольства своимъ положеніемъ, отъ зависти, пожеланія того, что принадлежитъ ближнему. Бѣдный людъ, безъ воспитанія, лишенный добраго проповѣдническаго наставленія, болѣе всего склоненъ къ нарушенію 10-й и 8-й заповѣди. Чужой домъ, чужое имѣніе, чужой волю разжигаютъ хищническіе порывы въ бѣдномъ, простомъ народѣ, не имѣющемъ часто и понятія о 10-заповѣди. Объясняй своимъ прихожанамъ эту заповѣдь, какъ и всѣ заповѣди, весь законъ Божій, и Богъ да будетъ твоимъ помощникомъ въ великомъ твоёмъ служеніи“.

(Орлов. Епарх. Вѣдомости 1902 г. № 33).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ *Теоодосій.*

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 августа 1902 г.

Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчаевъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 37.

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, сентября 15-го.

Содержаніе: Покаянная церковная дисциплина (продолженіе). — Чтеніе и
пѣніе церковное. — Пѣсколько словъ о практической подготовкѣ
„ставленниковъ“ къ отправленію богослуженія. — Невеселыя думы.

Покаянная церковная дисциплина ¹⁾.

Самымъ тяжкимъ грѣхомъ отцы Церкви считаютъ хотя бы временное отреченіе отъ вѣры во Христа, а потому впавшіе въ этотъ грѣхъ должны были плакать и исповѣдываться въ теченіе всей своей жизни и лишь предъ смертью удостоиться причащенія св. Таинъ. „Отрекшійся отъ Христа и содѣлавшійся преступникомъ противъ таинства спасенія, все время жизни своей долженъ быть въ числѣ плачущихъ, и обязать исповѣдаться, а при концѣ жизни удостоится причащенія Святыхъ, по вѣрѣ въ Божіе человеколюбіе“ ²⁾. Впрочемъ, отпавшіе отъ вѣры во Христа во время гоненій и по насилію, попадали гораздо болѣе снисходительной епитиміи—восьми-

¹⁾ См. № 36 за 1902 г.

²⁾ Св. Василія Вел. пр. 73.

лѣтнему ¹⁾ или девятилѣтнему ²⁾ отлученію отъ принятія св. Таинъ. Весьма строгой епитиміи подвергались и убійцы. Убійства различались вольныя, намѣренныя и невольныя, случайныя. Самое время отлученія вольныхъ и невольныхъ убійць отцы Церкви и соборы опредѣляютъ неодинаково: по опредѣленію анкирскаго собора „виновные въ вольныхъ убійствахъ да будутъ въ разрядѣ принадлежащихъ; совершеннаго же общенія да удостоиваются при концѣ жизни“ ³⁾, по правиламъ св. Григорія Нисскаго, вольные убійцы проходятъ степени публичнаго покаянія двадцать семь лѣтъ ⁴⁾, а по правилу св. Василія Вел.—двадцать лѣтъ ⁵⁾. Даже случайно и невольно обagrившіе свои руки кровью человѣческою подвергались сравнительно строгой епитиміи: по правилу св. Василія Вел., таковыя должны проходить степени публичной епитиміи въ теченіе десяти лѣтъ ⁶⁾, по св. Григорію Нисскому—девяти лѣтъ ⁷⁾, а по опредѣленію анкирскаго собора—пяти лѣтъ ⁸⁾. При этомъ св. Григорій Нисскій прибавляетъ: „Кто, хотя невольно, будетъ оскверненъ убійствомъ, таковаго, какъ уже содѣлавшагося нечистымъ чрезъ нечистое дѣло, правило признало недостойнымъ священническія благодати“ ⁹⁾. Вообще, если міряне, виновные въ вольномъ или невольномъ убійствѣ, только послѣ продолжительнаго и глубокаго раскаянія допускаются къ принятію св. Таинъ, то священнослужители, какъ бы то ни было пролившіе кровь человѣческую, почитаются уже недостойными приносить безкровную жертву. Такъ, по правилу св. Василія Великаго „разбѣйниковъ взаимно поражающіе, аще не суть

¹⁾ Св. Василія Вел. пр. 81.

²⁾ Св. Григорія Нисскаго пр. 2 ср. пр. 4.

³⁾ Анкирскаго соб. пр. 22.

⁴⁾ Св. Григорія Нисскаго пр. 5.

⁵⁾ Св. Василія Вел. пр. 56.

⁶⁾ Его же пр. 57.

⁷⁾ Св. Григорія Нисскаго пр. 5.

⁸⁾ Анкирскаго собора пр. 23.

⁹⁾ Св. Григорія Нисскаго пр. 5.

въ церковномъ служеніи, да будутъ отлучаемы отъ причастія святыхъ Таинъ; аще же клирики, да низложатся со своего степеня“¹⁾, какъ такому же лишенію сана или, по крайней мѣрѣ, запрещенію священнодѣйствія подвергаются священнослужители, впавшіе въ смертный грѣхъ²⁾). Нельзя при этомъ не привести правила св. Василія Великаго относительно виновъ, убивающихъ на войнѣ,—въ каковомъ правилѣ св. отецъ, правда, не въ видѣ обязательнаго предписанія, а въ видѣ совѣта предлагаетъ, чтобы убивающіе на войнѣ въ теченіе трехъ лѣтъ воздерживались отъ причащенія. „Убіеніе на брани, говоритъ онъ, отцы наши не вмѣняли за убійство, извиняя, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочестія. Но можетъ быть добро было бы совѣтовати, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержались отъ приобщенія токмо святыхъ Таинъ“³⁾. Такъ св. отцы охраняли неприкосновенность св. Таинъ для людей нечистыхъ и оскверненныхъ дѣлами грѣховными и даже предосудительными! Древнехристіанская покаянная дисциплина строго относилась къ волшебникамъ и чародѣямъ, а равнымъ образомъ и къ тѣмъ христіанамъ, которые вѣрятъ волшебникамъ и прибѣгаютъ къ ихъ помощи. Св. Василій Вел. кающимся въ занятіи волшебствомъ назначаетъ такую же епитимию, какъ и вольнымъ убійцамъ, т. е. двадцатилѣтнее прохожденіе степеней публичнаго покаянія⁴⁾; а съ суевѣрнымъ страхомъ входящіе къ волхвующимъ, вѣрающіе ихъ гаданіямъ подвергаются шестилѣтнему отлученію отъ св. Таинъ⁵⁾). Что же касается тѣхъ лицъ, которыя или упорно продолжаютъ заниматься волшебствомъ или столько же упорно коснѣются въ страхѣ и суевѣрїи въ отношеніи къ дѣйствіямъ волхвованія и не перестаютъ при-

¹⁾ Св. Василія Вел. пр. 55.

²⁾ Апост. пр. 25; анкирскаго соб. пр. 1 и 2 ср. неокессарійскаго соб. пр. 1 и др.

³⁾ Св. Василія Вел. пр. 13.

⁴⁾ Св. Василія Вел. пр. 65 и 72.

⁵⁾ Его же пр. 83 и шестого всел. собора пр. 61.

бѣгать къ помощи занимающихся волхвованіемъ, то таковыя, по правилу шестого вселенскаго собора, совсѣмъ должны быть извергаемы изъ Церкви, какъ неисправимые грѣшники: „закосиѣвающихъ же въ семь, и не отвращающихся и не убѣгающихъ отъ таковыхъ пагубныхъ и языческихъ вымысловъ опредѣляемъ совсѣмъ извергати изъ Церкви, какъ и священныя правила повелѣвають“ 1).

При назначеніи епитиміи за преступленія противъ нравственности отцы Церкви принимали во вниманіе не только степень важности грѣха и соблазнительности его для другихъ членовъ Церкви, но и степень непосредственнаго вреда, причиняемаго этимъ грѣхомъ другимъ лицамъ. Оно и понятно. Рѣшиться на грѣхъ, причиняющій вредъ только совершающему его, гораздо легче, чѣмъ рѣшиться на грѣхъ, причиняющій вредъ и другимъ людямъ; слѣдовательно, въ первомъ случаѣ воля человѣка участвуетъ менѣе, чѣмъ во второмъ. Св. Григорій Нисскій опредѣляетъ за блудъ девятилѣтнее прохождение степеней публичнаго покаянія, а прелюбодѣліе, по его правилу, должно быть врачуемо тою же епитиміей, но съ усугубленіемъ ея продолжительности, потому что между этими грѣхами „общее различіе таковое: блудомъ называется исполненіе похоти, содѣланное съ кѣмъ-либо безъ обиды другому, а прелюбодѣліемъ навѣтъ и обида чуждому союзу“ 2). И по правиламъ Василія Вел. блудникъ долженъ быть отлучаемъ отъ причастія Св. Таинъ на семь лѣтъ 3), а прелюбодѣйца— на пятнадцать лѣтъ 4). Одинъ грѣхъ причиняетъ больше вреда ближнимъ, другой меньше. Григорій Нисскій такъ разсуждаетъ о воровствѣ тайномъ и грабительствѣ или разбойничествѣ: „цѣль того и другаго одина,—отъятіе чуждаго; но между оными есть великое различіе въ расположеніи духа. Ибо раз-

1) Шестого всел. собора пр. 61.

2) Св. Григорія Нисскаго пр. 4.

3) Св. Василія Вел. пр. 59.

4) Его же пр. 58.

бойникъ, для достяженія своего намѣренія, употребляетъ и челоуѣкоубійство и къ сему преуготовляется и оружіемъ, и скопищемъ подобныхъ себѣ, и способностью мѣсть: почему таковой подлежить суду челоуѣкоубійць, аще чрезъ покаяніе къ Церкви Божіей возвратится. А присвоившій себѣ чужое чрезъ тайное похищеніе и потомъ чрезъ исповѣдь грѣхъ свой объявившій священнику да врачуетъ недугъ упражненіемъ, противоположнымъ своей страсти, то есть, раздаяніемъ имѣнія нищимъ, да расточивъ то, что имѣеть, покажетъ себя очищеннымъ отъ болѣзни любостяжанія. Не имѣющему же ничего, кромѣ тѣла, повелѣваетъ Апостоль тѣлеснымъ трудомъ страсть оную врачевати¹⁾. Разбойники, совершившіе нападеніе на чужіе дома и уличенные въ своемъ преступленіи, по правилу св. Григорія Неокессарійскаго, „да не удостоятся ниже чина слушающихъ Писанія“²⁾. Даже „нашедшіе что-либо на полѣ, или въ домахъ своихъ, оставленное варварами, аще по обвиненіи будутъ обличены, да будутъ въ чинѣ припадающихъ. Аще же сами о себѣ объявятъ и отдадутъ найденное, тогда удостоятся и молитвы“³⁾.

Впрочемъ, отцы Церкви, давая руководящія правила покаянной церковной дисциплины, вовсе не имѣли цѣлью строгаго, разъ навсегда опредѣлить, какія епитиміи за какіе грѣхи и преступленія нужно налагать на кающихся; напротивъ, въ этомъ дѣлѣ они предоставляютъ большую свободу пастырскому благоразумію и разсудительности. Они не разсматривали епитиміи, какъ наказанія за грѣхи, а какъ мѣры исправленія грѣшниковъ, врачевства грѣховъ; а какъ при физическихъ болѣзняхъ далеко не всегда могутъ быть приписываемы разнымъ больнымъ, хотя бы и сходными болѣзнями, одни и тѣ же лѣкарства, но при этомъ необходимо принимать во вниманіе общее состояніе больного,—такъ, тѣмъ болѣе, при ду-

¹⁾ Св. Григорія Нисскаго пр. 6.

²⁾ Св. Григорія Неокессарійскаго пр. 9.

³⁾ Его же пр. 10.

ховныхъ болѣзняхъ воли. Въ заключеніе своихъ епитимійныхъ правилъ св. Григорій Нисскій даетъ такое наставленіе: „Во всякомъ родѣ преступленія прежде всего смотрѣти должно, каково расположеніе врачуемаго, и ко врачеванію достаточнымъ почитати не время (ибо какое исцѣленіе можетъ быть отъ времени?), но произволеніе того, который врачуетъ себя покаяніемъ“ ¹⁾. Поэтому отцы Церкви, при назначеніи епитиміи, главнымъ образомъ, отлученія отъ принятія Св. Таинъ, рекомендуютъ не придерживатся строго постановленія о продолжительности епитиміи для тѣхъ или другихъ грѣшниковъ, а всегда имѣть въ виду цѣль покаянной дисциплины—исправление грѣшника: „ибо какъ воспрещено повергати бисеръ предъ свиніями, тако безмѣстно было бы и лишати драгоценнаго бисера того, который чрезъ удаленіе отъ грѣха и очищенія уже содѣлался человѣкомъ“ ²⁾. Для достиженія же этой цѣли необходимо строго сообразоваться, при назначеніи епитиміи, съ возрастомъ, поломъ согрѣшившаго, степенью искренности, глубины и свободы раскаянія, необходимо припоминать во вниманіе предшествующую жизнь кающаго, его быстрое исправленіе или упорное косивніе во грѣхѣ,—и соотвѣтственно этому уменьшать или увеличивать продолжительность епитиміи. „Во всѣхъ сихъ (кающихся), говорятъ отцы перваго вселенскаго собора, надлежитъ пріимати въ разсужденіе расположеніе и образъ покаянія. Ибо которые со страхомъ, и слезами, и терпѣніемъ, и благотвореніями обращеніе являютъ дѣломъ, а не по наружности; тѣхъ, по исполненіи опредѣленнаго времени слушанія, прилично будетъ пріимати общеніе молитвы. *Даже позволительно епископу и человеку по нѣтъ нѣчто о нихъ устраивати.* А которые равнодушно по нѣ, если свое грѣхопаденіе и видъ вхожденія въ Церковь возмнилъ для себя довольнымъ ко обращенію: тѣ всецѣло да исполняютъ время покаянія“ ³⁾. Поэтому добровольно

¹⁾ Св. Григорія Нисскаго пр. 8.

²⁾ Его же пр. 4.

³⁾ Перваго вселенскаго собора пр. 12.

признавшіеся въ своемъ грѣхѣ заслуживаютъ снисхожденія по сравненію съ тѣми, которые, помимо ихъ воли, уличены въ грѣхахъ. „Возбудившій самъ себя къ исповѣданію грѣховъ, какъ уже начавшій врачеваніе своего недуга тѣмъ самымъ, что рѣшился по собственному побужденію быти обличителемъ своихъ тайнъ и какъ показавшій знаменіе своего измѣненія къ лучшему да будетъ подѣ епитимією болѣе снисходительною; а уловленный во злѣ, или по нѣкоему подозрѣнію или обвиненію невольнѣ обличенный подвергается продолжительнѣйшему исправленію, дабы со строгостью былъ очищенъ, такимъ образомъ пріять былъ къ общенію Святыхъ Таинъ“¹⁾. Грѣшнику, искренно покаявшемуся и обнаружившему ревность въ исполненіи епитиміи, назначенная епитимія можетъ быть сокращена, по благоусмотрѣнію пастыря Церкви. „Аще кто бы то ни былъ изъ падшихъ, исповѣдавшись, содѣлается ревностнымъ въ исправленіи: то пріавшій отъ челоуѣколюбія Божія власть разрѣшати и связывати це будетъ достоинъ осужденія, когда, видя крайне усердное исповѣданіе согрѣшившаго, содѣлается милостивѣе и сократитъ епитимію“²⁾. „Для проходящихъ же покаяніе ревностиѣ и житіемъ своимъ показующихъ возвращеніе ко благому, позволительно устроющему полезное въ церковномъ домостроительствѣ сократить время слушанія и скорѣе приводити оныхъ къ обращенію“³⁾. Равнымъ образомъ, для правильнѣйшаго сужденія о степени грѣховности кающагося и опредѣленія искренности его раскаянія „наче всего, говорятъ отцы анкирскаго собора, да испытуется житіе, предшествовавшее искушенію и послѣдовавшее за опымъ, и тако да размѣряется челоуѣколюбіе“⁴⁾ въ назначеніи епитиміи. Если послѣ такового разсмотрѣнія предшествовавшей и послѣдующей жизни грѣшника окажется, что онъ упорно коснѣеть во грѣхѣ, то такой совсѣмъ долженъ

¹⁾ Св. Григорія Нисскаго пр. 4.

²⁾ Св. Василія вел. пр. 74.

³⁾ Св. Григорія Нисскаго пр. 4.

⁴⁾ Анкирскаго собора пр. 5.

быть лишень общенія церковнаго. „Аще которые непреодолимо держатся своихъ правовъ и лучше хотять служить удовольствіямъ плоти, нежели Господу, и не приѣмлютъ житія по Евангелію, то нѣтъ у насъ съ ними ничего общаго“¹⁾. Вообще же, „да испытуются плоды покаянія, ибо мы не по одному времени судимъ, но взираемъ на образъ покаянія“²⁾.

Такимъ образомъ, отцы Церкви, давая пастырямъ наставленія быть возможно снисходительными къ искренно кающимся грѣшникамъ, это ихъ искренное раскаяніе считали достаточнымъ началомъ исправленія, особенно если оно свидѣтельствовалось и послѣдующей жизнію кающихся. „Не видишь ли, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, что благодать Врача превышаетъ любовь всякаго отца? Развѣ Онъ требуетъ отъ насъ чего-либо труднаго и тягостнаго? Требуется сокрушенія сердца, смиренія ума, признанія въ грѣхѣхъ, усерднаго прошенія о прощеніи, и за это даруетъ исцѣленіе отъ ранъ и очищаетъ отъ грѣховъ и дѣлаетъ даже праведнымъ того, кто доселѣ обремененъ былъ безчисленными тяжестями грѣховъ. О великое человѣколюбіе! О безмѣрная благодать! Грѣшника, если онъ только исповѣдуетъ грѣхи свои, помолится о прощеніи и покажетъ рѣшимость *впредь жить хорошо*, вдругъ содѣлываетъ Богъ праведнымъ“³⁾! Но такая снисходительность вовсе не должна была вести и у отцовъ Церкви не вела къ ослабленію покаянной церковной дисциплины: эта дисциплина, снисходительная къ искренно кающимся грѣшникамъ, оставалась суровой и непорушимой къ грѣшникамъ, не обнаруживавшимъ искренняго раскаянія и исправленія. Отцы Церкви постоянно указываютъ пастырямъ на ихъ великую отвѣтственность предъ Богомъ за каждую заблудшую, а тѣмъ болѣе погибшую овцу, настойчиво требуютъ, чтобы пастыри пользовались всеми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами

¹⁾ Св. Василія Вел. пр. 84.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Св. Іоанна Зл. Бес. 20 на кн. Бытія (IV, 16).

для приведенія насомыхъ ко спасенію. Охраняя святость Христовыхъ Таинъ отъ принятія ихъ грѣшниками, отцы Церкви пастойчиво требовали, чтобы пастыри допускали къ принятію Св. Таинъ только искренно раскаявшихся и не допускали нераскаявшихся грѣшниковъ, для которыхъ Св. Тайны послужили бы не ко спасенію, а къ горшему осужденію. „Васъ,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, обращаясь къ пастырямъ,— васъ ожидаетъ немалое наказаніе, если вы, признавая кого-либо нечистымъ, допустите приступить къ причащенію сей трапезы. Кровь Его взыщется отъ рукъ вашихъ... Много хуже бѣсноватаго тотъ, кто приступаетъ, зная себя оскверненнымъ. Бѣсноватые невинны, такъ какъ отъ бѣса мучатся, и за то не будутъ подвергнуты мученіямъ, а недостойно приступающіе къ Св. Тайнамъ будутъ преданы вѣчнымъ мученіямъ... Смотри же внимательно ты, іерей, когда служишь Тайнамъ, чтобы тебѣ не протнѣвить Владыку, если не будешь очищать сіе тѣло, чтобы не дать меча вмѣсто пищи. Но если кто по неразумію и упрямству пришелъ для причащенія, воспретн ему, не бойся. Убойся Бога, а не чловѣка“¹⁾.

Такое отношеніе церковной дисциплины къ грѣшникамъ,—не будучи строгимъ и суровымъ по существу, такъ какъ имѣло въ виду ихъ же благо,—поддерживало въ церковномъ обществѣ высоту нравственной и религіозной жизни, создавало стройный укладъ церковной жизни, чуждый всякой расшатанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ охраняло честь и достоинство Церкви.—Отцы Церкви, какъ мы видѣли, не настаивали на строгомъ и точномъ исполненіи ихъ правилъ о продолжительности епитимій, считая цѣль епитиміи достигнутой, если грѣшникъ раскаялся искренно и далъ доказательства своего исправленія. Отсюда явилась возможность значительно сократить продолжительность епитимій и даже замѣнять древнехристіанскія епитиміи такими благочестивыми упражненіями, въ которыхъ кающійся давалъ бы свидѣтельство своего исправленія. Это и было сдѣлано въ церковной практикѣ впоследствии

¹⁾ Св. Іоанна Зл. Бес. на евангелиста Матѳея 82.

ствін. Еще въ древности, въ 5 и 6 вѣкахъ, стали появляться сборники правилъ покаянной церковной дисциплины, такъ называемые покаянные номоканоны или пенитанціалы (*canones poenitentiales*)¹⁾, имѣвшіе цѣлью дать руководство при наложеніи епитиміи. Въ этихъ покаянныхъ номоканонахъ, хотя и указываются опредѣленные сроки для епитимій соотвѣтственно грѣхамъ, но самая продолжительность эпитимій значительно уменьшается сравнительно съ свято-отеческими правилами и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуется главное вниманіе обращать въ дѣлѣ исправленія грѣшниковъ не только на искренность ихъ раскаянія, но и на разныя благочестивыя упражненія, какъ на свидѣтельства раскаянія и какъ на путь исправленія кающихся отъ грѣховъ и страстей. Древнѣйшимъ покаяннымъ номоканономъ считаютъ номоканонъ, приписываемый Іоанну Постнику, Константинопольскому патріарху, умершему въ 596 г. Номоканонъ Іоанна Постника, впоследствии весьма распространенный на Востокѣ и нашедшій широкое примѣненіе у насъ въ Россіи (многія статьи его процитированы въ номоканонѣ при Большомъ Требникѣ)²⁾, вводитъ впервые въ систему покаянной дисциплины, взамѣнъ сокращенія эпитимійныхъ сроковъ, различныя благочестивыя упражненія, свидѣтельствующія о раскаяніи грѣшника и плодахъ этого раскаянія, какъ напр., поклоны, постъ, милостыня, бодрствованіе, воздержаніе отъ сыра, вина и проч. Въ правилѣ и первомъ Іоаннъ Постникъ указываетъ основаніе и сущность вводимой имъ перемѣны въ практику покаянной церковной дисциплины. „Если мы, пишетъ онъ, сокращаемъ время покаянія, положеннаго за грѣхи другими правилами,—сіе, думаю, не покажется неосновательнымъ для тѣхъ, кто здраво раз-

¹⁾ О нихъ см. „Очеркъ православнаго церковнаго права“ М. Остроумова: т. I; Харьковъ, 1893, стр. 377 и д.

²⁾ Павловъ. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями. Москва, 1897; стр. 39: „О *всемъ* нашемъ Номоканонѣ слѣдуетъ сказать, что онъ есть не болѣе, какъ новая, для своего времени хорошо продуманная редакція Постникова Номоканона“.

суждаетъ. Такъ какъ ни у Василия Великаго, ни у другихъ древнихъ отцовъ нашихъ не назначается для согрѣшающихъ какой-либо постъ, или бдѣніе, или число молитвенныхъ поклоновъ, а только отлученіе отъ святаго причащенія, то мы признаемъ справедливымъ для истинно кающихся и выражающихъ искреннее желаніе подвергать плоть свою суровому образу жизни и для тѣхъ, кто добровольно воспринимаетъ благую жизнь, противоположную прежней порочной, соразмѣрять со степенью воздержанія сокращеніе времени покаянія. Такъ, кто рѣшился не пить вина въ извѣстные дни, то и мы справедливымъ признали исключить одинъ годъ изъ налагаемой св. отцами епитиміи за его прегрѣшеніе. Равнымъ образомъ, если кто на время удерживается отъ мяса, мы считаемъ справедливымъ уменьшить еще годъ; также, кто воздержится отъ сыра, яицъ, рыбы, масла, за воздержаніе отъ каждаго изъ указанныхъ предметовъ можно убавлять по одному году. Также нужно смотрѣть на частыя колѣнопреклоненія и на раздачу милостыни¹⁾. Соотвѣтственно этому у Іоанна Постника правила объ епитиміи, наур., таковы: „воръ, добровольно кающійся, на 40 дней удерживается отъ причащенія, а уличенный въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ сухояденіемъ въ 9-мъ часу и со 100 ежедневными поклонами“; „монахъ или мірянинъ, впадшій въ блудъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ удерживается отъ причащенія“, ограничиваясь сухояденіемъ и дѣлая по 250 поклоновъ“ и проч.²⁾. Эта новая система покаянной церковной дисциплины сначала постепенно распространялась наряду съ древне-отеческой покаянной системой³⁾, а въ послѣдствіи вошла во всеобщее упо-

¹⁾ Изъ Властаревой редакціи Номоканона Іоанна Постника. *Σύνταξις*; IV, 435—436. См. А. Павловъ. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Москва, 1897; стр. 109—110.

²⁾ Проф. П. Суворовъ: „О церковныхъ наказаніяхъ“. СПб. 1876; стр. 74—75.

³⁾ Проф. А. Павловъ. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Москва, 1897; стр. 25—28. Здѣсь проф. Павловъ указываетъ „примѣры широкаго дѣйствія епитимійной системы Постника“ въ правилахъ Трулльскаго со-

требленіе въ церковной практикѣ¹⁾, такъ какъ она болѣе соотвѣтствовала измѣняющемуся направленію жизни церковнаго общества, болѣе входила въ рамки новаго положенія, какое заняла Церковь въ отношеніи государства и государственнаго законодательства и, наконецъ, болѣе соотвѣтствовала значительно понизившемуся уровню религіозно-нравственной жизни церковнаго общества. Когда, при Константиѣ Великомъ, государство приняло подъ свою защиту Церковь и церковные интересы, то, естественно, и религіозно-нравственная жизнь членовъ Церкви стала подъ опеку государственнаго законодательства, а отсюда произошло то, что прежде въ жизни членовъ Церкви исправлялось средствами только покаянной церковной дисциплины, то теперь стало караться и государственными законами,—произошло раздвоеніе, хотя покаянная церковная дисциплина никогда окончательно не теряла спеціальнаго значенія въ жизни церковнаго общества. вмѣстѣ съ тѣмъ и представитель церковной власти на Востокѣ—константинопольскій патріархъ съ теченіемъ времени получилъ нѣкоторыя прерогативы свѣтской, гражданской власти, что, естественно, отразилось на самомъ судѣ патріаршемъ, потерявшемъ свой чисто духовный исправительный характеръ: въ распоряженіи патріарха появляются полицейскіе солдаты, спеціальная тюрьма и проч.²⁾

Въ настоящее время въ греческой церкви официально принятымъ руководствомъ для духовниковъ служить такъ называемый Экзомологитарій, составленный въ концѣ XVIII в. аѳонскимъ іеромонахомъ Никодимомъ и всецѣло основанный въ своихъ правилахъ на номоканонѣ Іоанна Постника³⁾.

А. Тр.

(Окончаніе будетъ).

бора, въ сочиненіяхъ св. Феодора Студита, литературная дѣятельность котораго началась спустя около столѣтія послѣ Трулльскаго собора.

¹⁾ Тамъ же, стр. 36—37.

²⁾ Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ. СПб. 1876; ст. 80.

³⁾ А. Павловъ. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Москва, 1897; стр. 51.

Чтеніе и пѣніе церковное.

Чтеніе и пѣніе — это одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ, какими церковь можетъ назидать и просвѣщать своихъ чадъ. Но при всей своей важности, и чтеніе и пѣніе церковное весьма часто стоятъ не на надлежащей высотѣ. За послѣднее время на это обстоятельство обратила вниманіе и свѣтская печать и уже начала свои зазирапія по этому вопросу. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№№ 9 и 22) высказываютъ, на примѣръ, сильное негодованіе противъ современныхъ церковныхъ чтецовъ и противъ самаго характера ихъ чтенія. Большинство чтецовъ, по указанію газеты, — недоучки, не могущіе проникнуть въ глубину читаемаго ими. Чтеніе ихъ — монотонное, невыразительное, неразборчивое, слишкомъ бѣглое и слитное. Діаконы читаютъ такъ, что слова Евангелія не доходятъ раздѣльно до ушей молящихся, а разносятся по храму въ неопредѣленномъ гулѣ. Не пора ли, спрашиваетъ газета, вывести дикій ревъ діаконскій, о которомъ покойный М. Н. Катковъ выражался, что, слушая его, думаешь, что присутствуешь при штурмѣ крѣпости, а никакъ не при смиренной молитвѣ Богу любви. Священники въ своемъ чтеніи не наблюдаютъ логическихъ удареній, не отдѣляютъ въ молитвахъ обращеній отъ прошеній, а проповѣдями нерѣдко усыпляютъ слушателей.

Впрочемъ, обличенія эти не новы. Здѣсь намъ припоминаются слова стараго ревнителя церковнаго благолѣнія, свѣщ. Луканина ¹⁾. „Что это за чтеніе, говорилъ онъ о нашихъ причетникахъ, это мѣдъ звенящая и кимваль бряцающій; это неопредѣленные звуки безъ мысли и чувства, которые долетаютъ до слуха и нисколько не проникаютъ въ душу. Самый внимательный молитвенникъ въ такомъ быстромъ потокѣ неопредѣленныхъ звуковъ ничего не уловитъ, особенно когда у причетника перебитъ, какъ говорятъ, языкъ отъ того же спѣш-

¹⁾ Руководство для сельск. паст. 1860 г., № 34.

наго чтенія“. Къ этому еще присоединяется иногда претензія читать голосомъ не такимъ, какимъ надѣлили его Господь Богъ и природа.

Слѣшное чтеніе нашихъ псаломщиковъ обратилось въ притчу; „промололъ, какъ дьячокъ“, „дьячковское чтеніе“ — вошло въ пословицу.

Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло и съ церковнымъ пѣніемъ. Немного найдется такихъ сельскихъ церквей, въ которыхъ бы богослужбное пѣніе было удовлетворительно. Не рѣдкость, что священникъ и діаконъ сами иногда затрудняются въ церковныхъ напѣвахъ. Нечего уже и говорить о „молодыхъ“ псаломщикахъ. Рѣдкость—если кто изъ нихъ умѣетъ легко разбирать ноты и пѣть по обиходу. Да и на гласы то не твердо знаютъ. Поютъ они по большей части, или на городской манеръ, или же совсѣмъ уклоняются отъ пѣнія, если только есть какая либо возможность къ тому. Въ пѣкоторыхъ селахъ есть хоры, но главный недостатокъ ихъ—это стремленіе пѣть „по партесной потѣ“. Не научившись путемъ пѣть *Господи помилуй*, берутся уже за концерты. А всякія замѣчанія со стороны священника влекутъ за собою недоразумѣнія, нерѣдко оканчивающіяся распаденіемъ хора.

Взамѣнъ описаннаго чтенія, печать требуетъ чтенія „внятнаго, раздѣльнаго, съ соблюденіемъ логическихъ удареній; это главное,—а душу живу можетъ вложить въ чтеніе только уже неподдѣльное религіозное чувство“. Декламація, виртуозность—здѣсь дѣло излишнее. Помянутая нами газета настойчиво приглашаетъ духовенство привлекать къ участию въ отправленіи богослуженія благочестивыхъ прихожанъ. Правда, почти въ каждомъ храмѣ есть свои „любители“, но ихъ участіе какое то случайное; а главное—оно не направляется и не поддерживается священнослужителями, которые обычно очень равнодушно относятся къ тому, какъ идетъ чтеніе и пѣніе на клиросѣ, лишь бы оно не затягивало службы.

Въ видахъ улучшенія дѣла „С.-Петербургскія вѣдомости“ рекомендуютъ читать въ церкви лицомъ къ народу, по край-

ней мѣрѣ, Апостоль и Евангеліе ¹⁾). Рекомендуются также сдѣлать выразительное чтеніе предметомъ преподаванія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Насколько помогутъ дѣлу подобныя мѣры—это еще не извѣстно. Въ дѣлѣ чтенія церковнаго съ самыхъ древнихъ временъ и доселѣ единственною наставницею была практика церковная, руководимая живымъ преданіемъ. О поддержаніи этой практики и стоитъ дѣйствительно задуматься посерьезнѣе. Практика же церковная завѣщала особое чтеніе—*на-распѣвъ*—протяжное, пѣвучее, а не отрывочное, какъ наше современное. Это чтеніе проще ораторскихъ декламацій, но за то величественнѣе и торжественнѣе. „Есть нѣкоторый особый родъ краснорѣчія, говоритъ бл. Августиѣ, который одинъ только приличенъ божественнымъ писаніямъ и который далеко превышаетъ другіе не пышностью, а твердостью и основательностью“ („Наука христіанская“). Такой способъ чтенія, вошедшій въ употребленіе съ первыхъ вѣковъ христіанства, долженъ быть удержанъ въ церкви, какъ наиболѣе приличный богослуженію. И дѣйствительно, во всѣхъ христіанскихъ церквахъ, получившихъ начало въ древности, у грековъ и другихъ восточныхъ народовъ, равно и въ церквахъ западныхъ всегда читали и теперь читаютъ *на-распѣвъ*. Такое чтеніе на самое богослуженіе кладетъ печать древности, невольно уважаемой, и будучи освящено вѣковымъ употребленіемъ, сообщаетъ церковному произношенію священный характеръ.

При этомъ, соотвѣтственно различію языковъ и требованіямъ народнаго вкуса, въ церковномъ чтеніи различныхъ народовъ должны появляться особые оттѣнки и постепенно выработываться мѣстные способы чтенія. Въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей за 1862-й годъ въ статьѣ К. Думитраш-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ газета ссылается на авторитетъ д-ра Бого-словія еп. Виссаріона (костромскаго): „желательно, чтобы возстановился у насъ древній обычай предлагать чтеніе Апостола и Евангелія, обратившись лицомъ къ народу. На Востокѣ этотъ обычай соблюдается доселѣ“ (Толкован. на божеств. литургію, стр. 163).

ковъ („Особенности церковнаго произношенія“) мы находимъ нѣсколько способовъ церковнаго чтенія, какіе практиковались у насъ въ Россіи.

1) Чтеніе скандующее— „каждый пунктъ начинается тономъ среднимъ, продолжается волнующимися звуками съ повышеніями и пониженіями, не выходящими изъ границъ четырехъ тоновъ съ ихъ подраздѣленіями“. Такъ читаютъ теперь только немногіе старые священники евангеліе, акаѳисты, возгласы и молитвы при богослуженіи; такимъ же образомъ читаютъ апостоль и пареміи и старинные дьячки, научившіеся такому чтенію у своихъ предшественниковъ. Простота и величіе, внятность и благоговѣйная умиленность характеризуютъ это пѣвучее чтеніе.

2) Указанный способъ чтенія былъ вытѣсненъ другимъ— безъ удареній съ одними протяженіями. „При чтеніи держатся одного господствующаго тона, на одной нотѣ, съ интонаціей только на удареніяхъ; къ концу чтенія голосъ незамѣтно повышается. Самое окончаніе произносится протяжнѣе всѣхъ предыдущихъ словъ, съ повышеніемъ голоса на одинъ тонъ“. Это чтеніе самое употребительное въ настоящее время. Такъ читаютъ возгласы священно-служители. Псаломщики же такъ читаютъ апостоль и пареміи. Первое чтеніе требуетъ много упражненія и гибкости голоса и при недостаточномъ искусствѣ чтеца можетъ не нравиться, между тѣмъ, этотъ второй способъ чтенія почти не требуетъ подобныхъ упражненій, потому что онъ легко заучивается и не кажется непріятнымъ даже въ устахъ неискуснаго чтеца. Внятность, величавая простота и спокойствіе—вотъ его качества, дополняющія его отрицательное достоинство—нетрудность усвоенія.

3) По третьему способу чтець „начинаетъ съ самыхъ низшихъ нотъ и продолжаетъ съ протяженіями, меньшими въ срединѣ и очень длинными въ концѣ предложеній. Голосъ постепенно возвышается до самыхъ верхнихъ нотъ, и чтеніе оканчивается нерѣдко съ самымъ крайнимъ напряженіемъ го-

лоса“. Этотъ способъ употребляютъ діаконы при чтеніи Евангелія и при возглашеніи многолѣтія. „Нельзя думать, чтобы можно было представить какое нибудь разумное основаніе повышенія голоса отъ края до края. Этого не требуетъ ни положительный уставъ церковный, ни душевная польза христіанъ. Въмѣсто слова мира, проповѣдываемаго евангеліемъ, здѣсь слышишь раздирающіе слухъ звуки, которыми часто заглушается смыслъ рѣчи и всякое чувство, кромѣ чувства страха за чтеца; потому что напряженіе его груди, голоса и головы заставляють опасаться за его здоровье“. Очевидно, здѣсь нужно ограничить крайности. Въ продолженіе и въ концѣ чтенія голосъ можетъ и усиливаться,—это даже естественно. Но это усиленіе должно производиться незамѣтно и безъ всякаго напряженія.

4) Послѣдній способъ—„читаютъ монотонно съ большею или меньшею скоростію, съ протяженіями, а иногда и безъ протяженій въ концѣ пунктовъ“. Священники такъ читають при исправленіи требъ; за то псаломщики почти сплошь читають все этимъ способомъ, при чемъ быстрота чтенія иногда доходитъ до виртуозности. Отъ цѣльной молитвы едва успѣваешь схватить только начальныя и конечныя слова—„Отче нашъ отъ лукаваго“. Есть такіе чтецы, которые за одинъ духъ прочитываютъ весь псаломъ „Помилуй мя Боже“...

Конечно, возстановленіе лучшихъ способъ чтенія—это желаніе всѣхъ ревнителей церковнаго благолѣпія, но пока что, а обратить серьезное вниманіе на чтеніе церковное—дѣйствительно настоятельная и неотложная нужда. И прежде всего нужно позаботиться о томъ, чтобы чтеніе церковное совершалось *благоговѣнно*. Церковное чтеніе должно быть неторопливымъ, внятнымъ, громкимъ, раздѣльнымъ и выразительнымъ. Эти требованія таковы, что съ успѣхомъ могутъ быть предъявлены и самому неискусному чтецу, обладающему хоть какимъ нибудь голосомъ.

Что же касается современной тенденціи свести церковное чтеніе на обычное, разговорное, то едва ли можно поды-

скать къ этому достаточно основаній. Если самый языкъ, на которомъ совершается богослуженіе, есть языкъ древній, а не современный, то и церковному произношенію, употребляемому при богослуженіи, прилично имѣть и удержать свой собственный, церковный характеръ.

Нужно позаботиться и о пѣніи церковномъ. На западѣ богослуженіе большею частію сопровождается игрою на музыкальныхъ инструментахъ, не то у насъ:—у насъ въ церкви должно слышаться живое слово. Поэтому церковное пѣніе еще изъ древности составляло заботу отцовъ и пастырей церковныхъ;—упомянемъ І. Златоуста, устроившаго пѣніе въ Константинопольской церкви, Василія Великаго, Ефрема Сирина, І. Дамаскина. По Златоусту, „ничто такъ не возбуждаетъ и не окрыляетъ душу, ничто съ такою силою не отторгаетъ ее отъ земли и не разрѣшаетъ отъ плоти, ничто столь не располагаетъ къ любомудрію и не возвышаетъ надъ всѣмъ житейскимъ, какъ ровное пѣніе псалмовъ и похвальная пѣснь Господу, произносимая ритмически“. И прежде всего нужно ограничить стремленіе пѣвцовъ къ пѣнію партесному. Блаженный Іеронимъ говоритъ церковнымъ пѣвцамъ: „не должно, по примѣру трагиковъ, нѣжить сладкогласіемъ уста и гортань, чтобы не были слышны въ церкви театральныя голосоизмѣненія и пѣсни; но должно пѣть со страхомъ и умиленіемъ“. Нужно *пѣть Господу разумно*“, дополнимъ слова бл. Іеронима замѣчаніемъ апостола. Разумное же пѣніе состоитъ въ ясномъ пониманіи и точномъ выраженіи текста священныхъ пѣснопѣній. „Рабъ Христовъ, говоритъ бл. Іеронимъ, долженъ пѣть такъ, чтобы пріятны были произносимыя слова, а не голосъ поющаго“. Простое, безыскусственное пѣніе, кажется, болѣе нравится и нашему простому народу.

Лучшимъ средствомъ къ поднятію церковнаго пѣнія слѣдуетъ указать обученіе пѣнію въ сельской школѣ; изъ питомцевъ школы можно образовать „осмысленный“ хоръ. Большое значеніе имѣеть и вводимое за послѣднее время во многихъ мѣстахъ общее пѣніе въ церкви; это—лучшее средство, вну-

шить молящимся живѣйшій интересъ къ совершаемому богослуженію и привлечь ихъ, такъ сказать, къ активному участию въ немъ.

Пожелаемъ же, чтобы чтеніе и пѣніе церковныя получили у насъ возможно полное развитіе и чтобы храмы наши оглашались не одиночными только голосами пѣвцовъ, но разумнымъ пѣніемъ стройныхъ хоровъ, которые бы напомнили намъ общины древнихъ христіанъ, храмы которыхъ наполнялись „гласы преподобными“.

В. Родниковъ.

¹⁾ Къ этому участию (къ правильному и толковому чтенію при богослуженіи, къ правильному выбору богослужебныхъ молитвословій и пѣснопѣній) очередные воспитанники наканунѣ дней богослуженія — въ установленное Семинар. Инструкціей время — каждый разъ особо подготавливаются подъ руководствомъ преподавателя Литургиѣи.

Нѣсколько словъ о практической подготовкѣ „сташенниковъ“ къ отправленію богослуженія.

Къ правильному—согласно съ требованіями церковнаго Устава—и разумно-сознательному отправленію богослуженія кандидаты священства получаютъ основательную подготовку въ Духовной Семинаріи. Здѣсь, въ теченіе двухъ лѣтъ (въ IV и V кл.), преподается воспитанникамъ наука о богослуженіи правосл. Церкви—Литургика (общая и частная) въ объемѣ, вполне достаточномъ для достиженія предположенныхъ цѣлей. Нужно при этомъ замѣтить, что изученіе указанной сейчасъ науки (безспорно, одной изъ важнѣйшихъ для готовящихся къ пастырскому званію) не ограничивается только теоретической стороною дѣла, т. е. сообщеніемъ воспитанникамъ однихъ лишь теоретическихъ свѣдѣній относительно богослуженія на классныхъ урокахъ. Параллельно теоретическому изученію состава и порядка различныхъ службъ церковныхъ, идетъ и практическое ознакомленіе будущихъ служителей Церкви съ богослужебными чинопослѣдованіями. Это ознакомленіе осуществляется главнымъ образомъ чрезъ дѣятельное участіе ¹⁾ воспитанниковъ въ богослуженіи, неопустительно от-

¹⁾ Къ этому участію (къ правильному и толковому чтенію при богослуженіи, къ правильному выбору богослужебныхъ молитвословій и пѣснопѣній) очередные воспитанники наканунѣ дней богослуженія—въ установленное Семинар. Инструкціей время—каждый разъ особо подготавливаются подъ руководствомъ преподавателя Литургики.

правляемомъ по воскреснымъ, праздничнымъ и высокаторжественнымъ днямъ въ Семинарской церкви.

Но вотъ питомецъ Семинаріи становится, наконецъ, пастыремъ Церкви, облачается чрезъ святительское рукоположеніе правами непосредственнаго совершителя богослуженія. По установавшемуся у насъ порядку, каждый вновь рукоположенный священнослужитель не тотчасъ послѣ поставленія отправляется въ тотъ приходъ, куда онъ опредѣленъ Епархіальнымъ Начальствомъ. Обыкновенно онъ остается еще на нѣсколько дней въ данномъ Епархіальномъ городѣ, чтобы пріобрѣсти за это время первоначальный навыкъ въ пріемахъ и дѣйствіяхъ, требуемыхъ по ходу богослужебныхъ чинопослѣдованій отъ непосредственныхъ совершителей этихъ послѣднихъ. Въ такихъ именно цѣляхъ—согласно распоряженію Начальства—„ставленники“ прикомандировываются къ тѣмъ или другимъ приходскимъ церквамъ города, гдѣ они, подъ руководствомъ настоятеля данной церкви, и отправляютъ ежедневно—въ теченіе недѣли и болѣе (смотря по успѣхамъ практикующагося)—службы церковныя.

Что подобная практическая подготовка къ отправленію богослуженія въ первые дни послѣ рукоположенія для каждаго „ставленника“ существенно необходима—это для всякаго очевидно само собою,—и не доказывать эту необходимость имѣть въ виду авторъ настоящей замѣтки, а указать одно условіе, осуществленіе котораго въ рассматриваемомъ дѣлѣ, для нѣкоторыхъ опредѣленныхъ цѣлей, было бы желательно.

Вопросъ касается собственно мѣста подготовки новопоставленныхъ священнослужителей. Принятый теперь въ данномъ случаѣ порядокъ—прикомандированіе „ставленниковъ“ къ различнымъ приходскимъ церквамъ епарх. города—представляется намъ не вполне удовлетворительнымъ и вотъ съ какой, именно, стороны. Дѣло въ томъ, что образъ совершенія богослуженія, всегда и всюду оставаясь неизмѣннымъ въ своихъ основахъ, въ подробностяхъ иногда значительно разнообразится въ разныхъ приходскихъ храмахъ даже одного и

тогоже города. Разнообразіе это равно наблюдается какъ въ тѣхъ частяхъ богослуженія, которыя исполняются чтецами и пѣвцами, такъ и въ частяхъ, исполняемыхъ священнослужителями. Возьмемъ для примѣра стихиры на „Господи воззвахъ“, „на стиховнѣ“ и др. Въ однихъ приходскихъ храмахъ онѣ поются, въ другихъ—читаются,—и тамъ, и здѣсь при томъ въ различномъ количествѣ. А изъ круга богослужebныхъ дѣйствій священнослужителей взять хотя бы образъ совершенія кажденія. И тутъ встрѣчаемъ въ каждомъ мѣстѣ свои особенности, являющіяся то болѣе, то менѣе значительными и во всякомъ случаѣ произвольными отступленіями отъ требованій устава. Можно было бы указать не мало и другихъ примѣровъ разнообразія въ подробностяхъ совершенія богослужebныхъ обрядовъ и дѣйствій въ разныхъ приходскихъ церквахъ одного и того же города, но—полагаемъ—примѣры эти и безъ того хорошо извѣстны всякому, кто часто посѣщаетъ различные городскіе приходскіе храмы и внимательно наблюдаетъ ходъ отправляемаго въ нихъ богослуженія.

Изъ только что сказаннаго съ достаточною ясностію открывается, какое нежелательное явленіе создается при существующемъ порядкѣ практической подготовки „ставленниковъ“ въ разныхъ приходскихъ церквахъ епарх. города: замѣчаемое здѣсь—въ этихъ городскихъ церквахъ—разнообразіе въ богослужebныхъ приемахъ и дѣйствіяхъ, благодаря указанному порядку, естественно переносится отсюда и въ сельскіе храмы, такъ-какъ каждый изъ „ставленниковъ“ на мѣстѣ своего постоянного служенія придерживается обыкновенно той богослужebной практики, какую онъ успѣлъ усвоить за время своей „ставленнической“ подготовки.

Устранить отмѣченное нежелательное явленіе (въ цѣляхъ именно достиженія однообразія богослужebной практики въ приходсахъ Епархіи) можно лишь въ томъ случаѣ, если мѣстомъ „ставленнической“ подготовки будетъ избранъ одинъ опредѣленный изъ городскихъ храмовъ, гдѣ и совершалась бы эта подготовка при одномъ опредѣленномъ вліяніи и руко-

водствѣ. Такимъ храмомъ—по нашему мнѣнію—лучше всего могъ бы служить храмъ семинарскій,—тотъ родной для каждаго „ставленника“ храмъ, гдѣ онъ, за время своего обученія въ семинаріи, изливалъ свои молитвенныя чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же находилъ практическое подкрѣпленіе для своихъ теоретическихъ познаній въ области православной литургики. При каждой семинаріи, какъ извѣстно, существуетъ особая должность о. духовника, на каковую должность, въ виду ея спеціальнаго назначенія, обыкновенно избираются изъ среды священнослужителей лица, усилъшія зарекомендовать себя пастырскою опытностію, силою пастырскаго вліянія и вообще авторитетностію. При участіи и подъ руководствомъ о. духовника, и могли бы вновь рукоположенные священнослужители получать нужную практическую подготовку предъ отправленіемъ въ назначенные имъ приходы. Въ теченіе недѣли (а если нужно, и болѣе) они совершали бы въ семинарскомъ храмѣ богослуженіе, къ участію въ которомъ, для исполненія обязанностей чтецовъ, пѣвцовъ и свѣщеносцевъ, могли бы быть привлекаемы, по напередъ установленной очереди, и воспитанники старшихъ классовъ. Это была бы и для нихъ прекрасная практическая подготовка къ будущему пастырскому служенію.

В. С—ю.

Невеселыя думы.

„Имя Толстого облетѣло весь культурный міръ“, и рѣдко какая газета, журналъ о немъ не говорили. По большей части его обличаютъ, и „разбиваютъ въ пухъ и прахъ“ его ученіе. И нужно признаться, что несостоятельность, неточность, невѣрность, даже нелѣпность и всѣ вообще подобныя „качества“ его ученія сквозятъ и видны всякому безпристрастному читателю. Наглядное доказательство этого можно видѣть, напр., во взглядѣ Толстого на воспитаніе, проанализированное съ христіанской точки зрѣнія г. Маккавейскимъ въ журн. „Руководство для сельскихъ пастырей“ (№№ 17, 18, 20).

Толстой открыто заявляетъ—долгой воспитаніе: „оно незаконно, невозможно. Права воспитанія не существуетъ...“

Воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму... явленіе, доказывающее неразвитость человѣческой мысли“.

Достаточно этихъ словъ, сказанныхъ притомъ безъ всякаго доказательства, чтобы убѣдиться въ нелѣпости всего взгляда Толстого на воспитаніе.

Невольно возникаетъ вопросъ—почему же Толстой, когда его заблужденіе такъ очевидно, пользуется почти всеобщимъ уваженіемъ, почетомъ, даже не взирая на то, что онъ объявленъ врагомъ Церкви?

Вотъ фактъ, фактъ печальный, характеризующій отчасти нашу печальную матушку Русь.

Всѣ заражены прогрессомъ, всѣ желаютъ видѣть обновленіе во всемъ, а какое обновленіе—сами не знаютъ. Во главѣ этого движенія стоитъ Толстой, пресыщенный, богатый человѣкъ, отвергающій въ своихъ сочиненіяхъ чуть ли не все, существующее донинѣ. И странно то, что этотъ человѣкъ, отвергая, напр., бракъ, не такъ давно пышно праздновалъ бракосочетаніе своей дочери. Отрицая богатство, имущество, самъ живетъ въ великолѣпномъ помѣстьѣ. Почему бы ему не оставить всего своего имѣнія, раздать буквально все бѣднымъ и идти смѣло проповѣдывать свое ученіе?... Да, все цвѣтущія, краснорѣчивыя (и къ счастью безмысленныя) фразы извергають его уста.

Чтожь, что Толстой даетъ деньги неимущимъ: я тоже, владѣя всегда только нѣсколькими рублями, даю иногда нищему; а вѣдь Толстой имѣетъ въ карманѣ милліоны—это ужъ другое дѣло. Почему же и не пожертвовать: куда въ противномъ случаѣ и дѣвать деньги?... А каково житье-бытье встрѣтило людей, переселенныхъ Толстымъ, въ Канадѣ?!...

Нѣтъ, нѣтъ Толстой ни философъ, ни „благодѣтель“, ни реформаторъ—онъ простой фантазеръ, другой французскій Ренаць, который отъ нечего дѣлать выдумалъ, что философія есть произведеніе фантазіи.

Русскій народъ упрямъ, гордъ и... къ несчастію, упрямъ и гордъ иногда до странности. Пасущіе (духовныя и свѣтскія власти) говорятъ—Толстой вредная овца,—пасомые же, въ силу указанныхъ качествъ характерныхъ, говорятъ обратное. Здѣсь нельзя не видѣть хотя уже и старой, но губительной „барской спѣси“, изъ-за которой наше государство много страдало, страдаетъ, да и долго еще будетъ страдать.

Во всемъ этомъ движеніи видно желаніе не подчиняться старшимъ, болѣе свѣдущимъ людямъ, а жить самостоятельно, не подчиняясь никому, хотя и стараясь подчинить себѣ кого-

нибудь. Это тоже фактъ, фактъ очевидный. Вѣдь въ противномъ случаѣ чѣмъ объяснить подобное явленіе—Толстой публично объявленъ врагомъ Церкви, человѣкомъ вреднымъ; но прислушайтесь, что нѣкоторые говорятъ? Они говорятъ противное и даже обвиняютъ властей. Вы спрашиваете у таковыхъ—да что же хорошаго сдѣлалъ Толстой? Отвѣта опредѣленнаго трудно добиться; вы даже можете вотъ что услышать—да пока Толстой ничего, кромѣ вреднаго, не сдѣлалъ, а это равносильно слѣдующему—я съ Толстымъ и съ его произведеніями не знакомъ, знаю только, что Толстой возстаетъ противъ настоящаго закона, а это для меня и нужно: я тоже не доволенъ существующимъ порядкомъ, я желаю обновленія. А какъ трудно разговаривать, „спорить“ съ почитателемъ гр. Толстого! Въ особенности, если вашимъ противникомъ является какой-нибудь человѣкъ неученый: сколько приведетъ онъ вамъ смѣшныхъ доводовъ! Мнѣ однажды пришлось услышать отъ подобнаго своего соперника даже слѣдующее—„да что вы мнѣ толкуете, что Толстой вредный человѣкъ! Вы посмотрите, почти въ каждомъ книжномъ магазинѣ портретъ Л. Н. такъ и виситъ на каждомъ окнѣ. Прочіе тамъ, по вашему, великіе люди нарисованы на клочкѣ бумаги, а портретъ графа въ три, четыре раза больше. Это что-нибудь да значить“. Я, право, согласенъ съ своимъ соперникомъ, что подобное явленіе что-нибудь да значить—а что именно... не знаю. Быть можетъ, книгопродавцы, пользуясь броженіемъ умовъ, желаютъ добыть себѣ лишнихъ денегъ за портреты пресловутаго графа? Другой цѣли здѣсь я не вижу.

Но какая бы тамъ цѣль и ни была, во всякомъ случаѣ книгопродавцы продажей подобнаго рода портретовъ куда какъ далеко уклоняются отъ истинной цѣли и значенія вообще книжныхъ магазиновъ. Вѣдь нужно служить правдѣ, красотѣ и добру, а не сѣять раздоръ, смуту и броженіе въ умахъ подчасъ четвердыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ людей—это аксіома.

Т. О.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 3 сентября 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Авц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 38.

Поднято (а принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, сентября 22-го.

Содержаніе: Покаянная церковная дисциплина (окончаніе). — Изъ днев-
ника священника.

Покаянная церковная дисциплина ¹⁾.

На Руси, съ принятіемъ христіанства изъ Византіи, первоначально, несомнѣнно, распространился греческій взглядъ на епитиміи, и изъ Византіи же были заимствованы правила ихъ наложенія. Этотъ фактъ, безспорный самъ по себѣ, находитъ подтвержденіе во многихъ историческихъ данныхъ. Мы укажемъ нѣкоторые. Однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ древняго русскаго церковно-гражданскаго законодательства является „Законъ судный людемъ“ или такъ называемый „Судебникъ царя Константина“, — греко-болгарская компіляція, принесенная къ намъ, быть можетъ, еще во времена св. Владиміра ²⁾. Какъ составленный на основаніи различныхъ источ-

¹⁾ См. № 37 за 1902 г.

²⁾ А. Павловъ. Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ. Казань, 1869, стр. 24—25.

никовъ византійскаго права, „Законъ судный“ преподааетъ правила относительно покаянной церковной дисциплины частью согласно съ номоканономъ Іоанна Постника, частью въ духѣ покаянной системы отцовъ Церкви и соборовъ ¹⁾). Если принять во вниманіе, что довольно ясны слѣды употребленія „Закона суднаго“ въ Россіи находятся уже въ Русской Правдѣ и въ первыхъ церковно-уставныхъ грамотахъ ²⁾), то станетъ очевиднымъ вліяніе этого „Закона“ на древне-русскую практику покаянной дисциплины. Изъ позднѣйшаго времени указаніе на епитиміи находимъ въ извѣстномъ „правилѣ“ митрополита Іоанна, согласно которому грѣшниковъ должно „не прежде принимать въ общеніе и допускать къ святому причащенію, какъ когда оставятъ грѣхъ свой“ (пр. 21). И митрополитъ Кирилль въ своемъ правилѣ писалъ: „паки же увѣдѣхомъ бѣсовская еще держаще обычая треклятыхъ еллинъ, въ божественные праздники позоры нѣкакы бѣсовскіе творити съ свистаніемъ и кличемъ и воплемъ сзывающе нѣкы скаредныя пѣяницы и бьющися дреколѣмъ до самыя смерти.. *Аще кто избрывается въ сихъ правилехъ безчиніе творя, да изменни будутъ отъ св. Божіихъ церквъ, а оубіеніи да будутъ прокляти въ сей вѣкъ и будущій*“ ³⁾). Митрополитъ Фотій даетъ наставленіе пастырямъ церкви, чтобы они нарушителямъ церковныхъ постановленій не давали „ни святаго причастія, ни даровъ, ни Богородицына хлѣба“ ⁴⁾). По изображенію барона Герберштейна, путешествовавшаго по Россіи въ XVI в., церковь русская тогда еще сохраняла черты древней восточной покаянной системы ⁵⁾). При патріархахъ, на ряду съ обычными епитиміями, явился и практиковался въ Россіи особый родъ епитимійнаго отлученія—такъ называемое отлученіе „вседом-

¹⁾ Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ. Спб., 1876, стр. 174—175.

²⁾ А. Павловъ. Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ, стр. 24.
И. Бердниковъ. Краткій курсъ церковнаго права. Казань, 1888, стр. 23.

³⁾ Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ, стр. 164

⁴⁾ Тамъ же, стр. 177.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 178.

ное“, состоявшее въ томъ, что отлученію отъ святаго причастія подвергался не только согрѣшившій, но и всѣ домашніе его. Какъ эти, такъ и многія другія историческія свидѣтельства, съ достаточною очевидностью указываютъ, что въ старину на Руси сохраняла покаянная церковная дисциплина характеръ древне-отеческой системы и частью системы, введенной въ церковную практику Іоанномъ Постникомъ. Впрочемъ, и на Руси, съ самаго начала распространенія въ ней христіанства, государство стало въ то же отношеніе къ Церкви, въ какомъ оно стояло въ Византіи; а потому преступленія противъ вѣры и нравственности не только вѣдались покаянной церковной дисциплиной, но карались и государственными законами, и, съ другой стороны, Церковь русская въ свою покаянную систему приняла мѣры характера ей несвойственнаго, свѣтскаго (денежныя пени и даже тѣлесныя наказанія): гражданскими законами того времени повелѣвалось преступникамъ противъ вѣры и нравственности „быти, какъ говорится въ одномъ судебникѣ, отъ царя и великаго князя въ великой опалѣ, по градскимъ законамъ: а отъ святителей имъ же быти въ духовномъ запрещеніи, по священнымъ правиламъ“¹⁾).

Съ начала XVII в. сталъ входить во всеобщее употребленіе въ Россіи Номоканонъ, печатаемый съ 1639 года въ качествѣ приложенія къ Требнику²⁾. Этотъ Номоканонъ важенъ для насъ не только какъ историческій документъ, свидѣтельствующій о практикѣ покаянной дисциплины въ русской Церкви, но и какъ Законоправильникъ, стоящій на границѣ нынѣ дѣйствующаго церковнаго законодательства. Дѣло въ томъ, что Номоканонъ не только раньше былъ официально принятымъ въ великороссійской Церкви руководствомъ для

¹⁾ Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ, стр. 118—119.

²⁾ Первое печатное изданіе Номоканона вышло въ іюнь 1620 г. изъ типографіи Кіево-печерской лавры съ предисловіемъ іеромонаха Памвы Беринды. Объ этомъ и другихъ изданіяхъ Номоканона см. у А. Павлова: „Номоканонъ при Большомъ Требникѣ“. Москва, 1897 г., стр. 55 и д.

духовниковъ и для высшихъ духовныхъ властей въ ихъ судебной и административной дѣятельности, но и теперь остается однимъ изъ основаній при рѣшеніи духовнымъ судомъ дѣлъ *чисто-церковныхъ*. Такое значеніе придается ему и въ судебныхныхъ постановленіяхъ Св. Синода, и въ прямыхъ источникахъ русскаго церковнаго права ¹⁾; а потому онъ неизмѣнно издается нашимъ церковнымъ правительствомъ, и притомъ въ двухъ видахъ: вполнѣ—при Большомъ Трѣбникѣ и сокращенно, какъ „изъ Номоканона нужнѣйшихъ правилъ изъясненіе“,—при Маломъ. Правила Номоканона относительно покаянной церковной дисциплины составлены на основаніи канонѣвъ св. отцовъ и соборовъ, а частью на основаніи покаянной системы Іоанна Постника. „Да не причастиши, дается наставленіе духовнику, имже божественная правила не оставляють, недостойныхъ“ ²⁾—таково руководящее начало наставленій Номоканона о покаянной дисциплинѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ даются наставленія о продолжительности отлученія отъ св. Таинъ различныхъ грѣшниковъ: отрекшійся отъ Христа—до конца жизни, волхвователь и чародѣй на 20 лѣтъ, блудникъ на четыре года и проч. ³⁾. Согласно съ канонами отцовъ Церкви указывается, что искреннее раскаяніе должно служить основаніемъ къ сокращенію продолжительности епитиміи ⁴⁾; а согласно съ покаянной системой Іоанна Постника рекомендуются благочестивыя упражненія съ сокращеніемъ продолжительности епитиміи ⁵⁾; указываются, согласно съ ученіемъ отцовъ Церкви, обстоятельства, на которыя должно обращать вниманіе при назначеніи епитиміи и проч. Въ изданномъ Св. Синодомъ въ 1723 году „Послѣдованіи о исповѣданіи“ ⁶⁾ пра-

¹⁾ Уставъ духовныхъ консисторій, статья 196. А. Павловъ: „Номоканонъ при Большомъ Трѣбникѣ“, стр. 67.

²⁾ Статьи I и II; по А. Павлову, стр. 85—95.

³⁾ См. всю литургико-каноническую часть; по А. Павлову, стр. 83—112.

⁴⁾ Статья III; по А. Павлову, стр. 100.

⁵⁾ Ст. III; по А. Павлову, стр. 97—98.

⁶⁾ Послѣдованіе о исповѣданіи. Москва, 1723 г.

вила Номоканона относительно изложенія епитимій значительно измѣнены, но въ концѣ этого „послѣдованія“ сдѣлано такое внушительное наставленіе: „Вѣдомо же буди, яко вся прежде реченная въ епитиміяхъ снисхожденія и къ причащенію божественныхъ таинъ допущенія до тѣхъ токмо простираются, которые истинно каются... Есть ли же кто хотя грѣхи свои и открываетъ отцу духовному, но объ оныхъ не кается чистосердечно... напримѣръ, исповѣдуетъ себѣ быти блудникомъ, но блудницы отогнать отъ себѣ не хочетъ..., *таковыхъ, донельже совершенно исправятся и покажутъ плоды достойны покаянія, не разрѣшать и божественныхъ даровъ причастія не сподоблять*“¹⁾. Болѣе полную картину современной русской покаянной церковной дисциплины представляетъ „книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, имѣющая значеніе несомнѣннаго руководства для пастырей русской Церкви. Здѣсь даются положительныя наставленія пастырямъ, согласно съ канонами отцовъ Церкви и соборовъ, строго испытывать кающихся и лишь исправившихся допускать къ причащенію св. Таинъ. „Якоже ветхозавѣтніи священники по повелѣнію Божию болѣзнующихъ струнами людей, однихъ, коихъ струны не опасенъ были, и не все тѣло заразить, чистыми судили, и свободно отпущали: другихъ, у коихъ вредъ сумнительнъ явился, заключали на особенномъ мѣстѣ, и по седмицамъ опять разсматривали: третьихъ, кои проказою настоящею повреждены были, нечистыми объявляли, и внѣ стана изгоняли: такъ точно и пресвитеры, которыхъ грѣшниковъ грѣхъ небольшой, но невѣдѣнію и неволею здѣланы, или и тяжкій и смертоносный, но истиннымъ покаяніемъ исцѣлятися началъ, тѣхъ разрѣшать, и достойными причащенія святыхъ таинъ объявлять: коихъ же и грѣхъ большій, да еще привычкою глубоко въ душу вкорененный, и покаяніе сумнительно, таковыхъ до времени лучше не разрѣшать къ вѣщшему ихъ страху и прилѣжанію о покаяніи: а

¹⁾ А. Алмазовъ. Тайная исповѣдь въ православной восточной Церкви. Т. I. Одесса. 1894; стр. 551—552.

буде разрѣшить, то конечно отъ пресвятыѣ тайнѣ удержатъ...: наконецъ коихъ грѣхи большіе, и покаяніе безъ сумнительства лицемѣрное, тѣхъ, яко неисцѣльно болѣзнующихъ не разрѣшать, но точію страшнымъ судомъ Божиимъ устрашать и представить имъ то, что есть ли они истинно и правильно не покаются, то изъ сообщенія христіанскаго, какъ древле прокаженніи изъ стана израилева, отлученіемъ извержени будутъ“¹⁾. Самая епитимія, налагаемая священникомъ на грѣшника, должна быть тайная или явная, смотря по свойству грѣха: „согрѣшающимъ втайнѣ, тайная и епитимія да опредѣляется, инако чрезъ явную епитимію пришелъ бы въ явленіе грѣха, но явные грѣшники, какъ то народніи блудницы, прелюбодѣи, чародѣи, пьяницы, лихоимцы и подобные, коихъ беззаконіе всѣмъ или многимъ явно есть, есть ли къ сообщенію тѣла и крови Христовыхъ съ прочими христіанами безъ явной епитиміи приемятся, сверхъ соблазнительнаго ихъ явногрѣшія, новаго соблазна бывають причиною: понеже въ такомъ случаѣ нѣтъ различія между явногрѣшникомъ, и между тѣмъ, который никѣмъ не обличенъ, и между честнымъ христіаниномъ. Таковыхъ убо за явные ихъ соблазны, да вдастся имъ епитимія явная, которая удовлетвореніемъ свойственнѣ нарицается церкви соблазненной, то есть, обществу христіанъ“²⁾. Наряду съ отлученіемъ грѣшниковъ отъ принятія св. Тайнъ „Книга о должностяхъ пресвитеровъ“ рекомендуетъ пастырямъ назначеніе благочестивыхъ упражненій для укрѣпленія воли кающагося въ добромъ дѣланіи. „При разрѣшеніи опредѣляются епитиміи, во особливыхъ какихъ добрыхъ дѣлахъ состоящія, какъ то: въ молитвѣ, постѣ, милостынѣ, не для удовлетворенія тѣми Богу за грѣхи: Христосъ бо единѣмъ приношеніемъ себя въ жертву Богу и Отцу совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ (Евр. 10, 14); но дабы чрезъ тѣ епи-

¹⁾ Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ. Кіево-печерская лавра, 1894, стр. 139—140.

²⁾ Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, стр. 146—147; ср. Уставъ духовныхъ консисторій, статья 17.

тиміи показали мы плоды достойны покаянія (Мѡ. 3, 8) и начатки положили добродѣтельнаго житія: особливо же остатки исповѣданнаго грѣха, сіесть, причины рождающыя грѣхъ, а наче всего привычку, естли уже была, всевозможно искореняли. Почему и епитиміи такому предмету приличныя должны опредѣлятися, то есть, такой добродѣтели исполненіе въ епитимію назначать, которая бъ была противна грѣху, за который она налагается, напримѣръ: сребролюбивому милостыню, блуднику постъ, ослабѣвающему въ вѣрѣ и упованіи молитву, и прочая подобная¹⁾.

Среди такихъ наставленій духовнику-священнику Номоканона, „Послѣдованія о исповѣдованіи“, „Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, — наставленій, вполнѣ основанныхъ на канонахъ отцовъ Церкви и соборовъ, является одинокимъ и непонятнымъ постановленіе Духовнаго Регламента, запрещающее употреблять, какъ мѣру исправленія грѣшника, отлученіе отъ св. Таинъ. Въ Духовномъ Регламентѣ читаемъ: „Оную, въ древнемъ обычаѣ бывшую, епитимію еже на долгое время лишати причастія Таинъ Святыхъ, — понеже она длевле была во врачевство, яко показующая грѣховъ мерзость и востыгала злыя похоти; нынѣ же не токмо не страшна многимъ, но и желаемая лѣнливымъ стала; тайнымъ же раскольниковъ и весьма любимая и притворныхъ грѣховъ исповѣданіемъ нарочно поискуема, — отсель отставити, и оной къ тому не употреблять помянутыхъ ради винъ“²⁾. Указывается въ Регламентѣ и еще одна причина запрещенія употреблять отлученіе отъ принятія св. Таинъ, — это неразумная приверженность нѣкоторыхъ современныхъ Регламенту священниковъ къ Требнику, т. е. собственно къ буквѣ Номоканона: „понеже многіе въ писаніи неискусныя священники держатся за требникъ какъ слѣпые и, отлучая кающихся на многія лѣта, кажутъ что написано, а толку не знаютъ, и въ

¹⁾ Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, стр. 144—145.

²⁾ Духовный Регламентъ, изд. 1820 г., Сиб., стр. 131.

такомъ неразумствѣ иныхъ и при смерти Причастія не сподобляются, и извиняются тѣмъ, что безъ епитиміи нельзя“¹⁾. Но эти злоупотребленія раскольниковъ, желавшихъ отлученія отъ причастія св. Таинъ, чтобы, по внѣшности оставаясь православными, избѣжать преслѣдованій правительства и не принимать антихристовой жертвы („дабы тако отбиться отъ причастія св. евхаристіи, има безбожно хулимой“²⁾), и неразумныхъ священниковъ, безъ разбору отлучавшихъ отъ св. Таинъ, могли дать основаніе составителю Регламента рекомендовать болѣе осторожно и осмотрительно прибѣгать къ отлученію отъ св. Таинъ, а не совсѣмъ запрещать его священникамъ: очевидно, Регламентъ въ данномъ случаѣ впалъ въ крайность³⁾. Правда, Духовный Регламентъ дѣлаетъ нѣкоторое ограниченіе своего запрещенія въ томъ смыслѣ, что священникъ въ иныхъ случаяхъ можетъ подвергаться запрещенію кающагося грѣшника, но непременно *послѣ предварительнаго разрѣшенія на то мѣстнаго епископа*. „Развѣ бы усмотрѣлъ отецъ духовный, что исповѣдающійся у его есть человекъ такъ на всякую епитимію готовый, что ни къ отчаянію, ни же къ лѣности и небреженію помянутая епитимія, то есть отрѣшеніе на нѣкое время Святыхъ Таинъ причастія не опровержетъ его, но и паче къ вящшему грѣховной тяжести и гнѣва Божія познанію приведетъ, и къ теплѣйшему покаянію устроить его; и такому кающемуся можетъ духовный отецъ на нѣкое время, при иныхъ къ исправленію угодныхъ епитиміяхъ, наложить и епитимію отрѣшенія Таинъ Святыхъ; *однакожъ сіе самъ собою творити духовникъ да не дерзаетъ, но у своего Архіерея, предложивъ ему вся обстоятельно о кающемся, токмо не именуя его, проситъ разсужденія и благословенія*“⁴⁾. Если

¹⁾ Духовный Регламентъ, стр. 124—125.

²⁾ Въ указѣ Св. Синода отъ 15-го мая 1722 г. См. у Н. Суворова: „О церковныхъ наказаніяхъ“, стр. 186.

³⁾ Проф. В. Пѣвницкій. Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ. Кіевъ, 1890 г., стр. 115.

⁴⁾ Духовный Регламентъ, стр. 130—131.

это постановление Духовнаго Регламента признать канонически-обязательнымъ, то у священника было бы отнято одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ воздѣйствія на грѣшниковъ, было бы нарушено древне-отеческое постановление, что только достойные, очищенные, по крайней мѣрѣ, искреннимъ раскаяніемъ грѣшники могутъ быть допускаемы къ принятію св. Таинъ, а не всѣ безъ разбора. „Священникамъ, говоритъ проф. Пѣвницкій, дана власть вязать и рѣшить; но съ отнятіемъ у нихъ права запрещеній эта власть перестала бы быть властію вязать и рѣшить, а только рѣшить. Да и самая исповѣдь, состоящая въ подробномъ раскрытіи грѣховъ предъ духовникомъ, тогда потеряла бы свое значеніе: къ чему бы тогда раскрытіе грѣховъ, когда пастырь каждаго исповѣдающагося долженъ бы былъ безъ разсужденія разрѣшать отъ всѣхъ грѣховъ“¹⁾? Скажутъ: „Регламентъ допускаетъ запрещеніе съ разрѣшенія и благословенія своего архіерея“; но такое ограниченіе является совершенно излишнимъ, пенужнымъ и создающимъ подчасъ непреодолимыя затрудненія. Конечно, пастыри безъ воли и благословенія своего епископа ничего не могутъ совершать, но право совершать таинства, управлять своею паствою и пользоваться всѣми, данными паствырю Церковью, средствами для приведенія своихъ пасомыхъ ко спасенію пастыри получаютъ при самомъ своемъ посвященіи отъ своего епископа: какъ излишне получать пастырю каждый разъ нарочитое благословеніе отъ своего епископа для совершенія таинствъ и требъ, такъ нѣтъ необходимости паствырю Церкви обращаться за разрѣшеніемъ къ своему епископу подвергнуть запрещенію закоренѣлаго и неисправимаго грѣшника. Въ затруднительныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ пастырь Церкви всегда долженъ обращаться къ своему Архипастырю; но развѣ есть какія либо основанія считать каждое запрещеніе грѣшника — недоумѣннымъ случаемъ. Скажемъ снова словами проф. Пѣвницкаго: „наложить запрещеніе, по-

¹⁾ Проф. В. Пѣвницкій. Служеніе священника, стр. 115.

ложимъ на убійцу, святотатца, виновнаго въ кровосмѣшеніи или скотоложствѣ,—такой ли это недоумѣнный вопросъ, что рѣшеніе его нельзя предоставить собственному усмотрѣнію священника, а нужно непременно испрашивать соизволенія и благословенія архипастыря на наложеніе епитиміи на подобныхъ тяжкихъ грѣшниковъ? Да и что можетъ сказать архипастырь священнику, когда этотъ представитъ ему, что вотъ у него въ паствѣ есть такой и такой грѣшникъ, не называя именъ ихъ, а только изображая степень ихъ виновности? Предъ нимъ будутъ не живыя лица, а грѣхи, и онъ можетъ дать только общія указанія, имѣющія значеніе для дѣятельности пастыря, какъ духовнаго отца вообще, а затруднится войти въ разрѣшеніе частнаго случая, ему представленнаго¹⁾. Едва ли нужно говорить еще о тѣхъ многочисленныхъ затрудненіяхъ, съ какими сопряжено исполненіе предписанія Регламента объ обращеніи каждый разъ священника къ архипастырю за разрѣшеніемъ запретить грѣшнику приступать къ св. Тайнамъ. Отдаленность приходоѡ отъ мѣстопробыванія епископа, необходимость скорого рѣшенія вопроса о разрѣшеніи или запрещеніи грѣшника, затруднительное положеніе пастыря—духовника, по совѣсти не могущаго разрѣшить грѣшника, но не имѣющаго права подвергнуть его запрещенію,—все это ставило бы, да, кажется, и ставитъ пастырей въ такое положеніе, что только энергичнѣйшіе изъ нихъ не откажутся отъ своего законнаго права подвергать грѣшника запрещенію. „Какъ же быть священнику, когда онъ по своей пастырской совѣсти находитъ нужнымъ не допустить до причастія св. Таинъ того или другаго тяжкаго грѣшника, и между тѣмъ напередъ, до наложенія запрещенія, долженъ еще обратиться къ архипастырю, представитъ ему случай, вызывающій запрещеніе, и проситъ его благословенія и разрѣшенія поступить такъ, какъ требуетъ того пастырская совѣсть? Разрѣшить и допустить до причастія падшаго во многіе тяж-

¹⁾ Проф. В. Пѣвницкій. Служеніе священника, стр. 116.

кіе грѣхи? Это будетъ противно пастырской совѣсти. Снести по этому поводу съ архипастыремъ? За дальностью разстоянія это рѣшительно невозможно: получения отвѣта отъ архипастыря нужно ждать въ этомъ случаѣ не день, а нѣсколько недѣль“¹⁾.

Въ виду всего этого въ разъясненіяхъ этого постановленія Регламента, находящихся въ изданныхъ, постоянно издаваемыхъ и одобренныхъ Св. Синодомъ книгахъ и руководствахъ для пастырей (каковы, напр., Номоканонъ при Большомъ и Маломъ Требникахъ, Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, Послѣдованіе о исповѣданіи), оно не подтверждается и не узаконяется; напротивъ, пастырямъ Церкви предоставляется право, по своему усмотрѣнію, вязать и рѣшить, разрѣшать и запрещать грѣшниковъ:—а потому „ограниченіе, какимъ обставлена власть пастыря налагать запрещенія на людей, болѣющихъ тяжкими грѣхами, въ прибавленіи къ Регламенту о правилахъ причтя церковнаго, не имѣетъ каноническаго значенія, и оно не принято въ нашей церковной практикѣ къ непремѣнному исполненію“²⁾.

Нельзя при этомъ не отмѣтить одного замѣчательнаго явленія. Въ другомъ законодательномъ актѣ Петра Великаго, такъ называемомъ „Уставѣ воинскихъ артикуловъ“, на ряду съ наказаніями чисто гражданско-свѣтскаго характера, за различныя преступленія преступникамъ назначается *публичное церковное покаяніе*. Такъ, на основаніи арт. I-го „идолопоклонникъ, чернокнижникъ, ружья заговоритель, суевѣрный и богохулительный чародѣй, ежели онъ чародѣйствомъ своимъ никакого вреда не учинилъ и обязательства съ сатаною никакого не имѣетъ (?), подвергается наказанію шпицрутенами и притомъ публичному церковному покаянію“; за легкомысленное богохуленіе, вмѣстѣ съ тѣлеснымъ наказаніемъ, виновный можетъ и церковное публичное покаяніе притомъ же

¹⁾ Проф. В. Пѣвницкій. Служеніе священника, стр. 117.

²⁾ Тамъ же, стр. 118.

учинить (арт. 6-й); за употребленіе имени Божія всеу нарушитель имѣетъ Господу явное покаяніе при собраніи людей принести и притомъ половину своего мѣсячнаго жалованья въ гиниталь вмѣсто наказанія дать (арт. 7-й); точно также публичному покаянію церковному, вмѣстѣ съ наказаніемъ по назначенію гражданскаго суда, подвергаются ближніе свояки за учиненіе блуда въ побочной линіи (арт. 174), за незаконное сожительство, сопровождавшееся прижитіемъ ребенка (арт. 176) и проч.¹⁾ Правда, законодатель, при назначеніи церковнаго публичнаго покаянія, почти не касается тѣхъ преступленій противъ вѣры и нравственности, которыя не подлежатъ вѣдѣнію суда гражданскаго, а лишь вѣдѣнію церковной дисциплины, но онъ назначаетъ церковное публичное покаяніе на ряду съ карательными гражданскими мѣрами за тѣ преступленія, въ которыхъ, по мысли законодателя, выражалось не только нарушеніе гражданскихъ законовъ, но и законовъ церковной жизни. Интересна и характерна самая форма совершенія тогда церковнаго публичнаго покаянія, хотя эта форма, какъ видно изъ историческихъ примѣровъ, не была однообразна. Обычно дѣло обстоило такъ. Преступники, по изслѣдованіи ихъ дѣла военнымъ или гражданскимъ судомъ, сначала подвергались соотвѣтственному уголовному наказанію, а затѣмъ отправлялись свѣтскою властію въ св. Синодъ „для очищенія совѣсти публичнымъ церковнымъ покаяніемъ“; Св. Синодъ отсылалъ виновныхъ къ духовенству какого-либо прихода для совершенія формы покаянія. Приходское духовенство заблаговременно объявляло народу о томъ, что въ извѣстный день, обычно въ воскресенье, въ церкви предъ литургіей преступникомъ будетъ принесено публичное покаяніе. Народа собиралось больше, чѣмъ обыкновенно. Преступникъ стоялъ въ церкви среди народа, на видномъ мѣстѣ, окруженный стражей. По окончаніи часовъ діаконъ, вышедши изъ алтаря, читалъ опредѣленіе суда; упоминалъ въ первый

¹⁾ Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ. Спб., 1876. стр. 179.

разъ имя преступника, указывалъ на него народу, а въ заключеніе увѣдомлялъ, что онъ (преступникъ), „свою вину исповѣдуя, приноситъ покаяніе и проситъ отъ всемилостивѣйшаго Бога отпущенія“, и присутствующіе приглашались помолиться о кающемся. Наконецъ, кающійся по извѣстной формѣ произносилъ покаянное исповѣданіе своего преступленія; послѣ же литургіи причтъ и принесшій раскаяніе, подписывались къ формѣ публичнаго покаянія ¹⁾. Публичное покаяніе не сопровождалось ни отлученіемъ отъ принятія св. Тайнъ, ни какими-либо благочестивыми упражненіями; не могло быть рѣчи и объ искренности этого *форменнаго* покаянія кающагося ²⁾.

И по нынѣ дѣйствующему праву церковная епитимія довольно часто назначается гражданскимъ законодательствомъ или какъ мѣра, сопровождающая уголовное наказаніе, или какъ мѣра самостоятельная. Въ 58 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ говорится: „къ наказаніямъ какъ уголовнымъ, такъ и исправительнымъ присоединяется въ нѣкоторыхъ, опредѣляемыхъ законами, случаяхъ церковное покаяніе, по распоряженію духовнаго начальства осужденныхъ“. Такъ, гражданскимъ уложеніемъ назначается церковное покаяніе, наряду съ собственно гражданскими наказаніями, за приготовленіе для продажи и продажу съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, вредныхъ для здоровья или испортившихся и за выдѣлку посуды изъ вредныхъ для здоровья матеріаловъ (Улож. о наказ. ст. 865), за неумышленное произведеніе повивальною бабкою преждевременнаго отъ беременности разрѣшенія (Улож. ст. 878), за нанесеніе съ на-

¹⁾ Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ, стр. 184—185.

²⁾ Св. Синодъ въ одномъ своемъ разъясненіи (1770 г.) объ Уставѣ воинскихъ артикуловъ говоритъ: „въ воинскомъ артикулѣ предписано только то, за какія именно погрѣшенія людей осуждаетъ на церковное покаяніе, а того, чтобы и время для исправленія епитиміи опредѣлять тѣмъ свѣтскимъ правительствомъ, отъ которыхъ оныя осуждаются, не мало не упомянуто, слѣдовательно и предоставлено оное на усмотрѣніе духовныхъ правленій“. Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ, стр. 191.

мѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или другихъ насильственныхъ дѣйствій (Улож. ст. 1464), за неумышленное поврежденіе телеграфа (Улож. ст. 1139), за превышеніе предѣловъ необходимой обороны, сопровождавшееся смертью нападавшаго (Улож. ст. 1467) и проч.

Какъ самостоятельная мѣра, церковное покаяніе гражданскимъ судомъ назначается, напр., за уклоненіе отъ исповѣди и причастія св. Таинъ по нерадѣнію или небрежности (Улож. ст. 208), за неприведеніе родителями къ исповѣди дѣтей своихъ, достигшихъ положеннаго возраста (Улож. ст. 209), за противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею, по взаимному ихъ согласію (Улож. ст. 994), за изобличенное покушеніе на самоубійство (Улож. ст. 1473) и проч. ¹⁾ Самая епитимія, по указу Св. Синода отъ 11 іюля 1851 г., представляется въ такомъ видѣ: кающійся во всѣ праздничные и воскресные дни, а въ другіе по возможности (въ монастыряхъ же во всѣ дни) долженъ ходить въ церковь и предъ иконостасомъ полагать по 25 и болѣе поклоновъ съ произношеніемъ молитвы мытаревой: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“; въ среды и пятки употреблять сухояденіе, въ посты исповѣдываться, безъ допущенія, однако, къ св. причащенію, кромѣ смертнаго случая; кромѣ сего, несущій епитимію можетъ исполнять какія-либо дѣла благочестія, возможные по его состоянію, напр., раздаваніе милостыни, посѣщеніе и призрѣніе больныхъ, домашніе поклоны съ молитвою Іисусовою и проч. ²⁾ Такимъ образомъ, гражданское законодательство проникло въ мало свойственную ему область, и справедливо замѣчаетъ по этому поводу проф. Суворовъ: „тутъ можетъ быть одно изъ двухъ: или кодексъ уголовный долженъ отрѣшиться совершенно отъ свойственной ему государственной точки зрѣнія и стать на точку зрѣнія Церкви и церковной дисциплины, стало быть, преслѣдовать чуждыя ему задачи, стремиться къ цѣлямъ сверхъземнымъ, или же, если онъ не

¹⁾ Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ. стр. 205—210.

²⁾ Тамъ же. стр. 205.

оставить своей государственной почвы, допускать на каждом шагу пробѣлы и противорѣчія, назначать церковное покаяніе въ одномъ случаѣ и не говорить о немъ ни слова въ другомъ, совершенно однородномъ. Самое назначеніе церковнаго покаянія уголовными судами государства, на основаніи государственныхъ законовъ, нельзя не признать явленіемъ вреднымъ для Церкви. Служители Церкви и органы церковной власти отвыкають дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ: покаяніе, которое они должны были бы пробуждать въ преступникахъ, исполняя заповѣдь евангельскую, является готовымъ результатомъ, благодаря тому, что государство предписываетъ это покаяніе и что государство же обезпечиваетъ за этимъ покаяніемъ исполненіе принудительное, не условливаемое доброю волею, не вытекающее изъ внутреннихъ мотивовъ преступника¹⁾.

Едва ли можно спорить противъ того положенія, что „церковное покаяніе есть анахронизмъ въ современномъ уголовномъ кодексѣ: для свѣтскаго законодательства это—излишнее бремя, для Церкви—положительный вредъ“²⁾; но, съ другой стороны, нельзя не желать искренно, чтобы въ самой средѣ и жизни церковнаго общества покаянная церковная дисциплина заняла подобающее ей мѣсто и приобрѣла собственное ей вліяніе на укрѣпленіе и возвышеніе религіозно-нравственной жизни христіанскаго общества. Что бы ни говорили слишкомъ рьяные защитники свободы или, правильнѣе, произвола и разнузданности, духовно-нравственная жизнь чело-вѣка или общества; какъ и всякая другая общественная жизнь, нуждается въ опредѣленныхъ нормахъ, упорядочивающихъ эту жизнь и направляющихъ ее къ извѣстнымъ цѣлямъ, и въ узахъ, сдерживающихъ дурные инстинкты и злую волю людей и обуздывающихъ распространеніе безнравственности. Что стало бы съ тѣмъ обществомъ,—какія бы цѣли

¹⁾ Проф. Н. Суворовъ. *О церковныхъ наказаніяхъ*, стр. 210, см. и далѣе.

²⁾ Тамъ же, стр. 212.

оно ни преслѣдовало,—въ которомъ каждый членъ дѣлалъ бы, что хотѣлъ, и безнаказанно нарушалъ уставы этого общества? Приблизилось ли бы это общество къ осуществленію своихъ цѣлей? Если и Церковь основана Господомъ не только для того, чтобы она была „столпомъ и утвержденіемъ истины“, но и для приведенія людей въ „мѣру возраста совершенна“, то она должна осуществлять свое назначеніе тѣми мѣрами и средствами, какія ей предоставлены ея Основателемъ. Покаянная церковная дисциплина—одно изъ сильнѣйшихъ средствъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на христіанъ, какъ членовъ Церкви; въ покаянной дисциплинѣ—выраженіе внутренней жизни Церкви. Такъ смотрѣли на покаянную церковную дисциплину отцы Церкви: ихъ многочисленныя правила показываютъ, сколь большое значеніе придавали они покаянной дисциплинѣ, что они въ ней видѣли могучее средство для сдерживанія дурныхъ инстинктовъ, для направленія злой воли къ добру и для укрѣпленія ея на пути добра. И исторія первыхъ вѣковъ христіанства показываетъ, какія живительныя силы, въ смыслѣ поднятія и укрѣпленія религіозно-нравственной жизни церковнаго общества, хранитъ въ себѣ должнымъ образомъ направленная покаянная церковная дисциплина, какіе прочные устои сообщила она тогдашней церковной жизни. Конечно, нельзя мечтать о возвращеніи дѣйствія покаянной церковной дисциплины во всей силѣ и строгости древне-отеческихъ канонѣвъ: что было приложимо, по условіямъ древне-христіанской жизни, къ сильнымъ духомъ и вѣрою христіанамъ первыхъ вѣковъ, то не всегда можетъ быть приложимо къ слабымъ сынамъ вѣка сего, такъ какъ сильно-дѣйствующія лѣкарства оказываютъ благотворное дѣйствіе только на сильныхъ людей. Но, съ другой стороны, должно стремиться къ тому, чтобы покаянная церковная дисциплина продолжала сохранять, хотя бы и сообразуясь съ условіями жизни теперешняго церковнаго общества, свойственное ей вліяніе на его жизнь. Недаромъ раздаются голоса, указывающіе причину теперешней значительной распатанности жизни

русскаго церковнаго общества въ ослабленіи покаянной церковной дисциплины, указывающіе на необходимость для Церкви пользоваться свойственными ей мѣрами для того, чтобы пріостановить эту распатанность, возстановить болѣе прочные устои церковной жизни, и призывающіе пастырей Церкви пользоваться своимъ правомъ „вязать и разрѣшать“ въ цѣляхъ поднятія религіозно-нравственной жизни современнаго общества ¹⁾. И пастырь Церкви можетъ и долженъ пользоваться средствами покаянной церковной дисциплины для исправленія кающихся грѣшниковъ. Снисходительный къ грѣшникамъ, кающимся искренно, падающимъ по слабости, но и стремящимся возстать отъ паденія,—онъ долженъ быть строгъ къ грѣшникамъ упорнымъ и коснѣющимъ во грѣхахъ; снисходительный къ людямъ, грѣшнымъ обычными грѣхами и слабостями, своими грѣхами не производящимъ соблазна въ церковномъ обществѣ,—онъ долженъ быть неумолимо строгъ къ грѣшникамъ, совершающимъ важныя преступленія, производящимъ соблазнъ въ его паствѣ, а такихъ грѣшниковъ онъ не долженъ допускать до принятія св. Таинъ. „Когда пастырь будетъ дѣлать разрѣшеніе за всѣ, самые тяжкіе и смертныя грѣхи и будетъ стѣсняться въ потребныхъ случаяхъ налагать запрещеніе,—онъ этимъ самымъ будеть способствовать утвержденію въ средѣ своихъ пасомыхъ легкаго взгляда и на самыя большія беззаконія, которыя навлекаютъ на виновнаго гнѣвъ Божій,—и здѣсь, въ этомъ безразличномъ отношеніи пастыря къ грѣхамъ, какъ малымъ—простительнымъ, такъ великимъ и смертнымъ, можетъ брать начало и находить поддержку то теплохладное отношеніе къ требованіямъ нравственной чистоты и святости жизни, какое такъ замѣтно среди нынѣшнихъ христіанъ, и какое не должно бы быть терпимо въ живыхъ членахъ Церкви Божіей. вмѣстѣ съ этимъ, при пастырскомъ послабленіи, исчезнетъ изъ грѣховнаго сознанія мысль о судѣ церковномъ, которая должна быть нѣкоторою

¹⁾ „О значеніи церковной дисциплины въ народной жизни“. Свящ. І. Фудель. Миссіонерское Обзорѣніе, лѣв., 1900 г., стр. 18—37.

сдерживающею уздою для человѣка, склоннаго къ уклоненію отъ жизни по закону Божію. Но что еще важнѣе, тогда въ глазахъ грѣшника можетъ потерять величіе непреступной святости тайна Тѣла и Крови Христовой, когда къ ней будетъ открытъ безпрепятственный доступъ всѣмъ, и отягченнымъ великими беззаконіями“¹⁾. *А. Тр.*

¹⁾ Проф. В. Пѣвницкій. Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ. Кіевъ, 1890 г., стр. 102—103.

Изъ дневника священника.

По отзывамъ нашихъ литературныхъ критиковъ, ни одинъ писатель не завоевывалъ такъ быстро и въ такой широкой степени симпатій читающаго міра, какъ современный властитель думъ, молодой еще беллетристъ Максимъ Горькій, съ которымъ отчасти уже знакомы читатели нашего дневника. Многіе высказываютъ предположеніе, что такая необычная популярность означеннаго писателя въ значительной степени зависитъ отъ его столь же необычной судьбы: вчерашній чернорабочій, или, какъ выражаются нѣкоторые, примѣняясь къ имени его героевъ, „босякъ“, — дѣлается сегодня пророкомъ, властно ведущимъ за собою и нашу и иностранную интеллигенцію... Очень можетъ быть, что послѣднее, наряду съ несомнѣннымъ сильнымъ художественнымъ дарованіемъ, и усиливаетъ вниманіе публики къ произведеніямъ г. Горькаго, но во всякомъ случаѣ такое увлеченіе, какъ показатель современнаго направленія мыслей и чувствъ, весьма характерно и заслуживаетъ особаго вниманія.

Насъ интересуютъ религіозные мотивы въ произведеніяхъ Максима Горькаго; на нихъ и остановимся мы послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ.

Относительно религіозно-нравственнаго настроенія г. Горькаго, какъ учителя, мы несовсѣмъ согласны съ нѣкоторыми

¹⁾ Проф. В. Пѣвницкій. Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ. Кіевъ, 1890 г., стр. 102—103.

критиками, безповоротно причислившими его къ разряду чуть не противниковъ христіанства. По нашему убѣжденію, данный писатель въ образованіи своего міровоззрѣнія стоитъ на полпути, что онъ высказалъ и въ прекрасномъ своемъ разсказѣ „Читатель“. . Скажу болѣе: упоминанія Горькаго, хотя и рѣдкія, о Спасителѣ и Его Божественномъ ученіи дышатъ такимъ благоговѣніемъ, какое понятно лишь въ устахъ вѣрующаго человѣка...

Но оставимъ пока этотъ вопросъ въ сторонѣ: произведенія писателя должны быть разсматриваемы независимо отъ его личнаго міровоззрѣнія.

На сей разъ наше вниманіе останавливаютъ на себѣ два самыя крупныя произведенія г. Горькаго—„Өома Гордѣевъ“ и „Трое“: въ нихъ затронуть и послѣдовательно развить въ одномъ возможномъ направленіи религіозный вопросъ о смыслѣ жизни и Промыслѣ Божіемъ.

Фабула перваго произведенія очень проста.

Өома Гордѣевъ, сынъ волжскаго купца-богатыря Игната Гордѣева, унаслѣдовалъ отъ отца милліонное состояніе въ такомъ возрастѣ, когда жизнь раскрывается предъ человѣкомъ, обѣщая ему все хорошее и счастливое. Богатство, власть, физическая красота, здоровье, словомъ все, чѣмъ наградила Өому судьба,—сулило ему въ соотвѣтствіи съ кругомъ потребностей родной его купеческой среды—нескончаемое довольство. На дѣлѣ вышло не то. Өома погибъ отъ внутренней душевной борьбы: не нашелъ онъ смысла въ своей, такъ понятной для всѣхъ людей его круга, жизни, и мы на послѣдней страницѣ повѣсти застаемъ его психически больнымъ человѣкомъ.

Первыми и главными учителями Өомы были его отецъ и „крестный“ умный купецъ Маякинъ. Всѣми силами старались они насадить въ душу своего питомца купеческую мораль ловкой наживы. Никогда отъ нихъ не слышалъ Өома ни слова о Богѣ, ни завѣта о любви къ ближнему. Капиталь—вотъ тотъ магнитъ, который, по ихъ рѣчамъ, долженъ исключительно приковывать къ себѣ человѣка. Религіозная натура Өомы не

ный говорить—она какъ ледъ была. И все ее тянуло куда-то, вотъ и меня тянетъ... къ людямъ тянетъ... Пошелъ бы и сказалъ: братцы! помогите. Научите! Жить не могу! Оглянешься—некому сказать... Никому это не нужно... (Всѣ) даже будто хуже меня. Я хоть стыжусь жить, какъ живу... а они ничего! дѣйствуютъ!... Какой прокъ въ дѣлахъ? Деньги? Много ихъ у меня. Обманъ одинъ дѣла эти всѣ. Вижу я дѣльцовъ—ну что же? Жадность у нихъ большая, а все таки нарочно это они кружатся въ дѣлахъ для того, чтобы самихъ себя не видать было... Прячутся! Ну-ка освободи ихъ отъ суеты этой—что будетъ? Какъ слѣпые начнутъ соваться туда и сюда... всякій смыслъ теряютъ, съ ума посходятъ... Люди, какъ тараканы, совсѣмъ лишніе на землѣ... Все для нихъ, а они для чего? Въ чемъ ихъ оправданіе?—„Въ туманъ и неизвѣстность,—думаетъ Оома, сидя на плывущемъ по Волгѣ пароходѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ непроницаемой для глазъ мутой,—медленно и тяжело двигается куда-то жизнь людей. А люди сокрушаются о грѣхахъ, вздыхаютъ тяжело и тутъ же дерутся за теплое мѣсто и, побивъ другъ друга за обладаніе имъ, принимаютъ еще побои отъ тѣхъ, кто хочетъ добиться порядка въ жизни. Робко ищутъ они свободный путь къ цѣли своей...

Десять! восемь!

Тихо по судну разносится ноющей крикъ матроса, и святая молитва странника, бывшаго на пароходѣ глохнетъ въ шумѣ жизни... И нѣтъ свободы отъ тоски, нѣтъ радости тому, кто „задумается надъ судьбою своей“...

Погибъ Оома: взятый за расточительность подъ опеку Маякинымъ онъ былъ оставленъ имъ безъ копейки и доживалъ свои дни идиотомъ, посмѣшищемъ праздно толпы.

Погибъ Оома по своему сознанию только оттого, что постигъ безсмысленность своей жизни.—„Нужно жить, разсуждаетъ герой одной изъ раннихъ повѣстей г. Горькаго („Макаръ Чудра“)—иди, иди и все тутъ. Долго не стой въ одномъ мѣстѣ.—Чего въ немъ? Вотъ какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ, вокругъ земли, тамъ и ты бѣгай,

отъ думъ про жизнь, чтобы не разлюбить ее. А задумаешься — разлюбишь жизнь, это всегда такъ бываетъ“. Эта-то дума, по мнѣнію Θомы, и погубила его.

„Я пропалъ, говорить онъ близкій уже къ своей болѣзни. Знаю. Пропалъ отъ своей слабости... Я увидалъ много и ослѣпъ... Какъ сова... Мальчишкой помню... гонялъ я сову въ оврагѣ... она полетитъ и треснется обо что-нибудь... Солнце ослѣпило ее. Избилась вся и пропала... А отецъ тогда сказалъ мнѣ: вотъ такъ и человѣкъ... иной мечется, мечется, избобется, измучится и бросится куда попало... лишь бы отдохнуть“. Всѣ люди также, думаетъ Θома, должны погибнуть, если только у нихъ откроются глаза на жизнь, и предъ ихъ сознаниемъ станетъ мучительный вопросъ „зачѣмъ“. „Всѣ эти люди, какъ и онъ, охвачены тою же темною волной и несутся съ нею, какъ мусоръ, одичавшіе, озвѣрѣвшіе отъ чего-то. Всѣмъ имъ, какъ и ему, боязно должно быть заглянуть впередъ, чтобы видѣть, куда же несетъ ихъ эта бѣшенно-сильная волна. И заливая виномъ свой страхъ, они рвутся впередъ по теченію, барахтаются, орутъ, дѣлаютъ что-то пелѣное, дурачатся, шумятъ, шумятъ, и никогда имъ не бываетъ весело“...

Произведенія г. Горькаго сильны своею отрицательной стороною—какъ критика современнаго матеріалистическаго жизненнаго строя, въ которомъ нѣтъ мѣста высшимъ запросамъ человѣческаго духа. Немало теперь различныхъ соціологическихъ теорій, которыми оправдывается такой порядокъ вещей, какъ нѣчто неизбежное и потому законное. На почвѣ уже отжившей свое время матеріалистической философіи создаются теоріи такъ позываемаго экономическаго матеріализма, которыя сводятъ всю жизнь человѣка исключительно къ утробнымъ интересамъ, осуждая всѣ вопросы духа высшаго порядка, какъ „пережитки“ раннихъ періодовъ человѣческой жизни. Не боясь сказать парадокса, можно вполне сблизить удивительно послѣдовательную мудрость жизни купца Маякина съ теоріями современныхъ политико-экономовъ—сторонниковъ капиталистическаго строя: что философы возводятъ въ общій законъ, Маякины отъ дней своего рожденія практикуютъ не философ-

ствуя, какъ единственно разумное правило жизни... Со всею силою своего первокласснаго дарованія г. Горькій возстаётъ противъ сказанной „благоприличной“ житейской морали.—Въ упомянутой уже повѣсти „Читатель“ онъ ставитъ себѣ, какъ литератору, идеалы учителя. „Жизнь растетъ и въширь и въглубь, говоритъ такъ таинственный незнакомецъ писателю, хотя растетъ она медленно, ибо у насъ нѣтъ силы и умѣнья ускорить ея движенія. Растетъ жизнь, и съ каждымъ днемъ люди учатся спрашивать. Кто будетъ отвѣчать имъ? Должно быть вы, апостолы самозванцы. Но понимаете ли вы жизнь настолько, чтобы объяснять ее другимъ? Но понимаете ли вы запросы своего времени, предчувствуете ли вы будущее, и что вы можете сказать для возбужденія человѣка, растлѣннаго мерзостью жизни, павшаго духомъ? Онъ усталъ духомъ, его интересъ къ жизни низокъ, желаніе жить съ достоинствомъ въ немъ изсякаетъ, онъ хочетъ жить просто какъ свинья, и—вы слышите?—ужь онъ нахально смѣется, когда произносятъ слово идеаль; человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстою шкурой, эту скверную грудку двигаетъ не духъ, а похоти. Онъ требуетъ вниманія—скорѣе! помогайте ему жить, пока онъ еще человѣкъ! Но что вы можете сдѣлать для возбужденія въ немъ жажды жизни, когда вы только ноете, стонете, ахаете, или равнодушно рисуете, какъ онъ разлагается? Надъ жизнью носится запахъ гніенія; трусость, холопство пронизываютъ сердца, лѣнь вяжетъ умы и руки мягкими путами... Что вы вносите въ этотъ хаосъ мерзости?... О, еслибы явился суровый и любящій человѣкъ съ пламеннымъ сердцемъ и могучимъ всеобъемлющимъ умомъ! Въ духотѣ позорнаго молчанія раздались бы вѣщія слова, какъ удары колокола, и, можетъ быть, дрогнули бы презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ!...

Мнѣ нуженъ учитель, потѣму что я человѣкъ; я запутался во мракѣ жизни и ищу выхода въ свѣтъ, къ истинѣ, красотѣ, къ новой жизни,—укажи мнѣ пути! Я человѣкъ. Ненавидь меня, бей, но извлекай изъ тины моего равнодушія къ жизни! Я хочу быть лучшимъ, чѣмъ есть; какъ это сдѣлать? Учи“!

„Томас Гордѣевъ“—талантливое осуществленіе поставленной задачи писателя въ ея критической части. Имъ г. Горькій „бьетъ“ ледяную кору окружающаго его равнодушія къ идеальной сторонѣ жизни. Людямъ, успокоившимся на своемъ узко-мѣщанскомъ благополучіи, онъ смѣло бросаетъ въ лицо позорное названіе живыхъ труповъ, надѣясь этимъ самымъ хотя немного оживить ихъ. Томас протестуетъ всею своею душевною мучительной борьбой противъ чисто-животной жизни, ничего не ищущей, поставившей давно крестъ надъ всѣми идеальными порывами. „Душа у меня болитъ! говоритъ онъ. И оттого болитъ, что прямая она... на маломъ не мирится... Давай ей отвѣтъ, какъ жить? Для чего?“

Жизнь не хороша—говоритъ намъ г. Горькій. Такъ какъ же надо жить? Отвѣта на этотъ вопросъ мы, къ сожалѣнію, у него не находимъ. „Томас, говоритъ авторъ, могъ бы крикнуть людямъ:

— Какъ живете? Не стыдно ли?

Ну, а если они спросятъ его: а какъ надо жить“...

А отвѣтъ на этотъ (тяжелымъ кошмаромъ давящій всѣхъ лучшихъ людей, по той или иной причинѣ ушедшихъ отъ Христа) вопросъ такъ ясенъ и простъ... Книга жизни открыта для всѣхъ. Самъ г. Горькій не можетъ не видѣть ея и, быть можетъ, помимо своей воли, указываетъ своимъ неподкупнымъ художественнымъ чутьемъ въ самомъ анализѣ душевнаго строя своего Томаса Гордѣева. Натура Томаса, сказали мы выше, была религіозная. Воспитательница Томаса тетка Анѳиса, благочестивая, мистически настроенная женщина, немало содѣйствовала развитію и укрѣпленію природнаго чувства. Въ ранніе еще годы, когда онъ впивалъ въ себя науку Маякина, наперекоръ послѣдней въ немъ вспыхивало благоговѣнное чувство къ Богу, хотя и смутное по своему содержанію. „Томас рано начиналъ познавать прелесть одиночества и сладкую отраву мечтаній. Часто лѣтними вечерами, когда все на землѣ окрашивается въ огненные, возбуждающія воображеніе краски заката,—въ грудь его проникало смутное томленіе о чемъ-то непонятномъ ему... Иль вдругъ сердце его трепетало отъ же-

ланія сказать что-то благодарное Богу, преклониться предъ нимъ, слова молитвы вспыхивали въ его памяти и, глядя на небо, онъ по долгу шепталъ ихъ одну за другой; и сердце его облегалось, изливая въ молитвѣ избытокъ силъ своихъ“. Позднѣе, когда отчаяніе стало посѣщать душу Оомы, изъ которой религіозное чувство болѣе и болѣе вывѣтривалось, память о счастливыхъ временахъ религіозно-настроенной жизни скрашивала горькія минуты душевной борьбы. „Образъ Анѳисы колебался тогда во тьмѣ предъ Оомою, какъ скромное пламя восковой свѣчи... и гась, исчезая во мракѣ! Чуялось тогда измученному бѣднягѣ, что есть же отвѣтъ на мучащій его вопросъ, есть утѣшитель „труждающихся и обремененныхъ“. Сидитъ Оома на бревнахъ и думаетъ свою неотвязчивую думу. „Съ неба вѣяло грустью; чувство одиночества давило Оому.

Господи Иисусе! думалъ онъ, тоскливо глядя въ небо. Экой я неудачный... Ничего во мнѣ нѣтъ... ничего въ меня Богомъ не вложено. Зачѣмъ я такой пужень? Господи Иисусе! Отъ воспоминанія о Христѣ, добавляетъ авторъ, Оомѣ стало какъ-то легче, одиночество какъ бы смягчалось и, вздохнувъ всею грудью, Оома началъ безмолвно говорить Богу:

„Господи Иисусе! Зачѣмъ такая жизнь!“ Религіознымъ чувствомъ, хотя нѣсколько пантеистическаго характера, проникнуты думы Оомы, возбужденныя въ немъ словами мистика странника, съ которымъ онъ случайно встрѣтился на пароходѣ. Удались отъ міра—говоритъ ему послѣдній, „отложись отъ него“. Тогда ты и уразумѣешь смыслъ жизни. Со стороны виднѣе! „Запумяютъ вокругъ тебя лѣса дремучіе сладкими голосами о мудрости Господа, запоютъ тебѣ птички Божіи о святой славѣ Его, а степныя травы курятъ ладаномъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ... Въ каждой травкѣ бьется сердце Господа, всякое насѣкомое, воздушное и земное, дышитъ святымъ духомъ его. Всюду живъ Богъ Господь Иисусъ Христось!

Оома слушалъ, и его воображеніе, плѣненное тихимъ чарующимъ рассказомъ, рисовало ему эти широкія поля и глухіе лѣса, полные красоты и тишины, умиротворяющіе душу.

Смотришь въ небо, лежа гдѣ-нибудь подъ кустикомъ, а оно все къ тебѣ опускается, какъ обнять тебя хочетъ. На душѣ тепло и тихо—радостно, ничего то тебѣ не хочется, ничему не завидно... Такъ вотъ и кажется, что на всей землѣ —только ты да Богъ.

Странникъ говорилъ, а Оомѣ его голосъ и пѣвучая рѣчь напоминали чудныя сказки старой тетки Анеисы... Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто послѣ долгаго пути въ жаркій день пилъ чистую и студеную влагу лѣснаго ручья,—влагу, пропитанную запахомъ травъ и цвѣтовъ, омываемыхъ ею.

Смутно влекся Оома къ Богу, Котораго заслонили въ его душѣ наросты отъ отцовскихъ и Маякиновскихъ рѣчей. Смутно понималъ онъ также, что въ принесеніи пользы людямъ и состоитъ тотъ смыслъ жизни, котораго онъ съ такою болью ищетъ.—Что ты сдѣлалъ за жизнь? спрашиваетъ Оома у крестнаго. Чѣмъ тебя помянуть? Отецъ вотъ—домъ для бѣдныхъ выстроилъ, а ты что“?...

Г. Горькій оставилъ своего героя безпомощнымъ пессимистомъ, не рѣшившимъ вопроса—зачѣмъ жить,—точно рѣшившимъ его въ томъ безпросвѣтномъ смыслѣ, что цѣли жизни не уразумѣешь. Какъ спугнутая сова при дневномъ свѣтѣ неизбѣжно должна биться до послѣдней силы, такъ и Оома, глаза котораго „къ несчастію“ открылись, долженъ по смыслу автора погибнуть. И онъ погибъ. А между тѣмъ онъ былъ на дорогѣ къ постиженію смысла жизни, на пути къ источнику живой воды, въ небесныхъ струяхъ котораго онъ могъ бы утолить свою жажду. Авторъ, къ *глубокому сожалѣнію*, не повелъ его къ этому пути...

Но выраженію одного литератора, изъ разбираемаго нами произведенія г. Горькаго „святой духъ недовольства“ сталъ теперь проникать и въ спокойные дома нашихъ купцовъ. Г. Горькій, если не ошибаюсь, первый съ особеннымъ стараніемъ сталъ раскрывать передъ нами души людей низшаго класса, „болѣющихъ“ высокими запросами человѣческаго духа. И понятно: причины указанной болѣзни, а равно и симптомы ея, у этихъ людей должны быть различны сравнительно съ

тѣми же у людей интеллигентныхъ... Анализированный нами типъ Оомы Гордѣева въ этомъ отношеніи очень поучителенъ.

Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что Оома не вышелъ изъ своей душевной борьбы побѣдителемъ,—чѣмъ объяснить, что онъ въ концѣ концовъ не только не приблизился къ истинной дорогѣ, а *потерялъ надежду найти ее?*.. Какъ мы видѣли, и въ самой природѣ Оомы—религіозно-мистической—и въ годахъ его дѣтства—разумѣю влияніе тетки Анфисы,—были все же, хотя и не сильныя, благотворныя влиянія. Почему же Оома не воспользовался этими вѣхами для отысканія царскаго пути христіанской правды и добра?! - Нѣкоторые критики склонны объяснять такую непослѣдовательность въ настроеніи и дѣйствіяхъ Оомы—просто ходульностью тина, отсутствіемъ въ немъ жизненной правды. Былъ, говорятъ, Оома самодуромъ, кунеческимъ сыномъ имъ и остался. Мысли и чувства, искусственно навязываемыя ему авторомъ, чужды его натуры ¹⁾. Намъ думается иначе. Аналитики, подобные Оомѣ, —жертва современнаго жизненнаго строя, извѣстнаго опредѣленнаго уклада ея. На почвѣ послѣдняго, въ соотвѣтствіи съ нимъ, и образовывается въ нихъ извѣстное теоретическое міровоззрѣніе. Что же видѣлъ въ этомъ отношеніи вокругъ себя Оома? Правила христіанской вѣры и нравственности несомнѣнно извѣстныя ему изъ наставленій близкихъ людей, не имѣли въ жизни послѣднихъ примѣненія. Наоборотъ: Оома видѣлъ что Маякины живутъ по другимъ завѣтамъ, совершенно противоположнымъ завѣтамъ Спасителя, пользуясь послѣдними только для лицемѣрнаго прикрытія своихъ хищническихъ инстинктовъ... И далекими и отвлеченными при такихъ условіяхъ дѣлаются для него самого Божественныя слова истины нашей религіи. Все несчастіе Оомы состояло въ томъ, что онъ не встрѣтилъ на своемъ пути живого осуществленія извѣстныхъ ему теоретически религіозно-нравственныхъ истинъ и не былъ такимъ образомъ самымъ дѣломъ приведенъ къ истинной дорогѣ. Ему лишь заочно говорили: иди вонъ туда,—тамъ

¹⁾ Такъ, напр., думаетъ авторъ статьи о Горькомъ, пом. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1901 г., 11.

источникъ живой воды, но не видѣлъ онъ предъ собою самихъ путниковъ, которые бы своимъ примѣромъ влекли его за собой. Если для людей уже сравнительно высокой культуры духа живое проявленіе въ жизни силы Христовой вѣры имѣетъ больше значенія, чѣмъ теоретическія поученія и наставленія, то для людей, подобныхъ Ѳомѣ, оно незамѣнимо послѣдними. Въ послѣднее время въ нашей богословской литературѣ—и въ апологетическихъ статьяхъ и въ словахъ нашихъ архипастырей¹⁾ наиболѣе рельефно выдвигается та мысль, что лучшимъ средствомъ приведенія ко Христу чуждыхъ Ему служить высокая жизнь самихъ христіанъ, которая неизбѣжно освѣщаетъ имъ путь къ добру, подобно тому, какъ неизбѣжно свѣча свѣтитъ находящимся вблизи нея, если только послѣдніе не потеряли органа зрѣнія... Ѳома далеко не мертвый трупъ. И встрѣтятся онъ съ истинными христіанами, мы увидали бы въ немъ, вѣроятно, типъ тѣхъ высокихъ въ своей гуманной дѣятельности богачей, которыхъ все же время отъ времени выдѣляетъ ихъ себя наше купечество...

Заключимъ свою рѣчь: намъ, считающимъ себя христіанами, литературные типы Гордѣевыхъ съ ихъ душевною мукою, несомнѣнно близкихъ жизни, неустанно напоминаютъ пзвѣстные слова Божественнаго нашего учителя, сказанныя имъ въ началѣ нагорной бесѣды, о соли, потерявшей свою силу, и о свѣчѣ, зажженной и поставленной подъ сосудъ.

Священникъ *Константинъ Алексѣевъ*.

¹⁾ См., напр., рѣчь преосвященнаго Волинскаго Антонія при врученіи жезла Арсенію, епископу Владимиро-Волинскому. Ц. В., № 30.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Теодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 11 сентября 1902 г.

Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 39.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, сентября 29-го.

Содержаніе: Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе). — Наказанія для духовныхъ лицъ по древне-каноническимъ правиламъ и по дѣйствующимъ постановленіямъ нашей отечественной церкви. — Замѣтки.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго.

§ 21. *Порядокъ избранія, нареченія, исповѣданія и обѣщанія (присяги) и рукоположенія во епископа.*

„Егда время случится избрати архіереа на вдовствующій кій архіерейскій престоль, тогда въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ разсуждаютъ²⁾, кто вѣсть кого до-

¹⁾ См. № 16 за 1902 г.

²⁾ Въ чинѣ 1725 г. прибавлено: „чрезъ мнѣнія, и напишетъ всякъ отъ членовъ съ рукоприложеніемъ“. Опис. док. и дѣл. хранящ. въ архивѣ Св. Синода, т. I, ст. 684.

волни на таковое достоинство¹⁾: и избравше двухъ или трѣхъ предлагаютъ къ опредѣленію Пресвѣтлѣйшему Его Императорскому Величеству, кому отъ тѣхъ²⁾ архіереемъ быти повелить“. По избраніи достойнѣйшаго Государемъ Императоромъ и по утвержденіи доклада Св. Синода, происходитъ „нареченіе“ въ архіерея, по особому чину. Въ Петербургѣ чинъ нареченія приурочивается ко дню засѣданія Св. Синода и происходитъ въ залѣ засѣданій его, въ Москвѣ—въ синодальной конторѣ, а въ отдаленныхъ отъ столицъ епархіяхъ—въ покояхъ того архіерея, коему Св. Синодъ указалъ совершить хиротонію во епископа. Нареченіе во епископа совершается за нѣсколько дней до хиротоніи.

Въ день „нареченія“ избранный во епископа, облачившись въ архимандритскую мантию, стоитъ въ алтарѣ синодальной церкви, если нареченіе происходитъ въ Петербургѣ, или въ церкви двѣнадцати апостоловъ, если оно совершается въ Москвѣ, или въ крестовой церкви, если хиротонія имѣеть совершаться однимъ изъ епархіальныхъ архіереевъ. Здѣсь же въ алтарѣ находятся два старѣйшіе архимандрита или два почетнѣйшіе протоіерея города, назначенные подводить нарекаемаго во епископа, ключарь собора или сакелларій и протодіаконъ. Архимандриты имѣють на себѣ мантии, а протоіереи, пресвитеры и протодіаконъ—священныя одѣянія.

Когда соберутся въ назначенный часъ въ залѣ засѣданія всѣ архіереи³⁾, которые имѣють совершать нареченіе и потомъ хиротонію, то они надѣваются на себя мантии, а первенствующій изъ нихъ, кромѣ того, возлагаетъ на себя епитрахиль, малый омофоръ и поручи, и занимаютъ въ порядкѣ старшинства мѣста за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и

¹⁾ Тамъ же прибавлено: „и многое о семъ истязаніе сотворше, избирають двѣ персоны, и избравше предлагаютъ къ опредѣленію“ и т. д.

²⁾ двоихъ.

³⁾ При нареченіи, „призываемы бываютъ вси архіереи, елики обрянуты въ царствующемъ градѣ“.

имѣющимъ на себѣ зеркало и Евангеліе, и садятся на приготовленныхъ сѣдалищахъ. Пѣвчіе и народъ допускаются на это торжество въ количествѣ, какое можетъ вмѣстить залъ засѣданія. Назначенные къ подведенію нарекаемаго во епископа старѣйшіе архимандриты или протоіереи и другіе священнослужители приходятъ въ залъ засѣданія, берутъ благословеніе у предсѣдателя собора епископовъ и идутъ за нарекаемымъ во епископа въ названный алтарь. Черезъ царскія двери нарекаемый, имѣя по бокамъ двухъ архимандритовъ или протоіереевъ, а впереди ключари съ крестомъ и протодіакона съ святою водою и кропиломъ, выходитъ въ храмъ и направляется въ залъ засѣданія, молится передъ св. иконою, кланяется предсѣдателю и прочимъ архіереямъ, принимаетъ отъ каждаго изъ нихъ благословеніе по старшинству съ цѣлованіемъ руки и становится среди подводящихъ его архимандритовъ за столомъ противъ зеркала. Оберъ-секретарь Синода или секретарь Консисторіи, стоя за столомъ съ боку, читаетъ избранному въ слухъ всѣхъ присутствующихъ „объявленіе“ о назначеніи его во епископа по такой формѣ: „Честный отецъ архимандритъ или іеромонахъ (имярекъ). Всепресвѣтлѣйшій и самодержавнѣйшій ¹⁾ великій Государь Императоръ Николай Александровичъ, самодержецъ всероссійскій, имяннымъ своимъ Величества указомъ повелѣваетъ, и Святѣйшій Правительствующій всероссійскій Синодъ благословляютъ вашу святыню быть епископомъ богоспасаемыхъ градовъ имярекъ“. Избранный на это отвѣчаетъ: „Понеже ²⁾ всепресвѣтлѣйшій и самодержав-

¹⁾ Въ чинѣ 1725 года это призваніе имѣетъ слѣдующія отличія: „великодержавнѣйшій Государь Петръ Великій, отецъ отечества, Императоръ и самодержецъ всероссійскій.. Синодъ призываетъ вашу святыню во епископы богоспасаемыхъ градовъ, имярекъ“. Опис. док. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Синода, т. 1, стр. 684, прим. 1.

²⁾ Въ томъ же чинѣ согласіе выражается краткою фразою, употреблявшеюся съ глубокою древности: „Благодарю и приѣмлю и нимало вопреки глаголю“. Тамъ же ст. 685. Послѣ этой фразы повонареченнаго, архіерей сажали его среди себя, а пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Затѣмъ первенствующій давалъ ему цѣловать св. животворящій крестъ и окроплялъ его св. водою. Тамъ же, ст. 685.

нѣйшій великій Государь Императоръ Николай Александровичъ, самодержецъ всероссійскій повелѣлъ произвести, и Святѣйшій Правительствующій всероссійскій Синодъ судили мене достойна быти въ такую службу, благодарю и приѣмлю и ни мало вопреки глаголю“, при чемъ дѣлаеть собору епископовъ поклонъ. Всѣ архіереи поднимаются послѣ этого съ своихъ мѣстъ и, обратившись къ св. иконѣ, находящейся въ залѣ засѣданія, начинаютъ краткое молебное пѣніе Святому Духу.

Предсѣдательствующій возглашаетъ: „Благословенъ Богъ нашъ“, всѣ прочіе архіереи, отвѣтивъ: „Аминь“, поютъ „Царю небесный“, „Трисвятое“, „Пресвятая Троица“ и „Отче нашъ“. По возгласѣ первенствующаго: „Яко твое есть царство“, архіереи поютъ тропарь: „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей“ и „Слава и нынѣ“, кондакъ: „Егда снишедъ языки слія“. Предсѣдатель собора произноситъ затѣмъ краткую сугубую ектеню: „Помилуй насъ Боже“, „Еще молимся о благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ... и о супругѣ его“, „Еще молимся о наслѣдникѣ его“, „Еще молимся о Святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ“, „Еще молимся о всечестномъ архимандритѣ или іеромонахѣ, имярекъ, новозбранномъ во епископа богоспасаемыхъ градовъ имярекъ“ и „Еще молимся за всю братію“. Архіереи на каждое прошеніе отвѣчаютъ троекратнымъ пѣніемъ: „Господи помилуй“. Первенствующій архіерей заключаетъ ектеню возгласомъ: „Яко милостивъ и человеколюбецъ Богъ“, послѣ котораго произноситъ: „Премудрость“. Архіереи поютъ: „Честнѣйшую херувимъ“, „Слава и нынѣ“, „Господи помилуй“ трижды и „Владыко, благослови“. Первенствующій творить отпустъ: „Иже въ видѣніи огненныхъ языкъ съ небесе ниспославый пресвятаго Духа на святыя своя ученики“. Протодіаконъ произноситъ потомъ многолѣтіе царствующему дому, Св. Синоду и нареченному, на которое пѣвцы отвѣчаютъ пѣніемъ: „Многая лѣта“, и краткое моленіе Св. Духу оканчивается.

Нареченный, когда архіереи послѣ молитвословія садутъ,

стоя передъ зеркаломъ, произноситъ къ собору епископовъ благодарственную рѣчь, по окончаніи которой подходитъ къ первенствующему епископу, цѣлуетъ подаваемый ему крестъ и окропляется св. водою, а затѣмъ, принявъ у всѣхъ архіереевъ благословеніе, въ сопровожденіи подводящихъ архимандритовъ или протоіереевъ; удаляется въ алтарь, спинаетъ съ себя мантию и отправляется „во своя“.

Въ день, назначенный для хиротоніи во епископа, звонъ ко всенощному бдѣнію наканунѣ совершается „по уставу“, на девятой пѣсни „благовѣстятъ въ большій колоколь“, какъ на канунѣ большихъ крестныхъ ходовъ. Къ литургіи „благовѣстятъ въ воловья“, т. е. съ перезвономъ, какъ въ дни храмовыхъ праздниковъ, во время водоосвященія. Встрѣчаютъ митрополита или первенствующаго изъ епископовъ всѣ участвующіе въ совершеніи хиротоніи и новонареченный, который, во время чтенія входныхъ молитвъ, стоитъ за первенствующимъ архіереемъ, вслѣдъ за нимъ и прикладывается къ намѣстнымъ иконамъ и къ мощамъ. Получивъ затѣмъ вмѣстѣ съ прочими священнослужителями благословеніе, новонареченный уходитъ въ алтарь и тамъ облачается во всѣ одежды и отличія архимандритскаго сана, за исключеніемъ набедренника, и становится съ лѣвой стороны престола. Въ алтарѣ облачаются и всѣ архіереи, которые должны участвовать въ хиротоніи.

Во время часовъ „среди церкви близъ амвона на помостѣ церковнѣмъ полагается изображеніе орла единоголовна, крила простерта имуща, на ногахъ право стояща, подъ ногами же его градъ со забралаи и столпами: орлу же яко наступившу на столпы оны. И сія убо стрегутъ, еже никому же наступити на орла“.

По окончаніи часовъ, архіереи выходятъ изъ алтаря царскими дверями, а архимандриты и пресвитеры съ діаконами черезъ сѣверныя и южныя двери и направляются къ кааедрѣ первенствующаго архіерея. Архіереи восходятъ „на театръ“¹⁾

¹⁾ Въ числѣ 1725 г. имѣется слѣдующее замѣчаніе о „театрѣ“ для архіереевъ: „Буди же вѣдомо о мѣстѣхъ архіерейскаго поставленія, ко-

или на амвонъ, стоящій посреди храма, и, поцѣловавшись въ руку съ первенствующимъ, садятся по старшинству на приготовленныхъ для нихъ сѣдалищахъ, по обѣимъ сторонамъ его, а архимандриты и пресвитеры, поклонившись первенствующему епископу, становятся, по чину, на правой и лѣвой сторонахъ амвона до соли.

Протопресвитеръ или протоіерей и протодіаконъ становятся между орломъ и каедрою епископовъ, обратившись лицомъ къ алтарю, молятся, повертываются къ сидящимъ архіереямъ, кланяются имъ, принимаютъ благословеніе отъ архіереевъ съ цѣлованіемъ ихъ рукъ по старшинству и идутъ въ алтарь—протоіерей южными дверями, а протодіаконъ сѣверными. Соединившись вмѣстѣ у святаго престола, они молятся передъ нимъ, цѣлуютъ его и, обернувшись на западъ, въ царскихъ дверяхъ кланяются архіереямъ и потомъ поклономъ передъ новоизбраннымъ приглашаютъ его занять мѣсто среди нихъ. Нареченный, имѣя въ рукахъ „священная написанія православныя вѣры“ ¹⁾ съ собственноручною его подписью внизу по листамъ въ такой, нынѣ ²⁾ принятой обычаемъ, формулѣ: „Азъ ³⁾, N—ской епархіи, N—скаго монастыря (или ректоръ N—ской духовной семинаріи) архимандритъ, имярекъ, нынѣ лицѣми степенми коемуждо бываетъ ѳеатръ содѣловаемъ: митрополитомъ по 8 степеней, архіепископомъ по 6 степеней, епископомъ по 4 степени“.

¹⁾ Эти „священная написанія православныя вѣры“ до 1856 года носили такое наименование: „Чинъ присяги архіерейскія“, а съ этого времени до послѣдняго исправленнаго изданія 1901 года называются: „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“. Въ переводѣ на греческій языкъ этотъ чинъ въ XVII столѣтіи получилъ названіе: „Ἔχρηξ ὀρκου ἀρχιερατικοῦ“ (Ркв. Сиб. дух. Акад. № 114).

²⁾ Въ старинныхъ южно-русскихъ присягахъ подпись дѣлалась такъ: „Имярекъ, нареченный епископъ такой-то и такой-то, сею присягою ствержаю, такъ тежъ и пункта нижеомяненныя, и на то рукою моею при печати епископской подписуюся“. Въ греческихъ чинахъ эта подпись сформулирована такъ: „Ὁ δεῖνα ἐλέφ Θεοῦ ὑποψήφιος τῆς ἀγιωτάτης μητροπόλεως (ἐπισκοπῆς) τῆς δεῖνος οἰκείᾳ χειρὶ ὑπέταξα“. (Εὐχολ., 1767. σελ., 144).

³⁾ Необходимо текстъ этой подписи умѣстить внизу на одиннадцати страницахъ „Чина исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“.

нареченный во епископа богоспасаемаго града, имярекъ, викарія N—ской епархіи, сія, здѣ написанная и подписанная моею рукою,—пріемлю и вручаю предъ святымъ Евангеліемъ отцемъ и братіямъ моимъ: преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ и всему освященному собору во градѣ имярекъ (Святаго Петра, Кіевѣ и др.), въ соборномъ храмѣ имярекъ (лаврѣ или каѳедральномъ преподобнаго Исаакія или Софіи премудрости Божіей и т. п.), лѣта Господня 1902, мѣсяца такого-то, въ такой-то день¹⁾—становится иредъ св. престоломъ между протоіереемъ (или старѣйшимъ изъ архимандритовъ) и протодіакономъ, совершаетъ вмѣстѣ съ ними два поясныхъ поклона и третій земной—отдѣльно отъ нихъ,—послѣ чего всѣ поворачиваются на западъ, кланяются архіереямъ, стоящимъ на каѳедрахъ и черезъ царскія двери идутъ на средину храма. Нареченный во епископа, приблизившись къ ковру, на которомъ изображенъ большихъ размѣровъ орелъ, парящій надъ городомъ, трижды кланяется архіереямъ и становится на хвостѣ изображеннаго орла. Протодіаконъ, находящійся съ лѣвой стороны нареченнаго во епископа,—яснымъ гласомъ возглашаетъ: „Приводится боголюбезнѣйшій, избранный и утвержденный архимандритъ имярекъ хиротонисатися во епископа богоспасаемаго града, имярекъ“.

¹⁾ Вверху „Чина исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“, также по всѣмъ страницамъ его, дѣлается собственноручная подпись архіереевъ, участвовавшихъ въ хиротоніи, въ такой, принятой нынѣ, формѣ: „Божіею милостію смиренный, имярекъ, митрополитъ или епископъ такой-то и такой-то, сіе исповѣданіе и обѣщаніе отъ архимандрита имярекъ, N—ской духовной семинаріи ректора (или N—ской епархіи, N—скаго монастыря настоятеля), нынѣ избраннаго во епископа богоспасаемаго града, имярекъ, викарія N—ской епархіи, во градѣ святаго Петра (или Кіевѣ и проч.) въ каѳедральномъ соборномъ преподобнаго Исаакія (или Александроневскія или Кіево-печерскія Успенскія лавры) храмѣ, слышавъ, свидѣтельствую и подписую моею рукою лѣта Господня такого-то, мѣсяца такого-то, въ такой-то день“. Архіереи подписываются по этой формулѣ въ порядкѣ старшинства, и затѣмъ настоящій „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ отсылается въ Св. Синодъ для храненія при дѣлахъ его архива.

Первенствующій архіерей, обращаясь къ новонареченному, спрашиваетъ: „Чесо ради пришелъ еси, и отъ нашея мѣрности чесога просиши“? Новонареченный отвѣчаетъ: „Хиротонію архіерейскія благодати, преосвященнѣйшія“. Первенствующій архіерей снова вопрошаетъ: „И како вѣруеши“? Нареченный во епископа на этотъ вопросъ отвѣчаетъ „велегласнымъ“ чтеніемъ никео-царьградскаго символа. По прочтеніи символа, первенствующій, благословляя рукою новонареченнаго, заключаетъ слѣдующею формулою: „Благодать Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа и Святаго Духа да будетъ съ тобою“.

Протоіерей и протодіаконъ возводятъ потомъ новонареченнаго на „середину орла“, при чемъ протодіаконъ вторично возглашаетъ: „Приводится боголюбезнѣйшій“ и т. д. Первенствующій архіерей спрашиваетъ новонареченнаго во епископа снова: „Ави намъ еще пространнѣе, како исповѣдуеши о *свойствахъ тріехъ ипостасей непостижимаго Божества* ¹⁾, и яже о вочеловѣченіи ипостаснаго Сына и Слова Божія“? Въ отвѣтъ на это избранный во епископа „яснымъ и великимъ гласомъ“, во услышаніе всѣхъ, читаетъ слѣдующій символъ:

1) „Вѣрую во единого Бога Отца, вседержителя, творца неба и земли ²⁾, видимыхъ же всѣхъ и невидимыхъ: безначальнаго убо и нерожденнаго и безвиннаго ³⁾, начало же естественное и вину Сына и Духа.

2) „Вѣрую и въ едиnorodнаго Его Сына, неистечно ⁴⁾ и безвременно изъ него рожденнаго, единосущна ему, имже ⁵⁾ вся быша.

¹⁾ Подчеркнутыя нами слова внесены въ „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“, по указанію митрополита московскаго Филарета (Арх. Савва. Мнѣнія и отзывы м. московскаго Филарета, т. дополн. стр. 435), и съ 1856 до 1901 годъ составляли отдѣльный вопросъ съ отвѣтомъ на него въ видѣ второго символа—о свойствахъ тріехъ ипостасей.

²⁾ Въ чинахъ съ 1725 до 1856 года варианты: „небесе и земли.

³⁾ безвиннаго.

⁴⁾ нестечно.

⁵⁾ чрезъ Его же.

3) „Вѣрую и въ Духа Святаго, изъ тогожде Отца исходящаго и сославимаго, яко соприсносущнаго, и сопрестольнаго, и единосущнаго¹⁾ и равнославнаго, и твари содѣтеля.

4) „Вѣрую²⁾, яко единъ отъ тояжде пресущественныя и живоначальныя Троицы едиnorodное Слово, снизшедъ съ небесъ насъ ради челоуѣкъ и нашего ради спасенія, воплотися отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочелоуѣчися, сирѣчь совершенный челоуѣкъ бысть, пребывая Богъ и ничтоже премѣнивъ отъ Божескаго существа пріобценіемъ къ плоти, или во иное превративъ: но безъ предложенія воспріявъ челоуѣка, въ немъ страданіе и смерть претерпѣвъ, отъ всякаго страданія по Божескому естеству свободный, и воскресе въ третій день изъ мертвыхъ: и возшедъ на небеса, возсѣде одесную Бога и Отца.

5) „Еще же воплотившагося Слова едину ипостась исповѣдую: и вѣрую и проповѣдую, яко единъ и тойжде есть Христосъ въ двухъ по воплощеніи естествахъ, сохраняя, въ нихже и изъ нихже бѣ. Пслѣдовательнѣ же и двѣ воли чту, коемуждо естеству сохраняющу собственную волю и собственное дѣйствіе.

6) „Вѣрую³⁾ и яже о Бозѣ и Божественныхъ единыхъ каѳолическія и апостольскія Церкви преданіемъ и сказаніемъ.

¹⁾ и сопрестольнаго, и кунно славимаго (чинъ 1816 г. и кунно славнаго) и зданія содѣтеля.

• ²⁾ Два члена—о двухъ естествахъ и двухъ воляхъ въ Сынѣ Божиемъ—опускались въ этомъ символѣ во всѣхъ изданіяхъ „Чина исповѣданія и общанія архіерейскаго“ до 1856 г.

³⁾ Въ изданіяхъ „чина“ до 1901 года настоящей членъ стоялъ въ предыдущемъ членѣ послѣ словъ: „и изъ нихже бѣ“, раздѣляя членъ какъ бы на двѣ половины. Изложеніе его было въ издашіяхъ чина съ 1725 года до второй половины XIX в. нѣсколько иное, а именно: „Вѣрую и преданіямъ о Бозѣ, и Божественныхъ, и сказаніе единыхъ каѳолическія и апостольскія церкви“ съ присоединеніемъ въ слѣдъ затѣмъ новыхъ членовъ: „Исповѣдаю едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Ожидаю востанія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь“, которые были опущены, со времени исправленія „чина“ при митрополитѣ московскомъ Филаретѣ.

7) „Покланяюся ¹⁾ относительно, а не богослужебно, божественнымъ и досточтимымъ иконамъ Самого Христа и Пречистой Богоматере и всѣхъ святыхъ, честь предъ ними являемую пренося на первообразное. Инако ²⁾ же о семъ мудрствующихъ, яко чуждемудрствующихъ отметаю и анаѳематствую ³⁾).

8) „Владычицу нашу Богородицу Марію свойственно и истинно исповѣдую яко рождшую плотію единаго отъ Троицы Христа Бога Нашего, яже да будетъ ми помощница, покровъ и заступленіе ⁴⁾ во вся дни жизни моея. Аминь“.

По прочтеніи символа, первенствующій архіерей, благословляя крестообразно новоизбраннаго во епископа, заключаетъ вторично: „Благодать Святаго Духа да будетъ съ тобою, просвѣщающая, укрѣпляющая и вразумляющая тя во вся дни жизни твоея“.

Протоіерей и протодіаконъ ведутъ новоизбраннаго „до главы орла“ и здѣсь ставятъ его, при чемъ протодіаконъ въ третій разъ произноситъ громко формулу приведенія: „Приводится боголюбезнѣйшій избранный“ и т. д. Первенствующій архіерей „велегласно“ вопрошаетъ: „Яви намъ и еще, како содержиши каноны ⁵⁾ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и

¹⁾ Этого члена до словъ: „Инако же о семъ мудрствующихъ“ не было въ изданіяхъ „чнна“ до 1856 года.

²⁾ Тамъ же слова эти читались такъ: „Инако же сіе мудрствующия (о семъ мудрствующихъ, яко чужде мудрствующихъ), яко чуждемудрия отметаю“, а непосредственно за ними слѣдуетъ положеніе, опущенное въ изданіи чнна 1901 года: „Анаѳематствую Арія, и съ нимъ смудрствующія (изд. 1856 г. и послѣдующихъ: единомышленныя) и общники его нестоваго злословія (зломыслия): Македонія, и яже о немъ право именовавшіяся (и съ нимъ право наименованныя) духоборцы: такожде Несторія и прочія ересеначальники и сихъ единомудренныя (и симъ единомысленныя) отвергаю и анаѳематствую, и ясно проповѣдую великимъ гласомъ (возглашаю): всѣмъ (всяцѣмъ) еретикомъ анаѳема, повсюду (всѣмъ) еретикомъ анаѳема.“

³⁾ Слово это прибавлено въ изданіи чнна 1901 года.

⁴⁾ Въ изданіяхъ прежнихъ: „защипленіе вся дни жизни моея. Аминь“.

⁵⁾ Въ чинѣ съ 1725 года до 1856 г. третій вопросъ читался безъ прибавленія словъ: „и преданія и установленія церковная“. Въ 1856 г.,

преданія и установленія церковная“. Избранный во епископа читаетъ:

1) „Къ сему моему святыя вѣры исповѣданію общаюся каноны святыхъ апостолъ, седми вселенскихъ и благочестивыхъ помѣстныхъ соборовъ ¹⁾ и правила святыхъ отецъ хранить и соблюдать: вся, яже ти пріяша, и азъ приемлю: и ихже ти отвратишася, и азъ отвращаюся.

2) „Еще же общаюся преданія церковная, уставы святыя и чины вся каѳолическія восточныя православныя Церкви хранить неизмѣнно.

3) „Общаюся ²⁾ и церковный миръ соблюдать и твердо держати ³⁾, и ни единымъ убо правомъ въ чесомъ противная православнѣй каѳолическѣй ⁴⁾, восточнѣй христіанскѣй вѣрѣ мудрствовать во вся дни живота моего, и послѣдствовать ми во всемъ и повиноватися всегда Святѣйшему Правительствующему всероссійскому Синоду ⁵⁾, отъ четырехъ патріарховъ ка-

были внесены эти слова, и начало вопроса излагалось такъ: „Иви намъ еще *пространіе*, како исповѣдуеши яже о вочеловѣченіи иносаснаго Сына и слова Божія“. Съ 1725 года этотъ вопросъ занималъ въ чинѣ второе мѣсто.

¹⁾ Въ чинѣ до 1901 года эти два первыя положенія составляли одно цѣлое и читались съ слѣдующими прибавками и измѣненіями въ текстѣ: „соборовъ, иже на сохраненіе правыхъ велѣній суть узаконены, и елико по разнымъ временомъ и лѣтомъ отъ истинно поборствующихъ по святѣй каѳолическѣй (въ чинѣ до 1856 г. это слово всюду опускается) восточнѣй православнѣй вѣрѣ, каноны и святыя уставы суть изображены, и та вся хранить крѣпцѣ и пенарушиѣ до кончины моея жизни съ симъ моимъ общаніемъ свидѣтельствую: и вся, яже они пріяша, и азъ приемлю: и ихже они отвратишася и азъ отвращаюся“.

²⁾ Въ чинѣ прежнихъ изданій до 1901 г.: „Еще же и церковный миръ общаюся соблюдать“.

³⁾ Прибавлено: „и усердно учить мнѣ врученныя люди“.

⁴⁾ Прибавлено это слово въ чинѣ съ 1856 г.

⁵⁾ Въ чинѣ съ 1725 г. до 1856 г. имѣлась вставка: „яко правильной власти отъ блаженной и вѣчно достойной памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго установленной, и отъ благополучнѣ владѣющаго Его Императорскаго Величества, благовоительнѣ утверждаемой“, которая въ 1856 году была замѣнена словами, удерживаемыми въ чинѣ и по нынѣ: „отъ четырехъ патріарховъ каѳолическія восточныя Церкви

олическія восточныя Церкви въ равнѣмъ съ ними достоинствѣ и власти признанному и утвержденному: и преосвященнымъ митрополитомъ, архієпископомъ и епископомъ, братіи моею, во всемъ согласну быти и купночинну, по Божественнымъ закономъ и священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и любовь духовную вседушно къ нимъ имѣти, и яко братію почитать.

4) „Объщаю же ся во страсъ Божіи и боголюбивымъ правомъ ввѣренное ми стадо управляти ¹⁾ и усердно учити ²⁾, и отъ всѣхъ ересей сохранять, со всякимъ усерднымъ тщаніемъ.

5) „Еще же и въ томъ ³⁾ исповѣдаюся, яко не злата или сребра обѣщаніемъ и даяніемъ на сіе служеніе прихожду, но туне, избраніемъ Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго Синода и соизволеніемъ благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Александровича, самодержца всероссійскаго.

6) „Къ симъ же ⁴⁾ обѣщаюся ничто же творити ми по нуждѣ, аще и отъ сильныхъ лицъ или отъ множества народа иудиму, аще и смертію ми воспретятъ, веляще что сотворити

въ равнѣмъ съ ними достоинствѣ и власти признанному и утвержденному“.

¹⁾ Въ чинѣ до 1856 г. прибавлялось: „и отъ всякаго зазора лукаваго и отъ латинства и отъ иныхъ всѣхъ ересей сохранять е учительски“.

²⁾ Слова: „и усердно учити“ замѣнили въ чинѣ 1901 г. выраженіе: „сохранятъ е учительски“.

³⁾ Въ чинѣ до 1901 г. этотъ пунктъ излагался такъ: „Еще же и въ томъ исповѣдаюся писаніемъ моимъ симъ, яко не злата или сребра обѣщаніемъ или даяніемъ на сіе прихожду служеніе (въ чинѣ до 1856 г. прибавка: „не бо дахъ что кому ради стяжанія достоинства сего, ни обѣщахъ дати кому что): но туне получихъ изволеніемъ (тамъ же прибавка: „всепресвѣтѣйшаго и великодержавнѣйшаго“) Государя нашего Его Императорскаго Величества имярекъ, самодержца всероссійскаго, избраніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго Синода (въ чинѣ 1856 г. Св. Синодъ поставленъ впереди, а изволеніе Государя Императора послѣ): имѣнными же получающихъ изверженію достойныхъ быти сужду, яко Симона волхва стяжаніемъ благодать сію получитьи мнѣвшаго“.

⁴⁾ Въ чинѣ до 1901 г. стояло: „Съ симъ же“.

ми вопреки ¹⁾ божественнымъ и священнымъ правиламъ: ниже въ чуждей епархіи литургисати, или ино что священнымъ дѣяти безъ воли епархіи оныя архіереа ²⁾, такожде не рукополагати ми ниже іереа, ниже діакона, ниже инаго каковаго клирика чуждыя епархіи, ниже пріимати я ³⁾ въ мою епархію безъ отпускныхъ грамматъ своихъ имъ архіереевъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ чинѣ съ 1725 г. до 1856 г. данное мѣсто читалось такъ: „паче Божественныхъ и священныхъ правилъ, еже не достоитъ творити: или въ чужей епархіи митрополита котораго, или архіепископа, или епископа литургисати“ и т. д.

) Тамъ же прибавлено: „кромѣ данныя мнѣ епархіи отъ Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго Синода. А идѣже яковымъ либо случаемъ прилучится быти мнѣ, такожде не рукополагати мнѣ“ и т. д.

³⁾ Прибавлено: „поставленныя въ мою епархію“ и т. д.

⁴⁾ Въ чинѣ съ 1725 г. до 1901 г. находились еще слѣдующіе пункты:

а) „Еще же и на томъ общаваюся, яко егда Святѣйшій Правительствующій всероссійскій Синодъ благоволитъ позвати мя на соборъ, каковый съ братією моею архіерей, безъ великаго извѣста и слова ити мнѣ на соборъ: и аще и хотѣли бы мя сильніи вѣщцы или множество народа удержати, долженствую не ослушатися поветвія Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго Синода.

б) „Еще же общаваюся не пріимати странныхъ обычаевъ въ церковныхъ преданіяхъ и чинѣхъ (въ чинѣ до 1857 г. прибавлялось: паче же отъ латинъ новопримѣшающихся), но хранити преданія и чины вся неизмѣнно съ католическою (внесено въ чинѣ въ 1856 г.) восточною церковію православною, и согласно и единоумно со Святѣйшимъ Правительствующимъ всероссійскимъ Синодомъ и со святѣйшими четырьмя патріархи восточнаго благочестія хранители (въ чинѣ до 1856 г. прибавка: и правители). Не рукополагати мнѣ на единѣи литургіи іереевъ и діаконъ въ кійждо чинѣ по два (тамъ же прибавка: и по три) и больши, но на коеждо литургіи по одному іерею и діакону рукополагати, а на преждеосвященныхъ литургіяхъ токмо единаго діакона, яко чинѣ имать святая восточная Церковь (тамъ же прибавка: и яко сказуетъ изложение святѣйшихъ патріарховъ и сущихъ съ ними архіереевъ греческихъ и великороссійскихъ и малороссійскихъ).

в) „Еще вѣрую и мудрствую совершатися въ Божественнѣи литургіи пресуществленію Тѣла и Крове Христовы, яко восточніи и наши россійстии учителя древніи учать, нагтіемъ и дѣйствіемъ Святаго Духа чрезъ призваніе архіерейское или іерейское, въ словесѣхъ Богу Отцу молительныхъ: Сотвори убо Хлѣбъ сей честное Тѣло Христа твоего и прочая.

7) „Объщаваюся врученную ми ¹⁾ паству по обычаю апостольскому посвятити и назирати: како пребываютъ вѣрнии въ вѣрѣ и во исправленіи дѣлъ благихъ, а наипаче іерее: и смотрити съ прилѣжаніемъ, учити и запрещати, дабы расколы, суевѣрія и ереси не умножались, и дабы противниі христіанскому благочестію и благоправію обычаи не повреждали христіанскаго житія.

8) „Съ противными ²⁾ Церкви святѣй, съ разумомъ и кротостію поступати, по апостолу Павлу, яко рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учительну, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя, еда како дасть имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины.

9) „Еще же ³⁾, по заповѣди Господней: воздадите кесарева кесареви и Божія Богови, общаваюся быти вѣрнымъ добрымъ и послушнымъ подданнымъ Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго великаго Государя Императора Николая Александровича, самодержца всероссійскаго, и Его Императорскаго высочества, всероссійскаго престола наследника, Государя великаго князя Михаила Александровича.

г) „Еще общаваюся и кленуся, что долженъ есмь и по долженству хочу Его Императорскому Величеству и т. д. (См. текстъ прежней присяги, заимствованной изъ Регламента, ниже въ § 23).

д) „Къ сему общаюся еже никого (въ чинѣ до 1856 г.: „кого либо по моей страстной воли, или какихъ ради ссоръ со мною или съ моими подчиненными вседомовно) безъ крайнія нужды и тяжкія вины и единолично, а тѣмъ болѣе вседомовно не проклинати“ и т. д. Слѣдуютъ далѣе семь пунктовъ, сочиненныхъ, по указанію Петра Великаго (см. § 23), для архіереевъ астраханскаго и вологодскаго въ 1716 году и внесенныхъ въ чинъ въ 1725 году. Впрочемъ, эти пункты подвергались въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Чина исповѣданія и общанія архіерейскаго“ передѣлкамъ и сокращеніямъ (см. ниже § 23 въ примѣчаніяхъ).

¹⁾ Настоящее положеніе занимало *шестое* мѣсто въ пунктахъ, сочиненныхъ Петромъ Великимъ, для епископовъ астраханскаго и вологодскаго въ 1716 году, и находилось въ чинѣ до 1901 г. на своемъ мѣстѣ, ниже, слѣдующаго за нимъ въ нынѣшнемъ чинѣ, восьмого пункта. Сохранялся этотъ пунктъ до 1856 года, а въ это время подвергся значительнымъ сокращеніямъ, по указанію м. Филарета (см. ниже § 23 и варианты).

²⁾ См. предыдущее примѣчаніе. Варианты къ этому пункту въ § 23.

³⁾ Текстъ присяги съ 1725 до 1856 г. см. ниже въ § 23.

10) „Вся ¹⁾ же та, якоже днесъ обѣщахся, до послѣдняго издыханія, ради будущихъ благъ, исполнити обѣщаваюся: буди ми сердцеѣдецъ Богъ обѣщанія моего свидѣтель.

11) „Во истиннѣмъ ²⁾ же и усердїемъ моемъ правленїи и дѣйствии да будетъ самъ той Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ ми помощникъ, емуже кунно со Отцемъ и Духомъ Святымъ да будетъ слава и держава, честь и поклоненїе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

По произнесенїи исповѣданія и обѣщанія, хиротонисуемый во епископа вручаетъ первенствующему архїерею печатный экземпляръ „Чина исповѣданія и обѣщанія архїерейскаго“ съ вышеуказанною собственноручною подписью, при чемъ послѣдній, принимая его лѣвою рукою, правою благословляетъ хиротонисуемаго и произноситъ: „Благодать Святаго Духа чрезъ мою *мѣрность* производитъ тя, боголюбивѣйшаго архимандрита или іеромонаха, имярекъ, избраннаго епископа богоспасаемаго града имярекъ“. Хиротонисуемый трижды кланяется епископамъ, потомъ протодіакономъ подводится къ нимъ для принятія благословенія и цѣлованія правой руки ихъ, послѣ чего снова дѣлаетъ имъ общїй поклонъ, при чемъ первенствующій архїерей, благословляя его крестообразно, произноситъ: „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою“. Протодіаконъ ведетъ хиротонисуемаго на орель, ставитъ его лицомъ къ алтарю между собою и протоіереемъ и произноситъ многолѣтіе Государю Императору, всему царствующему дому, Св. Синоду и новоизбранному епископу. При пѣвнїи: „Многая лѣта“ пѣвчими Св. Синоду, новоизбранный епископъ кланяется архїереямъ, а при пѣвнїи: „Многая лѣта“ новоизбранному, послѣдній кланяется архїереямъ и на

¹⁾ Данный пунктъ въ изданїяхъ чина до 1901 года читался такъ: „Вся же та долженствуя, яко же днесъ словомъ обѣщахся, тако и дѣломъ до послѣдняго издыханія ради будущихъ благъ исполнити, утверждаю клятвою моею: буди мнѣ сердцеѣдецъ Богъ обѣщанія моего свидѣтель, яко неложное: аще же есть ложное и не по совѣсти моеї, буди мнѣ Той же (или Тотъ же) правосудный отсегитель“.

²⁾ Послѣдній пунктъ сохраненъ нынѣ безъ измѣненїй.

всѣ стороны—всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого, помолвившись къ алтарю и поклонившись архіереямъ, новоизбранный епископъ удаляется, въ сопровожденіи архимандрита и протодіакона, въ алтарь и становится на орлець съ лѣвой стороны престола, не принимая никакого участія въ совершеніи литургіи до самой хиротоніи. Вслѣдъ за новоизбраннымъ удаляются въ алтарь архимандриты и пресвитеры, не участвующіе въ совершеніи литургіи, и разоблачаются, а на срединѣ храма остаются лишь всѣ архіереи и тѣ изъ архимандритовъ и пресвитеровъ, которые назначены для совершенія литургіи вмѣстѣ съ епископами. Чинъ архіерейской литургіи до малого входа совершается обычнымъ порядкомъ.

По маломъ входѣ, послѣ пѣнія Трисвятого, когда первенствующій архіерей произноситъ возглашеніе: „Призри съ небесе, Боже, и виждь“, ключарь собора на мѣсто большого Евангелія на престолѣ полагаетъ малое. Въ это время протодіаконъ и архимандритъ или старѣйшій изъ протоіереевъ, имѣя въ срединѣ хиротонисуемаго, становятся съ лѣвой стороны престола, кланяются первенствующему архіерею и чрезъ сѣверныя двери ведутъ хиротонисуемаго на солею къ царскимъ дверямъ. Здѣсь его принимаютъ два старѣйшіе архіерея, которые подводятъ его къ св. трапезѣ. Хиротонисуемый, снявъ съ себя митру, трижды молится предъ престоломъ, цѣлуетъ его и, положивъ крестообразно длани на св. престолѣ, опускается предъ нимъ на колѣна и преклоняетъ главу къ дланямъ. Первенствующій архіерей, ставъ съ боку св. престола, беретъ малое Евангеліе, раскрываетъ его и, „превращше письмены“, полагаетъ на голову хиротонисуемаго. Архіереи, участвующіе въ совершеніи хиротоніи, окружаютъ „отсюда и отонюду“ хиротонисуемаго, полагаютъ на главу его правыя руки, а лѣвыми придерживаютъ лежащее на главѣ его Евангеліе. Первенствующій архіерей громогласно возглашаетъ: „Избраніемъ и искусомъ боголюбезнѣйшихъ архіереевъ и всего освященнаго собора, Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудѣвающая восполняющи, проручествуетъ

тя, боголюбивѣйшаго архимандрита или іеромонаха, имярекъ, избраннаго во епископа богоспасаемаго града имярекъ, по-молимся убо о немъ да приидеть на него благодать всесвятаго Духа“. Архіереи и пресвитеры, находящіеся въ алтарѣ, отвѣ-чаютъ на это троекратнымъ пѣніемъ: „Господи помилуй“, а клиръ—пѣніемъ: „Кирие елейсонъ“. Первенствующій архіерей, съ словами: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, трижды крестообразно благословляетъ главу хиротонисуемаго и, положивши потомъ правую руку на главѣ его, читаетъ первую молитву: „Владыко Господи Боже нашъ, законоположивый намъ чрезъ всехвальнаго Твоего апо-стола Павла“. Въ это время старѣйшій изъ епископовъ про-износитъ „тихимъ гласомъ, елико слышати соприсутствующимъ архіереомъ“ великую ектенью, на которую младшій изъ архіереевъ отвѣчаетъ: „Господи помилуй“. Первенствующій архіерей непосредственно за первую молитвою читаетъ вто-рую: „Господи Боже нашъ, понеже невозможно человѣческому естеству божественнаго понести существа“, „имѣяй такожде руку, на версѣ хиротонисуемаго наложенну“. По окончаніи второй молитвы, первенствующій архіерей беретъ Евангеліе съ головы хиротонисуемаго, кладетъ на св. престоль, а хиро-тонисуемый, поднявшись на ноги, снимаетъ съ себя архиман-дритскій крестъ и фелонь. Принявъ затѣмъ отъ иподіакона саккосъ¹⁾, цѣлуетъ нашитый на немъ крестъ и правую руку каждаго изъ архіереевъ, участвующихъ въ хиротоніи, по стар-шинству ихъ положенія въ іерархіи. По возглашеніи первен-ствующимъ: „Аксіосъ“, надѣваетъ его на себя, при помощи иподіаконовъ. Въ алтарѣ священнослужители и на клиросѣ пѣвчіе поютъ „Аксіосъ“ по трижды протяжно, съ тѣмъ, чтобы дать возможность хиротонисуемому получить благословеніе у каждаго изъ участниковъ хиротоніи—архіереевъ. Такимъ же образомъ онъ надѣваетъ на себя омофоръ, панагію, крестъ и митру. По облаченіи въ одежды, присвоенныя архіерей-

¹⁾ Въ чинѣ 1725 г. сдѣлано замѣчаніе: „Аще же престоль руко-полагаемаго имѣеть, налагаютъ на него прежде саккосъ и прочія одежды“.

скому сану, новохиротонисанный получаетъ цѣлованіе отъ каждаго изъ архіереевъ, изъ коихъ нѣкоторые, не участвующіе въ служеніи литургіи, потомъ отходятъ въ сторону и разоблачаются.

Послѣ хиротоніи, всѣ восходятъ на сопрестоліе. Новорукоположенный занимаетъ мѣсто съ правой стороны первенствующаго архіерея и отсюда предъ чтеніемъ апостола возглашаетъ: „Миръ всѣмъ“. По прочтеніи евангелія, а также послѣ великаго выхода и при произнесеніи возгласа: „Спаси Боже, люди твоя“, совершаетъ осѣненіе народа дикиріемъ и трикиріемъ, при пѣніи „Εἰς πολλὰ ἔτη“, новорукоположенный, который произноситъ также возгласъ послѣ сугубой ектеньи: „Яко милостивъ и человеколюбецъ Богъ“ и на великомъ выходѣ принимаетъ отъ архимандрита св. потиръ, поминая Св. Правительствующій Синодъ, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы, военачальниковъ, градоначальниковъ, христолюбивое воинство и всѣхъ православныхъ христіанъ. У насъ въ Россіи принято обычаемъ, чтобы новорукоположенный во епископа совершалъ въ положенное время хиротонію во пресвитера или во діакона, а иногда, если имѣются на лицо ставленники, то ту и другую хиротонію вмѣстѣ. Во время причащенія священнослужителей въ алтарѣ, первенствующій архіерей преподаетъ имъ Св. Тѣло Христово, а новорукоположенный епископъ—Св. Кровь Христову.

По окончаніи литургіи, когда первенствующій архіерей разоблачится предъ св. престоломъ и надѣнетъ на себя рясу, панатію, мантию и клобукъ, протодіаконъ и архимандритъ подводятъ къ нему новорукоположеннаго архіерея, уже сложившаго съ себя священныя одѣянія, для полученія благословенія отъ него на архіерейскую рясу, панатію, архіерейскую мантию съ источниками, камилавку, клобукъ и „вервицу“ или четки, которые онъ и возлагаетъ на себя, при помощи инодіаконовъ, стоя здѣсь же близъ престола. Затѣмъ первенствующій архіерей и прочіе архіереи, участвовавшіе въ хиротоніи, одѣтые въ мантии, выходятъ изъ алтаря и идутъ на

середину храма на кафедру, при чемъ первенствующій архіерей имѣеть въ рукахъ архіерейскій жезль. Протодіаконъ и архимандритъ выводятъ изъ алтаря новорукоположеннаго во епископа и ведутъ его къ кафедрѣ. Здѣсь первенствующій архіерей произноситъ слово назиданія къ новорукоположенному и вручаетъ ему посохъ. Новорукоположенный, поднявшись на кафедру, на всѣ стороны благословляетъ народъ, при пѣніи: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δεσποτα“, и направляется къ выходу изъ храма, въ сопровожденіи иподіаконовъ и духовенства, участвовавшаго въ совершеніи литургіи. Народъ принимаетъ благословеніе отъ новорукоположеннаго епископа. Первенствующій архіерей и прочіе архіереи выходятъ изъ храма боковыми дверями, безъ сопровожденія духовенства.

По принятому обычаю, новорукоположенный епископъ совершаетъ въ слѣдующіе дни за хиротонією литургію, обучаясь архіерейскому священнодѣйствию подъ руководствомъ свѣдущихъ лицъ.

• Проф. А. Дмитріевскій.

**Наказанія для духовныхъ лицъ по древне-каноническимъ
правиламъ и по дѣйствующимъ постановленіямъ нашей оте-
чественной церкви.**

Какъ во всякомъ обществѣ, такъ и въ Церкви, если бы не осуждались преступленія отдѣльныхъ членовъ и не поддерживалась властію сила закона, преступные члены легко могли бы увлекать за собою другихъ и, такимъ образомъ, широко распространять зло. Притомъ и порядокъ въ Церкви могъ бы нарушиться и самая жизнь ея могла бы подвергнуться опасности, если бы она не имѣла права наказывать—и иногда весьма тяжело—дурныхъ членовъ своихъ, предохраняя этимъ отъ заразы хорошихъ и послушныхъ. Многія древне-каноническія правила показываютъ намъ, что Церковь была глубоко проникнута этою мыслию и что, насколько она старалась дать людямъ средства къ исправленію, настолько же и предупре-

ждала этими средствами возможность дальнѣйшихъ преступленій для блага всей Церкви. Точно также каноническія правила говорятъ намъ, что при наложеніи наказаній за различныя преступленія Церковь неодинаково относилась къ преступникамъ изъ среды мірянъ и къ преступникамъ изъ лицъ духовныхъ. Преступныхъ мірянъ она стремилась лишь обратить на истинный путь и исправить, чтобы они стали послушными сынами ея, а потому и наказанія, налагавшіяся на нихъ до полного обращенія, не были наказаніями въ строгомъ смыслѣ, а епитиміями (ἐπιτιμίαι, poenitentiae), и она принимала въ свое общеніе даже такихъ преступныхъ мірянъ, которые подверглись самой высшей степени наказанія—анаѳемѣ, если только они искренно раскаявались и исполняли предписанныя епитиміи. Совершенно иначе смотрѣла Церковь на преступленія духовныхъ лицъ. Ихъ она подвергала наказаніямъ въ строгомъ смыслѣ, какъ скоро они преступали существующій законъ, и тѣмъ строже было наказаніе, чѣмъ тяжелѣе было преступленіе; если же наказанія не помогали исправленію, она безвозвратно лишала ихъ порученнаго имъ служенія и духовнаго сана и передавала ихъ свѣтской власти, чтобы послѣдняя судила ихъ, какъ всякихъ другихъ преступниковъ закона.

Самымъ тяжкимъ наказаніемъ, которому могло подвергнуться духовное лицо, являлось—по древне-каноническимъ правиламъ—*лишеніе духовнаго сана или должности*. Это лишеніе было двухъ видовъ: или совершенное и безусловное (навсегда и безвозвратно), или временное и ограниченное. Духовное лицо, подвергавшееся безусловному изверженію изъ сана, теряло прежде всего всѣ права и преимущества, какія принадлежали ему въ силу троякаго характера церковной власти, т. е. право священнодѣйствованія, учительства и паствырства¹⁾; далѣе, оно теряло всѣ права чести, принадлежавшія ему, какъ священнослужителю²⁾; затѣмъ, его имя

¹⁾ См. напр. 3 прав. Антиох. соб., 27 прав. Василія Вел. и др.

²⁾ См. 1 прав. Антиох. соб.

вычеркивалось из списка духовенства (ἐκ τοῦ ἱερατικοῦ καταλόγου), въ который оно было внесено при рукоположеніи¹⁾; наконецъ, оно возвращалось въ первобытное состояніе—въ разрядъ мірянъ²⁾. Безусловно лишенный духовнаго сана уже никогда не могъ быть принятъ ни въ какую іерархическую степень³⁾, хотя бы онъ раскаялся и обѣцалъ исполнить свои обязанности по канонамъ. Столь тяжкому наказанію подвергались духовныя лица: 1) за религіозный индифферентизмъ—участіе въ молитвахъ и обрядахъ съ иновѣрцами, священнодѣйствіе съ еретиками и изверженнымъ изъ клира, несоблюденіе уставовъ и постановленій Церкви и др.⁴⁾; 2) за проступки и преступленія, противныя доброй нравственности и званію клириковъ, какъ напр за проступки противъ цѣломудрія, клятвопреступленіе, воровство, пьянство и пристрастіе къ азартнымъ играмъ, нанесеніе кому либо своеручныхъ ударовъ и убійство, хотя бы и невольное, мздоимство при отправленіи требъ, ростовщичество и др.⁵⁾. Если бы изверженное изъ духовнаго сана лицо стало совершать, послѣ изверженія, какія либо священныя дѣйствія, то всѣ они не имѣли бы никакой силы и значенія, и само это лицо подлежало бы исключенію изъ общества вѣрныхъ⁶⁾.

Древне-вселенская Церковь знала и менѣе тяжелую форму наказанія для духовныхъ лицъ: хотя она и подвергала нѣкоторыхъ лицъ совершенному и полному лишенію правъ, соединенныхъ съ духовнымъ саномъ или должностію (права проповѣдывать, священнодѣйствовать и пр.), но сохранила за ними право носить духовное званіе и пользоваться принадлежащею этому званію честію. Это наказаніе налагалось за

¹⁾ См. напр. 17 и 18 прав. Апостольск.

²⁾ См. 62 прав. Апост.; см. 21 прав. Трулл. соб.

³⁾ См. 21 прав. Трулл. соб.; 3 прав. св. Василия Вел.

⁴⁾ Апост. прав.—65, 70, 71; см. Лаодик. соб. прав. 29 и 38; Трулл. соб. прав. 11; Апост. прав. 53, 64, 69.

⁵⁾ Апост. прав. 25, 42, 43, 55, 44; св. Василия Вел. прав. 3, 32, 55; Неокес, соб. прав. 1; Трулл. соб. прав. 23, 10; 1 вселен. соб. прав. 17 и др.

⁶⁾ Трулл. соб. прав. 21; Апост. прав. 28 и др.

преступленія, хотя и тяжкія, но совершенныя или по незна- нію, или по какой либо чрезвычайной причинѣ, а между тѣмъ совершившіе ихъ приносили искреннее раскаяніе и исправля- лись. Въ каноническихъ правилахъ мы находимъ, что этой степени наказанія подвергались напр. тѣ, которые во время гоненія отступали отъ вѣры, но послѣ раскаялись ¹⁾, или тѣ, которые по невѣдѣнію вступили въ неправильный бракъ прежде своего рукоположенія ²⁾ и т. п. Иногда подвершіеся лишенію сана не только не теряли преимуществъ, соединен- ныхъ съ духовнымъ званіемъ, но могли служить на низшихъ церковныхъ должностяхъ ³⁾.

Временное запрещеніе священнодѣйствія состояло въ не- дозволеніи на опредѣленное или неопредѣленное—до исправле- нія - время отпирать должностныя обязанности. При этомъ наказаніи виновный, сверхъ лишенія права священнодѣйствія, не могъ пользоваться и другими правами, соединенными съ іерархическою степеню, слѣдовательно, не могъ ни учить, ни участвовать въ церковномъ управленіи. Онъ оставался свя- щенникомъ только по имени, не имѣя никакихъ священниче- скихъ правъ. Подобному наказанію подвергались клирики, виновные въ такихъ напр. преступленіяхъ, какъ молитвенное общеніе съ мірянами, отлученными отъ общенія церковнаго, и еретиками, оскорбленіе высшихъ себя клириковъ-пресвите- ровъ и діаконввъ, злостныя насмѣшки надъ физическими не- достатками другихъ, хожденіе безъ нужды въ корчемницы ⁴⁾ и др. Нужно при этомъ замѣтить, что подвергшіеся времен- ному запрещенію не только могли быть удалены отъ зани- маемой ими должности и, слѣдовательно, лишены правъ, вы- годъ и почестей, соединенныхъ съ нею, но и низведены на низшую должность въ клирѣ. Низведеніе на низшую долж-

¹⁾ Анкир. соб. прав. 1 и др.

²⁾ Трулъск. соб. прав. 26; Неокесар. соб., прав. 8, 9; св. Василия Велик. прав. 27.

³⁾ Неокесар. соб. прав. 10.

⁴⁾ См. Апост. прав. 10, 45, 54, 56, 57, 58.

ность въ клирѣ, хотя и безъ совершеннаго лишенія сана, примѣнялось иногда даже къ высшимъ клирикамъ ¹⁾.

Къ болѣе легкимъ формамъ наказаній для духовныхъ лицъ относились: 1) *перемѣщеніе виновнаго съ мѣста, которое онъ занималъ со времени своего рукоположенія или производства, на послѣднее мѣсто между равными ему по сану*; 2) *выговоръ*. Перваго рода наказаніе, по смыслу 7 прав. Трулльскаго собора, налагалось на тѣхъ, которые дерзко и противозаконно старались занять въ церкви лучшее мѣсто сравнительно съ мѣстами, какія занимали лица священной и управляющей іерархіи той же степени, но прежде ихъ рукоположенныя или произведенныя. Что же касается выговора (*ἐπιπλήξις*, *exprobratio*), то онъ дѣлался виновному или епископомъ, или соборомъ. Въ послѣднемъ случаѣ выговоръ становился публичнымъ, и потому составлялъ большую степень наказанія, чѣмъ выговоръ епископа. О выговорѣ, какъ церковномъ наказаніи, упоминается въ самыхъ древнихъ церковно-юридическихъ памятникахъ ²⁾.

Обратимся теперь къ дѣйствующему законодательству нашей отечественной Церкви по данному предмету. Къ мѣрамъ взысканія и исправленія, которымъ могутъ подвергаться духовныя лица по епархіальному суду, этимъ законодательствомъ отнесены:

1) *Лишеніе священническаго сана, съ исключеніемъ изъ духовнаго вѣдомства* ³⁾. По нашимъ законамъ, священнослужители, лишенные сана за пороки и неблагочинные поступки, предаются въ распоряженіе губернскихъ правленій ⁴⁾. Губернское правленіе сообщаетъ казенной палатѣ о припискѣ сихъ людей, если они не изъ дворянъ и не пользуются правами почетнаго гражданства, къ мѣщанамъ или крестьянамъ по

¹⁾ Такъ поступилъ 1 вселен. соборъ съ Новаціанскими епископами. См. 8 прав. этого собора.

²⁾ См. Апост. Постан. кн. II, гл. 48; см. IV вселен. соб. прав. 19.

³⁾ Уст. Духов. Консист., ст. 176, п. 1.

⁴⁾ Уст. о пред. и пресѣч. преступл., изд. 1890 г., ст. 178.

ихъ желанію, а тѣмъ, которые поступили въ духовное званіе изъ дворянъ, или пользуются правами почетнаго гражданства, или получили дворянское достоинство по орденамъ, оставляются принадлежащія имъ права состоянія, но не возвращаются только чины, до поступленія въ духовное званіе полученныя; имъ воспрещается (въ теченіе 7 лѣтъ) вѣздъ въ обѣ столицы и жительство въ нихъ, а также вступленіе (діаконамъ—въ теченіе 12 лѣтъ, а священникамъ—въ теченіе 20) въ государственную или общественную, по выборамъ, службу. По прошествіи указанныхъ сроковъ, если лишенные сана заслужатъ доброю жизнію одобреніе своихъ обществъ, запрещенія эти съ нихъ слагаются; но при этомъ дозволеніе на свободный выборъ службы (не иначе, какъ только вѣ тѣхъ епархій, въ которыхъ они состояли въ духовномъ санѣ) дается только тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ на то право по своему состоянію или по ученымъ степенямъ магистровъ, кандидатовъ и студентовъ¹⁾. Церковнымъ причетникамъ, безъ различія происхожденія, въ случаѣ исключенія ихъ по суду епархіальному изъ духовнаго вѣдомства за пороки, воспрещается поступать на службу какъ отъ правительства, такъ и по выборамъ, хотя бы они, по рожденію и образованію, и имѣли на сіе право²⁾. При томъ тѣ изъ нихъ, которые по происхожденію не пользуются правами дворянства или почетнаго гражданства, обязаны приписаться къ городскому или сельскому состоянію³⁾.

2. *Лишеніе духовнаго сана съ оставленіемъ въ духовномъ вѣдомствѣ на низшихъ должностяхъ*⁴⁾. Священнослужитель, лишенный—по приговору духовнаго начальства—сана и низведенный навсегда въ причетники, если онъ и послѣ этого окажется виновнымъ въ неблагочинныхъ поступкахъ, совсѣмъ

¹⁾ Тамъ же, ст. 179.

²⁾ Тамъ же, ст. 180.

³⁾ Тамъ же, ст. 180; см. Указъ Св. Синода отъ 11 февраля 1873 г.

⁴⁾ Уст. Духовн. Консис., ст. 176, п. 2.

исключается изъ духовнаго званія и отсылается въ мѣстное губернское правленіе.

3. *Временное запрещеніе въ священнослуженіи съ отрпшеніемъ отъ должности и съ опредѣленіемъ въ причетники* ¹⁾. Срокъ этого наказанія соразмѣряется со степенью раскаянія и исправленія виновнаго лица. Низведенный въ причетники — какъ сказано въ Уставѣ Дух. Консисторій — не долженъ въ семь положеніи носить рясы, ниже какихъ либо священнослужительскихъ отличій ²⁾,

4. *Временное запрещеніе въ священнослуженіи безъ отрпшенія отъ мѣста, но съ возложеніемъ епитиміи въ монастырь или на мѣсть* ³⁾.

5. *Временное испытаніе въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ* ⁴⁾.

6. *Отрпшеніе отъ мѣста, исключеніе за штатъ, усугубленіе надзора, денежный штрафъ, строгій или простой выговоръ и замѣчаніе* ⁵⁾.

Какъ видимъ, въ дѣйствующихъ постановленіяхъ нашей отечественной Церкви въ главномъ указываются тѣ же наказанія за преступленія духовныхъ лицъ, что и въ древне-каноническихъ церковныхъ правилахъ ⁶⁾.

Въ заключеніе сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе о внесеніи судимости священно-церковно-служителей въ формулярные ихъ списки. Всѣ проступки и преступленія духовныхъ лицъ, подлежащія формальному епархіальному судопроизводству, и всѣ наказанія (кромѣ замѣчанія и выговора), налагаемыя по суду,

¹⁾ Тамъ же, п. 3.

²⁾ Тамъ же, примѣч. къ п. 3.

³⁾ Тамъ же, ст. 176, п. 4.

⁴⁾ Тамъ же, п. 5.

⁵⁾ Тамъ же, п. 6—12.

⁶⁾ Не дѣлаемъ сухого и длиннаго перечня различныхъ преступленій и проступковъ духовныхъ лицъ противъ служебныхъ обязанностей, противъ благочинія и благоповеденія, подлежащихъ тому или другому изъ указанныхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ наказаній. См. подлежащія статьи Уст. Духов. Консист.

которымъ подверглись духовныя лица, вносятся въ послужные списки ихъ въ графу: „не былъ-ли штрафованъ и не состоялъ-ли и не состоитъ-ли подъ судомъ и слѣдствіемъ“. Выговоры же и замѣчанія, налагаемыя по формальному суду, а также всякія наказанія, налагаемыя не по суду, т. е. безъ формальнаго слѣдствія, въ административномъ порядкѣ, также бытность подъ судомъ священно-церковно-служителя и по суду оправданнаго,—тоже вносятся въ послужные списки для свѣдѣнія въ графу о прохожденіи службы. Денежныя штрафы, выговоры и т. п. взысканія по суду, внесенныя въ формуляръ, на основаніи 1423 ст. III т. Свода Зак., могутъ не служить препятствіемъ къ наградамъ, если подвергшееся сему взысканію лицо дальнѣйшею похвальною своею службою, не менѣе какъ въ теченіе трехъ лѣтъ, загладитъ свой поступокъ, и если о томъ въ свое время будетъ представлено со стороны начальства. Но самая запись въ формулярѣ не уничтожается.

В. С—ій.

ЗАМѢТКИ.

1. Такъ называемыя „предбрачныя огласки“ въ теченіе какого времени сохраняють свою силу, если бы, по какимъ либо причинамъ, бракъ не могъ быть совершенъ тотчасъ послѣ ихъ провозглашенія?

Предбрачныя оглашенія, произведенныя законнымъ образомъ, сохраняють свою силу только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. По истеченіи этого срока, если бракъ почему либо не состоялся, оглашенія должны быть повторены, когда тѣ же лица снова изъявятъ желаніе вступить въ бракъ. Только по крайней надобности одинъ архіерей епархіальный можетъ раз-

рѣшить вѣнчаніе безъ повторенія оглашеній (см. 50 гл. кн. Кормчей). Въ указанномъ случаѣ требуется непременно повтореніе „предбрачной огласки“ потому, что родственники брачующихся могутъ вступить въ бракъ между собою, и какимъ образомъ между самими брачующимися легко можетъ оказаться родство и др. препятствія къ повѣнчанію ихъ.

2. Можно-ли вѣнчать браки соборнѣ?

Ни въ правилахъ каноническихъ, ни въ постановленіяхъ отечественной Церкви не встрѣчается ничего положительно и опредѣленно сказаннаго, чтобы совершителемъ брака былъ непременно одинъ только священникъ, или чтобы совершеніе этого таинства соборомъ нѣсколькихъ священниковъ заключало въ себѣ нѣчто противное духу христіанскаго ученія. Посему соборное вѣнчаніе брака можетъ быть допускаемо по желанію вступающихъ въ бракъ или по просьбѣ ихъ родителей, — особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно принято издревле. А гдѣ подобный образъ совершенія браковѣнчанія являлся бы неожиданною новизною, тамъ лучше и не допускать его, чтобы не дать повода къ соблазну. Въмѣсто этого, присутствующіе при совершеніи брака священники могутъ отправить соборный молебень послѣ вѣнчанія о здравіи новобрачныхъ или прочитать соборнѣ акаѳистъ, что само по себѣ всегда будетъ имѣть несравненно больше смысла, чѣмъ соборное безъ нужды вѣнчаніе. А разъ уже бракъ совершается соборнѣ, — и въ этомъ случаѣ совершителемъ таинства долженъ быть одинъ только предстоятель: одинъ онъ и долженъ совершать весь обрядъ, читать всѣ молитвы по уставу и проч. Дозволять при этомъ чтеніе нѣкоторыхъ молитвъ другимъ сопредстоящимъ священникамъ, какъ это дѣлается въ иныхъ мѣстахъ, нѣтъ никакого основанія, — тѣмъ болѣе, что, по смыслу самаго закона, одинъ только совершитель брака отвѣчаетъ за его правильность, одинъ подписывается въ метрической книгѣ подъ актомъ брака и проч.

3. Состояніе даннаго лица подь церковною эпитиміей можетъ ли служить препятствіемъ ко вступленію этого лица въ бракъ?

Эпитимія не можетъ препятствовать никому вступить въ законный бракъ, безпрепятственный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ (Резолюція Преосвящ. Филарета Московскаго отъ 8-го мая 1858 г. въ Душенпол. Чтен. за 1873 г.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Теодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 23 сентября 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

ВѢСНИКЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, октября 6-го.

Содержаніе: Наболѣвшій вопросъ. — Чиннослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе).—Пастырскій дневникъ.

Наболѣвшій вопросъ.

Современное религіозно-правственное настроеніе русскаго общества, шатаніе мысли, особенно религіозной, отмѣченное всѣми, кому дорого счастье нашей родины, требуетъ самой напряженной, самой дѣятельной борьбы со стороны духовенства. Вести эту борьбу оно можетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше довѣрія и уваженія оно будетъ встрѣчать какъ со стороны власти, такъ и со стороны общества. Нѣтъ, кажется, ни одного сословія, ни одного званія, къ которому предъявлялась-бы такая масса всевозможныхъ требованій, какъ къ духовенству; требуется ревность апостольская, нужны нечеловѣческія усилія для того, чтобы ходить достойно этого высокаго званія, стоять на высотѣ этого служенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ ни одного сословія, которому приходилось-бы выслушивать больше разнаго рода упрековъ и нареканій, какъ

духовенству. Каковы эти упреки, насколько они справедливы, — въ настоящемъ случаѣ мы не будемъ говорить; насколько возможно, духовная печать опровергаетъ ихъ: она давно уже показала, какъ часто къ намъ несправедливы и строги.

Есть много условій въ самой нашей общественной жизни и въ положеніи духовенства, которыя тормозятъ, а иногда и совсѣмъ парализуютъ благотворную дѣятельность духовенства. Въ настоящій разъ мы хотѣли-бы затронуть одинъ изъ трудныхъ, можетъ быть второстепенныхъ, но все же важныхъ вопросовъ, касающихся духовенства—именно вопроса о судопроизводствѣ надъ лицами духовными: въ этомъ отношеніи духовенство стоитъ въ довольно невыгодныхъ и тяжелыхъ условіяхъ. Высокія требованія, предъявляемыя къ духовенству и его жизни, нерасположеніе къ нему враговъ нашей Церкви, беззащитность духовенства ведутъ къ тому, что ни на одно сословіе не поступаетъ столько жалобъ, весьма часто самаго вздорнаго и несправедливаго характера, какъ на духовенство. Духовенства на Руси десятки тысячъ, но много-ли среди нихъ такихъ, на которыхъ не было-бы жалобы, доноса, анонимныхъ писемъ? Депутаты отъ духовенства всегда завалены работой. Неужели-же десятки тысячъ людей, только то и дѣлаютъ, что плодятъ преступленія, неужели мы такъ плохи? Нѣтъ, избави Богъ насъ отъ такой мысли.

Громадный процентъ жалобъ противъ духовенства обыкновенно остается безъ послѣдствій; скажутъ, пожалуй, что духовенство всякими правдами и неправдами старается прикрывать и замазывать эти дѣла, но это неправда: жалобщики всегда могутъ возобновить дѣло, разъ оно, по ихъ мнѣнію, затушено несправедливо. Нѣтъ, это объясняется неосновательностію, бездоказательностію самихъ жалобъ, которая и выясняется путемъ слѣдствія для жалобщиковъ. Все, что другимъ проходитъ безслѣдно, духовенству поставляется на видъ и въ упрекъ, даетъ поводъ къ жалобамъ: сказалъ священникъ укорительное слово, по нездоровью не могъ исполнить требу, не захотѣлъ льстить и поддѣлываться къ помѣщику или кулаку,

не „ублаготвориль“ сельскихъ властей (писаря и старшину), отказался выпить на торжествѣ стаканъ вина—все это вызываетъ недовольство, жалобы, доносы, словно священникъ на то и поставляется, чтобы всѣмъ угождать, всѣмъ покоряться, всѣхъ бояться. Въ свѣтскомъ судѣ, прежде чѣмъ дѣлу дается ходъ, бываетъ предварительное негласное слѣдствіе, которое и устанавливаетъ преступность или невинность обвиняемаго; у насъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: „на попя всякую жалобу принимаютъ“, говорилъ съ циничною откровенностію одинъ писарь, возбуждая крестьянъ подать на священника самую вздорную и несправедливую жалобу: сплошь и рядомъ предметомъ жалобъ служитъ самая неприкрытая ложь.

Вотъ нѣсколько случаевъ, рассказанныхъ намъ о. депутатомъ. Одинъ священникъ на праздникъ Рождества Христова явился къ крестьянину съ молитвою. Въ хатѣ, не смотря на то, что священникъ имѣлъ обыкновение заблаговременно предупредить хозяевъ о своемъ посѣщеніи, царилъ страшный беспорядокъ и нечистота; хозяинъ отсутствовалъ, какъ сказали дѣти его, ушелъ къ сосѣду. Священникъ положилъ крестъ на столѣ, а самъ, отправивши одного изъ дѣтей за отцомъ, сталъ поджидать его. Хозяинъ явился растрепанный, не одѣтый, на выговоръ священника сталъ отвѣчать грубо и дерзко; священнику оставалось одно—молча уйти, что онъ и сдѣлалъ; за крестомъ, который онъ оставилъ на столѣ, онъ тотчасъ же отправилъ псаломщика. Черезъ нѣсколько времени на него послѣдовала жалоба или вѣрнѣе доносъ, суть котораго въ слѣдующемъ: „священникъ такой-то во время обхожденія съ молитвой, будучи въ нетрезвомъ состояніи, затерялъ крестъ“. Это жалоба на человѣка, который по общему признанію всѣхъ, кто его знаетъ, совсѣмъ ничего не пьетъ! Другой случай. Діакону, отправлявшемуся въ губернской городъ, поручили передать пакетъ, каковой и былъ имъ утерянъ. На него послѣдовало обвиненіе во вскрытіи и похищеніи изъ пакета 100 рублей. Формальное слѣдствіе, наряженное по этому поводу, обвиненія не подтвердило.

Порядокъ нашего судопроизводства такой: всякая жалоба, поступающая въ консисторію, передается депутату того округа, гдѣ живетъ обвиняемый; на него большею частію возлагается обязанность произвести формальное слѣдствіе. Нужна ли эта излишняя торжественность, гласность, къ какимъ результатамъ часто приводитъ формальное слѣдствіе? Консисторіи оно даетъ излишнюю переписку, депутату развѣзды, обвиняемому, очень часто совершенно невинному лицу, нравственную пытку. Скажутъ, пожалуй, что за клевету, ложный доносъ священникъ можетъ притянуть клеветника къ гражданскому суду, но кому же, спрашивается, явится охота затѣвать дѣло, ходить по судамъ, лѣзть въ разныя дрязги? Человѣкъ твердаго и спокойнаго все это, пожалуй, не смутитъ; но человѣкъ робкій, застѣнчивый, душой измучится, изстрадается. Да и въ совѣсти своей истинный пастырь, призванный вѣщать законъ любви и прощенія, не всегда соглашается обращаться къ суду.

Формальное слѣдствіе, кромѣ того, что часто доставляетъ духовенству нравственную пытку, подрываетъ уваженіе къ лицу обвиняемому, довѣріе, роняетъ его авторитетъ, часто парализуетъ его доброе вліяніе особенно въ деревнѣ, гдѣ пересуды, сплетни особенно часты. Одинъ нашъ добрый знакомый священникъ оказывалъ медицинскую помощь крестьянамъ, лѣчилъ ихъ гомеопатіей. Выписалъ священникъ на собственные средства гомеопатическую аптечку, истративъ больше 100 рублей, и сталъ помогать крестьянамъ, руководствуясь гомеопатическимъ лѣчебникомъ доктора Соловьева. Крестьяне, лишенные всякой медицинской помощи, валомъ повалили къ нему со своими болѣзнями, чѣмъ остался недоволенъ мѣстный фельдшеръ; епархіальному начальству онъ подалъ жалобу съ массою извѣтовъ на священника. Наряжено было формальное слѣдствіе съ опросомъ свидѣтелей, которое доказало полную невинность священника, но народъ пересталъ уже съ прежней охотой обращаться къ священнику за медицинскою по-

моцію, хотя въ деревнѣ было нѣсколько прямо поразительныхъ случаевъ излѣченія гомеопатическими средствами.

Не то хотѣли-бы мы сказать, что духовенство должно быть совершенно освобождено отъ всякаго суда и слѣдствія: духовенство не изъ ангеловъ состоитъ, и здѣсь могутъ быть преступленія, требующія формальнаго слѣдствія; нѣтъ, мы хотѣли высказать пожеланіе, чтобы къ крайнимъ мѣрамъ, въ видѣ суда и слѣдствія, прибѣгали съ особою осторожностію и разборчивостію. Гораздо проще многія дѣла рѣшать чисто семейнымъ образомъ безъ возни и хлопотъ, безъ огласки и излишней переписки. Прежде чѣмъ производить формальное слѣдствіе, можно чрезъ довѣренныхъ лицъ, напримѣръ о.о. благочинныхъ, навести негласно справки о томъ, насколько основательна жалоба, примирить чрезъ духовника двѣ враждебныя стороны; только тогда, когда негласное дознаніе подтвердить виновность обвиняемаго, докажетъ невозможность примиренія, слѣдуетъ начинать формальное слѣдствіе. Назначеніе формальныхъ слѣдствій въ общемъ подрываетъ авторитетъ лицъ духовныхъ въ глазахъ народа, плодитъ ненужную переписку, тяжело отзывается на моральномъ состояніи тѣхъ, надъ кѣмъ оно производится. Мысль, нами высказанная, выражалась на епархіальныхъ сѣздахъ духовенства. Такъ, напримѣръ, сѣздъ о.о. уполномоченныхъ К и епархіи 1900 года высказалъ пожеланіе о томъ, чтобы по одному только прошенію или жалобѣ на духовное лицо не наряжалось формальное слѣдствіе, чтобы прежде формальнаго дознанія, было опредѣляемо, есть-ли основанія для него. Въ распоряженіи духовнаго начальства есть много средствъ и способовъ прежде формальнаго слѣдствія надъ лицомъ духовнымъ прекратить дѣло домашнимъ способомъ, полюбовно, не вынося сора изъ избы, не принося излишнихъ мученій лицу, на которое жалуются. Разъ есть возможность прекратить дѣло семейно, то зачѣмъ же предавать его огласкѣ, поднимать грязь, огорчать часто ни въ чемъ неповиннаго человѣка?

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

§ 22. Чинъ избранія, малаго и великаго объявленія, исповѣданія и хиротоніи во епископа на православномъ Востокѣ въ настоящее время. Возведеніе на тронъ патріарховъ константинопольскихъ и друиихъ.

Чинъ избранія и хиротоніи во епископа на православномъ Востокѣ имѣеть весьма много особенностей и отличій¹⁾

¹⁾ Чинъ избранія и хиротоніи епископа на православномъ Востокѣ описанъ епископомъ *Порфиріемъ Успенскимъ* (Книга моего бытія. Дневники и автобіографическія записки. Сиб., 1896 г., ч. III, стр. 425—433), архим. *Софроніемъ* (въ послѣдствіи епископомъ туркестанскимъ (Страникъ, 1874 г., т. IV, стр. 49—64) и отчасти протоіереемъ *Серединскимъ* (Христ. Чтен., 1871 г., № 10, стр. 565—566). Изъ указанныхъ статей наибольшую полноту и обстоятельностью отличается описаніе покойнаго востокѣда епископа Порфирія Успенскаго, каковымъ мы и воспользуемся въ данномъ случаѣ, восполняя недосказанное и исправляя нѣкоторыя неточности по *Εὐχολόγιον*у венеціанскаго изданія 1767 года, сελ. 143—147. Нужно замѣтить, что въ современной богослужебной практикѣ на Востокѣ употребляется не „Τάξις, γινομένη ἐπὶ χειροτονίᾳ ἐπισκόπου, μετὰ τινος πλατοτέρας ἐκθέσεως τῶν γινομένων“, бывшій въ употребленіи греческой церкви въ древнѣйшее время, изданный Яковомъ Гоаромъ (*Εὐχολόγ.*, edit. Venet. 1640 an. pag. 252—253) и Исаакомъ Габертомъ (*Ἀρχιερατικόν* edit. Venet. 1714 an., pag. 54—58) и послужившій отчасти въ 1677 году оригиналомъ и для нашего современнаго „Чина избранія и рукоположенія архіерейскаго“, но нѣсколько иной, переработанный митрополитомъ нисскимъ Митрофаномъ въ началѣ XVIII столѣтія (κατὰ τὴν ἐρμηνείαν τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Νύσσης κορίου Μητροφάνους). О древнихъ чинахъ архіерейской хиротоніи современной греческій Евхологій выражается такъ: „Эти ранѣе напечатанные чины хиротоніи во епископа не такъ совершаются нынѣ, но слѣдующимъ образомъ, какъ въ изложеніи преосвященнѣйшаго митрополита нисскаго господина *Митрофана*, которое практикуется во всѣхъ Христовыхъ церквахъ“ (*Εὐχολ.*, edit. Venet. 1767, сελ. 143). Исправленный митрополитомъ Митрофаномъ чинъ архіерейской хиротоніи въ первый разъ былъ изданъ имъ въ *Архіе-*

по сравненію его съ нашимъ современнымъ чиномъ, какъ онъ изложенъ нами въ предыдущемъ параграфѣ.

Избраніе достойнаго кандидата на вакантную каѳедру происходитъ обыкновенно въ залѣ синодскихъ засѣданій патріархіи. Въ избраніи этомъ принимаютъ участіе, съ правомъ голоса, только члены патріаршаго синода, безъ права же голоса могутъ присутствовать въ засѣданіи синода и всѣ прочіе архіереи, случайно находящіеся въ резиденціи патріарха. Міряне ни въ какомъ случаѣ не допускаются въ эти засѣданія. Всѣ епископы являются на эти засѣданія, имѣя на плечахъ малые омофоры, а на патріархѣ кромѣ того вадѣта и мантия. Епископы садятся за столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На немъ полагаются Евангеліе и патріаршій кодексъ, въ который вносятся имена достойныхъ кандидатовъ на епископскую каѳедру. Близъ стола стоятъ подсвѣчники съ возжженными свѣчами.

По возгласѣ патріарха: „Благословенъ Богъ нашъ“ и по прочтеніи чтецомъ „Царю небесный“, „Трисвягое“ и „Отче нашъ“, всѣ епископы поютъ тропарь и кондакъ Пятидесятницы, а патріархъ въ это время кадитъ икону, находящуюся въ залѣ засѣданій, и всѣхъ присутствующихъ здѣсь. Затѣмъ патріархъ произноситъ краткую сугубую ектеню, на которую прочіе епископы отвѣчаютъ троекратнымъ пѣніемъ: „Господи помилуй“. Ектеня оканчивается возгласомъ патріарха, послѣ котораго непосредственно слѣдуетъ отпустъ: „Иже въ видѣніи огненныхъ языкъ“.

По совершеніи молитвословія, всѣ епископы-синодалы въ порядкѣ старшинства занимаютъ мѣста за указаннымъ столомъ. Грамматикось или секретарь синода, стоя, читаетъ громко извѣщеніе о вдовствующей каѳедрѣ и о необходимо-

ратиконѣ 1714 года, который печатался въ Венеціи, въ типографіи Антонія Бортоли, на средства (ἐπιμελεία καὶ ἀναλώματα) названнаго митрополита. Отсюда данный чинъ сталъ послѣ перепечатываться и въ Евхологіи не только венеціанскихъ изданій, но даже аѳинскихъ, напр. изд. 1899 года, σελ. 185.

сти замѣстить ее достойнымъ и способнымъ кандидатомъ. Вслѣдъ за тѣмъ непосредственно опрашиваетъ cadaго изъ епископовъ-синодаловъ о кандидатахъ на епископство, которые имъ извѣстны, какъ достойные этой высшей въ іерархіи степени, занося немедленно въ кодексъ имена названныхъ ими лицъ. Послѣ составленія акта о предполагаемыхъ кандидатахъ на епископскую кафедру, съ указаніемъ точно и времени избранія ихъ, секретарь синода предлагаетъ актъ къ подписи всѣмъ членамъ. Избраннымъ на епископію считается то лицо, которое получило въ этомъ засѣданіи большинство избирательныхъ голосовъ.

Немедленно патріархъ приглашаетъ къ себѣ двухъ діаконовъ, постоянно находящихся при немъ для исполненія его порученій, и отправляетъ ихъ къ избранному во епископа съ „малымъ извѣщеніемъ“ (*μικρὸν μόνημα*), которое читается такъ: „Да вѣдаетъ святыня твоя, что, по отданіи общаго долга митрополитомъ или епископомъ N—скимъ, имярекъ, и по вдовствѣ епархіи его и лишеніи законнаго пастыря и представителя, блаженнѣйшій (или святѣйшій) господинъ и владыка нашъ киръ киръ, имярекъ, возымѣлъ попеченіе о сей епархіи,—да обряцется лицо достойное и способное принять престолъ оной митрополіи или епископіи N—ской святительски, и для сего, призвавъ преосвященнѣйшихъ святыхъ архіереевъ, далъ имъ власть учинить въ храмѣ каноническое избраніе таковаго лица. По совершеніи же онаго, взыскана и предъизбрана предъ прочими на святительское предстоительство митрополіи или епископіи N—ской святыня твоя, и се мы, посланные отъ святѣйшаго (или блаженнѣйшаго) пришли возвѣстить тебѣ сіе, да будешь готовъ вскорѣ принять и *великое извѣщеніе*. Часъ тебѣ добрый и вѣрно идущій (*δεξιὰ*)! И Господь Богъ да укрѣпитъ тебя, да угодиши Ему и людямъ“. Избранный во епископа отвѣчаетъ на это: „Благодарю святѣйшаго (или блаженнѣйшаго) и сущихъ съ нимъ святыхъ архіереевъ и васъ, принесшихъ такое благовѣстіе и потрудившихся мене ради“. Одаривши двумя золотыми cadaго

изъ посланниковъ, избранный во епископа съ ними же отправляется въ засѣданіе синода, чтобы принести благодарность патріарху и всѣмъ членамъ синода за оказанную ему высокую честь лично.

Когда избранный во епископа войдетъ въ залъ синодскихъ засѣданій съ патріаршими посланниками, то кланяется патріарху и членамъ синода и становится предъ своими избирателями у стола. Патріархъ громко объявляетъ ему о причинѣ, по которой онъ призывается въ залъ засѣданія. Избранный въ принятой обычаемъ фразѣ выражаетъ свое согласіе и благодарность за избраніе патріарху и членамъ синода. Синодальный секретарь, по приказанію патріарха, прочитываетъ предъ избраннымъ во епископа актъ о его избраніи и извлеченія изъ древнихъ церковныхъ канонѣвъ и синодальныхъ патріаршихъ опредѣленій, регулирующихъ во всѣхъ подробностяхъ отношенія подчиненнаго епископа къ своему патріарху и его обязанности по отношенію къ ввѣряемой его попеченію паствѣ. По выслушаніи акта и этихъ извлеченій, новоизбранный во епископа выражаетъ свое согласіе собственноручною подписью подъ ними въ патріаршемъ кодексѣ.

Изъ зала синодскихъ собраній избранный во епископа удаляется въ патріаршую церковь для выслушанія уже „великаго извѣщенія“ (μεγα μόνυμα) о своемъ избраніи, которое торжественно происходитъ въ присутствіи явившихся туда членѣвъ синода, многочисленнаго собранія духовенства и народа. Патріархъ въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ на этомъ „великомъ извѣщеніи“.

По приходѣ въ патріаршую церковь, избранный во епископа въ алтарѣ облачается въ епитрахиль и фелонь и стоитъ здѣсь въ ожиданіи прихода членѣвъ синода. Когда послѣдніе войдутъ въ храмъ и займутъ свои мѣста въ его стасидіяхъ, то отверзаются царскія двери, и старѣйшій изъ епископѣвъ, возложивъ на себя поручи, мантию и малый омофоръ, возглашаетъ: „Благословенъ Богъ нашъ“. Клирики храма читаютъ: „Царю небесный“, „Трисвятое“ и „Отче нашъ“. По возгласѣ

первенствующаго архіерея: „Яко твое есть царство“, всѣ архіереи поють тронарь и кондакъ Пятидесятницы, а затѣмъ старѣйшій епископъ произноситъ сугубую ектеню, поминая на ней имена патріарха и избраннаго во епископа, и дѣлаетъ отпустъ: „Иже въ видѣніи огненныхъ языкъ“.

По окончаніи молитвословія Св. Духу, совершеннаго архіереями-синодалами, такое же молитвословіе повторяетъ и новоизбранный во епископа, стоя въ алтарѣ предъ св. престоломъ. На сугубой ектенѣ онъ себя уже не поминаетъ. По отпустѣ, снявъ съ себя фелонъ и епитрахиль, избранный во епископа становится въ царскихъ дверяхъ, обратившись лицомъ на западъ. Противъ него за солеею занимаетъ мѣсто помощникъ секретаря синода, имѣя въ рукахъ патріаршій кодексъ и возженную свѣчу, и читаетъ вслухъ всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ „великое извѣщеніе“ въ такой формѣ: „Святѣйшій или блаженнѣйшій господинь и владыка нашъ отецъ и патріархъ града такогото и сущій окрестъ его блаженства или святѣйшества ликъ преосвященнѣйшихъ святыхъ архіереевъ призываютъ святыню твою на престоль святѣйшей епископіи или митрополи такой то“. Избранный на это отвѣчаетъ: „Понеже блаженнѣйшій (или святѣйшій) господинь и владыка нашъ, руководимый самимъ Богомъ, восхотѣлъ произвести и меня, наименьшаго слугу своего, въ санъ архіерейства, по истинѣ божественный, се азъ покорствую божественному велѣнію его и приѣмлю санъ. Благодарствую убо, во первыхъ, ему, святѣйшему или блаженнѣйшему господину и владыкѣ, таковое промышленіе о мнѣ сотворшему, по немъ же преосвященнѣйшимъ и богочестивымъ святымъ архіереямъ (при этомъ избранный дѣлаетъ поясные поклоны на оба лика) и всему прочему собору (такіе же поклоны), ихъ же святыми и богоугодными молитвами сподоби мя, Господи Боже, пасти право ввѣренное мнѣ словесное стадо Христово и представи оное нескверно ¹⁾ и чисто въ страшное пришествіе Христово.

¹⁾ При произнесеніи этихъ и слѣдующихъ затѣмъ словъ избраннымъ во епископа, члены синода, духовенство и народъ восклицаютъ неоднократно: „Аминь“ (Странн., 1874 г., т. IV, стр. 61).

Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь“. Затѣмъ нареченный во епископа подходитъ ко всѣмъ членамъ синода, принимаетъ отъ нихъ благословеніе съ цѣлованіемъ ихъ рукъ и поздравленія съ состоявшимся избраніемъ. Изъ патріаршаго храма всѣ расходятся по своимъ келліямъ.

Служба церковная въ день, назначенный для епископской хиротоніи, по Уставу Великой константинопольской Церкви, имѣетъ нѣкоторыя особенности, вызываемыя въ ней предстоящею хиротоніею. Такъ, если хиротонія совершается въ простой будничной день, не имѣющей памяти празднуемаго святого, то на утрени положено пѣть тропарь, кондакъ, сѣдальны, каноны, катавасію, ексапостиларій и стихиры на хвалитѣхъ праздника Пятидесятницы, а на литургіи изъ службы того же праздника заимствуются антифоны, входное, апостолье, евангеліе и причастенъ. Если же хиротонія назначается въ день воскресный, то на утрени катавасію и девятую пѣснь канона, второй ексапостиларій и на хвалитѣхъ—стихиру: „Преславная днесь“ и на Слава и нынѣ—„Царю небесный“ берутъ изъ службы праздника Пятидесятницы, а на литургіи—оттуда же антифоны, тропарь и кондакъ по входѣ и второй причастенъ. Тѣ же особенности имѣютъ мѣсто въ службѣ, если хиротонія во епископа назначается на день обычный, и если есть память празднуемаго святого, съ тою, впрочемъ, разницею, что пѣснопѣніямъ Пятидесятницы отдается первенство предъ пѣснопѣніями дневного святого. Если хиротонія назначается въ день воскресный съ памятью празднуемаго святого, то изъ службы Пятидесятницы поется все то же, что полагается и въ обычное воскресенье, но съ присоединеніемъ еще ексапостиларія, трехъ стихиръ на хвалитѣхъ и тропаря празднуемаго святого. Въ дванадесятый господскій праздникъ церковная служба даетъ знать объ имѣющейся быть хиротоніи во епископа въ этотъ день присутвіемъ въ ней ексапостиларія на утрени и тропаря на литургіи послѣ малаго входа изъ службы праздника Пятидесятницы. Въ таковой же богородичный праздникъ о томъ же свидѣтельствуютъ кромѣ того

двѣ стихиры и славникъ на хвалитѣхъ въ утреннемъ богослуженіи и входное и апостоль въ чинѣ литургіи, заимствованные изъ той же службы праздника Пятидесятницы. Даже въ дни дванадесятихъ праздниковъ, при архіерейской хиротоніи, пѣснопѣнія праздника Пятидесятницы всегда предшествуютъ пѣснопѣніямъ празднуемаго событія ¹⁾).

Предъ литургіею въ день хиротоніи въ патріаршей церкви устроится возвышенный амвонъ или каеэдра для архіереевъ, покрытая краснымъ сукномъ, такъ какъ въ обычное время никакой каеэдры для архіерея на всемъ православномъ Востокѣ здѣсь не стоитъ и ее замѣняетъ „троносъ“, стоящій съ правой стороны церкви за клиросомъ. На каеэдрѣ ставится для патріарха раззолоченное кресло съ рѣзными украшеніями, а полукругомъ близъ него разставляются табуреты съ шелковыми подушками, или покрытые простыми шелковыми покрывалами для остальныхъ архіереевъ, которые будутъ принимать участіе въ совершеніи хиротоніи. Предъ амвономъ или каеэдрою разстилается коверъ, а на немъ полагается другой коверъ съ изображеніемъ большого двуглаваго орла, парящаго надъ городомъ, который имѣетъ вверху забрала, а внизу протекающую рѣку.

По приходѣ въ храмъ и по совершеніи обычнаго входного предъ литургіею, патріархъ становится въ свой обычный тронъ, съ правой стороны храма, и здѣсь облачается въ священныя одежды. Архіереи и священнослужители облачаются въ алтарѣ. Одинъ изъ пресвитеровъ въ это время совершаетъ проскомидію. По одѣяніи въ священныя одежды и по умовеніи рукъ, патріархъ выходитъ изъ трона и направляется на средину храма на каеэдру. Архидіаконъ и діаконы, помогавшіе патріарху, во время облаченія, становятся по обѣимъ сторонамъ каеэдры и громко возглашаютъ: „Архіереи, изыдите“. „Іереи, изыдите“. Въ это время отверзаются царскія двери, чрезъ которыя выходятъ на средину храма архі-

¹⁾ Τοπικὸν κατὰ τὴν τάξιν τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης ἐκκλησίας. Ἐν Κωνσταντ. 1888, σελ. 445—447.

ереи, занимая въ порядкѣ старшинства мѣста близъ приготовленныхъ для нихъ сѣдалищъ. Архіереи, по принятому на востокѣ обычаю, имѣютъ на головахъ черныя камилавки, покрытыя флеровою наметкою, а въ рукахъ при персяхъ держатъ Архіератиконы. Вышедшіе изъ алтаря боковыми дверями пресвитеры и архимандриты становятся въ линію съ епископами, по той и другой сторонѣ патріарха. Патріархъ принимаетъ въ руки дикирій и трикирій и, по возглашеніи архидіакономъ: „Тако да просвѣтитя свѣтъ твой предъ чловѣки“, благословляетъ народъ на всѣ стороны, при пѣніи клира: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“. Послѣ этого патріархъ и архіереи садятся на приготовленныхъ для нихъ сѣдалищахъ.

Два діакона, получивши благословеніе отъ патріарха, идутъ въ алтарь чрезъ царскія двери и выводятъ оттуда избраннаго во епископа, одѣтаго въ священныя одежды и въ клобукъ съ флеровою наметкою на головѣ. Въ рукахъ онъ держитъ св. Евангеліе и въ немъ исповѣданіе вѣры, подписанное собственноручно. Діаконы приводятъ на средину храма избраннаго во епископа и прямо становятся его на главѣ изображеннаго орла (ἐπάνω τοῦ αἰτοῦ). Избранный во епископа, по возглашеніи однимъ изъ діаконовъ: „Вонмемъ“, начинаетъ читать исповѣданіе вѣры такъ: „Азъ іеромонахъ, имярекъ, милостію Божіею избранный на святѣйшую митрополию или епископію, имярекъ, собственною рукою начерталь: „Вѣрую во единого Бога Отца“ и т. д. до конца. Непосредственно, безъ всякихъ вопросовъ, за символомъ никео царьградскимъ читаются два другихъ: о свойствахъ тріехъ ипостасей нецстижимаго Божества и о вочеловѣченіи ипостаснаго Сына и Слова Божія, т. е. тѣ самые символы, которые составляли принадлежность и нашего чина исповѣданія архіерейскаго съ 1856 года до 1901 года. По прочтеніи исповѣданія, хиротонисуемый закрываетъ св. Евангеліе, которое потомъ діаконы вмѣстѣ съ свиткомъ исповѣданія относятъ въ алтарь и полагаютъ на престолѣ. Затѣмъ, возгласивши: „Повели“ и „Повелите“, діаконы ведутъ избраннаго во епископа къ патріарху,

который, благословляя его крестообразно, говоритъ: „Благодать всесвятаго и животворящаго Духа чрезъ нашу мѣрность (διὰ τῆς ἡμεῶν ταπεινότητος) проручествуетъ ты митрополитомъ или епископомъ святѣйшей митрополіи или епископіи, имярекъ“. При пѣніи пѣвцами: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“, когда избранный во епископа цѣлуетъ руку патріарха, послѣдній цѣлуетъ его въ чело и въ плечи. Послѣ патріарха избранный цѣлуетъ десныя руки и другихъ архіереевъ, которые также цѣлуютъ избраннаго въ чело и въ плечи. Діаконы послѣ этого отводятъ избраннаго во епископа на орла. Приближаются къ нему затѣмъ два старѣйшихъ пресвитера и, возглашая: „Повели“ и „Повелите“, подводятъ избраннаго вторично къ патріарху и къ прочимъ архіереямъ. Патріархъ, благословляя его крестообразно, произноситъ: „Благодать пресвятаго и животворящаго Духа да будетъ съ тобою нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“, даетъ цѣловать свою руку избранному во епископа, цѣлуя его въ плечи и въ чело¹⁾. Пресвитеры подводятъ избраннаго для цѣлованія рукъ и къ другимъ епископамъ, участникамъ хиротоніи, которые также цѣлуютъ его въ плечи и въ чело. Клиръ и въ этомъ случаѣ поетъ: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“. Избранный во епископа послѣ этого удаляется въ алтарь и стоитъ тамъ, не принимая никакого участія въ совершеніи литургіи, до малаго выхода.

Послѣ малаго выхода и возглашенія титула патріарха, всѣмъ находящимся въ храмѣ пресвитерамъ, клирикамъ и народу раздаются свѣчи. Патріархъ садится на сѣдалище съ лѣвой стороны престола. Два священника, получивъ благословеніе патріарха, выводятъ сѣверными дверями хиротонисуемаго на средину храма и, возглашая: „Повели“, „Повелите“, „Повели, владыко святой“, съ поясными поклонами на каждое изъ этихъ возглашеній, ведутъ въ царскія двери. Здѣсь принимаютъ его архіереи, которые, взявъ за руки хиротони-

¹⁾ Иногда избранный во епископа въ это время произноситъ свою благодарственную рѣчь патріарху и его синоду. Страни., 1874 г., т. IV, стр. 64—65.

суемаго, имѣя предъ собою впереди діаконовъ, трижды обходятъ съ нимъ кругомъ престола, при пѣніи тропарей: „Святїи мученицы“, „Слава тебѣ, Христе Боже“ и „Исаіе, ликуй“. По обхожденїи престола, патріархъ становится на ступеньки престола, а хиротонисуемый съ правой стороны его преклоняетъ предъ св. престоломъ оба колѣна, полагаетъ на него руки крестообразно (*συνηρμοσμένας ἐπ' ἀλλήλας*) и на нихъ склоняетъ свою голову. Архидіаконъ возглашаетъ: „Вонемъ“. Патріархъ, положивъ на голову хиротонисуемаго омофоръ, раскрытое св. Евангеліе, которое поддерживаютъ (*συνεφαπτομένων τῶν ἄλλων ἀρχιερέων*) другіе архіереи, участвующие въ совершенїи хиротонїи, дѣлаетъ три креста на главѣ хиротонисуемаго, и положивъ свою руку, возглашаетъ громогласно: „Избраніемъ и искусомъ святѣйшихъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ (если митрополитъ совершаетъ хиротонїю, то возглашаетъ: боголюбезнѣйшихъ епископовъ и прендобнѣйшихъ пресвитеровъ), Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудѣвающая восполняющи, проручествуетъ, имярекъ, боголюбезнѣйшаго пресвитера во епископа богоспасаемаго града, имярекъ. Помолимся убо о немъ, да приидетъ на него благодать Всесвятаго Духа“. Находящіеся въ алтарѣ священнослужители и народъ въ храмѣ, при чтенїи этихъ словъ, падаютъ ницъ. Священнослужители и пѣвчіе поютъ по трижды: „Кирие елейсонъ“. Патріархъ, сдѣлавъ затѣмъ троекратное крестное знаменіе на головѣ хиротонисуемаго и положивъ на голову его руку, читаетъ имѣющіяся въ чинѣ молитвы. Старѣйшій изъ епископовъ произноситъ ектеню, на которую младшій изъ епископовъ отвѣчаетъ: „Господи, помилуй“. По прочтенїи молитвъ, патріархъ снимаетъ Евангеліе съ головы хиротонисаннаго, и полагаетъ на престолъ, а затѣмъ облачаетъ его въ саккосъ и омофоръ, при возглашенїи: „Аксїосъ“ и трекратномъ пѣніи того же возглашенїя по клиросамъ. Въ числѣ принадлежностей епископскаго сана считается и Архіератиконъ, который вручается также съ возгласомъ: „Аксїосъ“. Когда поворукположенный обла-

чится въ священныя одежды сана, то патріархъ и прочіе архіереи привѣтствуютъ его братскимъ цѣлованіемъ¹⁾. Хиротонисанный архіерей занимаетъ первое мѣсто среди епископовъ, съ правой стороны престола. На первомъ мѣстѣ онъ возсѣдаетъ и въ синтронѣ, при чтеніи апостола, возглашая: „Миръ всѣмъ“, первымъ причащается Тѣла и Крови Христовыхъ, и преподаетъ ихъ потомъ патріарху, архіереямъ и прочимъ клирикамъ. Въ концѣ литургіи, предъ пѣніемъ „Буди имя Господне“, патріархъ снимаетъ съ своей головы митру и возлагаетъ ее на голову новорукоположеннаго во епископа, предоставляя ему честь, при чтеніи 33 псалма, раздать народу антидоръ. По отпустѣ литургіи, патріархъ благословляетъ новорукоположенному архіерейскую съ источниками мантию и здѣсь же предъ престоломъ иногда вручаетъ ему и патерицу или жезлъ, получивъ которые, новорукоположенный выходитъ изъ алтаря, благословляетъ народъ на всѣ стороны, при пѣніи: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“, быстро удаляется въ алтарь, разоблачается и уходитъ изъ храма незамѣтно, чтобы не утомлять себя продолжительнымъ благословеніемъ народа.

Современный православный Востокъ, приурочивая титулы епископа, архіепископа и митрополита къ кафедрамъ, по ихъ церковно-политическому значенію въ древности, за предста-

¹⁾ По одѣяніи въ архіерейскія одежды, вручается иногда новорукоположенному архіерейскій жезлъ, съ которымъ онъ выходитъ изъ алтаря къ народу и произноситъ благодарственную рѣчь. Σπτήρ, 1897, т. 17, τευχ. I, σελ. 6.

²⁾ „Митра, наперсный крестъ и паннагія, по словамъ арх. Софонія, только подносятся къ новопоставленному и благословляются патріархомъ для возложенія на него, но не возлагаются. Надѣваетъ же новый владыка, вмѣсто архіерейской митры, прежнюю свою камилавку съ клобукомъ и становится въ рядъ своихъ святителей также, какъ и они, безъ креста и паннагіи“ (Странн., 1874 г., т. IV, стр. 70). Когда рукоположеніе во епископа совершается не патріархомъ, а однимъ изъ митрополитовъ или архіепископовъ, то паннагія и крестъ возлагаются на хиротонисуемаго, при его облаченіи въ архіерейскія священныя одежды (тамъ же, стр. 77).

вителями своихъ церквей удерживаетъ и до настоящаго времени высокое въ церковной іерархіи титуло *патріарха*. Возведеніе на тронъ вселенской константинопольской церкви и другихъ восточныхъ церквей александрійской, антiохійской и іерусалимской ихъ предстоятелей обставляется весьма любопытными церковными и даже гражданскими церемоніями и торжествами, близкое знакомство съ которыми для изучающихъ судьбу чиновъ хиротоній вообще и чинъ епископской хиротоніи у насъ въ частности составляетъ, по нашему мнѣнію, настоятельную потребность, такъ какъ многія особенности нашего современнаго чина избранія и хиротоніи архіерейской находятъ для себя объясненіе и аналогію именно въ этихъ чинахъ возведеній на тронъ восточныхъ патріарховъ и особенно патріарха великой константинопольской церкви.

Избраніе вселенскаго патріарха происходитъ въ *избирательномъ собраніи*, которое состоитъ изъ членовъ патріаршаго синода и смѣшаннаго совѣта, т. е. изъ клириковъ и мірянъ, подъ предсѣдательствомъ патріаршаго мѣстоблюстителя, обыкновенно утверждаемаго турецкимъ правительствомъ на время вдовства патріаршей кафедръ. Составленный списокъ намѣченныхъ кандидатовъ на кафедру вселенскаго патріарха, послѣ оживленныхъ обсужденій въ собраніи, представляется на усмотрѣніе Блистательной Порты, которая негодныхъ ей кандидатовъ обыкновенно вычеркиваетъ изъ этого списка. По возвращеніи списка кандидатовъ изъ Порты, избирательное собраніе общей подачей голосовъ, по большинству ихъ, избираетъ *трехъ кандидатовъ*. Изъ этихъ трехъ кандидатовъ уже патріаршій синодъ, послѣ совершения предварительно обычнаго молитвословія Св. Духу, которое полагается, при избраніи архіереевъ, избираетъ одного, достойнѣйшаго кандидата, о чемъ и составляется секретаремъ синода актъ, который записывается въ патріаршемъ кодексѣ за подписью всѣхъ членовъ-синодаловъ. Данный актъ представляется чрезъ особую депутацію на утвержденіе министерства и Султана, который

въ торжественной аудіенціи принимаетъ избранника и жалуетъ его высшимъ турецкимъ орденомъ ¹⁾.

Изъ дворца Султана, послѣ упомянутой торжественной аудіенціи, избранный на кафедру св. Іоанна Златоуста болъшею частію отправляется непосредственно въ Фанарь въ патріаршую церковь для совершенія церковнаго возведенія на патріаршій тронъ. Его встрѣчаютъ въ нарѣнкѣ храма предъ среднею дверью архіерей—члены синода, клиръ и пѣвчіе, два діакона съ дикиріемъ и трикиріемъ, два діакона съ кадильницами, въ полномъ священномъ облаченіи, и лампадчикъ въ стихарѣ съ дивамбуломъ ²⁾. Облачивъ его въ патріаршую мантию, съ изображеніемъ святыхъ вмѣсто скрижалей, епитрахиль и малый омофоръ, при цѣнии входнаго „Достойно есть“, вводятъ въ храмъ и ведутъ въ алтарь. Старшій изъ архіереевъ-синодаловъ, возложивъ на себя епитрахиль и малый омофоръ и ставъ предъ престоломъ, возглашаетъ: „Благословенъ Богъ нашъ“. Діаконъ читаетъ: „Царю небесный“, „Трисвятое“ и „Отче нашъ“. По возгласѣ: „Яко твое есть царство“, архіерей, находящійся въ алтарѣ, поютъ тропарь и кондакъ Пятидесятницы. Первенствующій архіерей затѣмъ произноситъ краткую сугубую ектеню, состоящую изъ прошеній: „Помилуй насъ, Боже“, и „Еще молимся о благочестивыхъ и православныхъ христіанахъ“, на которыя прочіе архіереи отвѣчаютъ троекратнымъ пѣніемъ: „Господи помилуй“. Возгласомъ первенствующаго: „Яко милостивъ и челоуѣколюбець Богъ“ и отпустомъ: „Иже въ видѣніи огненныхъ языкъ“ молитвословіе оканчивается.

По окончаніи даннаго молитвословія, избранный на патріаршій тронъ занимаетъ мѣсто предъ престоломъ и повторяетъ тоже самое молитвословіе. Совершивъ отпустъ, онъ становится въ царскихъ дверяхъ, обратившись лицомъ на за-

¹⁾ Порядокъ избранія на тронъ вселенскаго патріарха по официальнымъ даннымъ описанъ въ Церк. Вѣсти. 1874 г., № 44, стр. 7—8; № 45, стр. 9—10.

²⁾ Такъ называется лампада съ двумя свѣтильнями.

падъ. Великій логоуетъ, приблизившись къ царскимъ дверямъ, стоя за солеєю противъ избраннаго въ патріархи, читаетъ громко *приглашеніе* (πρόσκλησις) на вселенскій престолъ ¹⁾ въ такой формулѣ: „Священный ликъ святыхъ архіереевъ, благоговѣйный клиръ вселенскаго престола, лучшіе и избранные люди націи и весь православный народъ богохранимыхъ епархій и сего царствующаго града, избравши общею волею и единогласнымъ совѣтомъ, ваше божественнѣйшее святѣйшество, по внушенію Божію и *царскому благоизволенію*, къ архіепископа Константинополя, Новаго Рима, и вселенскаго патріарха, призываютъ васъ чрезъ вашего смиреннаго слугу на сей святѣйшій апостольскій и вселенскій престолъ. Взыди же, святѣйшій владыко, на ступени его и украшай его до самой глубокой старости такъ же точно, какъ возвеличили его твои предшественники Андрей Первозванный, Іоаннъ Златоустъ, великій Фотій, Михаиль Керулларій, Геннадій Схоларій, Самуиль Византійскій и прочій честный сонмъ блаженной памяти славныхъ предшественниковъ твоихъ по патріаршеству, и руководи ввѣренный тебѣ свыше клиръ и народъ по стезямъ временнаго благополучія и вѣчнаго спасенія и по пажитямъ евангельской благодати. Буди! Буди!“ . Избранный

¹⁾ Въ византійской церкви X в. формула нареченія въ патріарха константинопольской церкви читалась такъ: „*Державный и святой императоръ нашъ* и божественный, священный и, великій соборъ призываютъ твою святыню на высочайшій престолъ патріархин константинопольской“. Избирали епископы обыкновенно трехъ кандидатовъ, а назначалъ въ патріархи императоръ угоднаго ему кандидата такою знаменательною формулою: „Божественная благодать и (даровавшая) отъ нея царская власть (βσιλεία ἡμῶν) производитъ благочестивѣйшаго сего (имярекъ) въ патріарха Константинополя“ (Mign. Patrol. Curs. Complet., t. 112, col. 1040—1044). Нѣсколько позже въ XIII—XIV столѣтіи объявленіе объ избраніи въ санъ патріарха читалъ великій хартофилаксъ такъ: „Владыка нашъ *императоръ и святой царь* призываетъ твою великую святыню на патріаршій тронъ Константинополя“. Избранный отвѣчалъ: „Благодарю святого императора царя и подчиняюсь божественному и поклоняемому его опредѣленію“. При врученіи патріаршаго жезла, императоръ говорилъ: „Святая Троица, даровавшая мнѣ державу царства,

на патриаршество на это отвѣчаетъ. „Божественно воистину, велико и возвышенно и превышаетъ всеконечно человѣческія силы честное дѣло духовныя сей власти, нуждался въ ангельской силѣ и естествѣ, говоря златымъ языкомъ великаго Златоуста, такъ какъ требуетъ большихъ заботъ и неусыпнаго вниманія, какъ отъ кормчаго, который берется за руль для спасенія корабля, по словамъ того же мудраго и прекраснаго кормчаго, ибо не малая можетъ возникнуть опасность и отъ самаго малаго недосмотра. Въ самомъ дѣлѣ не одинъ только противный вѣтръ и прибой сердитыхъ волнъ, но и бури часто угрожаютъ благополучному плаванію духовнаго судна, причиняютъ опасенія и заботу и кормчему и пловцамъ. Итакъ, хотя и насъ, по человѣческой слабости, пугаетъ величіе возлагаемаго на насъ дѣла, но мы соизволяемъ на то, что священное наше братство и участвовавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ избраніи члены благочестиваго нашего рода канонически присудили относительно насъ, и *державная и непоколебимая царская власть благосклонно одобрила и соизволила*, ввѣривши намъ сегодня свѣтлый патриаршій санъ чрезъ возложеніе свѣтлѣйшаго царскаго ордена. Итакъ, мы приедемъ избраніе, держа на неизреченное человѣколюбіе Всевышняго, которымъ умножается всякое благо и все трудное прелагается и измѣняется въ пути гладки“. Затѣмъ приближается къ патриарху ираклійскій митрополитъ ¹⁾, вручаетъ ему жезлъ, цѣлуя его руку, и говоритъ: „Прими сей жезлъ, изображающій собою жезлъ Моисеевъ, дабы какъ онъ, разсѣкши Чермное море, проведъ

проручествуетъ святыню твою въ патриарха Константинополя“. А. Дмитриевскій. Описан. литург. рки., хран. въ библиот. прав. Востока, т. II, *Εὐχολόγια*, стр. 629.

¹⁾ Въ древности ираклійскій митрополитъ и рукополагалъ вселенскаго патриарха. „Это потому, пишеть въ объясненіе даннаго обычая блаженный Симеонъ Солунскій, что, какъ говорятъ, царь Северъ подчинилъ Византію Ираклію, и она была епископіею митрополита ираклійскаго до самаго Константина Великаго“. (Исан. отц. и учител. церкви, относящ. къ столков. православи. богослуж., т. II, стр. 296; *Mign. Patrol. Curs. complet.*, t. 155, col. 452; *Conf.* t. 157, col. 120).

древняго Израиля безпрепятственно въ землю обѣтованную, такъ и ты, опираясь на него и духовно имъ подкрѣпляемый, могъ ввести новаго Израиля невредимымъ и непреткновеннымъ въ вѣчную землю обѣтованія, разсѣвши ярящееся противъ Церкви Христовой море. Мужайся убо и крѣпись, ибо слово имѣешь отдать Богу нашему и Архипастырю Иисусу Христу“. Взявъ въ руки жезлъ, патріархъ, въ сопровожденіи великаго логоета и діаконовъ, направляется въ патріаршій тронъ (по преданію св. Іоанна Златоуста) и отсюда животворящимъ крестомъ благословляетъ народъ на всѣ стороны, при пѣніи пѣвчими: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δεσποτα“ и особаго многолѣтія въ честь новоизбраннаго патріарха: „Многолѣтна сотвори Господь Богъ святѣйшаго и всечестѣйшаго нашего владыку и господина и вселенскаго патріарха, господина имярекъ, Господи, сохрани его на многая лѣта“. Иногда новоизбранный патріархъ произноситъ отсюда къ своимъ избирателямъ благодарственную рѣчь, въ которой и излагаетъ программу своей предстоящей дѣятельности, а, по окончаніи ея, патріаршій іерокириксъ (проповѣдникъ) съ амвона говоритъ ему отъ лица церкви привѣтственную рѣчь съ пожеланіемъ потрудиться на благо церкви многія лѣта. Пѣніемъ: „Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν“, во время котораго патріархъ снова благословляетъ народъ, и возгласомъ: „Молитвами святаго владыки нашего“, который произноситъ старѣйшій изъ епископовъ-синодаловъ въ алтарѣ, чинъ возведенія на патріаршій тронъ оканчивается ¹⁾).

При частыхъ смѣнахъ патріарховъ въ Константинополѣ, случаи вторичнаго и даже въ третій разъ избранія на патріаршій тронъ одного и того же лица весьма нерѣдки, поэтому современная практика византійской церкви выработала и особый чинъ возведенія на патріаршій тронъ и для этого случая. Чинъ этотъ во многомъ сходенъ съ описаннымъ выше, но

¹⁾ Τοπικὸν τῆς Μεγάλης ἐκκλησίας, σελ. 336—437; см. Церковн. Вѣстн., 1878 г., № 48, стр. 1—2.

имѣть и нѣкоторыя отличія. Избранный въ патріархи вторично, по приходѣ въ нарѣиксъ патріаршей церкви и послѣ встрѣчи здѣсь членами синода и клириками, въ алтарь не входитъ, но, благословивъ народъ на срединѣ храма, при пѣніи: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“, вводится отсюда прямо въ патріаршій тронъ старѣйшими членами-синодалами, которые предварительно, подойдя къ возводимому патріарху, кланяются ему, какъ бы испрашивая разрѣшеніе на упомянутое возведеніе. Ираклійскій митрополитъ, приблизившись къ стоящему въ тронѣ патріарху, вручаетъ ему пастырскій жезлъ, произнося при этомъ указанія выше слова. Поцѣловавъ руку патріарха, онъ удаляется затѣмъ въ алтарь, гдѣ въ это время стоятъ и всѣ остальные архіереи-синодалы. Великій логоѣтъ занимаетъ свое мѣсто близъ патріаршаго трона. Еккліасіархъ подаетъ избранному патріарху фелонъ и омофоръ, возложивъ которые, онъ возглашаетъ: „Благословенъ Богъ нашъ“. Архидіаконъ читаетъ Трисвятое и Отче нашъ, патріархъ произноситъ: „Яко твое есть царство“, и хоръ поетъ тропарь храма: „Яко плѣнныхъ свободитель“ и „Милосердія двери отверзи намъ, Богородице“. Архидіаконъ говоритъ сугубую ектеню, состоящую изъ прошеній: „Помилуй насъ, Боже“, „О благочестивыхъ и православныхъ христіанахъ“, „О архіепископѣ нашемъ, имярекъ (поминаетъ имя избраннаго патріарха), „О еже сохранитися граду сему“ и т. д. Возгласъ патріарха: „Услыши ны, Боже“ заключаетъ ектеню. Дальѣйшій порядокъ чина ни чѣмъ не разнится отъ вышеизложеннаго, совершаемаго, при первомъ избраніи на патріаршій тронъ¹⁾.

Чинъ возведенія на патріаршій тронъ въ церквахъ александрійской, антiохійской и іерусалимской во многомъ сходенъ съ чиномъ церкви константинопольской. Разница отъ этого послѣдняго заключается а) въ томъ, что, послѣ совершенія молитвословія Св. Духу старѣйшимъ архіереемъ-синода-

¹⁾ Αὐτοθ., σελ. 438.

ломъ, актъ объ избраніи на патріаршество (τὸ ὑπόμνημα) читается громогласно секретаремъ синода, b) что синодальный секретарь въ это время держитъ въ рукахъ возженную свѣчу, c) что второе молитвословіе Св. Духу совершаетъ избранный на патріаршество, будучи облеченъ въ мапію, епитрахиль и омофоръ, имѣя въ рукахъ и архіерейскій жезлъ, и d) по возведеніи въ тронъ, новоизбранный патріархъ благословляетъ народъ трикиріемъ, при чемъ ему поютъ только обычное архіерейское многолѣтіе: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“¹⁾.

Проф. А. Дмитриевскій.

¹⁾ Αὐτοθ. Ἐκδ. ἐν Ἀθήναις, 1885, ἐτ. σελ. 238—239.

Пастырскій дневникъ.

Со вступленія моего на приходъ я положилъ себѣ за правило записывать для памяти все, что ни случится сколько нибудь примѣчательнаго въ моей пастырской практикѣ. Проматривая теперь свои записи, я рѣшился кое-что изъ нихъ предать печати съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ моими дорогими собратьями во Христѣ нѣкоторыми опытами въ моей пастырской дѣятельности и, можетъ быть, вызвать по инымъ вопросамъ братскій обмѣнъ мыслей. Прошу заранѣе у моихъ сопастырей извиненія, если мои записи, точнѣе—дневникъ не будетъ отличаться ни оригинальностью содержанія, ни художественностью внѣшней отдѣлки его,—въ одномъ онъ будетъ вѣренъ себѣ—это въ правдивости и задушевности тона. Да не

¹⁾ Αὐτοθ. Ἐκδ. ἐν Ἀθήναις, 1885, ἐτ. σελ. 238—239.

посѣтуютъ поэтому читатели, если время отъ времени я буду занимать ихъ благосклонное вниманіе своими размышленіями въ надеждѣ, что—можетъ быть—хоть нѣкоторая крупица пользы для дѣла пастырства сыщется и въ моихъ слабыхъ опытахъ пастырской практики.

Итакъ, съ Богомъ за дѣло! Благослови, Господи, начинаніе мое и всади въ мя страхъ Твой божественный!...

14 апрѣля 1893 г. Благодарю Тебя, Господи, что Ты сподобилъ меня недостойнаго воспринять великій санъ священства. Сколько радости и всяческаго утѣшенія представляеть для меня это новое служеніе, особенно въ моменты молитвенныхъ священнодѣйствій и совершенія святѣйшаго таинства Евхаристіи... Какъ капля въ морѣ тонуть въ безднѣ Божіею величія и благодати всѣ мои житейскія скорби и невзгоды,—чувствую, какъ всякій разъ послѣ совершенія божественной литургіи я обновляюсь духомъ и тѣломъ, какъ во мнѣ отображается Христосъ Спаситель мой... Рѣшилъ мысленно—по возможности часто совершать божественную литургію.

28 апр. Великимъ радованіемъ для меня была первая встрѣча съ моими духовными чадами—прихожанами! Привѣтствуя ихъ на первомъ служеніи въ церкви евангельскимъ пожеланіемъ мира и любви, я въ своей вступительной бесѣдѣ просилъ ихъ быть со мною откровенными во всемъ, во всякое время приходить ко мнѣ, своему духовному отцу, дабы раздѣлить со мною радость и горе, испросить совѣта, наставленія, помощи и т. д. У меня явилось непреодолимое желаніе стать въ самыя близкія и—если такъ можно сказать—непосредственныя отношенія къ духовнымъ чадамъ. Живо интересуюсь тѣмъ, какъ отнеслись прихожане къ моему призыву стать ко мнѣ въ чисто сыновнія отношенія, я искалъ случая завести съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ бесѣду по затронутому вопросу. Случай скоро представился. „А вы взаправду, батюшка, будете принимать насъ у себя“, спрашиваетъ у меня одинъ почтенный прихожанинъ при встрѣчѣ со мною на одной

требѣ въ частномъ домѣ? — „Какъ же, отвѣчаю, буду, всене-
 премѣнно буду принимать, приходите только, ничѣмъ не стѣ-
 сняясь, когда будете имѣть въ чемъ нужду, да и другихъ къ
 тому располагайте“. „Да вѣдь это дѣло для насъ не совсѣмъ
 привычное, а для васъ будетъ и очень хлопотливое, если мы
 станемъ часто беспокоить васъ и отнимать у васъ дорогое для
 разныхъ дѣлъ время“, возражаетъ собесѣдникъ мой. — „Что
 же дѣлать, отвѣчаю, хоть и хлопотливо, но за то отрадно: я
 тогда буду чувствовать себя настоящимъ отцомъ среди своихъ
 дѣтей, которому послѣднія ввѣряютъ свои мысли, намѣренія,
 дѣйствія, — словомъ, всю свою духовную и матеріальную
 жизнь,—а это одно чего стоитъ... какія приносить радость и
 утѣшеніе!“ — „Такъ-то, такъ, батюшка, а все же хлопотливо“, —
 какъ-то нерѣшительно произнесъ мой собесѣдникъ, а за симъ,
 послѣ краткой паузы и нѣкотораго раздумья, съ видимою рѣ-
 шимостью въ голосѣ и увѣренностью заключилъ бесѣду такими
 словами: „Дай же, Богъ, чтобы мы приходили къ вамъ, ба-
 тюшка, какъ къ своему родному отцу, чтобы взаправду все
 такъ и было, какъ вы говорили намъ въ церкви“. Изъ этого
 краткаго разговора съ прихожаниномъ я убѣдился, что не
 такъ легко разрушить предрасудки и нѣкоторую косность
 моихъ духовныхъ чадъ,—но это меня отнюдь не смутило, а
 еще болѣе укрѣпило въ намѣреніи съ Божіей помощію начать
 святое дѣло сближенія съ прихожанами. Тогда же я рѣшилъ
 мысленно не отказывать, по возможности, никогда никому изъ
 прихожанъ въ пріемъ у себя на дому и стараться быть по-
 лезнымъ каждому, чѣмъ только могу... Правда, что подчасъ
 съ пріемомъ бываетъ и хлопотливо, какъ говорилъ то мой
 прихожанинъ, но вѣдь безъ труда и хлопотъ ничто не дѣла-
 ется, тѣмъ болѣе дѣло Божіе. Мнѣ невольно приходитъ на
 память сказаніе о препод. Сумеонѣ Столпникѣ (пам. 1 сент.),
 какъ онъ однажды, послѣ слезной молитвы Господу открыть
 ему путь ко спасенію, услышалъ во снѣ голосъ, троекратно
 призывавшій его конать ровъ какъ бы для фундамента какого
 нибудь зданія глубже и глубже, и засимъ повелѣвавшій ему

созидать, трудясь прилежно: „ибо безъ труда, говорилъ таинственный голосъ, ни въ чемъ не успѣешь“. Такъ и наше пастьрское дѣло требуетъ труда, притомъ неустаннаго, ибо тогда только и бываетъ плодотворнымъ наше дѣланіе, — но этого страшиться нечего, а взирая на Своего Трудолюбца и Подвигоположника Христа Спасителя бодро идти впередъ, яремъ Христовъ взявши...

Городской Іерей.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 26 сентября 1902 г.

Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 41.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, октября 13-го.

Содержаніе: Заповѣдь о мирѣ. — Русское духовенство въ Галиціи (продол-
женіе). — О сельскихъ кладбищахъ.

ЗАПОВѢДЬ О МИРѢ.

20-го Октября 1894 года русская земля лишилась одного изъ замѣчательнѣйшихъ Государей своихъ, Императора Александра Ш-го; весь міръ, объятый тяжелою скорбію, содрогнулся, все мыслящее человѣчество, живущее не однимъ только настоящимъ, смутилось до глубины души. Почему же такъ сильно скорбь объяла родъ людской? Почему не одинъ только русскій народъ, а все образованное человѣчество надъ открытой могилой русскаго Царя горькими слезами плакало и долго-долго не могло найти успокоенія въ своей печали? Почему, наконецъ, и теперь, когда уже прошло не мало времени, и острое чувство сердечной боли улеглось, одно воспоминаніе о пережитомъ въ 1894 году волнуетъ душу всякаго русскаго человѣка, волнуетъ всѣхъ, кто хотя немного вдумывался въ пережитое, кто искалъ и ищетъ поучительныхъ указаній въ

прошедшемъ и уроками исторіи повѣряеть настоящее? Отвѣтъ на эти и многіе другіе подобныя имъ вопросы даетъ „Плачь Русской земли при гробѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича“.

„Сердце, что билось любовью къ отчизнѣ, навѣки уснуло; и ясныя очи, что видѣли благо Россіи, на вѣки закрылись; не стало у насъ дорогого Царя. На вѣки замолкли Его благодатныя рѣчи; на вѣки и руки Его опустились, что славу и счастье Руси созидали... Царь-труженикъ, Царь правды и мира, Богатырь нашъ могучій и слава, и сила, и Гордость Россіи въ могилу сошелъ... Почилъ Государь, что твердой рукой велъ насъ отъ смуты къ покою и миру... Почилъ Возлюбленный Государь, который о всѣхъ равно думалъ, всѣмъ равно дѣлалъ добро и всѣхъ хотѣлъ осчастливить. По старымъ завѣтамъ Россійскимъ, съ глубокою вѣрою въ Бога, съ покорностію Церкви Святой, съ великою любовію ко всѣмъ безъ различія сословіямъ и классамъ,—ко всей свято-русской землѣ, онъ правилъ своимъ государствомъ въ покоѣ и мирѣ, и чуткой, и доброй своей душой на все отзывался, что къ благу и славѣ Россіи служило, и все направлялъ онъ могучей рукой. За кровь же и горе, за злобу и зло, что первые дни Его царства затмили, онъ воздалъ Россіи добромъ и любовію, и благость и милость ко всѣмъ намъ явилъ. Не мечъ онъ взялъ въ руки при видѣ крамолы, а крестъ благодатный Христа Иисуса и съ словомъ прощенья, съ дѣлами любви пошелъ онъ въ тяжелый, въ Свой царственный путь“....

Да, „Друга мира“ оплакивалъ весь міръ, Царя миротворца оплакивали всѣ, „у кого есть человѣческое сердце“. Горькія слезы проливалъ русскій народъ надъ могилой того, кто въ кратковременное свое правленіе внесъ въ его истерзанную сомнѣніями и многими печальми душу успокоеніе, воскресилъ въ сердцѣ народномъ свѣтлыя надежды на грядущее будущее; кто вмѣстѣ съ тѣмъ твердою, могучей рукой указалъ народу и руководителямъ его вѣрный путь къ истинному земному счастью, ко благу государственному, обще-

ственному, и личному; кто, наконецъ, всею своею царственною дѣятельностію и примѣромъ жизни своей стремился ясно начертать въ сердцахъ людскихъ истинный законъ жизни людской. Уходя изъ міра печали и слезъ, онъ оставилъ этому міру и надежное средство для облегченія горя людского.

Царь-Миротворецъ все свое царствованіе трудился надъ созданиемъ мира и покоя въ землѣ русской и среди всего человѣчества и этотъ миръ, какъ завѣтъ свой, оставилъ намъ.

Императоръ Александръ III-й принялъ бразды правленія при необычайно трудныхъ обстоятельствахъ внутренней жизни русскаго Государства; не менѣе они были трудны и во внѣшней жизни. 1-го Марта 1881-го года совершилось безпримѣрное злодѣяніе: въ русскаго столицѣ преступною русскою рукою убитъ русскій Императоръ—Царь-Освободитель. Западно-Европейскія Государства, всегда слѣдившія съ завистью за возрастаніемъ русскаго царства, всѣ почти и открыто и враждебно высказывали эту зависть. Смута внутри, борьба съ многочислѣннѣйшими врагами во внѣ грозили Россіи и требовали отъ вступающаго на престолъ Государя необычайной энергіи, великой преданности и любви къ Отечеству, ко всѣмъ народамъ и высокой государственной прозорливости. И тѣмъ величественнѣе образъ созидателя мира среди возбужденнаго человѣчества, что надежда на этотъ миръ была у всѣхъ очень мала, что основы, на коихъ созидался миръ этотъ, и цѣли, ради которыхъ къ нему всѣми силами своей великой, могучей души стремился Царь-Миротворецъ, были чужды сознанию большинства людей и шли въ разрѣзъ съ установившимися взглядами на цѣли человѣческаго существованія, на источники человѣческаго счастья.

XVIII вѣкъ передалъ XIX вѣку все человѣчество въ крайнемъ возбужденіи: вездѣ шла или готовилась борьба за права личности челоѣка, борьба противъ существовавшихъ порядковъ государственной и общественной жизни. Открыто и рѣзко ставился отдѣльными людьми и цѣлыми обществами

вопросъ о необходимости лучшихъ формъ жизни и дѣятельности человѣческой для счастья человѣческаго. Цѣлыми потоками крови, омывшими всю Западную Европу отъ края до края, ознаменованъ путь исканія людьми вѣчно искомаго и нѣкогда не достижимаго счастья. Человѣчество не щадило ничего, не скупилось на жертвы и продолжало въ теченіе всего XIX вѣка мечтать, что избранный имъ путь къ общественному и государственному благополучію есть единственно вѣрный и единственно прямой. Укрѣпилось, повидимому, непоколебимо убѣжденіе, что съ переустройствомъ внѣшнихъ условій жизни самая жизнь измѣнится къ лучшему, что наука и распространяемое ею знаніе внесутъ всюду истинный свѣтъ, способный озарить всѣ темные уголки души человѣческой, согрѣть охладѣвшее въ своемъ ожесточеніи сердце людское. Чѣмъ больше знаній, тѣмъ ближе къ счастью; чѣмъ распространеннѣе измышленныя новыя формы жизни, тѣмъ скорѣе къ цѣли,—вотъ девизъ XIX вѣка. Но формы той же жизни говорили, что безъ борьбы и борьбы ожесточенной старое не уступить мѣста новому, что наука не безъ труда и далеко не быстро завоевываетъ души человѣческія. И вотъ для объясненія этого явленія и какъ бы для уснокоенія смущавшейся совѣсти образованнаго человѣчества является теорія „борьбы за существованіе“ и эта теорія, созданная на явленіяхъ изъ міра растительнаго и животнаго, объявляется закономъ жизни свободно-разумнаго существа. Потворствуя грубымъ инстинктамъ человѣческой природы, дѣйствительно успокаивая грубыя души людскія, этотъ новоизмышленный законъ облетѣлъ весь міръ и сталъ царствовать въ сознаніи и дѣлахъ этого міра. И что же мы видимъ во второй половинѣ XIX-го вѣка? Самыя образованныя человѣческія общества вступаютъ въ самую ожесточенную борьбу между собою, въ эту борьбу втягиваются дикіе народы, и, какъ выражаются, нецивилизованныя страны; самое просвѣщеніе въ эти страны дикихъ людей вносится остріемъ меча, насаждается разрывными снарядами и поливается обильно человѣческою кровію. Вся Европа воору-

жается съ ногъ до головы, да не тѣмъ уже сравнительно невиннымъ оружіемъ, въ которое она же заковывалась въ свои „непросвѣщенные вѣка“, а такимъ, смертоносность котораго достигла поражающихъ размѣровъ. Суна, вода и воздухъ— всѣ стихіи и области міра постепенно стали или ареною, или орудіями готовившейся борьбы. За что? За проведеніе ли въ жизнь людскую высокихъ, благородныхъ и спасительныхъ истинъ, возвѣщенныхъ міру Учителемъ и Спасителемъ міра? За благо-ли народное, за независимость-ли народовъ?

Нѣтъ,—только за торговые интересы десятковъ тысячъ торговыхъ людей, за рынки, за самолюбіе возгордившейся не въ мѣру той или другой націи.

Но ближе-ли, все таки, стали народы и отдѣльныя личности къ искомому-то благу? Меньше-ли стало горя, слезъ людскихъ на землѣ, меньше-ли стало несправедливости во взаимныхъ отношеніяхъ людей? Голодь и холодъ, крайняя распущенность правовъ, торжество себялюбія, иногда только прикрываемаго громкими рѣчами объ общественномъ благѣ, дѣйствительно возбужденная на славу Дарвинской теоріи ожесточенная „борьба всѣхъ противъ всѣхъ“,—вотъ истинные свидѣтели добытыхъ и данныхъ міру наукою и улучшенными формами жизни благъ. И стонетъ весь міръ отъ этихъ благъ и не знаетъ, какъ отъ нихъ избавиться. Данные міру блага тѣмъ тяжелѣе, что они сами себя умножаютъ, сами себя закрѣпляютъ и ежеминутно грозятъ человѣчеству такими ужасами, отъ которыхъ содрогнутся кости Вандаловъ и Гунновъ. Окончилась борьба за освобожденіе Болгаріи, борьба, потребовавшая сотни тысячъ людскихъ жертвъ. Рассорились „Добрые друзья“ при устроеніи дѣлъ освобожденной страны, и начались вооруженія, которымъ и конца не предвидится. „Железный канцлеръ“ Германской Имперіи покрылъ стальною щетиною весь нѣмецкій народъ и заставилъ сдѣлать то-же самое всю Европу. На почвѣ взаимнаго недовѣрія, вражды и ожиданій всевозможныхъ коварствъ выросли цѣлые города— фабрики смертоносныхъ орудій, произведены и производятся

открытія и удивительныя изобрѣтенія въ области химіи и разнообразной техники военной, истрачены и тратятся десятки миллиардовъ изъ трудовыхъ сбереженій народныхъ, стоятъ подъ ружьемъ милліоны молодежи, — стоятъ въ ожиданіи броситься другъ на друга и явить міру безпримѣрное самоизбіеніе. Смертный холодъ охватываетъ все существо человѣческое, всѣхъ, „у кого есть человѣческое сердце“, когда хотя и неясно рисуется въ воображеніи картина современной войны. А эта война ежеминутно грозила Россіи, грозила всей Европѣ, когда, „повинуясь Провидѣнію и закону наслѣдія Государственнаго“, Александръ III-й вступилъ на Всероссійскій престоль. Его русское, воспитанное подъ сѣнію Церкви Христовой сердце не могло примириться съ ужасами возможной войны. Оно и такъ не разъ обливалось кровію на поляхъ Болгарскихъ. Оно чувствовало, а благородный умъ утверждалъ, что не кровію и штыками должно созидаться царство счастья и благополучія среди людей, что не животная „борьба за существованіе“ есть законъ жизни человѣческой, а любовь, — все созидающая, а не разрушающая, все согрѣвающая, а не ожесточающая, что холодная наука, усвоенная только однимъ умомъ, одна не въ состояніи дать міру радость и благородство, счастье и благо. И охватило душу русскаго Царя непреклонное желаніе предохранить народы отъ ихъ же взаимнаго ожесточенія, указать своему и всѣмъ другимъ народамъ иной, лучшій путь жизни — путь мира. Царственное служеніе на этомъ пути благу общечеловѣческому, какъ оно ни было труднымъ, какія ни встрѣчались препятствія, повидимому, непреодолимая, непоколебимо продолжалось до конца дней Царя-Миротворца.

Твердая воля Государя, высокія Его убѣжденія въ правотѣ избраннаго имъ мирнаго пути особенно были благодѣтельны для насъ. Вступившій на престоль „въ страшный часъ всенародной скорби и ужаса“ искренно и глубоко вѣрилъ, что Господь, предопредѣливъ Ему дѣло власти въ столь тяжелое и многотрудное время, не оставитъ Его всесильною своею помощію. „Низкое и злодѣйское убійство Русскаго Государя

посреди вѣрнаго народа, готоваго положить за Него жизнь свою, недостойными извергами изъ народа, говорилось въ Манифестѣ 29-го Апрѣля 1881 года, есть дѣло страшное, позорное, неслыханное въ Россіи и омрачило всю землю нашу скорбію и ужасомъ. Но посреди великой нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее посползновеній. Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной Царской власти. Подъ сѣнію ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ земля Наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбы ея. Посвящая себя великому Нашему служенію, Мы призываетъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и Государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую,—къ утвержденію вѣры и нравственности,—къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія,—къ утвержденію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ“. Изложенныя въ этомъ манифестѣ начала Государственной жизни до конца дней Императора были единственно руководящими и оживляющими началами, и русская земля, несмотря на кратковременность царствованія Императора Александра III-го, во многомъ успокоилась, отъ многого избавилась и много добраго приобрѣла.

Со временъ Петра Великаго широкою волною шло къ намъ Западно-Европейское вліяніе и несло съ собою много хорошаго, но не мало и дурного. Не утвержденныя въ наукѣ своимъ историческимъ долговременнымъ опытомъ, не выработавшіе „идей западной культуры“ своимъ трудомъ, мы съ младенческимъ довѣріемъ относились ко всему, идущему съ

запада и, по невозможности, а иногда и нежеланію провѣрить истинность идущаго къ намъ просвѣщенія, быстро усваивали все, что выдавалось за просвѣщеніе или казалось таковымъ. Мы съ одинаковою легкостію въ XVIII вѣкѣ принимали французскихъ поваровъ и лакеевъ за носителей европеизма, и приставляли ихъ къ дѣтямъ въ качествѣ учителей и воспитателей, а въ XIX—послѣднія слова науки; съ одинаковою ревностію въ XVIII вѣкѣ облакались въ французское одѣяніе, а въ XIX мечтали примѣнить къ своей общественной и государственной жизни самыя радикальныя начала социализма и нигилизма. Едва—едва коснувшись науки, мы ей во всемъ повѣрили, часто смѣшивая науку съ несчастными измышленіями несчастныхъ мыслителей и проводниковъ новой жизни и обратно. Только что приступивши къ дѣлу насажденія въ народѣ грамоты, мы возмнили, что наступила пора просвѣщенія народа на началахъ запада, и сдѣлали не мало попытокъ къ утвержденію „западной“ школы на русской почвѣ. Мало знакомые еще съ дѣйствительными благами науки и влияніемъ ея на жизнь людскую, мы явились самыми ревностными провозвѣстниками силы развитога ума, необходимости развивать этотъ умъ нашего народа, и это единственно въ чаяніи быстрого осуществленія на нашей землѣ царства свободы, братства и равенства. Что такое нашъ народъ въ его прошломъ, что такое вся Европа въ прошломъ и настоящемъ,—мы не спрашивали, а спѣшили громкими дѣлами добыть себѣ свободу передовыхъ людей и въ этомъ отношеніи, кажется, превзошли своихъ учителей. Взволнованные цѣлымъ рядомъ быстро слѣдовавшихъ самыхъ серьезныхъ реформъ Царя-Освободителя, мы растерялись и, сами не замѣчая того, унижали эти реформы, привнося въ нихъ чужія идеи, прививая къ нимъ крайнія ученія запада. Растерявшись среди моря чужихъ мнѣній и быстро къ намъ нахлынувшихъ словъ науки, мы совсѣмъ забыли, что эти мнѣнія и слова нужно еще усвоить, ихъ понять,—мало того, мы до того увлеклись, что явились самыми отъявленными врагами самихъ себя и

провозгласили новую, даже западнымъ нигилистамъ неизвѣстную теорію о „молодомъ поколѣніи, какъ единственномъ носителѣ лучшихъ, единственно благихъ стремленій и идей“. И вотъ, вслѣдствіе всего этого русская земля стала свидѣтельницей самыхъ тяжелыхъ, невѣроятныхъ событій. Русскую молодежь, даже вплоть до учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, начинаютъ и русскіе и иностранные провозвѣстники новыхъ началъ завлекать въ свои чудовищныя сѣти, приучать ее къ пренебреженію дѣломъ своимъ—ученіемъ и воспитаніемъ, обучаютъ террору и доводятъ многихъ изъ нея до ужасныхъ злодѣяній. Закончилась эта вакханалія лжи и зла убійствомъ того, кто даровалъ свободную жизнь многимъ милліонамъ людей. А сколько жертвъ унесло это охватившее нашу молодежь безуміе! Сколько семей лишилось своихъ дѣтей! Сколько юношей сошло окончательно съ пути истиннаго и навсегда осталось для жизни съ извращенными и ожесточенными взглядами! Но что всего хуже,—это безуміе извратило до крайности взгляды и отношенія нашей молодежи къ своей же молодой наукѣ, къ своимъ же учебнымъ заведеніямъ.

Любвеобильное сердце Царя-Миротворца чувствовало все болѣе и болѣе охватывавшую русское общество боль, и онъ рѣшилъ принять всѣ необходимыя мѣры къ водворенію въ смущенномъ сердцѣ русскомъ спокойствія, къ воскрешенію въ немъ надеждъ на свѣтлое будущее. Ожививши среди русскихъ истинно-русскія начала жизни, онъ твердо и непоколебимо начерталъ и дѣятельностію своею утвердилъ, что только Православіе, Самодержавіе и Народность должны служить основой всей нашей дѣятельности, что самымъ надежнымъ средствомъ противодѣйствія бурнымъ порывамъ разнузданныхъ общественныхъ и иныхъ вождѣленій должны служить—искренняя преданность Церкви Православной, самодержавной власти Государя, доброе воспитаніе дѣтей въ духѣ вѣры и нравственности христіанской и народности. И дѣятельность Императора сопровождалась самыми благотворными послѣдствіями. Мало по малу русское общество успокоилось, крамола затихла, замѣт-

но оживилась экономическая и общественная дѣятельность, народное образованіе во всѣхъ слояхъ стало необыкновенно быстро возрастать, и Россійская Имперія заняла подобающее ей, вполнѣ независимое и обезопасенное отъ разныхъ политическихъ неожиданностей положеніе. Придавая благамъ народнымъ истинное значеніе, Государь всѣ мѣры прилагалъ, чтобы развитію этихъ благъ ничто не помѣшало, и Русская земля, а съ нею и вся Европа наслаждалась миромъ. Заботясь объ этомъ мирѣ, какъ необходимѣйшемъ условіи народнаго преуспѣянія и завѣщая хранить его, почившій Царь-Миротворецъ вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что истинное просвѣщеніе заключается не въ одномъ только развитіи ума, что оно еще болѣе выражается въ воспитаніи всего человѣка на твердыхъ и неизблемыхъ началахъ, даруемыхъ Церковію и всею прошлою историческою жизнію народа, что на этотъ нелегкій трудъ воспитательной дѣятельности необходимо обратить главное вниманіе, такъ какъ здѣсь именно и заключается истинный путь къ человѣческому счастью.

Призывая всѣхъ вѣрноподданныхъ служить Себѣ и Государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю русскую, утверждая все необходимое для укрѣпленія мира среди людей, Императоръ Александръ III-й въ то же время съ особенною силою указывалъ на необходимость утвержденія вѣры и нравственности, призывалъ всѣхъ къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ утвержденію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи Царемъ-Освободителемъ. Въ этихъ словахъ начертывается цѣльная, въ высокой степени мудрая, истинно-христіанская программа жизнедѣятельности общественной и государственной. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ педагоговъ (Ушинскій) сказалъ великую, но и горькую истину, что человѣкъ вездѣ, во всемъ мірѣ искалъ для себя счастья, но только не въ самомъ себѣ, что образованное человечество всѣ свои силы прилагало и прилагаетъ къ тому, чтобы обогатить себя разными полезными знаніями и учре-

жденіями, но постоянно и упорно забывало о необходимости *воспитанія* человѣка. И такая забывчивость не могла пройти, не прошла даромъ для человѣчества, для личности человѣческой. Гдѣ цѣльные люди? Гдѣ твердые характеры? Гдѣ герои жизни общественной и государственной? Гдѣ въ современной жизни подвижники? Нѣтъ въ нашемъ современномъ образованномъ обществѣ, лишенномъ благодѣтельнаго воспитанія Церкви и своей же русской исторіи, и прочныхъ, стойкихъ убѣжденій, нѣтъ даже вѣры и въ самую науку, послѣднія слова которой на лету схватываются и также быстро и безслѣдно для существа дѣла исчезаютъ. И не удивительно, что мы легко переходимъ въ своемъ идолопоклонствѣ отъ Маркса къ Ницше и Л. Толстому, не удивительно, что мы, изловивши прилетѣвшее съ Запада слово „Свобода“, способны дойти до проповѣди свободы для разныхъ „красносмертовъ“, „морителей“, „дырниковъ“, „малеванцевъ“ и всѣхъ прочихъ гнилыхъ продуктовъ жизни внѣ Церкви Православной русской, безъ ея воспитательнаго воздѣйствія. Отъ того же небреженія самыми существеннѣйшими интересами жизни человѣческой происходитъ и произошло наше немирное житіе, наша смута, наша гнусная крамола, позорящая русскую землю. Вотъ почему Царь-Миротворецъ и призываетъ всѣхъ къ доброму воспитанію дѣтей. Вотъ почему онъ и обращалъ вниманіе всѣхъ на созданіе для народа такой школы, которая выросла на почвѣ истинно-народной, которая бы въ то же время больше вниманія удѣляла воспитанію и притомъ на началахъ вѣчныхъ, неизблемыхъ, — вѣчныхъ неизблемыхъ, какъ вѣчно ученіе Спасителя міра, какъ непоколебима основанная Имъ Церковь. Велика, незабвенна заслуга почившаго Государя, твердо указавшаго, вопреки господствующему направленію, на то, что особенно желательно должно быть намъ, что можетъ быть осуществлено только при помощи школы, не мятущейся, не ищущей постоянно чего-то, а твердо осуществляющей въ своей жизни и дѣятельности законы жизни вѣчной, заповѣди Спасителя міра. Почившій Государь призывалъ всѣхъ къ тому,

что дѣйствительно могло низвести въ мятущуюся душу чело-
вѣческую миръ, что дѣйствительно могло вооружить челоѣка
истиннымъ знаніемъ, что дѣйствительно могло согрѣть бѣдное,
изболѣвшееся во враждѣ челоѣческое сердце, что, наконецъ,
одно только можетъ укрѣпить челоѣческую волю въ дѣланіи
истинно-добраго, истинно-великаго и прекраснаго. Спаситель
міра сказалъ міру: заповѣдь новую даю вамъ—да любите-другъ
друга, а не сказалъ Онъ—враждайте другъ съ другомъ; миръ
вамъ,—сказалъ Учитель міра, а не война, а не смертоубій-
ство; Царствіе Божіе внутри васъ, и ищите прежде всего
этого именно Царства, а остальное все приложится, училъ
Возвѣстившій новый законъ жизни, но не „свободу“, пріобрѣ-
таемую цѣною крови челоѣческой, всеобщей вражды, заповѣ-
далъ намъ Христосъ. И всѣ эти заповѣди непреложно сохра-
няются въ Церкви Православной. Вотъ почему водительство
ея въ дѣлѣ народнаго воспитанія и обученія, къ осуществленію
котораго призывалъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Царь-Миро-
творецъ такъ важно, такъ необходимо для установленія въ
жизни людской мира и всякаго спокойнаго преуспѣянія. И
твердое, рѣшительное указаніе Русскаго Царя на искомый,
но ненаходимый источникъ блага жизни челоѣческой совпа-
ло какъ разъ съ тѣмъ глубокоснаменательнымъ поворотомъ въ
сознаніи лучшихъ людей конца XIX вѣка, который уже
довольно рѣзко обозначился и выражается въ проповѣди этихъ
людей тоже мира и въ призывѣ къ разоруженію, въ настой-
чивомъ напominаніи образованному челоѣчеству остерегаться
излишняго увлеченія успѣхами ума и возможно больше обра-
щать вниманіе на воспитаніе подрастающихъ поколѣній на
началахъ вѣры и нравственности христіанской. Повторяемъ:
велика и незабвенна предъ русскимъ народомъ въ особенности
и вообще предъ всѣмъ челоѣчествомъ заслуга почившаго
Государя, смѣло поднявшаго предъ челоѣчествомъ пелену,
закрывавшую отъ него истину жизни, возвѣщенную міру XIX
вѣковъ тому назадъ.

Воспитанный на началахъ родной исторіи, всѣмъ своимъ

существомъ преданный Россіи и русскимъ интересамъ, какъ они вырабатывались исторіею Россійскаго Государства, Почившій Государь любилъ русскую исторію и завѣщаль ее любить и намъ, завѣщаль намъ, изучая ее, искать въ ней уроковъ для жизни и дѣятельности и успокоенія во время случайно налетающихъ на насъ бурь. А сколько этихъ бурь пережила Святая Русь! Сколько она вынесла на своихъ плечахъ невзгодъ и отъ природы и отъ народовъ, и отъ отдѣльныхъ личностей! вмѣстѣ съ тѣмъ сколько она принесла всему міру добра! Не за ея ли плечами, изнывавшими отъ ига монгольскаго, выросла Западная Европа? Не ей ли дано было въ удѣлъ своею кровію спасти вѣру Православную отъ лотошленія ея католицизмомъ и полонизмомъ? Не ея ли сыны не разъ слагали кости свои за свободу жизни народовъ Запада, за свободу жителей Балканскаго полуострова? Все это записано на скрижаляхъ безпристрастной исторіи, все это должно быть записано и въ сердцахъ русскихъ людей. Должно быть записано въ тѣхъ же сердцахъ и то, что такъ ясно, рѣзко нашей исторіею подчеркивается: Это постоянно въ дѣяніяхъ водителей русской земли и всего народа, въ страданіяхъ и радостяхъ отечества выступающая истина: только мирнымъ трудомъ, только искреннею, беззавѣтною преданностію Церкви, престолу, истиннымъ началамъ народности созидалось—созидается величіе и благо родины, благо общественное. Благодаря таковымъ качествамъ дѣятельности всѣхъ общественныхъ и государственныхъ силъ, работавшихъ неустанно на поприщѣ историческаго созиданія нынѣ могущественнѣйшей въ мірѣ державы, „земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устрояющаго ея судьбы“.

Впрочемъ, не одни эти только уроки даетъ намъ наша исторія. Живописуя дѣяніями многихъ сыновъ земли Русской судьбу этой земли, исторія наша невольно охватываетъ всю душу русскаго человѣка, вноситъ въ нее ничѣмъ не искоренимую любовь къ родинѣ, умудряетъ насъ въ пониманіи своего

и чужого и, нелицемѣрно указывая въ прошломъ доброе и худое, неотвратимо влечетъ къ первому, вооружаетъ не злобою, а любовію къ народу на борьбу со вторымъ, — а главное — она вноситъ въ наши души спокойную увѣренность въ томъ, что имѣемъ, въ приобрѣтеніи того лучшаго, къ которому стремимся, — ту спокойную увѣренность, которая, какъ гранитная скала, всегда служила и будетъ служить непоколебимымъ основаніемъ плодотворнаго труда человѣческаго. Вотъ почему Царь-Миротворецъ такъ любилъ русскую исторію. Мирная, безпристрастная учительница, — она такъ-же, какъ и вѣра и Церковь Православная, укрѣпляла въ немъ бодрость духа, твердость направленія и указывала пути и средства для Его Царственной дѣятельности. Вотъ почему Царь-Миротворецъ, любившій миръ больше всего, вѣрилъ, что его заповѣдь о мирѣ будетъ осуществляема въ жизни дорогой Его сердцу Россіи наилучшимъ образомъ только тогда, когда изученіе родной исторіи станетъ на прочную почву и будетъ источникомъ здравыхъ воззрѣній на то, что было, что есть, что будетъ и должно быть.

М. Гнѣвушевъ.

Русское духовенство въ Галиціи¹⁾.

Движеніе студенческое въ Галиціи, весьма серьезное въ самомъ своемъ существѣ и потому не имѣющее рѣшительно ничего общаго съ печальными явленіями, имѣвшими мѣсто въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній, возникло и разрѣшилось на почвѣ борьбы за право русскаго языка въ Галиціи.

Львовскій университетъ—единственный для всей восточной половины Галиціи, гдѣ населеніе почти поровну дѣлится между двумя національностями: польскою и русскою. Такъ какъ государственнымъ языкомъ въ Австріи признается нѣмецкій языкъ, то какъ и вся вообще общественная жизнь въ

¹⁾ См. № 36 за 1902 г.

Галиціи, такъ, въ частности, и вся жизнь Львовскаго университета должна была бы выражаться въ трехъ, такъ сказать, формахъ, на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, какъ государственномъ, польскомъ и русскомъ, какъ языкахъ преобладающей массы населенія восточной Галиціи. Такъ и было въ началѣ присоединенія Галиціи къ Австріи, но съ теченіемъ времени, когда началъ ослабѣвать строго-нѣмецкій режимъ въ государственной и общественной жизни многосоставной Австріи, польскій элементъ началъ брать перевѣсъ въ Галиціи рѣшительно надъ всѣмъ и во всѣхъ сферахъ жизни. Тогда и Львовскій университетъ сдѣлался чисто польскимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Благодаря слабости нѣмецкаго элемента въ восточной Галиціи, благодаря также тому, что русское населеніе въ Галиціи было совершенно подавлено и народное самосознаніе его едва только начинало зарождаться, польскій языкъ фактически сдѣлался господствующимъ во внутренней жизни Львовскаго университета, языкомъ преподаванія.

Такъ дѣло продолжало обстоять до тѣхъ поръ, пока Галицкая Русь, особенно съ 1860-хъ годовъ, начала сознавать свои силы и права. Съ пробужденіемъ національнаго самосознанія среди русскихъ галичанъ, начинаются ихъ усиленныя стремленія къ тому, чтобы пріобрѣсти для русскаго языка одинаковыя права съ польскимъ языкомъ въ жизни Львовскаго университета. Исторія эта, занявшая, разумѣется, не одинъ десятокъ лѣтъ, представляется не вполне ясною даже для лицъ, знающихъ и близко стоящихъ къ дѣлу. Несомнѣнно одно только, что домогательства русскихъ въ одно прекрасное время увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Состоялось правительственное распоряженіе (4 іюля 1871 г.) о томъ, чтобы, въ виду почти равнаго количества польскихъ и русскихъ студентовъ, во Львовскомъ университетѣ наука преподавалась и все внутреннее дѣлопроизводство, вся внутренняя жизнь университета совершалась на польскомъ и русскомъ языкахъ.

Но распоряженіе, имѣющее силу закона, одно, а практика другое. Несмотря на то, что, на основаніи вышеприве-

деннаго распоряженія, при всѣхъ кафедрахъ университета должны бы быть два профессора: одинъ—польскій и одинъ—русскій, на самомъ дѣлѣ русскіе съ величайшимъ трудомъ добились того, что имѣютъ теперь во Львовскомъ университетѣ только трехъ русскихъ профессоровъ, читающихъ лекціи для русскихъ студентовъ на русскомъ (малорусскомъ) языкѣ. Всѣ прочія русскія кафедры считаются свободными и на всѣ усилія русскихъ замѣстить ихъ своими профессорами поляки отвѣчаютъ, что русскіе сами виноваты въ своемъ неуспѣхѣ, такъ какъ изъ среды ихъ не является правоспособныхъ и достойныхъ кандидатовъ. На самомъ же дѣлѣ условія легимитации (конкурса на занятіе профессорскихъ кафедръ) настолько тяжелы, что всѣ наличные русскіе профессора Львовскаго университета легимитовались внѣ его, при другихъ университетахъ.

Что сказано о языкѣ преподаванія, то же самое имѣетъ значеніе и силу и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ сторонамъ внутренней жизни Львовскаго университета. Какъ все дѣло—производство, такъ и всѣ сношенія профессоровъ и начальства университета со студентами должны бы, по закону, совершаться на польскомъ языкѣ—съ польскими и на русскомъ—съ русскими. На самомъ же дѣлѣ, до послѣдняго времени (особенно со времени изданія министерскаго распоряженія 27 апрѣля 1869 г.) во Львовскомъ университетѣ все совершалось и совершается только на польскомъ языкѣ.

Еще прежде русскіе студенты скромно пытались заявить о своемъ правѣ говорить и вообще имѣть оффиціальныя сношенія съ администраціей университетской на своемъ родномъ языкѣ. Но всѣ такія попытки оставались безъ всякаго вниманія со стороны польскаго начальства университета. Пытались было и нѣкоторые русскіе профессора заговаривать во время засѣданій университетскихъ конгрегацій на русскомъ языкѣ, но ихъ голосъ замиралъ въ сильномъ протестѣ громаднаго польскаго большинства.

Въ самомъ началѣ минувшаго 190¹/₂ учебнаго академическаго года дѣло неожиданно приняло слишкомъ острый и

рѣшительный оборотъ. Поводъ и самое начало дѣла трудно съ желательною точностію установить, такъ какъ въ поднявшейся полемикѣ по этому вопросу между польскою и русскою печатью истина сильно была затемнена. Дѣло происходило, кажется, такъ. Съ давняго уже времени, приблизительно съ начала 80-хъ годовъ XIX в. русскіе студенты патріотическаго настроенія писали свои *index*'ы и *rescripta nomina* (заявленія о желаніи вступить въ студенты университета Львовскаго) на русскомъ языкѣ. Начало этому обыкновенію было положено въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ XIX в. обществомъ русскихъ студентовъ подъ названіемъ „Академическій кружокъ“, которое требовало отъ всѣхъ своихъ членовъ, чтобы они писали *index*'ы и др. отношенія оффиціального характера при поступленіи въ университетъ и во время нахождения въ немъ только по русски. Хотя во Львовскомъ университетѣ уже тогда оффиціальнымъ языкомъ считался польскій, однако же противъ такого незначительнаго допущенія русскаго языка, какое ввели русскіе студенты, не протестовали ни сенатъ, ни деканы, ни профессора университета. Но въ послѣдніе годы какъ вообще во всей Галиціи, такъ, въ частности, и въ Львовскомъ университетѣ повѣяло инымъ духомъ.

Когда предъ началомъ 190^{1/2} академическаго года русскіе богословы, воспитывающіеся въ духовной семинаріи и посѣщающіе богословскій факультетъ въ университетѣ, представили декану факультета свои *index*'ы, писанные по-русски, то деканъ, каковымъ былъ тогда ксендзь Фіалекъ, полякъ и римско-католикъ, отказался принять ихъ, такъ какъ онъ, будто-бы, не знаетъ русскаго языка. Тѣмъ не менѣе студенты-академики оставили у декана свои заявленія. Деканъ доложилъ объ этомъ ректору университета, также поляку и римско-католику, который обратился съ оффиціальною бумагою къ ректору семинаріи о. Туркевичу, съ указаніемъ на незаконность дѣйствій русскихъ академиковъ. Послѣдніе однако же рѣшительно высказались за традиціонное и вполне законное право писать свои *index*'ы по-русски и безусловно отказались пред-

ставитъ ихъ на польскомъ языкѣ. Тогда ректоръ семинаріи обратился съ просьбою къ своему митрополиту о рѣшеніи возбужденнаго вопроса.

Это было въ самомъ концѣ сентября 1901 г. Происшествіе это весьма скоро сдѣлалось извѣстнымъ во всей Галиціи, и вызвало сильное патріотическое движеніе среди русскихъ кружковъ. Русскимъ богословамъ сочувствовала вся Галицкая Русь. Выразительницею этого сочувствія явилась, между прочимъ, „Русская громада въ Решовѣ“, которая прислала русскимъ академикамъ слѣдующій адресъ, показывающій, какъ русское общество въ Галиціи смотритъ на духовную семинарію въ Львовѣ.

„Смѣлымъ и рѣшительнымъ выступленіемъ на защиту правъ родного языка во Львовскомъ университетѣ вы, дорогие братья, подали всѣмъ русскимъ славный примѣръ и побужденіе къ защитѣ правъ и чести своего народа“, говорилось здѣсь. „Великая вамъ за то честь и благодареніе. Отъ вашихъ дѣдовъ, питомцевъ русской духовной семинаріи, вышелъ нѣкогда призывъ пробуждать русскій народъ отъ вѣкового сна къ новой духовной жизни. Они, которые такъ искренно трудились и заботились о приобритеніи законныхъ правъ родному языку, почиваютъ уже въ могилѣ, но ихъ имена записаны золотыми буквами въ благодарной памяти нашего народа. Вы—истинные (?) внуки ихъ, сохранившіе духъ (?) своихъ дѣдовъ. Но дѣды ваши были болѣе счастливы, нежели вы, ибо имъ свѣтила заря свободы и правды, а для васъ она померкла; ихъ голоса, голоса тирольцевъ востока, слушали, имъ обѣщали сей университетъ, какъ русскій; а у васъ въ томъ же университетѣ хотятъ отобрать и ту частицу правъ нашего языка, какую вы имѣли до сихъ поръ. Честь вамъ за то, что вы выступили противъ сей неправды, какъ слѣдуетъ выступать будущимъ пастырямъ стада Христова и будущимъ проповѣдникамъ слова Божія и правды Христовой. Честь вамъ за то, что защищаете права родного языка, сего

дара Божія... Итакъ, боритесь, поборете, вамъ Богъ помогаетъ: за васъ воля, за васъ сила и правда святая“.

Естественно, что такое сочувствіе всего русскаго населенія дѣлу русскихъ студентовъ и сильное движеніе, вызванное имъ во всей Галицкой Русси, съ одной стороны, ободрило русскихъ академиковъ, а, съ другой стороны, побудило университетскій сенатъ пойти, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыя уступки законнымъ требованіямъ русскихъ студентовъ.

Благодаря настояніямъ русскихъ профессоровъ богословскаго (клирошанъ Комарницкаго и Бартошевскаго) и другихъ факультетовъ, ксендзъ Фіалекъ согласился принять отъ русскихъ академиковъ ихъ index'ы и гесерта номіна, писанные по-русски. Но тутъ возникъ другой вопросъ и вызванное имъ недоразумѣніе. По правиламъ университета, отвѣты на всякія прошенія, писанныя на мѣстномъ языкѣ, университетская администрація должна давать на томъ же языкѣ. Между тѣмъ 16 октябрѣ 1901 г. деканъ философскаго факультета выдалъ на прошенія русскихъ студентовъ объ освобожденіи ихъ отъ платы за правоученіе (чесного) отвѣты, писанные по-польски. Студенты не пожелали ихъ принять, обратились съ жалобою къ ректору, который отослалъ ихъ къ тому же декану, не пожелавшему выслушать студентовъ, не смотря на многія попытки послѣднихъ къ тому.

Тогда русскіе студенты, на основаніи университетскихъ правилъ, просили о разрѣшеніи имъ устроить 6 ноября въ 12 ч. д. въ одной изъ залъ университетскихъ совѣщаніе по вопросу, между прочимъ, объ открытіи самостоятельнаго русскаго университета въ Галиціи, или же, по крайней мѣрѣ, объ утраквизаціи существующаго Львовскаго университета. Ректоръ университета разрѣшилъ собраться русскимъ студентамъ, но только не въ 12 ч. д., а въ 7 ч. в., и, кромѣ того, сократилъ программу совѣщанія. Студентовъ особенно обидѣла перемѣна времени для совѣщанія, такъ какъ она была сдѣлана ректоромъ преднамѣренно для того, чтобы въ совѣщаніи не-могли принять участіе русскіе богословы, которые,

по дисциплинарнымъ правиламъ, не могутъ отлучаться изъ семинаріи по вечерамъ. Въ виду этого, студенты русскіе рѣшили собраться въ 12 ч. д., какъ они думали сначала. Такъ они и поступили. Ректоръ университета, въ сопровожденіи нѣсколькихъ профессоровъ, самыхъ непримиримыхъ поляковъ, желалъ войти въ залу и прекратить совѣщаніе. Студенты встрѣтили ихъ криками: „repeat“ и свистомъ, а одного профессора, который старался взойти на кафедру, оттолкнули силою. Вскорѣ послѣ того ректоръ снова возвратился и, недопущенный въ залу, объявилъ собраніе студентовъ незаконнымъ. Русскіе студенты на своемъ совѣщаніи рѣшили требовать открытія самостоятельнаго русскаго университета въ Галиціи, или же, въ крайнемъ случаѣ, утраквизаціи Львовскаго университета и, кромѣ того, выразили негодованіе университетскому сенату и, въ особенности, нѣкоторымъ профессорамъ, противившимся достиженію русскими студентами справедливыхъ и законныхъ правъ. Послѣ совѣщанія русскіе студенты разошлись при пѣніи русскіихъ патріотическихъ пѣсень, имѣя во главѣ студентовъ богословскаго факультета, русскіихъ академиковъ, съ торжествомъ возвратившихся въ свою духовную семинарію.

На слѣдующій день чтеніе лекцій въ Львовскомъ университетѣ прекратилось и началось слѣдствіе о демонстраціи, произведенной русскими студентами.

Судъ, веденный подъ сильнымъ вліяніемъ польской прессы, которая со всѣмъ фанатизмомъ обрушилась на русскіихъ студентовъ, особенно богослововъ, за ихъ „дикость“ и „невройное звѣрство“, видя въ грубыхъ дѣйствіяхъ молодежи, „цвѣта русскаго народа, будущихъ католическихъ (?) священниковъ“, только естественныя проявленія русской культуры,—закончился приговоромъ, рѣзко порицавшимъ дѣйствія всей вообще русской молодежи, а нѣкоторыхъ, кромѣ того, осуждавшимъ на исключеніе изъ университета—окончательное, или же только временное. Замѣчательно при этомъ, что часть, хотя меньшая, польскихъ студентовъ выразила свою солидарность съ русскими товарищами касательно желанія послѣд-

нихъ слушать лекціи въ университетѣ на своемъ родномъ языкѣ.

Въ отвѣтъ на такой приговоръ русскіе студенты подали заявленіе о томъ, что они рѣшаются оставить Львовскій университетъ до тѣхъ поръ, пока университетскія власти не удовлетворятъ справедливому требованію русскаго студенчества, или пока не послѣдуетъ перемѣна отношеній въ Львовскомъ университетѣ. Къ этому заявленію присоединились и все почти академики русскіе.

Достоинно вниманія отношеніе семинарской администраціи къ студенческому движенію и къ участию въ немъ своихъ питомцевъ. Даже по отзыву русской умѣренной печати, семинарское начальство во все время университетскихъ волненій вело себя неопредѣленно, даже двусмысленно, и ничего не предпринимало для того, чтобы какъ нибудь уладить дѣло со своими питомцами. По другимъ же свѣдѣніямъ, семинарское начальство прямо сочувствовало домогательству русскихъ студентовъ, въ частности, богослововъ установленія полной равноправности русскаго и польскаго языковъ во Львовскомъ университетѣ.

Это сочувствіе свое студентамъ семинарская администрація отчасти обнаружила и при самомъ окончаніи университетскихъ волненій. Какъ только студенты-академики заявили о своемъ выходѣ изъ университета, семинарія была закрыта и вся администрація ея подала въ отставку. Главный начальникъ семинаріи, галицкій греко-католическій митрополитъ Андрей Шептицкій въ теченіе всего этого времени, когда въ университетѣ и въ семинаріи происходили вышеописанныя волненія, отсутствовалъ изъ Львова. Онъ былъ сначала въ Вѣнѣ, гдѣ участвовалъ въ засѣданіяхъ державной думы и соборъ епископовъ, а потомъ въ Римѣ. Когда митрополиту было сообщено телеграммою о сецессіи русскихъ студентовъ изъ университета и закрытіи духовной семинаріи, то онъ телеграммою же просилъ ректора семинаріи не предпринимать окончательнаго рѣшенія до его пріѣзда, который онъ обѣ-

щаль ускорить. 28 ноября 1901 г. митрополитъ, дѣйствительно, возвратился во Львовъ и немедленно же занялся дѣлами духовной семинаріи. Однако же, несмотря на нѣкоторую попытку митрополита успокоить и умиротворить русскихъ богослововъ, послѣдніе остались вѣрными своему первоначальному рѣшенію. Тогда 1 декабря 1901 г. митрополитъ объявилъ семинарской администраціи свое слѣдующее рѣшеніе: „съ завтрашняго дня семинарія закрывается. Объ этомъ слѣдуетъ сообщить властямъ“.

Какъ всѣ вообще русскіе студенты Львовскаго университета, такъ, въ частности, и русскіе богословы разѣхались по другимъ университетамъ. Слышно было, что русскіе богословы, предъ окончательнымъ оставленіемъ Львова и семинаріи, дали взаимное обѣщаніе не поступать ни въ какую другую семинарію духовную (очевидно, Перемышльскую), равно какъ не возвращаться и въ свою семинарію, если бы только та была реформирована, съ обращеніемъ ея въ закрытое заведеніе. Это послѣднее рѣшеніе русскихъ богослововъ во Львовѣ имѣетъ свое особенное значеніе, въ виду ходившихъ еще раньше слуховъ о томъ, что митрополитъ Андрей Шептицкій, крайне недовольный настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ семинаріи, желаетъ, будто бы, реформировать ее, при чемъ русское греко-католическое духовенство серьезно опасается, какъ бы Львовская семинарія не была отдана подъ надзоръ и опеку о.о. іезуитовъ, которые уже давно управляютъ русскими греко-католическими монастырями въ Галиціи.

Итакъ, съ начала нынѣшняго года галицкая греко-католическая церковь и духовенство ея остались безъ вышшаго спеціального заведенія, въ которомъ кандидаты духовенства могли бы получать необходимое образованіе. Пока русскіе богословы разошлись, какъ сказано, по другимъ университетамъ австрійскимъ.

Самымъ удобнымъ и подходящимъ для русско-галицкихъ алломновъ былъ бы, повидимому Черновецкій университетъ въ Буковинѣ, такъ какъ въ этомъ университетѣ имѣется бого-

словскій факультетъ (православный), на которомъ преподаваніе ведется по-русски. Но замѣчательно, что изъ всѣхъ австрійскихъ университетовъ именно одинъ Черновецкій на-отрѣзъ отказался открыть свои двери для русскихъ студентовъ, вышедшихъ изъ Университета Львовскаго и, въ частности, для галицко-русскихъ богослововъ. Вѣроятно, австрійское правительство убоилось усиленія русскаго элемента въ Черновцахъ и потому приняло мѣры къ тому, чтобы не допустить поступления русскихъ галицкихъ студентовъ въ Черновецкій университетъ. Послѣ неудачи въ Черновцахъ, русскіе богословы развѣхались и поступили въ Вѣнскій, Краковскій и отчасти Пражскій университеты.

Итакъ, теперь кандидаты священства греко-католической церкви въ Галиціи стали слушать богословскія лекціи въ такихъ университетахъ, гдѣ богословіе преподается или чисто католическими, или же чисто протестантскими профессорами. Во Львовѣ русскіе богословы имѣли хоѣя двухъ-трехъ своихъ профессоровъ, а теперь они наплись вынужденными изучать только или католическое, или же протестантское богословіе. Какое вліяніе на кандидатовъ священства галицко-русской греко-католической церкви можетъ имѣть это послѣднее обстоятельство, не трудно предвидѣть. По истинѣ, надъ ними исполнились слова евангелія: „и будутъ послѣдняя горше первыхъ“.

Но очевидно, что въ такомъ положеніи дѣло не можетъ оставаться долго. Критическое положеніе, въ какомъ оказалась греко-католическая галицко-русская митрополія, можетъ и должно быть только временнымъ. Жаль и очень жаль будетъ, если только этотъ кризисъ будетъ роковымъ для галицко-русской униатской церкви и разрѣшится мѣрами, которыя поведутъ еще къ большому окатоличенію ея, о чемъ только и мечтають, только и заботятся ея теперешніе опекуны—іезуиты.

Такой или иной выходъ изъ критическаго положенія, въ какое попали кандидаты униатскаго священства въ Галиціи, будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ митрополита Андрея

Шептицкаго. Галицкій униатскій митрополитъ Андрей графъ Шептицкій, о которомъ у насъ будетъ впереди особая рѣчь, представляетъ изъ себя въ высшей степени загадочную личность. Въ настоящее время онъ пользуется большими симпатіями и авторитетомъ среди русскаго и еще болѣе среди польскаго обществъ въ Галиціи. При своемъ вліяніи, онъ можетъ вывести свою церковь изъ критическаго положенія, въ какое она впала, путемъ, какимъ пожелаетъ. Весь вопросъ въ томъ только: какой путь избереть митрополитъ?

Русское общество во Львовѣ съ напряженнѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидало возвращенія своего митрополита изъ Рима въ самомъ концѣ ноября 1901 г. Почитатели митрополита изъ среды русскихъ были увѣрены, что онъ, наконецъ, выйдетъ изъ того загадочнаго, неопредѣленнаго положенія, въ какомъ онъ продолжалъ оставаться съ самаго вступленія своего на митрополию. Думали, что митрополитъ приметъ сторону своей русской паствы въ вопросѣ о равноправности русскаго языка съ польскимъ во Львовскомъ университетѣ. Для этого ему нужно было только категорически заявить высшей администраціи Галиціи и Львовскаго университета, что онъ не можетъ оставаться безъ богословскаго факультета, или, что то же, безъ кандидатовъ для замѣщенія священническихъ вакансій. Такое заявленіе митрополита, безъ сомнѣнія, сразу сломило бы упорство непримиримыхъ поляковъ и способствовало бы, если не полному уравненію русскаго языка съ польскимъ, то, по крайней мѣрѣ, значительному расширенію правъ русскаго языка во Львовскомъ университетѣ и вообще въ Галиціи.

Но другіе изъ среды русскаго общества сильно сомнѣвались въ возможности такого рѣшенія со стороны митрополита, справедливо разсуждая, что бывшій ученикъ и ставленникъ іезуитовъ не можетъ такъ поступить, а скорѣе, наоборотъ, онъ воспользуется благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ для того, чтобы осуществить свои давнія намѣренія касательно преобразованія Львовской греко-католической духовной семинаріи въ католическо-іезуитскомъ духѣ.

Это послѣднее опасеніе, къ сожалѣнію, и сбылось. Семинарія временно закрылась и, вѣроятно, будетъ преобразована, разумѣется, такъ, какъ только можетъ это сдѣлать воспитанникъ іезуитовъ. Скоро это должно совершенно опредѣлиться, но уже и теперь можно предвидѣть, что изъ этого получится. Въ какихъ бы неблагопріятныхъ условіяхъ (о которыхъ было выше сказано нами) ни находились русскіе богословы, вынужденные слушать лекціи у католическихъ ксендзовъ на богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета, но все таки это гораздо лучше, чѣмъ если они будутъ отданы подъ опеку о.о. іезуитовъ. А это неизбежно должно совершиться, если только греко-католическая семинарія во Львовѣ будетъ совершенно изолирована отъ всякаго общенія съ университетомъ и будетъ превращена въ закрытое заведеніе.

Такъ думать заставляетъ, съ одной стороны, посланіе митрополита Андрея Шенглицкаго, съ которымъ онъ обратился къ настоятелямъ (администраціи) и воспитанникамъ семинаріи какъ разъ наканунѣ вышеописанныхъ нами студенческихъ волненій и въ которомъ отчасти даетъ понятъ, въ какомъ духѣ онъ желалъ бы преобразовать Львовскую греко-католическую семинарію, а съ другой стороны, тѣ перемѣны въ администраціи семинарской, которыя произведены митрополитомъ до настоящаго времени.

(Продолженіе будетъ).

Священникъ *Θ. Титовъ*.

О сельскихъ кладбищахъ.

Во всей обширной практикѣ нашего сельскаго духовенства большое мѣсто составляетъ вопросъ о благоустройствѣ и приличномъ содержаніи сельскихъ приходскихъ кладбищъ. Это такая трудная задача, рѣшить которую одно сельское духовенство, безъ энергичнаго и постояннаго содѣйствія гражданской власти, положительно безсильно. Рѣдко-рѣдко въ какой нибудь деревнѣ можно встрѣтить кладбище, содержимое

если не безукоризненно, то хотя бы въ сноскомъ порядкѣ, удовлетворяющемъ требованіямъ закона и религіозно-правственному чувству христіанина; огромное же большинство сельскихъ кладбищъ находится въ такомъ жалкомъ состояніи, которое не можетъ не возмущать душу христіанина, съ должнымъ чувствомъ относящагося къ мѣсту земного упокоенія человѣчества. Почти обычная картина деревенскаго кладбища представляется въ слѣдующемъ видѣ: густо стоятъ кресты разныхъ формъ и величинъ и всевозможныхъ цвѣтовъ, въ промежуткахъ между крестами частенько попадаются деревянные столбики, а гдѣ торчатъ простыя колья; многіе изъ этихъ надгробныхъ „памятниковъ“ сильно обветшали, покривились въ разныя стороны, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ уже вынали и валяются тутъ же около могилы поперечныя части, или обѣ верхнія доски, служившія кровлей кресту. Могилы расположены не рядами и не въ равномъ одна отъ другой разстояніи, какъ это бываетъ на городскихъ благоустроенныхъ кладбищахъ, а гдѣ и какъ попало, совершенно безъ всякаго порядка и иногда настолько густо, что между иными могилами почти нѣтъ никакого разграниченія. Дерномъ могилы обкладываются очень рѣдко и то кое-какъ, безъ всякаго тщанія; большею же частію при погребеніи покойника надъ могилою нарывается только небольшой холмъ земли, который года чрезъ 2—3 обыкновенно сравнивается съ землею и зарастаетъ травой, и если надъ могилою нѣтъ никакого памятника, она становится совсѣмъ незамѣтною. При такомъ состояніи кладбищъ часто случается, что при выкапываніи могилъ для новыхъ покойниковъ наталкиваются на несгнившіе еще гробы прежнихъ умершихъ; принимаясь копать могилу на другомъ мѣстѣ, снова встрѣчаютъ то же и такъ повторяется иногда по нѣсколько разъ, пока удастся встрѣтить свободное мѣсто; а если копающіе могилу полѣнятся копать въ новомъ мѣстѣ, то и хоронятъ умершаго въ ту могилу, гдѣ они натолкнулись на гробъ и потому случается, что въ одной могилѣ иногда помѣщается по нѣсколько умершихъ въ разное

время покойниковъ, при чемъ не рѣдко одинъ гробъ ставится на другой. На многихъ сельскихъ кладбищахъ вокругъ ихъ нѣтъ совершенно никакой, хотя бы даже самой простой, изгороди, ни рва, ни земляного вала, и деревенскій скотъ свободно разгуливаетъ по кладбищу, оставляя на немъ свои нечистоты. Какая христіанская душа не возмутится, видя въ столь жалкомъ и безобразномъ видѣ послѣднее земное жилище людей...

Кладбище—священное мѣсто, и потому здѣсь все должно быть въ приличномъ видѣ и въ строгомъ порядкѣ. Къ такому содержанію кладбищъ обязываетъ и законъ (Т. XIII, Уст. Врач., ст. 910, 914, 916, 928, 931). На комъ же лежитъ обязанность заботиться, чтобы сельскія кладбища находились именно въ такомъ состояніи? Ближе всего она касается, конечно, приходскихъ причтовъ; но всецѣло возлагать на послѣдніе отвѣтственность за неблагоустройство кладбищъ не возможно, такъ какъ духовенству въ семь дѣлъ можетъ и должна принадлежать лишь инициатива. Всѣ или нѣтъ, но несомнѣнно многіе сельскіе священники принимаютъ всѣ обязательныя для нихъ мѣры къ тому, чтобы приходскія кладбища содержались въ должномъ порядкѣ; однако, въ семь дѣлъ, какъ и во всякомъ другомъ, одной инициативы не достаточно для того, чтобы дѣло пошло впередъ: для этого нужна активная дѣятельность и эта сторона въ дѣлѣ благоустройства сельскихъ кладбищъ лежитъ на обязанности мѣстныхъ жителей. Но какъ заставить жителей исполнять эту ихъ обязанность,—это то и составляетъ для духовенства неразрѣшимую задачу. На всѣ указанія, совѣты и убѣжденія священниковъ прихожане мало обращаютъ вниманія, а если иногда и пообѣщаютъ исполнить что-либо для приведенія въ порядокъ кладбища, то эти обѣщанія въ большинствѣ случаевъ такъ и остаются обѣщаніями безъ конца, несмотря на частыя напоминанія о нихъ священника. Очевидно, въ дѣлѣ благоустройства и приличнаго содержанія сельскихъ кладбищъ необходимы мѣры принудительныя, каковыя, въ виду существующихъ

о семь узаконеній, не могутъ быть неумѣстными. Такія мѣры могутъ исходить лишь со стороны гражданской власти, которая поэтому и должна бы оказывать духовенству свое содѣйствіе. Но какъ содѣйствія этого духовенство часто бываетъ лишено, то все его заботы и попеченія о благоустройствѣ кладбищъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ остаются совершенно безплодными.

Гражданскія власти, уѣздныя и сельскія, очень рѣдко обращаютъ вниманіе на сельскія кладбища. Между тѣмъ съ ихъ стороны могли бы исходить тѣ или другія распоряженія крестьянскимъ обществамъ относительно содержанія кладбищъ, и эти распоряженія, безъ сомнѣнія, имѣли бы болѣе дѣйствительный смыслъ, чѣмъ увѣщанія священника. Прежде всего необходимо понудить крестьянъ обнести свои кладбища изгородями, а по возможности и окопать рвами; затѣмъ вмѣнить крестьянамъ въ неуклонную обязанность въ порядкѣ расположенія новыхъ могилъ точно слѣдовать указаніямъ мѣстнаго причта съ церковнымъ старостою, а также исполнять требованія причта объ исправленіи поврежденных надгробныхъ крестовъ и др. намятниковъ. Болѣе отъ гражданской власти ничего и не требуется; остальное, что пужно для приведенія въ порядокъ кладбищъ, сдѣлаетъ само духовенство. При употребленіи со стороны гражданской власти указанныхъ мѣропріятій можно было бы надѣяться, что сельскія кладбища скоро измѣнили-бы свой настоящій жалкій видъ и въ будущемъ стали бы содержаться, если и не безукоризненно, то по крайней мѣрѣ въ достаточномъ приличіи, какъ и подобаетъ симъ священнымъ мѣстамъ. (А. Еп. В.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Теодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 7 октября 1902 г.

Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

ВѢСНИКЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей овербромъ.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, октября 20-го.

Содержаніе: Борьба съ монашескими орденами и духовными школами во Франціи.—Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе).—„Народныя“ книжки.—Доброе дѣло Самарскаго духовенства.

Борьба съ монашескими орденами и духовными школами во Франціи.

Газеты и журналы послѣдняго времени полны сообщеніями о волненіяхъ, происходящихъ во Франціи по поводу закрытія монашескихъ орденовъ и духовныхъ школъ. Происхожденіе и исторія этихъ волненій таковы.

Во Франціи съ давняго времени существуютъ конгрегаціи, или монашескіе ордена, которыя проявляютъ разнообразную дѣятельность. Число этихъ конгрегацій чрезвычайно велико, и въ своемъ составѣ онѣ насчитываютъ до 200 тысячъ членовъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1900 г., однѣхъ только неразрѣшенныхъ конгрегацій существовало—147 мужскихъ и 606 женскихъ, при чемъ послѣднія имѣли въ своемъ завѣдываніи 13252 учрежденія. Эти конгрегаціи не только содержатъ благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія,

каковы больницы, богадѣльни, школы, но и держатъ въ своихъ рукахъ разныя отрасли промышленности. Такъ, 449 общинъ занимаются портняжническимъ ремесломъ, 184 монастыря содержатъ аптекарскіе магазины, 10 занимаются скотоводствомъ, 5 ведутъ оптовую торговлю виномъ, 14 содержатъ гостиницы, 6 занимаются изготовленіемъ ликеровъ и пр. Благодаря энергической дѣятельности и щедрымъ пожертвованіямъ, конгрегаціи владѣютъ во Франціи крупными земельными имуществами, стоимость которыхъ по приблизительному расчету простирается до миллиарда и ста милліоновъ франковъ. Въ одномъ Парижѣ цѣнность имуществъ религіозныхъ общинъ и учреждений опредѣляется въ 190¹/₂ милліоновъ франковъ. Въ частности, община сестеръ Сень-Винцента де-Поля владѣетъ имѣніями и домами цѣной въ 63¹/₂ милл. фр., іезуитамъ принадлежатъ 497 гектаровъ земли и капиталъ въ 59 милл. фр.; кануцины, кармелиты, бенедиктинцы, асумпціонисты также обладаютъ имуществами, оцѣниваемыми въ 4—6 милл. Какую вообще крупную роль играли конгрегаціи въ экономической жизни Франціи, видно изъ того факта, что, напр., конгрегація Шартрезъ, обладающая секретомъ приготовленія всемірно извѣстнаго ликера, въ 1899 г. уплатила казнѣ однѣхъ пошлинъ 3 милл. франковъ.

Но еще болѣе значительна роль монашескихъ конгрегацій въ духовной жизни страны, и особенно въ дѣлѣ воспитанія. Можно сказать, что добрая половина всего населенія Франціи и огромное большинство женщинъ зажиточныхъ и высшихъ классовъ до послѣдняго времени получали свое воспитаніе и образованіе въ конгрегаціонныхъ школахъ. Для дѣтей отъ 6 до 13 лѣтъ существовало 22167 монашескихъ школъ, въ которыхъ числилось 1,629,622 учащихся. Для дѣтей менѣе шести лѣтъ конгрегаціи имѣли 2905 школъ съ 362214 учениками, тогда какъ правительство имѣло школъ этого типа только 2574 съ 359660 учащимися. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ конгрегацій обучалось 68825 учениковъ, кромѣ 23 тысячъ воспитанниковъ епископскихъ семинарій.

Наконецъ, женское образованіе, можно сказать, исключительно находилось въ рукахъ духовныхъ конгрегацій, такъ-какъ немногія женскія учебныя заведенія, устроенныя правительствомъ въ крупныхъ городахъ, удовлетворяли лишь ничтожную долю потребности французскаго общества въ женскомъ образованіи.

Изъ сказаннаго видно, какую крупную силу составляли во Франціи духовныя конгрегаціи. Французское правительство, считаясь съ этой силой и усматривая въ дѣятельности конгрегацій направленіе враждебное и вредное для республики, издавна ведетъ съ ними борьбу. Начиная съ 1871 г., изданіе законовъ о конгрегаціяхъ входило въ программу всѣхъ кабинетовъ, и въ теченіе 30 лѣтъ было представлено болѣе 30 законопроектвъ на этотъ счетъ. Но особенно энергично борьбу съ конгрегаціями республиканское правительство повело при предшественникѣ нынѣшняго министра-президента Вальдекъ-Руссо. Въ концѣ 1900 г. Вальдекъ-Руссо внесъ въ палату законъ объ ассоціаціяхъ, не имѣющихъ своею цѣлью интересы экономическіе, промышленныя или торговые¹⁾. Законъ проектировалъ поставить учрежденіе ассоціацій подъ строгій контроль правительства. Всякій договоръ объ ассоціаціи, по закону, долженъ быть сдѣланъ публичнымъ, и учредители обязаны сообщить свѣдѣнія о назначеніи ассоціаціи, а также о мѣстопробываніи ея должностныхъ лицъ. Разрѣшеніе на существованіе имѣютъ только ассоціаціи, признанныя общепольными особымъ административнымъ декретомъ. Такимъ ассоціямъ предоставляется право пріобрѣтать имущества, но недвижимость можетъ принадлежать имъ только въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она необходима для осуществленія задачъ ассоціаціи. Имѣнія же, доставшіяся по завѣщанію или дарственнымъ актамъ, но не подлежація употребленію для цѣлей ассоціаціи, продаются съ публичнаго торга, и вырученныя

¹⁾ Законъ объ этихъ послѣднихъ ассоціаціяхъ былъ изданъ въ 1884 г. 21 марта. По этому закону, профессиональные синдикаты могутъ основываться безъ предварительнаго правительственнаго разрѣшенія.

деньги передаются ассоціаціи. Изъ ряда ассоціацій въ законѣ выдѣлены тѣ, въ составъ которыхъ входятъ, кромѣ французовъ, и иностранцы,—которые руководятся изъ-за границы или члены которыхъ живутъ вмѣстѣ: разрѣшеніе такихъ ассоціацій предоставляется парламенту и облекается въ форму закона. Неразрѣшеннымъ до изданія закона ассоціаціямъ предписывалось исключотать такое разрѣшеніе въ теченіе шести-мѣсячнаго срока. Въ случаѣ же закрытія ассоціаціи, имущества, пріобрѣтенныя ею безмездно, могутъ быть потребованы дарителями и ихъ наслѣдниками въ теченіе года, а по минованіи срока поступаютъ въ пользу государства.

Въ законѣ Вальдека-Руссо не названы прямо монашескія и духовныя конгрегаціи. Но, очевидно, имѣлись въ виду именно онѣ, такъ-какъ онѣ имѣютъ руководителей за границей, т. е. въ Римѣ, и члены ихъ ведутъ совмѣстную жизнь. Естественно, поэтому, что когда сдѣлался извѣстнымъ законопроектъ, противъ него возстали всѣ защитники католицизма во Франціи. Папа Левъ XIII подвергъ его рѣзкой критической оцѣнкѣ въ посланіи отъ 23 дек. 1900 г. на имя архіепископа Парижскаго Ришара. Законъ встрѣтилъ сильную оппозицію и въ парламентѣ, но, въ концѣ концовъ, онъ все таки былъ принятъ. Вальдекъ-Руссо взялся за исполненіе закона, и сразу же натолкнулся на сильное противодѣйствіе. Сторонники ассоціацій сформировали особый комитетъ, подъ названіемъ „справедливость и равенство“. Комитетъ организовалъ сходку, на которой были произнесены рѣчи противъ новаго закона. Рѣчи были столь пламенны, что присутствующіе разразились криками: „Да здравствуетъ Вареоломеевская ночь! Идемъ къ наступленію! За Бога и католическую Францію!“ 3-го октября въ 12 ч. ночи законъ долженъ былъ вступить въ силу. Чтобы показать, что законъ не останется мертвой буквой, а будетъ примѣненъ во всей строгости, министръ юстиціи, еще заранѣе разослалъ прокурорамъ судебныхъ палатъ циркуляры, предписывающіе немедленное примѣненіе закона, т. е. закрытіе конгрегацій, которыя въ назначенный закономъ срокъ не

подадутъ просьбы объ утвержденіи и члены которыхъ не разойдутся.

Многія конгрегаціи, не надѣясь получить правительственнаго разрѣшенія, добровольно оставили Францію, ликвидировавъ свои дѣла. Выселявшіеся конгрегаціи, направлялись главнымъ образомъ въ Швейцарію, ища себѣ убѣжища въ этой странѣ религіозной свободы. Редемпціонисты, доминиканцы, и францисканцы купили себѣ земли и дома въ разныхъ частяхъ Бельгіи. Нѣкоторые изъ орденовъ, содержащіе школы и пансіоны, переселялись прямо со всѣмъ своимъ учебнымъ персоналомъ.

Въ іюнѣ настоящаго года министерство Вальдека-Руссо было смѣнено кабинетомъ Комба. Какъ предсѣдатель коммисіи, разрабатывавшей законопроектъ объ ассоціаціяхъ, Комбъ поставилъ своею цѣлью энергическое приведеніе въ исполненіе этого закона, въ особенности въ примѣненіи его къ духовнымъ школамъ. Читая 10-го іюля обычную декларацію въ палатѣ депутатовъ, Комбъ, между прочимъ, заявилъ: „законъ о сообществахъ вступаетъ теперь въ періодъ примѣненія его исполнительной властью. Правительство позаботится о томъ, чтобы ни одно изъ постановленій закона не осталось безъ дѣйствія. Вамъ будетъ предложенъ проектъ отмѣны закона 1850 г. о народномъ образованіи, дабы государство, не дѣлая монополіи изъ народнаго образованія, вновь заняло положеніе, отъ котораго ему никогда не слѣдовало бы отказываться, слѣдя за образованіемъ, даваемымъ каждому гражданину“. Тотчасъ же по вступленіи въ должность министра президента Комбъ телеграфнымъ циркуляромъ отдалъ приказаніе закрыть безъ замедленія всѣ школы тѣхъ монашескихъ орденовъ, которые не испросили требуемаго разрѣшенія. Префекты энергично взялись за исполненіе дѣла. Школьныя помѣщенія наполнились жандармами и полиціей, мальчики и дѣвочки были разогнаны. Все это дѣлалось съ такою поспѣшностью, что второпяхъ закрыли даже школы, которыя уже разрѣшены или начальство которыхъ исполнило всѣ необходимыя формаль-

ности. Вальдекъ-Руссо при обсужденіи вопроса объ ассоціаціяхъ высказалъ мнѣніе, что новый законъ не простирается на тѣ школы, которыя устроены въ частныхъ помѣщеніяхъ, внѣ зданій монашескихъ орденовъ, и имѣють только одного преподавателя духовнаго званія. Основываясь на такомъ толкованіи закона, представители нѣкоторыхъ школъ не заявляли ходатайства о разрѣшеніи, и многія школы открыты были вновь духовными конгрегаціями. Однако, Государственный Совѣтъ по вопросу о законномъ характерѣ этихъ школъ пришелъ къ тому заключенію, что онѣ должны бытъ причислены къ конгрегаціоннымъ. Когда же завѣдующіе этими школами стали обращаться съ надлежащими ходатайствами о разрѣшеніи, то имъ было сообщено, что они пропустили уже срокъ и что ихъ школы подлежатъ закрытію...

Самъ Комбъ рассчитывалъ на полный успѣхъ своихъ дѣйствій и на то, что закрытіе духовныхъ школъ пройдетъ тихо и незамѣтно. Но расчеты его не оправдались. Во всей Франціи поднялся сильный протестъ противъ правительства,—выразившійся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Повсюду расклеивались афиши, приглашавшія сплотиться для отпора преслѣдователямъ, собирались сходки, устраивались манифестаціи, подавались петиціи, и нерѣдко дѣло доходило до открытаго сопротивленія властямъ, приводившимъ въ исполненіе новый законъ. Въ Парижѣ 9-го и 10-го іюля происходили манифестаціи въ 800 конгрегаціонныхъ школахъ, посѣщившихъ устроить торжественную раздачу наградъ предъ своимъ вынужденнымъ закрытіемъ. Массы народа на улицахъ кричали: „да здравствуетъ свобода! да здравствуютъ сестры воспитательницы!“ 22 іюля на улицѣ С. Море 150 женщинъ заперлись съ монахинями въ школѣ и всю ночь отказывались открыть двери полиціи. Надъ зданіемъ школы было вывѣшено трехцвѣтное знамя, ручка котораго была перевита крепомъ, съ надписью: „свобода умерла“. Еще большія волненія произошли въ провинціи, особенно въ Бретани. Въ Плуданіенѣ, напр., крестьяне забаррикадировали колючей проволокой до-

рогу, ведущую къ содержимой монахинями школь, а передъ дверью школы выкопали глубокой ровъ и наполнили его водой. Въ солдатъ при этомъ бросали горящими пучками соломы, облитой керосиномъ. Подобное же сопротивленіе было оказано въ Дуаркенезѣ, гдѣ солдатамъ пришлось пробивать брешь въ стѣнѣ, чтобы выгнать монаховъ изъ школы. Въ Брестѣ, при закрытіи школъ, произошли беспорядки, во время которыхъ было ранено 27 человекъ. Во многихъ мѣстахъ кромѣ того были устроены торжественныя демонстративныя процессіи, въ которыхъ принимали участіе, съ духовенствомъ во главѣ, десятки тысячъ народа... Словомъ, политика Вальдека-Руссо и Комба въ отношеніи къ конгрегаціямъ и духовнымъ школамъ глубоко взволновала всю страну, вновь возбудила партійную борьбу и уничтожила вдругъ плоды политики умиротворенія, во имя которой работали лучшіе государственные дѣятели Франціи.

Разсматриваемое нами явленіе не представляетъ во Франціи чего-либо новаго. Вопросъ о религіозныхъ орденахъ занимаетъ французское правительство и общество уже со временъ великой революціи, т. е. въ теченіе цѣлаго столѣтія. Уже въ тѣхъ наказахъ, которые давались депутатамъ „Національнаго Собранія“,—1789 г., требовалось уничтоженіе или сокращеніе религіозныхъ орденовъ. Мотивомъ къ этому тогда выставлялся упадокъ жизни въ монастырскихъ общинахъ и ослабленіе къ нимъ уваженія въ народѣ. Декретомъ Національнаго или Учредительнаго собранія (отъ 13 февр. 1790 г.) дѣйствительно были упразднены всѣ монашескіе ордена, съ предоставленіемъ, впрочемъ, права монахамъ заниматься воспитаніемъ и содержать благотворительныя учрежденія. 18-го авг. 1792 г. былъ изданъ новый законъ о конгрегаціяхъ собственно свѣтскихъ, но преслѣдующихъ одинакія цѣли съ монашескими. „Національное собраніе“, говорится въ этомъ декретѣ, „принимая во вниманіе, что истинно свободное государство не должно терпѣть въ своей средѣ ни одной корпораціи,—даже такихъ, которыя, будучи заняты пуб-

личнымъ обученіемъ, оказали услугу отечеству, и что съ того времени, когда Законодательный Корпусъ окончательно уничтожить религіозныя корпораціи, должны быть уничтожены и всѣ костюмы, свойственные имъ и способные вызывать воспоминаніе о нихъ, или дать мысль о томъ, что они еще существуютъ,—постановляетъ слѣдующее. Конгрегаціи, извѣстныя во Франціи, подъ именемъ свѣтскихъ церковныхъ конгрегацій, каковы *Prêtres de l'oratoire de Jesus* и др. и вообще всѣ конгрегаціи монашескія и не монашескія, мужскія и женскія, даже конгрегаціи, занятыя исключительно служеніемъ въ госпиталяхъ и уходомъ за больными, подъ какими бы наименованіями онѣ ни существовали во Франціи,—составляютъ ли онѣ одинъ домъ или нѣсколько,—товарищества, братства, кающіеся всѣхъ отѣнковъ, пилигриммы и всѣ другія благочестивыя и благотворительныя общества уничтожаются и упраздняются со дня публикаціи настоящаго декрета. Но въ госпиталяхъ и благотворительныхъ домахъ тѣ же самыя лица продолжаютъ, какъ и прежде, служеніе бѣднымъ и ухаживаніе за больными, каждый какъ частный человѣкъ, подъ наблюденіемъ муниципальных и административныхъ учреждений. Всѣ члены конгрегацій, занятые въ настоящее время публичнымъ обученіемъ продолжаютъ его, каждый какъ частный человѣкъ, впредь до окончательной организаціи обученія. Монашескіе костюмы и костюмы не монашескихъ конгрегацій уничтожаются и запрещаются для обоихъ половъ. Нарушенія сего распоряженія наказываются исправительной полиціей—въ первый разъ штрафомъ, въ случаѣ же повторенія,—какъ проступокъ противъ общественной безопасности“.

Наполеонъ I-й, расположенный вообще къ католицизму, не измѣнилъ все таки приведеннаго закона о конгрегаціяхъ. Когда ему было доложено о существованіи вопреки запрещенію, двухъ религіозныхъ обществъ, то онъ издалъ декретъ (3 мессидора XII г.), которымъ повелѣлъ распустить означенныя общества, а также подтвердилъ прежніе законы о конгрегаціяхъ. Декретомъ устанавливалось, чтобы „ни одно ре-

лигіозное общество или собраніе мужчинъ или женщинъ не основывалось на будущее время подъ предлогомъ религіи, если оно не утверждено формально императоромъ.

Подобные же неблагопріятные для конгрегацій законы издавались въ 1825 г. и въ 1834. Но на практикѣ эти законы не исполнялись. Во-первыхъ, само правительство смотрѣло снисходительно на существованіе недозволенныхъ конгрегацій; во-вторыхъ, конгрегаціи умѣли всегда изыскивать способы обхода закона. Благодаря этому и вопреки тенденціи французскаго законодательства, число конгрегацій увеличивалось. Особенно много образовалось ихъ въ періодъ второй имперіи, при Наполеонѣ III, покровительствовавшемъ католичеству. Послѣ низверженія Наполеона III республиканское правительство, съ конца 70-хъ годовъ, вновь обращаетъ вниманіе на конгрегаціи и начинаетъ бороться съ ними. 29 марта 1880 г. были изданы два новыхъ декрета о конгрегаціяхъ. Первымъ декретомъ были упразднены въ трехмѣсячный срокъ всѣ общества іезуитовъ и ихъ учрежденія, а вторымъ опредѣлялся порядокъ утвержденія конгрегацій и для исходатайствованія его назначался трехмѣсячный срокъ. Декреты приводились въ исполненіе даже съ примѣненіемъ силы. Скоро, однако же, эти декреты были забыты, и неразрѣшенныя конгрегаціи, въ томъ числѣ и іезуитскія, вновь появились во Франціи въ огромномъ количествѣ. Это и вызвало законъ Вальдека-Руссо и мѣры Комба.

Такимъ образомъ, теперешнія мѣропріятія французскаго правительства противъ конгрегацій представляютъ собою только одинъ изъ актовъ вѣковой бѣрбы, то затихавшей, то возгравшейся вновь.

Нерасположеніе французскаго правительства къ монашескимъ орденамъ и конгрегаціямъ, несомнѣнно, имѣетъ извѣстные резонные мотивы. Ордена и конгрегаціи служатъ, дѣйствительно, оплотомъ тѣхъ клерикальныхъ тенденцій, какими издавна заявляетъ себя католицизмъ. Французское правительство и общество не забыло еще временъ господства ка-

толицизма, когда ордена и конгрегація, понавшія нынѣ въ положеніе гонимыхъ, сами были противниками и гонителями всякой свободы. Сосредоточеніе крупныхъ земельныхъ владѣній въ рукахъ духовенства будить въ душахъ республиканцевъ призракъ дореволюціонной Франціи со всеми ея безпорядками и гнетомъ... Своимъ желаніемъ господствовать, своей особой политикой, нерѣдко не брезгавшей никакими средствами, представители католицизма раздражили своихъ противниковъ и вызвали у нихъ естественное желаніе мстить. „Клерикализмъ— вотъ врагъ“, сказалъ Гамбетта, и эти слова стали лозунгомъ республиканскаго правительства во Франціи.

Однако же, если можно понять мотивы отношенія современнаго французскаго правительства къ духовнымъ конгрегаціямъ, то все же ни въ какомъ случаѣ нельзя это отношеніе всецѣло оправдывать и, тѣмъ болѣе, ему сочувствовать, какъ дѣлають это нѣкоторые органы нашей печати. Прежде всего, несомнѣнно, что въ основѣ мѣропріятій Комба и его предшественниковъ лежитъ не только антикатолическое, но прямо антирелигіозное направленіе политики французскаго правительства. Поставивъ своею цѣлью борьбу съ клерикализмомъ, радикалы, захватившіе власть въ свои руки съ 1877 г., слишкомъ расширили понятіе о клерикализмѣ. Подъ предлогомъ подавленія клерикализма они давно уже дѣлають нападки на католическую религію вообще. Такъ, въ 1879—86 г. французскимъ правительствомъ были изданы законы, устранившіе духовенство совершенно отъ дѣла народнаго образованія и исключившіе преподаваніе Закона Божія въ правительственныхъ школахъ въ качествѣ обязательнаго предмета. Въ 1880 г. былъ отмѣненъ законъ о священникахъ при полкахъ въ мирное время и законъ о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ. Въ 1881 г. были секуляризованы кладбища. Въ 1881 г. былъ отнятъ религіозный характеръ у клятвы, даваемой при отправленія государственной службы. Въ палатѣ депутатовъ, далѣе, нерѣдко за послѣднее время дѣлались предложенія объ уничтоженіи бюджета министерства исповѣданій, и бюджетъ

этотъ все сокращается. Наконецъ, французскія республиканскія власти часто унижали Церковь разнаго рода выходками, когда, напр., мэры и префекты превращали церковныя погребенія въ антицерковныя манифестаціи, запрещали имѣть иконы въ народныхъ школахъ и т. п.

Политика Вальдека-Руссо и Комба, несомнѣнно, является прямымъ продолженіемъ антирелигіозной политики ихъ предшественниковъ по министерству, и уже поэтому одному не можетъ вызывать одобренія. Но мѣропріятія Комба не возбуждаютъ сочувствія и сами по себѣ, независимо отъ скрытыхъ за ними антирелигіозныхъ мотивовъ. Эти мѣропріятія, прежде всего, безцѣльны и представляютъ собою нарушеніе основныхъ требованій человѣческой свободы. Французское правительство мотивируетъ эти мѣропріятія опасностью для государства со стороны католичества въ виду сосредоточенія въ рукахъ духовенства крупныхъ владѣній и въ виду его вліянія на дѣло воспитанія. Но совершенно ясно для всѣхъ, что католическая Церковь въ ея теперешнемъ положеніи не можетъ уже надѣяться на господство. Она не имѣетъ возможности расширять свои владѣнія на счетъ государства или народа путемъ разнаго рода злоупотребленій, практиковавшихся въ бывшее время. Имущества тецерешнихъ конгрегацій не могутъ быть названы отнятыми у націи: они составились изъ пожертвованій частныхъ лицъ и утверждены за конгрегаціями соотвѣтствующими официальными учрежденіями. Запретить такія пожертвованія потому только, что извѣстныя учрежденія не пользуются симпатіями правительства, это значитъ посягать на принадлежащее каждому право даренія и завѣщанія, стѣснять религіозное настроеніе, побуждающее людей дѣлать пожертвованія въ пользу Церкви или на религіозныя цѣли.

Еще большимъ посягательствомъ на свободу является отношеніе французскаго правительства къ духовнымъ школамъ. Чѣмъ виноваты конгрегаціонисты въ томъ, что въ народѣ есть потребность въ религіозномъ воспитаніи, даваемомъ въ ихъ школахъ? А потребность эта во Франціи чрезвычайно

велика. Мы привыкли смотрѣть на Францію, какъ на страну безвѣрія и вольнодумства. Между тѣмъ, значительная часть французскаго населенія состоитъ изъ вѣрующихъ католиковъ. Говорятъ даже, что набожность, доходящая до экстаза и фанатизма, нигдѣ не имѣетъ такихъ прочныхъ корней, какъ во Франціи. Естественно, что населеніе требуетъ и отъ школы религіознаго воспитанія; а такъ какъ изъ школы правительственной религія совершенно изгнана, то оно удовлетворяетъ свои потребности школами конгрегаціонными. Въ періодъ отъ 1892—1897 г. правительственныя школы потеряли 90683 ученика, и 65811 изъ этого числа перешли въ школы конгрегаціонныя... Очевидно, что, закрывъ эти школы, правительство, въ сущности, полагаетъ преграды религіозному воспитанію дѣтей, и, такимъ образомъ, стѣсняетъ самыя законныя требованія религіознаго чувства. Интересы религіи, высшіе изъ всѣхъ, въ этомъ случаѣ несправедливо приносятся въ жертву интересамъ политической борьбы. Да и самая цѣль этой борьбы закрытіемъ школъ едва ли можетъ быть достигнута. Религіозныя убѣжденія, вообще, трудно задавить физической силой, и исторія показываетъ, что въ вопросахъ религіозныхъ репрессалій, принудительныя мѣры вызываютъ только раздраженіе и фанатизмъ въ гонимыхъ. Если бы правительство устроило на ряду съ духовными школами свои, приспособленныя къ его цѣлямъ, и дѣятельностью этихъ школъ сьумѣло бы парализовать вліяніе монаховъ и монахинь, то тогда оно могло бы сколько нибудь рассчитывать на прочный успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, его борьба имѣла бы видъ законности и разумности. Теперь же простымъ закрытіемъ школъ оно, несомнѣнно, достигнетъ одного, и именно того, что десятки тысячъ дѣтей будутъ выброшены за борть школъ, такъ какъ въ правительственныхъ училищахъ не хватитъ для нихъ мѣста. При этомъ, французскія женщины, въ громадномъ большинствѣ своемъ бывшія питомицы конгрегаціонныхъ школъ, сьумѣютъ, вѣроятно, и въ своихъ семьяхъ поддержать тотъ религіозный, католическій духъ, противъ котораго борется правительство.

Вѣроятно также, что конгрегаціи, находясь и за границей, найдутъ способы привлечь учениковъ въ свои школы изъ Франціи. По крайней мѣрѣ, ранѣе, когда изгоняли изъ Франціи іезуитовъ и они находили убожище въ Англіи, то за ними переѣзжали и ихъ ученики...

Помимо всего сказаннаго, нельзя сочувствовать и самымъ приемамъ борьбы, практикуемымъ французскимъ правительствомъ по отношенію къ конгрегаціямъ. Странно читать, что вмѣсто безпристрастнаго примѣненія закона, во многихъ случаяхъ закрытія школъ правительство прибѣгало къ искусственнымъ махинаціямъ, и несправедливымъ придиркамъ. Но еще болѣе странно узнать, что въ государствѣ, гордящемся принципами свободы, братства и равенства, приступомъ берутся школы, школьники разгоняются полиціей, а учительницы, виновныя только въ томъ, что онѣ католички, ведутся по улицамъ подъ конвоемъ жандармовъ... Комбъ могъ совершить дѣло закрытія школъ безъ всякаго шума, такъ какъ наступало каникулярное время, когда школы пустѣютъ. Но онъ пожелалъ ускорить осуществленіе своихъ намѣреній, и приказанія его приводились въ исполненіе такъ грубо, что оскорблялось чувство даже тѣхъ, кто принципиально не стоялъ за религіозное воспитаніе.

Вл. Рыбинскій.

Русское духовенство въ Галиціи¹⁾.

Посланіе митрополита Шентицкаго еще въ большей степени, чѣмъ описанія волненія богослововъ, раскрываетъ предъ нами картину внутренней жизни семинаріи: ея положительныя и отрицательныя стороны, а равно и тѣ виды, какіе митрополитъ соединяетъ съ задуманною имъ реформою семинаріи.

Въ посланіи митрополита констатируются слѣдующіе недостатки, подмѣченныя имъ въ жизни семинаріи.

Указавъ на общее ненормальное настроеніе воспитанниковъ духовной семинаріи, по которому они стремятся полу-

¹⁾ См. № 41 за 1902 г.

чить отъ заведенія, въ которомъ воспитываются, только содержаніе: квартиру, пищу и платье, и въ замѣнъ того сами не желаютъ ничего давать, не заботятся о пріобрѣтеніи познаній и качествъ, какія безусловно необходимы для ихъ будущаго священническаго служенія, митрополитъ переходитъ затѣмъ къ частнымъ порокамъ, укоренившимся и свирѣпствующимъ, по его выраженію, среди кандидатовъ священства.

На первомъ мѣстѣ среди этихъ пороковъ онъ поставляетъ игру въ карты, которую подвергаетъ беспощадной критикѣ. Весь интересъ сей игры, по словамъ митрополичьего посланія, основывается на желаніи пріобрѣсти деньги посредствомъ случайнаго выигрыша, а желаніе пріобрѣтенія безъ труда есть явленіе ненормальное. Такое желаніе получить деньги, вообще что-либо безъ труда наблюдается среди людей только трехъ категорій: нищихъ, мошенниковъ и картежниковъ. У всѣхъ трехъ одинъ и тотъ же принципъ заработка. Игра эта не можетъ быть невиннымъ развлеченіемъ, хотя бы даже происходила на орѣхи, такъ какъ разъ при игрѣ возникаетъ и закрѣпляется любовь къ незаработанному пріобрѣтенію, жажда пріобрѣтенія безъ труда, то игра является опасною, на что бы она ни происходила. У воспитанника духовнаго такая жажда можетъ явиться зародышемъ настоящаго зла и въ то же время она служитъ вѣрнымъ признакомъ неспособности его къ будущему служенію.

Осуждается, далѣе, лѣность среди воспитанниковъ, выражающаяся, между прочимъ, въ томъ, что кандидаты священства желаютъ получить какъ можно лучшее содержаніе и въ то же время ничего не дѣлаютъ для пріобрѣтенія знаній, соотвѣтствующихъ ихъ будущему званію и служенію. Большая часть товарищей студентовъ богословскаго факультета, получающихъ содержаніе въ семинаріи, вынуждены бывають посредствомъ тяжелаго труда зарабатывать для себя средства къ жизни, преимущественно посредствомъ уроковъ. Всѣ свободныя минуты, остающіяся отъ такихъ занятій, свѣтскіе студенты стараются употреблять на обогащеніе себя по-

знаніями для того, чтобы добиться со временемъ извѣстнаго мѣста и положенія. Поэтому, и духовные воспитанники должны бы съ своей стороны давать что-либо такое, что бы было хоть нѣкоторымъ вознагражденіемъ за получаемое ими даровое содержаніе и образованіе. „Давая воспитаннику пищу и содержаніе“, говоритъ митрополитъ, „не можемъ не требовать отъ него усиленнаго 4-лѣтняго труда. Не можемъ на второй годъ принимать въ семинарію того воспитанника, который въ теченіе перваго года показалъ себя лѣнтяемъ“.

Съ особенною силою осуждаетъ митрополитъ лѣдность въ духовныхъ воспитанникахъ, требуя отъ начальства и инспекціи семинарской обращенія въ своихъ квалификаціяхъ (отзывахъ о поведеніи воспитанниковъ) вниманія на образъ пониманія этими послѣдними труда жизни и ихъ отношенія къ нему. „Типъ легкомысленнаго студента, желающаго и ищущаго въ жизни только развлеченія, серьезно не думающаго о трудѣ, долженъ непременно исчезнуть изъ среды духовныхъ воспитанниковъ, по словамъ митрополита Шентицкаго. Необходимо начальству и наставникамъ употреблять самыя энергичныя средства къ тому, чтобы всѣхъ воспитанниковъ семинаріи приучить и принудить къ серьезному труду. Такого именно труда отъ будущихъ священниковъ требуютъ церковь и народъ, отъ степени усердія въ семъ трудѣ всецѣло зависитъ будущность той и другого. Поэтому, такого труда необходимо безусловно требовать отъ воспитанниковъ семинаріи, хотя бы даже пришлось лишиться большого процента кандидатовъ. „Лѣнтяевъ и дармоѣдовъ никогда не будемъ жалѣть“, заключаетъ митрополитъ Шентицкій свою филиппику противъ порока лѣности въ средѣ воспитанниковъ греко-католической духовной семинаріи во Львовѣ.

Любви къ серьезному и настойчивому труду нѣтъ среди духовныхъ воспитанниковъ потому, что они, видимо, не сознаютъ важности этого труда, не чувствуютъ въ себѣ достаточныхъ побужденій къ сему труду, а иные руководятся совершенно неправильными мотивами. Единственнымъ побужденіемъ къ труду

у духовнаго воспитанника, кандидата священства, должна быть вѣра, забота о спасеніи души. Потому не будетъ еще хорошимъ священникомъ даже усердно трудящійся воспитанникъ, если трудъ его не будетъ одушевленъ усердіемъ о спасеніи души. Весь успѣхъ дѣятельности священника основывается на этомъ усердіи и зависитъ отъ него.

Не менѣе энергично вооружается митрополитъ Шептицкій противъ существующаго среди воспитанниковъ семинаріи стремленія къ роскоши, претензій имѣть возможно лучшую нищу и одежду, и обусловленнаго этимъ традиціоннаго обычая дѣлать иногда большіе долги во время обученія въ семинаріи. Претензіи на полученіе изысканнаго стола, по словамъ митрополичьяго посланія, являются ежегодно поводомъ для столкновенія между начальствомъ и богословами. Среди воспитанниковъ бывають такіе, которые имѣють смѣшную и глупую склонность къ роскоши, къ чему-то, похожему на социально-экономическую язву, именуемую жизнію не по средствамъ. Такіе воспитанники легкомысленно дѣлають долги, продають одежду, выдаваемую имъ, по правиламъ семинаріи, и мѣняють ее на болѣе роскошную, усиленно играютъ въ карты затѣмъ, чтобы выигрышемъ покрыть сдѣланные долги, но на самомъ дѣлѣ попадаютъ еще въ большіе долги, выходя изъ семинаріи съ большими долгами, высматривають себѣ невѣсть съ большимъ приданымъ.

Какъ на весьма важный недостатокъ, указываетъ митрополитъ на отсутствіе среди воспитанниковъ духовной семинаріи усердія къ богослуженію, благоговѣйнаго настроенія во время совершенія богослуженія. Въ основаніи какъ этого послѣдняго, такъ и многихъ другихъ недостатковъ въ жизни воспитанниковъ семинаріи, кандидатовъ священства, лежать сильное развитіе, особенно въ послѣднее время, свѣтскаго направленія среди богослововъ. Отправляясь въ университетъ для слушанія богословскихъ лекцій, они часто не посѣщаютъ ихъ, а стремятся въ аудиторіи другихъ факультетовъ, особенно философскаго. Кромѣ того, по окончаніи семинарскаго обра-

зованія, богословы избѣгаютъ окончательнаго экзамена, поступають на философскій факультетъ и потомъ совершенно отказываются принимать священный санъ, становясь учителями гимназій.

Какъ на одинъ изъ самыхъ прискорбныхъ недостатковъ въ жизни воспитанниковъ греко-католической семинаріи во Львовѣ, должно указать на крайнее развитіе среди нихъ духа партійности. Воспитанники семинаріи дѣлятся на нѣсколько группъ, принадлежащихъ къ разнымъ социальнымъ и политическимъ партіямъ, существующимъ въ Галиціи. Это явленіе давнее, традиціонное. И прежде эти группы и эта партійность существовали въ семинаріи. Явленіе это существенно обуславливается особенными обстоятельствами Галицкаго края, положеніемъ русскаго народа и русскаго (греко-католическаго) вѣры въ Галиціи. Это положеніе, въ полномъ смыслѣ слова боевое, требующее необходимо, чтобы всякій русскій стоялъ на стражѣ самобытности своей вѣры и своего народа.

Но въ послѣднее время и съ этой стороны произошли въ семинаріи существенно важныя перемѣны. Теперь традиціонная партійность принимаетъ особенно сильный и рѣзкій духъ нетерпимости. Съ другой стороны, теперь произошла весьма существенная перемѣна и въ самой группировкѣ партій. Самыми главными партіями какъ среди всего галицко-русскаго населенія, такъ и въ средѣ семинаристовъ, являются двѣ: старо-русская (иначе москале-фильская) и младо-русская (иначе украино-фильская). Прежде (лѣтъ 20—25 тому назадъ) эти партіи въ предѣлахъ семинаріи находились приблизительно въ такомъ количественномъ отношеніи: $\frac{9}{10}$ общаго числа семинаристовъ принадлежали къ старо-русской партіи и только $\frac{1}{10}$ —къ младо-русской; теперь это отношеніе измѣнилось совершенно въ противоположную сторону, такъ что изъ 200 (приблизительно) воспитанниковъ семинаріи принадлежащихъ къ старо-русской партіи насчитывается не болѣе 15—20 чел., а остальные—члены, или—сторонники младо-русской, украино-фильской партіи.

Руководителями партій и виновниками поддержанія духа

партійности въ семинаріи, по словамъ митрополичьаго посланія, являются люди, вовсе не отличающіеся чѣмъ-либо особеннымъ, напр., превосходствомъ ума, или знаній, но крикуны, обладающіе сильнымъ голосомъ, рѣшительностію характера, дерзостію обращенія. „Есть между вами“, говоритъ митрополитъ Шептицкій, обращаясь къ самимъ воспитанникамъ семинаріи, „много хорошихъ элементовъ и добраго матеріала для подготовленія ревностныхъ и хорошихъ священниковъ, есть много идеаловъ и искренній теплый патріотизмъ, такъ что могу говорить къ вамъ, какъ къ гражданамъ, понимающимъ и заботящимся о благѣ церкви и народа. Однако, есть между вами много и зла, есть глупыя дѣтскія традиціи, которыми многіе изъ васъ дорожатъ, есть много легкомыслія, нерадѣнія и лѣни. Но всего хуже то, что предводительство между вами держатъ въ своихъ рукахъ часто такіе товарищи, которые не имѣютъ никакихъ правъ и основаній для этого. Въ то время какъ люди серьезные, мирные и трудолюбивые большею частію стоятъ въ сторонѣ отъ внутренней жизни семинаріи и ея интересовъ, хотя они, и при томъ одни они, составляютъ настоящее ядро и средоточіе всей, вамъ свойственной, жизни,—люди, чуждые богословскаго духа и серьезной духовной жизни, новички для семинаріи, завладѣвають руководствомъ своихъ товарищей и придаютъ всему заведенію въ глазахъ многихъ, къ стыду вашему и моему, характеръ неблаговоспитанности и легкомыслія“.

Съ особенною энергіею и остротою митрополитъ Шептицкій осуждаетъ и порицаетъ сильно разившійся духъ партійности среди воспитанниковъ Львовской семинаріи, кандидатовъ священства. „Существуетъ среди васъ еще одно зло: партійная нетерпимость“, говоритъ онъ въ своемъ посланіи. „Имѣя въ будущемъ посвятить всю свою жизнь и всѣ труды одной и той же цѣли, всѣми силами трудиться въ продолженіе всей жизни надъ спасеніемъ людей и распространеніемъ царства Божія на землѣ, вы должны уже теперь сознавать необходимость солидарности, которая составляетъ наибольшую

силу церкви. И общечеловѣческій взглядъ, требующій отъ каждаго разумнаго человѣка съ уваженіемъ относиться къ чужому убѣжденію, и, въ особенности, духовное званіе, къ которому вы предназначаетесь, должно предохранять васъ отъ всякой нетерпимости. Эта нетерпимость будетъ постоянно отталкивать людей отъ священника и будетъ служить великимъ препятствіемъ въ трудѣ, цѣль котораго—пріобрѣтать людей для Бога и его царства. Задача ваша въ томъ состоятъ будетъ, чтобы быть посредниками между Богомъ и людьми. Всякая нить, которая можетъ связывать васъ съ людьми, должна служить для васъ средствомъ и орудіемъ вашего труда. Потому должно старательно избѣгать всего, что можетъ сдѣлаться недоразумѣніемъ и недостаткомъ единенія и стараться всегда лишь только о томъ, что соединяетъ насъ съ людьми и что можетъ помочь намъ привлечь ихъ къ Богу. Даже людей, чуждыхъ намъ въ самыхъ существенныхъ принципахъ вѣры, мы не можемъ отталкивать отъ себя; наоборотъ, мы должны отыскивать всякія сопредѣльныя точки, завязывать всякія нити, которыя могутъ соединить ихъ съ нами, а чрезъ насъ съ церковью и со Христомъ, для Котораго живемъ и трудимся“.

Но, рекомендуя солидарность, какъ противовѣсъ крайней партійной нетерпимости, митрополитъ Шентицкій безусловно осуждаетъ и порицаетъ солидарность, направленную на что-либо дурное, напоминающую стачки, которыя; видимо, не чужды греко-католическимъ богословамъ. „Между вами должна непременно быть солидарность, но только въ добромъ. Коллегіальность, поддерживающая лишь зло, не можетъ быть терпима въ семинаріи“.

Въ заключеніе нашей рѣчи о кандидатахъ священства въ греко-католической галицко-русской церкви и, въ частности, о Львовской духовной семинаріи, какъ институтѣ, гдѣ эти кандидаты подготовляются, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ поведеніи ихъ и внѣшнихъ порядкахъ семинаріи, которые мы могли наблюдать.

Первое наше замѣчаніе будетъ объ одеждѣ воспитанниковъ семинаріи, или такъ называемыхъ алюмновъ. Алюмны носятъ одежду, присвоенную въ греко-католической церкви лицамъ духовнаго званія: длинный, немного не доходящій до земли, кафтанъ (нашъ подрясникъ) и верхнюю, болѣе короткую рясу съ нѣсколько расширенными рукавами и перелинками (плащи); шляпа—цилиндръ и толстая палка составляютъ необходимую принадлежность каждаго алюмна. И замѣчательно, что алюмны, видимо, не стѣсняются и не тяготеютъ такою одеждою, которая не можетъ не бросаться въ глаза обществу Львова, вполне культурнаго западно-европейскаго города,—обществу, одѣвающимся по требованію новѣйшей моды, законодательницею которой служитъ столица государства — Вѣна. Любопытно, съ другой стороны, и то, что воспитанники Львовской семинаріи умудряются дѣлать и эту скромную одежду роскошною, требующею затраты большихъ денегъ, ради добыванія которыхъ они вынуждены бываютъ дѣлать значительные долги, за что ихъ и осуждаетъ митрополитъ Шептицкій. Послѣдній только на одинъ годъ (прошедшій) дозволилъ алюмнамъ пріобрѣтать и носить одежду не такую, какая дается имъ отъ семинаріи, и входить по этому поводу въ непосредственное сношеніе съ портными.

Другое замѣчаніе наше касается богослуженія въ семинарской церкви и отношенія богослововъ къ нему. Должно упомянуть предварительно, что семинарская церковь во Львовѣ выдѣляется изъ ряда другихъ униатскихъ церквей того же города. Она представляетъ довольно обширный продолговатый четырехугольникъ и непосредственно примыкаетъ къ семинарскому зданію. Алтарь отъ средняго храма отдѣляется сплошною высокою стѣною—иконостасомъ. Благодаря этому, храмъ очень напоминаетъ нашу православную домовую церковь. Богослуженіе совершается ректоромъ и профессорами. Для воспитанниковъ гимназій богослуженіе совершается ихъ катехитами (законоучителями). При совершеніи греческой мессы, поютъ всѣ богословы, или гимназисты. Цѣніе, несмотря на

присутствіе въ средѣ поющихъ прекрасныхъ голосовъ, не отличается стройностію и потому не производитъ благоприятнаго впечатлѣнія. Богословы, а также и гимназисты ведутъ себя во время богослуженія весьма непринужденно: сидятъ небрежно, разговариваютъ и смѣются. Все это вполнѣ объясняетъ смыслъ слѣдующихъ словъ митрополита Шептицкаго въ его посланіи по поводу реформы семинаріи: „воспитанника, уклоняющагося отъ богослуженія, дѣлающаго поклонъ во время прохожденія мимо св. даровъ безъ почтенія, молящагося въ часовнѣ безъ благоговѣнія и, вообще, всѣмъ своимъ поведеніемъ обнаруживающаго въ себѣ свѣтскій духъ, слѣдовало бы причислять къ людямъ, неспособнымъ къ духовному званію“.

Что касается реформы греко-католической духовной семинаріи во Львовѣ, которую (реформу) задумалъ было митрополитъ Шептицкій, то она, насколько можно примѣнить изъ тѣхъ мѣстъ его посланія, какія касаются этого предмета, имѣетъ своимъ идеаломъ іезуитское образованіе. Очень замѣтно желаніе митрополита сдѣлать семинарію заведеніемъ какъ можно болѣе закрытымъ. Отпуски воспитанниковъ семинаріи предполагается какъ можно болѣе сократить. На лекціи университетскія богословы должны ходить не иначе, какъ въ сопровожденіи префекта. Такъ называемыя лиценціи (т. е. дозволенія на выходъ изъ семинаріи) предполагается давать не больше, какъ на два часа и при томъ не иначе, какъ только двумъ богословамъ вмѣстѣ. „Воспитанники, выходящіе изъ зданія семинаріи вдвоемъ, должны держаться вмѣстѣ. Если бы воспитанникъ былъ замѣченъ идущимъ одинъ безъ товарища, то конференція должна рѣшить, кого изъ двухъ товарищей должно исключить. Долженъ быть исключенъ тотъ, у котораго будетъ худшая квалифікація; а если оба будутъ имѣть плохую квалифікацію, то оба должны быть и исключены“.

Всѣ эти и многія другія правила взяты какъ будто изъ устава іезуитскаго коллегіума и мало добраго обѣщаютъ для предполагаемой реформы греко-католической семинаріи во Львовѣ. О томъ же самомъ, повидимому, говорятъ и пере-

мѣны, происшедшія до настоящаго времени въ судьбѣ греко-католической Львовской духовной семинаріи и, въ частности, въ ея администраціи.

Мы видѣли, что митрополитъ Шептицкій совершенно не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на него русскимъ обществомъ Галиціи въ дѣлѣ сецессіи русскихъ студентовъ и, въ частности, богослововъ изъ Львовскаго университета. Онъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы побудить, или расположить польскую университетскую администрацію сдѣлать хотя нѣкоторыя уступки законнымъ и справедливымъ требованіямъ русскихъ студентовъ. Уступки эти были сдѣланы университетскимъ сенатомъ только подъ вліяніемъ распоряженія министра просвѣщенія отъ 5 апрѣля 1902 года. Съ другой стороны, не было употреблено, повидимому, никакихъ серьезныхъ мѣръ (кромѣ запугиванія разными способами) къ тому, чтобы и богослововъ побудить къ возвращенію въ свою родную семинарію. Богословы сами, кажется, поняли всю опасность, какой могла подвергнуться ихъ *alma mater*, въ случаѣ ихъ продолжительнаго отсутствія изъ нея. Больше всего они боялись, какъ и теперь боятся, отдачи своей семинаріи подъ управленіе базилианскихъ монаховъ, въ свою очередь, находящихся подъ опекою о.о. іезуитовъ. Поэтому, наиболѣе спокойные и здравомыслящіе изъ среды богослововъ (старо-русской партіи) еще во второй половинѣ минувшаго учебнаго года возвратились изъ чужихъ университетовъ въ свою семинарію; а еще большая часть ихъ изъявила желаніе продолжать образованіе въ своей семинаріи въ слѣдующемъ, т. е. въ настоящемъ году. И замѣчательно, что митрополитъ Шептицкій не только не скорбѣлъ объ этомъ, но даже, наоборотъ, изданіемъ строгихъ мѣръ противъ сецессионистовъ какъ будто желалъ отбить охоту къ возвращенію даже у тѣхъ богослововъ, которые стремились къ этому.

Между тѣмъ въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ каникулъ во Львовѣ и вообще во всей Галиціи циркулировали настойчивыя слухи о томъ, что митрополитъ Шептицкій намѣренъ передать духовную семинарію въ руки базилианскихъ монаховъ.

Называли даже имена нѣсколькихъ базилианъ, которыхъ митрополитъ намѣчалъ на должность ректора семинаріи. Дѣйствительно, въ августѣ с. г., наканунѣ новаго учебнаго года бывший ректоръ семинаріи, митратъ (митрофорный протоіерей) Туркевичъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности. Прошеніе его было принято и вскорѣ послѣ того, посреди самыхъ напряженныхъ и боязливыхъ ожиданій въ средѣ русскихъ, былъ назначенъ новымъ ректоромъ не базилианинъ, а бывший приходскій протоіерей въ г. Коломыѣ, столицѣ Покутья о. Гр. Хомишинъ. Чему обязаны русскіе такимъ сравнительно счастливымъ для нихъ и неожиданнымъ назначеніемъ, неизвѣстно. Очень можетъ быть, что здѣсь имѣла значеніе и смерть кардинала Ледоховскаго, бывшаго председателемъ конгрегаціи пропаганды, въ вѣдѣніи которой находится и вся галицко-русская церковь... Впрочемъ, вполне радоваться и совершенно быть спокойными на счетъ своей духовной семинаріи во Львовѣ и, слѣдовательно, образованія кандидатовъ своего священства русскимъ галичанамъ еще очень рано. Слѣдуетъ подождать, какихъ помощниковъ новому ректору изберетъ и назначить митрополитъ Шептицкій.

Вслѣдъ за митратомъ Туркевичемъ выйдетъ въ отставку и весь такъ называемый ректоратъ, т. е. правленіе семинаріи. Префектовъ и наставниковъ семинаріи побуждаетъ къ выходу въ отставку, между прочимъ, и то, что митрополитъ Шептицкій запрещаетъ имъ имѣть занятія внѣ семинаріи, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы они всецѣло отдались службѣ въ семинаріи. Очень возможно, что мѣста префектовъ и наставниковъ въ семинаріи и будутъ предоставлены базилианамъ, которые, разумѣется, даже и при ректорѣ не-базилианинѣ сдѣлаютъ свое дѣло, а чего сами не сдѣлаютъ, тому научатъ ихъ опекуны и руководители ихъ—о.о. іезуиты. Если это, дѣйствительно, совершится, то окончательное окатоличеніе галицко-русской уніатской церкви сдѣлается вопросомъ близкаго будущаго.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

(Продолженіе будетъ).

„НАРОДНЫЯ“ КНИЖКИ.

I.

Въ настоящее время „интеллигентныя“ изданія для народа, можно сказать, окончательно вытѣснили съ книжнаго рынка такъ-называемую лубочную литературу. „Интеллигенція“ осталась побѣдительницей, широчайшее поле народнаго книжнаго рынка осталось за ней, и она монополизowała въ своихъ карманахъ крупныя барыши книжной торговли, ежегодно увеличивающейся по мѣрѣ роста грамотности. вмѣстѣ съ этимъ, за „интеллигенціей“ же осталась и монополія въ дѣлѣ внѣшкольнаго, а отчасти и школьнаго воспитанія народа.

Но вопросъ въ томъ, кто же, кромѣ „интеллигенціи“, выигралъ въ этой замѣнѣ одного книжнаго товара другимъ? Самъ народъ получилъ ли отъ такой смѣны какую-нибудь выгоду, и просвѣщеніе его стало ли отъ этого самобытнѣе, ближе къ его завѣтнымъ идеаламъ, и подвинулось ли впередъ по пути дальнѣйшаго развитія всѣхъ основъ его историческаго національнаго самосознанія?

Если „интеллигенція“ увеличила матеріаль для школьнаго и внѣшкольнаго чтенія въ деревнѣ, если матеріаль этотъ сталъ проникать иногда на бѣлой бумагѣ и не съ грязною печатью и безграмотною корректурой, то содержаніе его совсѣмъ не поднялось въ своей доброкачественности, а чаще упало значительно ниже, по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ питался народъ при господствѣ издателей Никольскаго рынка.

Православная Церковь совсѣмъ не входитъ въ содержаніе „интеллигентныхъ“ изданій для народа. Ни поучительная и въ высокой степени занимательная исторія ея, ни удивительныя по своему обаянію житія православныхъ святыхъ, ни положительныя явленія церковнаго быта разныхъ временъ и разныхъ народовъ, ни Палестина и прочія свята мѣста Востока и родной земли, — словомъ, ничто изъ драгоцѣннѣйшей для Русскаго народа религіозной области не находитъ себѣ

мѣста въ изданіяхъ „интеллигентнаго“ производства. Все Божественное и все душеспасительное, что такъ глубоко любить и чего такъ жаждетъ нашъ народъ, тщательно изгнано изъ „интеллигентныхъ“ книжекъ для народа, и если эти предметы не исчезли еще изъ народныхъ картинокъ, то только потому, что „интеллигенція“ не въ силахъ отучить народъ отъ требованія именно этихъ картинъ и отъ обычая именно ими украшать красные углы своихъ убогихъ домовъ.

Въ Русской Исторіи „интеллигенція“ также не нашла предмета, имени или событія, которые бы она признала достойными популяризаціи въ своихъ изданіяхъ для народа. Въ ея книжкахъ нѣтъ рассказовъ и о народныхъ герояхъ, а тѣмъ болѣе объ ихъ воинскихъ подвигахъ. Царелюбивый, православный Русскій народъ не найдетъ въ „интеллигентныхъ“ книжкахъ ни одного слова, которое говорило бы его душѣ о великихъ трудахъ и подвигахъ создателей и устроителей Святой Руси.

Такое отношеніе къ излюбленнымъ предметамъ для народнаго чтенія и народныхъ бесѣдъ объясняется *отрицательнымъ* отношеніемъ „интеллигенціи“ къ истинно-русской жизни и стремленіемъ ея замѣнить исконные устои родной исторіи новыми основами, созданными самою „интеллигенціей“, и преимущественно по иностраннымъ образцамъ.

Отсюда явилось пристрастіе интеллигенціи къ переводу сочиненій заграничныхъ и польскихъ писателей, особенно изображающихъ прелести современной цивилизаціи, всякой эманципаціи, самоуправленія и свободы.

Въ подборѣ книгъ, сдѣланномъ и безплатно высланномъ въ деревню Императорскимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, есть даже книжка рисующая очаровательныя картины коммунизма: общая печь и общая кухня на всю деревню, общій пріютъ для дѣтей всей деревни и т. д. (*Длатели золота*. Быль изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ. Передѣлано изъ разказа Цшокке.) Есть рассказы „изъ временъ борьбы Италіи за свое освобожденіе“, въ которыхъ увлекательными

подробностями описать самый процесс добыванія Итальянцами „свободы“ отъ „деспотизма“ власти и правительства, при чемъ вѣрность правительству клеймится позорными эпитетами измѣны, шпіонства, предательства, варварства, а всѣ дѣйствія Гарибальди и гарибальдійцевъ превозносятся за мужество, храбрость и человеколюбіе, хотя бы это была измѣнническая выдача пороха изъ правительственныхъ складовъ гарибальдійцу, переодѣтому въ форму королевскаго генерала. (*Гарибальдійцы*. Историческая повѣсть изъ временъ борьбы Италіи за свое освобожденіе. Переводъ Е. П—ой. Спб.)

Впрочемъ, это пристрастіе къ переводамъ и передѣлкамъ заграничныхъ сочиненій вызывается и игрой въ политику нашей „интеллигенціи“ съ цензурнымъ вѣдомствомъ.

Дѣло въ томъ, что государственныя и бытовыя учрежденія и установленія находятся у насъ подъ защитой закона, который не допускаетъ враждебныхъ дѣйствій противъ нихъ и въ печати. Но законъ не беретъ подъ свою защиту однородныхъ учрежденій заграничныхъ. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались интеллигентные издатели народныхъ книжекъ и наводнили народную литературу такими сочиненіями, отрицательное содержаніе которыхъ не можетъ не сбить съ толку читателя..

Всѣмъ людямъ свойственна религіозная вѣра, и потому наивно было бы думать, что, подрывая основы вѣры католической, не затронешь вѣры православной. Еще опаснѣе высмѣивать якобы темныя стороны чужой вѣры и многозначительно молчать о своей. Читателю, даже только грамотному, не стѣбитъ особаго труда самому сдѣлать соотвѣтствующія сближенія и выводы. Легко посѣять заблужденіе въ простолюдинѣ, напримѣръ, порицая внѣшнюю религіозность католиковъ и восхваляя отсутствіе всякихъ внѣшнихъ „символовъ“ у протестантовъ. Тѣмъ болѣе это нужно сказать, когда въ книжкѣ сообщаются совсѣмъ невѣрныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сторонахъ религіозной вѣры, и когда, напримѣръ, „нечистая сила“ подводится подъ одну категорію съ колдовствомъ и

другими суетвѣрїями, какъ это сдѣлано въ изданномъ *Посредникомъ* рассказъ Элизы Ожешко, подъ названіемъ *Колдунья*. Писательницѣ весьма не нравится, что „многіе люди все еще вѣрятъ и въ истиннаго Бога, и въ нечистую силу, и боятся ея“, и потому она призываетъ бросить эту вѣру. „Пора оставлять эту вѣру,—говоритъ она:—можно было такъ думать, когда еще люди истинной Христовой вѣры не знали, а теперь, когда въ каждомъ почти дворѣ есть грамотный человѣкъ и Новый Заветъ, въ которомъ людямъ истинная вѣра открыта, нельзя ужь этимъ глупостямъ вѣрить“.

Писательница, очевидно, забыла, что въ томъ самомъ Новомъ Заветѣ, въ которомъ она мнитъ найти себѣ оправданіе, рассказана исторія объ искушеніи Спасителя діаволомъ; но эта забывчивость и развязныя указанія на „глупости“ могутъ тяжелымъ камнемъ залечь въ душу деревенскаго читателя.

II.

Такъ же смѣло „интеллигенція“ лавируетъ и среди политическихъ вопросовъ. Заграничныя нападки на власть, на государственное устройство, на учрежденія, даютъ ей богатый матеріалъ для переводовъ и для распространенія въ народѣ. Для примѣра и характеристики можно остановиться на тѣхъ книжкахъ, въ которыхъ подрываются патріотизмъ и достоинство военнаго званія.

Въ книжкѣ *Потѣхи войны*, собранной изъ разказовъ Мопассана о темныхъ сторонахъ Франко-Прусской войны и изданной О. Н. Поповой для русскихъ читателей, есть, на примѣръ, такое нравоученіе для деревенскаго грамотѣя: „Крестьяне не заражены патріотическою ненавистью, которая составляетъ принадлежность высшаго общества. Униженные,—тѣ, которые платятся болѣе всего, которые всячески обременяются,—тѣ, которыхъ убиваютъ массами, и изъ которыхъ дѣлаютъ пушечное мясо, ибо ихъ много,—тѣ, наконецъ, которые страдаютъ самымъ ужаснымъ образомъ отъ роковыхъ бѣдствій войны, ибо они наиболѣе слабы и наименѣе способны

къ сопротивленію,—эти угнетенныя массы людей не постигают ни воинственного пыла, ни задорной славы, ни вѣроломныхъ замысловъ, въ шесть мѣсяцевъ изнуряющихъ два народа, и побѣжденнаго, и побѣдителя“.

Недурную иллюстрацію къ этому представляютъ изданные при этомъ три разказа: *Плѣнники*, *Безумная* и *Пожаръ*, въ которыхъ яркими красками нарисованы печальныя явленія, неизбежныя при каждой войнѣ, а въ одномъ (*Плѣнники*), кромѣ того, еще и высмѣяно народное ополченіе, всегда и всюду цѣнимое, какъ послѣдняя, героическая попытка народа къ изгнанію врага.

На эти темы, „противъ войны“, не мало издано книжекъ для нашего народа. Есть разказъ Генриха Сенкевича подъ названіемъ *Бартекъ побѣдитель*, изданный „Посредникомъ“. Въ этомъ разказѣ авторъ грустными штрихами рисуетъ печальную и трудную судьбу главнаго побѣдителя на войнѣ, крестьянина, тогда какъ плоды его геройскихъ подвиговъ достались другимъ. Есть разказы Станюковича, въ изданіи Харьковской фирмы В. И. Раппъ и В. И. Потапова, каковы: *Блестящій капитанъ*, *Оборотъ*, *Исайка*. Въ нихъ авторъ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ для тенденціознаго освѣщенія уже нашего русскаго военнаго быта. Картины такъ тяжелы, судьба солдатиковъ такъ безотраднa, что поневолѣ, начитавшись подобныхъ разказовъ, заразишься Толстовскою моралью.

Самый обширный отдѣлъ народныхъ книжекъ, это—такъ называемыя правоучительныя повѣсти. Сами по себѣ такія повѣсти не новы для народа. Въ такой формѣ онъ привыкъ усвоить самыя высокія понятія и самыя святыя чувства еще изъ *Пролога* и *Четухъ Милей*. Но „интеллигентныя“ повѣсти не только чужды церковнаго правоученія, но и прямо противоположны ему. Онѣ стараются вселить въ читателя такія представленія, которыя служатъ прямымъ послѣдствіемъ современной морали, матеріалистической, эгоистичной, чуждой вѣры и всѣхъ привычныхъ условій христіанской нравственности. Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ особаго вниманія то

интересное явленіе; что въ изложеніи „интеллигентныхъ“ писателей для народа нерѣдко не-христіане стоятъ въ нравственномъ отношеніи выше христіанъ и привлекаютъ къ себѣ всѣ симпатіи читателя, тогда какъ христіане, хотя бы и православные, являются предъ ними какими-то чудовищами, варварами. Таковы разказы Маріи Кононницкой *Мандель Гданскій*, Станюковича *Псайка* и Мельшина *Кобылка въ пути*.

Въ такихъ „правоучительныхъ“ разказахъ „интеллигенты“ даютъ полную волю своимъ излюбленнымъ мечтамъ и незаметно подрываютъ всѣ устои народнаго быта. Всѣ они взяты изъ народной жизни, во всѣхъ нихъ эта жизнь обрисовывается самыми мрачными красками: ничего положительнаго, ничего привлекательнаго, одно убожество, подавленность, приниженность, забитость... Чтеніе подобныхъ разказовъ способно воспитать чувства только безотрадныхъ, только недовольство своимъ положеніемъ, зависть и ненависть ко всему, что выше деревни и крестьянства. *Сигналъ* Гаршина, *Дѣти подземелья* Короденка, *Книжка чековъ* и *Будка* Глѣба Успенскаго, *Дружки* Максима Горькаго,—подборъ достаточно внушительный для иллюстраціи всѣхъ неприглядныхъ сторонъ трудовой, рабочей жизни. Если къ этому прибавить серію разказовъ изъ фабричной и заводской жизни: *Отслужилъ* Николаевича, *Подъ праздники* Серафимовича, *Забракованный* Свирскаго, *Искра любви* и *Передъ праздникомъ* Данилина, *Кобылка въ пути* Мельшина, то картина народной жизни станетъ еще ужаснѣе, еще безнадежнѣе.

Но и здѣсь, если замѣтень нѣкоторый просвѣтъ, если еще есть въ чемъ утѣшеніе, то всѣ эти положительныя стороны обусловлены отступленіемъ отъ установившихся порядковъ жизни и даже нарушеніемъ ихъ. Такова *Искра любви*, которую разбитый труженикъ нашелъ въ незаконной связи съ публичною женщиной!

Что можетъ дать народу чтеніе подобныхъ книжекъ, кромѣ недовольства всѣми и всѣмъ и самыхъ мрачныхъ взглядовъ на условія современной жизни?

Немногіе здравые деревенскіе читатели, какъ приходилось слышать, сами отвертываются отъ подобныхъ книжекъ.

— Намъ, говорятъ они,—дома надоѣла эта чернота. Къ чему еще расписывать ее въ книжкахъ?

Но много ли такихъ читателей? Зато вся грамотная масса читается только такимъ чтеніемъ и только на немъ воспитываетъ свои вкусы и понятія... (Моск. Вѣд. 1902 г. №№ 257, 258).

Доброе дѣло Самарскаго духовенства.

29 августа депутаты отъ Самарскаго духовенства чествовали инспектора семинаріи Д. П. Дубакина по случаю двадцатипятилѣтія его педагогической дѣятельности. При этомъ предсѣдатель Съѣзда духовенства, протоіерей М. И. Матюшенскій, произнесъ слѣдующую рѣчь: „Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ. 24-го августа, сего 1902 года, исполнилось 25 лѣтъ вашего ревностнаго и безукоризненнаго служенія нашей родной семинаріи въ должности наставника и инспектора. Такое долговременное и безукоризненно честное служеніе ваше дѣлу обученія, воспитанія и руководства воспитанниковъ семинаріи не могло не обратить вниманія Съѣзда духовенства Самарской епархіи, изъ числа коего многіе сами были вашими учениками, а у иныхъ учатся уже и дѣти подъ вашимъ честнымъ и добрымъ руководствомъ. Движимое чувствомъ благодарности и искренней признательности къ вамъ, духовенство Епархіальнаго Съѣзда, сессіи 1902 года, уполномочило насъ выразить вамъ, глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, въ день двадцатипятилѣтняго служенія нашей родной семинаріи, чувства неизмѣнной и сердечной признательности за ваши, полные знанія и убѣдительности уроки, за ваши честныя и строго-правдивыя распоряженія, за вашу постоянную заботливость о воспитаніи въ ученикахъ порядочности и аккуратности. Вліяніе вашихъ уроковъ и воспитанія несомнѣнно отражается въ жизни вашихъ питомцевъ самыми добрыми послѣдствіями. Духовенство епархіи, въ лицѣ представителей Съѣзда духовенства, желая почтить ваши заслуги въ дѣлѣ воспитанія юношества въ родной нашей семинаріи въ теченіе 25 лѣтъ, учредило при семинаріи стипендію вашего имени съ тѣмъ, чтобы ею пользовался бѣднѣйшій изъ воспитанниковъ семинаріи. (Сам. Еп. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 15 октября 1902 г.

Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

ВѢЖЕВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 43.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, октября 27-го.

Содержаніе: Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе). — Чинопослѣ-
дованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей
(продолженіе). — Пастырскій дневникъ (продолженіе). — Распоряженія
епархіальныхъ начальствъ.

Русское духовенство въ Галиціи¹⁾.

III.

Бѣлое духовенство въ Галиціи.

Мы уже знаемъ, какъ готовятся въ Галиціи кан-
дидаты священства. Несмотря на нѣкоторые недостатки въ
средствахъ и способахъ этого подготовленія, обусловленныхъ
преимущественно ненормальнымъ положеніемъ греко-католи-
ческой церкви въ Галиціи, мы должны, однако же, сознаться,
что галицко-русскіе кандидаты священства, прошедши весь
курсъ богословскаго образованія, являются въ громадномъ
большинствѣ своемъ вполне правоспособнымъ для прохожде-
нія пастырскаго служенія, особенно со стороны своего ум-
ственного развитія.

¹⁾ См. № 42 за 1902 г.

Но на самомъ дѣлѣ для греко-католическаго богослова далеко еще недостаточно одного надлежащаго образованія для полученія священническаго мѣста. Ему недостаетъ еще самаго главнаго, безъ чего онъ, будь хоть самый образованный и достойный кандидатъ, никогда и ни за что не получитъ священническаго мѣста въ Галиціи.

Дѣло въ томъ, что, хотя на священническія мѣста въ Галиціи кандидаты опредѣляются епархіальными епископами, по представленію консисторіи, но не иначе, какъ по сношенію и соглашенію съ приходскими патронами, отъ которыхъ кандидатъ, ищущій извѣстнаго мѣста, долженъ получить предварительно согласіе, или т. н. презенту. Патронатъ и презентация представляютъ страшное зло въ жизни греко-католической Галицко-русской церкви; они являются однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ, которыми пользуются враги униатской церкви въ Галиціи для ея совершенной дезорганизаціи и деморализаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ сильнѣйшихъ тормазовъ благотворной пастырской дѣятельности греко-католическихъ священниковъ,—словомъ, тягчайшимъ игомъ, подъ бременемъ котораго положительно стонетъ все галицко-русское греко-католическое духовенство.

Кто знакомъ съ древней исторіею западно-русской церкви, тотъ хорошо знаетъ, что такое патронатъ и презентация, и какими послѣдствіями они сопровождались для западно-русскаго края, когда онъ находился подъ властію Польши.

Патронатъ, какъ наслѣдіе феодальнаго права владѣльцевъ распорядиться своими имѣніями и состоявшими въ нихъ учрежденіями, восходитъ, по своему происхожденію, къ очень древнему времени. Сначала онъ былъ дѣломъ усердія благочестивыхъ ревнителей западно-русской православной церкви, которые, строя на собственной своей землѣ храмы и монастыри, снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ содержанія и обезпеченія, заботились о пріисканіи и поставленіи именуемыхъ для монастырей и священниковъ для приходскихъ церквей, и въ то же самое время пользовались правомъ выс-

шаго управленія въ патронатскихъ монастыряхъ и церквахъ какъ по имущественнымъ, такъ и по судебнымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, патронатъ частіе выражался въ формахъ: 1) общаго покровительства (*jus patronatus*); 2) права подаванія, или отдачи монастырей и церквей извѣстнымъ лицамъ (*jus donandi*); 3) *права презентаціи, или рекомендаціи извѣстныхъ лицъ на должности монастырскихъ настоятелей и приходскихъ священниковъ* (*jus praesentationis*) и 4) права управленія и суда въ опредѣленныхъ границахъ по отношенію къ общей подсудности церквей и монастырей государству и духовной власти.

Разумѣется, что когда такимъ широкимъ патронатскимъ правомъ пользовались ревнители православія, то это было весьма полезно для православной церкви. Но когда съ теченіемъ времени наслѣдники древнихъ православныхъ патронновъ ополячились и окатоличились и когда, такимъ образомъ, патронатскія учрежденія переѣли во владѣніе иновѣрцевъ, смотрѣвшихъ на нихъ съ ненавистію, или, въ лучшемъ случаѣ, съ жаждою наживы, какъ на доходныя статьи своихъ имѣній, то патронатъ принялъ такія формы, при которыхъ это учрежденіе обезобразилось страшными злоупотребленіями и сдѣлалось источникомъ величайшихъ бѣдствій для западно-русской православной церкви.

Такія же бѣдствія причиняетъ и теперь греко-католической церкви въ Галиціи сохранившійся здѣсь патронатъ. Правда, нынѣшній патронатъ значительно сѣзился сравнительно съ древнимъ, такъ что изъ всѣхъ тѣхъ правъ, какія принадлежали древнимъ патронамъ и выше указаны нами, современные патроны сохранили одно только право презентаціи. Но и оно, какъ увидимъ сейчасъ, приноситъ величайшій вредъ униі и русской народности въ Галиціи.

Право патроната въ Галиціи теперь принадлежитъ всѣмъ вообще владѣльцамъ имѣній, въ чертѣ которыхъ находятся униатскія церкви, начиная съ императора Австрійскаго и оканчивая евреемъ-землевладѣльцемъ; въ городахъ иногда

право патроната принадлежитъ городскимъ магистратамъ, а въ селахъ—„громадамъ“; въ монастырскихъ имѣніяхъ правомъ патроната владѣютъ римско-католическіе монастыри; довольно много приходскихъ греко-уніатскихъ церквей находятся подъ патронатствомъ римско-католическихъ епископовъ и ихъ каѳедральныхъ капитуловъ; очень часто въ „шематизмахъ“ греко-католическихъ галицко-русскихъ епархій, подъ рубрикою: „патронъ“ можно читать слѣдующую отмѣтку: „*властитель израилтъ*“.

Мы сказали, что патронатъ причиняетъ величайшій вредъ и неисчислимыя бѣдствія для греко-католической галицко-русской церкви. На первомъ мѣстѣ здѣсь должно поставить величайшее униженіе, какое терпитъ, благодаря патронатскому праву, галицко-русское духовенство и вся вообще греко-католическая церковь въ Галиціи. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какимъ униженіямъ и оскорбленіямъ можетъ подвергнуться греко-католическій священникъ, вынужденный просить о презентѣ римско-католическаго епископа, или польскаго магната.

Вотъ какъ рассказываетъ одинъ галицко-русскій греко-католическій священникъ о тѣхъ унижительныхъ мытарствахъ, съ которыми неизбѣжно бываетъ связано полученіе презенты.

„По истеченіи одного года сотрудничества, былъ я завѣдующимъ маленькаго прихода, древней капелланіи, не далеко отъ Милятинскаго костела. Туда являлся я отъ поры до времени, какъ и многіе другіе священники—русскіе и латинскіе, просто для „хапатни“ отъ пробоца, а главное—для пріобрѣтенія знакомствъ среди шляхты съ цѣлю полученія въ будущемъ презенты. Умалчиваю объ испытаніяхъ, какимъ подвергали меня въ костелѣ для того, чтобы убѣдиться, что я не схизматикъ, или—что еще хуже—не москаль. А чего я насмотрѣлся и какихъ соблазнительныхъ рѣчей наслушался въ домѣ пробоца отъ шляхтичей-подпанксвъ, а больше всего отъ „мучениковъ“, бѣжавшихъ изъ Холмщины уніатскихъ священниковъ, которыхъ тогда была тьма въ Милянщинѣ,—

того и на воловьей кожѣ не исписаль бы! Не разъ я кусаль себѣ языкъ, стискиваль зубы, слезы застилали мнѣ глаза и я готовъ былъ рыдать отъ сознанія, что я не могу ничего отвѣтить клеветникамъ, такъ какъ зналъ, что дома жена и двое дѣтей дожидають „хлѣба“ отъ презенты...

Не будучи увѣренъ, что въ другомъ случаѣ съ такимъ же терпѣніемъ могу удержатъ свой языкъ за зубами, сознавая, съ другой стороны, и то, что ни консисторія, ни владыка за меня не вступятся, я однажды палъ въ церкви предъ иконою св. Николая и началъ молиться такъ: „прости мнѣ, св. отче Николаю, мои прегрѣшенія, благодаря которымъ я получу презенту; но... потомъ я вдесятеро имъ всеѣмъ отплачу“. Черезъ три года священства, по ходатайству польскихъ шляхтичей, латинскихъ ксендзовъ и даже іезуитовъ, одинъ шляхтичъ самъ прислалъ ко мнѣ депутацію поселянъ съ заявленіемъ, что никому другому, но только мнѣ, истинному русинукатолику, подпишетъ презенту на освободившійся приходъ. Только уже сдѣлавшись священникомъ, я показалъ самыми дѣйствіями своими, каковъ я на самомъ дѣлѣ русинъ и священникъ, поступаая во всеѣмъ честно, совѣстно и справедливо. Тогда среди польской братіи возникъ споръ, поднялись крики во всеѣмъ повѣтѣ, при чемъ одинъ шляхтичъ на другого сваливалъ вину за проведеніе такого полякоѣда и замаскированнаго москаля, какимъ былъ я, на что я самъ спокойно отвѣчалъ: „такъ какъ вы, паны и ксендзы, поступаете нечестно, то и намъ нужно отплачивать вамъ тѣмъ же“.

На десятомъ году моего пребыванія на приходѣ, я однажды пошутить, въ присутствіи шляхты, говоря: „вижу, панове, я вамъ не нравлюсь. Милости вашей я не ищу и не приму; хотя приходъ мой малъ, но для меня достаточенъ. Но, впрочемъ, если вы хотите освободиться отъ меня, то дайте мнѣ приходъ, какой я самъ выберу, и тогда вы освободитесь отъ „враждебнаго элемента“. Одинъ шляхтичъ тотчасъ же протянулъ мнѣ руку и при всеѣхъ заявилъ, что постарается доставить мнѣ приходъ, какой я выберу. Въ томъ же самомъ

году освободился мой нынѣшній приходъ. Узнавши по шематизму ближайшія подробности о приходѣ, я, даже не освѣдомляясь о томъ, кто состоитъ коляторомъ (патрономъ) прихода, заявляю шляхтѣ, что желалъ бы получить этотъ приходъ. Черезъ нѣсколько времени я представился колятору, человѣку честному и симпатичному, который мнѣ заявилъ: „дѣло рѣшено; подписываю для васъ презенту, такъ какъ на меня оказываютъ давленіе сильныя, которымъ я долженъ подчиниться; десяти правоспособнымъ кандидатамъ я уже отказалъ, а подпишу презенту вамъ, хотя васъ не знаю“. Вотъ какимъ способомъ выпроводили меня поляки изъ повѣта (уѣзда), и такими-то вотъ путями, правда, не компрометирующими меня, получилъ я двѣ презенты. *Но есть въ этомъ дѣлѣ и другія дороги, чаще всего настолько соблазнительныя и унижительныя, что сами священники, прошедшіе ими, стыдятся потомъ до смерти вспоминать о нихъ“.*

„Замѣщеніе приходоѡ по нынѣшнему способу“, т. е. на основаніи и въ зависимости отъ презентаціи, „есть чистый скандалъ, позорящій высокое достоинство Христовой Церкви“, справедливо говоритъ другой изъ греко-католическихъ галицко-русскихъ священниковъ. „Священникъ, выдержавшій экзаменъ зрѣлости, имѣющій дипломъ всеучилища (т. е. университета), лицо высокообразованное, ставится въ зависимость отъ людей, окончившихъ иногда, и то еще съ плохимъ усиліемъ, сельскую школу! Служитель Христовой Церкви третрруется надменными аристократами, не имѣющими никакого соприкосновенія съ церковью и часто прямо враждебно настроенными къ русскому обряду. А весьма часто бываетъ и такъ, что коляторы публично ведутъ безнравственную жизнь, самымъ ужаснымъ образомъ издѣваясь надъ предписаніями Церкви. Въ одномъ, напр., приходѣ живетъ ясновельможный женатый графъ, держащій ко всеобщему соблазну при себѣ сожительницу, съ которою незаконно живетъ на глазахъ всѣхъ. Сей графъ—образецъ чревоугодника—управленіе своими имѣніями передалъ своей конкубинѣ. Представъ себѣ, читатель,

положеніе священника, который, когда освободится этотъ приходъ, вынужденъ будетъ искать презенты. Онъ долженъ будетъ, прежде всего, поклониться, и, можетъ быть, даже и поцѣловать ручку развратницѣ, послѣ чего онъ удостоится чести быть допущеннымъ предъ лицо ясновельможнаго графа, такого же развратника. Какой позоръ для служителя Христовой Церкви! А тѣ многіе, многіе случаи, когда священники черезъ посредство панскихъ лакеевъ получаютъ презенту, не свидѣтельствуютъ ли о томъ, что презентаціонное право отжило свой вѣкъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ антиковъ, которымъ мѣсто только въ музеяхъ древностей?

Было время, когда зельманы (т. е. евреи) имѣли ключи отъ церквей: нѣчто подобное представляетъ и нынѣ презентаціонное право“.

Кромѣ величайшаго униженія для священниковъ и всей вообще греко-католической церкви въ Галиціи, патронатское право необходимо сопровождается и другими весьма печальными и пагубными послѣдствіями. Патронатское право даетъ возможность имѣющимъ его римско-католикамъ проводить на мѣста священническія людей малоспособныхъ, или совершенно неспособныхъ, а иногда даже и прямо недостойныхъ. Патронатское право даетъ возможность владѣльцамъ его держать священническія мѣста праздными иногда по нѣсколько лѣтъ, когда сосѣдніе ксендзы занимаются открытою пропагандою среди русскихъ галичанъ, совращая ихъ въ католичество. Пользуясь патронатскимъ правомъ, польскіе паны требуютъ отъ русскихъ священниковъ иногда самыхъ тяжкихъ національныхъ жертвъ, берутъ съ нихъ взятки, развиваютъ среди нихъ искательство и т. п.

„Историческіе зельманы“ (т. е. евреи-арендаторы патронновъ), справедливо замѣчаетъ одинъ изъ галицко-русскихъ греко-католическихъ священниковъ, „требовали грошевыхъ оплатъ за презенты; нынѣшніе же патроны требуютъ отъ ищущихъ презенты на приходъ національныхъ жертвъ. Три года тому назадъ освободился приходъ въ имѣніяхъ графа

Казимира Бадени. Искавшій презенты священникъ поѣхалъ въ Бускъ, чтобы представиться колятору. Первые слова сего врага всего русскаго въ нашемъ краѣ, обращенныя къ священнику, были слѣдующія: „ксендзь-москаль?“ Не правда ли, читатель, лестное поздравленіе? Объ искательствѣ священниковъ съ цѣлю полученія прихода, особенно если еще послѣдній имѣетъ славу „толстаго“,—и способахъ сего искательства, безусловно компрометирующихъ священническое званіе, излишне и говорить. Лѣта служенія Богу, образованіе, патриотизмъ, каноническія требованія и правила, при замѣщеніи приходоѡ, не принимаются коляторами въ расчетъ. Удивительно ли послѣ этого, что теперь священники, старшіе возрастомъ, испытанные патриоты, по нѣсколько лѣтъ сидящіе на „голодовкахъ“, даже и не пробуютъ искать лучшихъ приходоѡ, напередъ зная, что трудъ ихъ будетъ совершенно напраснымъ“?

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ злоупотребленій, тѣсно связанныхъ съ патронатскимъ правомъ, среди галицкаго униатскаго духовенства въ послѣднее время возникло сильное движеніе въ пользу уничтоженія, или же, по крайней мѣрѣ, коренной реформы презентаційнаго права. Вопросъ этотъ живо обсуждался въ минувшемъ (1901) году на страницахъ галицко-русскихъ газетъ. При этомъ выяснилась еще болѣе вся ненормальность такого анахронизма, какъ патронатское право. Была заявлена священниками масса поразительныхъ злоупотребленій, вызываемыхъ этою аномаліею. Вопросъ объ уничтоженіи презентаційнаго права обсуждался также и на деканальныхъ (по нашему: благочинническихъ) соборчикахъ духовенства, происходившихъ осенью 1901 г.

Чутемъ такого обсужденія для всѣхъ выяснилась безусловная необходимость уничтоженія, или же, по крайней мѣрѣ, коренной реформы патронатскаго института. Когда въ 1901 г. митрополитъ Шептицкій предложилъ греко-католическому духовенству, чтобы оно вносило свои петиціи въ державную думу (государственный совѣтъ) Габсбургской монархіи объ

увеличені жалованья, то духовенство поголовно заявило тогда свое горячее желаніе также и о томъ, чтобы былъ устраненъ патронатъ. „То прямо аномалія“, говорилось въ тѣхъ петиціяхъ, „чтобы одинъ человекъ назначалъ, такъ сказать, чиновника, съ которымъ не имѣетъ ничего общаго, которому ничего не платитъ и который совершенно независимъ отъ него“.

Въ настоящее время, по поводу устрояемаго паломничества въ Римъ для поздравленія папы съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ его служенія, галицко-русское греко-католическое духовенство въ числѣ многихъ другихъ желаній намѣрено возбудить чрезъ своего митрополита также ходатайство и объ уничтоженіи патронатскаго права. Неизвѣстно и трудно предвидѣть, чѣмъ можетъ закончиться все это движеніе, направленное къ отмѣнѣ патронатскаго права.

Любопытно при этомъ отмѣтить, что само духовенство галицко-русское доселѣ еще не согласилось между собою въ рѣшеніи вопроса о томъ, чѣмъ лучше всего замѣнить право патроната, въ случаѣ его уничтоженія, и кому должно быть предоставлено тогда право рѣшающаго голоса въ выборѣ священника для того или другого прихода.

Казалось бы, что естественнѣе всего это право слѣдовало передать самимъ прихожанамъ, „громадамъ“, такъ какъ они наиболѣе заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и имъ ближе и дороже, чѣмъ кому-либо другому, интересы приходской церкви и жизни. Однако же, духовенство галицко-русское, повидимому, единодушно не желаетъ, чтобы право выбора священниковъ было предоставлено „громадамъ“, боясь, что эти послѣднія будутъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ представителей польской администраціи въ краѣ, или что въ этомъ случаѣ могутъ возникнуть такія злоупотребленія, какъ подкупы „громадъ“ водкою и т. п.

„Чтобы селяне—громадяне давали священнику презенту на приходъ“, говоритъ одинъ изъ галицко-русскихъ греко-католическихъ священниковъ, „о томъ не можетъ быть и

рѣчи. Они еще не доросли до достоинства коляторовъ; тогда, навѣрное, выдача презенты происходила бы въ корчмѣ. Тогда при каждой смѣнѣ священника возобновлялись бы торги за церковныя требы, при чемъ дошло бы до того, что мы видимъ теперь съ церковными дьяками, которые при каждой смѣнѣ сбавляютъ цѣну, и тамъ, гдѣ лѣтъ 30—40 тому назадъ дьякъ получалъ въ годъ по четверти ржи съ každого хозяина въ селѣ, тамъ онъ теперь, благодаря конкуренціи, соглашается служить за 10 кр. въ годъ“.

„Извѣстно“, замѣчаетъ другой галицко-русскій священникъ по тому же предмету, „что наши „громады“, особенно старшина—слѣпое орудіе въ рукахъ не только старость, но даже и громадскихъ писарей“. Такимъ образомъ, передача права патроната въ руки „громадъ“ сельскихъ, вообще прихожанъ, была бы равносильна передачѣ его правительству.

Но противъ этой послѣдней передачи галицко-русское греко-католическое духовенство рѣшительно и совершенно справедливо возражаетъ, что это было бы равносильно совершенному порабощенію Церкви Христовой свѣтскому иновѣрному и иноплеменному правительству, враждебно настроенному ко всему русскому.

Остается тогда еще двоякій выходъ изъ ненормальнаго положенія, обусловленнаго существованіемъ въ галицко-русской церкви патронатскаго права: передача этого послѣдняго въ распоряженіе духовныхъ консисторій, или же епископовъ. Было высказано даже и въ печати желаніе, чтобы патронатское право было передано духовнымъ консисторіямъ, впрочемъ, безъ серьезной мотивировки этого проекта, за исключеніемъ того полуироническаго замѣчанія, что „священнику лучше исполнить рабское: „пріидите, поклонимся“ дѣятелямъ въ вертоградѣ Христовомъ, нежели мірскимъ людямъ“.

Другіе же не желали бы передачи патронатскаго права въ распоряженіе духовныхъ консисторій на томъ основаніи, что галицко-русское греко-католическое духовенство, какъ заявляетъ о томъ печатно одинъ священникъ, „не имѣетъ

никакого довѣрія къ своимъ консисторіямъ. Въ случаѣ презентованія приходовъ консисторіями, необходимо бы оставить по меньшей мѣрѣ по 10 самыхъ лучшихъ приходовъ для каждаго референта (члена) консисторіи, чтобы онъ могъ надѣлать ими своихъ сыновей, зятьевъ, шуриновъ до четвертой степени, а для владыки также слѣдовало бы оставить, по крайней мѣрѣ, до 20 лучшихъ приходовъ въ распоряженіе съ тою же цѣлю. Если теперь крылошанинъ (членъ „крылоса“, капитулы), или консисторскій референтъ старается для своего молоденькаго сына объ одномъ изъ лучшихъ приходовъ, то это еще простительно, ибо *prima charitas ab ego*, дѣло идетъ здѣсь о насущномъ хлѣбѣ; но чтобы крылошанинъ въ дополненіе къ лучшему приходу старался выхлопотать для своего сына, едва шестилѣтняго священника, крылошанское отличіе, это—больно, соблазнительно, даже смѣшно“.

Такимъ образомъ, остается одинъ только выходъ изъ ненормальнаго положенія, именно: передача права презентациі приходовъ архіереямъ. Въ пользу такого рѣшенія склоняется, кажется, большинство галицко-русскаго духовенства. Одинъ изъ священниковъ въ такомъ видѣ представляетъ своимъ собратьямъ дѣло будущаго распредѣленія приходовъ владыкою. Консисторія, по его мнѣнію, должна имѣть самыя точныя свѣдѣнія о нравственномъ состояніи каждаго отдѣльнаго прихода, о характерѣ прихожанъ, о направленіи ихъ поведенія, о добрыхъ и дурныхъ качествахъ. Она должна также имѣть точныя свѣдѣнія о способностяхъ, характерѣ и поведеніи каждаго священника, на основаніи истинныхъ и справедливыхъ, а не ложныхъ донесеній. Особенно архіерею слѣдовало бы какъ можно ближе узнавать каждаго священника въ стдѣльности, путемъ непосредственнаго наблюденія и личной бесѣды убѣждаться, что то за человекъ, каковъ его характеръ, способности и на мѣстѣ ли онъ? Священникъ, въ свою очередь, долженъ былъ бы вести точный списокъ своихъ прихожанъ, съ отмѣтками о томъ, какого ~~каждый~~ изъ нихъ духа и характера. Такую хронику прихода священникъ

долженъ былъ бы представлять черезъ каждые пять лѣтъ въ консисторію, а эта послѣдняя, по смерти того или другого священника, должна бы представлять такой списокъ съ хроникою архіерею. Въ такомъ случаѣ, архіерей могъ бы знать, въ какомъ священникѣ нуждается извѣстный приходъ. Священники—также люди и съ хорошими и съ плохими характеристиками и качествами, такъ что священникъ, который, какъ нельзя болѣе, можетъ подходить и годиться для одного прихода, для другого прихода, имѣющаго совсѣмъ инныя нужды, можетъ оказаться совершенно неподходящимъ.

Съ своей стороны, можемъ сказать, что на основаніи сдѣланныхъ нами наблюденій, проектируемая и желательная для многихъ членовъ греко-католическаго галицко-русскаго духовенства передача патронатскаго права въ распоряженіе владыкъ можетъ оказаться совершенно пагубною для униатской, галицко-русской церкви, особенно если на архіерейскихъ мѣстахъ позасядутъ базилиане, руководимые іезуитами и движимые въ своей дѣятельности одною только мыслию объ окатоличеніи галицко-русскаго народа. Что это наше опасеніе не безосновательно, можно видѣть изъ слѣдующаго. Тотъ же самый священникъ, который стоитъ за передачу права презентаціи въ распоряженіе владыкъ и мнѣніе котораго по сему предмету мы привели выше, дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее характерное замѣчаніе. „Если владыка“, говоритъ онъ, „будетъ презентовать священниковъ на приходы, то будетъ больше надежды у насъ на болѣе справедливое распредѣленіе приходоѡвъ, ибо отъ одного человѣка скорѣе можно ожидать справедливости, чѣмъ отъ 16 членовъ консисторіи, имѣющихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ до четвертой степени. *Только сохрани насъ, Боже, отъ повторенія зры несчастнаго кардинала (т. е. Сильвестра Сембратовичи, митрополита галицко-русскаго, греко-католическаго, получившаго кардинальскую шапку за то, что онъ содѣйствовалъ окатоличенію русскихъ галичанъ), который больше всего и самого себя и все духовенство наше унижалъ*“...

Да, къ сожалѣнію, это такъ и было. И если бывшій митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ, даже не располагая презентаціоннымъ правомъ, успѣлъ сдѣлать столько зла галицко-русской церкви, то не трудно себѣ представить, что бы онъ сдѣлалъ, если бы еще имѣлъ и это право въ своемъ распоряженіи! И что можетъ сдѣлать такой архіерей, какъ Платонидъ Филсъ, базилианинъ, котораго всѣ прочать теперь на Станиславовскую архіерейскую кафедру и который преисполненъ глубочайшей ненависти ко всему русскому и, въ частности, къ русскому бѣлому духовенству, если только онъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ право презентаціи священниковъ на приходы?

Въ заключеніе нашей рѣчи о способахъ опредѣленія кандидатовъ на священническія мѣста въ Галиціи мы считаемъ необходимымъ сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Въ послѣднее время среди галицко-русскаго духовенства укрѣпляется мысль о необходимости распредѣленія приходоу между священниками соотвѣтственно ихъ заслугамъ и, въ частности, соотвѣтственно количеству лѣтъ ихъ службы, разумѣется, полезной для церкви. Такое предложеніе было внесено въ Станиславовскую консисторію нѣсколько лѣтъ тому назадъ членомъ ея крылошаниномъ Литвиновичемъ. Предложеніе это было принято консисторіей и имъ руководились при опредѣленіи кандидатовъ на священническія мѣста въ Станиславовской епархіи во время управленія ею нынѣшняго галицко-русскаго митрополита Шентицкаго. Теперь духовенство галицко-русское желаетъ, чтобы тотъ же самый порядокъ, насколько онъ, разумѣется, совмѣстимъ съ патронатскимъ правомъ, былъ введенъ и во всѣхъ вообще трехъ епархіяхъ галицко-русской греко-католической церкви.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

(Продолженіе будетъ).

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

§ 23. Историческая судьба „Чина избранія и рукоположенія архіерейскаго“ и его происхожденіе.

„Сей чинъ на избраніе и рукоположеніе епископа изслѣдованъ и свидѣльствованъ съ древняю греческаго и славенскаго Чинowników, яко бысть при прежнихъ великихъ государѣхъ царѣхъ и великихъ князѣхъ, и при преосвященныхъ митрополитѣхъ всея Россіи“²⁾. Такъ заявляетъ о своемъ происхожденіи, въ существующемъ при немъ послѣсловіи, употребляемый нынѣ въ богослужебной практикѣ у насъ „Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго“. Нѣсколько подробнѣе о томъ же говоритъ оригиналь, съ котораго напечатанъ нашъ современный „чинъ“, извѣстный намъ по рукописи бібліотеки С.-Петербургской духовной Академіи № 126³⁾. Въ припискѣ къ чину, находящемуся въ названной рукописи, писанной при царѣ Петрѣ I (1689—1721), мы читаемъ о происхожденіи его слѣдующее: „Сей чинъ и уставъ на избраніе и рукоположеніе и возведеніе на архіерейскій престолъ епископа или архіепископа, или митрополита изслѣдованъ и свидѣльствованъ великимъ господиномъ святѣйшимъ киръ *Іоакимомъ, патріархомъ московскимъ и всея Россіи, в ѣто 7184 (167¹/₈ г.) з древняю греческаго чина и славенскаго, яко бысть при прежнихъ великихъ государѣхъ царѣхъ и вели-*

¹⁾ См. № 40 за 1902 г.

²⁾ Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго. М. 1885 г., стр. 70.

³⁾ Рукопись эта описана *А. Родоскимъ* въ книгѣ: „Описан. 432 рки., принадлежащихъ С.-Петерб. дух. Академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе“. Сиб., 1894 г., стр. 152—154. На рукописи имѣется приписка: „Сія книга бібліотеки Свято-Троицкаго Александро-Невскаго монастыря“. *П. Пекарскій* указываетъ подобный чинъ въ Императорской Петербургской публичной бібліотекѣ (Описан. славян.-русск. книгъ и типографій 1698—1725 годовъ. Сиб., 1862 г., стр. 443).

кихъ князѣхъ, и преосвященныхъ митрополитѣхъ всея Россіи, иже обрѣтесе написанъ соборныя церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, яже на Москвѣ, *въ древней рукописанной книгѣ*, въ мѣсяцѣ августѣ¹⁾.

Чинъ въ этой послѣдней редакціи, въ промежутокъ времени между 22 октября 1721 года и октябрёмъ 1725 года, исправлялся, по порученію Св. Синода, синодальнымъ ассесоромъ и протекторомъ школъ, костромскаго Ипатскаго монастыря архимандритомъ Гавріиломъ Бужинскимъ († 1731), въ послѣдствіи епископомъ рязанскимъ и муромскимъ, а затѣмъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ Св. Правительствующимъ Синодомъ, прежде чѣмъ въ 1725 году появился въ печати для церковнаго употребленія. Описыватели документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Правительствующаго Синода, въ первомъ томѣ своего „Описанія“ разсмотрѣли и описали прототипъ или черновой оригиналъ нашего современнаго „Чина избранія и рукоположенія архіерейскаго“, отмѣчая всѣ его отличія по сравненію съ такимъ же чиномъ времени патріарховъ въ нашей церкви. Къ сожалѣнію, они почему-то не нашли ничего важнаго въ особенностяхъ того и другого чиновъ, заявивъ категорически: „*существеннаго различія между чиномъ избранія и постановленія епископовъ патріаршаго времени и таковымъ же синодальнаго нѣтъ*“²⁾. Отмѣченные ими въ „Описаніи“ особенности, дѣйствительно, не значительны и касаются перемѣнъ въ титулахъ патріарха, архидіакона и другихъ неважныхъ исправленій, внесенныхъ въ чинъ подъ вліяніемъ потребностей преобразовательной эпохи императора Петра Великаго. Но въ дѣйствительности, при болѣе внимательномъ изученіи этого черноваго „Чина и устава на избраніе епископа“ временъ патріарха Іоакима, послужившаго оригиналомъ нашему „Чину избранія и рукоположенія архіерейскаго“, оказывается, что

¹⁾ Ркп. Спб. дух. Акад., № 126, л. 35 об.

²⁾ Описан. документ. и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Правит. Синода, т. I, ст. 681.

отличій въ чинѣ патриаршаго времени¹⁾ гораздо болѣе, чѣмъ отмѣчено въ „Описаніи“, и что нѣкоторые изъ этихъ отличій не только любопытны, но имѣютъ и существенное значеніе въ исторіи текста нашего современнаго чина.

Такъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователя исторической судьбы „Чина избранія и рукоположенія архіерейскаго“ образецъ акта, который составлялся до 1725 года, при избраніи достойныхъ кандидатовъ на вакантную епископію. Актъ этотъ читается такъ: „Въ лѣто 7200, мѣсяца, имярекъ, въ такой-то день. *Изволеніемъ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя, имярекъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и благословеніемъ святѣйшаго киръ имярекъ, патриарха московскаго и всея Россіи, сѣдоша боголюбивіи архіереи, имярекъ, имуще съ собою волю и согласіе боголюбивыхъ епископовъ, сѣмо не пришедшихъ, имярекъ, во всечестнѣмъ храмѣ всесвятыя Богородицы, имярекъ, и избраша во святѣйшую архіепископію (или митрополію или епископію), имярекъ, боголюбивыхъ мужей (здѣ *трехъ* имена пишутся)“²⁾. Избранному во епископа о состоявшемся его избраніи объявлялъ ключарь, стоя „на мѣстѣ, идѣже чтется апостоль отъ чтеца, и смотря къ нему“. Избранникъ находился въ это время въ царскихъ дверяхъ, обратившись лицомъ на западъ. Въмѣсто пышнѣйшаго „нареченія“ во епископа, совершались, согласно съ практикою древней греческой церкви³⁾, чины „малаго и великаго благовѣстія избранному и цѣлованія“⁴⁾, не вошедшіе въ нынѣ практикуемый чинъ архіерейской хиротоніи.*

¹⁾ Подробное изложеніе чина избранія и хиротоніи во епископа въ древнее время въ русской Церкви см. въ нашей книгѣ: „Богослуженіе въ русской Церкви въ XVI в.“, ч. I, стр. 368—380.

²⁾ Ркп. библ. Сиб. дух. Акад., № 126, л. 5.

³⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп., хранящ. въ библ. православно-Востока, т. II. Εὐχολόγια, стр. 968.

⁴⁾ Описан. дѣлъ и документ., хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода, т. I, ст. 682—684.

Въ чинѣ обѣщанія и исповѣданія, предъ возглашеніемъ діакона: „Приводится боголюбивѣйшій, избранный покланяется благочестивому царю дважды, патріарху однажды, *имѣ сѣдящимъ на своихъ мѣстахъ, архіереомъ такожде по своимъ степенемъ сѣдящимъ*, а прочимъ властемъ стоящимъ. Избранному же держащу въ рукахъ своихъ священныя написанія православныя вѣры“. Символь читался только одинъ никеопарыградскій. Въ обѣщаніяхъ рукополагаемый во епископа о своемъ подчиненіи патріарху выражался такъ: „послѣдовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда отцу моему великому господину святѣйшему киръ, имярекъ, архіепископу московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху. И аще случится и по немъ благоволеніемъ Божиимъ будущему святѣйшему патріарху московскому и всея Россіи и всему преосвященному собору російскому: преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ, братіи моей“ и т. д. Нѣсколько ниже по тому же поводу онъ произносилъ слѣдующее: „Еще и на томъ обѣщаваюся, живу суцу отцу моему, великому господину святѣйшему киръ, имярекъ, архіепископу московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, не хотѣти пріимати иного патріарха, развѣ Господь Богъ отъ маловременныя жизни сея преселить его въ будущую безконечную жизнь, и, по его отшествіи, кто поставленъ будетъ патріархъ отъ нашего истиннаго православія *изволеніемъ благочестивѣйшаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя Россіи самодержца*, избраніемъ же всего освященнаго собора преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ всея Россіи, по божественнымъ закономъ и священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“ ¹⁾.—Имѣется нѣсколько особенностей въ текстѣ и другихъ пунктовъ обѣщанія, хотя и неважныхъ, но характерныхъ для своего времени. Въ нынѣшнемъ, напр., 6 пунктѣ обѣщанія находились слѣдующія

¹⁾ Ркп. библи. Сиб. дух. Акад., № 126, л. 7, 14, 17, 20.

слова, не вошедшія въ чинъ 1725 года: „ничто же творити по нуждѣ, аще и отъ царей и отъ великихъ князей и отъ бояръ и отъ множества народа нудиму и т. д.“ Въ пунктѣ о поставленіи на одной литургіи только одного діакона и одного священника, продержавшемся въ чинѣ до 1901 года, называются имена патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антиохійскаго, участниковъ большаго московскаго собора 1666—1667 годовъ, на которомъ обсуждался данный вопросъ, въ виду злоупотребленій молороссійскихъ архіереевъ¹⁾. Конецъ „обѣщанія“, распространенный въ чинѣ 1725 года вставкою изъ „присяги членамъ Духовныя Коллегіи“, напечатанной при Регламентѣ²⁾, изложенъ въ чинѣ патріаршаго времени такъ: „и лишень да буду всего сана своего и власти и безъ всякаго извѣта и слова. Вся же та долженствую убо, якоже днесъ словомъ обѣщахся, тако и дѣломъ до послѣдняго издыханія, ради будущихъ благъ исполняти, ихъ же буди мнѣ и всѣмъ получитьи во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, съ нимъ же безначальному Отцу слава и честь и поклоненіе со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“. О многолѣтніи царю, патріарху и новоизбранному не говорится, но, вмѣсто этого, въ чинѣ патріаршаго времени было сдѣлано такое замѣчаніе: „посемъ патріархъ со архіереи и бояры и властми здравствуютъ царю, а патріарху здравствуютъ архіереи съ новоизбраннымъ и вси власти. Таже патріархъ здравствуетъ новоизбранному и всему освященному собору. Таже бояре здравствуютъ патріарху. И по поздравленіи отводятъ избраннаго въ придѣлъ Дмитрія Селунскаго“³⁾.

Не остался безъ измѣненій и самый чинъ хиротоніи во епископа, хотя эти измѣненія касаются главнымъ образомъ текста чина и нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ немъ.

¹⁾ Проф. П. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. I, ч. II, стр. 224—225.

²⁾ Духовный регламентъ. М., 1883 г., изд. 3, стр. 6.

³⁾ Рки. библ. Сиб. дух. Акад., № 126, л. 19, 21, 22, 23.

Въ патріаршемъ чинѣ епископской хиротоніи такъ, напр., говорится о чтеніи совершительныхъ молитвъ: „И абіе клонитъ (т. е. рукополагаемый) свои колѣна предъ архіереи, патріархъ же *вземлетъ*¹⁾ святое Евангеліе и, сіе разгнувъ, *полагаетъ* е внезапно на главѣ его, на лицы держаще е иніи архіереи отсюду и отонуду... *И положивъ руку на главъ*²⁾, молится сице (двѣ молитвы чина)... И по Аминѣ (последней молитвы) *вземлетъ*³⁾ Евангеліе патріархъ, и тако *полагаетъ*⁴⁾ хиротонисуемому омофорій“. Въ соотвѣтствіе съ указаннымъ замѣчаніемъ, иначе нѣсколько сравнительно съ настоящимъ чиномъ читался и текстъ первой молитвы, а именно: „и сподобльшася подыти евангельскому игу и архіерейскому до-

1) Въ чинѣ 1725 года глагольные формы единственнаго числа измѣняются на множественное число: *вземлютъ, полагаютъ*, которыя удерживаются здѣсь и до настоящаго времени.

2) Въ нынѣшнемъ чинѣ: „И архіереемъ положивъ десныя руки на главѣ, первенствующій молится сице“ (М., 1885 г., стр. 53).

3) Тамъ же: „И по Аминѣ *полагаютъ* Евангеліе на святой тропезѣ, и тако *налагаетъ* (sic) хиротонисуемому саккосъ и прочія одежды“ (стр. 61).

4) Въ нашемъ современномъ чинѣ хотя и удержана здѣсь форма единственнаго числа, но, очевидно, по недосмотру редактора. Эта форма не соотвѣтствуетъ правильному теченію мысли. Къ тому же, въ чинахъ архіерейской хиротоніи до 1856 года имѣлась прибавка, заимствованная изъ чина патріаршаго времени, въ которой настоящій глаголь стоитъ совершенно правильно во множественномъ числѣ. „Аще же престоль рукополагаемаго (въ патріаршемъ чинѣ: Аще же будетъ рукополагаемый *митрополитъ*) имѣеть, читаемъ мы въ этой прибавкѣ, *налагаютъ на него прежде саккосъ и прочія одежды*“ (М., изд. 1816 г., л. 33). И современная наша практика, очевидно, слѣдуетъ въ данномъ случаѣ этому послѣднему замѣчанію, такъ какъ на рукополагаемаго во епископа не раньше возлагаются священныя одѣянія его сана, какъ онъ получитъ на каждую изъ нихъ благословеніе съ цѣлованіемъ руки отъ всѣхъ архіереевъ, участниковъ въ совершеніи хиротоніи. Къ такимъ же редакторскимъ недосмотрамъ нужно относить и замѣчаніе въ чинѣ предъ второю молитвою: „И симъ глаголемымъ, *первенствующій, имъйи такожде руку, на версъ хиротонисуемаго наложенику, молится сице*“ (М., 1885 г., стр. 59), такъ какъ оно совершенно излишне, при существующемъ выше въ чинѣ замѣчаніи, внесенномъ въ него въ 1725 году: „И архіереемъ *положивъ десныя руки на главъ, первенствующій молится сице*“ (стр. 53).

стоинству *чрезъ руку мене грѣшнаго* ¹⁾ и *соприсущихъ служителей и соепископовъ*“. Конѣцъ чина хиротоніи изложенъ съ такимъ отличіемъ: „И обычному благохваленію совершившуся, входятъ въ сопрестоліе, и *патріархъ мирствуетъ* ко апостолу, и *первый иныхъ честнаго Тѣла и Крове Христовыхъ причащается самъ, также хиротонисанному и прочимъ преподаетъ*“ ²⁾.

Но указанными переменными и исправленіями въ чинѣ епископской хиротоніи патріаршаго времени архимандритъ Гавріиль Бужинскій не ограничился. Онъ обязанъ былъ принять во вниманіе и включить въ исправляемый имъ чинъ и тѣ „пункта въ прибавку исповѣданія архіереомъ предъ рукоположеніемъ“, которые въ 1716 году сочинены были, по всей вѣроятности, архіепископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ, но исправлены самимъ царемъ Петромъ I для архіереевъ астраханскаго (Іоакима) и вологодскаго (Павла) съ царскимъ приказаніемъ: „дабы они архіереи по оному исполняли о всемъ непремѣнно, *не токмо тѣ, но и прежде поставленные архіереи*“ ³⁾. Эти-то „пункта“, какъ извѣстно, возвращены были ихъ автору при слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ государя: „Понеже архіереи, по положенному обѣщанію, и обѣщаютца хранить церковные уставы вкупѣ, но ради нѣкоторыхъ у насъ небрегомыхъ дѣлъ, *изясненіе особливое написавъ*, при семъ посылаю, которое велите присовокупить къ настоящему“ ⁴⁾, а затѣмъ разсланы при особомъ указѣ Св. Синода отъ 22 янва-

¹⁾ Въ современномъ чинѣ читается это мѣсто молитвы такъ: „чрезъ рукоположеніе *насъ соприсутствующихъ здѣ соепископовъ*“ (М., 1885 г., стр. 54).

²⁾ Ркн. библ. Спб. дух. Акад., № 126, л. 24—27; см. Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Правит. Синода, т. I, ст. 685—688.

³⁾ П. С. З. (изд. 1830 г.), т. V, № 2985, стр. 193.

⁴⁾ Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Синода, т. I, ст. VII, въ прилож. II. Пекарскій текстъ этого письма Петра Великаго къ арх. Теофану Прокоповичу заимствуетъ изъ нѣмецкаго перевода, въ которомъ говорится, что императоръ „приказаль составить особенное изложеніе этой присяги“ (Опис. славяно-русск. книгъ и типографій 1698—1725 гг. Спб., 1862 г., стр. 444).

ря 1716 года ко всѣмъ архіереямъ ¹⁾. Пункты эти въ чинѣ архіерейскаго обѣщанія были включены тотчасъ же, послѣ своего общаго одобренія, и печатались до 1725 года уже дважды: въ 1719 и 1721 годахъ подъ такимъ заглавіемъ: „Чинъ *древній* восточныя православныя христіанскія церкви, како боголюбивѣйшимъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ подобаетъ, во время, егда возводимъ кто на кійждо престолъ, творити народно символа извѣстно“ ²⁾. Въ полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи эти семь пунктовъ напечатаны въ такомъ видѣ:

„Сія вся обще ³⁾, аще и обѣщаномся еже творити по разуму Святаго Писанія и соборнымъ правиламъ, изъятно же къ лучшему мнѣ правленію паствы и ихъ душевной пользѣ:

1) „Обѣщаюся ⁴⁾ еже кого либо по моей страстной волѣ, или какихъ ради ссорѣ со мною, или съ моими подчиненными вседомовно и единолично не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать, по 4 правилу 7-го вселенскаго собора, и по 134-му, иже въ Кароагенѣ помѣстнаго, и по 39-й заповѣди Іустиніана царя, развѣ кто покажетъ себя явнымъ преступникомъ и разорителемъ заповѣдей Божіихъ, или противно церкви еретикомъ и, по Христову словеси (Матѣ. 18), по триехъ увѣщаніяхъ не покоршагося и не исправившагося токмо единолично, а не вседомовно ⁵⁾ проклинать и отлучать.

¹⁾ П. С. З., т. V, № 2985, стр. 193—194; Описан. документ. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Синода, т. I, ст. VII—IX, приложения.

²⁾ П. Пекарскій. Описан. славян.-русск. книгъ и типографій 1698—1725 г., стр. 443, 501.

³⁾ Эти начальныя слова настоящихъ пунктовъ, находящіяся въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской имперіи, въ чинѣ архіерейскаго обѣщанія 1725 г. не были внесены.

⁴⁾ Въ чинѣ 1725 г. читается этотъ пунктъ: „Къ сему обѣщаюся, еже никого безъ крайнія нужды и тяжкія вины и единолично, а тѣмъ болѣе вседомовно не проклинати и отъ таинствъ церковныхъ не отлучати, развѣ кто покажетъ себя и т. д.

⁵⁾ Нѣтъ—а не вседомовно проклинать.

2) „Съ сопротивными ¹⁾ Церкви святой, съ разумомъ, правильно и кротостію поступать, по апостолу Павлу (2 Тим. 2) яко рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти, ко всѣмъ учительну, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истыны, и по 66 ²⁾ правилу помѣстнаго, иже въ Кароагенѣ собора.

3) „Монаховъ содержать, по положеннымъ имъ правиламъ и уставамъ, не даѣ ³⁾ скитатца изъ монастыря въ монастырь, и ниже въ мірскіе дома ⁴⁾, кромѣ собственнаго моего вѣданія и письменнаго соизволенія, входить, аще прилучитца ради нужнѣйшихъ потребъ прошенія, или другимъ на пользу изыти, по 4-му и 11-му правиламъ 4-го вселенскаго собора.

4) „Церквей ⁵⁾ свыше потребы для прихотей вновь самому миѣ не строить и другимъ не попускать, дабы потомъ не пустѣли лишенія ради подобающихъ, по 84-му правилу помѣстнаго, иже въ Кароагенѣ, собора и по 27-й заповѣди Іустиніана царя.

5) „Такожде священниковъ и діаконовъ и протчихъ церковниковъ свыше подобающія потребы, сквернаго ради прибытка, не умножать, ниже для наслѣдія ставить, но ради паствы людей и суція ради потребы святыя Церкви, по 6 ⁶⁾ правилу 4-го вселенскаго собора.

6) „Паки обѣщаваяся ⁷⁾ врученную ми нынѣ паству всю на всякое лѣто, *аще возможно будетъ, по крайней же*

¹⁾ Этотъ пунктъ удержанъ и въ нынѣшнемъ чинѣ и стоитъ на восьмомъ мѣстѣ.

²⁾ Эти заключительныя слова исключены были въ 1856 году.

³⁾ Въ чинѣ 1856 г. иное изложеніе: „безъ благословныя винны переходити.“

⁴⁾ Тамъ же иное изложеніе: „входить: развѣ аще прилучитца ради нужнѣйшихъ потребъ или другимъ на пользу изыти“.

⁵⁾ Въ чинѣ изданія 1856 года пункты четвертый и пятый опущены.

⁶⁾ Слова: „по 6 правилу 4 вселенскаго собора“ были опущены въ чинѣ еще до начала XIX столѣтія.

⁷⁾ Пунктъ этотъ удержанъ и въ нынѣшнемъ чинѣ и занимаетъ седьмое мѣсто въ ряду остальныхъ.

мѣръ въ два или три года самому¹⁾, по обычаю апостоль, посѣщать и назирать; посѣщать же не ради²⁾ лихоиманія и чести, но апостольски и во Господѣ, како пребываютъ вѣрніи въ вѣрѣ и во исправленіи дѣлъ благихъ, а *наипаче священники*³⁾: и смотреть въ нихъ⁴⁾ съ прилежаніемъ, учить и запрещать, дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было, дабы⁵⁾ невѣдомыхъ и отъ Церкви не свидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали: *притворныхъ*⁶⁾, *бѣснующихся, въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ, не точію*⁷⁾ *наказывать, но и къ градскому суду отсылать*⁸⁾, и протчихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ⁹⁾ и прелестныхъ дѣлъ отъ духовнаго и мірскаго чина не принимали¹⁰⁾; дабы святыхъ иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, отъ чего¹¹⁾ противнымъ способъ дается къ поношенію на православныхъ, но почитали бы оныя, по разуму святыхъ православныхъ каѳолическія Церкви, якоже¹²⁾ и самъ азъ выше исповѣдахъ.

¹⁾ Подчеркнутыя слова внесены были собственноручно императоромъ Петромъ I (Описан. славяно-русскихъ книгъ и типографій 1698—1725 гг. Спб., 1862 г., стр. 444).

²⁾ Въ чинѣ 1856 г. опущены слова: „не ради лихоиманія и чести“.

³⁾ Слова эти приписаны имп. Петромъ I (Пекарскій. Описан. славяно-русскихъ книгъ и типографій 1698—1725 гг., стр. 444).

⁴⁾ Въ чинѣ 1856 г. опущено: въ нихъ.

⁵⁾ Тамъ же конецъ этого пункта изложенъ былъ такимъ образомъ: „дабы противніи христіанскому благочестію и благонравію обычан не повреждали христіанскаго житія“.

⁶⁾ Въ чинѣ 1725 г.: притворио. Внесены подчеркнутыя слова рукою имп. Петра I-го (П. Пекарскій. Описан. славяно-русск. книгъ и типограф., стр. 444).

⁷⁾ Тамъ же прибавлено: словомъ.

⁸⁾ Прибавлено: буду.

⁹⁾ Прелестныхъ.

¹⁰⁾ Прибавлено: запрещать потщуся.

¹¹⁾ Иначе изложено въ чинѣ: „дабы тѣмъ не дѣлалось развращеніе истиннаго благочестія и противнымъ не дался бы способъ къ поношенію на православныхъ“.

¹²⁾ Въ чинѣ: „каковъ изображенъ въ опредѣленіи святаго вселенскаго втораго собора никейскаго“.

7) „Въ мірскія дѣла и обряды не входитъ¹⁾ ни для чего, развѣ какая явная неправда показана будетъ, о томъ первѣе увѣщать, а потомъ и писать къ царскому²⁾ величеству на таковыя, по апостолу, заступати немощныя“³⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Проф. А. Дмитріевскій.

¹⁾ Прибавлено: миѣ.

²⁾ къ Его императорскому.

³⁾ Весь седьмой пунктъ написанъ рукою императора Петра I-го (П. Пекарскій. Описан. славяно-русск. книгъ и типографій, стр. 444).

⁴⁾ См. № 40 за 1902 г.

Пастырскій дневникъ ¹⁾.

12 октября. Въ цѣляхъ пастырскаго воздѣйствія на своихъ прихожанъ я рѣшилъ не ограничиваться пріемомъ ихъ у себя на дому а—и самому посѣщать ихъ время отъ времени. Я вознамѣрился испробовать на опытѣ такъ называемыя *пастырскія визитаціи* или посѣщенія прихожанъ на дому, пользующіяся широкою извѣстностью у католическихъ ксендзовъ и особенно протестантскихъ пасторовъ. По какому-нибудь поводу, а иногда и безъ всякаго повода—просто часокъ-другой посидѣть и побесѣдовать, я заходилъ обыкновенно вечеромъ (днемъ большею частію бываютъ заняты) къ кому нибудь изъ прихожанъ. Не увѣренный, какъ отнесутся къ такимъ посѣщеніямъ мои прихожане, я на первыхъ порахъ испытывалъ нѣкоторое смущеніе и какъ бы робость но, встрѣтивъ со стороны своихъ духовныхъ чадъ привѣтливость и радушіе, я пріучился вполнѣ владѣть собой и все чаще и чаще сталъ практиковать посѣщенія на дому прихожанъ. Польза отъ такихъ посѣщеній двоякая—и для меня и для моихъ пасомыхъ.

¹⁾ Прибавлено: мнѣ.

²⁾ къ Его императорскому.

³⁾ Весь седьмой пунктъ написанъ рукою императора Петра 1-го (П. Некарскій. Описан. славяно-русск. книгъ и типографій, стр. 444).

⁴⁾ См. № 40 за 1902 г.

Въ простой, безыскусственной бесѣдѣ съ послѣдними я вступалъ въ наиболѣе тѣсныя и близкія отношенія къ нимъ, вызывая съ ихъ стороны откровенность и довѣріе ко мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣлъ полную возможность изучать своихъ духовныхъ чадъ въ разнообразныхъ проявленіяхъ ихъ жизни. Рѣшаясь неопустительно при каждомъ богослуженіи въ воскресные и праздничные дни предлагать посильное поученіе народу, я понялъ, что для успѣха въ дѣлѣ проповѣди мнѣ нужно знать свой приходъ, болѣе или менѣе знать тотъ матеріалъ, надъ которымъ придется потрудиться. Одни церковныя богослуженія и даже требоисправление на дому у прихожанъ не въ состояніи дать такого матеріала—тутъ нужно непосредственное соприкосновеніе, стать такъ-сказать—лицомъ къ лицу съ самою жизнію прихожанъ. Такъ я и сталъ поступать. Предъ мною скоро открылось обширное поприще для пастырскаго наблюденія и воздѣйствія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ посѣщенія прихожанъ. Кажется, цвѣтовъ на нестромъ лугу меньше, чѣмъ разнообразныхъ нуждъ, стремленій, интересовъ у отдѣльныхъ членовъ семьи. Заходишь въ одинъ домъ, предъ тобою развертывается картина семейной радости, въ другой домъ—тяжелой скорби и печали, въ третьемъ домѣ тебя ожидаютъ непріятная бѣдность и нищета, въ четвертомъ ссора и брань между домашними и т. д. Какое обширное поле для дѣятельности пастыря? Если проповѣдь Слова Божія съ церковной кафедры можно сравнить съ сѣяніемъ, то задушевную бесѣду съ прихожанами въ ихъ домахъ можно сравнить съ уходомъ сѣятеля за воздѣлываемою имъ нивою. Порадоваться съ радующимися, сказать слово ласки и утѣшенія скорбящимъ и плачущимъ, примирить съ жизнію сердца черствыя и ожесточенныя разными неудачами и бѣдностію, умиротворить снѣдаемыхъ завистію и ненавистью къ ближнимъ, пробудить интересы къ духовной жизни и дѣятельности у лицъ, окруженныхъ всѣми благами временнаго счастья, но мало помышляющихъ о религіозныхъ предметахъ,—что можетъ быть выше и утѣшительнѣе для пастыря церкви? Видѣть, какъ душевно-

мертвые пробуждаются и оживаютъ предъ вашими глазами подобно костямъ Іезекиілина видѣнія, да это такое счастье для пастыря церкви, съ которымъ немного другое можетъ итти въ сравненіе. Разъ съумѣлъ вызвать довѣріе у прихожанъ и они открываютъ тебѣ всю свою душу, ты настоящій отецъ среди любящихъ тебя дѣтей. Нива сердець у твоихъ слушателей приуготовлена и ты можешь обильно сѣять на нихъ сѣмена вѣры и истинно-христіанской жизни. Не скупись особенно на слово Божіе: если когда, то теперь оно будетъ выслушано съ глубокимъ интересомъ и оно дастъ свое могущественное дѣйствіе. „Ибо Слово Божіе живо и дѣйственно, и острѣе всякаго меча обоюдоостраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя (Евр. 4, 12). Я замѣтилъ, что и тѣ прихожане, которые раньше неохотно и изрѣдка посѣщали церковь, послѣ задушевной бесѣды съ ними стали чаще, навѣдываться въ храмъ Божій. „Если нашъ батюшка безпокоится приходить сюда, чтобы видѣть меня и говорить со мною, передавалъ сосѣду одинъ отецъ семейства, то и я долженъ итти, чтобы слушать его богослуженіе и поученіе“. Иной духовный сынъ, извѣстный за скупого и черствого сердцемъ, послѣ посѣщенія его становился добрѣе и милостивѣе: къ удивленію всѣхъ, жертвовалъ что нибудь на храмъ или на бѣдныхъ. Бываетъ нерѣдко и то, что при твоей бесѣдѣ присутствуютъ слишкомъ дряхлые люди, не способные къ движенію увѣчные, большые и физически слабые, которые не могутъ посѣщать храма и слушать въ немъ богослуженіе и проповѣдь. Какое великое утѣшеніе вѣры представляютъ для такихъ людей пастырскія бесѣды легко представить себѣ: они чувствуютъ себя такъ хорошо, какъ будто побыли въ церкви и помолились въ ней. Нерѣдко бывало даже и такъ, что въ заключеніе отеческой бесѣды съ прихожаниномъ—а то и со многими—становился на молитву и совмѣстно просилъ Господа обратить заблуждающагося на путь истины, просвѣтить омраченную грѣхомъ душу свѣтомъ Евангелія, послать радость

и утѣшеніе, вѣру, любовь и терпѣніе въ изстрадавшееся сердце духовнаго сына.

Предметомъ особеннаго моего вниманія при посѣщеніяхъ прихожанъ на дому бываютъ всегда дѣти какъ младшаго, такъ и старшаго возраста. Слѣдя за правильностью ихъ религіозно-нравственнаго развитія, обращаешь вниманіе на то, бываютъ ли они въ церкви, всегда ли говѣютъ, соблюдаютъ ли посты и другія установленія Св. Церкви, надлежаше ли полагаютъ на себѣ крестное знаменіе, читаютъ ли—если грамотны—религіозно-нравственныя книги и т. д. Отраднo бываетъ видѣть, какъ иное дитя жадно ловитъ каждое твое слово, растворенное солю Слова Божія. Съ особеннымъ интересомъ дѣти—наравнѣ со взрослыми въ простотѣ сердца вѣрующими—выслушиваютъ рассказы изъ житій свитыхъ угодниковъ Божіихъ и разные поучительные случаи изъ жизни людей, испытавшихъ на себѣ благодѣющую десницу Божественнаго Промысла. Искренняя и задушевная бесѣда съ дѣтьми, при участливомъ особенно отношеніи къ ихъ горестямъ и радостямъ, не пропадетъ даромъ, а рано или поздно принесетъ плодъ по роду своему...

Посѣщенія прихожанъ на дому приносятъ несомнѣнную пользу и для меня самого: они оживляютъ и возвышаютъ мою собственную духовную жизнь. Среди нашего простого народа, особенно среди пожилыхъ женщинъ, всю жизнь свою проводящихъ въ непосильномъ трудѣ, безропотно несущихъ тяжелую ношу жизни, нерѣдко можно встрѣтить лицъ, обладающихъ такою глубиною терпѣнія, смиренія и всецѣлой покорности волѣ Божіей, что въ бесѣдѣ съ ними можно почувствовать истинно-христіанской мудрости. Какъ начнетъ иная старушка рассказывать тебѣ про свою многострадальную жизнь, „какъ мужъ то ея пилъ и нещадно до полусмерти колотилъ, какъ затѣмъ совсѣмъ бросилъ ее, горемычную, съ малыши дѣтками, какъ она впала въ страшную бѣдность и разныя болѣзни, какъ лишалась одного за другимъ своихъ дѣтокъ, какъ, въ концѣ концовъ, молитвою и горячими слезами, тер-

пріемъ и любовію спасла мужа и съ нимъ доживаетъ дни свои“, невольно подумаешь, вотъ гдѣ сила вѣры и упованія христіанскаго, предъ которой должна склонить голову вся мудрость земная!..

(Продолженіе будетъ).

Городской Іерей.

Распоряженія енархіальныхъ начальствъ.

Тамбовская духовная консисторія поставила причты въ извѣстность, что, согласно резолюціи Преосвященнѣйшаго Димитрія, Епископа Тамбовскаго, по дѣламъ брачнымъ слѣдуетъ:

1) расписаніе родства для брака дѣлать на самомъ прошеніи, а не на отдѣльномъ листѣ, какъ нѣкоторые дѣлаютъ;
2) изображать родство принятой схемой (кружками съ соединительными линіями):

3) подниси причта удостовѣрить церковною печатью:

4) на прошеніяхъ о разрѣшеніи брака несовершеннолѣтнихъ священники имѣютъ дѣлать отмѣтки, что желающее вступить въ бракъ несовершеннолѣтнее лицо по наружному виду представляется хорошо физически развитымъ и достаточно зрѣлымъ для брачной жизни.

(Тамб. Еп. Вѣд. 1902 г. № 38).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосіѣ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 октября 1902 г.
Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчагъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, ноября 3-го.

Содержаніе: Проповѣдь миссіонерская. — Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе). — Какъ смотрѣть на требованіе „современности“ проповѣди. — Пастырскій дневникъ (продолженіе).

Проповѣдь миссіонерская.

Проповѣдь миссіонерская, ея необходимость и значеніе.

Проповѣдь педагогическая, богослужебная и внѣбогослужебная имѣть своею задачей назиданіе и наученіе лицъ, со дня рожденія своего вошедшихъ во дворъ овчій, т. е. принадлежащихъ къ Православной Церкви. Но въ предѣлахъ нашего отечества есть еще множество овецъ, которыя не сего двора, есть еще множество людей, стоящихъ внѣ спасительныхъ вратъ Церкви. Господь же „хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины“ (1 Тим. 2, 4). „И тѣхъ (овецъ) надлежитъ Мнѣ привести,—сказалъ Христосъ,—и онѣ услышатъ голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь“ (Іоан. 10, 16). Долгъ приведенія этихъ овецъ ко Христу ле-

жить на преемникахъ апостольскаго служенія—епископахъ и пресвитерахъ.

Совершивши великое таинство искушенія, воскресшій Спаситель далъ Своимъ апостоламъ и ихъ преемникамъ заповѣдь: „идите по всему міру, и проповѣдуйте Евангеліе всей твари“ (Мр. 16, 15); „идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ“ (Мѳ. 28, 19—20). Облеченные силою свыше, проникнутые самоотверженною любовію, выступили апостолы на проповѣдь Евангелія. Руководясь заповѣдію Господа быть „свидѣтелями Ему въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли“ (Дѣян. 1, 8), они первоначально, не выходя изъ предѣловъ своего отечества, совокупными силами старались насадить и утвердить церковь іерусалимскую. Утвердивъ же христіанство въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи, отсюда они выступили затѣмъ и на всемірную проповѣдь. Животворное одушевленіе, съ которымъ проповѣдывалась новая вѣра, и *явленія Духа и силы*, какими сопровождалась проповѣдь, были изумительны, почему и усиѣхъ апостольской проповѣди былъ необычайный: „по всей землѣ прошелъ голосъ ихъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ“ (Рим. 10, 18). Плодомъ самоотверженной дѣятельности сначала апостоловъ, а потомъ и преемниковъ ихъ апостольскаго служенія, а также и другихъ членовъ Церкви было широкое распространеніе христіанства, такъ что уже въ третьемъ вѣкѣ апологеты христіанства могли вслухъ всего міра говорить, что христіане наполняютъ города, селенія, острова Римской имперіи, войско, сенатъ, торжище и дворъ. Кромѣ того, Церковь въ это время пріобрѣла цѣлыя народы и внѣ Римской имперіи и водворилась среди варваровъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Распространяясь постепенно среди новыхъ европейскихъ народовъ, свѣтъ вѣры Христовой достигъ и нашего отечества. 988-й годъ былъ „благознаменитымъ“ годомъ въ исторіи Церкви и, въ частности, въ исторіи нашего отечества: воды Днѣпра въ стольномъ Кіевѣ послужили въ

этотъ годъ купелью для русскаго народа. Съ этого времени вѣра Христова стала распространяться и въ Кіева. Епископы и пресвитеры изъ грековъ, равно какъ и русскіе архипастыри и священники съ этого времени стали направляться въ разныя области нашего отечества, паселенныя язычниками, съ евангельскою проповѣдью и дѣйствовали тамъ съ неутомимою энергіей. Исторія Русской Церкви хранить благодарную память о многихъ великихъ проповѣдникахъ вѣры Христовой въ предѣлахъ Русской земли. Такъ, въ Ростовѣ благовѣствовали св. Леонтій, скончавшійся здѣсь мученическою смертію († 1070), и св. Исаія, ходившій съ проповѣдью вѣры по всей Ростовской и Суздальской землѣ († 1090). Просвѣтителемъ Вологодскаго края былъ преп. Герасимъ, 30 лѣтъ проповѣдывавшій Евангеліе обитателямъ этой дикой, лѣсной страны († 1178). Среди вятичей свѣтъ вѣры Христовой благовѣствовалъ преп. Кукуша, принявшій у нихъ и мученическую смерть (ок. † 1113). Въ Малой Перми просвѣтилъ христіанскимъ ученіемъ зырянъ святитель Стефанъ († 1396); лопарей, жившихъ по рѣкѣ Онегѣ, крестилъ преп. Лазарь, основатель Мурманскаго монастыря († въ XIV в.); въ Оленецкомъ краѣ среди тамошней чуди утвердилъ христіанство преп. Кириллъ, основатель Челмогорскаго монастыря († въ XIV в.). Епископы пермскіе Питиримъ († 1454) и Іона († въ концѣ XV в.) обратили ко Христу вогуловъ въ Великой Перми. Различныхъ инородцевъ Сибири, числомъ до 40,000, обратилъ ко Христу блаженный митрополитъ Тобольскій Филофеей, въ схимѣ Феодоръ († 1727). Среди алтайцевъ первымъ проповѣдникомъ евангельскаго ученія былъ извѣстный архимандритъ Макарій Глухаревъ († 1847). Среди дикихъ, подавленныхъ суровою природою, обитателей острововъ Уналашки и Ситхи спасительная проповѣдь возвѣщена была приснопамятнымъ московскимъ митрополитомъ Иннокентіемъ († 1879.). Всѣ эти великіе проповѣдники вѣры Христовой насаждали Слово Божіе среди язычниковъ, продолжателями же ихъ дѣла, упрочившими христіанство въ той или иной области, были главнымъ образомъ

приходскіе пресвитеры. Правда, послѣдніе не всѣ и не всегда съ одинаковымъ усердіемъ трудились въ дѣлѣ приведенія ко Христу тѣхъ или иныхъ иновѣрцевъ; многіе даже пренебрегали этою священною дѣятельностью; но то или иное отношеніе къ этой дѣятельности со стороны приходскихъ пастырей нисколько не говоритъ противъ проповѣданія Слова Божія невѣрующимъ, какъ пастырской обязанности. По своей любви къ роду человѣческому, Господь, когда нужно, воздвигаетъ великихъ, равноапостольныхъ проповѣдниковъ спасительной вѣры; въ заботахъ о расширеніи царства Божія на землѣ высшая церковная власть, когда найдетъ нужнымъ и возможнымъ, основываетъ миссіи и назначаетъ къ тѣмъ или другимъ иновѣрцамъ особыхъ проповѣдниковъ, такъ называемыхъ „миссіонеровъ“; но въ обычное время дѣло евангельской проповѣди невѣрующимъ лежитъ всецѣло на приходскихъ священникахъ. Вѣдь, если въ районѣ извѣстнаго прихода, кромѣ православныхъ, имѣютъ жительство еще иновѣрцы,—положимъ, татары, остяки или вогулы и т. д.,—то чье дѣло позаботиться о сообщеніи имъ евангельскаго слова и о приведеніи ихъ ко Христу, какъ не стоящаго близъ нихъ приходскаго священника?

Но внѣ спасительнаго чертога Церкви *стоятъ не одни лишь невѣрующіе во Христа—язычники, магометане и іудеи, а и отступники отъ истинной вѣры Христовой—новѣйшіе, какъ, напр., раскольники—старообрядцы и различные сектанты, —и древнѣйшіе, какъ напр., католики и протестанты. Всѣ эти люди, порвавшіе общеніе съ единой спасающей Церковію Христовой, являются по отношенію къ ней „мытарями и язычниками“ (Мѡ. 18, 17), и потому они, какъ овцы, удалившіяся отъ овчаго двора и заблудившіяся въ горахъ, должны быть снова приведены въ спасительный дворъ Церкви. Дѣло обращенія этихъ заблудшихъ овецъ въ лоно единой соборной и апостольской Церкви лежитъ главнымъ образомъ на обязанности тѣхъ приходскихъ пастырей, въ предѣлахъ приходо въ которыхъ онѣ живутъ. „Каждый приходскій священникъ,—говорить архіеп. Арсеній,—по обязанности своего пастырства,

долженъ быть миссіонеромъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ приходѣ. Наша церковная власть, имѣя въ виду, что каждый священникъ въ нѣкоторой степени долженъ быть миссіонеромъ, позаботилась о томъ, чтобы воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній, изъ которыхъ выходятъ кандидаты священства, сообщались богословскія познанія не только о христіанской религіи и православно-христіанскомъ вѣроисповѣданіи, но и о всѣхъ существующихъ на землѣ религіяхъ, и тѣмъ болѣе — о всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ и, по возможности, о всѣхъ ересьяхъ, сектахъ и расколахъ. А въ послѣднее время во многихъ семинаріяхъ воспитанниковъ старшихъ классовъ знакомятъ практически съ миссіонерскою дѣятельностью, приучая ихъ принимать участіе въ собесѣдованіи съ инозѣрцами. Вслѣдствіе такого образованія, всѣ наши пастыри въ научномъ отношеніи подготовлены къ миссіонерской дѣятельности, а многіе и практически, помимо подготовки въ учебныхъ заведеніяхъ, благодаря широко развившимся нынѣ внѣцерковнымъ и внѣбогослужебнымъ религіознымъ собесѣдованіямъ съ народомъ. Послѣ этого остается нашимъ пастырямъ, въ силу своей пастырской обязанности, возгрѣвать въ себѣ любовь къ миссіонерству, увеличивать запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для миссіонерской дѣятельности, и развивать способность къ сему апостольскому дѣлу“ *).

Миссіонерская проповѣдь, т. е. проповѣдь, имѣющая своею цѣлю обращеніе въ христіанство нехристіанъ и возвращеніе въ лоно спасающей Церкви христіанъ неправославныхъ, есть одинъ изъ важнѣйшихъ видовъ христіанскаго проповѣданія Слова Божія. Миссіонерская дѣятельность есть прямое продолженіе дѣла Христова на землѣ среди невѣдущихъ Бога истиннаго и среди заблудшихъ овецъ; этой дѣятельности отдали свою жизнь святые апостолы, на нее потрачены были съ величайшимъ самоотверженіемъ лучшія силы наиболѣе

*) *Арсеній*, архіеп. „О миссіонерствѣ вообще и въ Рижской епархіи особенно“. „Церк. Вѣдом“, 1897 г., № 3.

блестящихъ въ исторіи христіанскаго міра свѣтили Церкви *). —Смотря по тому, на обращеніе кого въ лоно Церкви направлена бываетъ миссіонерская дѣятельность священника, послѣдняя получаетъ различныя наименованія. Если миссіонерская проповѣдь обращается къ христіанамъ—еретикамъ и раскольникамъ, то она получаетъ названіе *внутренней миссіи*; если же къ нехристіанамъ—язычникамъ, магометанамъ и евреямъ, то ей усвоится названіе *внѣшней миссіи*.

*) *Орнатскій Ф.*, прот. „О вѣротерпимости въ отношеніи къ миссіонерской дѣятельности“. „Церк. Вѣд.“, 1892 г., № 2.

Внутренняя миссія.

Общія условія успѣха миссіонерской проповѣди среди раскольниковъ и сектантовъ.

Высокое, святое дѣло обращенія къ истинѣ удалившихся отъ Православной Церкви еретиковъ и раскольниковъ есть въ то же время дѣло многотрудное, требующее отъ проповѣдника и терпѣнія и энергіи. Цѣль миссіонерской проповѣди не можетъ быть достигнута священникомъ сразу, въ короткое время. Нужно потратить очень много времени, чтобы привести въ спасительный дворъ Церкви хотя немногихъ уклонившихся отъ истины. При этомъ, чтобы проповѣдь священника—миссіонера имѣла дѣйствительный успѣхъ среди заблудшихъ овецъ, священникъ долженъ прежде всего позаботиться о внутреннемъ благоустройствѣ своего прихода: пусть раскольники или сектанты во-очію увидятъ, что Православная Церковь есть Церковь, не только учащая истинѣ и добру, но и дѣйствительно спасающая, устраивающая жизнь своихъ членовъ по заповѣдямъ Христа, Спасителя нашего. Въ виду этого, въ первое время служенія своего въ извѣстномъ приходѣ, священникъ (особенно если онъ молодой) не долженъ приступать къ многотрудному дѣлу обращенія иновѣрцевъ. Пусть вниманіе его въ это

*) *Орнатскій Ф.*, прот. „О вѣротерпимости въ отношеніи къ миссіонерской дѣятельности“. „Церк. Вѣд.“, 1892 г., № 2.

время будетъ сосредоточено преимущественно на благоустройствѣ своего православнаго прихода. Пока не будутъ ослаблены въ приходѣ грубые пороки—пьянство, сквернословіе, развратъ, несоблюденіе постовъ, неблагоговѣйное стояніе въ храмѣ и т. п., до тѣхъ поръ трудно надѣяться священнику, чтобы его проповѣдь среди неправославныхъ имѣла большой успѣхъ. Порочная жизнь православныхъ служитъ большимъ препятствіемъ миссіонерской проповѣди священника. Раскольники и сектанты, будучи опровергаемы миссіонеромъ въ своихъ теоретическихъ доказательствахъ, любятъ, въ оправданіе своего отпаденія отъ Православной Церкви, ссылаться на темныя стороны жизни православнаго населенія: „православные пьютъ водку,—говорятъ они;—курятъ табакъ, ругаются непотребными словами и поютъ срамныя пѣсни, тогда какъ мы любимъ Слово Божіе, любимъ бывать тамъ, гдѣ его читаютъ“ *). Да и въ самомъ дѣлѣ, не вправѣ ли отступники при такихъ обстоятельствахъ сказать православному священнику: „не для того ли ты думаешь обратить насъ въ православіе, чтобы, бросивъ насъ въ свое неустроенное, развращенное стадо, подвергнуть всѣмъ опасностямъ искушенія и соблазна среди своихъ прихожанъ, безчинно и законопреступно живущихъ, и, поставивъ насъ на краю пропасти нравственной, облегчить для насъ и самое паденіе въ нее“? **)

Заботясь о врачеваніи духовныхъ недуговъ своей паствы, священникъ самъ долженъ подавать примѣръ прихожанамъ своею христіанско-подвижническою жизнію, такъ какъ враждебныя очи отступниковъ всего болѣе устремлены бываютъ именно на православныхъ пастырей, и всякій недостатокъ въ ихъ поведеніи отщепенцы стараются обратить въ хулу самой Православной Церкви. Замѣчено, что гдѣ священники ведутъ неодобрительную жизнь, тамъ расколь и сектантство не толь-

*) *Григорьевъ* *Θ.* „Задачи просвѣт. дѣятельн. современи. русск. духовенства“. Уфа, 1894 г., стр. 194.

***) *Григорій*, митр. „Практическія наставленія пастырямъ по предмету спасит. дѣйствованія на раскольниковъ“. Кіевъ, 1880 г., стр. 45.

ко не уменьшаются, но даже увеличиваются, завлекая въ свои сѣти многихъ православныхъ *). Поэтому священникъ, производящій своею жизнію соблазнъ среди прихожанъ и отступниковъ, не можетъ и рассчитывать на какой бы то ни было успѣхъ своей миссіонерской проповѣди. Пастырь Церкви только тогда можетъ съ надеждою приступить къ обращенію отступниковъ, когда достаточно потрудится въ дѣлѣ благоустройства своего прихода и заявитъ себя пастыремъ добрымъ, благочестивымъ, дѣятельнымъ, милосерднымъ, когда пріобрѣтетъ уваженіе, любовь и довѣріе своихъ пасомыхъ, а также уваженіе и довѣріе даже самихъ раскольниковъ или сектантовъ. „Если ты хочешь подѣйствовать на заблуждающихъ,—говорится въ одной руководственной для пастырей книгѣ,—то тебѣ должно пріобрѣсти въ нѣкоторой степени ихъ къ себѣ довѣренность; ибо только довѣренность къ учащему отверзаетъ у другихъ сердце, такъ что они охотно слушаютъ, принимаютъ внушаемую имъ истину, сохраняютъ ее и дѣлаютъ плодоносною. Кто будетъ просить у тебя совѣта, ежели не имѣетъ къ тебѣ довѣренности? Кто станетъ слушать тебя, ежели не считаетъ тебя основательно разсуждающимъ? Довѣренность же пріобрѣтаемъ мы только тогда, когда другіе видятъ насъ людьми разсудительными, воздержными, сострадательными, способными ко великой помощи, опытными и скромными,—такими, которые заблужденій разума не считаютъ злостію, могутъ съ кротостію выслушивать противныя мнѣнія и уважаютъ праводушное изслѣдованіе. Итакъ, взвѣсь себя безпристрастно, и ежели ты не находишь въ себѣ силы тѣхъ качествъ, которыя здѣсь исчислены, то удвой и утрой попеченіе, и молись отъ всего сердца, чтобы оныя получили въ тебѣ достаточное дѣйствіе и силу. Безъ основательнаго знанія истинъ вѣры и безъ примѣрнаго поведенія нельзя тебѣ прі-

*) *Павелъ*, архим. „Всѣгда съ прав. свящ. о томъ, что нужно для успѣшнаго дѣйствованія въ обращеніи глагол. старообрядцевъ къ Прав. Церкви“. М., 1885 г., стр. 24.

обрѣсти довѣренности, а безъ довѣренности нельзя довольно успѣшно дѣйствовать на другихъ“ *).

Нѣкоторое довѣріе къ себѣ со стороны заблудшихъ священникъ можетъ пріобрѣсти дѣлами христіанской любви и милосердія, безмезднымъ врачеваніемъ болѣзней (если онъ въ этомъ искусенъ) и вообще искреннимъ, сердечнымъ отношеніемъ къ заблудшимъ, которое исключаетъ необходимость обращенія за содѣйствіемъ къ гражданскому начальству. Обращеніе священника за содѣйствіемъ къ свѣтскимъ властямъ только возбуждаетъ отступниковъ противъ Церкви, а не привлекаетъ къ ней.

Заботясь объ истинномъ, искреннемъ обращеніи отступниковъ къ Церкви, а не о внѣшнемъ только присоединеніи ихъ къ обществу православныхъ, священникъ долженъ дѣйствовать на раскольниковъ и сектантовъ только мѣрами убѣжденія и наставленія, а не внѣшними, полицейскими. „Всѣ мѣры полицейскія,—говоритъ митр. Григорій,—не ваши мѣры. Вамъ, какъ слугамъ Божиимъ, должно дѣйствовать по примѣру св. апостоловъ. Св. апостолы дѣйствовали словомъ истины и силами Божиими. Гражданское правительство не пособляло имъ ни въ чемъ, а напротивъ еще вездѣ ихъ гнало, мучило и, наконецъ, почти всѣхъ предало смерти. Да и обращеніе прочно и спасительно только то, которое произведено силою истины“ **). Репрессивныя, полицейскія мѣры, принимаемыя противъ раскольниковъ и сектантовъ, ожесточая послѣднихъ противъ Церкви, даютъ имъ возможность считать себя мучениками за вѣру и благочестіе, до упоенія наслаждаться этою мыслию и съ самохвальствомъ увѣрять всѣхъ, что они переживаютъ эпоху гоненій, подобную первымъ вѣкамъ христіанства ***).

*) *Наставленіе* священнику относительно заблуждающихъ отъ истины вѣры“. М., 1885 г., стр. 9.

**) *Григорій*, митр. „Практич. наставленія“, стр. 39, 65 и 67.

***) *Собесѣдованія* со шундистами въ Кіевѣ. „Церк. Вѣдом.“, 1898 г., № 12.

Заботясь о благоустройствѣ прихода, священникъ долженъ обратить серьезное вниманіе на совершеніе богослуженій. При каждой Церкви, въ руководство священнослужителямъ при совершеніи ими богослуженій, имѣется Типиконъ, или Церковный уставъ. Къ сожалѣнію, на эту книгу обращаютъ слишкомъ мало вниманія, и богослуженіе обыкновенно вездѣ (кромѣ немногихъ, наиболѣе важныхъ монастырей) совершается не по уставу, а *по обычаю*. Обычное же богослуженіе есть лишь конспектъ, схема, скелетъ того богослуженія, которое должно совершаться по Типикону. Между тѣмъ, раскольники—старообрядцы ни на что не смотря съ такой неумолимой строгостью, какъ на допускаемыя въ отпращиваніи богослуженія небрежность, неточность, отступленія отъ устава. Внимательное, точное, благоговѣйное, благообразное и по чину совершаемое отпращиваніе службъ церковныхъ есть одна изъ важнѣйшихъ обязанностей священника, особенно въ приходсахъ, зараженныхъ расколомъ. Разумѣется, не возможно требовать, чтобы службы въ приходскихъ церквахъ совершались съ соблюденіемъ устава во всей его полнотѣ, но, во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы богослуженія отпращивались въ формѣ, болѣе близкой къ Типикону, чѣмъ нынѣшнее *обычное* богослуженіе. Богослуженіе, при совершеніи его въ формѣ болѣе близкой къ Типикону, будетъ гораздо продолжительнѣе *обычнаго*, и на первыхъ порахъ непривычнымъ православному оно будетъ казаться утомительнымъ. Но этимъ нечего смущаться: нужно пріучать народъ къ богослуженію, а не отучать отъ него. Къ продолжительному богослуженію не трудно привыкнуть, польза же для миссіонерской дѣятельности среди старообрядцевъ отъ такого богослуженія будетъ довольно значительная *). Совершая богослуженіе въ формѣ, болѣе близкой къ Типикону, священникъ долженъ позаботиться и о томъ, чтобы чтеніе псалмовъ, каноновъ и другихъ молитвосло-

*) *Павель*, архим. „Беседа съ прав. свящ.“, стр. 26.—*Григорій*, митр. „Практич. наставл.“, стр. 26.

вій производилось псаломщиками внятнo, ясно, отчетливо, выразительно, осмысленно, неторопливо *). Для достиженія такого чтенія, священникъ долженъ обязывать псаломщиковъ, чтобы они предъ богослуженіемъ заблаговременно готовились и прочитывали у себя дома все то, что надлежитъ читать въ церкви. Слѣдуетъ также наблюдать, чтобы часы, шестопсалміе, канонизмы и пареміи читались не на клиросѣ, а на сrediнѣ церкви, чтобы чтець былъ на глазахъ у богомольцевъ. Съ заботами о внятномъ, разумномъ чтеніи священникъ долженъ принять мѣры и къ улучшенію церковнаго пѣнія въ своемъ приходѣ. Если при его церкви нѣтъ хора, то слѣдуетъ организовать таковой преимущественно изъ учениковъ мѣстной школы и грамотныхъ прихожанъ. Пѣніе должно быть непременно церковнымъ, т. е. хоръ долженъ употреблять только обычно-епархіальные и обиходные напѣвы. Самъ наблюдая за духомъ и характеромъ церковнаго пѣнія, священникъ долженъ устранять регентовъ—самоучекъ, не понимающихъ особенностей церковнаго пѣнія и вводящихъ такъ называемое партесное, итальянское пѣніе. Всѣ партесныя произведенія—то сантиментальныя, то вычурно-торжественныя, то крикливыя, то слишкомъ тихія, умѣстныя лишь на театральной сценѣ, а не въ храмѣ, священникъ не долженъ допускать **). Пѣніе догматиковъ, каноновъ и катавасій по обиходу, стихирь же и тропарей по господствующему въ епархіи напѣву, имѣеть весьма важное значеніе для миссіонерской проповѣди вообще, а въ особенности въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ старообрядства.

Избѣгая всего вообще, что можетъ быть предметомъ соблазна для отступниковъ, и заботясь о благолѣпнн церковнаго богослуженія, священникъ, особенно живущій среди ста-

*) Ушинскій А. „О причинахъ появленія рационалистич. ученій штурвды и нѣкот. др. подобныхъ сектъ“. Кіевъ, 1884 г., стр. 68.

**) Куллетскій М. „Церковно-религіозная жизнь въ Россіи“. „Церк. Вѣдом.“ 1898 г., № 7.—„О партесномъ пѣніи сельскихъ церковныхъ хоровъ“. „Церк. Вѣд.“ 1896 г., № 52.

рообрядцевъ, долженъ обратить самое серьезное вниманіе на крестное знаменіе. Недостаточно истовое, иногда и небрежное изображеніе рукою крестнаго знаменія, неумѣнье, какъ выражаются раскольники, „перекрестить лице“, такое же недостаточно правильное и истовое изображеніе креста при благословеніи народа въ храмѣ и отдѣльныхъ лицъ,—все это весьма соблазняетъ старообрядцевъ и вызываетъ съ ихъ стороны злобныя насмѣшки надъ Православною Церковію и духовенствомъ. Необходимо, по этому чтобы крестное знаменіе при молитвѣ и при благословеніи народа было совершаемо священникомъ истово и правильно. Этимъ онъ освободитъ себя отъ лишнихъ упрековъ и даже пріобрѣтетъ среди раскольниковъ уваженіе *).

Подготовивъ такимъ образомъ почву для своей миссіонерской дѣятельности, священникъ, пріобрѣтшій довѣріе къ себѣ и православныхъ и заблудшихъ, можетъ, съ вѣрой въ Бога и надеждой на Его благодатную помощь, приступить къ прямому воздѣйствію на отступниковъ, т. е. къ веденію съ ними миссіонерскихъ бесѣдъ. Свящ. *А. Юрьевскій*.

(Продолженіе будетъ).

*) *Павелъ*, арх. „Бесѣда съ прав. свящ.“, стр. 26—27.

**) См. № 43 за 1902 г.

Русское духовенство въ Галиціи **).

Въ своей рѣчи о возможныхъ выходахъ изъ того ненормальнаго положенія, въ какое поставлена галицко-русская греко-католическая церковь, благодаря патронатскому праву, мы указали, что галицко-русское духовенство рѣшительно не сочувствуетъ мысли о передачѣ права патроната прихожанамъ, городскимъ магистратамъ и сельскимъ громадамъ. Особенно оно не можетъ никакъ примириться съ мыслию о томъ, чтобы право выбора священниковъ было предоставлено сельскимъ громадамъ. Какими побужденіями можетъ руководиться галицко-русское духовенство въ этомъ отношеніи?

*) *Лавель*, арх. „Вестѣда съ прав. свящ.“, стр. 26 – 27.

***) См. № 43 за 1902 г.

Открыто были высказаны два соображенія противъ передачи презентаційнаго права сельскимъ „громадамъ“: а) сельскія „громады“, будто бы, еще не созрѣли до того, чтобы могли воспользоваться этимъ правомъ, и б) духовенство боится въ этомъ случаѣ неизбѣжнаго возбужденія большого вопроса о платѣ за требоисправленія.

Но первое изъ этихъ соображеній не заслуживаетъ никакого серьезнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что сельскія „громады“, при выборѣ себѣ священника, будутъ руководиться оцѣнкою не ума его, а практической дѣятельности его. И это тѣмъ болѣе можетъ сдѣлать приходъ, что въ Галиціи существуетъ извѣстная постепенность при опредѣленіи кандидатовъ на священническія мѣста. Тамъ окончившій курсъ богословскаго факультета и выдержавшій окончательный экзаменъ предъ особою комиссіею не можетъ, какъ это практикуется иногда у насъ, въ Россіи, сразу получить мѣсто приходскаго священника. Нѣтъ, сначала онъ долженъ еще прослужить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ помощника приходскаго священника. Такіе помощники приходскихъ священниковъ называются въ Галиціи обыкновенно „заступниками“, или же „сотрудниками“. Послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы въ должности „заступника“ или „сотрудника“, онъ назначается такъ называемымъ „завѣдывателемъ“ прихода, свободнаго почему-либо (напр., вслѣдствіе продолжительной болѣзни священника и т. п.), при чемъ ему предоставляется возможность испробовать свои силы и практическую опытность на поприщѣ самостоятельной дѣятельности. Только уже послѣ того онъ можетъ искать презенты на мѣсто приходскаго священника, который въ Галиціи называется „приходникомъ“.

При такомъ порядкѣ подготовленія кандидатовъ на должности „приходниковъ“, сельскія „громады“, разумѣется, имѣютъ полную возможность присмотрѣться къ дѣятельности этихъ кандидатовъ въ то время, когда они еще исполняютъ обязанности „заступниковъ“ и „завѣдывателей“. А для того,

чтобы не было злоупотребленій, чтобы на мѣста „приходниковъ“ не проходили лица недостойныя, церковная власть можетъ, разумѣется, опредѣлить ясно и точно требованія со стороны образовательнаго ценза и нравственныхъ качествъ, какимъ должны удовлетворять кандидаты, желающіе получить отъ „громады“ презенту на мѣсто „приходника“.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ то соображеніе, что сельскія „громады“ легко могутъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ представителей польской администраціи въ краѣ, или же самихъ русскихъ, принадлежащихъ къ такъ называемой радикальной партіи, враждебно относящейся ко всему религіозному, церковному. Но если бы даже и такъ было, то все таки это было бы несравненно лучше нынѣшняго порядка, ибо со стороны русской „громады“, насчитывающей въ себѣ 500—1000 человекъ, скорѣе можно ожидать и справедливаго и—главное—внимательнаго отношенія къ интересамъ своей родной церкви, нежели отъ какого-либо польскаго шляхтича, пропитаннаго до мозга костей ненавистію ко всему русскому.

Что же касается боязни возбужденія вопроса о платѣ за требоисправленія, въ случаѣ передачи презентаційнаго права въ руки прихожанъ, то, хотя это опасеніе и справедливо, но едва ли его можно выдвигать на первый планъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ защита и спасеніе галицко-русской церкви отъ страшно вреднаго для нея патроната. А между тѣмъ галицко-русское греко-католическое духовенство, какъ намъ кажется, потому именно и противится передачѣ презентаційнаго права въ руки прихожанъ, что оно серьезно боится коренной перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ между священниками и прихожанами, установившихся (отношеніяхъ) въ Галиціи. Къ рѣчи объ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ между галицко-русскимъ духовенствомъ и прихожанами мы и переходимъ.

Галицко-русское духовенство составляетъ передовое, интеллигентное сословіе въ русскомъ населеніи Галиціи. Без-

спорно образованное, независимое отъ прихода ни въ дѣлѣ опредѣленія на приходъ, ни даже въ дѣлѣ обезпеченія, такъ какъ оно получаетъ казенное жалованье, духовенство занимаетъ руководящее, господствующее положеніе въ средѣ русскаго населенія въ Галиціи. Такое положеніе русскаго духовенства въ Галиціи весьма замѣтно отражается и на характерѣ чисто пастырскихъ отношеній его къ прихожанамъ. Отношенія русскаго священника въ Галиціи къ своимъ прихожанамъ напоминаютъ до извѣстной степени отношенія пана-помѣщика къ своимъ крестьянамъ. Панскій духъ галицко-русскаго духовенства, проникающій пастырское служеніе его, несомнѣнно поддерживается и питается въ немъ примѣромъ отношеній римско-католическихъ ксендзовъ къ своимъ прихожанамъ и вообще господствующимъ въ Галиціи, напоминающей въ миниатюрѣ древнюю Польшу, духомъ аристократизма, пренебрежительнаго отношенія правящаго меньшинства къ подчиненному большинству. Панскій духъ галицко-русскаго духовенства выражается преимущественно въ легкомысленномъ отношеніи его къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей, въ открытой роскошной жизни, отчужденіи отъ народа, стремленіи къ сближенію съ мелкою шляхтою и т. п. Митрополитъ Шенцицкій, хотя самъ полякъ по происхожденію и аристократъ по родственнымъ связямъ, сильно и рѣшительно порицаетъ этотъ панскій духъ галицко-русскаго духовенства въ своихъ посланіяхъ къ семинаріи и всей вообще паствѣ своей. „Воспитанникъ семинаріи“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій, „который не даетъ себѣ яснаго отчета относительно своего будущаго назначенія, у котораго остался бы хотя одинъ атомъ того убѣжденія, что его обяваны содержать, который бы, вообще, привыкъ ѣсть хлѣбъ даромъ, могъ бы современемъ, будучи священникомъ, также точно разсуждать, что ввѣренный ему народъ существуетъ для него, чтобы его кормить и на него работать. Такой священникъ умѣлъ бы доить и стричь овецъ, но не умѣлъ бы ихъ пасти. Онъ былъ бы непременно священникомъ жаднымъ на деньги, а такой не можетъ не

быть наемникомъ, будетъ не священникомъ, а только ремесленникомъ. „Всечестные отцы“, обращается затѣмъ митрополитъ къ ректору, префектамъ и профессорамъ семинаріи, „знаютъ лучше, нежели я, какой видъ представляетъ село и какъ бѣдный народъ страдаетъ, имѣя подобнаго пастыря. Онъ не даетъ людямъ подступиться къ нему! Онъ обходится съ людьми, какъ съ скотомъ, ибо въ глубинѣ души своей онъ, дѣйствительно, считаетъ ихъ настоящимъ скотомъ. Въ основныхъ понятіяхъ, на которыхъ зиждется пастырство, онъ до такой степени далекъ отъ идеала христіанскаго священника, что и народъ не можетъ смотрѣть на него, какъ на своего отца, и онъ самъ не въ состояніи по-христіански исполнить ни одного пастырскаго дѣйствія“.

Въ другомъ посланіи, направляя свою рѣчь, очевидно, противъ того же самаго ненормальнаго отношенія священниковъ къ народу, митрополитъ, обращаясь къ духовенству, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: *„Мы, всечестные отцы, должны во всемъ сблизиться съ народомъ, должны любовью, снисходительностію и самоотверженіемъ уничтожить ту пропасть, которая, по причинѣ различія въ социальномъ положеніи, могла бы отдѣлять священника отъ вѣрныхъ. Сближаясь съ народомъ, мы должны, какъ граждане, а тѣмъ болѣе, какъ пастыри, поддерживать всякое культурно-экономическое стремленіе, къ которому наши люди рвутся“.*

Во время такъ называемыхъ „каноничныхъ визитацій“, г. е. ревизіи приходскихъ церквей, митрополитъ Шептицкій старается поближе познакомиться съ жизнію, бытомъ, матеріальнымъ состояніемъ и пастырскою дѣятельностію галицко-русскаго духовенства. Особенное вниманіе онъ обращаетъ при этомъ на отношенія священниковъ къ своей паствѣ, съ большимъ тактомъ осуждая и порицая всякое стремленіе духовенства къ роскоши, къ жизни выше своихъ средствъ, хотя бы это стремленіе вызывалось такимъ исключительнымъ событіемъ, какъ, напр., посѣщеніе села и дома священника митрополитомъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи рѣчь, съ ко-

торою обратился митрополитъ Шентницкій къ священникамъ, при посѣщеніи имъ Бѣрежанскаго дѣканата въ мартъ — апрѣль 1901 года. „*Старайтесь жить*“, говорилъ онъ, „*скромно, ибо намъ нужны гроши*. Мы должны уменьшить свои издержки ad minimum и всякій сбереженный грошъ нашъ могъ бы пойти на различныя благотворительныя учрежденія. Мнѣ то неприятно бываетъ, если священникъ принимаетъ меня въ своемъ домѣ съ большими издержками. Я того не желаю; напротивъ, я предпочитаю 2 — 3-х-часовое время обѣда упребить на то, чтобы поговорить въ семейномъ кругу священника и подробно узнать его обыденную жизнь. Тотъ возъ, на которомъ сами ѣздите, вышлите и за мною; тѣ блюда, которыя кушаете сами, подавайте и мнѣ, и я тѣмъ буду несказанно доволенъ... А если вы, исполняя это мое желаніе, вызовете упрекъ съ какой-либо стороны, то скажите въ свое оправданіе, что митрополитъ — чудакъ, и вы вынуждены примѣняться къ его чудачествамъ“.

Еще болѣе непріятную черту, нежели панскій духъ и стремленіе къ роскоши, составляетъ въ галицко-русскомъ духовенствѣ, разумѣется, въ нѣкоторой части его, заискиванье предъ польскою мелкою шляхтою, а равно и предъ римско-католическими ксендзами, и основанное на этомъ заимствованіе у польской шляхты нѣкоторыхъ привычекъ, перенесеніе ихъ въ свою домашнюю жизнь. Это послѣднее стремленіе особенно замѣтно у молодыхъ священниковъ, воспитанниковъ „новой эры“, какъ ихъ называютъ въ Галиціи, ставленниковъ митрополита Сильвестра Сембратовича. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время, время чрезвычайнаго оживленія національнаго самосознанія среди русскихъ галичанъ, какъ память покойнаго кардинала, такъ и эти его ставленники, полякующіе священники, пользуются глубочайшимъ презрѣніемъ въ Галиціи и какого-нибудь особеннаго вліянія на общую жизнь галицко-русской церкви не могутъ имѣть.

Что касается матеріальнаго положенія галицко-русскаго духовенства, то, хотя оно и не можетъ быть названо обѣд-

ственнымъ, какъ повидимому, стараются представить его сами галицко-русскіе священники, но въ то же время не можетъ быть признано оно и вполнѣ достаточнымъ. Источниками содержанія галицко-русскаго духовенства служатъ: а) жалованье, получаемое отъ правительства изъ такъ называемаго „религійнаго фонда“, т. е. фонда, какой образовался вслѣдствіе продажи конфискованныхъ правительствомъ Австріи церковныхъ имѣній еще въ концѣ XVIII в., б) земельные надѣлы, которые существуютъ почти при каждой галицко-русской греко-католической церкви, и в) плата за требоисправленія.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

(Продолженіе будетъ)..

Какъ смотрѣть на требованіе „современности“ проповѣди? ¹⁾

Когда подъ современностью разумѣютъ отзывчивость на настроенія общественной совѣсти, всегдашнюю готовность указать путь стоящему на перекресткѣ, не умѣющему выбрать между нѣсколькими теченіями жизни, то такая „современность“ есть необходимое свойство живой проповѣди. Если пастырь врачуетъ случайныя болѣзни души, обусловленныя цѣлкомъ индивидуальной жизнью каждаго человѣка, то тѣмъ болѣе его слово должно итти „противъ волты“, когда какое нибудь рожденное современностью теченіе, враждебное интересамъ святой совѣсти его пасомыхъ, грозитъ нахлынуть и захватить ихъ „бурею волнующихъ помысловъ“.

Точно также, если среди пасомыхъ создалось теченіе, хотя бы и вышедшее не изъ церкви, но такое, какое можно привлечь на „служеніе спасенію вѣрныхъ“, на дѣло усовершенствованія совѣсти ихъ, то пастырь долженъ направить паству свою въ волну святого теченія. Внесеніе въ проповѣдь

¹⁾ Ворон. Еп. Вѣд. 1902 г. № 19.

публицистическаго элемента дѣлаетъ пастырское слово жизненнымъ, практическимъ, современнымъ, прямо отвѣчающимъ на потребности той среды, къ которой проповѣдникъ обращается съ своимъ наставленіемъ.

„Отъ такихъ проповѣдей всегда обыкновенно вѣетъ обильною свѣжестью жизни, неволью завладѣвающею вниманіемъ слушателей, какою то чарующей прелестью, неволью побуждающею ихъ къ нравственному возрожденію и умственному обновленію“.

Примѣняемость къ характеру слушателей, отзывчивость на ихъ духовныя нужды и потребности, внимательность къ волнующимъ ихъ различнаго рода вопросамъ и т. д. вообще ставится въ особенную заслугу и главное достоинство пастырскихъ поученій; и сама исторія христіанскаго проповѣдничества свидѣтельствуетъ, что только тогда слова пастырей достигали наиболѣе глубокаго вліянія на общество, когда они отличались именно жизненностью и отзывчивостью на нужды времени и обстоятельствъ.

Но думаю, и здѣсь особенно слѣдуетъ блюсти мѣру отзывчивости... Бываетъ неосмысленная отзывчивость механическаго „эхо“. Давать свой откликъ на всякій шумъ и звукъ—это значитъ не понимать цѣлей проповѣдническаго слова.

Дѣло пастыря—созданіе совѣсти, и это то дѣло онъ долженъ совершать послѣдовательно и неуклонно. Вопросы времени занимаютъ его по столько, по скольку они дѣйствительно затрагиваютъ совѣсть пасомыхъ, такъ что обходя ихъ, пастыръ оставитъ совѣсть пасомыхъ въ тяжеломъ недоумѣніи, которое можетъ разрушить работу пастырскаго созиданія.

Если бы пастыръ откликался на всякія злобы дня, какъ газетный фельетонистъ, то погоня за вопросами только лишила бы цѣльности его слово, тогда проповѣдь его была бы выведена не изъ совѣсти пасомыхъ, а посвящена болѣе и менѣе случайнымъ настроеніямъ паствы.

Разрушая эти настроенія, проповѣдникъ въ сущности не достигаетъ ничего; —подкрѣпляя ихъ, если они по своей сущно-

ети полезны для свѣсти пасомыхъ, онъ поливаетъ растеніе, корни котораго на поверхности.

Эта погоня за современностью, однако, только не полезна, бесплодна. Гораздо болѣе опасна и вредна публицистика другого рода.

Есть люди, которые требуютъ, чтобы церковь отдала себя и слово свое *земль*, именно *въ ея земной жизни*, занялась культуртрегерствомъ, желаютъ, чтобы священникъ отдалъ свое слово подъему культурнаго роста народа, занялся съ кафедръ чуть не лекціями по сельскому хозяйству и гигиенѣ (такія требованія и были), объясненіемъ цѣлей и задачъ всевозможныхъ современныхъ общественныхъ учреждений и т. д. Очевидно, что такая проповѣдь можетъ быть и полезна, но она *не для священника*. Нельзя служить двумъ господамъ: Богу и мамонѣ. Кто будетъ служить одному—другого ненавидѣть. Тѣмъ болѣе нельзя съ кафедры служить и небу и землѣ.

Конечно, священникъ обязанъ стараться словомъ своимъ уменьшать кругомъ горе и слезы, но только его средства къ этому—нравственное перевоспитаніе людей—созиданіе христіанскихъ началъ жизни, созиданіе любви.

Если бы онъ, оставивши воспитаніе душъ, отдалъ себя оздоровленію тѣла, то не значило бы ли это, что онъ для полезнаго оставилъ существенное?

Публицистъ—проповѣдникъ—не, даишь православный проповѣдникъ.

Вмѣшательство со стороны проповѣдника въ дѣла „міра сего“ по чисто мірскимъ интересамъ и съ чисто мірскими цѣлями, будетъ незаконнымъ, потому что черезъ это можетъ быть унижено его достоинство, какъ служителя Божія. „Уже не „градомъ, стоящимъ на вершинѣ горы“, не „свѣтильникомъ“, освѣщающимъ всѣхъ животворнымъ свѣтомъ христіанской истины и добра, будетъ тотъ проповѣдникъ, который станетъ распространять съ церковной кафедры различныя научно-практическія, спеціально-экономическія и т. д. понятія, но простымъ общественнымъ или политическимъ дѣятелемъ,

простымъ міряниномъ въ рясѣ. Сверхъ того, подобное вмѣшательство, проповѣдника, по чисто земнымъ соображеніямъ и интересамъ съ его стороны, во вѣррелигіозныя отношенія пасомыхъ необходимымъ слѣдствіемъ своимъ будетъ имѣть преобладаніе въ его слушателяхъ и пасомыхъ чисто житейскихъ, низменныхъ стремленій и заботъ въ ущербъ духовному ихъ росту, такъ какъ и самъ проповѣдникъ, посвятивши свое вниманіе мірскимъ, житейскимъ дѣламъ и отношеніямъ, необходимо долженъ будетъ уклониться отъ своихъ истинныхъ задачъ, отъ истинныхъ цѣлей своего высокаго служенія“. „Никто не можетъ работать двумъ господамъ, такъ какъ одного будетъ любить, а о другомъ станетъ нерадѣть“, сказалъ Христось.

І. Михайль.

Пастырскій дневникъ ¹⁾.

7 декабря. „Проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщавай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“ (2-е посл. ап. Павла къ Тим. 4 гл., 2 ст.)—эти слова ап. Павла всегда звучатъ въ моихъ ушахъ, живо напоминая мнѣ о моемъ пастырскомъ долгѣ учительства. Съ самыхъ первыхъ дней моего священства меня особенно настойчиво преслѣдовала мысль, какъ бы мнѣ не оказаться въ дѣлѣ учительства „работъ лукавымъ и лѣнивымъ“. Въ предохраненіе себя отъ такой опасности я мысленно рѣшилъ за каждую Божественною литургіей въ воскресные и праздничные дни всенепремѣнно предложить посильное поученіе своимъ слушателямъ. Постепенно присматриваясь къ жизни своихъ пасомыхъ и изучая ее въ разнообразныхъ проявленіяхъ, благодаря особенно посѣщеніямъ прихожанъ на дому, я старался сообщить своимъ проповѣдямъ характеръ простоты и жизненности. Не скажу, чтобы проповѣди мои слабо или

¹⁾ См. № 43 за 1902 г.

съ малымъ вниманіемъ выслушивались моими прихожанами, — напротивъ, я съ радостію видѣлъ, какъ интересъ къ нимъ возрастаетъ у большинства моихъ слушателей и какъ поучительное слово пастыря становится для нихъ настоятельною потребностію. Одно, что меня затрудняло въ моемъ дѣлѣ учительства, — это необходимость для каждаго воскреснаго и праздничнаго дня изготовить заблаговременно письменную проповѣдь. Для такой письменной работы просто не доставало подчасъ нужнаго времени, особенно, если нѣсколько праздниковъ случится на недѣлѣ. Какъ ни кратка должна быть проповѣдь, а все же минутъ 10—15 неизбежно займетъ, — и вотъ для приготовленія ея приходилось тратить не мало времени, столь необходимаго для разныхъ видовъ пастырской дѣятельности. Желая выйти изъ затрудненія, я рѣшилъ замѣнить письменныя проповѣди живой *импровизаціей* проповѣдническаго слова. Приготовленіе къ ней занимало обыкновенно немного времени и сводилось къ слѣдующему. За день до праздника или воскресенья, а если не было досуга, то и наканунѣ послѣднихъ, послѣ всенощнаго бдѣнія, я прочитывалъ очередное Евангеліе и апостоль, обдумывая тему, на которой я могъ бы остановиться въ своей проповѣди. Засимъ внимательно просматривалъ нѣсколько образцовыхъ проповѣдей святоотеческихъ и нашихъ отечественныхъ, стараясь проникнуться силою духа и отчасти и слова церковнаго краснорѣчія выдающихся проповѣдниковъ. На основаніи разсмотрѣннаго печатнаго матеріала и имѣющихся на лицо свѣдѣній о жизни прихожанъ мною составлялся планъ проповѣди съ раскрытіемъ въ главныхъ чертахъ содержанія ея. Моему сознанію такимъ образомъ предносилась схема будущей импровизаціи съ церковной кафедрой. Никогда не забуду то невольное смущеніе, какое я испытывалъ при первомъ опытѣ импровизированной проповѣди въ церкви. Былъ моментъ, когда мнѣ казалось, что вотъ вотъ остановится потокъ моей бесѣды и я далѣе не буду въ состояніи произнести ни одного слова..., — но прошелъ этотъ моментъ и я снова овладѣлъ собою. Анализируя состояніе,

испытываемое мною при живой изустной бесѣдѣ въ церкви, я пришелъ къ слѣдующимъ не безынтереснымъ для меня положеніямъ. Первое, никогда, ни на одно мгновеніе не забывай, что ты, недостойный іерей, только служитель Христа, Спасителя твоего, что твоими устами поучаетъ молящихся въ церкви никто другой, какъ Онъ—Божественный Учитель и Наставникъ нашъ, присноговорящій въ Божественномъ Словѣ Своемъ. Второе, никогда не полагайся въ дѣлѣ проповѣди на однѣ свои силы, и какъ въ началѣ, такъ и въ продолженіе ея почаще мысленно призывай на помощь Того же Божественнаго Наставника, Который влагаетъ въ умъ твой и уста благую мысль и растворяетъ сердца людей къ воспріятію этой мысли. Когда ты замѣчаешь слезы на глазахъ твоихъ слушателей, сугубо благодари Господа за такую явную милость твоему достоинству: ибо не ты своимъ слабымъ немощнымъ словомъ согрѣлъ наболѣвшее отъ горя и скорбей, а можетъ быть и ожесточенное сердце грѣшника, а Господь Своею все-сильною благодатію то сдѣлалъ. Третье, не смущайся, если во время своей изустной бесѣды ты замѣтишь въ числѣ твоихъ слушателей людей высокообразованныхъ и даже ученыхъ, гораздо болѣе тебя знающихъ по внѣшнимъ, мірскимъ наукамъ,—помни, что когда ты говоришь съ церковной кафедры проповѣдное слово, ты пастырь, а они—твои пасомые, ты наставникъ, а они твои ученики, ты отецъ—а они твои дѣти. Не забывай и того, что многосвѣдующіе и искусные во внѣшнихъ наукахъ бываютъ часто младенцами въ дѣлѣ вѣры, менѣе знающими ее, чѣмъ простецы и необразованные люди. Четвертое,—никогда не упускай изъ виду въ концѣ твоей проповѣди сдѣлать нравственное приложеніе примѣнительно къ потребностямъ твоихъ слушателей: послѣднихъ имѣй въ виду и когда обдумываешь проповѣдь и когда произносишь ее.

Наблюдая дѣйствіе на слушателей безыскусственной изустной проповѣди, я замѣтилъ, что она гораздо живѣе и глубже вліяетъ на нихъ, нежели писанная проповѣдь. Объясняется

это между прочимъ и тѣмъ, что послѣдняя большею частію читается по тетрадкѣ (за недосугомъ не всегда можетъ быть усвоена на память),—а первая, какъ изустная, произносится съ особою силою и выраженіемъ, имѣеть болѣе сердечный, задушевный характеръ и потому бываетъ живѣе и дѣйственнѣе.

Городской Терей.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 октября 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIII.

УЧЕБНОЕ ДУХОВЕНСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 45.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, ноября 10-го.

Содержаніе: Деревенскія бесѣды пастыря, какъ особый видъ учительства въ сельскихъ приходахъ. — Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе). — Проповѣдь миссіонерская.

ДЕРЕВЕНСКІЯ БЕСѢДЫ ПАСТЫРЯ,

какъ особый видъ учительства въ сельскихъ приходахъ.

Особенности состава и положенія большинства нашихъ сельскихъ приходовъ и религіозная жизнь народа требуютъ отъ духовенства усиленной проповѣднической дѣятельности, которая, по условіямъ настоящаго времени, не можетъ и не должна ограничиваться только храмомъ-церковію. Надо признать, что прошло уже безвозвратно то доброе старое время, когда духовенство наше для просвѣщенія народа въ истинахъ вѣры дозволялось лишь проповѣдію въ церкви за богослуженіемъ и то—въ довольно скромныхъ размѣрахъ. Жизнь идетъ впередъ, запросы религіозные растутъ въ массѣ народной

и для удовлетворенія своего нуждаются въ усиленной дѣятельности со стороны пастырей—духовныхъ руководителей народа. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на эти запросы и прямо на встрѣчу требованіямъ современности, наше православно-церковное пастырское учительство за послѣднее время принимаетъ болѣе широкіе размѣры, разнообразится по формѣ и выходитъ изъ тѣсныхъ ограниченныхъ предѣловъ храма. По мѣстамъ, въ нѣкоторыхъ приходяхъ сельскихъ церквей нашей обширной православной Руси, мѣстные пастыри вводятъ религіозныя бесѣды, нарочито посѣщая своихъ прихожанъ съ этой цѣлю преимущественно въ свободное отъ работъ праздничное время. Сказать правду,—не многочисленны еще пока подобныя попытки, можетъ быть—не совершенны по формѣ и не систематичны, но, какъ явленіе, вызванное самою жизнію, обѣщающее въ будущемъ великую духовную пользу,—эти попытки заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны каждаго священника, особенно сельскаго, и достойны подражанія. Пожалѣть приходится только объ одномъ: отчего ранѣе не практиковалась эта форма учительства, чѣмъ предупреждены бы были все болѣе и болѣе усиливающіяся религіозныя шатанія въ нашей темной народной массѣ!

Необходимость мѣстнаго, такъ сказать деревенскаго, учительства вытекаетъ изъ особенностей состава и положенія большинства нашихъ сельскихъ приходовъ. Приходы у насъ (особенно на сѣверѣ) весьма часто состоятъ изъ значительнаго числа селеній, деревень, которыя разбросаны иногда на весьма значительномъ разстояніи отъ церкви. Мыслимое ли дѣло, чтобы все православное населеніе подобнаго прихода могло въ достаточной степени просвѣщаться и назидаться одной церковной проповѣдію и бесѣдами, которыя ведетъ священникъ въ церкви или при церкви, въ самомъ селѣ? Какъ бы ни было велико у прихожанъ усердіе къ посѣщенію храма Божія,—а всегда ли и вездѣ ли оно замѣчается,—трудно предположить, чтобы приходъ въ полномъ составѣ и постоянно являлся исправнымъ слушателемъ слова назиданія, раздаю-

щагося съ церковной каѳедры; скорѣе всего, большинство прихожанъ, особенно женщинъ, дѣтей-подростковъ, лишены бываютъ этого великаго блага и, противъ желанія, оказываются осужденными на религіозное невѣжество и гладъ душевный. Печальное положеніе! Но вотъ, къ этимъ простымъ православнымъ людямъ, принужденнымъ силою обстоятельствъ сидѣть въ своей отдаленной деревнѣ во тьмѣ и сѣни смертной, является самъ пастырь-священникъ съ живымъ словомъ благовѣстія, собираетъ все населеніе въ одинъ домъ и въ простой бесѣдѣ поитъ и питаетъ алчущія и жаждущія души... Боже! Какая это будетъ радость для всего селенія и сколько духовной пользы принести можетъ одно даже такое посѣщеніе? А что сказать, если такія бесѣды и посѣщенія священника будутъ повторяться систематически? Несомнѣнно, это вѣрнѣе всего поможетъ утвердиться въ истинахъ вѣры и нравственности, воспринять духомъ унывающимъ до того простымъ полутемнымъ прихожанамъ.

Незамѣнимы деревенскія бесѣды и для самого пастыря-священника, если онъ стремится искренне сблизиться со своимъ приходомъ, жить съ нимъ одною духовною жизнью, одними радостями и печальми; если хочетъ пользоваться въ полной мѣрѣ пастырскимъ вліяніемъ, авторитетомъ среди пасомыхъ. Одного строго-церковнаго служенія и учительства для этого едва ли достаточно. Въ церкви—за богослуженіемъ, въ приходѣ—за требоисправленіями, священникъ стоитъ по отношенію къ прихожанамъ все-таки въ нѣкоторомъ отдаленіи: святость, высота и вишняя торжественность обстановки служенія не могутъ въ полной мѣрѣ способствовать простому, задушевному сближенію той и другой стороны. Попытки сближенія священника съ прихожанами на почвѣ житейскихъ отношеній и матеріальныхъ интересовъ не могутъ никогда дать благотворныхъ результатовъ и не возвысятъ авторитета пастыря. Напротивъ, часто неосмотрительная близость священника съ приходомъ въ этой области и исканіе простоты во взаимоотношеніяхъ роняютъ его въ глазахъ прихода, уни-

жають правдивно, и, вмѣсто желательнаго сближенія, получается вовсе нежелательное „панибратство“...

Иное дѣло—религіозно-правдивныя бесѣды, которыя поведетъ священникъ въ домахъ своихъ прихожанъ при самой обычной обстановкѣ, простымъ, живымъ языкомъ, искренно и задушевно. Это, поистинѣ, будетъ самой плодотворной и благодарной почвой для душевнаго сближенія и духовнаго общенія духовныхъ чадъ съ ихъ духовнымъ отцомъ. Съ одной стороны, предметы собесѣдованій по своей святости, возвышенности устраняютъ здѣсь всякую возможность, всякое поползновеніе къ унизительному панибратству; съ другой стороны, ихъ безыскусственность и сердечность даютъ поводъ и возможность каждому слушателю раскрыть свою душу предъ пастыремъ, разрѣшить свои мучительныя недоумѣнія... И разъ начавшееся такимъ образомъ сближеніе неизбѣжно возвыситъ вліяніе пастыря, онъ приобрѣтетъ довѣріе и уваженіе со стороны прихода. А все это—такъ необходимо въ пастырскомъ дѣланіи! Такъ слившись, сблизившись съ приходомъ, священникъ будетъ для него „своимъ“ пастыремъ, и прихожане будутъ „вѣдать“ гласъ его, потому что и онъ, въ свою очередь, будетъ знать каждаго и глашать его по имени. При такомъ положеніи прихода трудно проникнуть и „волкамъ-хищникамъ“ въ стадо овчье; не пойдутъ привязанные къ своему пастырю овцы на голосъ лжеучителей, „яко не знаютъ чуждаго гласа“...

Итакъ, очевидна и неоспорима своевременность, жизненность и полезность деревенскихъ пастырскихъ бесѣдъ, которыя, какъ сказано, начинаютъ прививаться въ нѣкоторыхъ сельскихъ приходахъ. Но какъ дѣло новое, только что вызванное къ жизни современными условіями религіознаго состоянія народа, оно для своего развитія и укрѣпленія требуетъ и новыхъ силъ. Поэтому озаботиться введеніемъ и организаціей такихъ бесѣдъ въ своихъ приходахъ—долгъ по преимуществу, молодого поколѣнія нашихъ приходскихъ сельскихъ пастырей; отъ ихъ энергій и добраго усердія зависитъ успѣхъ дѣла. И благо будетъ имъ, если они съ готовностію пойдутъ на встрѣчу

назрѣвшей потребности: это будетъ не малой заслугой со стороны ихъ предъ роднымъ народомъ и церковію, это оживить ихъ пастырскую дѣятельность, дать возможность наполнить свою жизнь высшими интересами, прилагая силы къ живому, многоплодному и святому дѣлу. Современному русскому пастырю, только начинающему свое служеніе, необходимо направить свою дѣятельность въ эту, именно, сторону, чтобы уберечь себя отъ нѣкоторыхъ, угрожающихъ въ будущемъ нашему сословію опасностей.

Разумѣть здѣсь надобно главную опасность—отчужденія священника отъ прихода, установленія формально-чиновничьихъ отношеній къ своему дѣлу и пасомымъ, что легко можетъ случиться съ нами въ будущемъ при возрастающемъ различіи жизненныхъ условій, обстановки и привычекъ,—однимъ словомъ, различіи жизненнаго обихода у пастыря и пасомыхъ. Въ тому же можетъ повести и предстоящее неизбежно, рано или поздно, освобожденіе духовенства отъ матеріальной зависимости со стороны прихода... Чтобы избѣжать этого нежелательнаго разрыва и сохранить связь и общеніе съ просто-народной паствой, даже одухотворить и возвысить ихъ,—для этого надежнымъ и спасительнымъ средствомъ могутъ послужить именно—деревенскія религіозно-правственные бесѣды...

Наконецъ, въ этомъ мѣстномъ способѣ религіозно-правственнаго учительства нельзя не видѣть лучшаго подготовительнаго къ будущему пастырскому служенію средства для духовной учащейся молодежи, закапчивающей свое образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Практика въ подобныхъ бесѣдахъ за канікулярное время была бы для юныхъ богослововъ прекраснымъ средствомъ для ознакомленія съ народной средой и въ то же время, пробнымъ камнемъ для испытанія способности или неспособности ихъ къ предстоящему имъ высокому и отвѣтственному служенію народу и Церкви Божіей.

И въ этомъ такъ нуждаются наши юные кандидаты священства, не обладающіе до самаго послѣдняго времени ни

практической подготовкой къ будущему пастырству, ни основательнымъ знакомствомъ съ народомъ, съ его нравственно-религіознымъ состояніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ обыкновенно протекають юношескіе, школьные годы нашихъ дѣтей? Большую часть времени проводятъ они въ замкнутой школьной обстановкѣ; каникулярное время—въ домахъ родителей, родственниковъ, хотя и въ селахъ, но также въ полной отчужденности отъ живой народной среды. Живутъ и здѣсь они большею частію въ сторонѣ отъ народа, своими личными узкими интересами вращаясь въ кругу молодой сельской интеллигенціи и сверстниковъ. Сблизиться съ простымъ народомъ препятствуетъ различіе жизненнаго уклада, который начинаетъ получать и у духовенства характеръ „культурности“, и при такихъ условіяхъ знакомство съ крестьяниномъ сводится нерѣдко у будущаго пастыря къ случайнымъ разговорамъ съ ямщикомъ да съ прислугой своихъ родителей. Служебное дѣло родителей тоже рѣдко-рѣдко интересуется дѣтей нашихъ и еще рѣже привлекаетъ ихъ къ активному участию въ немъ, какъ будто всемъ этимъ хотятъ сказать они намъ: рабъ еще намъ погружаться въ ваши дѣла и заботы, успѣемъ—кислужимся, когда придетъ пора...

Но вотъ эта пора наступаетъ и застаётъ молодыхъ людей неподготовленными; начинаются неизбѣжныя разочарованія при столкновеніи съ дѣйствительностію, жалобы на недостатки призванія, и нерѣдко такъ неловко начатая жизнь и служеніе представляются самому молодому пастырю нѣкоторымъ тяжкимъ, неудобноносимымъ игомъ житейскимъ! Нужно ли говорить, что подобныя печальныя явленія повторялись бы несравненно рѣже при предварительномъ практическомъ ознакомленіи кандидатовъ священства съ народной средой и своей дѣятельностію указаннымъ выше путемъ. Какъ было бы прекрасно, если бы юноша-богословъ, являясь на вакаціонное время въ домъ отчій, вступалъ въ общеніе съ прихожанами своего отца, раздѣляя съ нимъ трудъ учительства, а порою и замѣняя его по деревнямъ и весямъ! И какое было бы это

для молодого человѣка живое, интересное и симпатичное дѣло: явиться въ глухую деревню къ простымъ и довѣрчивымъ людямъ и подѣлиться съ ними тѣми духовными благами свѣта и знанія религіознаго, *которыми онъ обладаетъ благодаря ихъ же матеріальнымъ жертвамъ*. Одно, два подобныя посѣщенія, нѣсколько религіозныхъ чтеній, или разговоровъ-бесѣдъ, навѣрное, привлекутъ бы расположеніе народа къ юному наставнику и повели бы къ взаимному ознакомленію и сближенію... Такъ думается, но крайней мѣрѣ, пишущему эти строки и вѣрится, что это—не мечта; вопросъ здѣсь можетъ быть только о томъ, какъ начать и повести дѣло, но тутъ всегда могутъ оказать помощь и содѣйствіе своимъ дѣтямъ ихъ родители или мѣстные пастыри-священники, опытные въ дѣлѣ учительства... Главное—въ томъ, что подобныя опыты простыхъ бесѣдъ съ народомъ подготовили бы кандидатовъ священства лучшимъ образомъ къ предстоящему имъ служенію и дали бы возможность своевременно убѣдиться въ своей пригодности или неспособности къ нему.

Священникъ А. В.—*ий*.

Русское духовенство въ Галиціи¹⁾.

Основнымъ источникомъ содержанія русскаго духовенства въ Галиціи считается собственно земельный надѣлъ. Въ зависимости отъ дохода, какой приноситъ церковное поле, опредѣляется и количество жалованья изъ „религійнаго“ фонда, которое составляетъ такимъ образомъ, дополненіе, „додатокъ“ къ доходамъ отъ земли. Бываютъ такіе приходы, гдѣ земля приноситъ настолько значительный доходъ, что священникъ долженъ бывать даже уплачивать въ кассу религійнаго фонда разность между земельнымъ доходомъ и нормальнымъ содержаніемъ священника. По сознанію самихъ галицко-русскихъ

¹⁾ См. № 44 за 1902 г.

священниковъ, земельный доходъ является самымъ надежнымъ и лучшимъ источникомъ матеріальнаго обезпеченія ихъ. Земли въ Галиціи весьма плодородна, цѣны на нее весьма высоки, между тѣмъ какъ земледѣльческія орудія сравнительно очень недороги, а потому обработка земли какъ своими средствами, такъ и путемъ отдачи въ аренду доставляетъ болѣе или менѣе значительный доходъ. Приходы, имѣющіе болѣе земельныя надѣлы, считаются въ Галиціи лучшими приходами. Кромѣ пахатной земли, церкви владѣютъ также сѣнокосами, лѣсными дачами, доставляющими священникамъ дрова, огородами и мельницами. Количество церковной земли различно и колеблется между 10—300 моргами; среднее количество земельного надѣла можетъ быть опредѣлено приблизительно около 100 морговъ. Кромѣ того, почти при каждой приходской церкви имѣются общественные дома, или же наемныя квартиры для священниковъ.

Правительственное жалованье изъ такъ называемаго „религійнаго“ фонда, какъ сказано, находится въ прямой зависимости отъ количества и доходности земельного церковнаго надѣла. Въ приходахъ, совсѣмъ неимѣющихъ, или имѣющихъ малый земельный надѣлъ, правительственное жалованье для священника равняется приблизительно 1200—1400 коронамъ (корона австрійская равняется приблизительно нашимъ 40 коп.). Среди галицко-русскаго духовенства раздаются совершенно справедливыя жалобы на недостаточность такого казеннаго жалованья. Галицко-русское духовенство, какъ на основаніе своего домогательства увеличенія казеннаго жалованья, указываетъ, прежде всего, на то, что „религіійный“ фондъ, незаконно присвоенный правительствомъ, даетъ возможность значительно увеличить казенную прибавку духовенству къ тому доходу, какой получается имъ отъ пользованія земельными надѣлами. Кромѣ того, „религіійный“ фондъ незаконно эксплуатируется правительствомъ совершенно для другихъ цѣлей, неимѣющихъ ничего общаго съ греко-католическою галицко-русскою церковью.

Ссылается, далѣе галицко-русское духовенство на крайнее несоотвѣтствіе получаемого имъ казеннаго жалованья съ жалованьемъ, какое получаютъ въ Австріи свѣтскіе чиновники. Въ то время, какъ чиновники самой низшей категоріи, напр., 11-го ранга, отъ которыхъ не требуется даже средняго образованія, получаютъ въ Австріи до 1600 кор., а учителя среднихъ школъ—до 2800 кор., при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ еще прибавки за каждое пятилѣтіе по 400 и 600 кор., священники, отъ которыхъ требуется университетское образованіе, должны довольствоваться 1200—1400 кор., безъ всякихъ прибавокъ въ теченіе послѣдующей службы.

Наконецъ, въ своемъ домогательствѣ увеличенія правительственнаго содержанія себѣ галицко-русское духовенство совершенно резонно ссылается на то, что оно исполняетъ бесплатно многія такія функціи, которыя не входятъ въ сферу его прямыхъ обязанностей, но которыя безусловно необходимы и важны для государства, края, повѣтовъ, сельскихъ громадъ, суда и т. п. Въ особенности духовенство указываетъ на свою умѣлую и образцовую дѣятельность по веденію метрикъ. Метрики ведутся духовенствомъ бесплатно, а между тѣмъ если бы правительство содержало особыхъ чиновниковъ даже самаго низшаго ранга для веденія метрикъ, то оно вынуждено было бы тратить на нихъ несравненно больше, чѣмъ сколько оно теперь уплачиваетъ изъ „религійнаго“ фонда всему вообще греко-католическому галицко-русскому духовенству.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, галицко-русское духовенство въ самое послѣднее время возбудило чрезъ своего митрополита ходатайство предъ австрійскимъ правительствомъ, чтобы это послѣднее на счетъ суммъ „религійнаго“ фонда установило для священниковъ, по крайней мѣрѣ, пятилѣтнія прибавки (квинквенціи) въ 400 кор.

Однимъ изъ источниковъ доходности галицко-русскаго священника служитъ плата за требосправленія. Эта плата за требосправленія составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма большое мѣсто въ пастырской практикѣ и матеріальномъ обезне-

ченіи галицко-русскаго духовенства. Юридически этотъ вопросъ поставленъ въ Галиціи такимъ образомъ. Еще 1 іюля 1785 г. издавъ былъ императоромъ Іосифомъ законъ, устанавливавшій размѣръ платы за требы, совершаемыя галицко-русскимъ духовенствомъ. Даже для того времени весьма низкія цѣны, назначенныя этимъ закономъ, съ теченіемъ времени сдѣлались положительно несообразными съ условіями жизни. Закономъ 7 мая 1874 г. австрійское правительство обѣщало издать новое распоряженіе касательно платы галицко-русскому духовенству за требоисправленія; но и доселѣ не исполнило своего обѣщанія. Такимъ образомъ, галицко-русское духовенство *de jure* и теперь должно было бы придерживаться Іосифовскаго патента 1785 г. Но на практикѣ, разумѣется, допускаются постоянныя отступленія отъ установленной закономъ нормы, что и служитъ причиною всегдашнихъ недоразумѣній между духовенствомъ и прихожанами. Въ свою очередь, и старосты, въ случаѣ разногласія съ священникомъ, указываютъ ему на пресловутый „патентъ“. Поэтому галицко-русское духовенство, вынужденное, въ силу необходимости, приобѣтать въ своей пастырской практикѣ къ платѣ за требоисправленія, въ послѣднее время усиленно домогается пересмотра закона о таксѣ за требы. Какъ и въ назначеніи жалованья, такъ и здѣсь галицко-русское духовенство ищетъ для себя уравненія со всѣми другими правительственными чиновками. Въ Австріи существуетъ особенный законный тарифъ на вознагражденіе правительственнымъ чиновникамъ за дѣйствія ихъ, совершаемыя внѣ мѣста ихъ службы, напр., суда, а также для лицъ свободныхъ профессій, напр., врачей, адвокатовъ, нотаріусовъ и др. Духовенство галицко-русское желаетъ, чтобы правительство, по соглашенію съ епархіальною властію, установило подобный же тарифъ и для него на вознагражденіе за совершаемыя имъ требы своимъ прихожанамъ.

Но такъ думаетъ далеко не все галицко-русское духовенство, а преимущественно молодое поколѣніе его. Старое же галицко-русское духовенство, входящее въ критическое эконо-

мическое положеніе, какое переживаетъ теперь русское крестьянство въ Галиціи, стоитъ за полную отмѣну всякой платы за требоисправленія и за увеличеніе правительственнаго жалованья духовенству изъ суммъ „религійнаго“ фонда. Замѣчательно, что статья нашего „Церковнаго Вѣстника“ за 1901 г. по вопросу о назначеніи нашему православному духовенству жалованья, съ отмѣною унижительныхъ сборовъ съ прихожанъ за требоисправленія, встрѣтила рѣдкое сочувствіе въ средѣ галицко-русскаго духовенства, была перепечатана и обсуждалась на страницахъ многихъ галицко-русскихъ газетъ.

Изъ сказаннаго нами по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи галицко-русскаго духовенства видно, что главными, наиболее прочными и устойчивыми источниками сего обезпеченія служилъ все таки доходъ отъ церковной земли и плата за требоисправленія. А такъ какъ въ послѣдніе годы Галиція переживала весьма тяжелый экономическій, въ частности, земледѣльческій кризисъ, то духовенство галицко-русское, живущее главнымъ образомъ доходами отъ земли и прихожанъ-землевладѣльцевъ, сильно обѣднѣло. Теперь галицко-русское духовенство живетъ гораздо обѣднѣе, нежели 20—30 лѣтъ тому назадъ.

Не можемъ не отмѣтить здѣсь одного курьзнаго, по нашему мнѣнію, факта. Въ числѣ многихъ другихъ причинъ своего обѣднѣнія галицко-русское духовенство указываетъ, между прочимъ, и слѣдующую. Воспитанники духовной семинаріи во Львовѣ, въ годы своего обученія въ этой послѣдней, вынуждены бываютъ дѣлать довольно значительныя долги на покрытіе такихъ расходовъ, которые не предусмотрены уставомъ семинарскимъ. Эти долги бываютъ настолько значительны, что на покрытіе ихъ иногда недостааетъ, будто бы, приданнаго, которое кандидаты священства въ Галиціи получаютъ за своими невѣстами и котораго они, поэтому, усиленно ищутъ, такъ что галицко-русскіе священники иногда въ теченіе многихъ лѣтъ службы вынуждены бываютъ расплачиваться за сдѣланные ими въ семинаріи долги. Долги же эти, безъ со-

мнѣнія, весьма значительны, если галицко-русское духовенство ссылается на нихъ, какъ на одну изъ причинъ своего обѣднѣнія и говорить о нихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ищетъ у правительства увеличенія своего казеннаго жалованья. Теперь понятно, почему и митрополитъ Шептицкій такъ сильно нападаетъ въ своемъ посланіи на долги, которые дѣлаютъ богословы во время своего обученія въ семинаріи. Само духовенство галицко-русское настолько озабочено этимъ печальнымъ явленіемъ въ своей жизни, что придумываетъ разные способы къ тому, чтобы совершенно уничтожить его въ самомъ корнѣ. Нѣкоторые совѣтуютъ для этого учредить въ семинаріи кассу, изъ которой воспитанники могли бы брать деньги для покрытія своихъ экстра-ординарныхъ расходовъ, съ уплатою даже % по 5—6 вмѣсто 100—200%, какіе они теперь платятъ своимъ частнымъ кредиторамъ. Основной расходный капиталъ для этой кассы совѣтуютъ инициаторы учрежденія ея позаимствовать изъ фонда вдовъ и сиротъ духовенства, который существуетъ во всѣхъ трехъ епархіяхъ галицко-русской греко-католической церкви.

Галицко-русское духовенство имѣетъ нѣкоторыя спеціальныя общества, или учрежденія, назначенныя для облегченія тяжелаго матеріальнаго положенія его и возникшія благодаря заботамъ самаго же духовенства преимущественно въ самое послѣднее время.

Такъ, въ августѣ 1901 года учреждено въ Галиціи, во Львовѣ, „Краевое кредитное общество чиновниковъ и священниковъ“. Въ этомъ обществѣ священники участвуютъ паравнѣ со всѣми вообще русскими чиновниками. Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность своимъ членамъ хранить свои сбереженія въ вѣрномъ мѣстѣ, выдавать ссуды за небольшіе проценты и вообще оказывать матеріальную помощь въ хозяйственныхъ пуждахъ и затрудненіяхъ своихъ членовъ.

Вопросъ о пенсіи галицко-русскому духовенству находится пока въ неопредѣленномъ положеніи. На основаніи за-

кона 3 іюля 1898 года, разрѣшается просить, въ видѣ милости, у правительства пенсіи для вдовъ священническихъ до 400 кор., а для сиротъ, не достигшихъ 24 лѣтъ, добавленія въ размѣрѣ до 200 кор. на воспитаніе ихъ, для неспособныхъ же къ труду сиротъ дозволялось ходатайствовать о пенсіи наравнѣ съ сиротами всѣхъ вообще государственнхъ чиновниковъ. Но этотъ законъ осуществлялся до послѣдняго времени съ большими затрудненіями и придирками со стороны разныхъ представителей мѣстной польской администраціи. Вслѣдствіе разныхъ проволочекъ со стороны намѣстничества и старость, часто бывало такъ, что вдовы и сироты галицко-русскаго духовенства получали пенсію только черезъ два, даже черезъ 4 года послѣ смерти мужа или отца. Въ 1901 году галицко-русскіе послы державной думы входили съ соотвѣтствующимъ представленіемъ по этому поводу къ министру исповѣданій и просвѣщенія, который исходатайствовалъ у императора на этотъ счетъ особое распоряженіе. Согласно сему распоряженію, если вдовы или сироты галицко-русскаго духовенства подадутъ прошеніе о пенсіи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти мужа, или отца своего, то пенсія имъ будетъ назначена со дня смерти мужа или отца, а если послѣ трехъ мѣсяцевъ, то—со дня подачи прошенія.

Въ виду незначительности пенсіи, полагающейся вдовамъ и сиротамъ галицко-русскаго духовенства, это послѣднее само принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ облегченію тяжелой доли своихъ сиротъ и вдовъ. Для этой цѣли въ каждой изъ трехъ епархій галицко-русской церкви существуетъ особый „фондъ вдовъ и сиротъ“, которымъ управляетъ особая комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ во Львовской епархіи—митрополита, въ другихъ епархіяхъ—одного изъ крылошанъ. Фондъ вдовъ и сиротъ Черемышльской епархіи въ 1900 г. равнялся 245.827 кор. 57 гел.; въ 1901 г.=355.920 кор. и въ 1902 г.=367.479 кор. 87 гел.; въ Станиславовской епархіи такой же фондъ въ 1900 г. равнялся 365.219 кор. 76 гел.; въ 1902 г. немного болѣе 251.000 кор. Наличность фонда

вдовъ и сиротъ духовенства Львовской архіепаpхїи неизвѣстна въ точности. Извѣстно только, что сборы съ духовенства въ этотъ фондъ поступають весьма неисправно, напр., въ 1899 г. поступило 15.598 кор., въ 1900 г. 16.928 кор., въ 1901 г. 16.252 кор., а въ 1902 г. только 12.026 кор. Поэтому, Львовская консисторія нашлась вынужденною обратиться къ о.о. деканамъ съ воззваніемъ о болѣе исправномъ представленіи сборовъ съ духовенства въ кассу фонда; а нѣсколько раньше о томъ же самомъ просилъ духовенство и митрополитъ Шептицкій.

Какихъ-либо благотворительныхъ учрежденій, въ родѣ богадѣленъ, пріютовъ и т. п. для бѣдныхъ и нуждающихся галицко-русское духовенство, кажется, не имѣетъ. Можно упомянуть, впрочемъ, о такъ называемыхъ „пресвитерскихъ домахъ“, которые существуютъ во всѣхъ трехъ епархїяхъ галицко-русской митрополїи и въ которыхъ имѣють пребываніе кандидаты священства, ищущіе, или уже получившіе мѣста, но ожидающіе т. н. канонической институтїи, т. е. рукоположенія въ священный санъ.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

(Продолженіе будетъ).

Проповѣдь миссіонерская ¹⁾.

Миссіонерскія бесѣды съ раскольниками и сектантами. Частныя бесѣды.

Миссіонерскія бесѣды православнаго священника съ раскольниками и сектантами бываютъ *двухъ* родовъ—*частныя* и *публичныя*. Тѣ и другія бесѣды одинаково необходимы въ цѣляхъ убѣжденія отщепенцевъ въ ложности и несостоятельности ихъ ученій, въ цѣляхъ возвращенія этихъ заблудшихъ въ нѣдра спасающей Церкви. Указанные два рода миссіонер-

¹⁾ См. № 44 за 1902 г.

скихъ бесѣдъ, сходясь между собою въ единствѣ цѣли и предметовъ, отличаются другъ отъ друга лишь составомъ собесѣдниковъ и слушателей, а также той обстановкой, при которой эти бесѣды происходятъ. Частныя, иначе—домашнія, бесѣды происходятъ или въ домѣ священника, или же въ домахъ самихъ заблудшихъ. Въ первомъ случаѣ раскольники или сектанты сами, по приглашенію священника, приходятъ къ нему въ домъ, во второмъ же, наоборотъ, священникъ, какъ пастырь, отыскивающій заблудившихся овецъ, приходитъ въ дома извѣстныхъ и болѣе близкихъ къ нему сектантовъ или раскольниковъ для просвѣщенія ихъ съ призывомъ ихъ оставить свои заблужденія. Слушателями и собесѣдниками священника на частныхъ бесѣдахъ бываютъ одни лишь заблудшіе, и притомъ число послѣднихъ обыкновенно не бываетъ здѣсь значительнымъ: бесѣда ведется лишь съ однимъ какимъ-либо семействомъ да съ нѣсколькими сектантами или раскольниками, собравшимися изъ сосѣднихъ дворовъ; православныхъ же въ большинствѣ случаевъ на частныхъ бесѣдахъ не бываетъ совсѣмъ *).

Что касается публичныхъ бесѣдъ, то послѣднія ведутся священникомъ въ присутствіи не однихъ только отступниковъ отъ Церкви, но и въ присутствіи православныхъ; мѣстомъ такихъ бесѣдъ бываетъ или зданіе школы, или наиболѣе просторный домъ какого-либо крестьянина; въ городахъ же сплошь и рядомъ для веденія миссіонерскихъ бесѣдъ отводятся особыя, спеціально для нихъ предназначенныя помѣщенія. — Частныя бесѣды—это одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ и дѣйственныхъ способовъ привлеченія заблуждающихся къ Церкви. Этотъ способъ въ началѣ миссіонерской дѣятельности священника является даже единственно возможнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ. Во многихъ мѣстностяхъ, зараженныхъ сектантствомъ, гдѣ сектанты и ихъ главари избѣгаютъ пуб-

*) Деметъевъ И. „Опытъ руководства для прав. пастырей въ борьбѣ съ южно-русск. сектантствомъ“. „Рус. для с. п.“. 1898 г., № 9.

личныхъ бесѣдъ, священникъ-миссіонеръ только однѣ частныя бесѣды и можетъ вести съ заблудшими.

Приступая къ своей миссіонерской дѣятельности среди отступниковъ отъ истинной вѣры, священникъ долженъ собрать достовѣрныя свѣдѣнія, къ какой, именно, сектѣ принадлежать извѣстныя лица, какъ давно они находятся въ заблужденіи и по собственному ли уклоненію отъ Православной; Церкви, или по рожденію отъ неправославныхъ родителей есть ли въ ихъ семействахъ православные, кого эти раскольники или сектанты въ данное время считаютъ главаремъ своей общины, кто изъ нихъ наиболѣе преданъ заблужденіямъ своего толка или секты, кто колеблется, кто безразлично относится къ вѣрѣ, въ какихъ отношеніяхъ находятся отступники къ православному населенію и т. д. *). Имѣя такія свѣдѣнія о раскольникахъ или сектантахъ своего прихода и заведши съ нѣкоторыми отступниками знакомство, священникъ, входя къ нимъ въ дома, не долженъ упускать случая побесѣдовать съ ними о предметахъ вѣры. Здѣсь даже, въ случаѣ неразговорчивости раскольника, можно втянуть его постепенно въ бесѣду, замѣтивъ какую-либо справедливую, добрую мысль его, похваливъ ее и показавъ ея связь съ другими истинами. Но, само собой разумѣется, частныя бесѣды священника не должны отличаться навязчивостью, потому что постоянныя, безостановочныя бесѣды объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, перѣдко непріятныхъ для заблудшихъ, могутъ произвести въ послѣднихъ пресыщеніе таковыми бесѣдами и возбудить отвращеніе къ нимъ, вслѣдствіе чего отступники могутъ даже перестать совсѣмъ слушать священника **).

Въ дѣлѣ веденія частныхъ бесѣдъ съ отступниками отъ истинной вѣры главнымъ вопросомъ является слѣдующій: на кого изъ заблуждающихся долженъ обратить священникъ вниманіе, съ кого онъ долженъ начинать обращеніе?

*) „Наставленіе свящ. относительно заблуждающихся отъ истинны вѣры“, стр. 7—8.

**) *Григорій, митр.* „Практич. наставл.“, стр. 42, 63.

И по степени твердости въ своихъ заблужденіяхъ, и по характеру своихъ отношеній къ православнымъ раскольники и сектанты могутъ быть раздѣлены на нѣсколько родовъ. Въ каждомъ толкѣ и въ каждой сектѣ есть вожаки и начетчики, оказывающіе большое вліяніе на всѣхъ остальныхъ своихъ собратій, сосредоточивающіе въ себѣ всю силу и крѣпость той или иной отступнической общины; есть лица, не много свѣдущія, но твердыя въ своихъ заблужденіяхъ и проникнутыя желаніемъ уразумѣнія основаній своей вѣры, старающіяся даже научиться грамотѣ, чтобы умѣть читать или Священное Писаніе, или старопечатныя книги; есть многіе несвѣдущіе, темные раскольники и сектанты, почти не знающіе своей вѣры, но слѣпо слѣдующіе за своими учителями и наставниками, твердо держащіеся убѣжденія: „въ какой вѣрѣ родились, въ той и умереть должны“; есть и такіе отступники, у которыхъ религіозное чувство заглушено матеріальными, житейскими расчетами и корыстными стремленіями,—это люди, не твердые въ своей вѣрѣ, для большинства изъ нихъ даже бываетъ безразлично, къ Православной ли Церкви принадлежать, или къ отступнической общинѣ. Есть среди раскольниковъ и сектантовъ люди благоразумные, отличающіеся духомъ терпимости къ православнымъ; есть лица, ненавидящія православныхъ, старающіяся вредить имъ, проникнутыя духомъ крайняго фанатизма. Съ какихъ же раскольниковъ или сектантовъ долженъ начинаться священникъ обращеніе? къ кому должна быть обращена его миссіонерская проповѣдь? съ кѣмъ онъ долженъ вести свои частныя бесѣды?

Никогда не долженъ священникъ начинаться обращеніе съ людей темныхъ, не знающихъ ученія своего толка или секты, равно какъ и съ людей, проникнутыхъ духомъ вражды и нетерпимости къ православнымъ; не долженъ также начинать дѣло обращенія и съ людей, безразлично относящихся ко всякой вѣрѣ. Если священникъ направитъ на первыхъ порахъ свою миссіонерскую дѣятельность на людей невѣжественныхъ, не свѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры, то можетъ на-

влекъ на себя подозрѣніе какъ со стороны заблудшихъ, такъ и со стороны православныхъ въ хитрости и непрямодушїи— въ качествахъ, совершенно недостойныхъ истиннаго пастыря. Такой образъ дѣйствованія, свойственный лишь лжеучителямъ, можетъ послужить для неправославныхъ лишнимъ поводомъ къ хулѣ на Церковь; преподаваніе истинъ православною вѣры людямъ неопытнымъ, несвѣдущимъ, дастъ лжеучителямъ возможность утверждать, что православная вѣра, какъ боящаяся разоблаченія со стороны начетчиковъ и людей свѣдущихъ, есть вѣра не истинная, неправая. Не слѣдуетъ начинать обращеніе и съ людей, ненавидящихъ православныхъ и православіе, особенно съ людей старыхъ, закоренѣлыхъ въ заблужденїи, которые не хотятъ и слушать чего-либо противнаго ихъ вѣрѣ. Начать обращеніе съ такихъ лицъ—значить сдѣлать уже слишкомъ смѣлое и самонадѣянное нападеніе на отступниковъ. Надежды на успѣхъ здѣсь слишкомъ мало, и священникъ безъ пользы для православія будетъ терять только время, тѣмъ болѣе что и раскольники или сектанты, видя такое самоувѣренное и лихорадочное стремленіе священника, дружно соединившись противъ православія, могутъ дать миссіонеру слишкомъ сильный отпоръ и ожесточиться противъ Церкви. Еще менѣе пользы для православія начинать обращеніе съ людей, погрязшихъ въ тинѣ житейскихъ попеченій, мало думающихъ о душѣ и о вѣрѣ, относящихся и къ православію и ко всякой другой вѣрѣ безразлично. Обратитъ такихъ людей въ православіе не особенно трудно, но цѣннаго прїобрѣтенія для Церкви отъ такого обращенія не будетъ; напротивъ, явится только лишняя опасность, какъ бы своими пороками эти люди не заразили и другихъ православныхъ.

И благоразуміе и истинное благо Церкви требуютъ, чтобы православный священникъ начиналъ свое миссіонерское дѣло бесѣдами или съ расколоучителями и вожаками сектантовъ, если только они не изувѣры, подобныя протопопу Аввакуму, Никитѣ Пустосвяту и др., или вообще съ людьми твердыми и начитанными. Обращеніе въ православіе такихъ

лицъ—дѣло нелегкое, дѣло даже многотрудное, но за то, если цѣль пастырскихъ бесѣдъ съ такими лицами будетъ достигнута, то священнику уже не трудно будетъ и другихъ сектантовъ и раскольниковъ привести въ лоно спасающей Церкви. Обращеніе остальныхъ раскольниковъ и сектантовъ облеѣчится уже потому, что священникъ въ лицѣ обращенныхъ въ православіе главарей и начетчиковъ найдетъ себѣ хорошихъ помощниковъ для своей миссіонерской дѣятельности. Кромѣ того, вслѣдъ за возвратившимся въ Церковь расколоучителемъ, вожакомъ сектантства или вообще свѣдущимъ въ дѣлахъ вѣры начетчикомъ, могутъ сознать свои заблужденія и другіе отступники, увлекаемые его высокимъ примѣромъ. Но и при такомъ образѣ дѣйствованія на отступниковъ, священникъ не долженъ упускать изъ вида людей, расположенныхъ къ православію, отличающихся высокою добродѣтельною жизнію, хотя бы и неграмотныхъ. Слово пастыря-миссіонера должно простирается и къ нимъ: бесѣды священника съ такими людьми не будутъ унижать его миссіонерскую дѣятельность, такъ какъ эти благоразумные люди понимаютъ, что дѣлаютъ, не увлекаются въ православіе какими-либо недостойными служителя истины мѣрами, а принимаютъ православіе по искреннему и свободному убѣжденію*).

Необходимость и польза публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами.

Какъ частныя, такъ и публичныя бесѣды служатъ для священника-миссіонера однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ способовъ прямой борьбы съ сектантствомъ и расколомъ. Но если частныя бесѣды, являющіяся самымъ первымъ по времени способомъ устной, словесной борьбы съ заблужденіями, относительно своей пригодности ни въ комъ не вызываютъ со-

*) Григорій, митр. „Практич. наставл.“ стр. 43—58. Деметевъ И. „Опытъ руководства“, „Рук. для с. п.“ 1898 г., № 15. Яновскій И. „Условія успѣшнѣйшей борьбы съ сектантствомъ“. Арзамасъ, 1895 г., стр. 27—28.

миѣній, то нельзя то же самое сказать о бесѣдахъ публичныхъ. Послѣднія, не смотря на свою распространенность и широкое примѣненіе во всѣхъ концахъ нашего отечества, вызываютъ противъ себя нѣкоторыя возраженія со стороны разныхъ лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ вопросомъ о сектанствѣ и расколѣ. Остановимъ свое вниманіе на тѣхъ возраженіяхъ, которыя дѣлаются противъ пользы и необходимости публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ, и посмотримъ, насколько эти возраженія состоятельны.

Первое возраженіе, направленное противъ публичныхъ бесѣдъ, состоитъ въ томъ, будто публичныя бесѣды съ раскольниками и сектантами не даютъ—да и не могутъ дать—никакихъ положительныхъ результатовъ. По словамъ лицъ, ставящихъ это возраженіе, если послѣ публичныхъ бесѣдъ и замѣчаются иногда присоединенія отщепенцевъ къ Церкви, то эти присоединенія причиной своей имѣютъ все-таки не публичныя, а многократно повторявшіяся частныя бесѣды.—Но это возраженіе противъ публичныхъ бесѣдъ на самомъ дѣлѣ не такъ сильно, какъ кажется. Высказывающіе это возраженіе, очевидно, думаютъ, что присоединенія къ православію должны быть плодомъ исключительно лишь публичныхъ бесѣдъ, и что плодъ этотъ долженъ обнаружиться непременно тотчасъ же, послѣ публичной бесѣды. Но, вѣдь, такой скорой, очевидной и обязательной пользы нельзя требовать не только отъ публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ, а и отъ всей вообще проповѣднической дѣятельности священника. „Трудно рассчитывать на то, чтобы собесѣдованія,—говоритъ митроп. Іоанникій,—сразу же или въ скорости возвращали уклонившихся къ Церкви,—не только трудно, но, пожалуй, и не возможно; но этимъ не слѣдуетъ смущаться: собесѣдованія достигнутъ своей цѣли даже и въ томъ случаѣ, если поселятъ въ душѣ сектанта только сомнѣніе въ томъ, что раньше казалось ему несомнѣннымъ“ *). Успѣхъ публичныхъ бесѣдъ, такимъ обра-

*) *Куплетскій М.* „Церковно-религіозная жизнь въ Россіи“. „Церк. Вѣд.“, 1898 г., № 4.

зомъ, можетъ состоять и въ томъ, если онѣ хоть сколько-нибудь поколеблуть и подорвутъ основы раскола и сектантства, заставятъ отступниковъ отъ Церкви оглянуться на самихъ себя, обратить вниманіе на православную Церковь, ближе познакомиться съ ея ученіемъ и т. д. А такая польза несомнѣнно приносится публичными бесѣдами, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковыя бесѣды ведутся болѣе или менѣе продолжительное время, расколъ и сектантство дѣйствительно утрачиваютъ свой фанатическій духъ. Не малую пользу приносятъ публичныя бесѣды и въ томъ отношеніи, что довольно нерѣдко подрываютъ авторитетъ проникнутыхъ духомъ фанатизма вожаковъ раскола и сектантства, за которыми слѣпо слѣдуютъ остальные простодушные отщепенцы *). Наконецъ, публичныя собесѣдованія приносятъ пользу и самимъ православнымъ, присутствующимъ на этихъ бесѣдахъ, предохраняютъ ихъ отъ уклоненія въ расколъ или сектантство. Мало того, православные, знакомясь на таковыхъ бесѣдахъ съ основаніями православія, сознаютъ торжество и превосходство церковнаго ученія и становятся способными дать отпоръ въ случаѣ попытокъ со стороны раскольниковъ или сектантовъ привлечь ихъ на свою сторону **).

Второе возраженіе отыскиваетъ даже прямой вредъ публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ, ставя на видъ то обстоятельство, что православные, слушая рѣчи раскольническихъ и сектантскихъ руководителей-начетчиковъ, могутъ поколебаться въ своей вѣрѣ, усомниться въ чистотѣ православія.—Но это уже не возраженіе, а обвиненіе, едва ли имѣющее и долю справедливости. Впрочемъ, если мы и предположимъ возможность подобныхъ колебаній и сомнѣній въ вѣрѣ, то во всякомъ случаѣ таковыя колебанія слѣдуетъ поставить въ причинную зависимость не отъ публичныхъ бесѣдъ по ихъ существу, а отъ неопытнаго и неумѣлаго веденія этихъ бесѣдъ. А если такъ,

*) *Бывшій миссіонеръ*. „По вопросу о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками“. „Рук. для с. п., 1898 г., № 35.

***) *Григорьевъ О.* „Задачи просвѣт. дѣятельности“, стр. 189—190.

то нужно не упразднить самыя бесѣды, а только вести ихъ съ знаніемъ дѣла, тактомъ и основательной подготовкой *).

Третье возраженіе отмѣчаетъ тотъ дѣйствительный недостатокъ публичныхъ бесѣдъ, вслѣдствіе котораго послѣднія нерѣдко получаютъ характеръ простыхъ любопытныхъ словопреній. Цѣлью раскольника-начетчика или вожака-сектанта на этихъ бесѣдахъ бываетъ не столько выясненіе истины, сколько пораженіе, посрамленіе своего противника, т. е. православнаго священника-миссіонера. Отсюда, бесѣда естественно принимаетъ характеръ шумнаго, крикливаго, бесполезнаго спора.—Но и это возраженіе касается, подобно предыдущимъ, не сущности публичныхъ бесѣдъ, а лишь ихъ недостатковъ, которые могутъ быть устранены. Правда, разъ начетчики-главари преслѣдуютъ указанную цѣль, священникъ не въ силахъ сразу направить мысль ихъ на иную цѣль; но онъ, какъ руководитель, какъ главное лицо на бесѣдахъ, можетъ дать такой ходъ бесѣдѣ, что она не будетъ пустымъ словопреніемъ, безплоднымъ крикливымъ споромъ, а будетъ дѣйственной и назидательною проповѣдью, возвѣщеніемъ Слова Божія. Выслушивая и давая отвѣты на вопросы и возраженія вожаковъ раскола и сектантства, священникъ не долженъ полагать сущность бесѣдъ въ этихъ именно вопросахъ, не долженъ также и съ увлеченіемъ напрашиваться на эти вопросы **).

Четвертое возраженіе указываетъ на бесполезность публичныхъ бесѣдъ въ виду того обстоятельства, что раскольники или сектанты, будучи на этихъ бесѣдахъ особенно враждебно настроенными противъ православнаго священника, оказываются совершенно неспособными къ воспріятію истины. Въ этомъ возраженіи справедливо указаніе на ненависть отщепенцевъ, которую они могутъ питать къ православному свя-

*) *Дементьевъ И.* „Опытъ руков.“ „Руков. для с. п.“, 1898 г., № 9. *Бывшій миссіонеръ.* „По вопросу о публичн. собесѣд.“ „Рук. для с. п.“, 1898 г., № 35.

***) *Яновскій И.* „Условія успѣшн. борьбы съ сектантствомъ“, стр. 15.—*Бывшій миссіонеръ.* По вопросу о публ. собесѣдованіяхъ съ раск.“ „Рук. для с. п.“, 1898 г., № 35.

щеннику. Но выводъ въ этомъ возраженіи сдѣланъ совершенно неправильно: изъ ненависти раскольниковъ или сектантовъ къ священнику никакъ не вытекаетъ ненужность публичныхъ бесѣдъ. Словомъ любви и мира, дѣлами милосердія и т. д. священникъ можетъ рано или поздно внушить довѣріе и уваженіе къ себѣ со стороны раскольниковъ и сектантовъ, и ненависть ихъ, такимъ образомъ, можетъ быть совершенно побѣждена христіанской кротостью и терпѣніемъ проповѣдника-миссіонера; а до болѣе или менѣе близкаго и полнаго знакомства съ сектантами или раскольниками приходскій пастырь и не долженъ приступать къ веденію публичныхъ бесѣдъ.

Наконецъ, выставляя *пятое* возраженіе, противники публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ говорятъ, что отступники отъ Церкви на этихъ бесѣдахъ стараются раздражить священника, а послѣдній въ раздраженномъ состояніи можетъ допустить промахи, унижающіе какъ его лично, такъ и самое православіе.—Конечно, неопытный священникъ можетъ дѣйствительно придти въ раздраженіе отъ хулы и брани раскольниковъ; но истинный миссіонеръ долженъ сдерживать себя и поставить своимъ шумнымъ собесѣдникамъ на видъ, что всѣ оскорбленія, направляемыя по его адресу, на него не дѣйствуютъ. Тогда и сами оскорбители могутъ устыдиться своего поведенія и впредь не будутъ позволять себѣ такъ относиться къ священнику*).

Такимъ образомъ, веденіе публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами, какъ это можно видѣть изъ сдѣланнаго разбора возраженій противъ этихъ бесѣдъ, дѣло нисколько не лишнее и далеко не бесполезное. Мало того, правильное и умѣлое веденіе таковыхъ бесѣдъ можетъ принести существенную пользу священнику въ дѣлѣ предохраненія отъ уклоненія

*) *Ольшевскій I., свящ.* „Проектъ инструкціи для противоштундистскихъ миссіонеровъ-священниковъ юго-западнаго края“. „Рук. для с. и.“, 1889 г., № 24.—*Бывшій миссіонеръ.* „По вопр. о публичн. собесѣд.“ „Рук. для с. п.“, 1898 г., № 35.

въ расколъ или ересь его православныхъ пасомыхъ, равно какъ и въ дѣлѣ возвращенія въ лоно Церкви уже уклонившихся отъ нея. Въ виду же указанныхъ возраженій противъ публичныхъ бесѣдъ,—возраженій, вызванныхъ главнымъ образомъ недостатками этихъ бесѣдъ, зависящими, конечно, отъ малоопытности священниковъ и ихъ недостаточной практической подготовки къ этому важному и серьезному дѣлу,—священникъ молодой и малоопытный не долженъ приступить къ этимъ бесѣдамъ, не увѣрившись прежде въ томъ, что онъ можетъ вести дѣло, какъ слѣдуетъ, и не подготовившись къ нему надлежащимъ образомъ. На первыхъ порахъ онъ долженъ вести съ раскольниками исключительно лишь частныя, домашнія бесѣды. При развитіи частныхъ бесѣдъ, послѣднія современемъ сами собой могутъ превратиться въ публичныя, привлекая все большее и большее количество собесѣдниковъ и слушателей. Преждевременное же начало публичныхъ собесѣдованій, какъ показываетъ дѣйствительность, не привлекаетъ на нихъ раскольниковъ, особенно сектантовъ, и священнику-миссіонеру приходится имѣть дѣло исключительно лишь съ православными.

Священникъ *А. Юрѣвскій.*

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 4 ноября 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 46.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, ноября 17-го.

Содержаніе: Окружное посланіе духовенству Волынской епархіи.— Духов-
ныя нужды русскаго народа и православное пастырство. (По воз-
зрѣніямъ С. А. Рачинскаго).— Проповѣдь миссіонерская.— Закатъ.
Разсказъ.— Способъ для отысканія утренняго рядового воскреснаго
Евангелія, а равно и гласа для данной недѣли.— Объявленіе.

Окружное посланіе духовенству Волынской епархіи.

Въ послѣднее время было нѣсколько случаевъ передачи
крестьянскихъ зданій, назначенныхъ подъ церковно-приходскую
школу, въ пользу школъ министерскихъ, при-чемъ церковная
школа оказывалась выгнанной на улицу. Явленія эти были
бы очень печальны и даже зловѣщи, еслибъ въ основаніи ихъ
не лежалъ обманъ бѣднаго народа со стороны лицъ заинтере-
сованныхъ вѣдомствъ, то прямыми приказаніями, какъ значится
въ приговорахъ, то сокрытіями сущности дѣла понуждавшихъ
крестьянъ исполнять дѣйствіе, имѣвшее въ глазахъ послѣднихъ
лишь одну цѣль: „вмѣсто малой школы устроить большую“¹⁾.

¹⁾ Подобные „набѣги“ на церковныя школы были не только въ Во-
лынской, но и другихъ епархіяхъ Юго-Западнаго края.

Различіе вѣдомствъ крестьяне узнавали только тогда, когда черезъ полгода выяснилось, что дѣтей ихъ перестали учить тому, что для нихъ всего дороже, т. е. церковному пѣнію и чтенію по-славянски. Тогда только начинали раздаваться въ народѣ позднія сожалѣнія о своей довѣрчивости и опрометчивости, но сдѣлать бывало нельзя ничего, а молодое поколѣніе являлось опять отодвинутымъ отъ алтаря Господня и отъ клироса.

„Моихъ прихожанъ безцеремонно обманули!“ жалуется мнѣ священникъ. Вѣрно, но могли-ли бы ихъ обмануть, еслибъ ты былъ добрымъ пастыремъ, знающимъ своихъ овецъ? Смотри, чтобы ихъ не обманули бы и самой вѣрой, какъ обманывали недавно Харьковцевъ ложными грамотами.

Правда, священникъ не заинтересованъ лично характеромъ школы. Даже наоборотъ: школа церковная въ приходѣ не даетъ ему никакого вознагражденія, но возлагаетъ на него отвѣтственность предъ различными представителями власти, а школа мірская, освобождая его отъ отвѣтственности, даетъ ему законоучительское жалованіе отъ 60 до 120 рублей въ годъ.

Мнѣ поэтому приходилось слышать, что и самый подмѣнъ школь происходитъ иногда по тайному соглашенію со священникомъ. Этому нельзя не печалиться, но радуюсь тому, что все-таки многіе священники остановили у себя такой подмѣнъ своимъ вліяніемъ; *а теперь Правительство озабочилось, чтобы это безобразное явленіе не повторялось.*

Но, всечестные отцы! какъ стыдно принимать отъ гражданской власти то, что такъ легко могли бы мы имѣть сами! О, еслибъ только мы всѣ сознавали свой долгъ, то, конечно, крестьяне сами добивались-бы, чтобы всѣ ихъ школы были бы церковными. А теперь, когда на нѣкоторыхъ такихъ школахъ виситъ замѣкъ отъ апрѣля до декабря, мудрено-ли, что дѣятели иныхъ вѣдомствъ оправдываютъ свои притязанія на эти школы.

Мы не унижаемъ гражданской сельской школы: изъ всѣхъ видовъ мірскихъ школь она, — конечно, все-таки наиболѣе

религіозная; учителя ея трудятся усердно въ предѣлахъ начертанныхъ имъ обязанностей и они достойны всякаго сочувствія, какъ и ученики ихъ. Не призываю я васъ къ тому, чтобы стараться о перечисленіи министерской школы въ церковную: не будемъ лстать нашимъ недоброжелателямъ, хотя бы могли вчетверо воздать въ нѣдро ихъ, пользуясь вліяніемъ на народъ. Мы лучше будемъ направлять послѣднее на открытіе новыхъ училищъ, ибо ихъ все-таки страшно мало; однако, знайте, что школа церковная имѣетъ въ своей программѣ огромное преимущество надъ мірскою, что народъ нашъ желаетъ учиться прежде всего тому, какъ молиться и какъ вѣрить. И въ этомъ отношеніи не только гражданская, но и церковная школа недостаточно церковна; еще и отъ ней надо бы убавить много мірскихъ началъ, внушенныхъ нѣмецкой педагогикой. И если бы народныя педагоги искренно держались либеральнаго правила—не насиловать народнаго ума, а только облегчать ему путь къ развитію присущаго его историческому направленію: то, конечно, они бы не ослабляли церковнаго начала въ школѣ, не изгоняли бы славянскаго языка, псалтири и церковнаго пѣнія,—а намъ-то, учителямъ-пастырямъ, во всякомъ случаѣ надлежитъ возводить школьное преподаваніе на такую высоту духовную, чтобы оно имѣло характеръ какъ бы постояннаго богослуженія. Истинно-народная русская школа должна быть отраслью жизни церковной, должна научить крестьянскаго ребенка прежде всего тому, чтобы ясно понимать, что поютъ и читаютъ въ церкви и самому участвовать въ пѣніи и чтеніи церковномъ. А вѣдь это—цѣлое богословское и нравственное образованіе, это сознательное усвоеніе Св. Библии, ясное усвоеніе Закона Божія, то единое на потребу, что дѣлаетъ рыбаковъ—мудрецами, сильнѣйшими языческихъ риторовъ.

Не бесполезна школа мірская, но для усовершенія христіанина въ церкви она даетъ весьма мало. У ребенка, воспитаннаго въ мірской школѣ, остается раздвоеніе между Закономъ Божиимъ школьнымъ, господскимъ и Закономъ

Божіимъ церковнымъ, храмовымъ. Тамъ по-русски нѣчто то слащавое, то сухо-законническое, а здѣсь славянское, святое, какъ бы съ неба сходящее, нечеловѣческое. Языкъ школьника отучается отъ церковно-славянской рѣчи, отъ речитативнаго чтенія; онъ разучивается правильно—по мужицки—креститься, забываетъ о постахъ, ничего не слышитъ о подвигахъ святыхъ Угодниковъ, чтò рассказываетъ ему бабушка, ни о Кіевскихъ пещерахъ, ни о Почаевской Лаврѣ. Когда старшіе говорятъ обо всемъ этомъ, онъ старается припомнить свои уроки, берется за учебникъ съ картинками, но тамъ находитъ только портреты Пушкина, Памятникъ тысячелѣтія, да иллюстраціи къ баснямъ Крылова.

Конечно, о. законоучитель могъ бы это отчасти поправить и, конечно, никто бы ему въ этомъ не сталъ препятствовать, но въ своей-то церковной школѣ сколько великаго и преславнаго можетъ онъ сдѣлать!

Когда я проѣзжаю по деревнѣ и вижу бѣлыя головки невинныхъ созданій Божіихъ, не избалованныхъ свѣтскими матерями, не наученныхъ лгать и притворяться, но во всей чистотѣ еще сохранившихъ благолѣпный образъ Божій, какъ я стремлюсь тогда къ нимъ! Какъ радъ бываю выйти хоть не надолго изъ своей неуклюжей кареты, изъ той тяжелой атмосферы, которая неизбѣжно давить всякое высокопоставленное лицо среди его окружающихъ, и подойти къ этимъ Христовымъ любимцамъ. „Дитя! скажи мнѣ молитву, покажи какъ изображаешь ты рукой спасительную страсть Христа Бога!“—

Для дитяти нѣтъ различія между сословіями и положеніями людей. Оно не робѣетъ, если только ласково заговорить съ нимъ и будетъ говорить тебѣ священныя слова такъ-же просто, какъ говоритъ ихъ наединѣ со своимъ Небеснымъ Отцемъ. А тутъ насъ окружили взрослые крестьяне. Глаголы молитвъ, внушенные св. отцамъ Огненнымъ Духомъ Божіимъ, произносимые *изъ устъ младенцевъ и ссушихъ*, просвѣтляютъ и лица большихъ; послѣднія преобразуются то умиленной

улыбкой, то умиленною слезой. Два, три мгновенія такого общаго вниманія дѣтской молитвѣ и все мы, ученые и простые, становимся лучше, ближе къ Богу, дальше отъ грѣха. Здѣсь исполняется слово Единороднаго: „*иже аще едино отъ таковыхъ отрочанъ приѣмлетъ во имя Мое, Мене приѣмлетъ; а иже Мене приѣмлетъ, не Мене приѣмлетъ, но Пославшаго Мя*“ (Марк. 9, 37).

Смотри, іерей Божій, какъ легко тебѣ принять Христа и Бога! Одно только дитя приласкай во имя Его! Одно дитя, — а вокругъ тебя ихъ—сотни, тысячи. Смотри, какія сокровища тебѣ посылаетъ Богъ! Можно-ли не любить ихъ? Вспомни слово западника Некрасова:

„Кто часто ихъ видѣлъ
Тотъ, вѣрю я, любить
Крестьянскихъ дѣтей“.

Когда я вхожу въ сельскую школу, когда вижу тѣхъ, кому подобныхъ обвинялъ нашъ Спаситель, то не сразу могу говорить отъ приступающихъ къ горлу слезъ. Поистинѣ здѣсь домъ Божій.

Сядемъ же у нихъ и расскажем изъ Христова ученія то, что наиболее доступно ихъ сердцамъ: о томъ, какъ Давидъ являлся пастыремъ львовъ; какъ преп. Сергій кормилъ одного медвѣдя; какъ пахалъ на другомъ преп. Савва; какъ цѣломудренный Иосифъ простилъ своихъ братьевъ; какъ обрѣлъ потерянныхъ дѣтей своихъ великомученикъ Евстафій. Если хочешь прослѣдить степень вниманія твоихъ слушателей, то начни ходить взадъ и впередъ по хатѣ, и увидишь, что все 40 или 50 личиковъ правильно, какъ бы на веревкѣ, поворачиваются за тобою въ одну и другую сторону, ловя твои слова. Говори имъ все это просто, съ тою картинностью, съ тою выразительностью рѣчи, которая отличаетъ твою бесѣду.. Ты пользовался этими свойствами, чтобы восхищать своихъ товарищей на дружеской бесѣдѣ или на пирушкѣ, возбуждалъ веселый смѣхъ и рукоплесканіе! Отдай лучше Богу этотъ

даръ и учащай такіе духовные пиры вѣры съ тѣми, кто всѣхъ насъ предваряетъ въ царствіи Божіемъ по неложному слову Евангелія. Или вотъ въ старшемъ отдѣленіи школы въ Великороссіи тебѣ прочитали молитву за Царя. Кто же это *сопротивные?* спрашиваешь. Мальчикъ подумалъ: „а вотъ Китайцы, Турки“. Зачѣмъ мы съ ними воевали?—„Значить заступались за христіанъ“, одобрительно говоритъ ребенокъ. О китайцахъ тоже всѣ знаютъ и знаютъ, что ихъ особенность заключается въ томъ, что они носятъ косы. Сообщая объ этомъ, дѣти премило конфузятся. Покойныхъ Царей Александра III и Александра II тоже всѣ знаютъ и знаютъ, что Царь—Мученикъ далъ крестьянамъ свободу. Знаютъ и то, что св. градъ Іерусалимъ находится въ рукахъ невѣрныхъ. Какъ все это у нихъ искренно, какъ задушевно, какъ прекрасно!

Священники Божіи! любите дѣтей, умиляйтесь ихъ невинностью, дорожите ихъ вниманіемъ Божественному закону и, видя все это, сокрушайте сердце свое покаянной молитвой! Вы часто жалуетесь на испорченность прихожанъ. Но вотъ неиспорченные изъ нихъ, погруженные вами въ купель наки—бытія и теперь приведенные къ вамъ родителями для наученія тайнамъ вѣры. Вѣдь это святцыя Божія! это драгоцѣннѣйшій перлъ нашей святой земли православной! Отъ васъ зависитъ сдѣлать ихъ навсегда поборниками Церкви или, наоборотъ,—оттолкнуть отъ нея! Пусть святой храмъ всегда оглашается ихъ дѣтскимъ пѣніемъ и чтеніемъ, пусть родители ихъ плачутъ теперь отъ умиленія, слыша ихъ голосъ во св. храмѣ, куда они входятъ съ благоговѣйнымъ страхомъ.

Старайся объ этомъ десять, пятнадцать лѣтъ, усердный іерей, и у тебя запоетъ вся церковь, и чтеніе будетъ вестись по очереди всѣми прихожанами, какъ монахами въ хорошей обители. Это все въ твоихъ рукахъ, только обрати твое сердце къ народу Божьему, къ дѣтямъ народа твоего...

Давно пришлось мнѣ слышать одно жестокое слово, котораго я никогда не забуду: „то вы, монахи, можете пла-

катъ надъ чужими дѣтьми, а намъ свои дѣти—дѣти, а чужія дѣти—поросята“.—Дѣти человѣка того скоро сдѣлались хуже поросять, но и ты знай, что Господь отмщаетъ на ослушникахъ своей воли „до третьяго и четвертаго рода“. Никогда не извиняй своего нерадѣнія къ дѣтямъ твоихъ прихожанъ заботою о собственныхъ дѣтяхъ. Самъ знаешь, сколько теперь священническихъ дѣтей сидятъ по тюрьмамъ, сколько умираетъ пьяными подъ заборомъ, сколько отравленныхъ позорными болѣзнями, постигающими развратниковъ. Всегда, а тѣмъ болѣе въ наше печальное время, никакой родительскія заботы не обезпечаютъ правильнаго воспитанія своихъ дѣтей. Иногда почти святые юноши развращаются въ высшей или даже въ средней школѣ до неузнаваемости въ какіе-нибудь полгода, теряя совѣсть, отечество, вѣру. Если любишь своихъ собственныхъ дѣтей, если трепещешь за здоровье младенцевъ, за нравственность отроковъ и юношей, то заработай себѣ защиту для нихъ у Бога: „иначе *„осу бдѣ стрелій“*“. Бойся прогнѣвить Его пренебреженіемъ къ дѣтямъ чужимъ,—не чужимъ: они тоже твои; тѣхъ ты родилъ по плоти, а этихъ по духу благодати; отвѣтъ же долженъ дать и за тѣхъ и за этихъ. Пророки говорили о Навуходоносорѣ: какъ ты не миловалъ дѣтей Израиля, такъ Богъ не помилуетъ дѣтей твоихъ. То же говорю и тебѣ. Не бываетъ мира и любви въ семьѣ себялюбцевъ. Нѣтъ чести и родителямъ, любящимъ только своихъ дѣтей, ибо и волки и тигры дѣлаютъ то же. Семья, замкнутая въ себѣ и безучастная къ окружающимъ, лишена взаимной теплой ласки; это не домашняя церковь, а торговый или акціонерный союзъ, гдѣ всѣ хлопчутъ о пользѣ своей компаніи. Напротивъ, Божій Ангелъ не отходитъ отъ семьи, гдѣ родители еще раньше полученія своихъ дѣтей, умѣли любить чужихъ, и на нихъ сбывается слово псаломѣвца: „*Я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведника оставленнымъ и дѣтей его просящими хлѣба*“ (Псал. 36, 25).

Любите дѣтей, іереи Божіи, не препятствуйте имъ приходить ко Христу. Бойтесь потопленія съ жерновомъ осель-

скимъ, къ которому приговорены соблазнители Вѣчнымъ Судіей. Не будьте безучастны къ училищамъ благочестія; разъясняйте прихожанамъ высокое преимущество церковной школы и ограждайте ихъ отъ обмановъ. Но и въ школахъ мірской, какъ законоучители, не оставляйте дѣтей безъ теплаго сердечнаго участія. Разберите дѣтскія народныя книжки по Закону Божію, соберите все, что есть наилучшаго и назидательнаго для дѣтей и читайте имъ и сами, и чрезъ учителя и псаломщика, а еще лучше, если разговорною простою рѣчью или даже во взаимной бесѣдѣ съ дѣтьми будете раскрывать имъ то, что содержатъ сіи книги. Больше всего раскрывайте имъ о такихъ событіяхъ, въ которыхъ Богъ вывелъ на свѣтъ правду, въ которыхъ положившіеся на Бога оказывались побѣдителями надъ хитрецами, дабы—дѣти научились вѣрить въ правду жизни и противостоять искушеніямъ жи. Рассказывайте имъ еще больше о томъ, какъ люди прощали другъ друга, какъ обиженные не мстили врагамъ, какъ спяльные и знатные преклонялись предъ добродѣтельными простецами, какъ святые добровольно отказывались отъ богатства, власти, красивыхъ женъ и уходили въ пустыню, смирялись предъ всѣми и служили нищимъ. Увидите, сколь многіе изъ учениковъ вашихъ сдѣлаются подвижниками добродѣтели у себя—ли въ деревнѣ или въ монастырской обители. Поступая такъ, прилежа школахъ и дѣтямъ, вы и весь народъ приведете въ послушаніе вѣры, какъ нѣкогда Святитель Леонтій Ростовскій, изгнанный взрослыми, но возлюбленный дѣтьми, которыхъ потомъ и взрослыхъ къ нему обратили. Я видѣлъ самъ, какъ старшій крестьянинъ цѣлуетъ руку учителю-мальчику, уважая въ немъ носителя свѣта Божія. А учителю—священнику народъ цѣлуетъ ноги и края его одежды. О Господи! научи насъ творити волю Твою. Научи насъ оправданіемъ Твоимъ. Да не обуяетъ соль! Да просвѣтитса свѣтъ учениковъ Твоихъ предъ челоуѣки!

Епископъ *Антоній*.

Духовныя нужды русскаго народа и православное пастырство.

(По воззрѣнїямъ С. А. Рачинскаго).

Недавно скончавшійся незабвенный „сельскій учитель“ проф. С. А. Рачинскій, безспорно, принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ дѣятелей послѣдняго времени. Онъ началъ свою просвѣтительную дѣятельность съ кафедры профессора московскаго университета, но занималъ ее сравнительно недолго (съ 1859 по 1867 г.) и перешелъ на скромное поприще сельскаго учителя. С. А. открылъ въ своемъ родовомъ имѣнїи, въ с. Татевѣ Смоленской губернїи, школу для крестьянскихъ дѣтей и, можно сказать, до самой смерти жилъ одною жизнїю съ своими маленькими учениками. Татевская школа и С. А. Рачинскій были не мыслимы въ раздѣльности, потому что послѣдній отдалъ ей все свои богатые духовныя силы и большой запасъ научныхъ познаній, постоянно, ктому же, обновляемыхъ и восполняемыхъ,—а школа платила ему за это искреннею любовью и полнѣйшимъ довѣрїемъ. Между учителемъ и учениками, даже окончившими курсъ и вступившими въ жизнь, установилась такая прочная связь взаимной любви, которая могла нарушиться только смертью учителя, такъ безгранично преданнаго дѣлу воспитанія и обученія сельскихъ дѣтей и такъ самоотверженно посвятившаго себя этому дѣлу...

Что заставило С. А. Рачинскаго, богатаго и ученаго человѣка, прекратить такъ скоро удачно начатую имъ карьеру ученаго профессора и превратиться въ скромнаго сельскаго школьнаго учителя?—Разгадку этого незауряднаго поступка надо искать намъ въ тѣхъ сочиненїяхъ, которыя оставилъ покойный С. А., и въ которыхъ онъ такъ свободно высказываетъ свои душевные взгляды и такъ широко открываетъ предъ читателемъ свой духовный міръ. Высокая, чистая, безкорыстная любовь къ простому русскому народу,—желаніе вывести его изъ густаго мрака невѣжества и духовной кос-

ности,—вѣра въ способность русскаго народа отозваться на призывъ къ разумной и нравственной жизни,—надежда принести пользу великому дѣлу просвѣщенія народа въ духѣ христіанства: вотъ—что побудило С. А. Рачинскаго открыть у себя въ имѣніи народную школу и поставить ее такъ, что она сдѣлалась образцомъ для подражанія другимъ школьнымъ дѣятелямъ однихъ взглядовъ съ Рачинскимъ. „Нашъ народъ крещенъ, но еще не оглашенъ“, удачно выразился С. А. въ одномъ изъ своихъ писемъ¹⁾, и этимъ вполне указалъ какъ духовное состояніе, въ которомъ находится русскій народъ, такъ и на характеръ будущей просвѣтительной дѣятельности по отношенію къ нему всѣхъ, кому дорого народное благо. Духовное развитіе народа должно произойти путемъ „оглашенія“ его христіанствомъ; народъ долженъ воспринять во всю широту и глубину своего духа истинно-христіанскія начала вѣры и благочестія, чтобы на ихъ почвѣ создать свою разумно-нравственную жизнь и дѣятельность. Благовѣстницею Христа ученія является православная Церковь, сообщающая своимъ чадамъ *вся, яже къ животу и благочестію*.

Такимъ образомъ истинное просвѣщеніе русскаго народа должно происходить въ недрахъ св. Церкви, а участіе въ просвѣщеніи народа должны принять всѣ, кто живетъ одною жизнью съ Церковью, и для кого эта жизнь въ союзѣ съ Церковью и чрезъ нее съ Христомъ представляется жизнью единственно достойною челоуѣка. На комъ же по преимуществу лежитъ долгъ духовнаго просвѣщенія народной массы? Главнымъ образомъ—на духовенствѣ, такъ какъ ему ввѣрено Господомъ попеченіе о *спасеніи* людей²⁾. Но отъ этого про-

¹⁾ См. Письма С. А. Рачинскаго къ духовному юношеству о трезвости. М., 1899, п. IV, стр. 12.

²⁾ Такъ С. А. называетъ послѣднюю цѣль всѣхъ „подвиговъ любви и разума“. „Спасеніе!“ восклицаетъ въ статьѣ „Церковная школа“ С. А. „Это миръ въ державѣ единаго небеснаго Отца, это путь подъ водительствомъ единаго неземнаго Пастыря, это единеніе въ духѣ и могучихъ, и немощныхъ, и мудрыхъ міра сего, и тѣхъ нищихъ духомъ, коимъ воз-

свѣтительнаго долга не свободны и высшіе классы общества, люди знатные, образованные, богатые, какъ не свободенъ и всякій вообще русскій человѣкъ,—христіанинъ стоящій по своему духовному развитію выше простаго крестьянина.

Познакомимся ближе съ интереснымъ кругомъ идей С. А. Рачинскаго, всесторонне и глубоко имъ продуманныхъ, составлявшихъ предметъ его сердечной вѣры и одушевлявшихъ его въ теченіе цѣлой жизни, посвященной воспитанію малыхъ сихъ. Намъ придется *возстановлять* міросозерцаніе С. А. Рачинскаго, т. е. брать по частямъ его мысли, разбросанныя въ его разныхъ произведеніяхъ и затѣмъ уже искусственно соединять ихъ, по внутреннему сходству, въ одно цѣлое. Какъ дѣйтель по преимуществу практической, С. А. не заботился объ изложеніи полнаго своего міровоззрѣнія на бумагѣ; онъ предпочиталъ слову *дѣло*, и исполненіе своихъ задушевныхъ идей цѣнилъ выше теоретическихъ разсужденій. Истину онъ постигалъ больше непосредственно, внутреннимъ, глубокимъ чутьемъ, и если ему пужно было повѣдать интеллигентному міру свои мысли,—онъ не особенно заботился объ ихъ всестороннемъ раскрытіи и научной аргументаціи. Онъ просто, привлекательнымъ своимъ художественнымъ, чисто русскимъ, литературнымъ стилемъ, излагалъ свои думы и мечты, вѣря, что въ сочувствующихъ ему душахъ онѣ не встрѣтятъ ни возраженій ни упрековъ; онъ зналъ, что ихъ, напротивъ, ожидаетъ самый сердечный, радушный, родственныи пріемъ. Ему важно было въ какую-нибудь критическую минуту русской общественной жизни возвыситься среди толпы свой голосъ, чтобы услышать на него сочувственный откликъ своихъ друзей, и ободрить взаимнымъ сочувствіемъ себя и ихъ. Вотъ почему покойный С. А. такъ часто дѣлаетъ обращенія къ *сердцу* своихъ слушателей и читателей, и почему, съ другой стороны, съ такимъ пренебреженіемъ относится къ своимъ письменнымъ трудамъ,—произведеніямъ *минуты*. Онъ самъ

вѣщено царство небесное“. См. Сельская Школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго. Изд. 3. Сиб., 1898, стр. 280.

не считаетъ нужнымъ скрывать, что писалъ ихъ „поспѣшно“ и „небрежно“¹⁾). Разумѣется, такое признаніе Рачинскаго имѣетъ въ значительной степени подкладкою авторскую скромность, воспитанную на почвѣ христіанскаго смиренія, не покидавшаго добраго труженика во все продолженіе жизни и сообщившаго особенную нравственную цѣну всей его дѣятельности. Но если бы даже мы и признали слова Рачинскаго отчасти справедливыми, то и тогда его произведенія не потеряли бы для насъ цѣнности. Въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ сильнымъ, творческимъ умомъ, порождавшимъ мысли, какъ разъ соотвѣтствовавшія дѣйствительнымъ потребностямъ народной жизни. Народную душу, со всеми ея идеальными и грубыми проявленіями, С. А. такъ хорошо изучилъ, такъ пристально всмотрѣлся во все ея изгибы, и въ такомъ совершенствѣ постигъ ея особенности,—что легко могъ ориентироваться во всехъ выдающихся случаяхъ и явленіяхъ народной жизни. Идеи Рачинскаго о народномъ благѣ представляютъ собою не результатъ апріорныхъ, беспочвенныхъ соображеній кабинетнаго мыслителя, но скрываютъ подъ собою основательное знаніе духовныхъ нуждъ народа и умѣнье притти къ нимъ на помощь, особенно—въ критическую минуту.

Каковъ духовный обликъ русскаго народа?—Въ духовномъ обликѣ русскаго народа двѣ стороны: одна вѣшняя, показная, другая внутренняя, сокровенная. По первой нельзя составить настоящаго и полнаго представленія о русскомъ народѣ. Съ этой стороны онъ представляется грубымъ, лѣнтяемъ, пьяницей, воромъ, развратникомъ... Но если проникнуть въ его душу, которую русскій человѣкъ довърчиво открываетъ всякому, кто участливо отнесется къ нему, то нельзя не увидѣть, что за этимъ нравственнымъ безобразіемъ скрывается огромное богатство духовныхъ силъ. Силы эти

¹⁾ Письма къ духовному юношеству. см. послѣднее письмо, отъ 15 марта, 1898 г., стр. 94.

дремлютъ. Ихъ надо разбудить. Самъ народъ скоро проснуться не можетъ!... Въѣтъ съ богатыми духовными силами, еще не початыми, въ душѣ русскаго человѣка ярко пылаетъ пламя сердечной, искренней вѣры въ Бога и св. Церковь, которая, быть можетъ, одна только и сохраняетъ его отъ окончательнаго паденія. Жизнью своею русскій простой народъ далекъ отъ Бога, но сердцемъ, пламенно любящимъ Господа и любящимъ предъ Нимъ горячія слезы покаянія, русскій народъ близокъ къ Нему. Итакъ, вотъ сокровища, которыми обладаетъ русская душа: богатые, нетронутые духовныя силы и пламенная вѣра въ Бога и св. Церковь.

С. А. Рачинскій вывелъ такое заключеніе особенно изъ наблюденій надъ своими школьными учениками. „Да, монастырь, жизнь въ Богѣ и для Бога, отверженіе себя,—вотъ что совершенно искренно представляется конечною цѣлью существованія, недостижимымъ блаженствомъ этимъ веселымъ практическимъ мальчикамъ. Эта мысль не могла имъ быть навязана учителемъ, ни мало не сочувствующимъ нашимъ современнымъ монастырямъ. Монастыря они не видѣли. Они разумѣютъ тотъ таинственный, идеальный, неземной монастырь, который рисуется предъ ними въ разказахъ странниковъ, въ житіяхъ святыхъ, въ собственныхъ смутныхъ алканіяхъ ихъ души“. Такъ говоритъ С. А. въ „Замѣткахъ о сельскихъ школахъ“¹⁾. Отсюда очевидно, что если поставить русскаго человѣка въ такія благопріятныя условія, при которыхъ свободно развивались бы его лучшія духовныя силы, онъ обнаружитъ лежащую у него гдѣ-то въ глубинѣ души жажду истинно христіанской жизни, представляющейся ему теперь, за неимѣніемъ предъ глазами другого подходящаго образа, въ формѣ монастырской жизни. Жизнь *для Бога*, жизнь по закону Божьему не исключаетъ возможности воплотить ее въ другой, не монастырской только формѣ, тѣмъ болѣе, что въ духовномъ складѣ русскаго человѣка много средствъ для созданія иныхъ формъ христіанской жизни. Въ самомъ дѣлѣ,

¹⁾ Сельская Школа, стр. 24.

его умъ весьма способенъ и къ отвлеченной, и къ точной наукѣ¹⁾). Его фантазія богата образами, которые находятъ удачное выраженіе въ дѣтскомъ пока народномъ искусствѣ. Наконецъ, среди школьниковъ скоро прививаются добрые христіанскіе навыки, и стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію становится не принудительнымъ, а естественнымъ проявленіемъ доброй и чистой ихъ души.

Долгъ истиннаго просвѣтителя народа воспользоваться двумя драгоценными сокровищами русской души: ея вѣрою и богатыми духовными силами и поставить ихъ въ такое соотношеніе, чтобы они всегда являлись неотдѣлимыми другъ отъ друга. Просвѣщеніе народное должно происходить въ духѣ христіанства и подѣ постояннымъ благодатнымъ воздѣйствіемъ Церкви, носительницы христіанскаго духа. Такого образованія и воспитанія не получалъ еще ни одинъ народъ міра. Пусть получитъ его народъ русскій, который долженъ сказать свое жизненное *слово* прочимъ народамъ Востока и Запада, ждущимъ новаго откровенія, и, безъ сомнѣнія, онъ скажетъ его, если просвѣщеніе русскаго народа произойдетъ въ церковномъ духѣ. Судьба цѣлаго міра зависить отъ будущности русскаго народа²⁾).

Какъ просвѣщали русскій народъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, спрашиваетъ С. А. въ 1895 году, считая началомъ заботъ о просвѣщеніи народа эпоху освобожденія крестьянъ? Полная оторванность отъ Церкви характеризуетъ просвѣщеніе народа за эти три десятилѣтія, и это потому, что „въ сферѣ умственной вялый скептицизмъ, терпящій неслыханныя глумленія надъ всѣми идеалами, въ томъ числѣ и религіозными, и забавляющійся этими глупостями; въ сферѣ нравственной торжество похоти,—и въ области семейной, и

¹⁾ С. А. изъ своей школьной практики приводитъ примѣры того, какъ школьники интересуются научными познаніями, какъ жадно ловятъ всякое новое слово учителя, какъ легко даются имъ ариѳметическія сложныя выкладки.

²⁾ Сельская Школа, стр. 278.

въ области имущества и власти“¹⁾),—обозначали собою разсматриваемое время. „Наша сельская школа до сихъ поръ не была училищемъ благочестія и добрыхъ нравовъ,—и это не по какимъ-либо несовершенствамъ нашихъ школьныхъ программъ, не по какимъ-либо упущеніямъ въ устройствѣ нашихъ школъ, не потому, чтобы въ учащихся былъ недостатокъ восприимчивости къ ученію божественному, къ ученію нравственному,—а потому, что этимъ вещамъ учать не классные уроки и школьныя книги, а люди и жизнь; потому, что этимъ вещамъ учить было некому, ибо жизнь образованныхъ классовъ учила распущенности и безбожію; потому, что эта жизнь съ роковою силою властвовала и надъ громаднымъ большинствомъ учащихся, и надъ самимъ духовенствомъ; потому, что имя непосредственныхъ дѣятелей народнаго образованія, помимо дѣятелей оффиціальныхъ,—легіонъ; потому, что стоятъ они на тѣхъ низшихъ и среднихъ ступеняхъ образованія, на коихъ съ неумолимой логикой, съ грубою конкретностью воплощается все то, что въ болѣе мягкихъ формахъ, съ оговорками и недомолвками, проповѣдуется и готовится, допускается и поощряется въ сферахъ болѣе сознательной мысли, болѣе утонченной жизни“²⁾). Матеріальное благосостояніе крестьянина, сообщеніе ему практически пригодныхъ въ его хозяйственномъ быту свѣдѣній, вообще одно *внѣшнее*, не относящееся къ единому на потребу для души, было предметомъ заботъ просвѣтителей народа, совершенно забывшихъ, что народу нужно не одно внѣшнее благополучіе, но еще нужнѣе „*спасеніе*“, наука жизни о Богѣ³⁾). Но, быть можетъ, благочестіе, церковность и вся христіанская нравственность, которыя мы хотимъ сдѣлать принадлежностью системы школьнаго образованія, уже устарѣли для нашего времени, какъ устарѣло въ глазахъ Западной Европы и само христіанство? Можетъ быть, школьнымъ дѣятелямъ надо ввести въ школу

¹⁾ Стр. 265.

²⁾ Стр. 272—273.

³⁾ Стр. 101—102.

новую жизнь Запада, которая успѣла захватить собою образованные классы нашего общества? Можетъ быть, слѣдуетъ „замѣнить ученіе о добрыхъ нравахъ ученіемъ о нравахъ свободныхъ, старое благочестіе, поклоненіе недоказанному Богу—поклоненіемъ естественному человѣку,—этому высшему выраженію міровыхъ силъ, доступному нашему здравому смыслу?“ Иѣтъ, отвѣчаетъ С. А., изъ глубочайшаго дна нашей души подымается признаніе, что всѣ эти новыя ученія, вся эта новая нравственность,—это для человѣка, несущаго тягло жизни, для человѣка, не даромъ бременящаго землю,—совершенно непригодно, а пригодно только для насъ, людей праздныхъ и сытыхъ, развитыхъ и досужихъ, что все это неправда, и хуже, чѣмъ ложь, что все это баловство ума и усиленіе духа, потворство плоти и заглушеніе совѣсти“¹⁾. Съ другой стороны, въ самой жизни Россіи за эти послѣдніе тридцать лѣтъ оказываются такія явленія, которыя съ очевидностью свидѣтельствуютъ, что „новыя ученія“ не по душѣ русскому человѣку, и что русскій человѣкъ жаждетъ чего то другого, чего, очевидно, не въ состояніи дать ему Западъ. Такими „знаменіями времени“ послѣдняго тридцатилѣтія С. А. считаетъ: движеніе въ народъ, которое охватило было образованную молодежь, но которымъ, къ сожалѣнію, не „сумѣли овладѣть“, которое сумѣли только осмѣять благонамѣренные люди, и коимъ воспользовались люди злонамѣренные“; движеніе это вытекало изъ желанія убѣжать отъ условій разлагавшагося общественнаго строя и изъ надежды обрѣсти въ грубой, но цѣльной народной массѣ утраченную цѣльность мыслей и духа. Затѣмъ, къ такимъ же „знаменіямъ времени“ С. А. относитъ: добровольческое движеніе въ сербскую войну „во имя святого дѣла, христіанскаго и вселенскаго“;—пророческія рѣчи Достоевскаго, къ которымъ прислушивались сами нигилисты;—оплакиваніе безвременной кончины Скобелева, носителя „идеала той полной независимости, той духовной свободы христіанскаго Востока, славянской семьи, который

¹⁾ Стр. 273—274.

до сихъ поръ столь далекъ отъ осуществленія“. Въ послѣднее время умами овладѣлъ Толстой съ своими, хотя и странными и смутными, но прямыми и искренними словами о Богѣ, о жизни для Бога и въ Богѣ; въ послѣднее же время появились въ „большомъ свѣтѣ“ протестантствующія секты съ своеобразными ученіями о жизни и вѣрѣ. Еще,—смерть Аксакова, редактора газеты „Русь“: умеръ Аксаковъ, и при этомъ изъ груди Россіи вырвался какой-то крикъ боли, а между тѣмъ извѣстно, что И. С. Аксаковъ плылъ противъ теченія, проповѣдывалъ о вѣрѣ, о побѣдѣ духа надъ плотію, о христіанской жизни. Случился голодъ, скончался Государь Александръ III, и снова вздрогнула и подняла глаза къ небу Россія... Что это? Развѣ не наглядныя свидѣтельства зрѣющаго въ Россіи духовнаго переворота и скорого начала лучшей нравственно-религіозной жизни? „Современная Россія“, говоритъ С. А., „не вся въ поруганіи святыни, въ хищеніяхъ и глумленіяхъ, во лжи адвокатскихъ рѣчей и журнальныхъ писаній, въ тупомъ разгулѣ кабака и въ откровенномъ развратѣ образованныхъ классовъ. Есть теченія иныя, сокровенныя и глубокія, есть чистые люди, есть добрыя дѣла“¹⁾... Этими свѣтлыми проблесками, мелькающими въ жизни русскаго народа, надо непременно теперь же воспользоваться, чтобы предложить ему тотъ духовный хлѣбъ, отъ недостатка въ которомъ онъ уже давно духовно голодаетъ. Теперь именно, когда сама верховная власть призываетъ дѣятелей къ воспитанію народа въ духѣ вѣры и Церкви, наступилъ такой благоприятный моментъ для благотворнаго просвѣтительнаго воздѣйствія на народъ. Теперь надо употребить особенныя усилія, чтобы прочно стать на новый путь христіанскаго просвѣщенія народа, путь, еще не извѣданный и не проторенный, а потому и не легкій, требующій отъ школьнаго дѣятеля особенной „бдительности ума, напряженія воли, любви искренней, не лицемѣрной“²⁾. Нельзя пренебрегать настоящимъ

¹⁾ Стр. 274—275.

²⁾ Стр. 293.

благоприятнымъ временемъ. Если мы оставимъ его безъ вниманія, то будемъ повинны предъ Богомъ за гибель нашихъ меньшихъ братій.

Н. Пальмовъ.™

(Продолженіе будетъ).

Миссіонерская проповѣдь*).

Характеръ миссіонерскихъ бесѣдъ.

Обращаясь съ миссіонерской проповѣдью къ заблудшимъ отъ пути истины, священникъ долженъ при этомъ руководиться чувствомъ христіанской любви къ нимъ. „Миссіонерское служеніе,—говоритъ преосвящ. Аполлосъ,—тяжело для тѣхъ, кто не имѣетъ духа апостольской любви и ревности о спасеніи людей. Св. апостолы любили просвѣщаемыхъ, какъ самихъ себя. Стяжите любовь апостольскую: она сдѣлаетъ для васъ и лишенія нечувствительными, и скорби сладостными, и труды легкими и пріятными; она воспитаетъ въ сердцѣ вашемъ святу ю ревность о спасеніи людей, научитъ находчивости въ способахъ обращенія, внушитъ вамъ на каждый случай подобающее и дѣйственное наставленіе для каждаго человѣка; ея слово имѣетъ силу и найдетъ доступъ къ сердцу наставляемыхъ“ **). Эта любовь и сердечное отношеніе къ заблудшимъ необходимы для искорененія въ средѣ послѣднихъ враждебнаго отношенія къ Православной Церкви. Раскольники и сектанты въ большинствѣ случаевъ являются озлобленными, непокорными противниками Церкви. Этою враждебною настроенностью ихъ объясняется и то, что они обыкновенно съ предубѣжденіемъ относятся къ словамъ и ученію православнаго священника. Поэтому, чтобы отступники

*) См. № 45 за 1902 г.

***) *Аполлосъ*, архіеп. „Архипастырск. наставл. миссіонерамъ Вятской епархіи“. Вятск. еп. вѣд., 1882 г., № 6.

отъ Церкви могли спокойно и безпристрастно размыслить и сличить свое заблужденіе съ чистымъ ученіемъ Церкви, сопоставить свой образъ жизни съ правилами Православной Церкви, они должны быть предварительно расположены къ проповѣднику и къ Церкви, должны быть приведены въ спокойное чувство смиренія и христіанской любви къ людямъ. А эти чувства смиренія и любви священникъ можетъ возбудить въ сердцахъ заблудшихъ только своею искреннею любовію къ нимъ, только при исполненіи великой заповѣди Христа: „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ (Мѡ. 5, 44). Въ своей миссіонерской дѣятельности священникъ долженъ дѣйствовать не столько на умъ, сколько на сердце уклонившихся отъ Церкви. Безъ такого отношенія къ заблудшимъ никакія словопренія не послужатъ къ обращенію ихъ въ Церковь *).

Обращаясь съ словомъ мира и любви къ отступникамъ отъ православія, священникъ долженъ знать и памятовать, что цѣлью его миссіонерскихъ бесѣдъ должно служить не „выведеніе на позоръ“ *древняго благочестія* раскольниковъ или сектантскихъ заблужденій, а просвѣщеніе, вразумленіе, назиданіе этихъ *спящихъ во тьмѣ и снѣху смертной* людей. Цѣль миссіонерскихъ бесѣдъ должна быть не полемическая, а педагогическая, просвѣтительная: священникъ—миссіонеръ долженъ быть терпѣливымъ и снисходительнымъ учителемъ, предлагающимъ извѣстную истину въ самой простой и доступной для темныхъ и неразвитыхъ отщепенцевъ формѣ, не жалѣющимъ усилій и труда сдѣлать эту истину понятной ихъ уму и близкой къ ихъ сердцу **). Преслѣдуя такую цѣль, священникъ никогда не долженъ осуждать и унижать ни раскольниковъ, ни сектантовъ, какъ будто бы у нихъ нѣтъ ничего хорошаго. Напротивъ, онъ долженъ помнить, что и у раскольниковъ и

*) „Взглядъ на расколъ“. Тобольск. еп. вѣд., 1891 г., № 15—16.

***) *Бывшій миссіонеръ*. По вопросу о публ. собесѣд. съ раскольн. „Рук. для с. п.“, 1898 г., № 35.

у сектантовъ есть много хорошаго: многіе изъ раскольниковъ очень набожны, живутъ трезво и скромно, церковныя правила исполняютъ усердно, украшаютъ свои моленныя, службы совершаютъ по уставу, безъ опущеній, во время службы стоять благоговѣнно; большинство сектантовъ—народъ трезвый, честный, добрый, любящій священныя книги и т. д.

Не долженъ священникъ употреблять и рѣзкихъ обличеній и укоровъ по адресу своихъ собесѣдниковъ, потому что этимъ онъ можетъ только раздражить ихъ и сдѣлать неспособными къ воспріятію истины. „Повелительный тонъ, суровые выговоры, насмѣшки, колкости, упреки въ пристрастіи, а особливо злословія никогда не доставляютъ убѣжденія, а только поводъ къ раздраженію и ненависти, часто же и къ сомнѣнію о предлагаемой истинѣ, потому что и въ самомъ дѣлѣ, что это за истина, которую надобно защищать такими неприличными доказательствами? Всякая истина имѣетъ свои чистыя доказательства“ *). Веда собесѣдованія съ уклонившимися отъ Церкви, священникъ долженъ быть равнымъ, спокойнымъ, терпѣливымъ. „Вооружайся божественнымъ терпѣніемъ,—говорится въ „Наставленіи священнику“,—чтобы кротко выслушивать всѣ возраженія заблуждающихъ, даже глупые и ребяческіе извороты. Знай, что, выходя изъ терпѣнія, ты вредишь не противнику, но себѣ и своему дѣлу, потому что теряешь ясность спокойнаго разсматриванія предметовъ и удобство спокойнаго распоряженія твоими способами“ **). Но спокойствіе, самообладаніе, ровность должны быть не искусственными, не заученными, не плодомъ скрытности и хитрости, а плодомъ христіанскаго господства священника надъ своими страстями. Не скрывать только въ своей душѣ страсти долженъ священникъ, а поборать и укрощать ихъ, чтобы и въ самомъ взорѣ, лицѣ и движеніяхъ священника видна была искрен-

*) „Наставл. свящ. относит. заблуждающихъ отъ истины вѣры“, стр. 11.

**) Тамъ же, стр. 11—12.

ность*). Всѣ оскорбленія, хулы и клеветы, направленныя противъ священника—миссіонера наиболѣе фанатичными и возбужденными изъ его собесѣдниковъ, онъ долженъ сносить съ христіанскимъ смиреніемъ и терпѣніемъ. „Безъ скорбей и подвига,—говорить преосв. Антоній,—не можетъ быть и плода духовнаго, а одно только самообольщеніе или прелесть. И чѣмъ больше будетъ возставать на васъ ожесточенная злоба и упорное коварство ересеучителей, чѣмъ грубѣе будутъ приступы невѣжественнаго, озлобленнаго народа, тѣмъ крѣпче уповайте, что въ васъ и около васъ совершаются муки духовнаго рожденія. Не здѣсь, не въ нашемъ торжествующемъ собраніи единомысленныхъ сотрудниковъ**), зачинается таинство св. вѣры, а въ душевой избѣ, наполненной сѣрымъ народомъ или, лучше скажу, въ скорбящемъ, измученномъ сердцѣ проповѣдника, если только оно не съ ропотомъ и уныніемъ, но съ благодареніемъ и упованіемъ несетъ свой апостольскій крестъ. Пусть его святые порывы встрѣчаются издѣвательствомъ; пусть любовь его клеймится, какъ лицемѣріе; пусть его ревность обзывается жестокостью: если все это удостоишься претерпѣть, то знай, что этотъ самый внутренній вопль наболѣвшей души есть крикъ возрожденія въ жизнь духовную для многихъ. Не однажды и не дважды, а многократно повелеваетъ намъ Господь испытывать тяжкія скорби видимаго безплодія трудовъ нашихъ и прямыхъ оскорбленій и клеветъ. Всегда съ любовію будемъ *вдавать плещи своя на рыны и ланиты на заушенія* (Ис. 50, 6), ибо всякій разъ Господь воздастъ намъ за это приобрѣтеніе брата,—либо самого устыдившагося обидчика, либо свидѣтелей его беззаконій, или же насъ самихъ наградить внутреннимъ духовнымъ плодомъ; ибо только послѣ такихъ скорбныхъ испытаній раскрываются намъ тайны Божественнаго Промысла, только страдальцамъ бываетъ

*) Григорій, митр. „Практич. наставл.“, стр. 83—84.

**) Разумѣется *третій* Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ Казани въ 1897 г.

суждено какъ бы перстами своими прикасаться къ подножію
Вседержителя“ *).

Свящ. А. Юрьевскій.

(Продолженіе будетъ).

*) *Антоній*, еп. волыскій. „Собраніе сочиненій“, т. I, Каз., 1900 г.,
сгр. 118—120.

ЗАКАТЪ.

Разсказъ.

На деревянномъ крылечкѣ своего домика въ лѣтній іюньскій вечеръ сидѣлъ о. Игнатій въ мирномъ, мечтательномъ настроеніи. Вечеръ былъ чудный: солнце только-что скрылось, и румяныя полосатыя легкія облака на западной сторонѣ неба, гдѣ закатилось солнце, общали хорошую, ведреную погоду. Потянуло прохладой; свѣжій вѣтерокъ оживлялъ, бодрилъ всю природу послѣ дневного зноя. Тихо и мирно шелестѣлъ онъ въ листьѣ небольшого садика о. Игнатія, расположеннаго рядомъ съ его домомъ, и наполнялъ воздухъ здоровымъ запахомъ отдыхающей земли и зелени...

Отдыхалъ и о. Игнатій... отдыхалъ въ этотъ вечеръ, устремивъ свой задумчивый взоръ на то мѣсто, гдѣ закатилось солнце, отъ тревогъ своей многотрудной, честно прожитой жизни. Взглядъ его, устремленный безпредметно въ пространство, ясно показывалъ, что мысли его обращены не на красоты этой чудной, простой сельской природы:—она только настраивала и направляла ихъ на мирный, торжественный ладъ, переносила къ давно минувшему прошлому. Догоравшій день и закатъ солнца обратили думы о. Игнатія къ его собственной жизни, приходившей къ концу, и заставили въ сотый разъ пережить ее въ своихъ воспоминаніяхъ.

Вотъ онъ представляетъ себя еще молодымъ, безбородымъ юношей, только-что окончившимъ курсъ семинаріи. Тогда не

*) *Антоній*, еп. волыскій. „Собраніе сочиненій“, т. I, Каз., 1900 г., стр. 118—120.

думали долго, куда идти, къ чему стремиться,—путь былъ открыть и ясень: нужно было идти на служеніе Богу и тѣмъ простымъ людямъ, среди которыхъ онъ выросъ. И онъ пошелъ... Вспоминаетъ о. Игнатій, какъ, получивъ мѣсто священника въ этомъ самомъ селѣ, нашелъ онъ себѣ подругу жизни, кроткую простую, славную Агаѣю Ивановну. Тридцать лѣтъ прожили онъ съ покойницей душа въ душу; и она понимала его, и онъ ее, и они вмѣстѣ дѣлили радость и горе... Тихо прожила она свой вѣкъ и по-христіански скончалась отъ случайной болѣзни; вонъ, чрезъ рѣшетку церковной ограды видна ея могила, осѣнѣнная кустами сирени и шиповника. Съ кроткимъ чувствомъ смотреть съ своего крылечка о. Игнатій на эту дорогую могилу, и шепчуть уста его: „во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи!“...

Вмѣстѣ съ покойницей пережилъ онъ и радости и горе семейныя, а тѣхъ и другихъ не мало было съ дѣтьми. Даль ихъ Господь ему десять человекъ: семь дѣвочекъ и три мальчика; но выжило всего двое—сынъ Иванъ да дочь Аленушка: Ихъ только и пришлось вырастить, поставить на ноги; остальныхъ схоронили младенцами. Лежатъ они теперь тутъ же, на погостѣ, вокругъ матери, утѣшаютъ покойницу. Но что же? на то воля Божія: Онъ далъ, Онъ и взялъ,—такъ Ему было угодно... Ивана и Аленушки тоже нѣтъ теперь въ живыхъ, и они давно померли. Радовалъ въ свое время Иванъ отца и мать своимъ добрымъ нравомъ и ученіемъ, но не пошелъ онъ по родительскому пути, сколько они ни уговаривали. Захотѣлъ дальше учиться, сдѣлался докторомъ—и на службѣ своей нашелъ себѣ смерть, заразившись горячкой: славная смерть: за ближнихъ положилъ душу свою!... Не судилъ Богъ долго жить и дочери—Аленушкѣ. Она вышла замужъ за священника, но чрезъ пять лѣтъ умерла отъ тяжелыхъ родовъ. Такъ и остался о. Игнатій одинъ-одинешенекъ на бѣломъ свѣтѣ, сиротливо коротая свой затянувшійся вѣкъ...

Но не однѣ семейныя картины прожитого занимаютъ въ эти минуты думы престарѣлаго о. Игнатія. Смотритъ онъ на

красивую каменную церковь съ позолоченными крестами, съ окнами, въ которыхъ разноцвѣтными огнями догараеть заря,— и вспоминается ему ясно, отчетливо убогій, деревянный, полуразвалившійся храмъ, что стоялъ раньше на этомъ мѣстѣ. Богу благодареніе! Это Онъ помогъ о. Игнатію устроить новую, благолѣпную церковь, потрудиться во славу Божию. Помнить о. Игнатій сколько трудовъ и заботъ стоило ему это святое дѣло, какъ выпрашивались, скоплялись трудовыя копейки небогатыхъ прихожанъ на него цѣлыми годами; но зато помнить и ту великую радость прихода, когда совершалось торжественно освященіе новаго храма.

Встають въ старческомъ воспоминаніи добрыя, простыя отношенія между нимъ и прихожанами. Служилъ онъ Богу и людямъ больше сорока лѣтъ отъ чистаго сердца,—и оцѣнили простыя души его служеніе, и платили ему всегда любовь и довѣріемъ. Много отрадныхъ случаевъ приходитъ на память о. Игнатію изъ того времени, много лицъ мужскихъ оживаютъ предъ нимъ, которыя открывали ему свою душу, которыхъ онъ утѣшалъ, разрѣшалъ отъ грѣховъ, вель ко спасенію... Теперь онъ въ сторонѣ, за штатомъ,—другіе дѣлатели вышли на ниву Господню;—но и теперь жива его связь съ приходомъ и теперь,—знаеть онъ,—любитъ его каждый отъ мала до велика. И мирной радости исполняется душа отца Игнатія...

„Свѣте тихій святыхъ славы!... пришедше на западъ солнца, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа!“—шепчетъ о. Игнатій, возвращаясь съ крылечка въ свой одинокій домикъ, на мирный покой, когда погасли уже послѣдніе лучи вечерней зари...

Свящ. Аѳ. *Веселмкій.*

Способъ для отысканія утренняго рядового воскреснаго Евангелія, а равно и гласа для данной недѣли.

Въ Календарѣ для духовенства на 1898-й годъ, составленномъ Ив. Добровольскимъ, указанъ слѣдующій способъ для

отысканія утренняго рядового воскреснаго Евангелія, а равно и гласа для данной недѣли. Такъ какъ рядъ утреннихъ рядовыхъ евангелій начинается съ 1-й недѣли по Пятидесятницѣ, т. е. съ недѣли Всѣхъ Святыхъ, рядъ-же гласовъ начинается съ 2-й недѣли, то для отысканія утренняго воскреснаго рядового евангелія, а равно и гласа для данной недѣли нужно знать прежде всего, какая это недѣля по церковному счету и, для отысканія утренняго рядового воскреснаго евангелія, число (номеръ) недѣли—раздѣлить на 11 (столпъ утреннихъ воскресныхъ евангелій) и остатокъ покажетъ, какое евангеліе читать въ эту недѣлю. Напр., недѣля 23-я,—дѣлимъ 23 на 11, получаемъ въ остаткѣ 1, слѣд. евангеліе въ эту недѣлю 1-е. Если же число недѣли дѣлится безъ остатка на 11, то евангеліе будетъ 11-е; напр., для 22-й и 33-й недѣль евангеліе будетъ 11-е.

Для отысканія-же гласа нужно изъ числа (номера) недѣли вычесть единицу и остатокъ раздѣлить на 8; получившійся остатокъ и укажетъ гласъ. Напр., нужно узнать гласъ для 23-й недѣли: вычитаемъ 1 изъ 23, получаемъ 22, дѣлимъ 22 на 8, получаемъ въ остаткѣ 6; слѣд. для 23-й недѣли будетъ 6-й гласъ. Если-же и здѣсь остатка не будетъ, то гласъ будетъ 8-й, напр., недѣля 17-я: $17 - 1 = 16$, а 16 дѣлится на 8 безъ остатка, слѣд. для 17-й недѣли будетъ гласъ 8-й.

Священникъ *Викторъ Нарциссовъ*.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1903 ГОДУ.

Въ 1903 подписномъ году и 44 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ будетъ продолжать, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ дѣлѣ.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ будутъ печатаемы не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и будутъ разрѣшаемы вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, будетъ уясняемо отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываемы способы и мѣропріятія борьбы съ релігіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также будутъ даваемы посильные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всѣмъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-релігіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаемы очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на нивѣ Христовой, и художественно обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ релігіозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, разсылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, будутъ помѣщаемы общедоступныя поученія на всѣ воскресные, праздничныя и высокаторжественныя дни, въѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ, а также обсужденіе мнѣній свѣтской печати по церковнымъ вопросамъ.

Наконецъ, съ 1903 г. Редакція „Рук. д. с. паст.“ предполагаетъ дать своимъ подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, рядъ справочныхъ книжекъ по вопросамъ пастырской практики подъ заглавіемъ: „Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики“.

Въ наступающемъ 1903 году будетъ данъ первый выпускъ этого изданія, въ который войдутъ рѣшенія вопросовъ изъ практики бгослужебной.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для приобритенія въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 230).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ** рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ коненсторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1903 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 8 ноября 1902 г.

Цензоръ, экстрасрд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 47.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, ноября 24-го.

Содержаніе: Можно ли молиться за иновѣрцевъ? — Духовныя нужды русскаго народа и православное пастырство. (По воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго) (продолженіе). — Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе).

Можно ли молиться за иновѣрцевъ?

Этотъ вопросъ возбуждаетъ теперь особый интересъ, въ виду того, что Литовское епархіальное начальство не разрѣшило служить торжественныя паннихиды въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ по скончавшемся недавно командующемъ войсками Виленскаго военнаго округа генералѣ А. В. Гурчинѣ, римско-католическаго исповѣданія.

Отнесемъ къ этому вопросу совершенно объективно и посмотримъ, какъ разрѣшается онъ съ точки зрѣнія канонической.

Уже апостоль Павелъ не позволялъ имѣть религіознаго общенія съ людьми, не послѣдующими истинному ученію Хри-

стову ¹⁾ и завѣтамъ апостольскимъ ²⁾. Заповѣдь апостола, запрещающая православнымъ имѣть религіозное общеніе съ еретиками, повторяется во многихъ церковныхъ правилахъ. Православнымъ запрещается молиться съ еретиками. Именно, въ 45-мъ апостольскомъ правилѣ читаемъ: „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, съ еретиками молившійся токмо, да будетъ отлученъ. Аще же позволить имъ дѣйствовать что-либо, яко служителямъ Церкви: да будетъ изверженъ“.

6-е правило Лаодикійскаго собора гласитъ: „Не попускати еретикамъ, коснѣющимъ въ ереси, входить въ домъ Божій“; въ 33-мъ правилѣ того же собора читаемъ: „Не подобаетъ молиться съ еретикомъ или отщепенцемъ“ (συρισματικῶ) ³⁾. Православные священники не должны преподавать еретикамъ таинства, или исправлять для нихъ другія духовныя требы (если они не изъявятъ намѣренія соединиться съ Церковью), а также не допускать еретиковъ къ совершенію сихъ требъ для православныхъ. (Апост. 46-е, 65-е. Лаодик. 6-е, 9-е, 33-е, 37-е).

Всѣ эти правила, запрещающія христіанамъ религіозное общеніе съ неправославными, нисколько не противорѣчатъ духу христіанской любви и той вѣротерпимости, которая столь присуща Православной Церкви, ибо „иное дѣло терпѣть вблизи себя заблуждающихъ, ожидая ихъ добровольнаго обращенія, и заботясь о томъ, чтобъ имѣть съ ними внѣшнее (гражданское) общеніе, иное—вступать съ ними въ безразличное общеніе въ вѣрѣ, что уже значить не ихъ обращать къ Православію, а самому колебаться въ немъ“ ⁴⁾. Здѣсь все дѣло

¹⁾ *Еретики, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся.* (Тит. 3, 10).

²⁾ *Если же кто не послушаетъ слова нашего въ семь посланій, того имйте на замѣчаніи, и не сообщайтесь съ нимъ, чтобъ устыдить его. Но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата.* (2 Тим. 3, 14, 15).

³⁾ См. также 9-е пр. Тимофея, епископа Александрійскаго.

⁴⁾ Арх. Іоаннъ. „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“. Вып. I, стр. 191—192.

направляется къ предохраненію православныхъ отъ религіознаго индифферентизма, или безразличія въ дѣлахъ вѣры, равнодушія къ нимъ.

Со времени отдѣленія римско-католической церкви отъ Восточной, постановленія означенныхъ церковныхъ правилъ относительно религіознаго общенія православныхъ съ латинянами примѣнялись къ послѣднимъ, смотря по обстоятельствамъ, то болѣе, то менѣе строго. Такъ, когда патріархъ Александрійскій Маркъ II поставилъ Ѳеодору Вальсамону вопросъ, возможенъ ли латинскимъ илѣнникамъ входъ въ православныя церкви, и могутъ ли тамъ имъ быть сообщаемы благодатные дары, отвѣтъ былъ данъ отрицательный. Вальсамонъ допускаетъ это только тогда, когда такіе латиняне сперва подчинятся постановленіямъ Православной Церкви ¹⁾. Но когда позднѣе (въ XIII в.) митрополитъ Диррахіума Константинъ Кабазила предлагалъ архіепископу Дмитрію Хоматину вопросъ: могутъ ли православные епископы имѣть входъ въ латинскія церкви и участвовать тамъ въ богослуженіи, архіепископъ, въ отвѣтъ на это, указалъ на незначительное различіе, существующее между Латинскою и Восточною церковью, такъ что, поѣтому, ни одному восточному епископу нельзя отказать во входѣ въ латинскую церковь.

Точно также онъ рѣшительно высказался за тотъ, раздѣляемый большею частію греческаго духовенства, взглядъ, что приговоръ Вальсамона является рѣзкимъ и неосновательнымъ, ибо латиняне и не были осуждены соборно, и не были исключены, какъ еретики, изъ церковнаго общества, но много разъ участвовали въ богослуженіи и молитвахъ православныхъ. Основаніе этого можно вывести изъ 15 правила I—II Константинопольскаго (въ храмѣ Свв. Апостоловъ) собора 681 г. Вообще, по мнѣнію Дмитрія Хоматина, интересы Православной Церкви должны быть направлены не на то, чтобы отталкивать латинянъ, но постепенно и мирно склонять ихъ

¹⁾ Вальсамонъ ἀπόφρ. 16. Σύσταγμα κανόνων, V. 460.

на свою сторону, ибо одинъ и тотъ же Спаситель и Господь пролил Свою кровь за всѣхъ ¹⁾). Въ то же время, по поводу того, что латиняне открыли свои кладбища православнымъ и благословляли ихъ тѣла при погребеніи, обратился упомянутый митрополитъ Диррахіума къ епископу Іоанну Китрскому съ вопросомъ, не можетъ ли это дѣлаться равнымъ образомъ и со стороны православныхъ.

Епископъ отвѣтилъ въ примирительномъ духѣ, что въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, между послѣдователями обоихъ вѣроисповѣданій не можетъ быть никакого различія ²⁾). Но тотъ же Димитрій Хоматинъ въ своемъ позднѣйшемъ, обращенномъ къ монаху Григорію Ойкодомуццо, письмѣ высказалъ уже болѣе строгое отношеніе къ латинянамъ ³⁾.

Наши предки, весьма дорожа своею вѣрой и желая оградить православныхъ отъ совращенія въ иное вѣроисповѣданіе, строго соблюдали указанныя выше правила, запрещающія православнымъ христіанамъ всякое религіозное общеніе съ иновѣрцами. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ не только находятся свидѣтельства о запрещеніи православнымъ участвовать въ молитвахъ съ не-православными (входить въ ихъ храмы), а также о недозволени не-православнымъ посѣщать православныя церкви, въ особенности же имѣть общеніе въ причастіи Св. Таинъ; но встрѣчаются даже указанія на неодобреніе близкаго житейскаго общенія съ ними. Уже преподобный Θεодосій Печерскій, митрополиты: Георгій, Іоаннъ II и Никифоръ, въ своихъ посланіяхъ, подробно опровергали разныя заблужденія латинянъ и указывая, что они за эти заблужденія отлучены, отвержены отъ Церкви Православной, заповѣдуютъ всячески блюстися ихъ ученія, не участвовать въ ихъ богослуженіи, не слѣдовать ихъ обычаямъ, не заключать съ ними брачныхъ союзовъ и даже не имѣть общенія въ пищѣ

¹⁾ Димитрій Хоматинъ. *Σ. V*, 435—436.

²⁾ *Σ. V*, 404.

³⁾ Zhishman. „Das Eherecht d. orient. Kirche“. стр. 533.

и питіи ¹⁾). И позднѣе, приходившихъ къ намъ иновѣрцевъ, художниковъ, ремесленниковъ и другихъ охотно принимали у насъ на жительство и предоставляли имъ держаться своей вѣры, безъ всякаго стѣсненія, но не дозволяя имъ входить въ русскіе храмы ²⁾). Не были допускаемы въ православные храмы даже лица заподозрѣнныя въ нетвердости въ Православіи ³⁾). Не дозволялось также и православнымъ входить въ неправославные храмы и участвовать въ богослуженіи съ лицами неправославными. Такъ, напримѣръ, великій князь Іоаннъ III, отправляя свою дочь въ Литву, между прочимъ, наказалъ ей: „Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александра, ея свекровь, и если пойдетъ въ свою божницу, а ей велить идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божницы, и потомъ вѣжливо отправиться въ свою церковь, а въ божницу не ходить“ ⁴⁾).

Съ теченіемъ времени, это строгое отношеніе къ иновѣрцамъ нѣсколько смягчилось, но и въ настоящее время общеніе православныхъ съ послѣдователями иныхъ вѣроисповѣданій, хотя бы и христіанскихъ, въ таинствахъ и религіозныхъ обрядахъ не допускается. Такъ, неправославные христіане ни въ какомъ случаѣ—хотя бы и во время болѣзни и за неимѣніемъ духовнаго лица—не должны быть принимаемы православнымъ священникомъ на исповѣдь безъ предварительнаго присоединенія къ Православной Церкви (Указы св. Синода 77 іюня 1818 г. и 22 декабря 1833 г.). Отгѣваніе иновѣрныхъ христіанъ по чину Православной Церкви можетъ быть совершаемо только въ случаѣ обращенія ихъ предъ смертію въ Православіе и послѣ исповѣди ихъ предъ православнымъ священникомъ. (Ук. 1727 г. іюля 20, 1730 г. мая 22.) Только

¹⁾ Проф. М. Красножень. „Иновѣрцы на Руси. Къ вопросу о свободѣ вѣры и о вѣротерпимости“. 3 изд., стр. 133.

²⁾ Макарій. „Исторія Русской Царьви“. Т. VIII, стр. 372.

³⁾ Макарій. Т. XI, стр. 22—23. Голубцовъ, „Пренія о вѣрѣ“, стр. 29—30.

⁴⁾ Проф. М. Красножень. „Какъ Русскіе берегли свою вѣру“. „Живоп. Россія“, №№ 45 и 46.

въ случаѣ крайней нужды, то-есть, если не будетъ налицо духовнаго лица того исповѣданія, къ которому принадлежалъ умершій, православный священникъ не долженъ отказываться отъ погребенія иновѣрнаго христіанина, но, облачившись въ ризу и епитрахиль, долженъ ограничить все совершеніе этого погребенія однимъ только провожденіемъ тѣла умершаго съ мѣста (изъ дома) до кладбища и опущеніемъ его въ могилу, при пѣніи въ томъ и другомъ случаѣ: „Святый Боже“, конечно, безъ пѣнія литіи и безъ возглашенія вѣчной памяти. Эта процессія никакъ не должна совершаться одновременно и въ ряду съ проводами другого умершаго, принадлежащаго къ Православной Церкви. Тѣло умершаго иновѣрца не можетъ быть вносимо передъ погребеніемъ въ православную церковь, и духовенство не должно служить по немъ паннихиды на дому и включать его въ церковное поминовеніе ¹⁾).

Вопросъ о молитвѣ за умершихъ инославныхъ христіанъ въ практикѣ Русской Церкви рѣшается не одинаково: одни отрицаютъ возможность такихъ молитвъ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на отсутствіе въ канонахъ церковныхъ и практикѣ древней Церкви положительнаго основанія для оныхъ, другіе же допускаютъ ихъ, руководясь, съ одной стороны, широтою христіанской любви и вѣротерпимости, которая всегда свойственна была Православной Церкви, а съ другой, пастырски входя въ нравственное состояніе тѣхъ православныхъ христіанъ, которые, состоя при жизни умершихъ иновѣрцевъ въ самыхъ тѣсныхъ родственныхъ съ ними связяхъ (напримѣръ, дѣти къ родителямъ), или близкихъ служебныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ, просятъ священника не отказать имъ въ христіанскомъ утѣшеніи помолиться съ ними объ упокоеніи души усопшаго иновѣрца-христіанина.

Второго взгляда придерживался, между прочимъ, и знаменитый митрополитъ Московскій Филаретъ, допускавшій *домашнія* молитвы и паннихиды въ домѣ за умершихъ лютеранъ.

¹⁾ Нечаевъ. „Практическое руководство для священнослужителей“, стр. 273--274.

Но при этомъ онъ считалъ основаніемъ возможности молитвы за умершихъ иновѣрцевъ почтительное и уважительное отношеніе этихъ послѣднихъ, при ихъ жизни, къ Вѣрѣ Православной, со всѣми ея учрежденіями, обрядами и обычаями; иновѣрцы презрительно или враждебно относившіеся при жизни своей къ вѣрѣ и Церкви православнымъ, никакихъ молитвъ со стороны этой Церкви не заслуживаютъ.

„Зная нѣкоторыхъ лютеранъ, говоритъ митрополитъ Филаретъ, имѣвшихъ уваженіе и вѣру къ Православной Церкви, но скончавшихся внѣ единенія съ нею, вѣ утѣшеніе присныхъ вѣрныхъ. я позволялъ о нихъ молитву, *не открытую въ церкви, съ которою они открыто не соединились въ жизни, а поминовеніе на проскомидіи и паннихиды въ домѣ*“¹⁾.

Но во всякомъ случаѣ подобная *домашняя* молитва за иновѣрца можетъ быть разрѣшена только мѣстнымъ епископомъ. Между прочимъ, приснопамятный архіепископъ Херсонскій Никаноръ, въ своей предсмертной бесѣдѣ, выразился о христіанской молитвѣ такъ: „лишь только чуждая истинной Церкви Христовой душа отходитъ въ міръ не земной, Св. Церковь, усугубляя свои молитвы о своихъ отходящихъ къ Богу, не своихъ, не принадлежащихъ къ общенію ея вѣры и таинствъ, всецѣло представляетъ домостроительству правосудія и милостей Божіихъ“²⁾.

Вообще, ни одна церковь (не только православная) не можетъ допустить общенія лицъ, къ ней принадлежащихъ, съ послѣдователями иныхъ вѣроисповѣданій въ таинствахъ и религіозныхъ обрядахъ. И это совершенно справедливо съ точки зрѣнія самой Церкви; иначе, допуская безразличіе въ церковномъ общеніи между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, Церковь уничтожила бы сама себя³⁾.

Проф. М. Красноженъ.

¹⁾ „Собр. мѣній и отзыв. митр. Моск. Филарета“. Т. IV, стр. 277—288; томъ дополнит., стр. 186—188.

²⁾ „Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики и церковно-религіозной жизни“. Кіевъ. 1896, стр. 82.

³⁾ Моск. Вѣд. 1902 г. № 294.

Духовныя нужды русскаго народа и православное паствырство ¹⁾).

(По воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго).

Гдѣ искать просвѣтительныхъ силъ для народа, кто долженъ взять на себя трудъ воспитанія народа на христіанскихъ, или что то же, на церковныхъ началахъ? С. А. Рачинскій находитъ, что это—обязанность всѣхъ, кто трудится въ области духа, это—долгъ каждаго истинно-русскаго человѣка и христіанина ²⁾). Разумѣется, не всѣ могутъ служить великому дѣлу просвѣщенія народа непосредственно, не всякій способенъ стать сельскимъ учителемъ, но такую или иную помощь школьному дѣлу способенъ оказать всякій, въ какомъ бы званіи, въ какомъ состояніи и на какой-бы ступени умственнаго развитія онъ ни находился. Однако, каждый, желающій содѣйствовать просвѣщенію народа долженъ помнить, что его усердіе по стольку можетъ быть принято и полезно для дѣла, по скольку оно будетъ опираться на исконныя, историческія начала духовной жизни народа: на вѣру и Церковь.

Состоимъ ли мы, интеллигенція, въ живомъ союзѣ съ Церковью и христіанствомъ, создавшими мощь и крѣпость русскаго государства,—вотъ вопросъ, который требуетъ рѣшенія прежде, чѣмъ говорить о правоспособности того или другого лица, или цѣлаго общества вести высокоотвѣтственное дѣло просвѣщенія народа.

Наблюденіе надъ теченіемъ жизни русскаго интеллигентнаго общества приводитъ Рачинскаго къ печальному заключенію, что русская интеллигенція стоитъ внѣ живой связи съ Церковью. Все, что въ Россіи есть образованнаго, богатаго, властнаго, постепенно больше и больше отпадаетъ отъ Церкви; цвѣтъ Россіи съ удовольствіемъ слушаетъ и усердно усваиваетъ новыя

¹⁾ См. № 46 за 1902 г.

²⁾ Стр. 293.

ученія, идущія къ намъ съ Запада, и безжалостно истребляетъ у себя то хорошее, что было выработано русской исторіей ¹⁾. Русское дворянство нашего времени порываетъ уже и послѣднюю, правда внѣшнюю, связь съ деревнею. По разнымъ причинамъ оно уже не хочетъ жить въ деревнѣ, покидаетъ свои сельскія гнѣзда и переселяется въ столицы ²⁾. Для него не дороги прежнія связи съ землей, для него не существуетъ священныхъ воспоминаній, связанныхъ съ каждымъ уголкомъ родной усадьбы, его не удовлетворяетъ деревня, и нѣтъ для него смысла въ новомъ общеніи съ народомъ и въ новыхъ заботахъ о немъ, къ которымъ призываютъ его обстоятельства времени. Народная душа стала непонятна для него съ тѣхъ поръ, какъ дворянство порвало связь съ церковью и истиннымъ христіанствомъ, которыми, хорошо-ли, плохо-ли, по всякомъ случаѣ жили его предки и живетъ доселѣ русскій народъ. Конечно, было бы несправедливо осуждать какъ наше дворянство, такъ и всю вообще нашу интеллигенцію въ игнорированіи народнаго блага. Противъ такого осужденія говорятъ факты, въ которыхъ сказывается попечительность нашего интеллигентнаго общества о нуждахъ меньшей братіи. Достаточно вспомнить, на примѣръ, освобожденіе крестьянъ, исторію нашего земства, стоить обратить вниманіе на весь тонъ нашей текущей литературы, чтобы убѣдиться въ заботливомъ отношеніи интеллигенціи къ народу ³⁾. Однако, то несомнѣнно, что громадное большинство радѣтелей о народномъ благѣ, радѣтелей даже искреннихъ, не понимаетъ главныхъ нуждъ народа. О чемъ мы прежде всего заботимся? О матеріальномъ благосостояніи крестьянина ⁴⁾. Мы представляемъ себѣ, что это всего важнѣе для народа. А если у насъ появляются заботы объ образованіи народа, то опять таки „преимущественно съ точки зрѣнія внѣшняго благосостоянія на-

¹⁾ Стр. 40.

²⁾ Стр. 248, 244.

³⁾ Стр. 101.

⁴⁾ Стр. 102.

рода“¹⁾). Мы обычно не задумываемся надъ другими, *духовными* нуждами народа, предполагая ихъ или совсѣмъ не существующими, или существующими не въ такомъ размѣрѣ, чтобы стоило серьезно заботиться о нихъ. Между интеллигенціей и народомъ полный разрывъ. Мы, при всемъ доброжелательномъ отношеніи къ народу, не перестаемъ относиться къ нему все-таки свысока, и даже пренебрежительно, какъ въ былую эпоху крестьянства. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ державною волею Царя Мученика-Освободителя навѣки рушилось позорное иго, въ которомъ томился русскій народъ,— съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи не стало ни рабовъ, ни господъ,— всѣ сдѣлались свободными,— дальнѣйшій ходъ русской исторіи долженъ направляться къ уничтоженію еще болѣе прискорбнаго, внутренняго разрыва между образованнымъ человекомъ и простымъ мужикомъ. Этотъ разрывъ уничтожится только тогда, когда мы сойдемся съ народомъ на общей почвѣ духовныхъ интересовъ. Пока этого не будетъ,—мы и народъ останемся чужими другъ другу. Нашъ долгъ, какъ старшихъ братьевъ, дать нѣчто душѣ крестьянина. Но что мы можемъ дать ему, что-бы обратить его сердце къ себѣ?! Можемъ ли мы дать народу христіанскія начала жизни, научить его сознательной вѣрѣ въ Бога, христіанской добродѣтели? Нѣтъ, не можемъ, потому что въ насъ самихъ или совсѣмъ нѣтъ христіанства, или оно слабо и извращено нами. Правда, нѣкоторые изъ насъ, считаясь съ духовными нуждами народа, хотѣли бы навязать ему новыя западныя ученія, но они совершенно забываютъ, что новыя ученія народу не нужны, что они не отвѣчаютъ духовнымъ запросамъ, мучающимъ и терзающимъ душу народа. Народъ не того ищетъ; народъ ищетъ „спасенія“... Дайте народу сознательное христіанство, проведите христіанство въ жизнь народа, сдѣлайте его народомъ святымъ, угоднымъ Богу, и вы отвѣтите на запросы его души... Рабски воспринятая нами европейская культура отор-

¹⁾ Стр. 102.

вала насъ отъ народной вѣры и народныхъ идеаловъ, и, такимъ образомъ, чтобы возстановить порванную духовную связь съ народомъ,—намъ надо возвратиться въ Церковь. Если теперь часть образованнаго общества уже достаточно сознаетъ необходимость приобщенія народа къ общей жизни государства и изыскиваетъ средства къ единенію съ народомъ,—то пусть она вспомнить, что единственная почва для этого единенія— Церковь, и что „*дѣйствительное* общеніе между людьми, стоящими на крайнихъ ступеняхъ образовательнаго и общественнаго неравенства, общеніе естественное, искреннее, только и возможно въ области вѣры и молитвы“¹⁾. „Надъ всѣми неравенствами, созданными исторіею, царить великое равенство предъ Богомъ. Сознать это равенство, терпѣливо, упорно бороться противъ всего, что затемняетъ его, противъ невѣжества массы, въ которомъ мы сами виновны, противъ собственнаго высокоумія, отнимающаго у насъ и то, что сумѣли сохранить эти темныя массы,—это долгъ всякаго мыслящаго христіанина, грозно напоминаемый намъ обстоятельствами настоящаго времени“²⁾. Никто такъ ясно не сознаетъ разрыва между интеллигенціей и народомъ, въ теоріи и жизни, никто такъ болѣзненно не чувствуетъ нравственной тяжести этого разрыва и, наконецъ, никто такъ наглядно не представляетъ благополучнаго исхода изъ этого противорѣчія, какъ образованный житель деревни и учитель. „Разбросанные на безмѣрномъ, бездорожномъ пространствѣ“, говоритъ С. А., и мы, образованные жители деревни, мало имѣемъ духовнаго общенія между собою. Но человѣку нужно общеніе съ людьми, общеніе ежедневное и сердечное, независимое отъ мелкой злобы дня, матеріальной и житейской. И въ деревенской глуши мы окружены людьми, но людьми темными и бѣдными, которымъ мы обязаны помогать, которыхъ мы призваны просвѣщать. Но эта помощь, это учительство только отгѣняетъ ту бездну,

¹⁾ Стр. 284.

²⁾ Стр. 102.

умственную и житейскую, которая отдѣляетъ насъ отъ этихъ людей, но не наполняетъ ея. Чтобы она наполнилась, чтобы она изгладилась, нужно подняться выше. Только предъ Богомъ существуетъ равенство на землѣ. Только въ служеніи Ему дапо намъ вкусить это равенство, коего неутомимо жаждетъ наша душа. Только тутъ, на клиросѣ бѣдной церкви, въ общихъ стараніяхъ о дѣлѣ, не приносящемъ никакой земной пользы, дапо намъ нелицемѣрно чувствовать, дано намъ радостно сознавать, что малограмотный крестьянскій мальчикъ не хуже, а лучше насъ, что не мы ему, а онъ намъ оказываетъ великое благодѣяніе. Вѣдь по церковному мы читаемъ плохо и въ церкви читать не дерзаемъ. Да и умѣемъ ли мы молиться такъ, какъ молятся крестьяне? Да, въ этихъ заботахъ о церкви,—о томъ, чтобы сдѣлать вразумительнымъ ея непрестанное ученіе, о томъ, чтобы проникло оно въ сердце всѣми путями: и дивнымъ ея языкомъ,—и живымъ, и отрѣшеннымъ отъ жизни земной,—и строгою красотой ея пѣснопѣній и обрядовъ; о томъ, чтобы положило оно свою печать на нашу жизнь; о томъ, *да созиждутся стѣны Иерусалимскія*—мы перестанемъ быть благотворителями, вокругъ насъ нѣтъ болѣе облагодѣтельствованныхъ. Всѣ мы—смиранные дѣлатели на великой нивѣ Божіей, единственной нивѣ, на которой возможно работать намъ рядомъ¹⁾.

Пусть наша интеллигенція возвратится въ Церковь, пусть вернется къ ней все, что есть богатаго, знатнаго и образованнаго въ Россіи,—и тогда Церковь могуче станетъ проявлять свою духовную силу, возрождающую и просвѣщающую людей. Правда, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія для существованія Церкви, „ея побѣдоносная жизненность проявляется и теперь для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать“²⁾... Какъ видимъ, С. А. мрачно смотрѣлъ на отношенія русскаго образованнаго обще-

¹⁾ Стр. 235—236.

²⁾ Стр. 41.

ства къ Церкви, но-все таки слѣдуетъ сказать,—вѣра въ неизбежность измѣненія отношеній интеллигенціи къ Церкви, въ благопріятномъ смыслѣ, и свѣтлая надежда на возвращеніе интеллигенціи къ Церкви не покидаютъ Рачинскаго. Онъ уповаетъ, что должны наступить когда-нибудь для Россіи лучшія, въ этомъ отношеніи болѣе счастливыя, чѣмъ теперь, времена, тѣмъ болѣе, что уже съ высоты царскаго Престола раздался голосъ за Церковь и за вліяніе Церкви на народную жизнь.

Если почвой для единенія интеллигенціи съ народомъ можетъ быть только Церковь, то естественнымъ, могучимъ орудіемъ единенія должна быть школа ¹⁾, проводящая въ впечатлительную душу молодого, подросткающаго поколѣнія Россіи христіанскія начала жизни. Само собою разумѣется, такую же цѣлью можетъ задаваться и всякая вообще школа, къ какому бы вѣдомству она ни принадлежала. „Церковный характеръ“, говоритъ С. А., можетъ имѣть школа любого вѣдомства“ ²⁾. Такъ это бы и было, если бы между руководителями школьного дѣла, будь они отъ земства, или отъ Министерства народнаго просвѣщенія, и Церковью существовала живая связь. Но что показала дѣятельность земствъ за тридцать лѣтъ завѣдыванья школами? Она въ общемъ показала, „сколь неумѣстно и опасно предоставлять руководство школой учрежденіямъ, неизбежно отражающимъ переменчивыя настроенія минуты. Школа должна стоять внѣ этихъ случайныхъ, часто безпорядочныхъ вѣяній. Она должна стоять на основѣ твердой и вѣчной“ ³⁾.

Что касается до Министерства народнаго просвѣщенія, то оно „кое что“ дѣлаетъ для школъ, но далеко не въ такой широкой мѣрѣ и не такъ успѣшно, какъ слѣдовало бы ⁴⁾. „Единственная сила, способная дѣйствовать повсемѣстно, въ

¹⁾ Стр. 101.

²⁾ Стр. 286.

³⁾ Стр. 254.

⁴⁾ Стр. 254—255.

духъ единомъ и желательномъ, въ предѣлахъ точно очерчен-
ныхъ и естественныхъ, въ связи съ прошлымъ, съ благотвор-
нымъ вліяніемъ на будущее—есть сельское духовенство. Этою
силою слѣдуетъ намъ воспользоваться прежде всего, ее надле-
житъ намъ всѣми мѣрами укрѣплять и воспитывать, очищать
и направлять; ибо лучшей изъ мыслимыхъ руководителей
начальной школы есть добрый священникъ. Самый желатель-
ный изъ доступныхъ намъ сельскихъ учителей есть діаконъ,
подготовленный долгимъ учительствомъ“¹⁾. Передачу народ-
ныхъ школъ въ руки духовенства С. А. признавалъ дѣйстви-
емъ, со стороны правительства, логически необходимымъ²⁾: разъ
признана благотворность воспитанія народа въ христіанско-
церковномъ духѣ, то и слѣдуетъ всецѣло вручить это дѣло
тѣмъ, кто по самому своему служенію ближе всѣхъ стоитъ
къ Церкви,—духовенству.

Н. Пальмовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Стр. 255.

²⁾ Письма, IV, стр. 12.

³⁾ См. № 43 за 1902 г.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей ³⁾.

Къ указаннымъ семи пунктамъ архимандритъ Гавріиль Бужинскій присоединилъ еще новые пункты, которые позаимствованы имъ большею частію изъ присяги для членовъ „Духовной коллегіи“ въ Регламентѣ, а одинъ пунктъ взятъ цѣликомъ изъ чина временъ патріаршества. Эти дополненія состоятъ въ слѣдующемъ:

а) „Но краткимъ словомъ заключая, обѣщаюся и должна мене быти исповѣдую хранить непремѣнно вся предложенная въ уставѣ Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго

¹⁾ Стр. 255.

²⁾ Письма, IV, стр. 12.

³⁾ См. № 43 за 1902 г.

Синода, и по Синодальной граммати, какова мнѣ отъ того Святѣйшаго Синода о порученномъ правленіи дастся, и по прочіимъ указомъ и установленіямъ, аще кія и впредь согласіемъ онаго Святѣйшаго Синода, по изволенію Его Императорскаго Величества опредѣлится, поступати буду, по которымъ потщуся повелѣнное усердно со всякимъ послушаніемъ исполнять, усматривая всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды. Сія же вся буду дѣйствовати по совѣсти моей, не работствуя лицепріятію и не болѣзнуя¹⁾ враждою, завистію, упрямствомъ, мздопріимствомъ, и просто никаковыми же плѣняея страстьми, но со страхомъ Божіимъ, всегда имѣя въ памяти неумытнй судъ его, со искреннею Бога и ближняго любовію, полагая всѣмъ мыслямъ и словамъ и дѣйствіямъ моимъ, яко вину конечную, славу Божію и спасеніе душъ человѣческихъ и всей церкви созиданіе, не искій яже моя, но яже Господа Иисуса.

8.²⁾ б) „Кленуся же Богомъ живымъ, что всегда памяествуя страшное слово Его: проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ, во всякомъ дѣлѣ сего званія, яко въ дѣлѣ Божіи ходити буду безлѣностно, со всякимъ прилѣжаніемъ, по крайней моей силѣ, и не буду притворять мнѣ невѣжества, но аще въ чемъ и недоумѣніе мое будетъ, всячески потщуся искать уразумѣнія и вѣдѣнія отъ священныхъ писаній и правилъ соборныхъ, и согласія древнихъ великихъ учителей.

9. в) „Аще же обѣщанное³⁾ здѣ мною что приступлю, или Божественнымъ правиломъ и чину восточныхъ православныхъ Церкви, и Святѣйшему Правительствующему всероссійскому Синоду явлюся непослушенъ, или противенъ, или въ особность восхощу отступить, и епархію, мнѣ врученную, каковымъ либо образомъ Святѣйшему Правительствующему всероссійскому Синоду въ чемъ непослушну сотворю, и тогда абіе

¹⁾ Въ чинѣ 1856 г. опущены слова: „не болѣзнуя враждою, завистію, упрямствомъ, мздопріимствомъ и просто“.

²⁾ Счетъ пунктовъ принадлежитъ намъ.

³⁾ Этотъ пунктъ, изъ чина епископской хиротоніи времени гатріаршества у насъ.

лишенъ да буду всего сана своего и власти, безъ всякаго извѣта и слова, и чуждъ да явлюся дара небеснаго, при посвященіи возложеніемъ рукъ даннаго мнѣ Духомъ Святымъ.

10. г) „Кленуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія мною нынѣ обѣщываемая не иначе толкую въ умѣ моемъ, яко провѣщаваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанная здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ.

11. д) „Вся же та долженствую, якоже днесъ словомъ обѣщався, тако и дѣломъ до послѣдняго издыханія ради будущихъ благъ исполнити, утверждаю клятвою моею: буди мнѣ сердцевидецъ Богъ обѣщанія моего свидѣтель, яко неложно: аще же есть ложное и не по совѣсти моей, буди мнѣ Тотъ же правосудный отмститель.

и 12. е) „Во истинномъ же и усердномъ моемъ правленіи и дѣйствіи да будетъ той Спаситель нашъ“ и т. д. (см. § 21). Этотъ заключительный пунктъ сохраненъ въ цѣлости и въ нынѣшнемъ чинѣ.

Изъ „присяги для чиновъ Духовной коллегіи“ въ Регламентѣ была внесена въ это же время въ чинъ архіерейскаго обѣщанія и *въриноподданническая присяга для архіереевъ*, которая до 1901 года занимала мѣсто между пунктами патриаршаго чина архіерейскаго исповѣданія и семи пунктами, сочиненными въ 1716 году. Полный текстъ этой присяги до 1856 года читался такъ:

„Еще обѣщаваяся и кленуся, что хочу и долженъ¹⁾ Его Императорскому Величеству, своему²⁾ истинному и природному, всемилостивѣйшему великому Государю Императору, имярекъ, самодержцу всероссійскому и Его Императорскаго Величества всероссійскаго престола наслѣднику, Его Императорскому³⁾ Высочеству, Государю великому князю, имярекъ,

¹⁾ Въ чинѣ 1856 г.: долженъ есмь и по долженству хочу и всачески гшатися буду.

²⁾ Тамъ же нѣтъ словъ: „своему истинному и природному“.

³⁾ Въ чинахъ времени императора Александра Павловича стояло вмѣсто этого: „который назначенъ будетъ“.

вѣрно¹⁾ и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и все къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащая права, и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касатися можетъ. О ущербѣ²⁾ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допускать тщатися, и³⁾ всякую мнѣ ввѣренную тайность крѣпко хранить буду⁴⁾, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особой) опредѣленной, и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества имянемъ отъ предуставленныхъ надо мною начальниковъ опредѣляемымъ инструкціямъ и регламентамъ и указамъ надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и такимъ образомъ себя вести и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Госнодь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніи же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь“.

Въ такомъ количествѣ пунктовъ или положеній былъ составленъ архимандритомъ Гавриломъ въ 1725 году отвѣтъ на третій вопросъ, предлагаемый первенствующимъ архіереемъ повонзбранному во епископа предъ хиротонією.

¹⁾ Въ чинѣ 1856 г. иначе изложенъ дальнѣйшій текстъ присяги: „вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ подданнымъ быти и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не шадить, и по крайней возможности старатися споспѣшествовать все“ и т. д.

²⁾ Тамъ же иное изложеніе: „О всемъ же, что было бы противно правамъ Его Величества и пользѣ и безопасности государственной“.

³⁾ и церковную и всякую

⁴⁾ Здѣсь текстъ присяги въ чинѣ 1856 г. прерывался.

Всѣ эти пункты несомнѣнно русскаго происхожденія и явились въ чинѣ архіерейскаго обѣщанія въ силу потребностей даннаго времени. Такого же происхожденія въ томъ же чинѣ вводная статья о порядкѣ избранія епископовъ въ Св. Синодѣ и объ утвержденіи послѣднихъ Государемъ Императоромъ, чинъ нареченія во епископа, совершенно неизвѣстный въ практикѣ греческой церкви, хотя и образовавшійся несомнѣнно подъ вліяніемъ, такъ называемаго у грековъ, „великаго извѣщенія“, и нѣкоторыя другія небольшія особенности. Можно было бы думать послѣ этого, что всѣ остальные составныя части „Чина избранія и рукоположенія архіерейскаго“ находятъ для себя уже полное основаніе въ *древнегреческихъ Чиновникахъ*, содержащихъ подобный чинъ, какъ объ этомъ категорически говоритъ въ вышеприведенномъ послѣсловіи нашъ современный чинъ, но въ дѣйствительности и здѣсь не такъ обстоитъ дѣло.

Нашъ „Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго“ во многомъ не сходится съ чиномъ греческимъ, который былъ несомнѣнно подъ руками у архимандрита Гавріила. „*Τάξις, γινομένη ἐπὶ χειροτονίᾳ ἐπίσκοπου*“, напечатанный у Якова Гоара въ его извѣстномъ „*Εὐχολόγιον*“, вышедшемъ въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1647 году, представляетъ довольно любопытныя отличія отъ нынѣ практикующагося у насъ чина архіерейской хиротоніи. По греческому чину, исповѣданіе вѣры избранный во епископа произноситъ не передъ началомъ литургіи, но прочтеніи часовъ, а на маломъ входѣ, послѣ того какъ діаконъ, выносящій Евангеліе, скажетъ: „Премудрость прости“. Діаконъ относитъ Евангеліе въ алтарь одинъ, а всѣ прочіе клирики, вышедшіе изъ алтаря на малый входъ, остаются предъ епископскою каедрою, на которой возсѣдаютъ архіерей, имѣющіе совершать епископскую хиротонію. Послѣ возгласа діакона: „Вонмемъ“, одинъ изъ ученѣйшихъ клириковъ (*εἰς τὸν κληρικῶν ὁ λογιώτατος*) произноситъ формулу приведенія: „Приводится боголюбезнѣйшій, избранный“ и т. д., при чемъ клирики берутъ избраннаго во епископа, который выходитъ на малый выходъ вмѣстѣ съ прочими священнослу-

жителями, и поставляютъ его на хвостъ орла. Первый архіерей, совершитель хиротоніи, вопрошаетъ: „Что пришелъ еси сѣмо, *отъ насъ* (παρ' ἡμῶν) прося“? Избранный отвѣчаетъ: „Хиротоніи архіерейскія благодати, поелику *меня избрали клирики святѣйшей епископїи, имярекъ*“ (συνήφρισαμένων μετῶν κληρικῶν κ. τ. λ.). По прочтеніи перваго никео-царьградскаго символа, архіерей произноситъ: „Благодать Святаго Духа да будетъ съ тобою“, благословляя при этомъ рукою избраннаго. За первымъ символомъ слѣдуетъ второй, предваряемый вопросомъ второго по старшинству архіерея, участника хиротоніи: „Яви намъ еще пространнѣе: како исповѣдуеши о свойствахъ тріехъ ипостасей непостижимаго Божества“? Данный вопросъ вмѣстѣ со вторымъ символомъ не былъ почему-то внесенъ въ нашъ „Чинъ избранія и хиротоніи архіерейскаго“ въ 1725 году. Вмѣсто этого на второмъ мѣстѣ поставленъ архимандритомъ Гавріиломъ въ измѣненномъ видѣ третій вопросъ, который въ греческомъ чинѣ полно читается такъ: „Яви намъ еще пространнѣе: како исповѣдуеши и яже о воцеловѣченіи ипостаснаго Сына и Слова Божія; *и комоко естество догматствуеши въ томъ же самомъ и единомъ Христѣ Богъ нашемъ*“? Вторымъ отвѣтомъ въ нашемъ чинѣ служилъ третій символъ греческаго чина, но значительно сокращенный архимандритомъ Гавріиломъ: опущены члены 4, 5 и 7 нынѣшняго нашего чина (см. выше § 21 и варианты къ нему). Нашего третьяго отвѣта, содержащаго въ себѣ обѣщанія блюсти каноны соборовъ вселенскихъ, помѣстныхъ и святыя уставы, въ греческомъ чинѣ совсѣмъ нѣтъ. Третій архіерей заключаетъ, по прочтеніи повоизбраннымъ во епископа третьяго символа, слѣдующимъ возгласомъ съ крестообразнымъ благословеніемъ: „Благодать Святаго Духа *чрезъ мою мѣрность* (διὰ τῆς ἐμῆς μετρίότητος) производитъ тя боголюбезнѣйшаго іерея и избраннаго, имярекъ, во епископа богоспасаемаго града, имярекъ“. Вслѣдъ за этимъ епископы поднимаются съ своихъ сѣдалищъ и многолѣтствуютъ новоизбраннаго епископа, а одинъ изъ нихъ возлагаетъ на него епигонатїй. Старѣйшій изъ епископовъ вручаетъ новоизбранному архіерейскій жезлъ со сло-

вами: „Прими жезлъ, да спасеши вѣренную тебѣ паству Христову“. Послѣ этого всѣ архіереи и священнослужители вмѣстѣ съ новоизбраннымъ, при пѣніи: „Приидите поклонимся“, направляются въ алтарь.

Хиротонисуемый въ алтарѣ предъ св. трапезою преклоняетъ колѣна. *Первый* архіерей, взявши съ престола св. Евангеліе, раскрываетъ его, полагаетъ на голову хиротонисуемаго внезапно, прочіе же архіереи придерживаютъ съ той и другой стороны Евангеліе на лицѣ (ἐπί προσώπου), и читаетъ громогласно: „Избраніемъ и искусомъ боголюбезнѣйшихъ іереевъ и клириковъ града, имярекъ. Божественная благодать и т. д. проручествуетъ боголюбезнѣйшаго іерея *избраннаго*, имярекъ, во епископа и *предстоятеля* (πρόεδρον) богоспасаемаго града, имярекъ и т. д.“. Архіереи придерживаютъ Евангеліе (τῶν δὲ ἀρχιερέων κρατοῦντων τὸ εὐαγγέλιον), а первый архіерей дѣлаетъ на головѣ хиротонисуемаго три креста со словами: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ и, положивши руку на главѣ его, читаетъ положенныя въ чинѣ молитвы. Говорится въ греческомъ чинѣ о возложеніи на хиротонисуемаго только омофора, о томъ, что онъ *первымъ* сядигъ въ синтронѣ, откуда и произноситъ возгласъ: „Миръ всѣмъ“ предъ апостоломъ, первымъ причащается Тѣла и Крови Христовыхъ и затѣмъ преподаетъ ихъ всѣмъ архіереямъ и священнослужителямъ. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ греческихъ чиновъ архіерейской хиротоніи мы не находимъ указаній на благословеніе поворукположенному архіерею мантии съ скрижалями и вѣббогослужебныхъ одеждъ съ клубукомъ и вервицею¹⁾.

Итакъ, изъ всего нами изложеннаго ясно слѣдуетъ заключеніе, что „Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго“, исправленный, по порученію Свят. Синода, архимандритомъ Гавріиломъ и напечатанный въ 1725 году для употребленія въ практикѣ нашей церкви, немногимъ сравнительно разнился отъ древняго чина, бывшаго въ практикѣ нашей церкви „при прежнихъ великихъ государѣхъ, царѣхъ и великихъ князѣхъ и

¹⁾ Εὐχολόγ., edit. Venet. 1767, σελ. 137—143.

при преосвященныхъ митрополитѣхъ всея Россіи“, а потомъ и при патріархахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ значительно отличался отъ греческаго „Γάρις, γινομένη ἐπὶ χειροτονίᾳ ἐπισκόπου μετὰ τινος πλαιοτέρου ἐκδήσεως τῶν γινομένων“. Очевидно, архимандритъ Гавріиль, на основаніи всѣхъ этихъ источниковъ и принимая во вниманіе указы и распоряженія императора Петра Великаго, составилъ для русской церкви особый „Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго“, который Св. Синодъ въ 1725 году и ввелъ въ русскую церковную практику.

„Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго“ въ редакціи архимандрита Гавріила, съ самыми незначительными измѣненіями, касавшимися текста и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій, продержался въ практикѣ русской церкви до 1856 года. Приснопамятный первосвятитель московскій Филаретъ въ этомъ году обратилъ вниманіе русскихъ іерарховъ, собравшихся въ Москвѣ по случаю коронованія императора Александра II Николаевича, и на этотъ чинъ и предложилъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя весьма существенныя исправленія и дополненія. Мысль митрополита Филарета встрѣтила полное сочувствіе со стороны всѣхъ іерарховъ русской церкви, а самый „Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго“, исправленный московскимъ митрополитомъ и разсмотрѣнный Св. Синодомъ, былъ одобренъ ими къ напечатанію и употребленію въ практикѣ нашей церкви. Весьма любопытное опредѣленіе по сему случаю, состоявшееся въ Св. Синодѣ за № 107 и доселѣ цѣликомъ нигдѣ не напечатанное¹⁾, гласитъ слѣдующее: „1856 года Августа 31 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали слѣдующее дѣло: 13 сего Августа господинъ и. д. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, тайный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Карасевскій предложилъ на

¹⁾ Печатаемый здѣсь указъ полученъ нами отъ протоіерея К. Т. Никольскаго, нашего извѣстнаго литургиста, которому его доставилъ весьма обязательный пачальникъ архива и бібліотеки Св. Синода А. Завьяловъ. Считаемо долгомъ выразить имъ обоимъ нашу глубокую признательность за эту драгоценную справку.

усмотрѣніе Святѣйшаго Синода полученное имъ отъ преосвященнаго митрополита московскаго Филарета отношеніе, въ которомъ изъяснено: „во время коронованія Государя Императора Николая Павловича, собраніемъ значительнаго числа преосвященныхъ архіереевъ въ Москвѣ, Святѣйшій Синодъ воспользовался для особенныхъ совѣщаній о нѣкоторыхъ церковныхъ предметахъ. Такъ, отъ каждаго изъ собравшихъ тогда архіереевъ взяты были мнѣнія, не нужны-ли улучшенія въ устройствѣ духовныхъ училищъ, для точнѣйшаго приспособленія ихъ къ ихъ назначенію. По сему, при ожидаемомъ священнодѣйствіи коронованія Государя Императора Александра Николаевича, представляется вопросъ, не нужно ли и въ сіе время собраніемъ архіереевъ воспользоваться для совѣщаній о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ. Дѣйствительно есть въ настоящее время церковные предметы, требующіе особенно тщательныхъ совѣщаній. Уже прежде сего побуждаемъ я былъ пересмотрѣть *архіерейское предъ рукоположеніемъ исповѣданіе и обѣщаніе, въ которомъ въ прежнее время, при переводѣ съ греческаго, опущена важная по содержанию своему часть,—обстоятельное изложеніе догмата о Пресвятой Троицѣ, а прибавленіе, котораго въ греческомъ чиноположеніи нѣтъ, содержитъ между прочимъ чуждыя сему церковному акту, и тяжко поражающія слухъ среди церкви изреченія, какъ напримѣръ, о людяхъ въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашикахъ ходящихъ.*—Желательно, чтобы разсмотрѣніе сего акта, котораго исправленіе мною приготовлено, произошло въ собраніи Святѣйшаго Синода, сколь возможно полною. По разсмотрѣніи сего, Святѣйшій Синодъ, находя предположенія преосвященнаго митрополита Филарета вполне заслуживающими уваженія, по ожидаемой отъ нихъ пользѣ для святой Церкви, опредѣленіемъ 13—25 Августа положилъ: изъяснить за сіе ему, преосвященному митрополиту, указомъ совершенную благодарность, присовокуивъ, что Синодъ будетъ ожидать внесенія въ оный мнѣнія о каждомъ изъ исчисленныхъ имъ предметовъ для постановленія объ оныхъ окончательнаго опредѣленія; о чемъ и послалъ ему, преосвященному митрополиту,

указъ. Нынѣ, 31 Августа, представляетъ онъ, преосвященный архіерейское предъ рукоположеніемъ исповѣданіе и обѣщаніе въ исправленномъ видѣ, воспользовавшись по сему предмету совѣщаніемъ съ преосвященнымъ митрополитомъ новгородскимъ и другими членами Святѣйшаго Синода. Приложение сіе слѣдующаго содержания: „*Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго*“. Приказали: Святѣйшій Синодъ, по внимательномъ разсмотрѣніи представленнаго преосвященнымъ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ, въ исправленномъ видѣ, архіерейскаго предъ рукоположеніемъ исповѣданія и обѣщанія, признаеть, что *сдѣланное въ ономъ, согласно греческому подлиннику, дополненіе, касающееся обстоятельнаго изложенія догмата о Пресвятой Троицѣ, по важности своей, а равно и другія исправленія, по основательности ихъ, заслуживаютъ полного уваженія, какъ полезныя и необходимыя*,—и за симъ полагаетъ: означенный „*Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго*“, въ семъ исправленномъ видѣ, утвердить и ввести въ церковное употребленіе, но предварительно предоставить господину исправляющему должность оберъ-прокурора, тайному совѣтнику, Александру Ивановичу Карасевскому довести о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Для исполненія по сему передать сей исправленный чинъ въ канцелярію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, при выпискѣ изъ сего опредѣленія“. Подписали указъ: Филареть, митрополить московскій, Іосифъ, митрополить литовскій, Григорій, митрополить казанскій, архієпископъ Евгеній, Иннокентій, архієпископъ херсонскій, Нилъ, архієпископъ ярославскій, Θεодотій, архієпископъ симбирскій и оберъ-священникъ Василій Кутневичъ.

Но указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе немедленно. Прежде чѣмъ довести до свѣдѣнія Государя Императора о предполагаемомъ нанечатаніи вновь исправленнаго „*Чина исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго*“, въ редакціи митрополита Филарета, какъ требовало вышеприведенное опредѣленіе Св. Синода отъ 31 Августа, оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой обратился 12 Декабря того же

1856 года къ московскому митрополиту Филарету съ особымъ отношеніемъ, прося его въ скоромъ времени сообщить ему дополнительныя по дѣлу объ исправленіи чина свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти касались двухъ вопросовъ: 1) „къ которому времени принадлежитъ изложеніе въ семь чинѣ догмата о Пресвятой Троицѣ на греческомъ языкѣ?“ и 2) „къ которому времени принадлежитъ переводъ сего чина съ греческаго языка на славенскій, съ пропускомъ вышеозначеннаго обстоятельнаго изложенія догмата о Пресвятой Троицѣ?“

Митрополитъ Филаретъ 18 Декабря того же года за № 723 писалъ въ отвѣтъ оберъ-прокурору Св. Синода по интересующимъ его вопросамъ слѣдующее:

I. „Время составленія греческаго чина архіерейскаго исповѣданія и обѣщанія, подобно какъ и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ чиноположеній, опредѣлить неудобно¹⁾. Въ первыя времена Церкви это были, безъ сомнѣнія, изустныя испытательныя о православіи вопросы рукополагающихъ рукополагаемому, и изустныя отвѣты рукополагаемаго, отчето и письменное изложеніе сохранило форму вопросовъ и отвѣтовъ. По времени, вслѣдствіе открывшихся ересей, для сохраненія отъ нихъ, потребовалось болѣе подробное изложеніе догма-

¹⁾ Неудобство въ данномъ случаѣ разумѣется митрополитомъ Филаретомъ, очевидно, фактическаго свойства, по недостатку въ ту пору ясныхъ опредѣленныхъ данныхъ для рѣшенія поставленнаго вопроса. По нашему мнѣнію, этого неудобства для рѣшенія даннаго вопроса, хотя бы и приблизительно, въ настоящее время не можетъ быть, такъ какъ мы располагаемъ уже нѣкоторыми опредѣленными данными на этотъ счетъ и общимъ ихъ нашимъ читателямъ въ слѣдующемъ 24 §. Что же касается общихъ теоретическихъ соображеній по вопросу о происхожденіи чина архіерейскаго исповѣданія и обѣщанія м. Филарета, то имъ нельзя отказать въ правдоподобіи, за исключеніемъ, впрочемъ, ссылки его на упоминаніе въ третьемъ символѣ о трехъ еретикахъ Аріѣ, Македоніѣ и Несторіѣ, якобы указывающее на время близкое къ четвертому вселенскому собору. Очевидно, здѣсь эти имена называются лишь для примѣра, какъ наиболѣе извѣстныя имена богохульныхъ еретиковъ. Этими именами не исключается изъ третьяго символа „и прочыя ересеначальники“, которые наравнѣ съ остальными также анаематствуются. Слѣдовательно, для опредѣленія времени составленія чина исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго эти имена ничего не даютъ намъ.

товъ, засвидѣтельствованное прочиѣ, нежели однимъ изустнымъ словомъ: и такимъ образомъ произошло письменное архіерейское исповѣданіе и обѣщаніе. До нѣкотораго времени, особенно архіереи старѣйшихъ каедръ, излагали оное письменно собственными словами, по своему разумѣнію, и, по своему рукоположеніи, сообщали оное другимъ, для удостовѣренія въ своемъ православіи, и ради церковнаго общенія. Общая, дошедшая до насъ на греческомъ языкѣ, форма архіерейскаго исповѣданія и обѣщанія, вѣроятно, была вначалѣ менѣе подробна, а по времени, по вышеизложенной причинѣ, распространена дополненіями. Упомянутое въ греческомъ архіерейскомъ исповѣданіи по именамъ трехъ только еретиковъ Арія, Македонія и Несторія, указываетъ на время, близкое къ четвертому вселенскому собору; а изложеніе догматовъ о двухъ естествахъ и воляхъ воплощеннаго Сына Божія и о иконопочитаніи представляетъ время послѣ седьмаго вселенскаго собора. Чинъ сей на греческомъ языкѣ съ рукописей напечатанъ въ Парижѣ, въ 1547 году¹⁾.

II. „*Славенскій переводъ* (sic) сего чина, употребляемый при рукоположеніи архіереевъ до настоящаго исправленія, съ опущеніемъ первой части греческаго изложенія, сдѣланъ уже послѣ учрежденія Святѣйшаго Синода, и въ то же время сдѣлано къ нему *россійскою іерархіею* (sic) дополненіе. По слогу и содержанію сего дополненія, съ вѣроятностію можно полагать, что оно сдѣлано архіепископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ²⁾. Точнаго о семъ свѣдѣніи надлежитъ искать въ синодальномъ архивѣ.

¹⁾ Греческій чинъ архіерейской хиротоніи и исповѣданія (Ταξις, γινομένη ἐπὶ χειροτονίας ἐπίσκοπου) въ первый разъ былъ напечатанъ въ *Εβυολόγιον* Якова Гоара, который вышелъ въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1647 году. У митрополита Филарета въ данномъ случаѣ или описки или даже корректурный недосмотръ.

²⁾ Предположеніе митрополита Филарета не вполне оправдывается фактами. П. Пекарскій, видѣвшій черновой списокъ архіерейской присяги 1716 года пишетъ о немъ слѣдующее: „Въ Каб. дѣл. I, № 31, л. 21 сохранилась черновая присяга съ *поправками и приписками Петра Великаго*, а именно ему принадлежитъ въ 6 пунктѣ: „аще возможно будетъ, по крайней же мѣрѣ въ два или три года“... „а нанначе, священники“...

„Вотъ что могу сказать, заключилъ свои отвѣты митрополитъ Филаретъ, *по требованію скорого отвѣта*, при недостаткѣ времени и удобства для обширныхъ справокъ“¹⁾).

Этимъ дополнительными свѣдѣніями оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой, кажется, удовлетворился. Объ этомъ можно заключать изъ того обстоятельства, что исправленный Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, рассмотрѣнный и одобренный Св. Синодомъ, въ виду „ожидаемой пользы для Святой Церкви“ отъ сдѣланныхъ въ немъ исправленій, по доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, былъ разрѣшенъ къ печати, а потомъ введенъ и въ церковно-богослужебную практику нашей церкви. Изъ печати новоисправленный „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ могъ выйти уже не раньше слѣдующаго 1857 года.

Проф. А. Дмитріевскій.

(Продолженіе будетъ).

„притворныхъ бѣснующихся, въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ не точію наказывать, но и градскому суду отсылать. Седьмой пунктъ весь рукою Петра“ (Описан. славяно-русскихъ книгъ и типографій 1698—1725 (II т. Наука и литерат. въ Россіи при Петрѣ Великомъ) Сиб., 1862 г., стр. 443—444). Ясно отсюда, слѣдовательно, что „чуждыя сему церковному акту, выражаясь словами митрополита Филарета, и тяжело поражающія слухъ среди церкви *изреченія*, какъ, напримѣръ, о людяхъ „въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ“, принадлежать всецѣло великому преобразователю русской земли Петру Великому. Въ этихъ „изреченіяхъ“ ни арх. Теофанъ Прокоповичъ, ни кто другой изъ духовныхъ лицъ, близкихъ къ императору Петру I-му, нимало неовинны.

¹⁾ Арх. Савва. Собран. мѣстныхъ и отзывовъ Филарета, митр. московск., т. дополн. Сиб., 1887 г., стр. 436.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 ноября 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

УЧЕВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 48.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, декабря 1-го.

Содержаніе: О новомъ пересмотрѣ славянскаго перевода Библии. — Духов-
ныя нужды русскаго народа и православное пастырство. (По воз-
зрѣніямъ С. А. Рачинскаго) (продолженіе).—Миссіонерская проповѣдь (продолженіе).

О новомъ пересмотрѣ славянскаго перевода Библии.

Въ послѣднее время среди нашихъ ученыхъ богослововъ возникла мысль о необходимости новаго пересмотра употребляющагося нынѣ славянскаго текста Библии. Эта мысль высказана въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ „историко-критическомъ введеніи въ ветхозавѣтныя книги“¹⁾ проф. П. А. Юнгера. Еще съ ббльшею рѣшительностью и настойчивостью выдвинулъ эту мысль другой ученый,—проф. Ѳ. Г. Елеонскій, посвятившій обоснованію и раскрытію ея рядъ статей (въ Церковномъ Вѣстникѣ“ и въ „Христіанскомъ Читеніи“), изданныхъ и въ видѣ отдѣльной монографіи²⁾.

¹⁾ Казань. 1902. См. стр. 556—557.

²⁾ Проф. Ѳ. Г. Елеонскій. По поводу 150-лѣтія Елизаветинской Библии. О новомъ пересмотрѣ славянскаго перевода Библии. Слб. 1902. 130 стр.

Ближайшимъ поводомъ къ появленію этихъ статей почтеннаго профессора послужило исполнившееся 18-го декабря 1901 г. столѣтиемъ со времени перваго изданія при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ употребляющейся у насъ въ настоящее время славянской Библии. Названный авторъ отдаетъ полную дань уваженія Елизаветинскимъ справщикамъ. Онъ признаетъ, что совершенное ими дѣло было великимъ дѣломъ, потребовавшимъ и упорнаго труда, и многихъ знаній. Изданный ими текстъ, по мнѣнію проф. Елеонскаго, имѣетъ большое преимущество предъ прежнимъ текстомъ первопечатной Московской Библии: въ немъ устранены многія неточности послѣдняго, достигнута болѣе правильная и ясная форма выраженія. „Тѣмъ не менѣ“, продолжаетъ авторъ, „это исправленіе не можетъ быть признаваемо за вполне совершенное и окончательное, при которомъ на всегда долженъ остаться православный русскій народъ. Противъ подобнаго взгляда съ полною убѣдительною говорятъ не менѣ достоинствъ присущія труду Елизаветинскихъ справщиковъ несовершенства, настолько важныя, что служатъ немалымъ препятствіемъ къ животворному дѣйствию божественнаго слова на душу православнаго русскаго человѣка¹⁾. Эти несовершенства, принадлежащія употребляемому нынѣ славянскому тексту, произошли отъ разныхъ причинъ. Въ числѣ ихъ особенное значеніе имѣли, во первыхъ, малое количество списковъ греческаго текста, благодаря чему справщики должны были испытывать нерѣдко серьезныя затрудненія и вступать на путь предположеній; во вторыхъ, ограниченность времени, какимъ справщики располагали для выполненія порученнаго имъ дѣла. По недостатку времени они не могли входить въ основательную оцѣнку всѣхъ прежнихъ чтеній перевода и вносимыхъ въ него новыхъ. Результатомъ этого явилось то, что справщики внесли въ текстъ Библии много излишнихъ дополненій, а въ иныхъ случаяхъ они сдѣлали исправленія, не служащія къ его усовершенствованію. Еще болѣшимъ недостаткомъ славянскаго

¹⁾ Стр. 36—37.

перевода является, по мнѣнію профессора, его невразумительность. „Что славянскій переводъ, находящійся въ Елизаветинской Библии, во многихъ мѣстахъ весьма невразумителенъ для большинства русскихъ людей, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ непонятенъ, доказывать это въ настоящее время было-бы, думается, излишнимъ дѣломъ, такъ-какъ большую или меньшую неясность этого перевода чувствуетъ всякій, кто внимательно слушаетъ Церковныя чтенія изъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта или самъ читаетъ славянскую Библию 1).

„Устраненія неясности изъ славянскаго текста Библии, продолжаетъ пр. Елеонскій, „обязательно требуетъ и высокое достоинство послѣдней, и благо Церкви, пользующейся этимъ текстомъ. Если Господь, глаголавшій чрезъ пророковъ и апостоловъ, открылъ Свою волю людямъ въ понятной для нихъ рѣчи, то вѣрующіе обязаны не затемнять это откровеніе, а сохранять его въ возможной ясности, какъ данное для того, чтобы человѣкъ, уразумѣвая его, сообразно съ его заповѣдями устроялъ свою жизнь. Народъ христіанскій; могущій имѣть болѣе совершенный переводъ слова Божія, но не имѣющій его, подлежитъ божественному суду, какъ рабъ, зарывшій въ землю данный ему талантъ... Такъ-какъ, при недостаточной вразумительности славянскаго перевода, цѣль, съ какою дано людямъ божественное откровеніе, не вполне достигается, независимо отъ ихъ воли, то въ виду этого и церковь, и государство, должны-бы, думается, употребить усиліе къ тому, чтобы приблизить слово Божіе къ народному пониманію... Если принятіе слова Божія въ понятномъ переводѣ составляло важное благо для нашихъ предковъ, то этого блага не должны быть лишены и ихъ потомки“ 2).

Мотивируя указанными соображеніями необходимость новаго пересмотра славянскаго текста Библии, проф. Елеонскій полагаетъ, что недостаточность этого текста сознавалась и сознается у насъ и представителями Церковной іерархіи, и

1) Стр. 92—93.

2) Стр. 96—97.

учеными библенстами, и всѣми вообще грамотными людьми, читающими славянскую Библию или слушающими чтенія изъ нея при церковномъ богослуженіи.

Но имѣемъ ли мы основанія для увѣренности въ томъ, что при новомъ пересмотрѣ славянскаго перевода Елизаветинской Библии достигнуто будетъ его усовершенствованіе? Названный авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. По его мнѣнію, благопріятнымъ условіемъ для надлежащаго выполненія важнаго и труднаго дѣла пересмотра Библии является, прежде всего, то, что въ настоящее время извѣстно и можетъ быть использовано несравненно бѣльшее количество древнихъ памятниковъ библейскаго текста, чѣмъ какимъ располагали елизаветинскіе справщики.

Затѣмъ, „богословское воззрѣніе на значеніе основныхъ памятниковъ ветхозавѣтнаго текста получило у насъ раскрытіе, болѣе благопріятное для усовершенія церковнаго перевода, чѣмъ какое господствовало въ XVIII столѣтіи“: именно, „воззрѣніе на греческій текстъ, какъ на единственную основу или норму, съ которою должна быть согласована славянская Библия, совершенно утратило у насъ въ минувшія полтора столѣтія внутреннюю свою состоятельность вслѣдствіе крайнихъ трудностей, какія представило примѣненіе этого воззрѣнія къ дѣлу исправленія славянскаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ“¹⁾.

Опредѣляя характеръ новаго пересмотра Библии, проф. Елеонскій полагаетъ, что новый славянскій переводъ долженъ быть основанъ не на одномъ, а на двухъ текстахъ, — греческомъ и еврейскомъ. „Тѣ слабыя стороны“, говоритъ онъ, „которыя по мѣстамъ замѣчаются въ славянскомъ переводѣ и своимъ происхожденіемъ обязаны особенностямъ текста 70-ти, будутъ устранены при помощи еврейскаго текста. Мѣста, оставленныя въ Елизаветинской Библии съ переводомъ темнымъ по невозможности перевести ихъ яснѣе съ греческаго, получатъ желаемую ясность. Многочисленныя дополненія, внесенныя въ

¹⁾ Стр. 116.

библейскій текстъ греческими переводчиками и позднѣйшими исправителями, перешедшія затѣмъ и въ славянскій переводъ, будутъ удалены изъ него, а сдѣланные пропуски восполнены. Существующія въ настоящее время разночтенія между славянскимъ и русскими переводами сгладятся въ большей, по крайней мѣрѣ, части, благодаря сравненію текстовъ и выбору изъ принадлежащихъ имъ чтеній одного достовѣрнѣйшаго¹⁾.

Въ заключеніе своихъ статей проф. Елеонскій настоятельно совѣтуетъ озаботиться изданіемъ въ возможной полнотѣ славянскихъ библейскихъ текстовъ XI—XV в.,—въ той надеждѣ, что это изданіе, могущее имѣть великое значеніе и само по себѣ, послужитъ вмѣстѣ съ тѣмъ руководствомъ и справочной книгой при пересмотрѣ Елизаветинской Библии.

Что сказать по поводу изложенныхъ желаній и указаній почтеннаго профессора?

Несомнѣнно, прежде всего, что къ самой мысли о настоящей нуждѣ въ новомъ пересмотрѣ Елизаветинской Библии нельзя отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ. Правда, проф. Елеонскій слишкомъ оптимистически смотритъ на дѣло, когда представляетъ, что эта мысль у насъ признана всѣми. Въ противовѣсъ приведеннымъ имъ, для подтвержденія послѣдняго положенія, ссылкамъ можно указать на мнѣніе такого авторитетнаго человѣка, какъ покойный Рачинскій. Въ одной изъ своихъ статей онъ говоритъ объ употребляющемся нынѣ славянскомъ текстѣ псалтири слѣдующее: „Каждое его слово, постоянно звучащее въ торжественныя минуты общественнаго богослуженія, своеобразный ритмъ каждаго стиха, закрѣпленный дивными напѣвами прокимновъ, антифоновъ, причастныхъ срослись со всѣми отголосками сердечной памяти, со всѣми изгибами вѣрующей души. Сколько-нибудь замѣтная переработка церковно-славянскаго текста (въ видахъ его разъясненія) въ употребленіи молитвенномъ, Церковномъ и домашнемъ, совершенно не мыслима. *Далѣе измененія нѣкоторыхъ*

¹⁾ Стр. 123—124.

окончаній, нѣкоторыхъ знаковъ препинанія идти невозможно“¹⁾. Безспорно, Рачинскій въ своей крайней приверженности къ славянскому тексту далеко не одинокъ... Но проф. Елеонскій совершенно справедливо говоритъ, что съ научной точки зрѣнія недостатки славянскаго перевода Библии несомнѣнны: кто знакомъ съ нашей ученой библиологической литературой, тотъ знаетъ, какая масса этихъ недостатковъ указана. Несомнѣнно также и то, что чрезвычайная невразумительность славянскаго текста есть дѣйствительный, не подлежащій оспариванію, фактъ. Его могутъ не признавать только тѣ, для которыхъ вся Библия обнимается антифонами, прокимнами и нѣсколькими, постоянно повторяющимися евангельскими чтеніями. Библия же въ цѣломъ, особенно книги ветхозавѣтныя, содержатъ цѣлыя страницы, которыя съ трудомъ могутъ быть понимаемы даже людьми, хорошо изучавшими священный текстъ; для массы же, для большинства образованныхъ и грамотныхъ людей эти страницы являются книгой за семью печатями. Въ одной псалтири, на неприкосновенности текста которой настаивалъ покойный Рачинскій, можно указать множество отдѣльныхъ изреченій, и даже нѣсколько цѣлыхъ псалмовъ, которые, по своей непонятности, являются для слушающихъ и читающихъ одними только звуками. Можетъ быть, нѣкоторые изъ простыхъ искренно религіозныхъ людей умѣютъ извлекать назиданіе и изъ того, что совершенно непонятно; но, безъ сомнѣнія, не всѣ. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ болѣе вразумителенъ будетъ библейскій текстъ, тѣмъ сильнѣе будетъ его вліяніе на душу.

Сторонники неприкосновенности библейскаго текста (а также и текста богослужебныхъ книгъ), помня печальную исторію книжныхъ исправленій XVII в., не рѣдко указываютъ, подобно Рачинскому, на то, что всякія поправки будутъ соблазнительны для людей простыхъ, привыкшихъ къ старому тексту; что эти

¹⁾ *Рачинскій*, Чтеніе Псалтири въ народной школѣ. *Русское Обозрѣніе* 1896, № 11 стр. 112.

поправки могутъ вызвать явленіе, подобное расколу и приверженцевъ послѣдняго укрѣпять въ ихъ нерасположеніи къ Церкви. Можетъ быть, эти опасенія и имѣютъ нѣкоторые резоны. Однакоже, нельзя забывать и того, что среди православнаго русскаго народа имѣются милліоны искренно вѣрующихъ чадъ Церкви, преклоняющихся предъ ея авторитетомъ и съ сыновнею почитательностью принимающихъ все, что она предлагаетъ для ихъ руководства. Для такихъ людей новый переводъ, изданный съ благословенія Церкви и подъ ея руководствомъ, столь же будетъ авторитетенъ, какъ и прежній: только онъ будетъ болѣе прежняго назидать ихъ и утѣшать. Да и помимо этого, пора уже перестать намъ трепетать предъ призраками раскола: двадцатый вѣкъ отдѣленъ отъ семнадцатаго двумя столѣтіями культурной жизни, и если книжныя исправленія XVII в. смутили приверженцевъ старины, то въ настоящее время, повидимому, періодъ слѣпой и неразумной ревности по буквѣ проходить. Въ устраненіи темныхъ выраженій, происходящихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ отъ неудачнаго выбора значенія греческихъ словъ, отъ крайняго буквализма въ передачѣ греческаго текста, отъ употребленія устарѣлыхъ славянскихъ словъ, грамматическихъ и синтаксическихъ формъ, и должна быть, по нашему мнѣнію, первая и ближайшая цѣль пересмотра славянской Библии. Это, полагаемъ, пунктъ, относительно котораго не можетъ быть разногласія.

Но, кромѣ указанной, авторъ разсматриваемыхъ нами статей намѣчаетъ еще и другую задачу будущаго пересмотра Библии. Онъ предполагаетъ, что новый славянскій переводъ долженъ быть основанъ на двухъ текстахъ еврейскомъ и греческомъ, что мѣста, плохо переданныя въ греческомъ текстѣ, должны быть замѣнены чтеніями еврейскаго текста и наоборотъ.

• Намъ кажется, что указанія почтеннаго профессора въ этомъ пунктѣ возбуждаютъ сомнѣнія и могутъ вызывать возраженія.

Какъ извѣстно, старый вопросъ о сравнительныхъ преимуществѣхъ еврейскаго и греческаго текста Библии не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ и въ настоящее время,—по крайней мѣрѣ, во всѣхъ деталяхъ. Можно указать весьма много такихъ мѣстъ, относительно которыхъ трудно сказать, гдѣ они ближе къ автографическому, вышедшему изъ рукъ самихъ священныхъ писателей тексту,—у евреевъ или у LXX-ти. Даже цѣлыя книги библейскія (1 и 2 Царствъ, кн. Притчей и кн. Іереміи) доселѣ являются въ указанномъ отношеніи предметомъ споровъ, и эти споры никогда, повидимому, не придутъ къ концу. За неимѣніемъ автографовъ священнаго писанія, мы никогда не можемъ сказать съ полной *увѣренностью*, что въ кн. Іереміи, въ кн. Притчей или въ 1 и 2 Цар. греческій текстъ лучше еврейскаго или наоборотъ. Въ виду этого, одинъ изъ нашихъ авторитетныхъ библеистовъ, проф. А. А. Олесницкій держится того мнѣнія, что мы имѣемъ *два* библии, еврейскую и греческую, и что при изслѣдованіи, напр., кн. Притчей, оба эти текста должны быть принимаемы, какъ самостоятельные. Но разъ мы имѣемъ *два* библии, нельзя уже создавать изъ нихъ одну. Если бы мы вздумали славянскій текстъ исправлять по греческому и еврейскому, то во многихъ мѣстахъ мы были-бы осуждены на безконечные споры, на предположенія, которыя могутъ считаться *только* вѣроятными, причемъ самая степень вѣроятности ихъ по мѣрѣ движенія науки будетъ колебаться. Естественно, что и текстъ, основанный на такихъ *вѣроятнѣ*—лучшихъ чтеніяхъ, не можетъ быть ни авторитетнымъ, ни устойчивымъ,—каковыми качествами именно долженъ обладать текстъ церковный. Гдѣ гарантіи того, что при созданіи новаго текста не будетъ въ него внесено значительной доли ученыхъ домысловъ?.. Намъ кажется, что болѣе надежный путь въ данномъ случаѣ,—это слѣдованіе одному оригиналу—еврейскому или греческому. Библейская исагогика признаетъ то положеніе, что и еврейскій и греческій текстъ *по существу* тождественны и передаютъ подлинное Божественное откровеніе. Ученые экзегеты.

могутъ, конечно, разсуждать о томъ, какой изъ этихъ двухъ видовъ текста ближе къ первотексту въ *частностяхъ*. Но разъ мы не въ состояніи возстановить этого первотекста, въ богослужебномъ употребленіи лучше держаться одного какого либо вида текста,—и положимъ, принятаго у насъ греческаго: этотъ текстъ засвидѣтельствованъ многочисленными рукописями и имѣетъ авторитетъ глубокой древности, безконечно возвышающій его надъ искусственнымъ созданиемъ новой учености, какимъ являлась-бы проектируемая проф. Елеонскимъ смѣшанная редакція Библии.

Въ виду сказаннаго, новое исправленіе славянской Библии, мы полагаемъ, должно направляться къ тому, чтобы славянскій текстъ былъ согласенъ съ греческимъ, былъ точной и совершенно понятной передачей послѣдняго. Не споримъ, безъ предположеній и *вѣроятныхъ* только чтеній дѣло не обойдется и въ этомъ случаѣ, такъ-какъ греческія рукописи имѣютъ разночтенія и принадлежатъ къ разнымъ рецензіямъ. Однако, отличія рецензій греческаго текста, можно сказать, положительно ничтожны, сравнительно съ разностями между еврейскимъ текстомъ и LXX-ю, и во всякомъ случаѣ здѣсь сговориться гораздо легче, чѣмъ по вопросу о сравнительномъ преимуществѣ чтеній еврейскихъ и греческихъ.

Въ заключеніе, не можемъ не выразить искренняго пожеланія, чтобы выдвинутая проф. Елеонскимъ мысль о новомъ пересмотрѣ славянской библии встрѣтила всеобщее сочувствіе, и чтобы голосъ почтеннаго библиста не остался гласомъ вопіющаго въ пустынь. „Грѣхъ великій есть намъ словеномъ, православнымъ христіаномъ, и укоризна, и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ, яко не имамы библии, добрѣ переведенныя“ (Епифаній Славинецкій)...

Вл. Рыбинскій.

Духовныя нужды русскаго народа и православное пастырство¹⁾.

(По воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго).

Вопросъ о православномъ русскомъ духовенствѣ въ міросозерцаніи Рачинскаго стоитъ рядомъ съ вопросомъ о церковной школѣ. По представленію Рачинскаго, пастырство и школа такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что совершенно какъ будто бы немислимы въ раздѣльности. Просвѣщать, или какъ выразился Рачинскій, „оглашать“ русскій народъ христіанскимъ ученіемъ прежде и преимущественнѣе всѣхъ должны наши пастыри. Изъ всѣхъ сословій духовенство, притомъ, и наиболѣе удовлетворяетъ запросамъ времени относительно церковнаго просвѣщенія.

Но духовенство живетъ не для одного простаго народа. Мы всѣ, вся русская интеллигенція, не знаемъ христіанства и не умѣемъ жить по христіански. Для всей, безъ исключенія, Россіи настоятельно необходимы добрые пастыри, которые были бы въ состояніи всякое сословіе поучить христіанской вѣрѣ и христіанскому благочестію. Отсюда: русскіе пастыри такъ высоко должны стать въ духовномъ отношеніи, чтобы явить собою не „нравственный сколокъ съ прочихъ сословій, а примѣръ для ихъ назиданія“; пастыри наши должны явить собою ту, „въ предѣлахъ немощи челоѳической, соль земли, безъ коей послѣдняя остается безплодною и мертвою“²⁾. Русское православіе, говоритъ С. А., не мыслимо безъ наличности духовно высокаго, образцоваго пастырства. „Не думаете ли вы“, пишетъ С. А. къ Н. въ письмѣ отъ 31 дек. 1890 г., „что въ томъ именно и состоитъ различіе православнаго церковнаго духа отъ католическаго и протестантскаго, что мы не способны, подобно католикамъ, въ дѣлѣ нашего спасенія, возлагать всѣ наши надежды на благодать и авторитетъ свя-

¹⁾ См. № 47 за 1902 г.

²⁾ Сельская Школа, с. 242.

щенства; не можемъ, подобно протестантамъ, обходиться безъ этой благодати, безъ авторитета, но—алчемъ и жаждемъ пастырства добраго, пастырства истиннаго; но можемъ найти душевный покой лишь въ той полнотѣ церковной жизни, при коей пастыри дѣйствительно пасутъ свое стадо, при коей пастыри дѣйствительно знаютъ и слушаютъ голосъ своихъ пастырей“¹⁾). Выраженіе „алчемъ и жаждемъ“ чрезвычайно характерно. Оно указываетъ, до какой крайней, болѣзненной степени во всемъ русскомъ обществѣ чувствуется потребность въ добрыхъ пастыряхъ. Дѣйствительно, состояніе русскаго всего народа, въ изображеніи Рачинскаго, ужасно. Народу грозитъ неминуемая духовная смерть, если никто не протянетъ ему руку помощи и не выведетъ изъ бездны паденія, въ которую онъ низвергся, живя безъ вѣры и безъ Христа²⁾).

Жизненностью отличается идеальпый взглядъ Рачинскаго на пастырство и отвѣчаетъ общимъ, истинно русскимъ, чаяніямъ о немъ и представленіямъ. Однако, что говорить о нашемъ пастырствѣ современная дѣйствительность? удовлетворяетъ ли пастырство требованіямъ, законно къ нему предъявляемымъ? на высотѣ ли оно своего призванія? способно ли вести лежащую на немъ просвѣтительную миссію среди русскаго народа? есть ли въ немъ столько духовныхъ силъ, чтобы уврачевать духовныя язвы, отъ которыхъ страждетъ и гибнетъ народъ?..

Правдиво отмѣчающій явленія жизни, С. А. не кривитъ душою и въ отвѣтахъ на эти вопросы. Признавая „логическую“ необходимость отдать просвѣщеніе русскаго народа въ руки духовенства, С. А. все-таки не скрываетъ, что въ настоящемъ своемъ состояніи не всѣ пастыри находятся на той высокой ступени духовнаго развитія, на какой желательно было бы ихъ видѣть. Правда, и теперь все вообще духовенство удовлетворительно исполняетъ свои обязанности, но, по идеѣ призванія, оно должно непременно подняться выше,—иначе, съ теченіемъ времени, оно погибнетъ медленною, *позорною* смер-

¹⁾ Письма, XXXVI, с. 90—91; также IV, с. 13.

²⁾ Сельская Школа, стр. 276—278.

тью¹⁾ и затормозить святое дѣло, ему врученное. Такъ С. А. говоритъ о той части русскаго пастырства, которая не хочетъ считаться съ требованіями жизни и которой не дорого духовное благо пасомыхъ и русскаго народа. Жизнь этой группы духовенства С. А. представляетъ въ очень мрачныхъ чертахъ, часто даже сгущая краски, въ порывѣ благороднаго негодованія за пренебреженіе дѣла Божія. „Жизнь нашихъ сельскихъ батюшекъ пуста“, говоритъ, напр., С. А. въ одномъ мѣстѣ. „Лѣто ихъ кое какъ наполняется хозяйственными заботами. Но зимою самое добросовѣстное исполненіе службъ и требъ оставляетъ широкіе пробѣлы, невольно наполняющіеся развѣздами по гостямъ, игрою въ карты, пошлыми общественными развлеченіями. Не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда они наполняются пьянствомъ и развратомъ“²⁾. И въ другихъ мѣстахъ своихъ статей и писемъ С. А. указываетъ и бичуетъ пороки, которыми особенно заражено духовенство: пьянство, корыстолюбіе, ложь³⁾... Мы не будемъ приводить подлинныхъ словъ автора; мы боимся оскорбить нравственное чувство нашихъ многочисленныхъ достойныхъ пастырей, которые, безъ сомнѣнія, не меньше Рачинскаго болѣютъ душою о тяжелыхъ прегрѣшеніяхъ своихъ немощныхъ собратій. Замѣтимъ только, что великій радѣтель блага Церкви С. А. Рачинскій тѣмъ больше имѣлъ права смѣло и открыто указывать на пороки духовенства, что самъ, въ своей просвѣтительной дѣятельности среди народа, много выстрадалъ отъ недостойныхъ пастырей⁴⁾.

Что же сказать по поводу нареканій на духовенство со стороны Рачинскаго? Конечно, прежде всего, то, что грѣхи пастыря не могутъ не бросаться въ глаза его пасомыхъ и тѣхъ, которые слѣдятъ положительно за каждымъ его шагомъ. Онъ живой носитель идеала христіанской жизни, и всякій

¹⁾ Стр. 39.

²⁾ Стр. 52.

³⁾ Объ этомъ спеціально см. стр. 295 и дал.

⁴⁾ Письма, X, с. 29.

простой христіанинъ естественно ожидаетъ въ немъ самомъ увидѣть осуществленіе тѣхъ добродѣтелей, какія онъ, посредствомъ слова, внушаетъ пасомымъ. Отсюда—большая требовательность къ пастырю, чѣмъ вообще къ христіанину. Эта требовательность доказываетъ, разумѣется, высокій взглядъ общества на пастырское служеніе, но она же и ведетъ къ черезчуръ строгому, до жестокости, отношенію къ пастырю. При строгомъ судѣ надъ пастыремъ забываютъ, что вѣдь и онъ, этотъ проповѣдникъ возвышеннаго Христова ученія, такой же слабый и немощный человѣкъ, какъ и всѣ люди, что онъ съ такимъ же трудомъ и усиленіемъ долженъ работать надъ своимъ усовершенствованіемъ, какъ и прочіе, и что высокое совершенство дается ему путемъ долгаго, мучительнаго подвига, взять который на себя способенъ не всякій мірянинъ. Безъ сомнѣнія, никто изъ нашихъ пастырей не станетъ возражать противъ болѣе требовательнаго, сравнительно съ другими, отношенія къ себѣ; но что дѣлать, если съ такимъ трудомъ дается человѣку, даже сугубо облагодатствованному, духовное совершенство, если не иначе онъ можетъ стать на высоту духа, какъ только послѣ паденій?!.. Библейскій праведникъ *семь разъ* на день падаетъ. Правда, онъ *семь разъ* на день и востаетъ...

Но кто же скажетъ, что нашъ русскій, православный священникъ не умѣетъ, или, еще болѣе того, не хочетъ сознаться и покаяться въ своемъ паденіи,—что изъ очей его не льются въ тиши уединенной молитвы предъ Господомъ такія же горячія слезы покаянія, какія изливались у древнихъ святыхъ пастырей—отцовъ, когда грѣхъ поборалъ ихъ себѣ,—что, наконецъ, Господь не слышитъ воплей сокрушенія, вырывающихся изъ глубины сердца пастыря и не помогаетъ ему въ борьбѣ съ овладѣвшимъ имъ грѣхомъ?!.. Истинная справедливость требуетъ не одного строгаго отношенія къ пастырю, но и снисходительнаго, какъ къ немощному человѣку. Самъ же С. А. Рачинскій, въ такихъ мрачныхъ краскахъ изобразившій жизнь нашего сельскаго духовенства, признаетъ, однако,

не только то, что современное пастырство стоитъ выше общаго уровня нравственности русскаго народа, но еще, что въ нравственномъ состояніи духовенства за послѣднее время ясно обозначилась большая переменѣна къ лучшему. А этотъ нравственный подъемъ, замѣченный Рачинскимъ, и доказываетъ, что наше духовенство заботится о своемъ усовершенствованіи и достигаетъ его. Вотъ подлинныя слова Рачинскаго: „никто, конечно, не возьмется утверждать, чтобы въ рядахъ духовенства процентъ недостойныхъ былъ больше, чѣмъ въ сословіи, напримѣръ, педагогическомъ, врачебномъ, судебномъ, и т. д. Статистикѣ эти вещи не подлежатъ. Полагаю, однако, что люди зрѣлаго жизненнаго опыта сойдутся въ заключеніи, что не намъ, мірянамъ, бросать въ духовенство первый камень“¹⁾. Или: „ссылаюсь на сужденіе всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, уже не одинъ десятокъ лѣтъ внимательно слѣдящихъ за внутреннею жизнью нашихъ сель и весей. Каждый изъ нихъ несомнѣнно скажетъ, что число сельскихъ священниковъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ плодотворной, истинно пастырской дѣятельности, разительно *возрастаетъ*“²⁾, и что увеличивается число священниковъ учительныхъ³⁾ и въ церкви и въ школѣ“⁴⁾. А вотъ какъ трогательно отзывается онъ о нынѣшнемъ пастырствѣ: „Благодареніе Богу! Умножается число священниковъ, сбросившихъ съ себя всѣ эти позорныя узы“ (т. е. пороковъ), „трудящихся безкорыстно и искренно, чистыхъ и сердцемъ и нравами. Многихъ вразумляютъ и совѣсть, и грозныя знаменія времени, и проснувшаяся въ темныхъ массахъ жажда свѣта, и неусыпныя заботы правительства о подъемѣ нашего блага духовенства. Привѣтъ имъ всѣмъ, и Божія помощь!“⁵⁾ Вѣчная память тебѣ, правдивая, чистая, вѣрующая русская душа, за доброе слово о нашемъ

¹⁾ Стр. 242.

²⁾ Курсивъ Рачинскаго.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ Сельская Школа, стр. 245.

⁵⁾ Стр. 297.

забитомъ, загнанномъ и обезславленномъ отъ тѣхъ,—кто далекъ отъ Церкви,—духовенствѣ. Намъ дорого и горькое твое слово о нашихъ немощахъ, потому что въ нихъ сквозить тоже горячее желаніе быть полезнымъ духовенству, помочь ему, какъ и въ этомъ трогательномъ привѣтѣ нарождающимся новымъ въ немъ силамъ.

Какія, однако, спеціальныя причины породили въ нашемъ духовенствѣ пороки, о которыхъ горько скорбѣлъ покойный С. А.?

С. А. не мало углублялся въ изысканіе ихъ причинъ и находилъ таковыя частію въ общемъ духѣ времени, въ нашемъ шатаніи по стихіямъ міра за эти тридцать лѣтъ, частію въ постановкѣ воспитанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ пастырей Церкви, частію, наконецъ, и въ условіяхъ той нравственно-распускающей сельской среды, въ которой проводитъ жизнь русскій священникъ. „Ни для кого не тайна“, говоритъ С. А., „что эти вліянія, врываясь въ замкнутый строй нашихъ строго сословныхъ, жившихъ преданіемъ духовно-учебныхъ заведеній, подѣйствовали на него съ потрясающею силою... Богословскія науки въ этотъ періодъ свое обаяніе утратили; осужденныя всѣмъ строемъ современной мысли, осмѣяныя на тысячу ладовъ на рабьемъ языкѣ нашей прессы, онѣ обратились въ глазахъ учащихся въ предметъ докучнаго зубренія, перестали быть пицей жизни духовной. И, рядомъ съ этимъ, въ новыхъ вѣншкельныхъ ученіяхъ нашли себѣ пищу, въ примѣрѣ образованныхъ классовъ нашли себѣ оправданіе, именно, наслѣдственные грѣхи нашего духовенства, нажитые вѣками невѣжества и небреженія мірянъ къ устроенію Церкви. Чувство *благоговѣнія*, и безъ того подвергающееся тяжелымъ испытаніямъ въ нашей практикѣ церковной, до сихъ поръ односторонне поглощенной усиленнымъ требоисправленіемъ, это чувство,— жизненный нервъ религіозной жизни, — систематически и открыто вытравливалось нашей литературою въ области художественной, въ области нравственной, и,— коварными на-

меками, прозрачными иносказаніями,—въ области религіозной; въ жизненной же практикѣ нашихъ образованныхъ классовъ попиралось ногами. Поклоненіе мамонѣ, нажива *per fas et nefas*, безумная жажда роскоши,—развѣ этотъ примѣръ сверху остался безъ вліянія на наше духовное юношество, сугубо искушаемое и обязательностью брака, и бѣдностью, и стремленіемъ примкнуть къ образованному кругу? Развѣ не эта зараза всего болѣе препятствуетъ нашему духовенству стать на подобающую ему высоту? А теорія невмѣняемости и неотвѣтственности, непобѣдимости всякихъ похотей и безсознательныхъ импульсовъ, и не столько теорія, сколько молчаливое ея признаніе на практикѣ, все болѣе воплощающееся въ нравы, не потворствовало ли оно наслѣдственному пороку, столь губельному для нашего духовенства—грубому пьянству? Не начинаетъ ли эта теорія колебать, грязнить и семейную жизнь духовенства, столь недавно еще отличавшуюся чистотою¹⁾?—Конечно, скажемъ съ своей стороны, не всѣхъ поголовно семинаристовъ заразили эти тлетворныя идеи времени, но не сомнѣнно, что на многихъ онѣ повліяли роковымъ образомъ и дурно отозвались на ихъ пастырской дѣятельности. Мутныя ручьи *жизни* попадаютъ во всякую школу, какъ бы зорко ни слѣдили за этимъ воспитатели юношества.

Говоря объ обученіи въ нашихъ духовныхъ школахъ, С. А. ограничивается краткимъ только заявленіемъ, что онѣ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, имѣютъ то „громадное преимущество“ предъ свѣтскими, что, „не предрѣшая судьбы своихъ учениковъ, ставятъ предъ ними цѣль духовную, приобрѣтеніе знанія несомнѣнной нравственной высоты“²⁾. О состояніи и о постановкѣ науки въ духовныхъ школахъ С. А. не говоритъ ничего. Онъ устремляетъ все вниманіе на воспитательную часть и находитъ ее въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Разные пороки, а, въ особенности, пьянство

¹⁾ Стр. 266—267.

²⁾ Стр. 99—100.

и прикрывающая его „чудовищная“ ложь, свили себѣ „прочное гнѣздо“ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Хуже всего въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ, по словамъ Рачинскаго, въ академіяхъ. „Огромное большинство своихъ воспитанниковъ онѣ навсегда отвращаютъ отъ духовнаго званія, подрываютъ въ нихъ вѣру, вселяютъ въ нихъ стремленіе къ необузданной нравственной свободѣ, и пр. 1)“. Испорченные въ школѣ, воспитанники духовно-учебныхъ заведеній вступаютъ потомъ на поприще пастырства и, само собою понятно, не могутъ уже отстать отъ прежнихъ пороковъ, вошедшихъ въ привычку. До глубины души возмущало Рачинскаго пьянство. Противъ этого порока онъ написалъ цѣлую серію писемъ къ духовнымъ воспитанникамъ, изданныхъ въ 1899 году отдѣльною брошюрою, въ которыхъ онъ всячески убѣждаетъ будущихъ просвѣтителей народа оставить употребленіе водки, принесшей и продолжающей приносить неисчислимый вредъ Россіи.

Несравненно болѣе глубокимъ и общимъ, чѣмъ пьянство, зломъ С. А. называетъ *ложь*, вѣвшуюся въ духовное сословіе. Ложью, по его словамъ, проникнуты всѣ отношенія духовенства и къ начальству и къ пасомымъ 2). Для оправданія лжи духовенство прибѣгаетъ даже къ св. Писанію и въ доказательство того, что будто бы ложь одобряется самимъ Словомъ Божиимъ, приводитъ слова изъ псалма: *ложь(з) конь во спасеніе*. „Толкованіе этихъ словъ въ указанномъ смыслѣ С. А. слышалъ изъ устъ одного благочиннаго на экзаменѣ въ сельской школѣ. „Я сгоралъ отъ стыда“, говоритъ С. А., „но скандала поправить не могъ, ибо спорить—значило бы его подчеркнуть“ 3). Мало того, какъ сообщаетъ С. А., такое нелѣпное толкованіе Слова Божія предлагалось „еще недавно“ съ семинарской кафедрой, хотя и „наряду(?) съ истиннымъ“ 4)...

1) Стр. 243.

2) Письма, XV, с. 43.

3) Стр. 44.

4) Сельская Школа, стр. 297.

Наши духовно-учебныя заведенія не мало вынесли укоризнь со стороны зоркихъ наблюдателей ихъ жизни, и, конечно, какъ нѣтъ дыма безъ огня, такъ, надо сознаться, не измышлены и тѣ пороки, на которые указываетъ Рачинскій. Но, прежде всего, всякій безпристрастный судья нашихъ духовныхъ школъ признаетъ, что то, что было до нѣкоторой степени справедливо 40—30 лѣтъ тому назадъ, не соотвѣтствуетъ уже положенію дѣла въ нынѣшнее время, и особенно въ нашихъ академіяхъ. С. А. не былъ близко знакомъ съ духовнымъ міромъ студентовъ академіи и, вѣроятно, по отдѣльнымъ, конечно, печальнымъ экземплярамъ (въ семьѣ не безъ уroda) дѣлалъ заключеніе обо всѣхъ. Онъ и самъ отмѣчаетъ „значительный поворотъ въ этомъ отношеніи къ лучшему нынѣ (т. е. въ 1895 г.) совершающійся въ академіи Московской“ подъ благотворнымъ вліяніемъ о. ректора—архим. Антонія (нынѣ еп. волынскаго). Если бы С. А. зналъ жизнь другихъ академій, то онъ, не сомнѣваемся, нашелъ бы возможнымъ сказать доброе слово также и по ихъ адресу, а можетъ быть призналъ бы справедливымъ ограничить и свой общій, рѣзкій отзывъ о нихъ, какъ онъ ограничилъ, въ концѣ концовъ, свой неодобрительный отзывъ о сельскомъ духовенствѣ.

При оцѣнкѣ нравственнаго поведенія воспитанниковъ духовной школы свѣтское общество не всегда сохраняетъ безпристрастіе, не всегда предъявляетъ къ нимъ тѣ же мѣрки снисходительныхъ требованій, какъ къ воспитанникамъ *прочихъ*, не духовныхъ школъ. Общество не хочетъ считаться съ молодостью, увлеченіями и неустойчивостью молодой природы нашего воспитанника; оно хочетъ видѣть въ немъ чуть не совершенство и потому никогда не прощаетъ ему того, что безъ колебаній прощаетъ воспитанникамъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Почему такое раздѣленіе? Развѣ духовные воспитанники изъяты въ своей натурѣ отъ склонности къ грѣху, подчиняющей себѣ всѣхъ людей? Развѣ на нихъ меньше вліяютъ соблазны грѣха, увлекающіе молодежь?.. Наши воспитанники только готовятся быть пастырями, а къ нимъ уже предъяв-

ляють такія суровія требованія, какъ къ настоящимъ пастырямъ. Развѣ это справедливо?!.. Духовныя науки, говорятъ, въ силу своего несравненно высшаго нравственнаго достоинства въ ряду другихъ наукъ, естественно должны бы вліять облагораживающимъ образомъ на учениковъ...—Правда, но онѣ такъ и вліяють. Вѣдь не секретъ, что въ духовныхъ школахъ не только наука стоитъ выше, чѣмъ въ свѣтскихъ, но и что общій уровень нашихъ воспитанниковъ нравственно чище другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда бы могли являться такіе плодотворные и честные труженики, которыхъ такъ много давала и даетъ духовная школа на всѣхъ поприщахъ государственной и церковной жизни, если бы было правдой, что весь внутренній строй нашихъ школъ есть *ложь*, какъ выразился Рачинскій? А откуда тѣ добрые пастыри, которыхъ такъ трогательно благословляетъ на духовное дѣланіе Рачинскій?...

(Окончаніе будетъ).

Н. Пальмовъ.

Миссіонерская проповѣдь*).

Общіе приемы миссіонерскихъ бесѣдъ.

Публичныя миссіонерскія бесѣды какъ съ раскольниками, такъ и съ сектантами въ настоящее время пользуются довольно широкою распространенностью. Но, къ сожалѣнію, на собесѣдованіяхъ съ южно-русскими сектантами практикуется иногда слѣдующій приемъ. Въ назначенный день, когда собираются сектанты и православные слушатели, миссіонеръ *прочитываетъ* составленную имъ самимъ или печатную „бесѣду“ и въ заключеніе спрашиваетъ сектантовъ, не желаетъ-ли кто-нибудь изъ нихъ возразить противъ прочитанной „бесѣды“. Желающихъ возражать, конечно, не находится, и бесѣда на этомъ оканчи-

*) См. № 46 за 1902 г.

вается. Такой приемъ собесѣдованій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть одобренъ. Онъ не только не можетъ достигнуть положительныхъ результатовъ вразумленія заблудшихъ, но и вредить дѣлу миссіи въ самомъ его существѣ: онъ воспитываетъ и въ самыхъ дѣятеляхъ миссіи и въ слушателяхъ взглядъ на это дѣло, какъ только на исполненіе воли начальства, и въ живое дѣло вноситъ мертвящій формализмъ. Для устраненія такого формализма, необходимо, чтобы миссіонерскія бесѣды представляли собою не чтеніе, а живое, устное слово. Изустная бесѣда не только передаетъ содержаніе предмета въ доступной пониманію слушателей формѣ, но въ ней дѣйствуетъ еще и сила убѣжденія проповѣдника, вдохновляющая его вѣра, которая проникаетъ въ сердца слушателей и производитъ въ нихъ свое спасительное дѣйствіе ¹⁾. Ведя изустную бесѣду съ отступниками, священникъ, въ интересахъ своего дѣла, долженъ держаться теоріи аккомодации, или мудрой приспособительности. Для того, чтобы быть понятнымъ для своихъ необразованныхъ, темныхъ слушателей, священникъ долженъ заботиться о приспособленіи своей рѣчи къ ихъ понятіямъ, сужденіямъ, міровоззрѣнію и способу ихъ выраженій; рѣчь священника должна быть проста, ясна, безъ лишнихъ словъ и разсужденій. Для достиженія своей цѣли, для воздѣйствія на своихъ заблудшихъ собесѣдниковъ, священникъ долженъ пользоваться всѣми разумными мѣрами: гдѣ можно похвалить сектантовъ, тамъ похвалить; гдѣ можно уличить ихъ во лжи и клеветѣ, тамъ, разоблачивъ неправду, пристыдить ихъ. Но все это должно быть чуждо лицемѣрія, горячности, излишества. Собесѣдованія должны вестись непременно по заранѣе выработанной священникомъ программѣ: предметы бесѣды должны быть расположены въ опредѣленной системѣ, связи и послѣдовательности. Во время самой бесѣды священникъ-миссіонеръ долженъ избрать себѣ въ собесѣдники со стороны расколь-

и г

¹⁾ Дородницынъ А., „Необходимость живого слова при веденіи миссіонерскихъ бесѣдъ съ отпавшими“. „Миссіон. Обзоръ“, 1898 г., I вып., № 4.

никовъ или сектантовъ какое-нибудь одно болѣе опытное и свѣдущее лицо и съ нимъ вести разсужденія, какъ съ представителемъ всей неправославной общины. Впрочемъ, если онъ найдетъ удобнымъ, и если потребуютъ обстоятельства, то онъ можетъ дозволять и другимъ изъ присутствующихъ раскольниковъ и сектантовъ дѣлать возраженія, особенно если возраженія эти будутъ способствовать уясненію разбираемаго вопроса ¹⁾. Избравъ для своей бесѣды одинъ какой-либо предметъ, священникъ не долженъ допускать никакихъ скачковъ и уклоненій въ сторону отъ этого главнаго предмета. Уклоняться отъ темы—это любимый пріемъ начетчиковъ, особенно раскольническихъ, употребляемый ими въ тѣхъ случаяхъ, когда они сознаютъ себя безсильными дать основательный и разумный отвѣтъ миссіонеру на поставленные имъ возраженія. Цѣль начетчиковъ въ такихъ случаяхъ очевидна: сдѣлавъ скачекъ, они рассчитываютъ прикрыть свою слабость и въ то же время показать свое мнимое многовѣдніе. Православный священникъ въ такихъ случаяхъ немедленно долженъ останавливать своего собесѣдника, твердо напоминая ему о главномъ предметѣ бесѣды, потому что разъ допущенное уклоненіе неминуемо влечетъ за собой множество новыхъ уклоненій, и бесѣда, вышедши изъ предѣловъ программы и плана, удалившись отъ своего предмета, можетъ затянуться на очень долгое время и рѣшительно ни къ чему не привести. Ведя бесѣду съ отступниками отъ Церкви, желая убѣдить ихъ въ правотѣ послѣдней, имѣя намѣреніе привести ихъ къ соглашенію съ Церковію въ томъ или иномъ догматѣ или обрядѣ, священникъ долженъ непременно отыскать хотя какія—нибудь точки соприкосновенія съ своими собесѣдниками и сдѣлать эти точки соприкосновенія исходнымъ пунктомъ бесѣды, потому что въ противномъ случаѣ, т. е. когда у собесѣдниковъ не будетъ рѣшительно ни въ чемъ соглашенія, бесѣда приметъ

¹⁾ *Козицкій П.*; „Нѣсколько практическихъ наставленій священникамъ для борьбы съ шундизмомъ“. „Рук. для с. п.“, 1889 г., № 47.

характеръ шумнаго и бесполезнаго спора. Не спорить, а убѣждать своихъ противниковъ долженъ священникъ. Исходя изъ нѣкоторыхъ положеній, раздѣляемыхъ и собесѣдникомъ, миссіонеръ долженъ, путемъ наведенія, сравненія и выводовъ, приводитъ его къ новымъ положеніямъ¹⁾. При такомъ способѣ собесѣдованія съ противниками Церкви священникъ естественно можетъ пользоваться примѣрами и сравненіями изъ жизни, можетъ ставить своему собесѣднику и тѣ частные вопросы, которые существенно связаны съ главнымъ предметомъ бесѣды и ведутъ къ его уясненію, такъ какъ наши раскольники и сектанты, недостаточно развитые въ умственномъ отношеніи, мыслятъ не абстрактно, а конкретно, и легче переходятъ отъ частнаго къ общему, чѣмъ наоборотъ²⁾.

Находя для болѣе удобнаго и скорого убѣжденія своихъ противниковъ въ той или иной истинѣ точки соприкосновенія въ ученіи православія и сектантства, миссіонеръ долженъ наблюдать и за тѣмъ еще, чтобы въ бесѣдѣ съ отступниками отъ православія пользоваться источниками вѣроученія общепризнаваемыми, т. е. такими, которые имѣютъ священное значеніе и авторитетъ какъ въ глазахъ православныхъ, такъ и въ глазахъ сектантовъ или раскольниковъ. Въ отношеніи же къ тѣмъ источникамъ, на которыхъ сектанты или раскольники основываютъ свои заблужденія, но которыя православными не признаются, священникъ долженъ дѣйствовать искусно. Не оскорбляя религіознаго чувства своихъ противниковъ и не глумясь надъ ихъ вѣрой, онъ долженъ постепенно подрывать къ такимъ книгамъ довѣріе заблудшихъ, сопоставляя прямо

¹⁾ Прекрасный примѣръ подобной бесѣды данъ въ сочиненіи *преосвящ. Антонія* (Храновицкаго): „Разговоръ православнаго и папковца о Священномъ Писаніи и преданіяхъ церковныхъ“. Въ этомъ „разговорѣ“ не спорять, не уклоняются къ частнымъ, побочнымъ вопросамъ, затемняющимъ дѣло, а шагъ за шагомъ идутъ къ поставленной православнымъ собесѣдникомъ цѣли, находя общія положенія, признаваемые обоими собесѣдниками.

²⁾ *Григорій*, митр. „Практ. наст.“, стр. 96.—*Козицкій II*. „Нѣсколько практ. наставл.“, „Рук. для с. н.“, 1889 г., № 47.

противорѣчащія одно другому и взаимно уничтожающія ученія, заключающіяся въ одной и той же книгѣ, отыскивая и указывая своимъ противникамъ противорѣчія подобныхъ книгъ другимъ книгамъ, признаваемымъ тѣми же отступниками отъ Церкви. Что касается православныхъ книгъ, въ которыхъ излагается вся глубина церковнаго ученія, каковы творенія свв. отцевъ, отвергаемыя многими сектантами, то священникъ, въ бесѣдахъ съ послѣдними, долженъ пользоваться этими книгами особенно въ такихъ случаяхъ, когда, нашедши точки соприкосновенія въ православномъ и сектантскомъ ученіи, увидитъ явную пользу отъ наиболѣе живого, яснаго и полнаго изложенія этого ученія. Такой пріемъ бываетъ весьма полезенъ, такъ какъ языкъ святоотеческій отличается точностью въ изложеніи догматическихъ истинъ, силою выраженія, нерѣдко картинностью, драматизмомъ какъ въ изображеніи библейско-историческихъ событій, такъ особенно въ изображеніи внутреннихъ настроеній человѣческой души. Такое пользованіе церковнымъ преданіемъ со стороны священника расположитъ сектантовъ къ уваженію святоотеческихъ твореній и можетъ привести ихъ къ признанію священнаго Преданія и даже къ соединенію съ Церковію. Неоднократно бывало, что, когда православные священники читали сектантамъ (пашковцамъ, штундистамъ и др.) изъ твореній пр. Іоанна Кассіана, Симеона Новаго Богослова, Исаака Сирина и т. д., слушатели-сектанты приходили въ изумленіе и умиленіе отъ словесъ этихъ богомудрыхъ мужей¹⁾.

Миссіонерскія бесѣды съ раскольниками-старообрядцами.

Успѣхъ веденія миссіонерскихъ бесѣдъ съ раскольниками-старообрядцами стоитъ въ зависимости и отъ любви священника къ этому важному дѣлу, и отъ его опытности въ словесной полемикѣ, и отъ силы его личнаго убѣжденія и вѣры,

¹⁾ Григорій, митр. „Практ. наст.“, стр. 86.—Заозерскій, проф. „Борьба съ сектантствомъ“. „Богосл. Вѣстн.“, 1893 г., № 10.

и отъ образа его жизни, и отъ отношенія его къ церковно-богослужебной обрядности. Какъ вести бесѣды съ раскольниками, это зависитъ отъ способностей и опытности священника, а о чемъ съ ними бесѣдовать, это покажетъ время и условія самой жизни отступниковъ отъ Церкви. Въ руководство священнику можно дать указанія относительно лишь первыхъ бесѣдъ съ раскольниками.

Съ чего слѣдуетъ начинать бесѣды съ именуемыми старообрядцами?—Опытные миссіонеры единогласно совѣтуютъ избирать для первыхъ бесѣдъ съ заблудшими такіе предметы, о которыхъ раскольники могутъ слушать спокойно и даже вполнѣ соглашаться съ священникомъ. Первые бесѣды, по существу своему, должны быть подготовительными; онѣ должны расположить раскольниковъ къ слушанію священника, должны возбудить въ нихъ охоту посѣщать и дальнѣйшія бесѣды миссіонера. Поэтому, священнику необходимо начинать свою рѣчь нѣсколько издалека. Цѣль его первыхъ бесѣдъ должна состоять въ томъ, чтобы вызвать въ сердцѣ раскольниковъ сожалѣніе о тѣхъ несчастныхъ отношеніяхъ между людьми одной крови, которыя порождены разномысліемъ въ вѣрѣ; пробудить въ душахъ старообрядцевъ желаніе лучшихъ, болѣе мирныхъ и благопріятныхъ отношеній. А для этого священникъ долженъ картинно изобразить въ своихъ первыхъ бесѣдахъ, съ одной стороны, все зло, всю ожесточенную вражду, которая установилась въ отношеніяхъ раскольниковъ къ православнымъ, со всѣми ея вредными послѣдствіями для тѣхъ и другихъ; съ другой стороны, онъ долженъ наглядно представить предъ мысленнымъ взоромъ своихъ собесѣдниковъ все благо, которое является слѣдствіемъ единодушія въ вѣрѣ; долженъ изобразить какъ внѣшнее благосостояніе людей, такъ и успѣхи во внутреннемъ, религіозно-правственномъ развитіи человѣка при условіяхъ мирной, спокойной жизни. Если его живая, одушевленная рѣчь о вождѣнномъ, заповѣданномъ Христомъ и апостолами мирѣ окажетъ свое благотворное дѣйствіе на сердца слушателей-раскольниковъ, то этотъ первый шагъ его

миссіонерской дѣятельности будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ шагомъ со стороны раскольниковъ къ примиренію съ православіемъ ¹⁾).

Пробудивъ въ старообрядцахъ сожалѣніе о церковномъ раздорѣ и желаніе союза въ вѣрѣ съ православными, священникъ можетъ перейти въ слѣдующихъ бесѣдахъ къ одному изъ вопросовъ, относящихся уже непосредственно къ вѣроученію. Здѣсь на первыхъ порахъ лучше всего избрать предметомъ бесѣды ученіе о Свящ. Писаніи, какъ главнѣйшемъ источникѣ боговѣдѣнія, о значеніи твореній свв. отцевъ и о правильномъ отношеніи къ прочимъ книгамъ духовнаго содержанія. Избравъ для своей бесѣды эту тему, священникъ долженъ ясно и обстоятельно раскрыть и выяснить ее въ положительномъ смыслѣ и тонѣ. Это необходимо сдѣлать въ виду того, что раскольники обыкновенно не дѣлаютъ никакого различія между книгами Свящ. Писанія и многими другими книгами, лишь бы были онѣ старописьменными или старопечатными, называютъ послѣднія богодухновенными и даже предпочитаютъ ихъ книгамъ Свящ. Писанія. Священникъ долженъ разъяснить старообрядцамъ необходимость твердой, непоколебимой вѣры въ книги Свящ. Писанія и особенно въ Евангеліе, гдѣ записано ученіе и неложныя обѣтованія Христа Спасителя; долженъ, далѣе, выяснить, что мѣста Свящ. Писанія темныя, иносказательныя, приточныя нужно толковать не самопроизвольно, но „якоже божественніи отцы достигоша“. Относительно же твореній свв. отцевъ онъ долженъ раскрыть заблудшимъ, что этими твореніями слѣдуетъ пользоваться не въ противовѣсъ Свящ. Писанію, не къ опроверженію евангельскихъ истинъ, а къ ихъ утверженію. Наконецъ, касательно любимыхъ старообрядцами старопечатныхъ книгъ, въ родѣ, напр., Большого Катихизиса, священникъ долженъ утвердить раскольниковъ въ той мысли, что эти книги не богодухновенныя, а простыя человѣческія, и поэтому не

¹⁾ Григорій, митр. „Практ. наст.“, стр. 69—71.

могутъ онѣ имѣть того священнаго авторитета, который принадлежитъ книгамъ Свящ. Писанія. Когда будетъ достаточно выяснено такое различіе между книгами Свящ. Писанія, твореніями свв. отцевъ и сочиненіями простыхъ людей, тогда можно будетъ продолжать рѣчь и далѣе, потому что тогда раскольники будутъ въ состояніи цѣнить доводы миссіонера, приводимые изъ Свящ. Писанія, и видѣть несостоятельность своихъ доказательствъ, заимствуемыхъ изъ простыхъ старопечатныхъ книгъ. Начинать бесѣды съ такого, именно, предмета удобно и потому еще, что этотъ предметъ не принадлежитъ къ вопросамъ спорнымъ и можетъ быть не только выслушанъ старообрядцами внимательно, но и принятъ ими спокойно. „И если потомъ,—пишетъ извѣстный миссіонеръ архим. Павель,—когда будете говорить старообрядцамъ о правотѣ Церкви, они, по своимъ закоренѣлымъ привычкамъ, на первый разъ не изъявятъ съ вами согласія, всё же вами всажденныя въ нихъ понятія о непреложности евангельскихъ истинъ и вѣчности Христовыхъ обѣтованій мало-по-малу станутъ ихъ просвѣщать и приводить къ познанію св. Церкви. Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться многими опытами. Даже люди, бывшіе самыми ревностными защитниками раскола, когда усвоили себѣ понятіе о неизблемости и необходимости для спасенія вѣры во св. Евангеліе, постепенно пришли къ соединенію съ св. Церковію“¹⁾).

Продолжая бесѣды далѣе, священникъ долженъ избирать для нихъ въ первое время такія разности между православіемъ и расколомъ, къ которымъ раскольники наименѣе привязаны. Подобный выборъ разностей полезенъ въ томъ отношеніи, что бесѣды о нихъ не могутъ привести собесѣдниковъ къ жаркимъ, задорнымъ состязаніямъ, не могутъ принять видъ шумныхъ, крикливыхъ споровъ, а скорѣе могутъ при-

¹⁾ Павель, архим. „Разговоръ со свящ., желавшимъ получить со-
вѣтъ, какъ вести ему бесѣды съ именуемыми старообрядцами“. М., 1886 г.,
стр. 4—8.

вести раскольниковъ къ соглашенію съ миссіонеромъ и къ уступкѣ съ ихъ стороны въ пользу православія. Между тѣмъ, всякая уступка со стороны раскольниковъ, сдѣланная ими сознательно, какъ бы ни была она, повидимому, мала, имѣеть въ миссіонерскомъ дѣлѣ громадное значеніе. Уменьшеніе разностей между православіемъ и расколомъ естественно приближаетъ старообрядцевъ къ Православной Церкви. Кромѣ того, сдѣланныя, хотя бы и незначительныя, уступки облегчаютъ старообрядцамъ путь къ другимъ, болѣе важнымъ уступкамъ ¹⁾).

При веденіи бесѣдъ съ именуемыми старообрядцами священникъ долженъ заимствовать доказательства противъ раскола и въ пользу православія какъ изъ Свящ. Писанія, такъ и изъ твореній свв. отцевъ, богослужебныхъ книгъ и иныхъ поучительныхъ сочиненій, но притомъ непременно въ старыхъ изданіяхъ, которымъ раскольники исполнѣ довѣряютъ. Такимъ образомъ, священникъ-миссіонеръ долженъ быть знатокомъ уважаемыхъ раскольниками старопечатныхъ, до-Никоновскихъ книгъ. Пользуясь такими книгами для привлеченія старообрядцевъ въ лоно Православной Церкви, священникъ долженъ относиться къ этимъ книгамъ съ полнымъ уваженіемъ, смотрѣть на нихъ, какъ на книги православныя, и отнюдь не называть ихъ раскольническими, тѣмъ болѣе что въ числѣ ихъ есть книги Свящ. Писанія. Составители тѣхъ книгъ и сборниковъ, изданныхъ невѣжественными справщиками, были не раскольники, не отступники отъ Церкви, а наши благочестивые, твердые въ вѣрѣ и строгіе по жизни предки. При самомъ чтеніи предъ старообрядцами свидѣтельствъ изъ означенныхъ книгъ, священникъ долженъ строго наблюдать за собой, чтобы не сдѣлать пропусковъ и перестановокъ словъ и измѣненій въ нихъ. Многіе тексты изъ этихъ книгъ священникъ долженъ знать даже наизусть; всѣ же вообще дока-

¹⁾ Григорій, митр. „Практ. наст.“; стр. 75.

зательства, заимствуемая въ пользу православія изъ старыхъ книгъ, священникъ долженъ прискивать во время бесѣды безъ всякаго замедленія, зная тѣ листы, на которыхъ помѣщены необходимые тексты. Въ этомъ отношеніи незамѣнимую услугу оказываютъ миссіонерамъ изданія Св. Синодомъ „Выписки Озерскаго“¹⁾).

¹⁾ *Павелъ*, архим. „Бесѣда съ прав. свящ. о томъ, что нужно для успѣшнаго дѣйствованія въ обращеніи глагол. старообрядцевъ къ Прав. Церкви“. М., 1885 г., стр. 6—7. — *Григорій*, митр. „Практ. наст.“, стр. 42—43.

Редакторъ, Ректоръ *Кіев. Дух. Сем.*, Архимандритъ *Теодосій*.

Отъ *Кіев. дух. ценз. Ком.* печатать дозволяется. Кіевъ, 25 ноября 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. *Н. Т. Корчакъ-Новицкаго*.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 49.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, декабря 8-го.

Содержаніе: Успѣхи и нужды церковнаго строительства. — Миссіонерская проповѣдь (продолженіе). — Духовныя нужды русскаго народа и православное пастырство. (По воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго) (окончаніе). — Изъ распоряженій Епархіальныхъ начальствъ.

Успѣхи и нужды церковнаго строительства.

Первое и самое сильное средство, какое находится въ распоряженіи православнаго духовенства для религіозно-нравственнаго вліянія на народъ, есть храмъ съ его богослуженіемъ. Православный русскій народъ всегда отличался особенною любовью къ храму; уже съ древнѣйшихъ временъ, со времени введенія у насъ христіанства, храмъ являлся главнымъ пунктомъ, возлѣ котораго сосредоточивалась приходская жизнь: возлѣ храма собирался народъ для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ; здѣсь устраивались приходскія празднества, здѣсь, наконецъ, сосредоточивалась приходская благотворительность. Любовь къ храму повела къ тому, что въ древности на Руси строилось множество церквей, и можно думать, что древне-

русскій человекъ не испытывалъ сильной нужды въ храмахъ, такъ какъ ихъ было достаточно для наличнаго количества народонаселенія. Вотъ нѣсколько цифръ, показывающихъ, какъ широко было развито въ древне-русской Церкви храмоздательство.

Какъ свидѣтельствуесть Никоновская лѣтопись, въ пожаръ 1017 года въ Кіевѣ сгорѣло церковей „ѣко до семисотъ“; въ пожаръ 1124 года погорѣлъ мало не весь городъ, церковей сгорѣло въ немъ „близь шестисотъ“. Вообще, по мнѣнію Голубинскаго, ограничиваясь простыми вѣроятными предположеніями, необходимо думать, что церквами было не скудно, и что ихъ пропорція по отношенію къ количеству населенія была нисколько не меньшая, если, напротивъ, не гораздо большая, чѣмъ въ настоящее время въ губерніяхъ, наиболѣе обильныхъ церквами ¹⁾. Объясняется такое широкое развитіе храмоздательства усердіемъ новокрещеннаго русскаго народа, обиліемъ лѣснаго матеріала, незатѣйливостію и простотою самыхъ храмовыхъ построекъ.

Если мы теперь отъ древнѣйшихъ временъ русской жизни перейдемъ къ настоящему времени, то увидимъ, что и въ настоящее время ревность къ храмоздательству въ русскомъ народѣ не ослабѣла. Въ храмоздательствѣ принимаютъ дѣятельное участіе всѣ сословія, начиная отъ Государя и оканчивая послѣднимъ бѣднякомъ: болѣе выдающіеся храмы, созидаемые въ мѣстахъ чѣмъ-либо прославленныхъ, вызываютъ нескудныя жертвы со стороны благочестивыхъ Государей нашихъ. Такъ, напримѣръ, на строящіяся на счетъ фонда имени Императора Александра III церкви въ Сибири въ прошломъ году Государь пожертвовалъ 15,000 р.; богатые люди и теперь жертвуютъ на поминовеніе своей души десятки и сотни тысячъ рублей на храмы; принимаетъ свое посильное участіе въ этомъ столь добромъ дѣлѣ и духовенство; Іоаннъ Кронштадтскій пожертвовалъ уже не одинъ десятокъ тысячъ рублей на

¹⁾ Исторія рус. Церкви Голубинскаго I, 2; 4 стр.

церковно-школьное строительство въ Сибири; но всего усерднѣе строить храмы самъ народъ на свои трудовыя, пбтомъ заработанныя копейки. Церкви строятъ тѣ мало замѣтные міру герои изъ народа, которые такъ трогательно и такъ живо обрисованы поэтомъ Некрасовымъ въ лицѣ его „дѣдушки Власа“. Вообще, можно сказать, что храмоздательство на Руси несомнѣнно растетъ. Вотъ нѣсколько цифръ, доказывающихъ это.

По всеподданнѣйшимъ отчетамъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за послѣднее время церковей у насъ построено слѣдующее количество

1892 г.	415
1893 г.	453
1896 г.	489
1897 г.	533
1898 г.	689

Въ тѣ-же годы построено часовень

1892 г.	222
1893 г.	227
1896 г.	254
1897 г.	243
1898 г.	209

Для 1894—5 г.г. мы не имѣли данныхъ подъ руками, но дѣло отъ этого не страдаетъ, и изъ приведенныхъ цифръ видно, что церковное строительство у насъ развивается; въ среднемъ на каждый годъ приходится больше 500 церковей и больше 200 часовень.

Въ общемъ одинъ храмъ приходится у насъ, какъ свидѣтельствуемъ, на примѣръ, отчетъ за 1896 г., больше чѣмъ на 2000 человекъ; но это число можно нѣсколько уменьшить; такъ какъ кромѣ приходскихъ церковей у насъ въ Россіи есть еще церкви приписныя, кладбищенскія, домовыя—свыше 10,000; въ общее число приходскихъ храмовъ онѣ не вошли, но несомнѣнно удовлетворяютъ религіознымъ нуждамъ не одного

милліона православныхъ людей. Сверхъ сего, по отчету 1898 года въ Россіи существуетъ болѣе 18 т. часовенъ и молитвенныхъ домовъ.

Если принять во вниманіе то обстоятельство, что большинство храмовъ на Руси—храмы сельскіе, бѣдные, мало помѣстительныя, то нужно признать, что 2000 человекъ—цифра, значительно превышающая вмѣстимость большинства деревенскихъ храмовъ. Разумѣется, цифра 2000 можетъ и измѣняться въ разныхъ приходахъ, но вообще въ приходскихъ храмахъ замѣчается излишняя тѣснота.

Кто бывалъ въ деревенскихъ храмахъ, особенно въ большіе праздники, тотъ имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что храмы наши очень часто не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ присутствовать при богослуженіи: многіе, даже въ холодную зимнюю пору, стоятъ на наперти, въ церкви бываетъ такая давка и тѣснота, что нѣтъ никакой возможности не только пройти, но даже перекреститься. Со стороны нѣкоторыхъ епархій слышатся жалобы на многолюдство приходовъ: такъ на примѣръ, въ Подольской епархіи приходовъ, имѣющихъ свыше 2000 человекъ болѣе 270; имѣющихъ болѣе трехъ тысячъ—59 ¹⁾. Но особенно въ печальномъ состояніи находится церковное строительство въ Сибири: здѣсь самый меньшій приходъ насчитываетъ 1320 человекъ; есть приходы съ народонаселеніемъ въ 5—6 т. человекъ ²⁾. Въ Иркутской епархіи всего только 150 сельскихъ приходовъ, а принадлежащихъ къ нимъ селеній 2500 и значительная часть ихъ отстоитъ отъ храмовъ на десятки и сотни верстъ ³⁾. Благодаря фонду имени Императора Александра III, церковное строительство начинаетъ расти и въ Сибири: такъ, въ 1901 году пожертвованій въ фондъ было сдѣлано болѣе, чѣмъ на 199 тысячъ рублей, всѣхъ же пожертвованій за время существованія фонда къ

¹⁾ Подол. Еп. Вѣд. 1898 г. № 1.

²⁾ Томскія Еп. Вѣд. 1898 г. № 1.

³⁾ Церк. Вѣд. 1900 г. № 26.

1 января 1902 года поступило 1,546 т. рублей; изъ нихъ израсходовано 1,489 т. рублей. За эти деньги устроено: вполнѣ законченныхъ и освященныхъ церквей 127, оконченныхъ, но не освященныхъ 27, строящихся—26.

Однако, можно сказать, что это значительное количество храмовъ еще далеко не удовлетворяетъ той потребности въ храмахъ, какую испытываетъ народонаселеніе Сибири. Нечего и говорить о томъ значеніи, какое имѣютъ строящіеся храмы для развитія религіозности въ народѣ; храмъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и оплотомъ противъ раскола: Сибирь, лишенная храмовъ и богослуженія, всегда была значительнымъ центромъ, гдѣ сосредоточивался расколъ; лишенный возможности присутствовать при богослуженіи, лишенный духовнаго руководства, православный народъ по цѣлымъ годамъ оставался безъ удовлетворенія своихъ насущныхъ христіанскихъ потребностей или удовлетворялъ ихъ въ самочинныхъ собраніяхъ раскольниковъ.

Вообще, можно сказать, что церковное строительство не только въ Сибири, но и въ Европейской Россіи не доведено еще до настоящей поры, но для этого встрѣчаются весьма немаловажныя препятствія.

Открытію новыхъ приходовъ и новыхъ церквей препятствуетъ, прежде всего, недостаточное матеріальное обезпеченіе духовенства; дѣленіе прихода на два, при современномъ способѣ вознагражденія духовенства, не можетъ не отразиться на благосостояніи духовенства: изъ одного прихода получится два, изъ нихъ ни тотъ ни другой не будутъ въ состояніи дать мало-мальски сносное содержаніе своимъ причтамъ. Достаточно привести для доказательства этого такой примѣръ. Курское епархіальное начальство довольно энергично принялось за открытіе новыхъ причтовъ и особенно діаконскихъ вакансій. Если принять во вниманіе многолюдство Курской епархіи, значительное развитіе въ немъ раскола, то нельзя, конечно, не признать полезности такой мѣры; но при практическомъ осуществленіи она повела къ довольно печальнымъ

результатамъ: но нашимъ личнымъ наблюденіямъ, на вновь открытыхъ вакансіяхъ, гдѣ часто народонаселеніе бѣдное, гдѣ нѣтъ причтовыхъ помѣщеній, духовенство прямо бѣдствуетъ; многія изъ вновь открытыхъ вакансій совсѣмъ не заняты: ни въ одномъ епархіальномъ органѣ не встрѣчается такого длиннаго перечня свободныхъ вакансій, какъ въ „Курскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ“.

Во всякомъ случаѣ, при извѣстной осторожности, духовенство все же должно обратить вниманіе на многолюдство приходовъ (такіе приходы есть во всѣхъ епархіяхъ) и дать народу возможность молиться въ храмахъ: пусть само духовенство не можетъ дѣлать большихъ пожертвованій на созиданіе храмовъ, но ему, а не кому либо другому, должна принадлежать инициатива въ столь благомъ дѣлѣ.

Какія мѣры могутъ содѣйствовать развитію церковнаго строительства на Руси?

Преосвященный Антоній Волицскій, будучи на Уфимской епархіи, сдѣлалъ весьма важное распоряженіе о томъ, чтобы богатѣйшіе храмы, обладающіе излишнею утварью, священными облаченіями, братски подѣлялись ими съ приходами бѣднѣйшими. Нельзя не привѣтствовать такого распоряженія, но его можно и расширить нѣсколько: почему-бы богатѣйшимъ приходамъ, особенно городскимъ, не подѣлиться съ бѣднѣйшими приходами и самими храмами, какъ это ни странно кажется на первый разъ. Въ городахъ нерѣдко на мѣсто обветшалыхъ церквей строятся новыя, болѣе роскошныя; матеріалы изъ обветшавшихъ церквей иногда идутъ на второстепенныя потребности церквей вновь строящихся, иногда продаются по небольшой цѣнѣ. Между тѣмъ изъ таковыхъ матеріаловъ можно было бы устроить иногда гдѣ нибудь въ захолустной деревушкѣ даже роскошный для деревни храмъ. О томъ, что церкви богатыя иногда жертвуютъ свои старыя иконостасы бѣднымъ приходамъ, изрѣдка сообщается въ періодической печати, но о жертвахъ матеріалами слышать что-то не приходится.

Послѣднее въ настоящее время значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что съ настоящаго года введенъ льготный тарифъ на перевозку матеріаловъ для постройки церквей; перевезти въ настоящее время цѣлый храмъ по частямъ будетъ стоить совсѣмъ недорого.

Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно постройки церквей находятся Западныя губерніи, гдѣ запасно-строительный капиталъ духовенства, располагающій сотнями тысячъ рублей, значительно облегчаетъ дѣло церковнаго строительства; въ менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ находятся центральныя епархіи, гдѣ таковыхъ капиталовъ нѣтъ. Организация здѣсь братствъ, церковныхъ попечительствъ можетъ оказать Церкви большую пользу въ постройкѣ храмовъ Божіихъ. Образцомъ того, что можно сдѣлать при помощи ревнителей Церкви, усердныхъ чадъ ея, можетъ служить Петербургское общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія: за 20 лѣтъ своего существованія оно имѣетъ 3 храма, при одномъ—обширная зала для собраній, 3 каменныхъ дома, три книжныхъ склада, 5 школъ и т. д. ¹⁾ По мысли преосвященнаго Тихона, бывшаго Полоцкаго, при Полоцкой духовной консисторіи съ настоящаго года учреждается особый фондъ для оказанія денежнаго пособія при сооруженіи, ремонтѣ и снабженіи необходимою утварью церквей бѣднѣйшихъ приходовъ. Средствами для этого фонда, кромѣ частныхъ пожертвованій, служатъ взносы отъ церквей по постановленію съѣздовъ духовенства, сборы по подписнымъ листамъ, ежегодный кружечный сборъ. Для Полоцкой епархіи, гдѣ народонаселеніе очень бѣдно, такая мѣра является прямо благодѣтельной; дай Богъ, чтобы она нашла себѣ примѣненіе и въ другихъ епархіяхъ!

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, наиримѣръ, Донской, Харьковской, сами крестьяне практикуютъ такое средство для приобрѣтенія средствъ на постройку храмовъ: они выдѣляютъ

¹⁾ Пр.-русское слово 1902 г. № 2.

часть общественной земли—десятины 40—50—и общими силами обрабатывают ее; собранный урожай продается и обращается въ неприкосновенный капиталъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіе капиталы служатъ предметомъ злоупотребленій со стороны сельскихъ воротилъ и цѣлыхъ обществъ, на нихъ устраиваются приходскія пиршества. Думаемъ, что на обязанности приходскихъ причтовъ лежитъ разъяснить прихожанамъ, какъ нужно относиться къ средствамъ, назначеннымъ на дѣло Божіе.

Построенные храмы надо беречь отъ огня, отъ злыхъ людей; эта сторона у насъ довольно значительно хромаетъ. Относительно церковныхъ сторожей практика существуетъ разная; самой удобной нужно признать ту, по которой при церквяхъ строятся сторожки, къ церкви напимаются два сторожа; это даетъ имъ возможность смѣнять другъ друга и усерднѣе относиться къ своему дѣлу. Въ нѣкоторыхъ приходскихъ церквяхъ, напримѣръ, Кіевской епархіи, такихъ сторожекъ нѣтъ; сторожь при церкви всего одинъ; ясно, какъ онъ будетъ беречь храмъ: одинъ человекъ не можетъ не спать цѣлый рядъ ночей, проводя ихъ часто на морозѣ, не имѣя возможности хотя на время укрыться отъ непогоды. Въ настоящемъ году особенно много донесеній о кражахъ въ церквяхъ поступило въ Томской епархіи; епархіальное начальство вполне справедливо объяснило это отсутствіемъ надлежащаго надзора за храмами и внушило духовенству принять энергичныя мѣры къ искорененію этого зла ¹⁾.

Плохая организація пожарныхъ принадлежностей или же полное ея отсутствіе ведетъ къ тому, что часто цѣлая селенія вмѣстѣ съ храмами сгораютъ до тла. Безъ ужаса не можемъ вспомнить пожара, какой намъ пришлось видѣть въ Кіевской губерніи; буквально цѣлая улица была объята пламенемъ, а на цѣлое село не нашлось, оказалось, ни одной пожарной трубы. Въ земскихъ губерніяхъ объ этомъ заботится

¹⁾ Церк. Вѣд. 1902 г. Прибав. 1138 стр.

земство; въ неземскихъ починѣ въ этомъ важномъ дѣлѣ могло бы взять на себя духовенство; этимъ оно оказало бы пользу не только народу, но и себѣ, своимъ домамъ, а главное—храмамъ, которые нерѣдко дѣлаются жертвою огня. Наконецъ, желательной мѣрой для оказанія помощи погорѣвшимъ храмамъ нужно признать обязательное страхование всѣхъ церковныхъ зданій.

Одно изъ большихъ мѣстъ церковнаго строительства—это отсутствіе помѣщеній для причтовъ. Кто наблюдалъ жизнь деревенскаго священника, тотъ знаетъ, какъ трудно приходится священнику, не имѣющему своего собственнаго угла. Приобрѣсти собственный домикъ въ настоящее время стало очень трудно: земля вездѣ вздорожала, да и приобрести не у кого: собственниками въ селѣ являются, главнымъ образомъ, крестьяне, а по недавно изданному закону приобрести землю у крестьянъ другимъ сословіямъ воспрещено. Найти подходящую квартиру бываетъ трудно даже и въ городѣ, несмотря на то, что домостроительство и квартиры сдѣлались предметомъ наживы; еще труднѣе найти сносную квартиру въ деревнѣ, если принять во вниманіе ту бѣдность и тѣсноту, въ какой живетъ нашъ народъ. Строить причтовые дома не вездѣ позволяютъ церковныя средства. Думаемъ, что въ этомъ вопросѣ духовенство должно образовать взаимопомощь, примѣръ чего даетъ Тульская епархія. Здѣсь съ 1898 года образованъ строительный комитетъ для постройки церковныхъ домовъ; главнымъ источникомъ средствъ для комитета являются: отчисления отъ свободныхъ суммъ, доходъ отъ оброчныхъ статей, пожертвованія приходскихъ общинъ. За 4 года существованія указанный комитетъ устроилъ помѣщеніе для 89 причтовъ¹⁾. Нельзя не порадоваться такому доброму начинанію и не пожелать ему успѣха въ другихъ епархіяхъ.

В. Пестряковъ.

¹⁾ Церк. Вѣд. 1902 г. прилож. 1016 стр.

Миссіонерская проповѣдь¹⁾.

Несостоятельность современныхъ миссіонерскихъ приемовъ въ борьбѣ съ сектантствомъ.

Если религиозное сознаніе раскольниковъ-старообрядцевъ, по существу своему, мало чѣмъ отличается отъ православія, и если весь недугъ раскола сводится лишь къ упорному стоянію за старые обряды, то различіе между сектами и православіемъ носить болѣе глубокой характеръ. Не за тѣ или иные обряды стоятъ сектанты. Они идутъ противъ того формализма, въ который, по ихъ мнѣнію, будто бы погрузилась наша Православная Церковь. Они ищутъ той новой духовной жизни, которую принесъ къ людямъ Христосъ; они ищутъ живого общенія съ Богомъ. Не нашедши, по жалкому недоразумѣнію, въ Церкви Православной этой живой, духовной жизни, они порываютъ связь съ православіемъ, ища духовной жизни въ сторонѣ отъ него. И въ своемъ духовномъ ослѣпленіи они вполне искренно считаютъ причиной своего отступленія отъ Церкви Библию. Многіе догматы, церковныя постановленія и богослужебные обряды представляются имъ противорѣчащими Библии, несомвѣстными съ евангельскимъ закономъ любви и духовной чистоты, сковывающими и охлаждающими порывы духа къ *живому Христу*. Впавъ въ духовную *прелесть*, нѣкоторые сектанты, въ своемъ исканіи живого, непосредственнаго общенія со Христомъ и въ отверженіи тѣхъ истинъ православной вѣры, которыя, по ихъ мнѣнію, не имѣютъ никакого отношенія къ духовной жизни, доходятъ даже до отрицанія священныхъ книгъ не только Ветхаго, но даже Новаго Завета, гдѣ излагается ученіе о содержимыхъ Православною Церковію догматахъ и постановленіяхъ. Основываясь исключительно на Библии, которая большинствомъ русскихъ сектъ принимается въ полномъ ея составѣ, сектанты совершенно от-

¹⁾ См. № 48 за 1902 г.

рицають авторитетъ церковнаго преданія и святоотеческихъ твореній.

Наши противосектантскіе миссіонеры, въ цѣляхъ обращенія такихъ заблудшихъ въ православіе, ставятъ себѣ задачею доказать, на основаніи библейскихъ словъ, необходимость всѣхъ тѣхъ догматическихъ истинъ, церковныхъ учрежденій, обычаевъ и богослужебныхъ дѣйствій, которыя содержитъ наша Церковь. Отрицають сектанты, напр., іерархію,—миссіонеры считають нужнымъ доказывать необходимость іерархіи; отрицають сектанты иконопочитаніе,—нужно доказать необходимость иконопочитанія и т. д. Признають сектанты авторитетъ одной только Библии,—слѣдовательно, нужно доказывать все это сектантамъ на основаніи одной лишь Библии. Вся рѣчь,—говорять миссіонеры,—православнаго священника должна дышать библеизмомъ: онъ библеистомъ долженъ быть не только по духу, но и по буквѣ. Опровергая возраженія сектантовъ, священникъ долженъ приводить тексты Свящ. Писанія наиболѣе ясныя, выражающіе смыслъ истиннаго пониманія наиболѣе осязательно, даже внѣшнимъ выраженіемъ, а не внутреннимъ только содержаніемъ¹⁾.—Но поступающіе такъ миссіонеры совсѣмъ забываютъ, что пока сердце отступника отъ Церкви упорствуетъ въ своихъ заблужденіяхъ, умъ его будетъ всегда направляться не къ соглашенію съ миссіонеромъ, а къ подысканію лишь возраженій противъ него, къ присканію такихъ текстовъ, которые противоположны приводимымъ со стороны православныхъ. Къ тому же, священники, держащіеся подобнаго миссіонерскаго метода, упускають изъ вида, что, стоя на строго библейской почвѣ, никогда нельзя, не употребляя искусственныхъ натяжекъ, доказать необходимость ни иконопочитанія, ни крестнаго знаменія и т. д. Библия есть книга жизни, а не сборникъ изреченій, направленныхъ въ доказательство однихъ мыслей и въ опроверженіе

¹⁾ *Ольшевскій І.*, свящ. „Принципъ приспособительности въ миссіонер. бесѣдахъ съ штундистами“. „Р. для с. п.“, 1893 г., № 46.

другихъ. Не находя иногда подходящихъ текстовъ для обличенія и опроверженія сектантскихъ положеній и не въ силахъ будучи разубѣдить сектантовъ въ ложномъ пониманіи ими извѣстныхъ текстовъ, наши миссіонеры сами употребляютъ и рекомендуютъ священникамъ употреблять въ широкихъ размѣрахъ приемъ, извѣстный подъ именемъ *ad absurdum*, считая его однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для борьбы съ сектантствомъ. Приемъ этотъ состоитъ въ томъ, что высказанное противникомъ положеніе развивается до нелѣпости, до абсурда, а приведенный имъ библейскій текстъ, путемъ объясненія всѣхъ словъ безъ исключенія, обращается въ очевидную бессмыслицу. Такъ, напр., сектанты любятъ обыкновенно сравнивать православныхъ священниковъ съ апокалипсической саранчей (Ап. 9, 3—11). Самымъ серьезнымъ образомъ, по совѣту миссіонеровъ, нужно прочесть все это апокалипсическое мѣсто и попросить сектантовъ объяснить: что это за *саранча*? какія у нея крылья? какая голова? какой хвостъ? какъ объяснить, что она будетъ дѣлать вредъ только тѣмъ людямъ, которые не имѣютъ печати Божіей на челахъ? почему она будетъ дѣлать вредъ людямъ только пять мѣсяцевъ, а не больше?—Объясненія, конечно, послѣдуютъ самыя нелѣпыя; нелѣпости эти священникъ-миссіонеръ долженъ сопоставлять одну съ другой и въ заключеніе можетъ спросить: какое же сходство имѣетъ апокалипсическая саранча съ православными пастырями, и что побудило сектантовъ сдѣлать подобное сопоставленіе¹⁾. Нечего говорить, какъ мало убѣдительно и насколько не пригоденъ такой приемъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ, особенно въ отношеніи къ священнымъ текстамъ, къ которымъ, какъ къ Слову Божію, слѣдуетъ относиться съ благоговѣніемъ. Этотъ приемъ, если его начнутъ употреблять и сектанты, можетъ обратиться въ недостойную и кощунственную игру словами Божественной Библии. Что будетъ, если сектанты, подобно миссіонеру, бу-

¹⁾ *Козичкій П.* „Нѣсколько практ. наставл.“ „Рук. для е. п.“, 1889 г., № 47.

дуть задавать своему собесѣднику-священнику вопросы, ведущіе къ нелѣпности, но уже не касательно саранчи, а о животворящемъ Тѣлѣ Господа нашего Иисуса Христа?

Но приемы современнаго миссіонерства этимъ не ограничиваются. Въ своей борьбѣ съ сектантствомъ, доказывая то, что сектанты отвергаютъ, наши миссіонеры вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ и то, что сектанты признаютъ, основываясь на словахъ свящ. Библии. Такъ, по ученію сектантовъ, совершенно согласному съ Библией, для спасенія души вполне достаточно сердечной глубокой любви къ ближнимъ и живой, вдохновенной вѣры въ Бога. Но такъ какъ съ признаніемъ этихъ указанныхъ Библией условій духовной, совершенной жизни, обычай и обряды Православной Церкви представляются не безусловно необходимыми, то наши миссіонеры, въ ниспроверженіе сектантства, рѣшаются смѣло утверждать недостаточность для человѣческаго спасенія указываемыхъ въ Словѣ Божіемъ условій. Такимъ образомъ, наши миссіонеры становятся на совершенно ложный путь и еще болѣе утверждаютъ сектантовъ въ ихъ заблужденіи относительно православія, еще болѣе убѣждаютъ ихъ въ мысли, что православіе, какъ не свободное отъ чисто формальныхъ требованій и внѣшнихъ постановленій, не имѣетъ той святости, высоты и свободы, какая должна быть присуща истинному христіанству¹⁾.

Основной методъ миссіонерской борьбы съ сектантствомъ.

Истиннымъ методомъ миссіонерской борьбы съ сектантствомъ можетъ быть признанъ только тотъ путь, который въ состояніи будетъ раскрыть предъ взоромъ сектантовъ все величіе, чистоту и святость православнаго христіанства. Вѣдь, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что каждая сектантская община ставитъ главной своей задачей наилучшее, т. е. наиболѣе согласное, по ея воззрѣнію, съ волей Божіей устройство

¹⁾ *Антоній*, еп. волин. „Полн. собр. соч.“, т. 2, стр. 385—386.

души человѣческой; не къ чему иному стремится каждая секта христіанская, какъ только къ спасенію души. Если сектанты вполне справедливо считаютъ для спасенія человѣческаго необходимыми условіями живую вѣру и искреннюю любовь, и если въ то же время церковныя установленія, богослужебныя дѣйствія и даже нѣкоторые догматы считаютъ они не согласными съ духомъ евангельской любви; то наши православные миссіонеры должны выяснить имъ органическую связь всѣхъ этихъ догматовъ, учрежденій и дѣйствій съ закономъ любви и духовной чистоты. Не отвергать достаточность для спасенія указываемыхъ Библіей и признаваемыхъ сектантами условій долженъ миссіонеръ, а, напротивъ, выяснять сектантамъ, что это же самое признаетъ и наша Церковь—и притомъ понимаетъ эти условія даже чище и возвышеннѣе, чѣмъ сами сектанты. Не простую обязательность отрицаемыхъ сектантами догматовъ и церковныхъ установленій долженъ доказывать миссіонеръ, механически подбирая изъ разныхъ мѣстъ Библии такъ или иначе идущіе къ дѣлу тексты. Задача православной миссіи должна состоять въ выясненіи предъ сектантами того, что всѣ эти православныя догматы и обычаи не въ дополненіе къ указаннымъ Библіей основнымъ условіямъ спасенія созданы, не какъ внѣшніе талисманы навязываются человѣку, а что они служатъ живымъ выраженіемъ той самой святой любви и духовной чистоты, о которой говорятъ книги Свящ. Писанія. Такимъ образомъ, истинный методъ борьбы съ сектантствомъ долженъ состоять въ выясненіи не древности или обязательности, а *нравственной цѣнности*, нравственнаго содержанія нашихъ догматовъ, въ выясненіи нравственно возрождающей, *воспитательной силы* нашихъ православныхъ обрядовъ, обычаевъ и дѣйствій. Миссіонеръ долженъ показать, что и православныя люди стремятся къ любви, духовной чистотѣ, святости и къ живому общенію съ Богомъ, и въ то же время онъ долженъ раскрыть заблудшимъ, что православныя, стоящіе въ спасительной оградѣ Церкви, идутъ къ тѣмъ высокимъ добродѣтелямъ и возжелѣнному общенію съ Богомъ

путемъ надежнымъ и вѣрнымъ, не впадая въ духовную прелесть, или самообольщеніе. Миссіонеръ долженъ раскрыть сектантамъ, что безъ признанія православныхъ догматовъ, церковныхъ обычаевъ и дѣйствій не можетъ быть правильнаго нравственнаго развитія чело­вѣка, не можетъ быть истинной любви къ ближнимъ, не можетъ быть истинной духовной чистоты. Такой именно путь миссіонерской борьбы съ сектантствомъ долженъ быть избранъ нашими священниками потому, что всѣ наши русскія секты, возникши независимо одна отъ другой, сходятся въ одномъ общемъ пунктѣ, именно—въ отрицаніи связи православныхъ догматовъ и церковныхъ установленій съ закономъ любви и внутренней святости. Запросъ выясненія такой связи предъявляется со стороны и молоканъ, и баптистовъ, и штундистовъ, и пашковцевъ, и толстовцевъ, и хлыстовъ и т. д. Между тѣмъ, современные миссіонеры, не обращая вниманія на этотъ общій всѣмъ сектантамъ запросъ, проповѣдуютъ имъ только то, что, *кромя* исполненія нравственнаго закона Божія, нужно еще и исполненіе церковныхъ постановленій и признаніе догматовъ. А зачѣмъ это нужно, какое значеніе все это имѣетъ для нравственной жизни чело­вѣка, нимало не выясняютъ сектантамъ,—не выясняютъ потому, главнымъ образомъ, что въ нашихъ школьныхъ руководствахъ имъ ни разу не приходилось встрѣчать раскрытія нравственно-воспитательнаго значенія церковныхъ вѣрованій и установленій. Но если школьныя руководства и пособія по догматическому богословію и литургикѣ не могутъ оказать нашимъ миссіонерамъ большой услуги, то, въ виду важности самой миссіонерской проповѣди, священники должны самостоятельно уяснить себѣ все нравственное значеніе нашихъ догматовъ и установленій, на основаніи твореній свв. отцевъ и произведеній лучшихъ русскихъ богослововъ.

Незамѣнимую услугу окажутъ миссіонеру въ этомъ отношеніи, прежде всего, богословскія сочиненія преосвящ. Антонія (Храновицкаго), нынѣ епископа волынскаго, раскрывающія нравственную идею догматовъ о Св. Троицѣ, о лицѣ

Иисуса Христа, о Духѣ Святомъ, о Церкви и т. д. Этотъ же Преосвященный въ одномъ изъ своихъ произведеній даетъ слѣдующее указаніе о тѣхъ святоотеческихъ твореніяхъ, которыя долженъ изучать священникъ съ миссіонерскими цѣлями. „Прежде всего,—говоритъ онъ,—правильному способу толкованія Библии насъ научаетъ *Христіанская наука* блаж. Августина; въ ней, между прочимъ, говорится, что всѣ книги Свящ. Писанія содержатъ въ себѣ только *два* основныя мысли: о любви къ Богу и о любви къ ближнему. Затѣмъ, спасительное значеніе вѣры во Св. Троицу можно найти въ той же *Христіанской наукѣ* блаж. Августина, въ твореніяхъ вселенскихъ учителей и въ богословіи Іоанна Дамаскина. Св. Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустъ и Григорій Богословъ раскрываютъ спасительную силу вѣры въ Божество Иисуса Христа. Объ искупленіи, о значеніи вѣры и добрыхъ дѣлъ всего лучше читать толкованіе св. Іоанна Златоуста на посланіе къ Римлянамъ и къ Галатамъ; хорошо читать и св. Аѳанасія о воплощеніи Бога Слова. Ученіе о распространенности грѣха Адамова съ особенною пользою можно изложить на основаніи твореній св. Григорія Нисскаго. Пашковскому ученію о сліяніи души нашей со Христомъ слѣдуетъ противопоставить творенія св. Тихона Задонскаго, особенно—*Объ истинномъ христіанствѣ*; ученіе о возрожденіи во святой водѣ крещенія находимъ въ словахъ св. Кирилла Іерусалимскаго; полезны для сей цѣли и гимны св. Григорія Богослова. Что касается до установленій Церкви, то, кромѣ особливаго ихъ разъясненія въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, должно ихъ основывать на общемъ ученіи о Церкви и единствѣ богочитанія. Здѣсь много помогутъ творенія св. Кипріяна, епископа Кароагенскаго, блаж. Августина *О градѣ Божіемъ* и бесѣды св. Іоанна Златоустаго, особенно на посланія къ Коринѳянамъ. Въ частности, для объясненія иконопочитанія слѣдуетъ читать *Дьянія седьмаго вселенскаго собора*, изд. въ Казани. Но особую, незамѣнимую и ни съ чѣмъ не сравнимую пользу для проповѣдника-миссіонера и богослова оказываетъ ежедневное

чтеніе св. Библіи, такъ чтобы проходить всю ее, хотя трижды или дважды въ годъ. Извѣстны опыты, что кто однажды предписалъ себѣ прочитать Библію въ годъ три раза, тотъ уже самъ не прекратитъ постояннаго чтенія ея цѣлую жизнь“¹⁾.

Свящ. А. Юрѣвскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 389—390.

²⁾ См. № 48 за 1902 г.

Духовныя нужды русскаго народа и православное паствыство ²⁾).

(По воззрѣнiямъ С. А. Рачинскаго).

(окончанiе).

Та *живучесть* пороковъ, которая замѣчается въ духовенствѣ, находитъ себѣ объясненiе въ его сословности, въ его замкнутости и въ отсутствii свободы выбора паствырскаго служенiя. Сынъ священника какъ бы самымъ своимъ рожденiемъ предопредѣляется къ тому же служенiю, которое несетъ его отецъ. Его ожидаетъ духовная школа, а прямой выходъ изъ нея, при современныхъ порядкахъ, почти единственно въ священно-церковно-служители. Хотя въ духовной школѣ, въ ея наукѣ и въ ея строѣ, нѣтъ ничего такого, что мѣшало бы воспитаннику духовно-учебнаго заведенiя поступить по окончанii курса на любую для него свѣтскую службу,—напротивъ самыя науки въ духовныхъ школахъ преимущественно предъ другими способны повлiять благотворно на воспитанiе духовной личности ученика и сдѣлать его добросовѣстнымъ слугою Царя и отечества,—но, въ силу сложившихся условii жизни, выходъ духовнаго воспитанника въ свѣтскую службу обставленъ та кими трудностями, преодолѣть которыя не всякii въ силахъ. Для нѣкоторыхъ, лучшихъ по успѣхамъ въ наукахъ, семинарскихъ воспитанниковъ открывался бы путь къ свѣтской службѣ черезъ двери университета. Но поступленiе въ университетъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 389—390.

²⁾ См. № 48 за 1902 г.

также соединено съ немалыми затрудненіями; семинаристу надо много употребить усилій, чтобы попасть туда. Поэтому, примирившись съ печальною судьбою, семинаристъ подчиняется силѣ вещей и вступаетъ на тотъ путь служенія, который не для всякаго человѣка безъ изыятія удобенъ. Между тѣмъ, говоритъ С. А., „изъ всѣхъ видовъ человѣческой дѣятельности, конечно, ни одинъ столь настоятельно не требуетъ свободнаго выбора, ясно сознанныаго призванія, какъ служеніе Церкви“¹⁾. Въ виду сказаннаго, „наплывъ въ наше духовенство элементовъ несословныхъ составляетъ настоятельную потребность нашей Церкви“²⁾. Очень жаль, что С. А. только слегка касается этого, чрезвычайно важнаго вопроса о лучшихъ кандидатахъ на пастырство. Вѣрно отмѣтивъ факты настроенія въ нашемъ духовенствѣ, проистекающіе отъ почти полнаго отсутствія свободы выбора при вступленіи въ жизнь дѣтей духовенства, С. А. на этомъ одномъ обозначеніи факта и остановился. Только,—очевидно имѣя въ виду близкое его сердцу духовное благо простого русскаго народа,—онъ сдѣлалъ одно поясненіе къ своему общему положенію о необходимости привлечь въ ряды нашего духовенства новыхъ силъ изъ другихъ сословій: онъ выразилъ пожеланіе и надежду, чтобы новыя силы пришли туда прежде всего изъ *крестьянства*. Почему только оттуда? Почему не пожелать, чтобы другія сословія тоже дали Церкви добрыхъ труженниковъ, столь же необходимыхъ для нея, какъ и труженники изъ крестьянъ?.. С. А. не надѣется, чтобы „смирненное“ пастырское служеніе привлекло къ себѣ людей изъ другихъ сословій, потому что тамъ внѣшняя жизнь человѣка обставлена вообще лучше, чѣмъ въ духовномъ званіи. С. А. замѣтилъ, что дѣти духовенства, лишеныя призванія къ священству, стремятся уйти изъ своего вѣдомства въ другія, сулящія имъ и чины и богатые оклады. „Но въ глазахъ крестьянина бѣдность сельскаго священника есть богатство,

¹⁾ Стр. 242—243.

²⁾ Стр. 100.

возможность удовлетворить той духовной жадѣ, которая не по днямъ, а по часамъ растетъ въ его темной средѣ—удѣлъ святой и высокій. Даже должность причетника многимъ кажется выгодною и почетною¹⁾. Слѣдовательно, сравнительно большая обеспеченность быта духовенства предъ бытомъ крестьянина можетъ служить причиною того, что крестьянинъ охотно пойдетъ въ ряды духовенства. Богатыхъ людей въ клиръ, очевидно, не привлечешь. Если кто и пойдетъ въ священники изъ богатыхъ и знатныхъ людей, то пойдетъ не по соображеніямъ большей матеріальной обеспеченности существованія, способной соблазнить крестьянина, а по инымъ... Стоя за обновленіе духовенства новыми свѣжими силами и вѣря въ спасеніе міра дѣятелями изъ народа, С. А. рекомендуетъ земствамъ учредить для крестьянскихъ дѣтей, желающихъ стать со временемъ священниками, особыя стипендіи въ духовныхъ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ.—Все это, что говоритъ Рачинскій, хорошо; но можно ли ожидать пользы для Церкви отъ тѣхъ лицъ, которыя пойдутъ въ пастыри больше по соображеніямъ о матеріальной обеспеченности положенія священника, чѣмъ по идеальнымъ побужденіямъ?.. С. А. не даетъ прямого отвѣта и на другой чрезвычайно важный вопросъ о такой, желательной постановкѣ нашихъ учебныхъ заведеній, при которой они удовлетворяли бы своему спеціальному назначенію готовить къ священству лицъ, *свободно и съ яснымъ сознаниемъ* избирающихъ для себя пастырское служеніе. Считаюсь съ дѣйствительнымъ состояніемъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній и съ современнымъ порядкомъ замѣщенія церковныхъ должностей прямо со школьной скамьи, С. А. дѣлаетъ нѣсколько обращеній къ нашимъ семинаристамъ о долгѣ и необходимости проникаться сознаниемъ величія пастырскаго служенія, и заботиться о своемъ нравственномъ развитіи, а, съ другой стороны, предлагаетъ имъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ относительно подготовки

¹⁾ Тамъ же.

къ ожидающему ихъ дѣлу просвѣщенія народа. „Молодые люди“, говоритъ С. А., „готовящіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ принятію священнаго сана, должны сознавать всю неизмѣримую важность возлагаемой на нихъ обязанности“¹⁾. Пора нашему духовному юношеству сознать, что въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда либо, къ великому таинству священства надлежитъ приступать во всеоружіи добрыхъ нравовъ и твердой воли, безкорыстія и правдивости“²⁾. Заботясь о своемъ нравственномъ воспитаніи, духовные воспитанники должны, между прочимъ, еще на школьной скамьѣ отказываться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, этого величайшаго несчастья, отъ котораго страдаетъ вся Россія³⁾. „Пожалѣйте себя, пожалѣйте свою будущую паству“, взываетъ С. А. къ духовнымъ воспитанникамъ. „Историческая минута, переживаемая нами,—минута великая и страшная. При вашей жизни, на вашихъ глазахъ совершится пріобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной. И этотъ народъ—вамъ не чужой, вы плоть отъ плоти, вы кость отъ кости его, вы призваны быть солью безмѣрной земли, имъ постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладывайте созиданіе въ себѣ внутренняго челоуѣка. Въ числѣ добродѣтелей, требуемыхъ отъ пастыря, трезвость занимаетъ скромное, второстепенное мѣсто. Это—даже не добродѣтель, но лишь отсутствіе порока. Но вѣдь безъ нея всѣ прочія добродѣтели ни зародиться, ни развиться, ни укрѣпиться не могутъ. Начнемъ же въ глубокомъ смиреніи съ легкаго, съ близкаго, съ малаго—и Богъ дастъ намъ

¹⁾ Стр. 293.

²⁾ Стр. 297.

³⁾ Кромѣ духовныхъ воспитанниковъ и духовенства, С. А. обращается съ воззваніемъ объ абсолютномъ воздержаніи отъ спиртныхъ напитковъ ко всѣмъ юношамъ образованнаго класса, воспитанникамъ всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, у которыхъ употребленіе спиртныхъ напитковъ еще не превратилось въ закоренѣлую привычку. Стр. 219.

силы на большее, на лучшее.“¹⁾ С. А. настаивает на безусловномъ воздержаніи отъ спиртныхъ напитковъ въ виду обстоятельствъ настоящаго времени, когда и пастырямъ и всѣмъ образованнымъ людямъ надо вести ожесточенную борьбу съ народнымъ пьянствомъ. Онъ указываетъ, что этотъ обѣтъ безусловнаго воздержанія отъ вина былъ извѣстенъ еще до христіанства въ ветхомъ завѣтѣ: обѣтъ этотъ налагали на себя *назорей*. А великіе назорей являлись въ самые знаменательные моменты церковной исторіи. Путь же явятся такіе назорей и въ нынѣшнее время, которое такъ пуждается въ пробужденіи духа назорейства²⁾.

Посмотримъ, какъ изображаетъ С. А. жизнь на приходѣ добраго пастыря и послушаемъ, какіе совѣты онъ даетъ ему по поводу различныхъ явленій въ его приходской практикѣ.

С. А., какъ школьный дѣятель, хочетъ, чтобы первымъ предметомъ пастырскаго попеченія въ приходѣ была школа. Въ внимательномъ отношеніи къ ней священника Рачинскій видитъ спасеніе самого священника отъ расслабляющей пустоты сельской жизни и лучшее средство благотворнаго воздѣйствія чрезъ нее на приходъ. Школа тѣсно связана съ храмомъ. И такимъ образомъ, приходскую единицу составляютъ: приходъ съ храмомъ, школою и съ клиромъ во главѣ съ священникомъ. Всѣ живые члены этой приходской общины живутъ одною, цѣльною духовною жизнью, не отдѣляясь другъ отъ друга. Храмъ—это собирательная сила. Онъ объединяетъ разбросанное иногда по безмѣрнымъ пространствамъ сельское населеніе³⁾. Чѣмъ больше народъ привязанъ къ своему храму, тѣмъ тѣснѣе и духовно богаче живетъ приходъ и тѣмъ успешнѣе идетъ просвѣщеніе народа въ духѣ церкви. „Удаленіе отъ церкви (храма)—одна изъ причинъ“, находитъ С. А., „наиболѣе тормозящихъ возникновеніе школъ полноправныхъ и многочисленныхъ“⁴⁾. Конечно, это удаленіе—

¹⁾ Стр. 219—220.

²⁾ Письма, XXI, с. 62—63.

³⁾ Стр. 350.

⁴⁾ Стр. 352.

причина внѣшняя въ данномъ случаѣ, но она можетъ быть и внутренней, если прихожане не имѣютъ никакой любви къ церкви и не чувствуютъ къ ней никакого влеченія, но, къ счастью, у насъ на Руси это отчужденіе народа отъ церкви породилось только внѣшними причинами. Надо увеличить число храмовъ, чтобы привлечь къ нимъ народъ. „Сельскихъ церквей у насъ слишкомъ мало“, говоритъ С. А. „Пусть сельскій читатель вспомнить топографію извѣстныхъ ему приходоѡ, и ему неминуемо придетъ на умъ три-четыре пункта, крайне нуждающіеся въ новой церкви... Деревни, отстоящія на 15—20 верстъ отъ своего приходскаго храма, не составляютъ рѣдкости: трудно отстоять службу отъ тѣсноты и духоты. Свѣчи гаснутъ отъ недостатка кислорода“¹⁾. С. А. вспоминаетъ, какое широкое участіе въ построеніи храмовъ принимало прежде дворянство и скорбитъ, что теперь этого уже нѣтъ. „Богатые помѣщики покинули свои родовыя гнѣзда, или продали ихъ лѣсопромышленникамъ, въ нашихъ краяхъ, увы, по большей части—жидамъ“²⁾!.. Теперь единственный способъ построенія храмовъ—сборъ по копейкамъ большею частію съ простаго же народа, производимый сборщиками—крестьянами по градамъ и весямъ нашего обширнаго отечества“³⁾.

Итакъ, духовная жизнь народа бьется около храма и школы, непремѣнно тѣсно связанныхъ между собою. Пастыръ управляетъ жизнью своего прихода, устраняетъ всякія препятствія къ нормальному ея теченію и изыскиваетъ лучшія средства для достиженія прихожанами цѣлей нравственнаго совершенствованія. Разсуждая о духовной зависимости школы отъ священника, Рачинскій находитъ, что не одна церковно-приходская, но даже и земская и министерская школы, имѣющія каждая свое собственное начальство, фактически тоже въ широкомъ размѣрѣ подчинены вліянію священника, хотя и

¹⁾ Стр. 353.

²⁾ Стр. 354—355.

³⁾ Стр. 356.

земство, и министерство ревниво, какъ выражается С. А., оберегаютъ свое право контроля надъ ввѣренными имъ училищами. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ минимальномъ размѣрѣ земство и министерство пользуются правомъ контроля надъ школами. „Инспекторамъ училищъ ввѣрены округи столь обширныя, школы столь многочисленныя, они при томъ обременены такою массою канцелярской работы, что даже лишены возможности заглянуть разъ въ годъ въ каждое изъ подвѣдомственныхъ имъ училищъ. Выборные члены училищныхъ совѣтовъ, председатели ихъ, предводители, въ лучшемъ случаѣ—лишь любители порученнаго имъ дѣла, спеціально же заняты иными дѣлами, обязательными и срочными. И ихъ надзоръ, какъ и надзоръ инспекторовъ, сводится къ бѣглому удостовѣренію, чрезъ промежутки времени довольно долгіе, наличнаго состоянія школы. О какомъ либо руководственномъ значеніи не можетъ быть и рѣчи. Таковое оказать на учителя можетъ только усердный священникъ, или иной образованный мѣстный житель, попечитель, или просто сосѣдь, внимательно слѣдящій за ходомъ школьнаго дѣла. Очевидно, что изъ всѣхъ этихъ вліяній, *de jure* или *de facto* надъ школами властнымъ, постояннымъ, и, при томъ, для школы благотворнымъ, можно считать только вліяніе добраго священника“ ¹⁾. Находясь подъ вліяніемъ послѣдняго, учитель сельской школы будетъ, конечно, вести воспитаніе и обученіе дѣтей въ томъ духѣ церковности, ближайшимъ носителемъ котораго представляется самъ пастырь. Затѣмъ, надо признать и прямое, непосредственное благотворное вліяніе добраго священника на школу въ качествѣ законоучителя, каковымъ онъ необходимо является въ школѣ. „Урокъ Закона Божія, этотъ любимый урокъ нашихъ учениковъ, исходя изъ устъ любимаго священника, *учащаго своею жизнью*, пріобрѣтаетъ громадную силу, помимо тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя въ немъ сообщаются. Священникъ и внѣ классовъ слѣдящій за жизнью учениковъ,

¹⁾ Стр. 249.

оторванныхъ отъ семьи, приходицій въ ихъ бѣдныя жилища на утреннюю и вечернюю молитву, входяцій въ ихъ маленькія горести, въ ихъ горькія нужды,—дѣлаетъ больше и лучше, чѣмъ самый искусный преподаватель. Онъ придаетъ смыслъ этой насильственной жизни дѣтей вдали отъ родного дома, подъ сѣнію Церкви. Онъ завязываетъ съ своею паствою тѣ неразрывныя связи, которыя однѣ даютъ прочность и дѣйственную силу его школьнымъ поученіямъ. Хорошій священникъ—душа школы; школа—якорь спасенія для священника. Все это не предположенія, не благія пожеланія, а краткая отповѣдь моихъ личныхъ наблюденій“¹⁾).

Такъ обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ у священника въ приходѣ земская, или министерская школа. Нечего и говорить, что въ школѣ церковно-приходской его пастырское вліяніе несравнимо сильнѣе, такъ какъ ни въ комъ и ни въ чемъ не встрѣчается рѣшительно никакихъ даже мельчайшихъ препятствій. Цеконная школа—вся въ рукахъ у батюшки.

Хорошая постановка церковной школы, конечно, требуетъ со стороны священника большихъ трудовъ. Но разъ ему удастся хорошо поставить школу, поддерживать разъ заведенный въ ней правильный порядокъ уже не такъ трудно. Между тѣмъ, какую громадную пользу приноситъ священнику при совершеніи богослуженія школа! Школа поставляетъ ему и разумныхъ чтецовъ, заставляющихъ слушателей вникать въ священные слова и понимать ихъ; школа даетъ Церкви хорошихъ пѣвцовъ, при участіи которыхъ будетъ возможно исполнять дивныя церковныя службы безъ всякихъ сокращеній и пропусковъ, непріятно нарушающихъ цѣльность молитвенно-художественнаго впечатлѣнія, но положительно неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ службу правятъ только священникъ да псаломщикъ. Какъ охотно пойдетъ тогда въ свою сельскую церковь къ службѣ и съ какимъ высокимъ и святымъ наслажденіемъ, умиленіемъ и отрадою будетъ безъ затрудненія выстаивать онъ эти тор-

¹⁾ Стр. 38.

жественныя церковныя службы, когда онъ пойметъ всю ихъ красоту и смыслъ!... ¹⁾).

Благолѣпное совершеніе богослуженія, несомнѣнно, весьма привлекаетъ въ церковь народъ. Но не менѣе того привлекаетъ ихъ и *живое слово* пастыря, если оно охотно и часто выходитъ изъ устъ его. С. А. настаиваетъ на преобладаніи этой изустной, живой проповѣди надъ проповѣдью письменною, такъ какъ написанная проповѣдь никогда не можетъ такъ благотворно повліять на простыхъ слушателей, какъ слово живое. „Живая, неписанная рѣчь, даже самая неискусная, далеко оставляетъ за собою, въ дѣйствительности и внушительности, даже самую общедоступную, самую образцовую письменную прозу, особенно въ устахъ чловѣка, до тонкости знающаго степень пониманія своихъ слушателей и согрѣтаго къ нимъ истинно-пастырскимъ усердіемъ“ ²⁾. Вотъ почему внѣбогослужебныя собесѣдованія, на которыхъ преобладаетъ живая рѣчь, имѣютъ постоянный успѣхъ въ приходѣ. Надо оцѣнить это и постараться заинтересовать слушателей церковною проповѣдью такъ-же, какъ интересуютъ ихъ внѣбогослужебныя собесѣдованія.

Церковное проповѣдничество несетъ, конечно, только одинъ священникъ, но къ участію въ собесѣдованіяхъ съ народомъ о предметахъ, полезныхъ для него, священнику не мѣшаетъ привлекать, кромѣ членовъ причта, и усердствующихъ мірянъ ³⁾. Предметомъ внѣбогослужебныхъ бесѣдъ можетъ быть все, что пастырь признаетъ „ведущимъ къ благу его пасомыхъ“. Но предметъ поученій церковныхъ ограничивается

¹⁾ Насколько прекрасно и высокохудожественно можно отправить церковную службу, всего лучше Рачинскій доказываетъ своимъ мастерскимъ описаніемъ службы *меѡимоновъ*, какъ они совершались учениками сельской школы въ Гатевской церкви на первой недѣлѣ великаго поста. Это—чудная картинка, написанная вдохновенною кистью христіанина-художника, способная тронуть и умилиť душу до глубины... стр. 220—231.

²⁾ Стр. 368.

³⁾ Стр. 369.

вещами „возвышенными“, составляющими содержание христіанской вѣры и христіанскаго благочестія.

Для надлежащей дѣйственности словъ пастыря на души его пасомыхъ необходимо, чтобы онъ самъ первый стремился осуществлять въ своей нравственной жизни тѣ уроки, какіе преподаетъ пасомымъ. Иначе слово его или мало будетъ имѣть успѣха, или же совсѣмъ не будетъ имѣть его. Видя, что пастырь разрушаетъ своею жизнью то, что проповѣдуетъ словомъ, всякій выправѣ будетъ сказать ему: *врачу, исцѣлись самъ*. Рачинскій рассказываетъ очень характерный случай, какъ одинъ священникъ, склонный къ вину, вздумалъ, побуждаемый начальствомъ, открыть въ своемъ приходѣ общество трезвости, и сталъ проповѣдывать крестьянамъ о вредѣ пьянства, увѣщевая открыть общество трезвенниковъ. Что же вышло? Проповѣдь его не была принята трезвыми прихожанами, а пьяными была даже публично осмѣяна... Тогда священникъ рѣшилъ самъ дать обѣтъ безусловнаго воздержанія отъ вина, привелъ свое рѣшеніе въ исполненіе, и отношеніе прихожанъ къ его проповѣди и къ нему самому измѣнилось¹⁾... Сознаніе за собою какого-нибудь порока часто влечетъ *безмолвіе* пастыря. Но отъ этого безмолвія пасомымъ, какъ выражается С. А., не легче²⁾. Нужно не безмолствовать, но дѣятельно исправлять свои пороки, чтобы можно было свободно бороться съ ними въ другихъ.

Помимо общественной проповѣди, для пастыря необходимо ближайшее знакомство съ каждымъ въ отдѣльности изъ его пасомыхъ и особенное, спеціальное руководство каждымъ изъ нихъ. Средствомъ для этого служатъ посѣщенія пастыремъ жилищъ его прихожанъ какъ по случаю требъ, такъ и независимо отъ нихъ, по его собственной инициативѣ. Народъ жаждетъ пастырскаго посѣщенія. „О, если бы вы знали“, пишетъ С. А., „съ какою радостію, съ какою любовію, съ

¹⁾ Письма, XXII, с. 64—65.

²⁾ Письма, IV, с. 14.

какимъ благоговѣніемъ встрѣчается людьми простыми священникъ совершенно трезвый, произносящій въ каждомъ домѣ слово назиданія самое неизбѣжное, самое простое—столь простое, что онъ не рѣшился бы произнести его въ церкви! Вѣдь, не въ составленіи мудреныхъ рѣчей сказывается благодать учительства, присущая священству, а въ томъ неотразимомъ дѣйстви, которое производитъ всякое искреннее слово назиданія, сказанное священникомъ! И лишь этими простыми, искренними бесѣдами можетъ научиться священникъ приносить и въ церкви слова, доходящія до всѣхъ сердець!“¹⁾ Это ближайшее знакомство съ прихожанами дастъ возможность священнику вѣрнѣе распознать духовныя нужды своихъ пасомыхъ и укажетъ лучшіе способы борьбы съ народными пороками и, особенно, съ столь распространеннымъ на Руси—пьянствомъ. Общія мѣры противъ послѣдняго—оживленіе и углубленіе религіознаго духа²⁾, равно какъ и учрежденіе общества трезвости, нуждаются въ *примѣненіи* къ извѣстнымъ лицамъ и къ извѣстнымъ условіямъ. А для этого пастырю именно вужно хорошо знать свой приходъ...

Вообще, по взгляду С. А. Рачинскаго, только *живая* связь пастыря съ приходомъ, основанная на чувствѣ искренней и святой любви пастыря къ пасомымъ, можетъ быть ручательствомъ благотворности его служенія народу.

Н. Пальмовъ.

¹⁾ Письма, XII, стр. 34.

²⁾ Сельская Школа, стр. 211—212.

Изъ распоряженій Епархіальныхъ Начальствъ.

„Никто не долженъ просить Епархіальное Начальство объ опредѣленіи или о перемѣщеніи на такія мѣста, которыя не объявлены праздными.

— На священническія мѣста къ церквамъ городовъ могутъ быть переводимы лишь тѣ просители, которые съ пользою для

¹) Письма, XII, стр. 34.

²) Сельская Школа, стр. 211—212.

храма и прихода прослужили при сельскихъ церквахъ не мене 10 лѣтъ, съ оказаніемъ предпочтенія лицамъ, получившимъ высшее образованіе или пріобрѣтшимъ званіе студента Семинаріи.

Діаконы, не окончившіе курса Семинаріи, если достаточно прослужили и имѣютъ особое одобреніе отъ о.о. Благочинныхъ, а равно и отъ уѣзднаго или епархіальнаго наблюдателя, могутъ, по достиженіи 30-лѣтняго возраста, проситься на священническія мѣста, но только тогда, когда указаны будутъ въ Вѣдомостяхъ тѣ священническія мѣста, которыя могутъ быть замѣщены лицами изъ діаконовъ, не окончившихъ курса Семинаріи.

Порядокъ подачи прошеній о предоставленіи священноцерковно-служительскихъ мѣстъ и о перемѣщеніяхъ должно соблюдать слѣдующій:

1) просяція опредѣленія на священническія, діаконскія и псаломщическія мѣста лица, не состояція въ клирѣ, обязаны прилагать къ своимъ прошеніямъ слѣдующіе документы: а) свидѣтельство объ образованіи, выданное изъ того учебнаго заведенія, въ которомъ получено образованіе; б) свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по воинской повинности или о явкѣ къ исполненію сей повинности; в) если проситель до подачи прошенія объ опредѣленіи его въ епархіальное вѣдомство находился на гражданской службѣ, то аттестатъ или свидѣтельство о службѣ, а равно и о поведеніи отъ тѣхъ правительственныхъ учрежденій или лицъ, въ вѣдомствѣ которыхъ онъ служилъ (учителя—отъ уѣздныхъ Отдѣленій и Совѣтовъ); если состоялъ на частной службѣ или свободныхъ занятіяхъ, то свидѣтельство о занятіяхъ и поведеніи отъ мѣстной полицейской власти, а если жилъ при родителяхъ или родственникахъ, то свидѣтельство о поведеніи и занятіяхъ отъ мѣстнаго благочиннаго съ непремѣннымъ указаніемъ того, усерденъ ли былъ къ храму Божію и принималъ ли участіе въ чтеніи и пѣніи при совершеніи богослуженій, и г) свидѣтельство о бытіи у исповѣди и св. Причастія. 2) Священно-

церковно-служители, ищущіе новыхъ мѣстъ, и также просящіе о перемѣщеніи, обязаны представлять отъ мѣстныхъ благочинныхъ удостовѣреніе о томъ, что полезнаго для храма и прихода сдѣлали просители на занимаемыхъ мѣстахъ, при чемъ ходатайствовать о перемѣщеніи могутъ только такія лица, которыя: а) при безукоризненномъ поведеніи прослужили въ епархіальномъ вѣдомствѣ, на занимаемомъ мѣстѣ, не мене 5 лѣтъ и б) по мнѣнію благочинныхъ имѣютъ дѣйствительную нужду въ перемѣщеніи. 3) Прошенія, неудовлетворяющія указаннымъ условіямъ, примѣнительно къ 367 ст. уст. гражд. суд., по коей присутственныя мѣста сами не ищутъ и не собираютъ касающихся просителей справокъ и свѣдѣній, будутъ оставляемы безъ послѣдствій.

— Лица, ищущія опредѣленія на извѣстную степень клира или перемѣщенія изъ одного прихода въ другой, обязаны представлять *отъ уѣздныхъ наблюдателей школъ отзывы* о томъ, съ какимъ усердіемъ и успѣхомъ эти лица занимались воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей въ той или иной школѣ, будетъ ли то священникъ, діаконъ, псаломщикъ или учитель церковной или земской школы; уѣздные наблюдатели, въ свою очередь, обязаны безотлагательно удовлетворять поступающія къ нимъ просьбы, выдавая свои отзывы на руки просителямъ, или же, по усмотрѣнію, препровождая таковыя отзывы непосредственно въ Консисторію.

— Членамъ причтовъ и кандидатамъ на священно-церковно-служительскія мѣста всѣ бумаги, направляемыя къ Епархіальному начальству, слѣдуетъ *писать собственноручно*.

— Всѣ лица, подающія прошенія, должны *обозначать свой адресъ* и на мѣстахъ жительства своего ожидать объявленій имъ о результатѣ ихъ прошеній, не безпокая себя явками въ Консисторію или къ Его Преосвященству за справками.

— *Прошенія* о перемѣщеніи и объ опредѣленіи на священнослужительскія (священническія и діаконскія) мѣста, священники, діаконы, а равно и всѣ окончившіе полный семинарскій курсъ, не являясь лично къ Его Преосвященству,

посылаютъ ему по почтѣ, съ приложеніемъ всѣхъ требуемыхъ документовъ; равно и всѣ лица изъ неокончившихъ семинарскаго курса, ищущія церковно-служительскихъ (псаломщическихъ) мѣстъ, могутъ, не являясь лично къ Владыкѣ, посылать прошенія и всѣ требуемые документы по почтѣ.

— *Ставленникамъ* вмѣняется въ обязанность, чтобы они не медлили вступленіемъ въ бракъ, дабы подолгу не оставались мѣста праздными, и по вступленіи въ бракъ, предъ рукоположеніемъ во священника или діакона, являлись къ посвященію по истеченіи двухнедѣльнаго срока по совершеніи брака.

— Соединеніе *родственниковъ въ одномъ причтѣ*, по Регламенту, признается зломъ, которое Епископы должны „весьма пресѣкать“.

— *Определеніе на мѣста престарѣлыхъ священно-церковно-служителей* ихъ дѣтей или родственниковъ хотя и допускается, но родство съ умершими или уволенными заштатъ не считается обстоятельствомъ, дающимъ такимъ лицамъ преимущественное предъ другими право на занятіе вакансій; зачисленіе священно-церковно-служительскихъ мѣстъ за дочерьми или родственниками занимавшихъ сіи мѣста лицъ совсѣмъ не допускается; лица, поступающія на священно-церковно-служительскія мѣста, не обязаны выдавать предмѣстникамъ своимъ или ихъ семействахъ части доходовъ или пособія въ содержаніи.

— Въ предотвращеніе просьбъ отъ священно-церковно-служителей, равно какъ и отъ прихожанъ о *возвращеніи въ прежніе приходы* такихъ священно-церковно-служителей, которые перемѣщены согласно собственнымъ ихъ прошеніямъ, 1) предварительно подачи прошенія о перемѣщеніи, каждый проситель обязанъ тщательно обсудить причины, побуждающія его къ перемѣщенію въ другой приходъ, и 2) при прошеніи о перемѣщеніи представить отъ благочиннаго удостовѣреніе объ уважительности сказанныхъ причинъ, а равно и о немѣнни, по отношенію къ церкви и приходу, препятствій къ

просимому перемѣщенію и 3) подписку въ томъ, что обратно на прежнее мѣсто проситься не будетъ.

— Священно-церковно-служители въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ *помѣняться мѣстами*, должны представлять подписки въ томъ, что отнюдь не будутъ просить о возвращеніи ихъ на прежнія мѣста“.

(Тул. Е. В. 1902 г. № 20).

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1903 ГОДУ.

Въ 1903 подписномъ году и 44 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ будетъ продолжать, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ дѣлѣ.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ будутъ печатаемы не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и будутъ разрѣшаемы вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, будетъ уясняемо отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываемы способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также будутъ даваемы посильные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всѣмъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаемы очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на нивѣ Христовой, и художественно обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ религіозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, будутъ помѣщаемы общедоступныя поученія на всѣ воскресные, праздничные и высокочестивые дни, виѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ, а также обсужденіе мнѣній свѣтской печати по церковнымъ вопросамъ.

Наконецъ, съ 1903 г. Редакція „Рук. д. с. паст.“ предполагаетъ дать своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, рядъ справочныхъ книжекъ по вопросамъ пастырской практики подъ заглавіемъ: „Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практикѣ“.

Въ наступающемъ 1903 году будетъ данъ первый выпускъ этого изданія, въ который войдутъ рѣшенія вопросовъ изъ практики бого-служебной.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для пріобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библиотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложениями **ШЕСТЬ** рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1903 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 1 декабря 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

ПРОВОДЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 50.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, декабря 15-го.

Содержаніе: Миссіонерская проповѣдь (продолженіе). — Чинослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (окончаніе). — Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе). — Изъ письма въ редакцію.

Миссіонерская проповѣдь¹⁾.

Миссіонерская дѣятельность священника по отношенію къ католикамъ и протестантамъ.

Во многихъ городскихъ, а иногда даже и въ сельскихъ приходахъ въ числѣ населенія встрѣчаются жители, принадлежащіе къ западно-христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, въ западномъ же и юго-западномъ краѣ послѣдователи этихъ вѣроисповѣданій составляютъ даже преобладающее населеніе. Естественно, что ревность православнаго пастыря о спасеніи людей должна простираться и на этихъ овецъ, стоящихъ не на истинномъ пути ко спасенію. Но обращеніе ихъ въ православіе, будучи святымъ и великимъ по своему значенію дѣломъ, представляетъ собою въ то же время тяжелый, требую-

¹⁾ См. № 49 за 1902 г.

цій чрезмѣрныхъ усилій трудъ. Тяжесть этого труда обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что указанныя христіанскія вѣроисповѣданія имѣютъ все научно обставленныя и испытанныя средства для защиты своей мнимой правоты. Мало того, священникамъ, служащимъ въ западныхъ епархіяхъ, приходится не распространять только православіе среди инославныхъ, а главнымъ образомъ охранять отъ католическаго и протестантскаго вліянія тѣхъ лицъ, которыя вступили въ лоно Православной Церкви сравнительно недавно. Католичество въ западномъ краѣ, какъ извѣстно, всегда было по отношенію къ православію воинствующимъ, и духовенство католическое даже донинѣ продолжаетъ упорно свою пропаганду, совращая бывшихъ уніатовъ нерѣдко путемъ нравственныхъ насилій, лжи и грубаго обмана и поселяя въ сердцахъ своихъ духовныхъ чадъ презрѣніе къ Православной Церкви и ко всему православному. Въ нѣкоторыхъ западныхъ епархіяхъ встрѣчаются часто такіе приходы, гдѣ православное населеніе разсѣяно, въ качествѣ работниковъ и прислуги, по семьямъ зажиточныхъ католиковъ, вліяніе которыхъ даетъ себя чувствовать весьма сильно, такъ что многіе изъ православныхъ, во избѣжаніе насмѣшекъ со стороны католиковъ надъ православными обрядами, исполняютъ обряды римско-католической церкви: крестятся по-католически, читаютъ польскія молитвы, чествуютъ праздники поляковъ и т. д., а нѣкоторыя бывають даже у ксендзовъ на исповѣди. То же самое происходитъ и въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ протестантскимъ населеніемъ. Правда, протестанты, проживающіе въ предѣлахъ нашего отечества, гордятся провозглашаемымъ ими принципомъ *свободы совѣсти*; но въ сущности эта свобода признается протестантами только по отношенію къ самимъ себѣ, по отношенію же къ лицамъ другихъ исповѣданій, въ особенности къ православнымъ, протестанты западныхъ губерній готовы употреблять—и дѣйствительно употребляютъ—стѣсненіе и даже насиліе. Еще покойный Ю. О. Самаринъ разъяснилъ, что *свобода совѣсти* на языкѣ протестан-

товъ обозначаетъ *стѣсненіе правосливной совѣсти*, и что „въ Балтійскомъ краѣ, идѣже угнетеніе и стѣсненіе, ту свобода“. Къ стыду кичащихся принципомъ свободы протестантовъ, означенное истолкованіе *свободы* ихъ остается вѣрнымъ еще и донныѣ. Лютеранство въ Прибалтійскихъ губерніяхъ продолжаетъ до сихъ поръ не только господствовать, но и прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ какъ для отклоненія сочувствующихъ православію лютеранъ отъ перехода въ Православную Церковь, такъ и для совращенія въ лютеранство, напр., православныхъ латышей. Такимъ образомъ, священникамъ западныхъ епархій приходится не столько благовѣствовать мирную проповѣдь о православіи, сколько въ полномъ смыслѣ слова вести тяжелую и упорную борьбу съ инославными вѣроисповѣданіями¹⁾. Въ этой борьбѣ, естественно, необходимы многочисленныя и различныя средства, соотвѣтствующія тѣмъ средствамъ, пользуясь которыми, ведутъ свою пропаганду польско-католическіе ксендзы и лютеранскіе пасторы. Католическая же и протестантская пропаганда ведется, главнымъ образомъ, путемъ школы, въ которой даже и дѣти чисто-русскаго населенія по неволѣ должны обучаться на чуждомъ языкѣ и проникаться симпатіями ко всему, что съ нимъ связано. Другими могущественными средствами воздѣйствія на народную массу являются въ рукахъ инославнаго духовенства ослѣпленіе православнаго народа блескомъ и великолѣпіемъ костела сравнительно съ бѣдною обстановкою православныхъ церквей, тенденціозная проповѣдь, различнаго рода пышныя церемоніи, что усиливается еще частными бесѣдами пасторовъ и ксендзовъ съ народомъ, распространеніемъ брошюръ извѣстнаго направленія. Къ этому нужно еще прибавить домашнія визитаціи пасторовъ и ксендзовъ къ своимъ прихожанамъ. Эти визитаціи очень развиты, и ими инославное духовенство пользуется, какъ наилучшимъ средствомъ для утвержденія своихъ пасомыхъ въ католическихъ или протестантскихъ вѣроисповѣданіяхъ.

¹⁾ *Куплетскій М.* Церковно-религіозная жизнь въ Россіи. „Церк. Вѣд.“, 1899 г., №№ 51—52.

стантскихъ воззрѣнiяхъ. Подобныя же средства, очищенныя лишь отъ элементовъ фанатизма и насилiя, должны употреблять, конечно, и православные пастыри, въ цѣляхъ ослабленiя католическаго и протестантскаго влiянiя на православное населенiе ихъ приходовъ и въ цѣляхъ привлеченiя въ лоно Православной Церкви лицъ инославныхъ исповѣданiй¹⁾.

Но если въ западныхъ епархiяхъ православнымъ священникамъ приходится вести, главнымъ образомъ, борьбу съ инославной пропагандой, а въ цѣляхъ чисто миссiонерскихъ— употреблять всевозможныя добрыя и нравственныя средства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, то въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, гдѣ протестанты и католики являются среди населенiя лишь незначительнымъ и пришлымъ элементомъ, могутъ быть употребляемы священникомъ съ послѣдователями этихъ инославныхъ исповѣданiй исключительно лишь частныя, домашнiя миссiонерскiя бесѣды.

О чемъ же можетъ вести свои бесѣды православный священникъ съ лицами инославныхъ исповѣданiй?

Выборъ предметовъ для бесѣды часто опредѣляется желанiемъ самихъ иновѣрцевъ выяснить для себя ту или иную частную разность между православiемъ и инославными исповѣданiями. Въ такихъ случаяхъ священникъ, естественно, долженъ уступать желанiю своихъ собесѣдниковъ. Но когда выборъ предметовъ предоставляется самому священнику, тогда онъ долженъ выяснять своимъ инославнымъ собесѣдникамъ не частное различiе между православiемъ и инославiемъ въ какихъ-либо обрядахъ, таинствахъ и догматахъ, а главнымъ образомъ *нравственное превосходство* православiя предъ инославiемъ. Для этой цѣли онъ долженъ избрать изъ всей системы вѣроученiя такой пунктъ, гдѣ каждое вѣроисповѣданiе получаетъ себѣ безпристрастную оцѣнку отъ внутренняго голоса въ человѣкѣ, т. е. отъ совѣсти. Такимъ пунктомъ является вопросъ о личномъ спасенiи человѣка, потому что въ

¹⁾ Григорьевъ Ѡ. Задачи просвѣт. дѣят., стр. 202—203.—„По поводу протест. движенiя на Сѣверѣ“. „Церк. Вѣстн.“, 1890 г., №№ 20—21.

этомъ вопросѣ всякое вѣроученіе становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью и хочетъ въ жизни, въ практикѣ показать, въ чемъ собственно заключается та истина, которую оно проповѣдуетъ. Желая показать нравственное превосходство православія предъ инославіемъ, священникъ долженъ обратиться не къ теоретическому ихъ ученію, не къ богослужебнымъ обрядамъ, а къ ихъ понятію о жизни, о личномъ спасеніи и высшемъ благѣ. Священникъ долженъ выяснитъ своимъ инославнымъ собесѣдникамъ, что разность православія и инославія заключается не въ какихъ-либо частныхъ недомолвкахъ и неточностяхъ, а въ самомъ корнѣ, въ принципѣ. Онъ долженъ показать имъ, что инославіе и православіе противоположны между собою такъ же, какъ себялюбіе и самоотверженная любовь, какъ жизнь по стихіямъ міра и жизнь во Христѣ. Онъ долженъ раскрыть предъ ними, что православіе и инославіе—два совершенно противоположныхъ, несоединимыхъ міровоззрѣнія и жизненопиманія: одно—нравственное, имѣющее въ основѣ своей стремленіе къ истинѣ и святости въ общеніи съ Богомъ,—другое—правовое (юридическое), признающее началомъ жизни себялюбіе и полагающее высшее благо въ счастіи и наградахъ, подаваемыхъ Богомъ человѣку *въ уплату* за внѣшнія добродѣтели¹⁾. При выясненіи такого различія между православіемъ и инославными вѣроисповѣданіями современныя школьныя руководства священнику окажутъ очень незначительную услугу, незамѣнимыми же пособіями для него будутъ сочиненія еп. Антонія (Волынскаго) и еп. Сергія: „Православное ученіе о спасеніи“.

Цѣль миссіонерской проповѣди среди инородцевъ.

Миссіонерская проповѣдь среди послѣдователей нехристіанскихъ религій есть, по своему существу, прямое продол-

¹⁾ *Сергій еп.* Правосл. ученіе о спасеніи. Каз., 1898 г., стр. 5—9.

женіе дѣла св. апостоловъ, посланныхъ Господомъ Иисусомъ Христомъ благовѣствовать о спасеніи „всей твари“ „даже до послѣднихъ земли“ (Мр. 16, 15; Дѣян. 1, 8). Проповѣдуя евангеліе всему міру, св. апостолы имѣли цѣлю единственно спасеніе людей и славу Спасителя нашего, какъ о томъ пишетъ св. ап. Павелъ: „мы всегда должны благодарить Бога за васъ, возлюбленные Господомъ братія, что Богъ отъ начала, чрезъ освященіе Духа и вѣру истинѣ, избралъ васъ ко спасенію, къ которому и призвалъ васъ благовѣствованіемъ нашимъ, для достиженія славы Господа нашего Иисуса Христа“ (2 Сол. 2, 13—14). Поэтому, и современный миссіонеръ не какую-нибудь иную цѣль долженъ имѣть въ виду при своей дѣятельности, какъ только славу Христа и спасеніе язычниковъ, т. е. измѣненіе ихъ религіозныхъ вѣрованій, искорененіе заблужденій, направленіе воли ихъ къ одному лишь безусловному добру, возженіе въ сердцахъ ихъ братской любви къ людямъ и благоговѣйной любви къ единому Богу. Поставленіе же для миссіонерской проповѣди всякой иной цѣли только унижаетъ это святое и великое дѣло, даетъ ему совершенно ложное направленіе и свидѣтельствуетъ даже о мало-вѣрїи самихъ проповѣдниковъ. Между тѣмъ, нѣкоторые современные духовные и свѣтскіе писатели, подпавъ подъ вредное вліяніе духа времени, находятъ проповѣдь среди язычниковъ ради ихъ душевнаго спасенія безцѣльной и указываютъ, какъ на цѣль таковой проповѣди, на свои узко-національныя и культурныя стремленія. По ихъ мнѣнію, миссіонерская проповѣдь среди язычниковъ и магометанъ только тогда будетъ осмыслена, когда она будетъ служить орудіемъ объединенія національностей, будетъ способствовать сплоченію и цѣлостности государственнаго организма. Не слава Христа, не вѣчное спасеніе нашихъ инородцевъ, а ихъ обрусѣніе— вотъ яко-бы высокая и достойная цѣль миссіонерской проповѣди, по воззрѣнію этихъ писателей. Побужденіемъ для православнаго духовенства къ проповѣдничеству среди нашихъ инородцевъ, по словамъ этихъ писателей, должно служить

желаніе нашему отечеству развитія и процвѣтанія, такъ какъ инородцы, не принявъ христіанства, „будутъ не только тормозить естественный ростъ государства, но и угрожать его могуществу и политической цѣлости его въ будущемъ“¹⁾. Къ счастью и на благо Церкви Православной, эти узко-національныя и съ евангельской точки зрѣнія мелочныя тенденціи если и раздѣляются нѣкоторыми представителями нашего духовенства, то или мало имѣющими, или даже совсѣмъ не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу христіанской проповѣди среди какъ нашихъ инородцевъ, такъ и язычниковъ другихъ государствъ. Священники же, занятые самымъ дѣломъ благовѣстія, обыкновенно не имѣютъ въ виду этихъ мірскихъ цѣлей: и чѣмъ ревностиѣе и энергичнѣе проповѣдникъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ въ виду одного лишь Христа и тѣ души людей, за спасеніе которыхъ Сынъ Божій пролилъ Свою пречистую кровь. Благовѣстіе спасительныхъ истинъ христіанства — дѣло не простое человѣческое, но Божіе, и пріятіе ихъ людьми, сидящими во тьмѣ и сѣни смертной, обусловливается главнымъ образомъ дѣйствіемъ божественной благодати.

Какъ долженъ проповѣдывать священникъ среди невѣрующихъ во Христа, этому научаетъ христіанскихъ пастырей Самъ Духъ Святый, Который, сошедши на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, даровалъ имъ благодать „говорить на иныхъ языкахъ“. Этимъ Своимъ чудеснымъ дѣйствіемъ Духъ Святый явно указалъ, что проповѣдь о Христѣ и спасеніи среди язычниковъ не мыслима безъ знанія ихъ языковъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что священникъ, принимающій на себя миссіонерскій трудъ среди инородцевъ, долженъ прежде всего изучить ихъ живой, разговорный языкъ—и при томъ въ такой степени, чтобы быть въ состояніи свободно объясняться на немъ. Далѣе, миссіонеръ долженъ изучить особенности религіи, быта и нравовъ того народа, среди котораго онъ имѣетъ проповѣдывать спасительное Слово Божіе.

¹⁾ *Остроумовъ Н.* Способны ли кочевые народы Азіи къ усвоенію христіанской вѣры и христіанской культуры? „Прав. Благов.“, 1895 г., № 23.

Это изученіе необходимо для того, чтобы проповѣдникъ-миссіонеръ зналъ, какія черты въ характерѣ инородцевъ наиболѣе близки къ христіанскому состоянію, чтобы на нихъ основать свою проповѣдь, и какія черты наиболѣе противорѣчатъ духу христіанства и требуютъ полнаго искорененія. Въ характерѣ и нравахъ язычниковъ сплошь и рядомъ много бываетъ добраго, хорошаго. Большая часть нашихъ инородцевъ отличается сердечной простотой, радушіемъ и гостепрѣимствомъ, необыкновенной честностью и т. д. „Если осѣдлые, — пишетъ знаменитый нашъ путешественникъ Пржевальскій, — превосходятъ кочевниковъ умственными способностями, то, въ свою очередь, кочевники, въ особенности монголы, имѣютъ больше добрыхъ сердечныхъ качествъ. Такъ, у номадовъ семейная жизнь зиждется на болѣе искреннемъ взаимномъ чувствѣ супруговъ, и отношенія отца къ дѣтямъ много мягче, чѣмъ у жителей осѣдлыхъ. Номады вообще гораздо откровеннѣе и добродушнѣе, гостепрѣимство считается здѣсь священною обязанностью. Воровство у кочевниковъ составляетъ рѣдкое преступленіе, а честность и исполненіе даннаго обѣщанія строго соблюдается даже у разбойниковъ таугуртовъ. Въ большинствѣ случаевъ богатый помогаетъ здѣсь бѣдному, да и разница въ бытѣ того и другого не слишкомъ велика при невозможности излишняго комфорта. У номадовъ старѣйшіе пользуются полнымъ уваженіемъ“¹⁾. Подобныя же отзывы даютъ и другіе путешественники объ инородцахъ, живущихъ въ предѣлахъ нашего государства. Очевидно, что почва для насажденія здѣсь христіанства весьма благоприятна; что всѣ эти язычники, вступивъ въ число членовъ Церкви Христовой, могутъ быть вполне достойными, восторженными, искренними послѣдователями Христа. Даже въ области чисто религіозной можно находить какъ у язычниковъ, такъ и у магометанъ точки соприкосновенія съ христіанствомъ. Въ самомъ вѣроученіи ихъ, среди тмы заблужденій, всегда можно

¹⁾ *Пржевальскій*. Современное управленіе Азіи. „Русск. Вѣстн.“, 1886 г., № 12.-

найти проблески истины. Св. ап. Павелъ для своихъ великихъ христіански-просвѣтительныхъ цѣлей находилъ хорошія стороны даже въ самомъ многобожіи язычниковъ: припомнимъ его рѣчь въ аѳинскомъ ареопагѣ. Одинъ изъ современныхъ архипастырей говоритъ, что, повидимому, столь враждебное христіанству племя татарское и башкирское, исповѣдующее магометанскую религію, на самомъ дѣлѣ не далеко „отъ царствія Божія“, т. е. отъ христіанства, по своей благоговѣйной и смиренной вѣрѣ въ маловѣдомаго имъ Единого Бога, по глубинѣ своего убѣжденія въ божественномъ вседержительствѣ и правосудіи, по твердости своего примиренія съ Его мудрымъ промысломъ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, Слово Божіе несомнѣнно можетъ найти для себя воспріимчивую почву въ сердцахъ нашихъ инородцевъ. Совершенно ложнымъ является то представленіе, по которому полудикіе восточно-европейскіе и азіатскіе инородцы не могутъ будто бы сдѣлаться достойными и истинными христіанами до тѣхъ поръ, пока не усвоятъ европейской культуры. Глубокимъ заблужденіемъ является мнѣніе, будто бы проповѣди о Христѣ среди инородцевъ должно предшествовать развитіе ихъ въ умственномъ отношеніи чрезъ усвоеніе европейскаго образованія. Христіанство зреетъ не на умѣ, а на сердце человѣка; Христу нужно сердце человѣческое. Сердца же инородцевъ несравненно чище и искреннѣе сердецъ культурныхъ европейскихъ народовъ. Полудикій инородецъ, по своей сердечной, живой вѣрѣ во Христа, по своему искреннему, сердечному отношенію къ людямъ, можетъ ближе, чѣмъ многоученный европейскій профессоръ, стоять ко Христу, Который нѣкогда „возрадовался духомъ, и сказалъ: „славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ младенцамъ. Ей, Отче, ибо таково было Твое благоволеніе“ (Лук. 10, 21).

Свящ. А. Юрьевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Антоній, еп. волынскій. Рѣчь при вруч. жезла еп. Клименту. „Церк. Вѣд.“, 1902 г., № 22.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей ¹⁾).

Въ чемъ же состояли дополненія и исправленія разсматриваемаго нами чина, сдѣланныя митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, якобы „согласно греческому подлиннику“, и которыя самъ редакторъ и Св. Синодь находили „важными по содержанію своему“ и „по основательности ихъ, заслуживающими уваженія, какъ полезныя и необходимыя?“

Къ числу важныхъ по своему содержанію опущеній въ прежнемъ чинѣ архіерейскаго обѣщанія митрополитъ Филареть относилъ „обстоятельное изложеніе догмата о Пресвятой Троицѣ“, находящееся во второмъ символѣ греческаго чина. Поэтому дополненія „Чина исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“, по мысли митрополита Филарета, должны были состоять прежде всего во внесеніи въ нашъ чинъ этого второго символа. Справедливость требуетъ, однако же, сказать, что и митрополитъ Филареть почему-то не нашель возможнымъ включить въ нашъ чинъ второй символъ греческаго чина цѣликомъ, а сдѣлалъ въ немъ значительныя сокращенія.

По тѣмъ же соображеніямъ, т. е. въ виду догматической важности, третій символъ, значительно сокращенный архимандритомъ Гавріиломъ въ 1725 году, былъ помѣщенъ въ чинѣ *въ полномъ видѣ*, какъ онъ напечатанъ въ греческомъ оригиналѣ, съ тою, впрочемъ, разницею, что нынѣшній *пятый* членъ его, стоящій въ греческомъ оригиналѣ послѣ *шестого* съ прибавленіями (см. выше § 21 прим.), почему-то передвинуть былъ на свое настоящее мѣсто. Самый символъ занялъ третье мѣсто, въ видѣ первой половины третьяго отвѣта на вопросъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ изъ вопросовъ второго и третьяго чина 1725 года, въ такомъ видѣ: „Яви намъ еще пространнѣе: како исповѣдуеши, яже о вѣчеловѣченіи ипостаснаго Сына и Слова Божія: и како со-

¹⁾ См. № 47 за 1902 г.

держиши каноны святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и преданія и установленія церковная“? Т. е., говоря другими словами, текстъ греческаго оригинала и въ этомъ случаѣ не былъ принятъ во вниманіе вполне. Что же касается „полезныхъ, необходимыхъ и заслуживающихъ полнаго уваженія“ исправленій и сокращеній во второй половинѣ третьяго отвѣта, содержащаго въ себѣ каноны святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и церковныя преданія и установленія, то они весьма многочисленны и отмѣчены нами въ вариантахъ къ §§ 21 и настоящему 23. Достаточно въ данномъ случаѣ указать лишь важнѣйшіе изъ нихъ. Къ такимъ мы относимъ прибавку о Св. Синодѣ въ статьѣ: „Еще же и церковный миръ обѣщаюся соблюдать“, опредѣляющую его значеніе слѣдующимъ образомъ: „по подобію древнихъ отъ апостольскихъ временъ на коеждо лѣто собиравшихся соборовъ, отъ блаженныя памяти императора Петра перваго въ образѣ непрестающаго собора установленному, отъ четырехъ патріарховъ католическія восточныя церкви въ равнѣмъ съ ними достоинствѣ и власти признанному и утвержденному“. Это мѣсто читалось въ прежнихъ чинахъ такъ: „и повиноватися Святѣйшему Правительствующему все-россійскому Синоду, *яко правильной власти*, отъ блаженной и вѣчнодостойной памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго установленной, и отъ благополучнѣ владѣющаго Его Императорскаго Величества благовольтельнѣ утверждаемой“. Въ статьѣ: „Еще же и на томъ исповѣдаюся писаніемъ симъ, яко не злата или сребра обѣщаніемъ или даваніемъ на сіе прехожду“, кромѣ значительныхъ текстуальныхъ измѣненій, избраніе Св. Синода стоитъ выше соизволенія Государя, тогда какъ раньше то и другое стояли въ обратномъ положеніи. Изъ статьи о хиротоніи на одной литургіи двухъ и болѣе священниковъ и діаконовъ удалена прибавочная фраза: „и яко сказуетъ изложеніе святѣйшихъ патріарховъ и сущихъ съ ними архіереевъ греческихъ и великороссійскихъ“. Форма архіерейской присяги сравнительно съ прежнею переделана и совершенно уничтоженъ конецъ ея, какъ не умѣст-

ный (см. начало настоящего 23 § и варианты). Но наиболѣе всего исправлений выпало на долю тѣхъ семи пунктовъ, которые внесены были въ чинъ, по указанію императора Петра Великаго. Такъ, значительно передѣланъ текстъ перваго пункта, исключены нѣкоторыя слова изъ втораго, третій является почти въ новомъ изложеніи, четвертый пунктъ о томъ, чтобы не строить церквей выше потребности, совершенно исключенъ, пятый и шестой пункты подверглись сокращеніямъ, много весьма передѣлокъ сдѣлано было въ седьмомъ пунктѣ, который, по отзыву митрополита Филарета, былъ „чуждъ церковному акту“ и „тяжко поражалъ слухъ“ молящихся. Изъ этого пункта были удалены совершенно слѣдующіи слова: „дабы невѣдомыхъ и отъ церкви не свидѣтельствовавшихъ гробовъ за святыню не почитали. Притворно бѣснующихся, въ колтунахъ, босыхъ, и въ рубашкахъ ходящихъ, не точію словомъ наказывать, но и къ градскому суду отсылать буду, и прочихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ дѣлъ отъ духовнаго и мірскаго чина не принимали бы, запрещать потщуся. Дабы святыхъ иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, дабы тѣмъ не дѣлалось развращеніе истиннаго благочестія“. Подъ перомъ митрополита Филарета данное мѣсто архіерейскаго обѣщанія получило такое изложеніе: „дабы противни христіанскому благочестію и благонравію обычаи не повреждали христіанскаго житія. Потщуся наблюдать и запрещати, дабы людіе духовнаго и мірскаго чина подъ образомъ благочестія притворствомъ ересей, расколовъ, суевѣрій и беззаконій не прикрывали, дабы ложныхъ чудесъ не вымышляли и т. д.“.

Отмѣченными выше дополненіями и исправленіями въ „Чинъ иновѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ митрополитъ Филаретъ не ограничился, а пересмотрѣлъ и сократилъ многое даже и въ самомъ чинѣ архіерейской хиретоніи. Произведенныя имъ въ 1856 году сокращенія весьма любопытны для исторіи текста чина. Такъ, въ начальной статьѣ о порядкѣ избранія въ Святѣйшемъ Синодѣ достой-

ныхъ кандидатовъ на епископство опущены имъ подчеркнутыя слова: „разсуждаютъ *чрезъ мнѣнія*, и напишетъ всякъ *отъ членовъ съ рукоприкладіемъ*, кто вѣсть кого довольна на таковое достоинство, и многое о семъ *истязаніе сотворше*, избираютъ *двѣ персоны*, и избравше предлагаютъ къ опредѣленію“, и что на нареченіе во епископа „*призываемы бывають вси архіереи, елики обрящутся въ царствующемъ градѣ*“. Молитвословіе въ честь Св. Духа, при нареченіи во епископа, перенесено въ чинѣ нареченія на свое настоящее мѣсто, а „объявленіе“ оберъ-секретаремъ избранному во епископа о состоявшемся его избраніи въ Св. Синодѣ и утвержденіи Государемъ Императоромъ поставлено на первое мѣсто, тогда какъ до этого времени съ 1725 года эти части находились въ чинѣ какъ разъ въ обратномъ положеніи. Уничтожено было и замѣчаніе, стоявшее непосредственно послѣ „объявленія“ и отвѣта на него со стороны избраннаго: „*сдають архіереи и посаждаютъ посредь и избраннаго, пѣвцы же поють многолѣтіе*“. Далѣе подверглись въ чинѣ исключенію кромѣ того и слѣдующія замѣчанія: 1) „*Вѣдомо же, яко таковое нареченіе бываетъ прежде литургіи*“; 2) „Въ навечеріи же того дне (т. е. хиротоніи) уставленіи на сіе уготовляютъ сице: вшедше внутрь церкви, прямо амвона устроятъ оеатръ на сіе уготовленный, и покрывають ѱ сукнами, и поставляются на немъ каеэдры присутствующихъ архіереевъ“; 3) „Буди же вѣдомо о мѣстѣхъ архіерейскаго поставленія, колицѣми степенми коемуждо бываетъ оеатръ содѣловаемъ: митрополитомъ по 8 степеней, архіепископомъ по 6 степеней, епископомъ по 4 степеней“; 4) „Сей исповѣди и обѣщанію взиматися у рукополагаемаго написанной за рукою“; 5) „По семъ (послѣ произнесенія исповѣданія и обѣщаній) архіереи поздравляютъ Его Императорское Величество“ и 6) „налагаетъ хиротонисуемому омофорій, глаголя: Аксіось. Подобно и клиръ тожде. Аще же престоль рукополагаемаго имѣеть, налагаютъ на него прежде саквосъ и прочія одежды“.

Исправленный митрополитомъ Филаретомъ „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ въ указанномъ выше составѣ продержался въ нашей церковной практикѣ до 1901 года, когда рѣшено было подвергнуть его снова пересмотру и исправленіямъ по мотивамъ, обстоятельнымъ образомъ изложеннымъ въ указѣ Св. Синода по поводу изданія въ свѣтъ этого чина въ 1901 году. Указъ этотъ Св. Синода ¹⁾ за № 556 гласитъ слѣдующее: „1901 года февраля 7 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе объ исправленіи „Чина исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ и *объ отнынѣ* „формы присяги“, приносимой преосвященными архіереями, при вызовѣ ихъ въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія. Приказали: по бывшемъ разсужденіи, Святѣйшій Синодъ находитъ, что употребляемый нынѣ въ православной русской церкви, при хиротоніи епископа, „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“, *оставаясь по своему существенному содержанию всегда неизмѣннымъ*, неоднократно подвергался въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ различнымъ исправленіямъ и дополненіямъ, обусловливаемымъ обстоятельствами даннаго времени. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что *нѣкоторыя обѣщанія, произносимыя архіереемъ предъ рукоположеніемъ, утратили нынѣ свое значеніе, по минованіи обстоятельствъ церковной и государственной жизни*, побудившихъ церковную и правительственную власть внести въ свое время въ названный „чинъ“ эти обѣщанія, и что *произносимое рукополагаемымъ архіереемъ исповѣданіе впрѣи излагается въ упомянутомъ „чинѣ“ по мѣстамъ съ такою подробностію, что встрѣчается из-*

¹⁾ Настоящій указъ Св. Синода былъ сообщенъ въ копіи профессору Казанской духовной Академіи *И. С. Бердникову* Его Высокопреосвященствомъ митрополитомъ петербургскимъ *Антоніемъ*. Мы лично получили этотъ указъ отъ глубоководнаго профессора и печатаемъ его съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, выражая глубокую признательность и высокопреосвященному митрополиту петербургскому Антонію и весьма обязательному профессору *И. С. Бердникову*.

мшнее повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей, Святѣйшій Синодъ призналъ нужнымъ исправить означенный „чинъ“ примѣнительно къ условіямъ прохожденія архипастырскаго служенія въ настоящее время. вмѣстѣ съ симъ, обращая вниманіе на то обстоятельство, что „форма присяги“, произносимой преосвященными архіереями, при вызовѣ ихъ въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія, составленная еще въ царствованіе императора Петра Перваго, нынѣ также является не соответствующею современнымъ условіямъ жизни, и что въ Правительствующемъ Сенатѣ къ таковой присягѣ вновь назначаемые сенаторы не приводятся, Святѣйшій Синодъ не усматриваетъ надобности приводить къ присягѣ и преосвященныхъ архіереевъ, вызываемыхъ въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія. По изложеннымъ соображеніямъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: прилагаемый при семъ въ исправленномъ видѣ „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ ¹⁾ утвердить и ввести въ церковное употребленіе, „форму же присяги“, произносимой преосвященными архіереями, при вызовѣ ихъ въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія, отмѣнить, но предварительно предоставить г. синодальному оберъ-прокурору довести о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Для исполненія настоящей протоколъ передать, на время надобности, въ канцелярію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода“.

Приведенное опредѣленіе Св. Синода къ исполненію пропущено было 20 февраля 1901 года, а въ 23 день того же мѣсяца, по всеподданнѣйшему докладу оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, опредѣленіе это Высочайше утверждено.

Какія же исправленія въ „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ были сдѣланы Св. Синодомъ въ 1901 году

¹⁾ Исправленія въ Св. Синодѣ сдѣланы по „Чину исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ изданія петербургской синодальной типографіи 1890 года. Экземпляры этихъ чиновъ прежняго и новаго изданій, присланные въ даръ митрополитомъ с.-петербургскимъ Антоніемъ, вмѣстѣ съ коніею указа Св. Синода 1901 года, имѣются въ бібліотекѣ Казан. дух. Акад. подъ знакомъ 147¹⁰/₁₈.

„примѣнительно къ условіямъ прохожденія архипастырскаго служенія въ настоящее время“?

Второй символъ вѣры, заключающій въ себѣ, по словамъ митрополита Филарета, „обстоятельное изложеніе догмата о Пресвятой Троицѣ“ и признанный имъ „важнымъ по содержанію своему“, а Св. Синодомъ въ 1856 году „заслуживающимъ полнаго уваженія, какъ полезный и необходимый“, постановленіемъ Св. Синода отъ 7 февраля 1901 года совершенно удаленъ изъ „чина“, какъ представляющій „излишнее повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей“. На мѣсто второго символа поставленъ третій символъ греческаго чина, занимавшій это мѣсто въ нашемъ чинѣ съ 1725 года по 1856 годъ. Что же касается вопроса, заимствованнаго м. Филаретомъ изъ греческаго оригинала, отвѣтомъ на который въ чинѣ съ 1856 года служилъ нынѣ исключенный второй символъ, то онъ не только сохраненъ въ цѣломъ видѣ, безъ всякихъ сокращеній, но даже еще получилъ прибавку изъ третьяго вопроса и читается нынѣ въ такомъ видѣ: „Яви намъ еще пространнѣе, како исповѣдуеши о свойствахъ тріехъ ипостасей непостижимаго Божества ¹⁾, и яже о вочеловѣченіи ипостаснаго Сына и Слова Божія“?

Не остался безъ сокращеній и третій, по греческому чину, символъ, занимающій нынѣ у насъ второе мѣсто. Въ концѣ этого символа опущены слѣдующія слова: „Анаѳематствую Арія и съ нимъ единомысленныя и общники его неистоваго зломыслия: Македоніи и съ нимъ право наименованныя духоборцы, такожде и Несторія и прочыя ересеначальники, и симъ единомысленныя отвергаю и анаѳематствую: и ясно возглашаю всяцѣмъ еретикомъ анаѳема: еретикомъ анаѳема“.

Изъ „объщаній“ исключены, какъ „утратившіе свое значеніе, по миновеніи обстоятельствъ церковной и государственной жизни“, пункты о немедленномъ „безъ всякаго из-

¹⁾ Подчеркнутыя слова въ греческомъ чинѣ и въ нашемъ съ 1856 г. по 1901 г. относятся ко второму символу.

вѣста и слова“, отправленіи епископа по вызову, для присутствованія въ Св. Синодѣ, о „непріиманіи странныхъ обычаевъ въ церковныхъ преданіихъ и чинѣхъ“, о не поставленіи на одной литургіи двухъ священниковъ и двухъ діаконовъ, относительно догматическаго ученія о пресуществленіи св. Даровъ во время словъ: „И сотвори убо Хлѣбъ сей честное Тѣло Христа Твоего“, форма архіерейской присяги и относительно того, чтобы никого не проклинать „по страстной воли“ и „ради ссоръ“, „безъ крайнія нужды и тяжкія вины“ (см. § 21, стр. 163—164, прим. 4).

Изъ семи пунктовъ, сочиненныхъ отчасти арх. Теофаномъ Прокоповичемъ, а отчасти и лично самимъ Петромъ Великимъ, для архіереевъ астраханскаго и вологодскаго въ 1716 году, совершенно исключены пять, и только два пункта: первый и пятый сохранены въ нынѣшнемъ обѣщаніи, но съ значительными сокращеніями въ текстѣ и съ перестановкою ихъ мѣстъ (см. § 21, стр. 164; § 23, стр. 194—195, прим.). Сокращеніямъ подвергся и весьма значительнымъ нынѣшній пятый пунктъ относительно того, что поставленіе во епископа происходитъ „не злата или сребра обѣщаніемъ или даяніемъ“ (см. § 21, стр. 162, прим. 3).

Такъ какъ Св. Синодъ „форму присяги, произносимой преосвященными архіереями, при вызовѣ ихъ въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія“ *отмѣнилъ*, то, само собою понятно, должны были вынасть изъ „чина“ и тѣ шесть пунктовъ настоящаго обѣщанія, которые были заимствованы изъ этой присяги (см. § 23, стр. 196—198, прим.). Въ нынѣшнемъ „Чинѣ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ изъ прежней присяги удержаны въ предпоследнемъ пунктѣ только слѣдующія слова: „Буди ми Сердцевѣдецъ Богъ обѣщанія моего“.

Вѣрноподданническая присяга для епископовъ въ нынѣшнемъ чинѣ изложена такъ: „Еще же, по заповѣди Господней: *воздадите кесарева кесареви и Божія Богови*, обѣщаваюся быти вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ подданнымъ Его Им-

ператорскаго Величества, всемилостивѣйшаго великаго Государя Императора Николая Александровича, самодержца все-россійскаго, и Его Императорскаго Высочества, всероссійскаго престола наслѣдника, государя великаго князя Михаила Александровича“.

Все пункты нынѣшняго „архіерейскаго обѣщанія“ составляютъ отвѣтъ на третій вопросъ, который читается такъ: „Яви намъ и еще, како содержиши каноны святыхъ апостоль и святыхъ отецъ, и преданія и установленія церковная“?

Новыхъ исправленій въ самомъ чинѣ архіерейской хиротоніи въ это время не было.

Проф. *А. Дмитріевскій.*

Русское духовенство въ Галиціи ¹⁾.

Совершенство хиротоніи священнической въ галицко-русской греко-католической Церкви представляетъ одну существенно-важную особенность, обычную, впрочемъ, въ униатской Церкви. Архіерей рукополагаетъ во пресвитера одновременно и на одной и той же литургіи нѣсколько человѣкъ, до 15—20. Въ декабрѣ 1901 г. намъ пришлось присутствовать при рукоположеніи митрополитомъ Шептицкимъ въ Св.-Юрской (св.-Георгіевской) каѳедральной церкви во Львовѣ нѣсколькихъ ставленниковъ Львовской и Станиславовской енархій. Благодаря множеству ставленниковъ и неизбѣжной при этомъ сумятицѣ, чинъ хиротоніи произвелъ на насъ крайне неблагоприятное впечатлѣніе. Невольно при этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мысль наша перенеслась на родину, припомнился нашъ величественный, торжественный и глубоко трогательный чинъ пресвитерской хиротоніи, и сердце болѣзненно сжалось при видѣ того, какъ человѣческое легкомысліе, страсти и политика испортили нынѣшнее униатское богослуженіе.

¹⁾ См. № 45 за 1902 г.

Цстати скажемъ здѣсь объ этомъ богослуженіи. Во время болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ Галиціи намъ приходилось присутствовать при совершеніи уніатскаго богослуженія въ разныхъ храмахъ. Мы были въ уніатскихъ храмахъ при совершеніи богослуженія въ различное время: и въ простые дни, и въ воскресные дни и, наконецъ, въ большіе праздники. Присутствуя при богослуженіи, мы старались забыть, что находимся въ уніатскихъ храмахъ, заглушить въ себѣ всякую попытку критическаго, а тѣмъ болѣе пристрастнаго отношенія къ уніатскому богослуженію, которое мы къ тому же видѣли въ первый разъ въ жизни. Но всегда и вездѣ получалось одинаково неблагопріятное впечатлѣніе. Да, нисколько не впадая въ преувеличеніе, а тѣмъ болѣе въ сознательное осужденіе не-своего, мы должны сказать, что уніатское богослуженіе—неторжественное, невеличественное, немогущее возбуждать молитвеннаго благоговѣйнаго настроенія. Отчасти, быть можетъ, это происходитъ и отъ того, что въ галицко-русской уніатской церкви почти совершенно отсутствуютъ діаконы. Священникъ самъ одинъ совершаетъ всю службу, напр., литургію, утреню, вечерню и др. Произносимыя имъ въ алтарѣ эктепін, призывающія вѣрныхъ къ общей, мирной, усердной молитвѣ, бывають едва слышны въ храмѣ.

Тому же самому, т. е. неблагопріятному впечатлѣнію уніатскаго богослуженія, несомнѣнно, содѣйствуетъ также и общая манера греко-католическихъ священниковъ произносить молитвы и возгласы слышно, невнятно, то очень крикливо, то совершенно тихо, какъ бы для самого себя. Тоже самое должно сказать и о чтеніи Евангелія въ уніатскихъ храмахъ: весьма неблагоговѣнное, нецерковное чтеніе.

Но что въ особенности портитъ впечатлѣніе, какое производитъ богослуженіе на молящагося въ уніатскомъ храмѣ,—это, безъ сомнѣнія, пѣніе. Пѣніе, употребляющееся въ галицко-русскихъ уніатскихъ храмахъ, крайне неблагообразное: крикливое, перовное, безпокойное, способное скорѣе разстроить душу молящагося, нежели успокоить и умиротворить ее. Мы

присутствовали при богослуженіи въ самыхъ главныхъ церквахъ Львова: Св.-Юрской и Успенской, гдѣ поютъ лучшіе хоры; очень часто бывали мы въ семинарской церкви; во всѣхъ этихъ церквахъ поютъ самыя лучшія хоры, особенно въ семинарской. И вездѣ мы получали одно и то же впечатлѣніе, именно то, что уніатское пѣніе—неблагообразное, необработанное, рѣзкое и грубое, неспособное, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь находится, трогать, умилять, восторгать душу молящагося русскаго христіанина.

Болѣе благоприятное впечатлѣніе производило на насъ общее хоровое пѣніе, въ которомъ участвовали всѣ присутствовавшіе при богослуженіи. Крикливость и рѣзкость здѣсь значительно умѣрялась и сглаживалась общимъ воодушевленіемъ и могучестью звуковъ. Чувствовалось, что здѣсь хотя пѣли и неправильно, нестройно, но могучіе звуки выливались, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ, прямо изъ глубины души, или изъ самаго сердца. Какое, дѣйствительно, важное значеніе имѣеть общенародное хоровое пѣніе! Какъ оно возбуждаетъ духъ молящихся, трогаетъ, умиляетъ и возвышаетъ христіанскую душу! Видно, что галицко-русское духовенство не обращаетъ никакого вниманія на обработку, улучшеніе и вообще организацію общенароднаго пѣнія при богослуженіи. А между тѣмъ какъ это важно! Если даже въ своемъ первобытномъ, неотдѣланномъ видѣ общенародное пѣніе производитъ такое сильное и доброе впечатлѣніе, то что же случилось бы въ томъ случаѣ, если бы его организовать какъ слѣдуетъ! Намъ кажется, что общенародное пѣніе должно составлять необходимую принадлежность каждаго приходскаго храма. Въ общенародномъ пѣніи конкретно выражается, осязательно чувствуется соборность Христовой Церкви, какъ Тѣла Христова, когда каждый молящійся дѣятельно, активно участвуетъ въ общей, соборной молитвѣ къ Богу, Творцу и Промыслителю вселенной, Спасителю всего міра человѣческаго. Ничѣмъ такъ реально не выражается эта идея, какъ именно общенароднымъ пѣніемъ. А галицко-русскому духовенству

это было бы удобнѣе всего сдѣлать, такъ какъ галицко-русскій народъ, видимо, любитъ пѣніе вообще и, въ частности, церковное пѣніе.

Должно замѣтить, что церковное пѣніе, употребляющееся теперь въ галицко-русскихъ храмахъ, совершенно не удовлетворяетъ и самихъ галичанъ. Не можемъ здѣсь не привести слѣдующаго отзыва одного изъ галичанъ, отзыва, который, съ одной стороны, заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ мыслей о значеніи общенароднаго церковнаго пѣнія, а съ другой стороны, вполне подтверждаетъ наши вышеизложенныя наблюденія, тѣмъ самымъ освобождая насъ отъ возможнаго упрека въ пристрастномъ отношеніи къ униатскому церковному пѣнію.

„Съ давнихъ временъ“, говорится здѣсь, „пѣніе причислялось къ существеннымъ частямъ богослуженія. Въ Ветхомъ Завѣтѣ царь Давидъ подъ аккомпаниментъ гуслей величалъ Господа самыми пѣжными напѣвами, и пѣніе было однимъ изъ способовъ его богопочитанія въ теченіе всей его жизни, какъ онъ самъ говоритъ о томъ въ своемъ чудномъ 103-мъ псалмѣ: *„воспою Господеви въ животъ мой, пою Богу моему, дождеже есмь* (ст. 34). Въ Новомъ Завѣтѣ Самъ Христосъ благоволилъ употреблять пѣніе, какъ выраженіе молитвеннаго настроенія, ибо читаемъ въ Евангеліи отъ Матѳея гл. 26 ст. 30, что Онъ, по тайной вечери, со Своими учениками, *„востъвише, изыдоша на гору Елеонскую“*. Также у первыхъ христіанъ пѣніе занимало большую часть времени при священнодѣйствіяхъ. Богослуженіе и нашъ великолѣпный (?) обрядъ прямо невысказаны безъ пѣнія. Русскій народъ отъ самой природы „спѣволюбивъ“, и пѣніе является неразлучнымъ спутникомъ его во всѣ минуты жизни его, особенно же при богослуженіи. Соотвѣтственно нашему плѣнительному (?) обряду съ теченіемъ времени образовались простыя, но воодушевляющіе, благоговѣйныя церковныя напѣвы, которые умирительно дѣйствуютъ на душу и сердце вѣрующихъ. Эти напѣвы, особенно „*киевскіе*“, освящены вѣками и, хотя начало

ихъ относится къ минувшимъ столѣтїямъ, но и теперь они не потеряли своей прелести и свѣжести. Но *tempora mutantur et nos mutamur in illis*. Прогрессъ челоѣчества наложилъ свою печать и на церковное пѣніе, которое постепенно было преобразовано. Мѣсто природнаго, естественнаго, свободнаго и непринужденнаго пѣнія заняло пѣніе искусственное, хоральное. На церковно-пѣвческомъ полѣ являются выдающіеся композиторы съ недостигаемымъ и неподражаемымъ Димитріемъ Бортнянскимъ во главѣ, которые составленіемъ оригинальныхъ церковныхъ концертовъ оказали церковному пѣнію громадныя услуги. Древній народный русскій институтъ „Ставропигійская бурса“, а въ послѣднее время и бурса „Народнаго Дома“ ввели у себя хоральное пѣніе, которому правильно обучаются воспитанники. Въ львовскихъ церквахъ св. Георгія, Успенской, въ духовной семинаріи, въ кафедральномъ храмѣ св. Іоанна Предтечи въ Черемышлѣ теперь неслышно по воскреснымъ днямъ и праздникамъ древнихъ прекрасныхъ напѣвовъ, мѣсто которыхъ заняли искусственныя произведенія, исполняемыя съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ. По примѣру городовъ пошли теперь городки и селенія. Не пужно, однако, быть особеннымъ знатотомъ музыки, чтобы о новомодныхъ произведеніяхъ во время литургіи, особенно по селамъ, высказаться совершенно отрицательно. Какъ бывшій воспитанникъ Ставропигійской бурсы, участвовавшій въ бурсацкомъ хорѣ 8 лѣтъ, я могу смѣло утверждать, что села ко введенію нотнаго пѣнія еще неподготовлены надлежащимъ образомъ. Хоральныя произведенія, хотя бы то самыя знаменитыя, требуютъ безупречнаго исполненія. Но возможно ли это на селѣ, гдѣ управитель хора, дьякъ, имѣетъ едва элементарныя понятія о нотной системѣ и гдѣ участники хора берутъ все только „на ухо“? Теперь у насъ водится обыкновенно такъ, что какъ только гдѣ нибудь получить мѣсто дьякъ, кончившій съ достаточнымъ успѣхомъ дьяковскій курсъ въ Черемышлѣ, сейчасъ вводитъ нотное пѣніе, хотя бы даже онъ понималъ столько же въ дѣлѣ управления хоромъ,

сколько слѣпой въ краскахъ и живописи. Не удивительно, поэтому, если такое хоральное пѣніе можетъ только выводиться изъ терпѣнія. Мнѣ случилось разъ присутствовать въ одномъ селѣ на храмовомъ праздникѣ. Когда на литургіи хоръ началъ пѣть: „Отче нашъ“ по нотамъ, то пѣлъ такъ мастерски, что вся церковь хохотала, а священнодѣйствующій долженъ былъ громогласнымъ возгласомъ прекратить ошеломляющій вой. Извѣстно также, что церковныя произведенія новѣйшихъ композиторовъ содержатъ въ себѣ много несходнаго съ духомъ нашего обряда, ибо авторы ихъ, втро-ятно, руководились тѣмъ соображеніемъ, что ихъ композиціи будутъ исполняться исключительно по городскимъ церквамъ, куда въ воскресные дни и праздники спѣшаютъ нѣкоторые изъ интеллигенціи больше ради развлечения пѣніемъ, нежели привлекаемые истинною набожностію. Нашъ русскій крестьянскій народъ, который съ радостію и охотно спѣшитъ въ церковь, чтобы тамъ проліяти моленіе свое и печаль свою предъ Богомъ возвѣстити, негодуетъ за то, что онъ во время литургіи не можетъ принимать живого участія въ богослуженіи и пѣть вмѣстѣ съ дьякомъ: „Господи помилуй“, ибо пѣніе по нотамъ устраняетъ всякое постороннее участіе въ пѣніи. Для того, чтобы хоральное пѣніе понравилось слушателямъ, отъ нихъ требуется извѣстное развитіе вкуса, котораго напрасно будемъ искать у простолюдина. Когда я однажды спросилъ почтеннаго крестьянина, понравилось ли ему нотное пѣніе, слышанное имъ на „отпустѣ“ (т. е. престольномъ праздникѣ), то онъ отвѣтилъ чистосердечно, что новое пѣніе похоже на „коломыйки“, для которыхъ мѣсто въ театрѣ, а не въ церкви. Того же мнѣнія, безъ сомнѣнія, и всѣ крестьяне, въ селеніяхъ которыхъ „хоръ“ обезобразиваетъ прекрасное церковное пѣніе до смѣшного и неузнаваемаго и потому они такъ неохотно, только подъ сильнымъ давленіемъ священника, вводятъ у себя нотное пѣніе. Гдѣ существуетъ организованный хоръ, тамъ онъ долженъ только въ большіе праздники исполнять и притомъ только такія композиціи, ко-

торыя, дѣйствительно, умиляютъ и возвышаютъ душу молящагося къ горнему, а не содѣйствуютъ смѣху и разсѣянности. *Въ воскресные же дни должны употребляться обыкновенныя псалты, въ которыхъ можеть участвовать весь народъ, ибо въ случаѣ, если бы нотное пѣніе было введено всюду, то слова священника, произносимыя на литургіи: „и даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великоименное имя Твое“ потеряють всякое значеніе и всякій смыслъ“...*

Едва ли нужно прибавлять что-либо къ этимъ прекраснымъ и совершенно вѣрнымъ разсужденіямъ о важности общенароднаго пѣнія въ храмахъ при богослуженіи и о неумѣстности здѣсь, особенно въ сельскихъ храмахъ, новаго искусственнаго пѣнія по нотамъ.

Въ галицко-русскихъ униатскихъ храмахъ, по примѣру католической церкви, существуетъ обыкновеніе совершать т. н. тихія обѣдни, а равно и другія службы, даже нѣкоторыя требы: такъ, напр., въ ноябрѣ 1901 г. намъ пришлось въ Св.-Юрской кафедральной церкви во Львовѣ присутствовать при совершеніи тихаго бракосочетанія. Совершеніе тихихъ службъ, въ особенности тихихъ обѣдней въ галицко-русскихъ греко-католическихъ церквахъ производило на насъ всегда самое неблагоприятное впечатлѣніе. Особенно непріятно поражаетъ при этомъ полнѣйшее разъединеніе между священнослужащимъ и вѣрующими, съ одной стороны, и между самими вѣрующими, съ другой стороны. Такое разъединеніе мыслимо еще въ римско-католическихъ костелахъ, вообще въ римско-католической церкви, гдѣ іерархія стремится отгородить себя отъ мірянъ „китайскою“ стѣною; но оно невысказано, поражаетъ ужасной неестественностію въ русскихъ униатскихъ храмахъ.

Всегда, когда мы присутствовали въ галицко-русскихъ униатскихъ храмахъ при совершеніи тихихъ обѣдней, намъ невольно вспоминались прекрасныя, идеально мѣтко и вѣрно характеризующія особенность нашего православно-русскаго

богослуженія, слѣдующія слова автора „Московского Сборника“: „Православная Церковь красна народомъ. Какъ войдешь въ нее, такъ почувствуешь, что въ ней все едино, все народомъ осмыслено и народомъ держится. *Войдите въ католическій храмъ: какъ въ немъ все кажется пусто, холодно, искусственно православному собранію. Священникъ служитъ и читаетъ самъ по себѣ, какъ бы поверхъ народа и отлученный отъ народа. Онъ самъ по себѣ молится по своей книжкѣ; народъ молится по своимъ, приходитъ и уходитъ, совершивъ свои моленія и дождавшись того или другого церковнаго дѣйствія. На алтарь совершается священнодѣйствіе; народъ лишь присутствуетъ при немъ, но какъ будто не содѣйствуетъ ему общемою молитвою.* Обрядъ не говоритъ нашему чувству, и мы чувствуемъ, что красота, какая можетъ быть въ немъ, не наша красота, а чужая. Всѣ движенія обряда, механически расположенныя, кажутся намъ странными, холодными, невыразительными; очертанія, образы, одежды—не благообразными, звуки церковнаго речитатива—не стройными и бездушными; пѣніе на чужомъ языкѣ, въ которомъ не распознаешь словъ,—не гимномъ народнаго собранія, не воплемъ, льющимся изъ души, но концертомъ, искусственно устроеннымъ, который покрываетъ собою богослуженіе, но не сливается съ нимъ. Душа наша тоскуетъ здѣсь по своей церкви, какъ тоскуетъ между чужими по родинѣ. То ли дѣло у насъ: вотъ красота неописанная, красота, понятная русскому человѣку, красота, за которую онъ душу готовъ положить, такъ онъ ее любитъ. Русское церковное пѣніе, какъ народная пѣснь, льется широкою, вольной струею изъ народной груди, и чѣмъ оно вольнѣе, тѣмъ полнѣе говоритъ сердцу. Напѣвы у насъ одинаковые съ греками, но русскій народъ иначе поетъ ихъ, потому что положилъ въ нихъ свою русскую душу. Кто хочетъ послушать, какъ эта душа сказывается, тому надобно идти не туда, гдѣ орудуютъ голосами знаменитые хоры и капеллы, гдѣ исполняется музыка новыхъ композиторовъ и справляется обиходъ по новымъ оффиціальнымъ переложені-

ямъ. Ему надо слушать пѣніе въ благоустроенномъ монастырѣ, или въ одной изъ тѣхъ приходскихъ церквей, гдѣ сложилось добрымъ порядкомъ хоровое пѣніе; тамъ услышитъ онъ, какимъ широкимъ, вольнымъ потокомъ выливается праздничный ирмосъ изъ русской груди, какую торжественною поэмой выпѣвается догматикъ, слагается стихира съ канонархомъ, какимъ одушевленіемъ радости проникнуть канонъ Пасхи или Рождества Христова... Богослуженіе стройное, истовое—дѣйствительно праздникъ русскому человѣку и въ церкви душа хранить глубокое ощущеніе, которое отражается въ ней, даже при воспоминаніи о томъ или другомъ моментѣ“...

Рѣшительно нельзя сказать этого о галицко-русскомъ униатскомъ богослуженіи и особенно о т. н. тихомъ богослуженіи, безъ пѣнія и даже чтенія молитвъ вслухъ. И зачѣмъ и для кого назначено такое богослуженіе? Вопросъ этотъ весьма часто возникалъ самъ собою въ нашей головѣ, когда намъ приходилось присутствовать въ униатскихъ храмахъ при совершеніи этого богослуженія. Положимъ, вначалѣ тихія обѣдни были введены въ униатской церкви, вопреки желанію народа и даже духовенства (особенно низшаго), по видамъ политическимъ, чтобы унию возможно болѣе сблизить съ католичествомъ. Съ теченіемъ времени русскій народъ привыкъ и сжился съ такимъ богослуженіемъ, какъ можетъ человѣкъ сжиться со всѣмъ. Но какой же смыслъ въ тихомъ богослуженіи? Что испытываютъ сами униаты, присутствуя при совершеніи этого богослуженія? Какая польза народу отъ присутствія при тихомъ чтеніи молитвъ и пѣснопѣній, которыхъ не слышишь и которыхъ часто не знаешь? Какъ относится къ этому само галицко-русское духовенство?

Всѣ эти вопросы были предложены нами одному галицко-русскому священнику во Львовѣ, человѣку весьма умному, искреннему, несочувствующему происходящему теперь въ Галиціи окатоличенію униатской церкви, трезво смотрящему и на самую унию. Для характеристики убѣжденій его въ этомъ послѣднемъ отношеніи достаточно будетъ замѣтить, что во

время приготовлений къ возможно болѣе торжественному празднованію трехсотлѣтняго юбилея Брестской униі (въ 1896 г.) онъ открыто заявилъ, что галичанамъ рѣшительно не слѣдуетъ праздновать сего юбилея, такъ какъ униія причинила много великаго зла галицко-русскому народу. И вотъ отъ этого священника, искренне убѣжденнаго патріота, мы ждали отвѣта на вопросы о смыслѣ и значеніи т. н. тихаго богослуженія, принятаго въ галицко-русской униатской церкви. Онъ старался оправдать употребленіе тихой обѣдни чисто практическими соображеніями, тѣмъ, чтобы дать возможность и священнику совершать въ одинъ день двѣ обѣдни (что такъ же практикуется въ галицко-русской униатской церкви, по примѣру римско-католической церкви) и народу, особенно людямъ, занятымъ службою и не располагающимъ свободнымъ временемъ, дать возможность прослушать краткую обѣдню. „Идетъ“,—говорилъ онъ,—„кухарка съ базара, купивъ провизіи; у нея нѣтъ столько свободнаго времени, чтобы прослушать „спѣваную обѣдню“, тогда она заходитъ въ церковь и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ прослушаетъ всю тихую обѣдню и уходитъ“... Но неискренность и неубѣжденность слышались въ такихъ объясненіяхъ нашего почтеннаго собесѣдника..

И, дѣйствительно, неужели только ради того, чтобы дать возможность людямъ малосвободнымъ, занятымъ службою или своими сѣшными дѣлами, *простоять совершенно безсознательно и механически въ церкви*, ничего не слыша, не зная, что дѣлается,—неужели только для этого потребовалось такое искаженіе торжественной и величественной службы, какъ Божественная литургія? Вѣдь, помолиться Богу въ храмѣ всякій можетъ и въ то время, когда тамъ не совершается богослуженія? Къ тому же мы указали своему собесѣднику факты, прямо противорѣчащіе его домыслу. Намъ приходилось неоднократно присутствовать при совершеніи „тихой обѣдни“ въ Св.-Духовской семинарской церкви, которая совершалась спеціально для русскихъ воспитанниковъ гимназій. Неужели и

эти молодые люди не располагают свободнымъ временемъ, какими-нибудь $1\frac{1}{2}$ часами для того, чтобы прослушать и помолиться въ храмѣ за литургіей? Неужели и здѣсь нужно сокращать время совершенія обѣдни до $\frac{1}{4}$ часа? Еще менѣе правдоподобнымъ и хоть сколько-нибудь основательнымъ можетъ быть признано такое объясненіе въ отношеніи къ частнымъ тремамъ, напр., крещенію, браку и т. п.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

Изъ письма въ редакцію.

Въ жизни каждаго изъ насъ, — духовныхъ лицъ, — бываетъ много явленій, поучительныхъ для всего духовенства. Какъ хорошо было бы, если мы — собратья духовные — дѣлились такими поучительными впечатлѣніями и, конечно, прежде всего въ органѣ, спеціально назначенномъ для нашего руководства. Мы разумѣемъ журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“!

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что духовенство, особенно сельское, мало и очень рѣдко дѣлится своими впечатлѣніями. Духовенство мало сообщаетъ свѣдѣній въ журналы и газеты о своей дѣятельности, о своихъ злобахъ дня и проч. Лица духовнаго званія мало пишутъ для печати.

Конечно, много есть причинъ уважительныхъ, почему наше духовенство не занимается составленіемъ статей для печати. Хожденія по приходу, занятія по хозяйству, однимъ словомъ житейскія дѣла, отвлекаютъ насъ отъ писательства. Но нужно сказать правду, что многія духовныя лица не занимаются писательствомъ не потому, что они не могутъ и что имъ некогда, а потому, что они не обратили вниманія на эту сторону жизни, что они никогда не пробовали писать.

Лично приходилось говорить многимъ собратьямъ изъ священниковъ, которые могли бы писать и съ успѣхомъ, чтобы они занялись литературнымъ трудомъ. Тѣ отвѣчаютъ: куда намъ? и т. п.

Были и такіе случаи, что нѣкоторые брались за перо и писали. А разъ что либо изъ трудовъ ихъ было напечатано, то и послѣ такія лица занимались писательствомъ. Конечно, не всякій изъ насъ имѣетъ талантъ или особенное призваніе къ литературнымъ занятіямъ, но всякій изъ насъ можетъ же описать разные случаи изъ своей пастырской жизни. А такихъ случаевъ у насъ очень много.

Грустно было читать письмо Рачинскаго (см. Церковныя Вѣд. 1902 г. № 39), гдѣ онъ говоритъ о косности духовенства, что духовенство еще не проснулось... Миѣ кажется, если бы мы больше писали и особенно въ такіе журналы, какъ Епархіальныя Вѣдомости или Рук. для Сельскихъ Пастырей, это послужило бы къ нашему всеобщему пробужденію; тогда бы насъ не упрекали такія уважаемыя лица, какъ С. А. Рачинскій и другія. Не безъ причины они это дѣлають.

Прежде всего литературныя занятія представляютъ величайшее наслажденіе во время самаго процесса ихъ. Человѣкъ въ то время отрѣшается отъ всего земного, забываетъ про все житейское и весь отдается умственному труду. То, что бываетъ съ нами въ моментъ молитвеннаго настроенія, намъ очень пріятно, чувствуется тогда особенное наслажденіе. Подобное наслажденіе испытывается и во время литературной работы. Во всякомъ случаѣ это наслажденіе пріятнѣе и полезнѣе тѣхъ наслажденій, которыя испытываются (грѣшнымъ дѣломъ) отъ картъ, винъ и т. п.

Литературный трудъ можетъ предохранить cadaго отъ нежелательнаго времяпровожденія. Тотъ же трудъ не дастъ человѣку погрузиться совершенно въ матеріализмъ. Умственныя занятія заставятъ невольно человѣка читать, думать, слѣдить за тѣмъ, что пишется въ журналахъ, газетахъ, дѣлать выписки и т. п. А какъ это важно для насъ, живущихъ въ

селѣ, вдали отъ центровъ цивилизаціи и просвѣщенія, среди людей непросвѣщенныхъ, темныхъ, вліянію которыхъ такъ легко можно и себѣ поддаться...

Конечно, чтеніе книгъ можетъ спасти насъ, не дать стать въ уровень съ окружающею средою, но этого одного мало. Умственная работа,—мы разумѣемъ писательство по силамъ,—можетъ сослужить намъ великую пользу въ этомъ дѣлѣ, не давъ намъ погрязнуть въ житейскомъ омутѣ.

Мы не будемъ говорить о томъ, что умственные занятія могутъ послужить и нашему развитію, что они помогутъ намъ въ прямомъ нашемъ дѣлѣ, т. е. въ проповѣданіи Слова Божія, въ руководствѣ своихъ прихожанъ и т. п. Понятно, что всякій, кто привыкъ заниматься литературнымъ трудомъ, скорѣе, успѣшнѣе составитъ поученіе, легче поведетъ устную бесѣду и т. п.

Если бы всѣ мы, или хоть большинство, взяли за перо и писали бы для печати, то сколько бы обнаружилось тогда талантовъ, которые теперь туне остаются. Вѣдь всѣ мы писали сочиненія въ семинаріи и многіе писали хорошо, а иные и прекрасно, отчего же теперь, ставши священниками, мы не пишемъ? Если мы теперь не имѣемъ столько теоретическихъ знаній, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ имѣли, то за то мы больше имѣемъ практическихъ свѣдѣній—знаній, вотъ ими то мы и должны дѣлиться другъ съ другомъ.

А многіе изъ насъ не только не уменьшили теоретическихъ знаній въ жизни, но еще и поприбавили, т. е. много читали, иные вращались съ такими людьми, отъ которыхъ много узнали. Есть же въ чинныхъ селахъ интеллигентные помѣщики, учителя, врачи, земскіе начальники и т. п., а также и свои собраты—духовныя лица.

Кромѣ того преподаваніе Закона Божія и вообще занятія въ школахъ, завѣдываніе школами даетъ много знаній, потому что, уча другихъ, мы сами научаемся.

Однимъ словомъ, всѣ мы писать можемъ и у всѣхъ насъ найдется матеріалъ, была бы охота къ тому. Чтобы

возбудить охоту къ писательству и пишутся эти строки, для общаго нашего блага, для блага Церкви и всего народа.

Не будемъ же зарывать таланты, данныя намъ Богомъ, а по мѣрѣ силъ будемъ умножать ихъ, чтобы на Страшномъ Судѣ Христовомъ получить одобреніе, а не порицаніе. Многіе священники пишутъ поученія, но мало ихъ печатаютъ.

Въ духовныхъ журналахъ и въ отдѣльныхъ сборникахъ большіе печатаются поученія городскихъ священниковъ, а такія поученія не всегда бываютъ подходящими для прочтенія въ селахъ предъ слушателями, мало или вовсе неразвитыми. Мы, сельскіе священники, стоимъ ближе всего къ народу, намъ, какъ говорится, и книги въ руки, но мы мало пишемъ. Если бы хоть третья часть печаталась поученій, которыя пишутся теперь сельскими священниками, и тогда бы наша проповѣдническая литература обогатилась бы много.

У насъ такіе журналы, какъ Епарх. Вѣдомости, предназначенные собственно для духовенства, большею частію наполняются статьями лицъ городскихъ жителей, статьями умными, но часто отвлеченными. Чтобы внести жизненность въ эти изданія, мы—сельское духовенство—должны принимать живѣйшее участіе въ изданіи этихъ и другихъ духовныхъ журналовъ.

Во многихъ приходахъ хорошо поставлены церковно-приходскія школы, идутъ хорошо дѣла попечительства и т. п. Отчего бы не знакомить своихъ собратьевъ, какими путями достигнуты успѣхи въ такихъ дѣлахъ на поученіе всѣмъ для руководства. Умъ хорошо, а два лучше, сто умовъ—сто головъ,—говоритъ русская пословица. Священникъ Д.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1903 ГОДУ.

Въ 1903 подписномъ году и 44 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ будетъ продолжать, при

помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ дѣлѣ.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ будутъ печатаемы не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и будутъ разрѣшаемы вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, будетъ уяснено отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываемы способы и мѣропріятія борьбы съ религиозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также будутъ даваемы посильные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всѣмъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религиозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаемы очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на пивѣ Христовой, и художественно обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ религиозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, будутъ помѣщаемы общедоступныя поученія на всѣ воскресныя, праздничныя и высокаторжественныя дни, виѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ, а также обсужденіе мнѣній свѣтской печати по церковнымъ вопросамъ.

Наконецъ, съ 1903 г. Редакція „Рус. д. с. паст.“ предполагаетъ дать своимъ подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, рядъ справочныхъ книжекъ по вопросамъ пастырской практики подъ заглавіемъ: „Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики“.

Въ наступающемъ 1903 году будетъ данъ первый выпускъ этого изданія, въ который войдутъ рѣшенія вопросовъ изъ практики богослужебной.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ *Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для пріобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библіотеки* (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ** рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1903 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ **Теодосій.**

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 декабря 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академикъ, прот. *И. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. *Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.*

ГОДЪ

XLIII.

УЧЕБНИКЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 51.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, декабря 22-го.

Содержаніе: Канунъ праздника Рождества Христова.—Миссіонерская про-
повѣдь (продолженіе).—Къ характеристикѣ современныхъ настроен-
ній.—Изъ распоряженій епархіальныхъ начальствъ.

Канунъ праздника Рождества Христова.

Великій праздникъ Рождества Христова предваряется у насъ длиннымъ рядомъ постныхъ дней, имѣющихъ цѣлью подгото-
вить вѣрующихъ къ достойной встрѣчѣ праздника, въ чи-
стотѣ душъ и тѣлесъ. Но особенно усиленныя моленія и стро-
гой постъ предписывается Церковью въ канунъ Рождества
Христова. Церковныя службы, слѣдуя одна за другою, зани-
маютъ собою почти весь этотъ послѣдній день приготовленія
къ празднику, отъ утра до поздняго вечера, и только съ
наступленіемъ послѣдняго, церковный уставъ разрѣшаетъ
подкрѣпить силы небольшимъ количествомъ горячей пищи,
сваренной съ масломъ („вареніе съ елеемъ“) и виномъ. По-
слѣ такой скудной трапезы Церковь снова приглашаетъ вѣ-
рующихъ на молитву и поддерживаетъ ихъ молитвенное на-

строение до встрѣчи самаго праздника. Великое повечеріе вмѣстѣ съ утренею образуютъ собою такое продолжительное богослуженіе, которое въ нѣкоторыхъ храмахъ затягивается до полуночи.

Такъ Церковь проводитъ канунъ Рождества Христова теперь. Но интересно знать, какъ она проводила его раньше, въ теченіе столь долгихъ вѣковъ своего существованія, и особенно въ первыя времена праздника, тогда, когда сильно и живо билось религіозное чувство христіанъ и воплощалось въ высокыхъ, по своему одушевленію, полныхъ глубокаго смысла и поэзіи, богослужебныхъ формахъ? Сохранилось ли въ нашемъ современномъ богослуженіи, и въ какой мѣрѣ, это церковное богатство, собранное въ древности великими мужами вѣры и благочестія, предъ которыми въ благоговѣніи преклоняется весь христіанскій міръ,—или все это сокровище высокыхъ мыслей, свѣтлыхъ чувствъ и чудныхъ образовъ, плодъ глубокаго религіознаго духа, погибло, и мы вмѣсто этого имѣемъ что-то другое, новое, несовершенное?

Обратимся къ древности для рѣшенія этихъ вопросовъ. Древность представляетъ намъ нѣсколько богослужебныхъ памятниковъ, по которымъ можно познакомиться съ состояніемъ богослуженія въ эпохи, очень отдаленныя отъ нашихъ дней, и посравнить то, что было раньше, съ тѣмъ, что есть теперь.

Прежде всего—о самомъ канунѣ Рождества Христова. Глубокая древность первыхъ вѣковъ до четвертаго—знала одинъ только канунъ праздника Богоявленія, но не знала кануна Рождества. Теофилъ Александрійскій (IV в.), въ первомъ канонѣ своихъ правилъ, опирался, несомнѣнно, на древнюю практику, указываетъ на канунъ Богоявленія, какъ на день строгаго поста, ослабляемаго развѣ лишь въ случаѣ совпаденія кануна съ воскреснымъ днемъ изъ уваженія къ радостному празднику воскресенія: тогда разрѣшается утромъ вкусить немного пици (нѣсколько финиковъ), а во второй разъ только послѣ „вечернаго собранія“, начинавшагося въ девятомъ, или, по нашему счету, въ третьемъ часу по по-

лудни. О канунъ Рождества Христова, такъ сходномъ нынѣ по своему характеру съ кануномъ Богоявленія, Теофилъ не говоритъ ничего. Это и не удивительно. Во времена Теофила, въ восточной церкви еще не существовало кануна Рождества Христова, какъ не существовало повсемѣстно и самаго праздника Рождества, отдѣльно отъ праздника Богоявленія. Праздникъ Рождества Христова былъ введенъ сначала въ константинопольской церкви, во времена Златоустаго, не ранѣе 379 г., а повсемѣстно распространился онъ на Востокъ еще позднѣе того, въ V и даже въ VI вв. До IV же вѣка оба праздника—и Рождество Христово и Богоявленіе праздновались на Востокъ въ одинъ день, въ тотъ, въ какой празднуется у насъ теперь Богоявленіе. Соединеніе этихъ двухъ праздниковъ носило названіе „Епифаніи“—явленія, подъ которымъ разумѣлось явленіе міру Иисуса Христа, какъ возлюбленнаго Сына Божія. Празднику Епифаніи, или послѣ—Теофаніи, предшествовалъ одинъ день приготовленія къ нему, проводившійся въ постѣ и молитвѣ. Съ выдѣленіемъ праздника Рождества Христова изъ общаго праздника Епифаніи въ особый, и для приготовленія къ нему былъ установленъ особый канунъ, который древніе христіане проводили, и въ богослужебномъ отношеніи, и въ домашнемъ быту, совершенно такъ же, какъ канунъ Богоявленія. Оба кануна отличались продолжительнымъ богослуженіемъ и оба требовали отъ вѣрующихъ великаго воздержанія отъ пищи.

Однако, думается, что цѣль этихъ кануновъ не исчерпывалась однимъ приготовленіемъ къ великимъ праздникамъ. Къ этой цѣли, по всей вѣроятности, въ древности присоединялась другая, стоящая въ связи съ тогдашнею крещальною практикою. Въ древней Церкви крещеніе оглашенныхъ, какъ извѣстно, обычно приурочивалось къ великимъ праздникамъ и великимъ днямъ Пасхи, Пятидесятницы, Богоявленія, великой субботы... Къ этимъ днямъ оканчивалось наставленіе оглашенныхъ въ христіанской вѣрѣ, они вводились въ тѣсную семью христіанъ, отрекшись отъ прежнихъ заблужденій и суевѣрій,

а въ день знаменательнаго праздника, или наканунѣ его, сподоблялись крещенію и миропомазанія и становились полноправными членами христіанской общины. Одинъ изъ древнихъ памятниковъ церковной дисциплины, „Ученіе двѣнадцати апостоловъ“ (начала или середины II в.), сообщаетъ о благочестивомъ обычаѣ древнихъ христіанъ сопровождать крещеніе соблюденіемъ *поста* и говорить, что постъ этотъ налагали на себя и крещаемый, и совершитель крещенія, а вмѣстѣ съ ними, и *другіе христіане*. „Предъ крещеніемъ пусть постятся крещаемый и крещаемый и, если могутъ, нѣкоторые другіе. Но крещаемому прикази, чтобы онъ напередъ постился день или два“; такъ заповѣдуетъ „Ученіе двѣнадцати апостоловъ“¹⁾.

Совершеніе крещенія оглашенныхъ въ день Богоявленія засвидѣтельствовано многими древними памятниками. Но можно ли доказать, что крещеніе совершалось не только въ этотъ день, но и въ день Рождества Христова? Помимо общаго основанія въ пользу положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, т. е., однообразія въ строѣ службъ Рождества и Богоявленія, которое проходитъ чрезъ всю ихъ исторію и, при этомъ, обнаруживается тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе къ древности богослужебныѣ памятники,—наука въ настоящее время располагаетъ положительнымъ свидѣтельствомъ о томъ, что въ древности крещеніе оглашенныхъ совершалось и въ день Рождества Христова. Объ этомъ *въ трехъ мѣстахъ* говоритъ издаваемый проф. А. А. Дмитриевскимъ типиконъ великой константинопольской церкви, по ркп. XII в. № 140 изъ Дрезденской королевской библ. Пока нельзя еще съ точностью установить, когда именно, за какимъ богослуженіемъ этихъ двухъ, связанныхъ между собою дней, за богослуженіемъ ли кануна, или за ночью службою самаго праздника, и въ какой моментъ совершалось крещеніе оглашенныхъ. Дрезденская рукопись, трижды упомянувъ о крещеніи въ день Рождества Христова, пообѣщала рассказать объ этомъ особо, въ другомъ мѣ-

¹⁾ Гл. VII. Ученіе двѣнадцати апостоловъ. К. Д. Попова, изд. 2. Кіевъ, 1885 г., с. 33.

стѣ и подробно, но обѣщанія своего не привела въ исполненіе, и рождественскіе крещальные обряды остались для насъ неизвѣстными. Но во всякомъ случаѣ, чину крещенія оглашенныхъ можно безъ труда найти мѣсто какъ въ службѣ капуна Рождества, такъ и въ ночной службѣ праздника.

Число дней поста предъ праздникомъ Рождества Христова въ древности не всегда и не для всѣхъ было одно и то же. Тѣ, которые готовились къ крещенію, а за ними и болѣе усердные изъ христіанъ, проводили нѣсколько дней подрядъ въ постѣ. Но одинъ день поста былъ для всѣхъ обязательнымъ, и всѣ соблюдали его. Впрочемъ, уже Златоустъ совѣтуетъ увеличить число приготовительныхъ дней къ празднику и, соглашаясь, что достоинство приготовленія зависитъ не отъ количества дней, а отъ внутренняго достоинства подвига, рекомендуетъ поупражняться въ постѣ пять дней. Такъ постепенно сталъ расти этотъ подготовительный къ Рождеству Христову періодъ и, съ теченіемъ времени дошелъ до нынѣшняго, до размѣровъ *четырдесятницы*, каковымъ именемъ называется рождественскій постъ въ древнихъ памятникахъ и въ современномъ нашемъ типиконѣ ¹⁾.

Какой составъ имѣла древняя служба въ навечеріе Рождества Христова? Древніе памятники іерусалимскаго богослуженія не сохранили намъ службъ ни въ навечеріе Рождества Христова, ни въ день Рождества. Сохранилось одно преданіе, что редакція часовъ рождественскаго капуна принадлежитъ патриарху іерусалимскому Софронію (VII в.). Это преданіе имѣетъ твердыя данныя въ пользу своей достовѣрности. Іерусалимское, а не иное происхожденіе часовъ доказывается отдѣльными выраженіями въ тропаряхъ на часахъ, указывающими на то, что эти тропари пѣлись *въ виду вифлеемскаго вертепа* ²⁾, и, слѣдовательно, были *мѣстнаго* происхожденія. Іерусалимское

¹⁾ См. И. Д. Мансветова—О постахъ православной восточной церкви, въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ свв. отцовъ за 1886 г., т. 2, с. 630—635.

²⁾ См. объ этомъ въ „Руководствѣ для с. п.“ статью А. А. Дмитріева за 1901 г., № 52, с. 440, примѣчаніе.

происхожденіе рождественскихъ часовъ доказывается еще и сопоставленіемъ ихъ съ другими часами, совершавшимися въ Іерусалимѣ въ великую пятницу. Строй тѣхъ и другихъ одинаковъ. Въ составъ часовъ входятъ: псалмы, выбранныя примѣнительно къ случаю, тропари, точно такого же характера и чтенія изъ ветхаго и новаго завѣта. Древность часовъ великой пятницы, ихъ іерусалимское происхожденіе и окончательная редакція ихъ п. Софроніемъ доказаны древнимъ рукописнымъ „Послѣдованіемъ св. страстей и пасхальной недѣли въ Іерусалимѣ IX—X в. ¹⁾). Естественно признать поэтому, что и рождественскіе часы, съ явными признаками употребленія ихъ въ Вилеємѣ, также въ своей редакціи принадлежатъ п. Софронію.

Древнѣйшій памятникъ часовъ въ рождественской канунъ—Евергетитскій типиконъ XII в. ²⁾). Евергетитская обитель находилась въ окрестностяхъ Константинополя и пользовалась въ свое время большою славою въ ряду другихъ византійскихъ монастырей. Типиконъ этой обители, представляя рождественскіе часы ³⁾ въ томъ ихъ составѣ, какъ отправляются они и теперь у насъ, доказываетъ употребленіе ихъ въ XII вѣкѣ уже внѣ Палестины, въ окрестностяхъ Константинополя.

Монастыри, какъ Студійскій, Алексѣевскій и др., во весь рождественскій постъ совершали ежедневно *простые* часы, осложненные каѳизмами и поклонами, и освобождали себя отъ этихъ „*часовъ и поклоновъ*“, какъ выразился Ипотиносійсѣ Теодора Студита, только въ праздничные дни. Такіе же *обычные* часы совершались по монастырямъ и въ канунъ Рождества, если канунъ не приходился въ субботу и воскресенье, когда часы совершенно оставались. Вотъ чѣмъ объясняется, что среди нашихъ, славяно-русскихъ древнихъ бого-

¹⁾ См. Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в. А. А. Дмитріевскаго. Казань, 1894 г., с. 147.

²⁾ Описаніе лит. ркн., с. 256.

³⁾ Ibid, с. 352—354.

служебныхъ памятниковъ наряду съ такими, которые указываютъ особые рождественскіе часы, встрѣчаются и такіе памятники, по которымъ часы кануна ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ постовыхъ часовъ. Очевидно, въ древней Россіи существовала на этотъ счетъ и іерусалимская практика съ ея особенностями и другая, этихъ особенностей не знавшая.

Не смотря на различіе въ часахъ, вся древняя практика согласна относительно совершенія литургіи въ канунъ Рождества и связи ея съ вечернею въ тѣ дни, на которые падаетъ постъ, т. е. во всѣ дни, за исключеніемъ субботы и воскресенья. О литургіи и о вечернѣ говорятъ какъ уставъ великой константинопольской церкви, такъ и уставъ іерусалимскій, сохранившійся въ практикѣ Евергетитской обители, такъ, наконецъ, и уставъ студійскій, насколько онъ обнаруживается въ типиконѣ Алексѣевского монастыря. Въ двухъ послѣднихъ типиконахъ положительно указывается, что въ дни поста, когда литургія совершается послѣ вечерни, она полагается не Златоустава, а *Василія Великаго*. Но если канунъ Рождества падаетъ на субботу и воскресенье, то литургія отдѣляется отъ вечерни и правится раньше ея, утромъ, а вечерня начинается „при девятомъ“, (или 3-мъ по нашему), часѣ дня. Девятый часъ—это всегдашнее начало вечерни въ канунъ Рождества, все равно, соединяется ли она съ литургіей, или совершается отдѣльно отъ нея. На такое время начала „вечерняго собранія“ указывалъ еще, какъ мы видѣли, Теофилъ Александрійскій.. Что касается до константинопольскаго типикона, то хотя прямого указанія на литургію утромъ въ дни, свободные отъ поста, онъ не даетъ, ограничиваясь наставленіемъ, какъ оканчивать вечерню въ субботу и воскресенье, но, съ другой стороны, не видно основаній, почему бы не допустить, что, умалчивая о литургіи, типиконъ не устраняетъ литургіи, а подразумѣваетъ ее, такъ какъ иначе было бы совѣмъ непонятно, почему великая церковь запрещаетъ литургію не когда либо, а въ дни разрѣшенія отъ поста. въ субботу и воскресенье, когда вечерня, по ея типикону,

кону, является самостоятельной службою. Константинопольскій уставъ не говоритъ объ утренней литургіи какъ о всеѣмъ извѣстной литургіи Златоустаго. Говоря же о литургіи послѣ вечерни, онъ, очевидно, даетъ знать о литургіи Василія Великаго. Слѣдовательно, относительно литургіи практика великой церкви ни мало не уклоняется отъ *общей древней практики*.

Недоумѣніе относительно того, какъ быть съ *особыми* рождественскими часами въ субботу и воскресенье, когда утромъ служитъ литургія, могло возникнуть только въ іерусалимской практикѣ. Древній константинопольскій типиконъ не зналъ никакихъ часовъ въ канунъ Рождества, потому что часы—были особенностью монастырскаго богослуженія, а не соборныхъ византійскихъ церквей; типиконъ же студійскій ясно устранялъ постовые часы во все праздничные дни, даже и въ такіе небольшіе, какъ *память святаго* ¹⁾, которая освобождала студійскихъ иноковъ отъ того, что было связано съ постомъ, отъ *часовъ и поклоновъ*. Евергетитскій типиконъ разрѣшаетъ недоумѣніе о часахъ такъ, что беретъ изъ нихъ нѣкоторые тропари и помѣщаетъ ихъ въ ряду стихиръ вечерни, наканунѣ 24 декабря ²⁾.

Послѣдованіе рождественской *вечерни* по уставу великой константинопольской церкви обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что, по своему типу, она, очевидно, принадлежитъ къ разряду службъ такъ называемаго *пѣсеннаго послѣдованія*, наиболѣе отличительною особенностью которыхъ было почти исключительно *пѣческое* исполненіе входящаго въ составъ службъ матеріала. Все псалмы, стихи и тропари, составлявшіе содержаніе службъ, пѣлись; для чтенія въ древнѣйшемъ пѣсенномъ послѣдованіи совершенно не было мѣста, чтеніе появилось въ немъ уже позднѣе, когда на строй пѣсенныхъ службъ сталъ вліять строй службъ монастырскій, въ которыхъ чтеніе преобладало надъ пѣніемъ.

¹⁾ Описаніе литург. ркн., с. 234.

²⁾ Ibid., с. 351.

Рождественская вечерня, по уставу вел. церкви, начинается обычнымъ псалмомъ пѣсенной вечерни *Приклони Господи, ухо Твое*. Псаломъ поется по стихамъ, съ припѣвомъ *Слава Тебѣ, Боже*. Затѣмъ слѣдуетъ *Господи, воззвахъ* и тропарь: *Бога отъ Тебе воплощеннаго познахомъ, Богородице*. Потомъ—входъ патріарха, прокимень *Господь воцарися*, ектенья и три антифона предъ чтеніемъ паремій, во время которыхъ полагается *сидѣніе*. Въ промежуткахъ чтеній пѣніе; въ немъ принимаетъ участіе народъ, повторяя положенный припѣвъ... Дальше порядка службы мы не излагаемъ, такъ какъ онъ весьма похожъ на современный.

Съ окончаніемъ вечерней службы разрѣшался въ древности и постъ навечерія, въ какой бы день послѣднее не приходилось. Освобождались отъ поста какъ тѣ, которые сподобились крещенія въ этотъ день, такъ и тѣ, кто и постился вмѣстѣ съ ними и готовился къ великому празднику. Въ IV в. возникло недоумѣніе относительно соблюденія и разрѣшенія поста въ богоявленское навечеріе, когда оно совпало съ воскреснымъ днемъ, но недоумѣніе этого рода, авторитетно рѣшенное Теофиломъ Александрійскимъ, не возникало о постѣ въ рождественское навечеріе.

„Когда случится въ сей день (воскресенія) быти посту предъ святымъ Богоявленіемъ“: говоритъ Теофиль Алекс. въ первомъ правилѣ своего „Провозглашенія“ при наступленіи святыхъ Богоявленій въ недѣлю, „то благоучредимъ оный, разсудительно примѣняясь къ обоимъ случаямъ. Употребивъ нѣсколько финиковъ, мы не поступимъ по обычаю ересей, не считающихъ дня воскресенія Господа нашего Иисуса Христа, и купно воздадимъ должное постному дню, ожидая вечернюю собранія, которое въ сей день, по изволенію Божію, совершается. Итакъ въ сей день да собираемся въ часъ девятый“. Сказанное Теофиломъ Алекс. о богоявленскомъ навечеріи имѣло потомъ силу и по отношенію къ навечерію рождественскому, потому что значеніе того и другого навечерія было одно и то же. Однако, данное Теофиломъ Алекс. разрѣшеніе употреб-

лять до вечерни, очевидно послѣ утренней литургіи, нѣсколько финиковъ, понятое, какъ и слѣдуетъ, въ смыслѣ дозволенія принять днемъ немного пищи, вызвало среди византійскихъ монаховъ новое недоумѣніе относительно того, что считать небольшимъ количествомъ пищи въ праздничный день навечерія. Студійскіе иноки находили возможнымъ учредить въ этотъ день послѣ литургіи особую трапезу, состоявшую у нихъ изъ вареныхъ овощей или плодовъ¹⁾, хлѣба по одному куску на брата и по одной чашѣ вина. Но иноки Евергетитскаго монастыря съ этимъ порядкомъ не согласились. „Послѣ утренняго богослуженія мы не идемъ въ трапезу по уставу Студійскому“, говорятъ они въ своемъ типиконѣ, „и не ѣдимъ вареныхъ овощей или плодовъ, безъ масла, но въ нарфиксѣ, послѣ вкушенія остатковъ отъ св. даровъ, келарь, по усмотрѣнію настоятеля, раздаетъ всѣмъ по одному куску хлѣба и по одной чашѣ вина, а больше ничего“²⁾. Евергетитскіе иноки очевидно слѣдуютъ въ этомъ случаѣ іерусалимскому уставу, потому что іерусалимскій уставъ указываетъ снѣдать, „*по отпущеніи*“ литургіи, „*по уломку хлѣба*“ и „*отъ вина вкушаютъ мало*“.

Послѣ „вечернаго собранія“, начинавшагося въ третьемъ часу дня, постъ оканчивался. Иноки Алексѣвскаго монастыря, слѣдую общаю Студійской обители, шли въ трапезу, гдѣ подавалась имъ рыба и предлагалось по три чаши вина³⁾. Евергетитскіе монахи относились строже къ своей трапезѣ и, хотя послѣ вечерней службы, имѣли „полный обѣдъ“, но ни откуда не видно, чтобы они позволяли себѣ употреблять въ этотъ день рыбу. Они держали строгій постъ во все продолженіе рождественскаго поста и только въ рѣдкихъ случаяхъ разрѣшали себѣ на рыбу. Не удивительно, что и въ рождественское повечеріе у нихъ на обѣдѣ рыбы, вѣроятно, не было.

¹⁾ „Варенаго сочива“, по славянскому переводу Алексѣвскаго Типикона, см. у Голубинскаго, И. Р. Ц., 1 т., 2 п., с. 664.

²⁾ Описаніе литург. рки., с. 355.

³⁾ И. Р. Ц., 1 т., 2 п., Голубинскаго, с. 664.

а было, согласно съ іерусалимскимъ уставомъ, „вареное сочиво съ древяномасліемъ“, или „кутья съ медомъ“, и „вино, во славу Божію“.

Какую пицу вкушали за обѣдомъ міряне, наши тициконы не говорятъ. Вѣроятно же всего, міряне примѣнялись, по возможности, къ тѣмъ монастырскимъ тициконамъ, которые подчиняли себѣ богослуженіе той, или другой мѣстности. Однако думается, что студійскій тициконъ, съ его снисходительнымъ отношеніемъ къ пицѣ, болѣе другихъ заставлялъ мірянъ сообразоваться съ собою. Этотъ тициконъ, вообще, ближе всѣхъ монастырскихъ тициконовъ стоялъ къ мірскимъ житейскимъ порядкамъ. Онъ разрѣшалъ въ праздничные, даже небольшіе, дни рождественскаго поста не только рыбу... Въ навечеріе Рождества студійскій уставъ разрѣшалъ рыбу. Вѣроятно, рыба же была въ столѣ и у мірянъ, но, сравнительно съ монашескимъ, столъ у мірянъ отличался болѣшимъ обиліемъ и кушаній и питій. Это „утѣшеніе“ на мірскихъ трапезахъ мы поймемъ, если примемъ во вниманіе, что на нихъ нѣкогда присутствовали и *новокрещенные*, естественно сообщавшіе особенно радостный характеръ этимъ братскимъ трапезамъ, которыя въ первый разъ раздѣляли съ ними христіане...

Въ Византіи богатая трапеза устраивалась въ дворцѣ императора. На нее приглашались высшіе государственные сановники. За обѣдомъ исполнялись духовныя пѣсни, возглашалось многолѣтіе императору, а императоръ щедро дарилъ своихъ гостей... Полагаютъ, что многолѣтіе, возглашавшееся сначала за столомъ императора, въ послѣдствіи перешло въ церковь. Самая формула церковнаго многолѣтія ничѣмъ не отличалась отъ той общей, въ какой выражали привѣтствіе царю при его выходахъ окружающіе царя сановники. Такое объясненіе въ общемъ правильно, но нуждается въ дополненіи. Многолѣтствованіе императора сначала вошло въ церковную службу, прежде всего, въ *самомъ же дворцѣ*. Кодинъ, описывающій службу часовъ рождественскаго кануна въ одной изъ дворцо-

выхъ палатъ, упоминаетъ и о многолѣтїи, которое возглашалъ императору протопсалтъ по окончанїи службы часовъ и приводитъ буквальный текстъ многолѣтїя. Въ Софіи многолѣтїе произносилось сначала, вѣроятно, только тогда, когда за службою присутствовалъ лично императоръ. Къ многолѣтствованію императора присоединялось многолѣтствование патріарха, совершавшаго богослуженіе. Потомъ, оба эти многолѣтїя вошли вообще въ составъ софійской службы подъ Рождество; изъ Софіи были, затѣмъ, перенесены въ другіе соборные храмы, а отсюда приняты и въ храмы монастырскіе. Подражая обычаю „мірскихъ церквей“, византійскіе монастыри ввели у себя обычай послѣ службы многолѣтствовать царя, а вмѣстѣ съ нимъ своего игумена, и ходитъ къ послѣднему съ особымъ поздравленіемъ въ келїю послѣ общей трапезы. Игумень выслушивалъ поздравленія и угощалъ иноковъ-гостей особымъ напиткомъ—*мликимюю*... Но среди строгихъ монаховъ эти обычаи вызывали осужденія. Многолѣтствование царя, говорили они, свойственно мірскимъ церквамъ, получающимъ отъ царей вклады и „великодарїя“, а не пустыннымъ, лишеннымъ царскихъ милостей. Поздравленіе же игумена совершенно не прилично для монаховъ, такъ какъ ведетъ къ чревоугодїю, тщеславію и самомнѣнію¹⁾. Но, разумѣется, въ самомъ обычаѣ праздничнаго поздравленія нѣтъ ничего предосудительнаго, поэтому голосъ суровыхъ монаховъ не имѣлъ успѣха.

Обычай многолѣтствованія царя за рождественскою службою перешелъ изъ Византіи и въ Россію, конечно вмѣстѣ съ другими обрядами, наблюдавшимися при византійскомъ дворѣ въ день навечерїя Рождества. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ. Утромъ въ канунъ Рождества, часовъ въ 5, московскій царь дѣлалъ *тайный* выходъ изъ дворца, въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ и подъячихъ Тайнаго Приказа. Царь шелъ въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, по-

¹⁾ Церковный Уставъ Маисветова, с. 212 и 431—432.

лонянникамъ (плѣннымъ), богадѣльнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. Не лишала царь своей милостыни и тѣхъ нищихъ и бѣдняковъ, которые въ большомъ числѣ попадались ему на встрѣчу по улицамъ, когда онъ проходилъ по нимъ. Всѣхъ одѣлялъ царь и самъ непосредственно, и чрезъ довѣренныхъ стрѣleckихъ полковниковъ или подъячихъ Тайнаго Приказа, которые раздавали царскую милостыню на Земскомъ дворѣ, у Лобнаго мѣста и на Красной площади. Рождественскіе часы царь слушалъ въ одной изъ придворныхъ церквей, а на вечерню и къ *дѣйствию многолѣтія* выходилъ въ Успенскій соборъ. Послѣ многолѣтствованія царь возвращался въ дворецъ. Вечеромъ, часу въ 5, когда смеркалось, приходили въ дворецъ славить Христа и поздравлять государя съ праздникомъ причты соборныхъ церквей и пѣвчіе *станицы*—государевы, патріаршіе, митрополичьи и др. Всѣмъ имъ государь жаловалъ по ковшу бѣлаго и краснаго меда, подносимаго въ золотыхъ и серебряныхъ ковшахъ приближенными лицами государя. Здѣсь же выдавалось духовенству и *славеное*, въ разныхъ размѣрахъ, смотря по важности и значенію причта, рублей отъ 12 на соборъ до 8 алтынъ съ 2 денгами (25 коп.). Пѣвчіе получали особо, и тоже не въ равныхъ частяхъ, а смотря по своему искусству въ пѣніи. Нѣкоторые пѣвцы получали по 5 р. на человѣка, а нѣкоторые—по полтинѣ. Кромѣ этого, царь иногда давалъ изъ собственныхъ рукъ рубль или два особенно отличившемуся „вспѣвакѣ“. Отъ царя государевы пѣвцы шли славить Христа на домъ къ боярамъ и къ ближнимъ и думнымъ государевымъ людямъ. Тѣ охотно ихъ принимали и дарили деньгами. Не принять государевыхъ пѣвцовъ значило прогнѣвать самого государя и навлечь на себя его кару ¹⁾... Въ своей трапезѣ русскіе цари XVI в. не позволяли себѣ излишества, они подчинялись строгимъ правиламъ относительно стола іерусалимскаго устава, который въ XVI вѣкѣ съ полною силою властвовалъ въ русской церкви.

¹⁾ Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII ст. И. Забѣлина, ч. 1. М. 1862, с. 305—309.

Какъ же оканчивался богослужебный день кануна Рождества по тѣмъ древнимъ памятникамъ, которые нами разсматриваются?—Уставъ великой константинопольской церкви вечернею и литургіею, собственно говоря, и оканчиваетъ службы кануна. Слѣдующая служба—*паннихида* (всенощное бдѣніе) уже относится къ празднику Рождества. Но чтобы не разсѣять вниманія благоговѣйно настроенныхъ въ ожиданіи праздника богомольцевъ, великая церковь полагала чтеніе изъ Григорія Богослова и изъ другихъ отцовъ, заполняя ими свободный отъ службы промежутокъ времени до начала паннихиды. Вечернею и литургіею оканчивались службы кануна и по типиконамъ Студійскаго и Алексѣвскаго монастырей. Въ извѣстное время въ этихъ монастыряхъ подавался обѣдъ, послѣ котораго прочитывалось трисвятое, дѣлался отпустъ, и братія расходилась по своимъ келіямъ. Повечерія эти монастыри не правили. Только Евергетитская обитель назначала инокамъ послѣ обѣда повечеріе, и то малое, съ 90 ис. „*Живый съ помощи*“. Отслушавъ повечеріе, монахи шли въ свои келіи на отдыхъ, въ виду предстоящей праздничной *агритіи*. Такимъ образомъ, разсмотрѣнные памятники не говорятъ о томъ повечеріи *великомъ*, которое совершается теперь у насъ въ соединеніи съ рождественскою утренею, составляя съ нею одно праздничное богослуженіе. Откуда же ведетъ свое начало наша практика?

Разрѣшеніе этого вопроса интересовало еще о. Антонина, который обратилъ при этомъ вниманіе на то, что современная Греція совсѣмъ не знаетъ нашего рождественскаго повечерія. Тамъ рождественская служба начинается прямо съ утрени, съ литіи. Такой порядокъ указанъ и въ нынѣшнемъ греческомъ типиконѣ.. Въ поискахъ отвѣта, о. Антонинъ натолкнулся на ркп. греч. типиконъ XIV в., разъяснившій ему недоумѣніе. По этому древнему типикону, повечеріе и рождественская утрени дѣйствительно соединяются въ одну общую праздничную службу, и такимъ образомъ, наша, русская практика, въ этомъ типиконѣ находитъ себѣ объясненіе.

Наша практика—іерусалимская. Это доказывается всего яснѣе присутвіемъ на нашемъ рождественскомъ богослуженіи обряда благословенія хлѣбовъ, который, какъ извѣстно, составлялъ принадлежность іерусалимскаго типикона¹⁾. Если принять во вниманіе, что въ древности рождественская служба начиналась съ вечера и продолжалась ночью, то нельзя будетъ не согласиться съ о. Антониномъ, находившимъ оправданіе и для того типа службы, какой теперь у Грековъ, и для того, какой у насъ. Признавая „неестественность“ того порядка, при которомъ „по минованіи ночи“, читаются молитвы вечера, чѣмъ предполагается, какъ говоритъ о. Антонинъ, одно изъ двухъ: или что „христіанинъ легъ спать не помолившись Богу или,—что онъ не спалъ цѣлую ночь“; о. Антонинъ приходитъ къ мысли, что греческая практика по-стольку правильна, по-скольку „имѣется въ виду утренняя“, а русская по-стольку, „по-скольку дѣло идетъ о всенощномъ бдѣніи“²⁾. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать все болѣе и болѣе распространяющагося у насъ, въ Россіи, обычая совершать указываемую типикономъ рождественскую службу съ вечера, и, съ другой стороны, нельзя не пожелать, чтобы въ *утренней службѣ* на Рождество, гдѣ она совершается, было оставлено повечеріе, какъ оно уже давно оставлено въ Греціи.

Н. Пальмовъ.

¹⁾ Мансв. Церк. Уст., с. 198—199. И. Р. Ц. 1 т., 2 и., Голубинскаго, с. 324—325.

²⁾ Записки поклошника св. Горы, с. 202—203, прим. 2 и 3.

Миссіонерская проповѣдь¹⁾.

Трудности миссіонерства среди инородцевъ.

Хотя почва для миссіонерской дѣятельности среди нашихъ инородцевъ благопріятна, но это не значитъ, будто проповѣдь о Христѣ среди полудикихъ язычниковъ и невѣжественныхъ магометанъ—дѣло легкое. Есть много условій, которыя не даютъ миссіонеру видѣть въ скоромъ времени плоды трудовъ своихъ и могутъ даже охладить ревность проповѣдника. Чтобы не потерпѣть на миссіонерскомъ поприщѣ разочарованія, готовящейся къ такому служенію долженъ имѣть совершенно правильное, безпристрастное представленіе о современномъ положеніи православнаго миссіонера.

„Прежде всего,—даетъ совѣтъ опытный миссіонеръ,—не представляйте себѣ миссіонера чѣмъ-то въ родѣ ап. Павла, который бы глаголомъ жегъ сердца людей. Увы, мы пріѣзжаемъ на наше поле дѣятельности не такъ, какъ апостолы,—не съ котомкой за плечами и однимъ Христомъ за душой. Отправляясь сюда, слѣдовательно, нечего мечтать, нечего рисовать себѣ разныхъ собраній подъ открытымъ небомъ: кругомъ, моль, толпы народа, и всѣ темныя,—а миссіонеръ (одинъ изъ всѣхъ свѣтлый) разливается рѣчкой,—и въ результатѣ тысячи обращенныхъ; можно иной разъ и мученической костеръ себѣ прописать и т. д. Все это картины празднаго воображенія, которыя только собьютъ съ толку, и человѣкъ вмѣсто того, чтобы пріѣхать для Христа, пріѣдетъ для себя и, конечно, понесетъ крайнее разочарованіе: апоѳеозы на землѣ не бываетъ. Если хотите сюда ѣхать, представляйте себѣ служеніе миссіонера ничѣмъ не отличающимся отъ служенія обычнаго сельскаго священника.“²⁾

Однимъ изъ условій, препятствующихъ дѣлу православнаго миссіонерства среди инородцевъ, особенно азіатскихъ,

¹⁾ См. № 50 за 1902 г.

²⁾ Съ какими думами должно собираться въ миссію? „Прав. Благовѣстн.“, 1898 г., № 9.

служить не только не христіанское, а даже и не человѣческое отношеніе къ этимъ людямъ русскаго населенія. Пользуясь дѣтской фазой развитія инородцевъ, пришлые русскіе люди смотрятъ на нихъ исключительно съ рыночной точки зрѣнія. Изъ русскихъ чиновниковъ, торговцевъ и даже просто изъ зажиточныхъ крестьянъ рѣдко кто любитъ инородца; всѣ относятся къ нему не иначе, какъ съ пренебреженіемъ и грубыми насмѣшками, почти не считая его даже за человѣка. Русскіе торговые люди, пользуясь простотой инородцевъ, съ самыми хищническими цѣлями ошайбаютъ ихъ водкой, обманываютъ на цѣнахъ купли и продажи, обманываютъ фальшивымъ вѣсомъ и фальшивыми мѣрами, разоряютъ недобросовѣстнымъ кредитомъ, заставляя платить сомнительные долги ихъ отцовъ, захватываютъ ихъ земли и рыболовныя и звѣрловныя мѣста, вытравливаютъ ихъ пастбища и т. д. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ существованія нашихъ инородцевъ, особенно сибирскихъ, — условіяхъ, результатомъ которыхъ является страшный процессъ вымиранія инородцевъ, — трудно ожидать скорого успѣха миссіонерской дѣятельности православнаго духовенства ¹⁾. Какъ говорить миссіонеру инородцамъ о превосходствѣ вѣры тѣхъ людей, которые притѣсняютъ и разоряютъ ихъ? какъ проповѣдывать имъ о христіанской любви, когда они видятъ по отношенію къ себѣ одну лишь вражду и презрѣніе со стороны христіанъ? — Если при такихъ условіяхъ бывають еще обращенія въ христіанство, то на это нужно смотрѣть, какъ на чудо нашего времени.

Не можетъ имѣть скорого успѣха миссіонеръ и потому еще, что переимѣна вѣры есть шагъ, весьма рѣшительный въ жизни человѣка, и послѣдній соглашается на него только послѣ долгаго и глубокаго раздумья. Вѣра, въ которой родился

¹⁾ К. Вымираніе инородцевъ. „Прав. Благ.“, 1895 г., № 12. — *Комаровъ Н.* Инородческій вопросъ въ Сибири. „Прав. Благ.“, 1895 г., № 12. — *Носиловъ К.* Мои записки о жизни, обычаяхъ и вѣрованіяхъ самоѣдовъ. „Прав. Благ.“, 1895 г., № 10. — *Окъ же.* Миссіонерское дѣло среди киргизовъ. „Прав. Благ.“, 1896 г., № 18.

и выросъ человѣкъ, которая опредѣляетъ не только религіозную сторону его жизни, а проникаетъ часто весь складъ его быта, его нравы и обычаи, уже въ силу одной привычки составляетъ всегда святыню для человѣка, которою онъ весьма дорожить и съ которою разстается очень не легко. По причинѣ такого вліянія на человѣка его долговременной личной привычки и многовѣкового преданія, инородецъ съ неохотой даже слушаетъ первыя рѣчи миссіонера ¹⁾. „Дѣятельность миссіонера, — говоритъ архіепископъ Казанскій Владиміръ, — не представляйте себѣ такимъ образомъ, какъ рисуютъ иногда на картинкахъ: вышелъ на церковную паперть предъ лицо неизвѣстно откуда появившихся язычниковъ, поднялъ къ верху руку, произнесъ громовую рѣчь на заблужденія собравшихся и тутъ же крестилъ ихъ. Нѣтъ, въ дѣйствительности дѣло обстоитъ гораздо проще и прозаичнѣе на видъ. Вотъ, напрямѣръ, начали вы миссіонерствовать или среди алтайцевъ, или между бурятъ, или у киргизовъ: для того, чтобы найти слушателя, вы должны верстъ 10 проѣхать на конѣ верхомъ, и вотъ, усталый, а въ холодное время и иззябшій, вы набрали на одну, двѣ инородческихъ юрты. Встрѣченные громкимъ лаемъ собакъ и нагими дѣтишками, вы входите въ это жилище: васъ обдаетъ ѣдкимъ дымомъ и острымъ до тошноты запахомъ вони: среди юрты горитъ огонь, дымъ разстилается по всему жалкому обиталищу и уходитъ въ оставленное наверху отверстие, на стѣнкахъ слой сажки, и виситъ лохмотьями черная паутина: на огнѣ треножный таганъ, а на немъ котель, въ которомъ варится или водка — самосидка изъ молока, или мясо павшей скотины. Вокругъ огня сидятъ апатичные хозяева съ трубками въ зубахъ, около нихъ ползаютъ голыя дѣти. Нерѣдко у огня же грѣются и собаки, а подальше у стѣнки привязаны поворожденные телята и ягнята. Около стѣнокъ разставлены и развѣшаны: кровать, кожаныя сумы съ имуществомъ, идолыцы, смазанные кровью и жиромъ, копче-

¹⁾ *Комаровъ Н.* Очерки вѣрованій инородцевъ, среди которыхъ дѣйствуютъ наши миссіи. „Прав. Благ.“, 1893 г., № 1.

ныя книжки съ масломъ и неприхотливая кожаная и деревянная посуда... Вотъ вамъ храмъ и каеэдра!.. Вы здоровааетесь съ хозяевами, подсаживааетесь въ холодъ тоже къ огню, достааете свой походный чайникъ, наполняете его водой, закладываете чаю и ставите чайникъ рядомъ съ хозяйскимъ котломъ на тотъ же огонь. Дѣти, какъ звѣрки, посматриваютъ на васъ: вы гладите ихъ по головкѣ, даете имъ по ржаному сухарику, которые они принимаютъ и сосутъ, какъ конфекты. И вотъ, пока чайникъ вашъ грѣтся, вы заводите бесѣду съ хозяевами о погодѣ, о скотѣ, объ охотѣ, о цѣнахъ на ярмаркахъ на предметы первой необходимости и о многомъ другомъ въ этомъ же родѣ; потомъ переходите къ *единому на потребу*, говорите о Богѣ, о томъ, что мы всѣ грѣшны, и что милосердый Господь, не желая нашей гибели, ради нашего спасенія сшелъ съ небесъ и воплотился и т. д. и т. д. Съ хозяиномъ вашимъ происходитъ перемѣна: пока вы говорили о скотѣ и погодѣ, онъ бесѣдовалъ оживленно, а какъ заговорили о Богѣ, онъ становится вялымъ, отвѣчаетъ нѣ-хотя, стараясь поскорѣе отдѣлаться отъ васъ¹⁾. При такихъ условіяхъ, священнику прійдется побывать въ одной и той же юртѣ безъ успѣха нѣсколько разъ для того только, чтобы расположить инородца къ слушанію рѣчей о Богѣ и спасеніи, пробудить въ немъ интересъ къ такимъ бесѣдамъ. Нуженъ громадный запасъ терпѣнія для проповѣдника, чтобы, не охладѣвая въ своей ревности, довести дѣло до конца. Даже, когда у язычника возникнетъ интересъ къ проповѣди миссіонера, когда онъ начнетъ уже сознавать превосходство евангельскаго ученія предъ своими заблужденіями; то и тогда нельзя еще ожидать скорого обращенія его въ христіанство. Въ душѣ инородца возникнетъ внутренняя борьба, такъ какъ не легко порывать связь съ тѣми вѣрованіями и обычаями, съ которыми сроднился еще съ первыхъ проблесковъ сознанія въ дѣтствѣ. Возникнетъ

¹⁾ *Истребова И.* Миссіонеръ-высокопр. Владиміръ, архіеп. Казанскій и Свѣяжскій. Каз. 1898 г. — Наставленіе молодымъ миссіонерамъ. „Прав. Вѣст.“, 1898 г., № 18.

и исполнѣ естественное опасеніе вражды и преслѣдованія со стороны прочихъ инородцевъ за перемѣну вѣры. А такое преслѣдованіе дѣйствительно бываетъ: язычникъ и магометанинъ не могутъ простить тѣмъ изъ членовъ своей семьи, которые оставляютъ вѣру своихъ отцовъ и, съ принятіемъ христіанства, вносятъ къ нимъ новое для нихъ міровоззрѣніе и новые нравственные порядки, начиная съ пищи и кончая отношеніями къ близкимъ имъ лицамъ. Особенно тяжелымъ является положеніе крещеныхъ инородцевъ тамъ, гдѣ они живутъ вмѣстѣ съ некрещеными, не связанными съ ними родственными узами и, слѣдовательно, не имѣющими къ нимъ естественной родственной любви и снисходительности ¹⁾).

Быстрыми успѣхами сопровождается проповѣдь миссіонера только въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда Самъ Богъ, очевидно, являетъ Свою небесную помощь и силу, какъ бы въ награду миссіонеру за его вдохновенную ревность, смиренное терпѣніе и необычайныя, полныя самоотверженности, усилія. Замѣчательенъ въ этомъ отношеніи разсказъ того же архіеп. Владиміра объ одномъ старомъ миссіонерѣ, по происхожденію инородцѣ (свящ. Мих. Чевалковѣ). „Миссіонерствовалъ онъ въ самомъ глухомъ и малодоступномъ углу Алтая—въ Чулышманскомъ ущельѣ. Но какъ ни дикъ былъ этотъ уголь, однако существовалъ около него, за горнымъ переваломъ, другой уголокъ, почти недоступный. Тамъ стояло нѣсколько юртъ жителей, вовсе разобщенныхъ и давно жившихъ исполнѣ изолированной языческой жизнью. Возгорѣлось сердце миссіонера о сихъ погибающихъ, и вотъ онъ рѣшилъ туда пробраться. Дѣло было осенью. Переѣхать черезъ переваль на лошади было не мыслимо: грозило вѣрное паденіе въ пропасть. Что же дѣлаетъ миссіонеръ?—Отправляется ползкомъ. Долго онъ карабкался по обмерзшимъ камнямъ, рискуя слетѣть въ бездну, сползая съ камня на камень, гдѣ сидя, гдѣ на животѣ, но, наконецъ, перебрался, искровлинивъ руки и

¹⁾ *Ивановскій С.*, свящ. Записки миссіонера Алтайской духовной миссіи, Вачатскаго отдѣленія, за 1895 г. „Прав. Благ.“, 1896 г., № 15.

порвавъ одежду. На лай собакъ выбѣжали обитатели ущелья, подняли миссіонера, отогрѣли и спросили, что ему нужно. „Души ваши нужны,—отвѣтилъ онъ,—Христось скорбитъ и ищетъ душъ вашихъ ради царствія Своего небеснаго“. Переглянулись всѣ обитатели, посмотрѣли на миссіонера, родственнаго имъ по племени, и чуднымъ онъ имъ показался. Но одна старуха громко воскликнула: „Чего вы смотрите? въ такую погоду дикій звѣрь къ намъ не проскочитъ, а тутъ вдругъ человѣкъ явился; знать, не за пустымъ дѣломъ онъ пришелъ и не съ пустыми рѣчами: послушаемъ, что онъ скажетъ!“ Послушались всѣ словъ старухи, усадили миссіонера около огня и сами разсѣлись кругомъ его... Воодушевился нашъ миссіонеръ и началъ, началъ говорить, что нужно было въ данномъ случаѣ. И увѣнчалъ Господь трудъ его успѣхомъ: всѣхъ слушателей сдѣлалъ его духовными чадами чрезъ крещеніе. ¹⁾

Миссіонерскія бесѣды съ инородцами-язычниками.

Такъ какъ христіанство есть потребность, удовлетвореніе и утѣшеніе преимущественно сердца человѣческаго, то само собой понятно, что въ преподаваніи ученія христіанской вѣры язычникамъ нужно дѣйствовать главнымъ образомъ на ихъ сердце. А чтобы дѣйствовать на сердце, нужно и говорить отъ искренняго, любящаго и вѣрующаго сердца. Расположивъ сначала къ себѣ сердца слушагелей, миссіонеръ долженъ пользоваться для сѣянія Слова Божія минутами ихъ сердечнаго расположенія къ нему, какъ временемъ наиболѣе благопріятнымъ. Способъ благовѣстія спасительнаго ученія долженъ соотвѣтствовать душевному состоянію и умственному развитію инородцевъ, которые, по своимъ привычкамъ и понятіямъ, суть заблудшіе, а по степени образованія и развитія—дѣти.

¹⁾ *Ястребовъ И.* Миссіонеръ.—высокопр. Владиміръ.—Поставленіе молодымъ миссіонерамъ. „Прав. Благ.“, 1898 г., № 18.

Порядокъ въ проповѣданіи ученія вѣры миссіонеръ можетъ сообразовать съ главными мыслями извѣстной рѣчи св. ап. Павла въ аѳинскомъ ареонагѣ (Дѣян. 17, 23—31). Приведенный въ ареонагъ, св. апостоль начинаетъ прежде всего излагать въ краткихъ, но сильныхъ словахъ истинное понятіе о *Богѣ*, какъ Творцѣ и Промыслителѣ вселенной (23—29), затѣмъ прямо переходитъ къ сообщенію, что этотъ Богъ, полагая конецъ временамъ невѣдѣнія, зоветъ всѣхъ къ *покаянію* (30), въ виду предстоящаго суда, который совершенъ будетъ воскресимъ изъ мертвыхъ *Христомъ* (31). Соответственно этому, и миссіонеръ долженъ прежде всего дать язычникамъ истинное понятіе о Богѣ. Отъ бытія и благоустройства видимыхъ вещей онъ долженъ привести своихъ слушателей къ познанію Бога, какъ единого невидимаго Творца вселенной, показать всемогущество, славу, благость, всевѣдѣніе и другія Его высочайшія свойства. Въѣствъ съ этимъ надлежитъ представить въ краткомъ видѣ исторію сотворенія перваго человѣка и происхожденіе отъ него всѣхъ людей, изложить христіанское ученіе о составѣ человѣка изъ души и тѣла, его отличіе отъ животныхъ, о безсмертіи души его и указать намѣреніе Божіе въ сотвореніи его, т. е. блаженство. Послѣ этого слѣдуетъ выяснитъ язычникамъ, что Богъ, создавая человѣка, вложилъ въ сердце его нравственный законъ, или совѣсть, которая побуждаетъ человѣка къ добру и осуждаетъ его за дѣла худыя. Когда слушатели будутъ вполне убѣждены въ существованіи этого нравственнаго закона и будутъ ясно представлять себѣ требованія его, тогда слѣдуетъ показать имъ необходимость исполненія этого закона, какъ воли Божіей, и указать нѣсколько видимыхъ слѣдствій исполненія закона и нарушенія его. Здѣсь можно воспользоваться и священно-историческими разсказами и событіями изъ жизни самихъ инородцевъ.

Послѣ этого можно уже начинать собственно евангельскую проповѣдь, призывая язычниковъ, по примѣру св. апостола, къ покаянію. Возвѣщеніемъ покаянія и утѣшенія, или

приближенія царства небеснаго, начинали свою проповѣдь ев. Іоаннъ Предтеча и Самъ Господь Іисусъ Христосъ. Мисіонеръ долженъ приложить все усилія, чтобы привести своихъ слушателей въ чувство раскаянія, или въ состояніе близкое къ раскаянію. Этого можно достигнуть убѣжденіемъ ихъ въ томъ, что за неисполненіе закона, написаннаго въ сердцахъ ихъ, они непременно будутъ наказаны и въ сей жизни и въ будущей, и что самъ собою никто не избѣжитъ этихъ наказаній и т. п. Въ данномъ случаѣ нужно говорить такъ, чтобы возбудить въ язычникахъ нѣкоторый страхъ будущихъ наказаній. Когда же они будутъ приведены въ такое чувство, тогда слѣдуетъ благовѣствовать имъ объ Іисусѣ Христѣ—Спасителѣ, Искупителѣ и надеждѣ всехъ людей. Приведеніе язычниковъ въ чувство раскаянія и сокрушенія есть одно изъ труднѣйшихъ дѣлъ проповѣдника; но за то такое состояніе человѣка есть одно изъ важнѣйшихъ для обращенія его ко Христу и представляетъ собою самую благопріятную почву для насажденія христіанства. Когда въ языникѣ возникнетъ чувство раскаянія, тогда слово благовѣстія о Христѣ можетъ пасть въ самую глубину его сердца и, при содѣйствіи благодати, принести впоследствии обильный плодъ. Благовѣствованіе о Спасителѣ грѣшнику, чувствующему себя виновнымъ предъ закономъ, уже само по себѣ съ самаго начала поселяетъ въ немъ любовь къ Этому Спасителю, Котораго онъ еще не знаетъ. Когда же проповѣдникъ начнетъ болѣе подробную рѣчь о Христѣ, любовь язычника къ Спасителю возгорится еще сильнѣе, и сердце его будетъ готово къ довѣрчивому воспріятію всего ученія Его. Такимъ образомъ, означенное расположеніе духа слушателя облегчаетъ для проповѣдника открытіе, а для язычника воспріятіе таинства нашего спасенія.

Показавъ необходимость искупленія рода человѣческаго и безграничную любовь Божію къ людямъ, проповѣдникъ долженъ преподать языщикамъ евангельскую исторію о Богѣ—Словѣ, долженъ сообщить имъ о пришествіи въ міръ

обѣтованнаго Искушителя, Его предвѣчномъ рожденіи отъ Отца, здѣсь же сказавъ кратко и просто о таинствѣ Пресвятой Троицы. Рѣчь проповѣдника должна коснуться воплощенія, рождества, земной жизни, ученія, страданія, смерти, воскресенія, вознесенія на небо Господа Иисуса Христа, всегдашняго Его пребыванія съ вѣрующими, второго Его пришествія, воскресенія мертвыхъ, будущей жизни, воздаянія праведнымъ и грѣшнымъ. Наконецъ, миссіонеръ долженъ рассказать, что Господь Иисусъ Христосъ во время земной жизни Своей имѣлъ многихъ учениковъ, изъ которыхъ Онъ избралъ 12, далъ имъ особенную благодать и силу и послалъ ихъ во весь міръ проповѣдывать Евангеліе всей твари; что все, чему они учили, и что заповѣдалъ Господь Иисусъ Христосъ, изложено въ ихъ писаніяхъ, которыя дошли и до насъ, и которыя уже извѣстны почти всѣмъ народамъ, и что всѣ добрые и простосердечные люди, которымъ удалось услышать ученіе ихъ, приняли его съ радостію и послѣдовали и слѣдуютъ Ему. Такіе люди обыкновенно называются христіанами; а тѣ изъ нихъ, которые точно соблюдали слово Господа Иисуса Христа, сдѣлались святыми, и тѣла многихъ изъ нихъ почиваютъ цѣлые вѣка нетлѣнными. Преподавъ язычникамъ такое ученіе, миссіонеръ можетъ сдѣлать своимъ слушателямъ предложеніе, не пожелаютъ ли и они вступить въ число вѣрующихъ въ Господа Иисуса Христа и чрезъ Него получить вѣчное блаженство?—„Сего ученія вѣры,—говоритъ митрополитъ Московскій Иннокентій,—на первый разъ для неслышавшихъ прежде слова спасенія довольно“. При изъясненіи указанныхъ предметовъ вѣры надобно говорить обдуманно, ясно, отчетливо и по возможности кратко, иначе проповѣдь миссіонера будетъ имѣть мало успѣха. При изложеніи ученія Господа Иисуса Христа въ данномъ случаѣ не нужно много распространяться, т. е. не слѣдуетъ упоминать всего, что сказалъ Онъ, но нужно говорить пока только, что все ученіе Господа Иисуса Христа заключается въ томъ, чтобы мы покаялись, вѣровали въ Него, имѣли къ Нему, а также и ко

всѣмъ людямъ безкорыстную, чистую любовь. Въ подтвержденіе ученія Спасителя слѣдуетъ кратко разсказать о чудесахъ Его.

Когда миссіонеръ увидитъ, что слушатели поняли его, и когда онъ услышитъ отъ нихъ желаніе вступить въ Церковь Христову, тогда онъ долженъ говорить имъ объ условіяхъ для желающихъ вступить въ число вѣрующихъ, о св. крещеніи, какъ таинственномъ возрожденіи отъ воды и духа, вводящемъ въ новую, христіанскую жизнь, и о прочихъ таинствахъ, какъ средствахъ къ полученію божественной благодати, и, наконецъ, о томъ, какъ долженъ вести свою жизнь человѣкъ, желающій быть истиннымъ христіаниномъ. Къ условіямъ, подъ которыми желающіе могутъ вступить въ число учениковъ Господа Іисуса Христа, относятся: отреченіе язычника отъ прежней своей вѣры, оставленіе своихъ языческихъ заблужденій, напр.— шаманства, и обычаевъ, противныхъ христіанству, рѣшимость исполнять всѣ требованія новаго закона и исповѣданіе грѣховъ своихъ. Желающимъ сдѣлаться христіанами и согласившимся выполнять всѣ указанныя условія нужно говорить, что вступленіе въ христіанство есть дѣло великое и важное, и потому оно должно быть обставлено торжественно, гдѣ желающій вступить въ Церковь Христову долженъ предъ свидѣтелями отречься отъ всего противнаго христіанской вѣрѣ, дать обѣщаніе быть вѣрнымъ ученикомъ Господа Іисуса Христа и все это запечатлѣть св. крещеніемъ. При этомъ слѣдуетъ выяснитъ, что крещеніе есть вмѣстѣ и видимый знакъ вступленія въ христіанство, и средство къ очищенію души отъ грѣховъ, и дверь къ принятію прочихъ таинствъ св. Церкви, преподающихъ благодать Божію, почему здѣсь же слѣдуетъ дать понятіе и о всѣхъ вообще таинствахъ. Кромѣ того, въ это же время должно показать достоинство св. Креста и силу крестнаго знаменія, а также смыслъ и значеніе почитанія св. иконъ. Что касается ученія о томъ, какъ долженъ вести себя христіанинъ, на первый разъ достаточно ограничиться разъясненіемъ только того, что кто хочетъ быть

истиннымъ христіаниномъ, тотъ долженъ съ вѣрою, надеждою и любовію предать себя Господу Іисусу Христу и подражать Ему во всемъ, т. е. стараться, сколько возможно, поступать всегда такъ, какъ поступалъ и училъ поступать Самъ Спаситель. Наконецъ, язычниковъ, готовящихся къ принятію христіанства, нужно утвердить въ той мысли, что никто, въ особенности же полагающійся на свои силы, не можетъ быть безъ помощи Божіей истиннымъ ученикомъ Господа Іисуса Христа, и если бы Христосъ, по Своей великой любви къ людямъ, не даровалъ намъ Своей помощи, то никто и никогда не могъ бы сдѣлаться совершеннымъ послѣдователемъ Его. Помощь эта—Св. Духъ, благодать Котораго ниспосылается каждому истинному христіанину по его искренней и усердной молитвѣ къ Богу. Истинная же молитва есть обращеніе сердца къ Богу съ покорностію, вѣрою и надеждою. Молиться можно вездѣ и всегда, преимущественно же близка благодатная помощь Божія въ молитвѣ церковной ¹⁾).

Такого ученія вполне достаточно для язычниковъ, никогда не слышавшихъ о Христѣ или очень мало слышавшихъ о Немъ. Болѣе указаннаго не слѣдуетъ преподавать язычникамъ, потому что они не въ состояніи будутъ усвоить ученіе Христа и Церкви во всей его глубинѣ и полнотѣ. Миссіонеръ долженъ руководиться въ данномъ случаѣ примѣромъ великаго апостола языковъ, писавшаго коринѣянамъ: „Я не могъ говорить съ вами, братія, какъ съ духовными, но какъ съ плотскими, какъ съ младенцами во Христѣ. Я питалъ васъ молокомъ, а не твердою пищею, ибо вы были еще не въ силахъ, да и теперь не въ силахъ; потому что вы еще плотскіе“ (I Кор. 3, 1—3). Болѣе подробное ученіе вѣры и нравственности христіанской должно составлять предметъ проповѣди священника, преподаваемой въ разныхъ видахъ людямъ, уже принявшимъ христіанство. Свящ. А. Юрьевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ *Иннокентій*, митр. Моск. Наставленіе священнику, назначенному для обращенія иновѣрныхъ и руководствованія обращенныхъ въ христіанскую вѣру. „Прав. Благ.“, 1895 г., № 14.

Къ характеристикѣ современныхъ настроеній.

16-го сентября истекающаго года скончался въ Парижѣ французскій писатель романистъ Эмиль Золя. Имя Эмиля Золя пользуется міровою извѣстностью. Его многочисленныя сочиненія переведены на языки всѣхъ европейскихъ народовъ и разошлись въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ экземпляровъ, при чемъ нѣкоторые романы Золя выдержали болѣе ста изданій. У насъ въ Россіи, въ частности, Золя, какъ писатель, извѣстенъ и любимъ не менѣе, чѣмъ на своей родинѣ: его произведенія обыкновенно появлялись въ русскомъ переводѣ тотчасъ же по выходѣ ихъ во Франціи, помѣщались на страницахъ газетъ и журналовъ, одновременно предлагались въ нѣсколькихъ переводахъ и въ настоящее время имѣютъ многочисленныхъ читателей и поклонниковъ во всѣхъ слояхъ нашего общества.

Въ своихъ романахъ Золя не ограничивается описаніемъ одной только внѣшней формы жизни, а затрогиваетъ вопросы религіи и нравственности; въ послѣднихъ же своихъ произведеніяхъ онъ прямо выступаетъ въ качествѣ критика христіанскихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и въ качествѣ проповѣдника новаго евангелія, новой религіи. Живой интересъ къ этимъ произведеніямъ несомнѣнно весьма поучителенъ и служитъ яркой характеристикой настроенія современнаго человѣчества и нашего общества; онъ показываетъ, что Золя удовлетворяетъ современнымъ вкусамъ и является выразителемъ нынѣшняго общественнаго настроенія, нынѣшнихъ мыслей и чувствъ по вопросамъ религіи и нравственности.

Что же именно даетъ покойный писатель въ своихъ произведеніяхъ? Какой морали и религіи поучаетъ онъ милліоны тѣхъ людей, которые имъ зачитываются и въ настоящее время оплакиваютъ его безвременную смерть?

Литературная дѣятельность Золя началась съ 1864 года.

Но известность себя Золя завоевалъ только двадцатитомной серіей романовъ, вышедшей подъ заглавіемъ „Ругоны-Маккаръ“ и закончившейся въ 1893 г. Слѣдующимъ произведеніемъ Золя была трилогія „Лурдь“, „Римъ“ и „Парижъ“ („Три города“). Наконецъ, послѣднимъ его произведеніемъ была серія, носящая заглавіе „Четыре Евангелія“ и состоящая изъ четырехъ романовъ, изъ которыхъ два вышли („Плодовитость“ и „Трудъ“), третій („Истина“) печатается, а четвертый („Справедливость“) остается не оконченнымъ.

Своеобразныя воззрѣнія Золя и его литературныя приемы въ первую половину писательской дѣятельности обнаружались съ особенною яркостью въ его романахъ Ругоны-Маккары ¹⁾. Отличительной чертой этихъ романовъ является мрачный пессимизмъ, проникающій ихъ отъ начала и до конца, холодное отчаяніе человѣка, который ни во что не вѣритъ и ничего не любитъ. Для Золя нѣтъ ни Бога, ни идеаловъ. Единственное божество для него—„обширная природа, вѣчно производящая жизнь, чуждая высокаго и низменнаго“, равнодушная къ людямъ. Общечеловѣческіе идеалы добра и красоты для Золя пустая романтика и реторика, только „красивыя нервныя волненія“. Конечъ человѣческой жизни есть превращеніе въ землю, которая одна только вѣчна и безсмертна. „О, добрая земля, говоритъ Золя въ одномъ мѣстѣ своихъ произведеній, прими меня ты, общая мать, единственный источникъ жизни! Ты, вѣчная, безсмертная, гдѣ круговращается душа міра, этотъ жизненный сокъ, разлитый до самыхъ камней и дѣлающій деревья нашими неподвижными братьями! Да, я желаю потеряться въ тебѣ“!..

Если нѣтъ ничего, кромѣ земли и „великой механики звѣзд“, то всякая религія, и въ томъ числѣ христіанская,

¹⁾ Въ этой серіи Золя изображаетъ общественную исторію Франціи въ періодъ второй имперіи. Эту исторію онъ слѣдитъ параллельно съ исторіей семьи Ругоновъ-Маккаровъ, члены которой являются героями романовъ. На исторіи Ругоновъ Золя доказываетъ законъ наслѣдственности.

есть только иллюзія. „Ахъ! цѣловать дорогихъ сердцу мертвыхъ, говорить себѣ, что съ ними вновь встрѣтишься, будешь жить среди лучезарнаго безсмертія, быть увѣреннымъ въ верховной справедливости, чтобы выносить проклятіе земного существованія, убивать такимъ образомъ ужасную мысль объ уничтоженіи, ускользать отъ страха предъ исчезновеніемъ моего я и успокоиться, наконецъ, въ непоколебимой вѣрѣ, которая отлагаетъ на другой день послѣ смерти счастливое рѣшеніе всѣхъ загадокъ судьбы!.. Это мечта, но народы мечтать будутъ ее долго“!.. Считая иллюзіей религіозныя вѣрованія, Золя съ особенной ненавистью относится къ христіанству. Никто еще не дѣлалъ столь дерзкаго вызова христіанской религіи, какъ Золя въ своей „Землѣ“.

Безъ вѣры въ будущее и въ идеаль, жизнь человѣческая является для Золя безсмысленнымъ бременемъ, отъ котораго желательна скорѣе избавиться. Свое убѣжденіе въ этомъ Золя выражаетъ въ такихъ характерныхъ, внушаемыхъ имъ одному герою размышленіяхъ: „Часто его воображенію рисовался Лазарь, выходящій изъ гроба съ крикомъ: Господи! зачѣмъ Ты пробудилъ меня для этой ужасной жизни? Я такъ сладко спалъ вѣчнымъ сномъ безъ грезъ, я вкусилъ наконецъ блаженный покой въ сладости небытія. Я испыталъ всевозможныя несчастія и всевозможныя скорби, трагедіи, ложныя надежды, бѣдность, болѣзнь. Я заплатилъ страданію мой ужасный долгъ живого существа, ибо я родился, не зная, зачѣмъ,— жилъ, не зная какъ. И вотъ, Господи, Ты заставляешь меня платить этотъ долгъ второй разъ, осуждая начать жизнь снова. Неужели я совершилъ какой-либо неискупимый грѣхъ, что Ты наказываешь меня столь жестокимъ судомъ?.. О, Господи! я заклинаю Тебя, соверши другое великое чудо, усыпи меня въ этомъ гробѣ, заставь меня снова заснуть, не страдая, прерваннымъ вѣчнымъ сномъ... усыпи меня въ сладости небытія“!

Будучи тяжелой, бессмысленной ношей, неизвѣстно зачѣмъ возложенной на людей, жизнь, по Золя, есть вмѣстѣ съ тѣмъ бездна порока, отвратительная клоака, въ которой ко-

пошатся ничтожныя и грязныя существа, называемыя людьми. Золя знаетъ въ дѣятельности людей только три движущія силы—корыстолюбіе, честолюбіе и сластолюбіе,—и всѣ другіе мотивы для него есть одно лицемѣріе. Любовь во всѣхъ ея видахъ есть одинъ только разсчетливый эгоизмъ, благочестіе—смѣсь суевѣрія и обмана. Люди для Золя только разнообразность животныхъ, это, по его буквальному выраженію, „скоты въ человѣческомъ образѣ“, ведущіе борьбу за существованіе, безъ высшихъ цѣлей, безъ высшихъ побужденій. Въ романахъ первой серіи нельзя найти у Золя ни одного хорошаго человека; всѣ, описанные имъ люди, до того гнусны и презрѣнны, что единственный конецъ имъ—погибель, которую и устраняетъ имъ авторъ въ концѣ романовъ... Указывать на мерзость жизни есть, конечно, долгъ всякаго честнаго писателя. Но особенность Золя въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, что за описаніемъ отвратительныхъ зрѣлищъ у него не скрывается никакихъ нравственныхъ принциповъ. Изображая эти зрѣлища, Золя не только не выражаетъ ничѣмъ своего негодованія по поводу нихъ, а напротивъ, какъ-бы съ злорадствомъ Мефистофеля заставляетъ любоваться ими и говорить: „смотрите, вотъ каковъ міръ“! Онъ старается нарочито нагромоздить предъ читателемъ цѣлыя горы нечистотъ. Онъ подолгу и съ видимой любовью останавливается на томъ, что достаточно только указать; повторяетъ много разъ то, о чемъ достаточно упомянуть однажды, не только говоритъ обо всемъ безъ утайки, но и старается подчеркнуть самыя мелкія детали. Противники Золя имѣютъ полное право называть его романы „литературой сточныхъ трубъ“, „литературой скандаловъ“ и „культомъ плоти“. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Золя выставилъ свою кандидатуру въ Академію, то эти противники выпустили въ свѣтъ брошюру, представлявшую сводъ скабрзныхъ мѣстъ изъ его произведеній, и брошюра вышла такою, что ее конфисковала полиція.

Таковъ Золя въ первую половину своей литературной дѣятельности.

Съ окончаніемъ первой серіи романовъ, Золя, по разнымъ обстоятельствамъ, измѣнилъ свое направленіе и свои литературные приемы. Не удовлетворяясь уже прежнимъ пессимизмомъ, онъ ищетъ теперь смысла въ жизни и идеала для нея. Онъ приходитъ къ необходимости создать новую религію. Но, прежде чѣмъ выступить съ проповѣдью ея въ „Четырехъ Евангеліяхъ“, Золя подвергъ критикѣ религіозный идеалъ современнаго католичества. Эту цѣль онъ преслѣдуетъ особенно въ романѣ „Лурдъ“, надѣлавшемъ въ свое время очень много шума. Герой романа, аббатъ Пьеръ Фроманъ, былъ вѣрующимъ католикомъ. Но современная наука расшатала его вѣрованія и зародила въ немъ сомнѣнія. Для борьбы съ этими сомнѣніями Пьеръ Фроманъ рѣшаетъ возвратиться къ наивной вѣрѣ ребенка и ѣдетъ учиться этой вѣрѣ въ Лурдъ, куда стекаются сотни тысячъ богомольцевъ и гдѣ эта вѣра проявляется во всей своей полнотѣ. Описаніе Лурда съ его религіозными церемоніями и совершающимися тамъ исцѣленіями и представляетъ собою оцѣнку современнаго католицизма и христіанской вѣры вообще. Общій приговоръ автора объ этой вѣрѣ тотъ, что она отжила свой вѣкъ, что она умираетъ и ее необходимо замѣнить новой. Эта старая вѣра, по мнѣнію Золя, зиждется, съ одной стороны, на обманѣ ловкихъ дѣльцовъ, фабрикующихъ святыни и чудеса, а съ другой,—на суевѣрїи толпы, жаждущей иллюзій. Она требуетъ, по мнѣнію Золя, нелѣпныхъ обрядовъ и бессмысленныхъ обѣтовъ, она заставляетъ отрекаться и отъ науки, и отъ разума. Она не только не способствуетъ улучшенію людей, а напротивъ, развращаетъ ихъ, какъ развратился нравственно Лурдъ, ставшій убѣжищемъ этой вѣры и святыней католичества.

Разочаровавшись въ старой религіи, Пьеръ Фроманъ пытается создать на почвѣ того-же католичества новую практическую религію любви и братства, безъ вѣры въ отвлеченное. Онъ составляетъ книгу, въ которой раскрываетъ необходимость возрожденія католичества и возвращенія его къ первымъ вѣкамъ христіанской эры. Но книга Фромана подвер-

гается интердикту, и, когда онъ прѣзжаетъ въ Римъ для защиты ея, то здѣсь онъ убѣждается въ невозможности возрожденія католичества,—въ томъ, что Римъ такой же анахронизмъ, какъ и Лурдъ. Аббатъ Фроманъ кончаетъ тѣмъ, что, разувѣрившись въ чудесахъ Лурда и въ спасительности католицизма, онъ сбрасываетъ съ себя рясу, женится и становится родоначальникомъ семьи энергичныхъ работниковъ. Новая религія, на которой онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ Золя, останавливается, есть религія плодovitости и труда; это вѣра въ необходимость служенія природѣ, вѣра въ спасительность неустаннаго созиданія жизни и въ святость труда. „Размножайтесь и да будетъ вамъ благо“, вотъ, по мнѣнію Золя, основная заповѣдь новой религіи, основная цѣль жизни и главный источникъ счастья. „Какъ можно больше жизни, чтобы какъ можно больше было счастья... Побѣдоносная плодovitость остается несомнѣнной силой, верховной владычицей, которая одна создаетъ будущее... Пусть плодovitость все возрастаетъ, пусть человѣческое сѣмя переносится чрезъ границы, пусть идетъ населять необработанныя пустыни, пусть оно расширяетъ человѣчество въ грядущихъ вѣкахъ, пока наступитъ царство верховной жизни, въ концѣ концовъ владычицы времени и пространства“... Подробное раскрытіе этого исповѣданія вѣры Золя имѣлъ предложить въ своихъ, не законченныхъ за смертью, „Четырехъ евангеліяхъ“, центральными фигурами которыхъ являются Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ,—четыре сына создателя новой религіи—аббата Фромана.

Такимъ образомъ, начавъ крайнимъ пессимизмомъ, отверженіемъ христіанства и всякихъ идеаловъ, Золя закончилъ странной проповѣдью о плодovitости и трудѣ. Очевидно, эта проповѣдь, кощунственно названная евангеліемъ, и не оригинальна, и не нова, и ничего вообще не представляетъ кромѣ простой реторики и перезвона фразъ. Кого можетъ удовлетворить эта религія плодovitости и труда! Мучительные вопросы жизни ею нисколько не разрѣшаются, ибо прежде чѣмъ исполнить заповѣди объ умноженіи жизни и труда, нужно еще

знать, зачѣмъ это умноженіе и зачѣмъ этотъ трудъ... Не извѣстно, до чего дошелъ бы Золя, въ дальнѣйшей литературной дѣятельности. Но разсматривая то, что онъ успѣлъ дать, мы должны признать, что роль его въ исторіи религіи и этики была только отрицательная. Свои великіе таланты онъ употребилъ не для созиданія, а для разрушенія: онъ втопталъ въ грязь общечеловѣческіе идеалы и само челоуѣчество, натроиздилъ груды нечистотъ и отнялъ у многихъ вѣру въ смыслъ и цѣль жизни... И этотъ вредъ, приносимый сочиненіями Золя, не можетъ быть искупленъ никакими ихъ художественными достоинствами, какъ велики они ни были бы...

Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы конецъ Золя былъ и концомъ того направленія, которое породило и его романы, и увлеченіе ими въ обществѣ.

Вл. Р.

Изъ распоряженій епархіальныхъ начальствъ.

Тамбовская духовная Консисторія слушала нижеслѣдующую резолюцію Его Преосвященства, послѣдовавшую 30-го октября сего года на журнальномъ опредѣленіи Консисторіи, состоявшемся по прошенію одного изъ запатныхъ священниковъ о предоставленіи ему вновь штатнаго священническаго мѣста: „Удовлетвореніе просьбы священника N было бы поощреніемъ злоупотребленія. На дняхъ одинъ священникъ явился ко мнѣ съ прошеніемъ, въ которомъ прямо говоритъ, что, не имѣя возможности дать за своею дочерью приданаго, онъ желаетъ (вмѣсто приданаго) уступить своему будущему зятю приходъ. А самъ—цвѣтуцій здоровьемъ человекъ лѣтъ 45-ти, черезъ годъ какой нибудь явился бы съ прошеніемъ, что, чувствуя себя еще въ силахъ (еще бы!) и ища дѣятельности, проситъ и проч. Открылась бы настоящая торговля приходами, какъ придаными. Священникъ N жалуется, что его семейство терпитъ нужду въ самомъ необходимомъ, такъ какъ ему трудно найти средства путемъ исправленія требъ и богослуженій за больныхъ священниковъ: выздоровленіе больного священника оставляетъ его безъ заработка. Въ то же время отъ больныхъ священниковъ приходилось мнѣ слышать объ ихъ безысходныхъ затрудненіяхъ вслѣдствіе невозможно-

сти найти временнаго замѣстителя изъ заштатныхъ священниковъ (гдѣ его искать?). А услуги священниковъ—сосѣдей недостаточны.

Я нахожу, что Консисторія могла бы безъ затрудненія для себя, но съ пользою для дѣла и для нуждающихся, какъ больныхъ, такъ и заштатныхъ священниковъ, открыть при одномъ изъ своихъ столовъ пріемъ заявленій какъ отъ священниковъ больныхъ или уѣзжающихъ въ разрѣшенный отпускъ (а то и посылаемыхъ въ монастырское подначаліе), нуждающихся во временномъ (не долѣе 4-хъ мѣсяцевъ) замѣстителѣ,—такъ и отъ священниковъ заштатныхъ, еще бодрыхъ и нравственно благонадежныхъ, предлагающихъ себя во временныя замѣстители. Это „бюро“ освободило бы и священниковъ и приходы отъ многихъ затрудненій. Заштатные священники были бы чѣмъ то въ родѣ запасныхъ священниковъ. И не было бы нужды обращаться въ трудныхъ приходскихъ случаяхъ въ монастыри за іеромонахами, которыхъ внѣмонастырская дѣятельность—прямое нарушеніе устава монашескаго“. Приказали: Резолюцію Его Преосвященства объявить ко всеобщему свѣдѣнію духовенства епархіи, чрезъ пропечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, съ присовокупленіемъ, что заштатные священники, по физическимъ силамъ и нравственнымъ качествамъ правоспособные къ отправленію пастырскихъ обязанностей, желающіе принимать на себя, по указанію отъ Епархіальнаго Начальства, временное отправленіе церковныхъ службъ и требъ въ приходахъ за больныхъ, увольняемыхъ въ отпускъ или посылаемыхъ въ монастырское подначаліе священниковъ, а равно священники, нуждающіеся, по одному изъ вышеуказанныхъ случаевъ, во временныхъ себѣ замѣстителяхъ, должны обращаться съ своими заявленіями въ Духовную Консисторію, на предметъ соотвѣтственныхъ распоряженій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 16 декабря 1902 г

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

ВѢЖЕВЪДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 52.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при кievской
духовной Семинаріи.

1902 года, декабря 29-го.

Содержаніе: Думы пастыря наканунѣ Нового Года.—Толковая Библия для народа.—Миссіонерская проповѣдь (окончаніе).—Добрыя вѣсти для церковно-школьныхъ дѣятелей.—О веденіи въ исправности клировыхъ вѣдомостей.

Думы пастыря наканунѣ Нового Года.

Благодареніе Господу и еще одинъ годъ моей жизни протекъ въ вѣчность, и еще Милосердый Господь даетъ мнѣ время для покаянія и добродѣланія на нивѣ Христовой. Воспользуюсь ли я только Богодарованнымъ мнѣ временемъ для собственнаго спасенія и спасенія вѣранныхъ моему попеченію христіанскихъ душъ, не окажусь ли рабомъ лукавымъ и лѣнивымъ,—вотъ вопросъ, который неизбѣжно встаетъ предо мною, когда я оглядываюсь на протекшій годъ. Обыкновенный мірянинъ, послѣдователь ученія Христова, отвѣчаетъ главнымъ образомъ за спасеніе свое и своихъ домочадцевъ—свою домашнюю церковь, а пастырь Церкви, какъ ветхозавѣтный первосвященникъ, долженъ дать отвѣтъ предъ Богомъ не только „о своихъ грѣхахъ, но и о людскихъ невѣжествіяхъ“. Сугубая дана ему честь, но и сугубая предстоитъ отвѣтственность...

Обозрѣвая мыслию ушедшій въ вѣчность годъ, я ясно вижу, какъ много-много было сдѣлано униженій и ошибокъ въ исполненіи обязанностей моего пастырскаго долга. Живо припоминаю я тѣ многочисленные случаи, когда я по своей немощи—вѣрнѣе нерадѣнію—не позаботился въ должной мѣрѣ о спасеніи ввѣренныхъ моему попеченію чадъ духовныхъ. Какъ теперь вижу предъ собою несчастнаго Карпа, преданнаго пороку пьянства и требовавшаго особенно внимательнаго о себѣ попеченія. Это былъ истый алкоголикъ, весь пропитанный разрушительнымъ ядомъ алкоголизма. И что же я сдѣлалъ для спасенія его?—весьма мало и почти что ничего: пробовать убѣждать, усовѣщевать при удобномъ случаѣ и только... Нѣтъ, не такъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ любящій заблудшее овца истинный пастырь Христова стада... Онъ забилъ бы тревогу, поднялъ бы на ноги всѣхъ для спасенія погибающаго сына... Онъ, подобно св. Іоанну Богослову, не взирая на немощь плоти и старческіе годы, не убоившемуся отправиться въ горы разыскивать заблудшаго юношу - разбойника, употребилъ бы всѣ усилія ко спасенію погибающаго собрата во Христѣ. Я же все медлилъ, раздумывалъ, пока не потерялъ навсегда заблудшую овцу!.. Несчастный Карпъ скоростижно умеръ при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ. И только ли одинъ Карпъ,—а р. б. Іоаннъ изъ духовнаго званія, а Данилъ изъ сословія военныхъ, а Петръ—изъ торговаго класса, а Никита, бывшій ремесленникъ, и много другихъ, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси, не при тѣхъ ли тяжелыхъ обстоятельствахъ переходятъ въ вѣчность..., не такъ ли погибаютъ, какъ погибъ р. б. Карпъ. Кто дастъ отвѣтъ за нихъ предъ Богомъ? Кто заплатитъ собственнымъ спасеніемъ за гибель меньшихъ собратій во Христѣ?—Не я ли многогрѣшный, дорожащій своимъ покоемъ и думающій только о себѣ и своихъ присныхъ... Пристально взглядываюсь я въ себя и вижу, что нѣтъ во мнѣ любви къ людямъ, нѣтъ той Евангельской закваски, которая кваситъ все тѣсто нашей жизни. Не разъ я думалъ, почему это люди изъ всѣхъ силъ спасаютъ утопа-

ющаго въ рѣкѣ, вѣдь тонеть и гибнетъ одно тѣло, а душа— можетъ быть и праведна предъ Богомъ,—тонущаго же въ омутѣ пьянства никто не думаетъ спасать, хотя здѣсь безповоротно гибнутъ душа и тѣло человѣка.—Вотъ тоже другое великое зло современной намъ городской да и сельской жизни—незаконное сожителство и нарушеніе супружеской вѣрности, столь сильно распространившіеся въ послѣднее время не только среди образованныхъ классовъ, но и простецовъ. Сильно пораспатались нынѣ устои семейной жизни среди жителей нашихъ городовъ, особенно большихъ и многолюдныхъ центровъ. Съ глубокимъ прискорбіемъ приходится видѣть, какъ городская прислуга, наполняемая выходцами изъ сель и деревень, постепенно отвыкаетъ отъ простоты нравовъ своихъ односельчанъ, какъ она, забывая законъ Божій и человѣчскій, открыто сожительствуетъ внѣ брака. Сколько разныхъ кухарокъ, прачекъ, дворниковъ, лакеевъ живутъ открыто по нѣскольку лѣтъ, не боясь Бога и не стыдясь людей. „Какъ тебѣ не совѣстно, Марія, говорю одной кухаркѣ, повстрѣчавшись на дняхъ, жить не по закону съ твоимъ женихомъ,—почему ты не вѣнчаешься“. „Хотѣла, батюшка, слышу въ отвѣтъ, но никакъ не могу раздобыть документовъ для вѣнца, то одного не хватаетъ, то другого, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ тянется эта свадьба съ суженымъ... Горе, что и говорить, а тутъ и дѣти пошли“... Горе не только Маріи и ей подобнымъ, но и намъ пастырямъ отъ такой жизни нашихъ прихожанъ,—не легкое дѣло, что и говорить, документы для брака раздобыть и выправить, но еще болѣе труднѣе убѣдить сожительствующихъ оставить свою незаконную жизнь. Грѣхъ блуда, какъ и всякій другой грѣхъ, пускаетъ такіе глубокіе корни во всемъ существѣ человѣка, что требуются неимоверныя усилія, чтобы съ Божіей помощію препобѣдить его. Борьба съ нимъ не легка особенно потому, что онъ питается живительными соками пагубнаго порока пьянства, которымъ поддерживается и которымъ усиливается.

Глубокая скорбь объемлетъ сердце мое, когда я вижу, какъ сильно падаетъ народъ нашъ въ нравственномъ отноше­ нии, какъ онъ постепенно тонетъ въ порокахъ пьянства и распутства. Особенно больно видѣть, какъ страдаютъ при этомъ дѣти-подростки, воспитываемыя подъ живымъ впечатлѣ­ ниемъ всѣхъ безобразій гибельныхъ пороковъ. Лишенные доб­ рыхъ примѣровъ въ семьѣ, такія дѣти впоследствии сами ста­ новятся алкоголиками, ими по большей части и наполняются наши тюрьмы, больницы для умалишенныхъ, исправительныя колоніи и т. д. Горе, горе намъ отъ пьянства!—Волны его, кажется, готовы залить собою православную Русь, искоренить въ ней все доброе, святое... Но что же дѣлать?—гдѣ и въ чемъ искать спасенія отъ такой бѣды? Откуда должно придти избавленіе отъ облегающей насъ темной тучи народнаго пьян­ ства?—Въ Богѣ наше упованіе и надежда,—отъ Него при­ деть и избавленіе Россіи отъ ея страшнаго бѣдствія—вотъ единственно утѣшительный голосъ, идущій къ намъ съ неба, который со всею ясностью предносится уму и сердцу каж­ даго пастыря Церкви. Иначе и быть не можетъ: Нашъ Гос­ подь и Спаситель Иисусъ Христосъ пришелъ не праведниковъ призвать къ покаянію, но грѣшниковъ, заповѣдавъ и намъ шествовать по стопамъ св. заповѣдей Его. Взирая на при­ мѣръ Нашего Подвигоположника, и мы, дорогіе сопастыри во Христѣ, будемъ по мѣрѣ силъ нашихъ спасать погибающихъ духовныхъ чадъ своихъ. Трудное, скажутъ иные, дѣло это.— Да, трудное, отвѣтимъ, но не невозможное съ Божіей помощью. Трудное, добавимъ, одному, по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“, но не невозможное для цѣлаго собранія вѣру­ ющихъ. Что мѣшаетъ намъ, пастырямъ Церкви, привлечь къ участию въ борьбѣ съ пьянствомъ и его исчадіемъ-распутствомъ болѣе нравственныхъ и трезвенныхъ членовъ нашего прихода. Если справедливо, а съ этимъ нельзя не согласиться,—что въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ много помогаютъ ревнители православія изъ среды самаго же народа, то то же слѣдуетъ признать еще въ большей степени и относительно борьбы съ

пьянствомъ. Какъ много могутъ помочь намъ въ этомъ важномъ дѣлѣ представители трезвой, трудовой жизни изъ среды нашихъ же прихожанъ, какъ при дѣятельномъ участіи ихъ мы можемъ мало по малу извлекать изъ омута пьянственнаго погибающихъ собратій во Христѣ. Наиболѣе спасительнымъ якоремъ въ борьбѣ съ указаннымъ порокомъ, какъ и другими язвами нашей современной жизни—служить возстановленіе древнѣйшихъ у насъ на Руси *приходскихъ братствъ*, въ дѣятельности которыхъ находятъ наилучшее объединеніе силы пастыря и пасомыхъ. Звенкомъ же, тѣсно связывающимъ тѣхъ и другихъ, служить дѣятельная христіанская любовь. Окрыляемая пламенною любовію, она то да согрѣетъ сердца насъ—пастырей и нашихъ пасомыхъ для совмѣстно-дружной братской работы на нивѣ Христовой въ наступающемъ 1903 году.

Сопастырь во Христѣ.

Толковая Библия для народа.

Вопросъ о пользѣ чтенія св. писанія всеми вѣрующими и о необходимости сдѣлать это чтеніе однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ народнаго просвѣщенія не принадлежитъ къ числу вопросовъ спорныхъ, возбуждающихъ сомнѣніе и требующихъ обстоятельныхъ разъясненій. Но, можетъ быть, поэтому самому онъ обсуждается въ обществѣ и печати весьма мало даже съ той стороны, которая заслуживала бы внимательнѣйшаго изученія. Вѣдь безусловно справедливо, что въ наше время Библия, за исключеніемъ Псалтири и Евангелія, читается мало, гораздо меньше, чѣмъ требуется существомъ дѣла, и чѣмъ выше въ умственномъ отношеніи та или другая среда, тѣмъ въ большемъ пренебреженіи у нея чтеніе Слова Божія. Чѣмъ же объясняется такое отношеніе къ Библии? Неужели во все времена служившая неоскудѣвающимъ источникомъ истиннаго просвѣщенія и духовнаго обновленія людей, Библия нынѣ потеряла это свое значеніе и

перестала быть „свѣтильникомъ, сіяющимъ въ темномъ мѣстѣ“? Неужели чтеніе Слова Божія нынѣ уже не приноситъ того духовнаго удовлетворенія, какое находили въ немъ христіане первыхъ вѣковъ и наши предки?—Конечно, приноситъ; какъ въ прежнія времена, такъ и теперь оно „и душу содѣлываетъ цѣломудренною, и смиряетъ умъ, и сердце изощряетъ въ добродѣтели, и мысли возводитъ на небеса къ обѣтованіямъ Владыки, и приводитъ къ духовнымъ трудамъ, и избавляетъ отъ житейскихъ печалей свѣта сего“ (Кириллъ Туровскій); оно непрерывно источаетъ обильные потоки „воды живой“, и народъ, напоемый струями этой воды, всегда будетъ „какъ дерево, посаженное при потокахъ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое, и листь котораго не вянетъ, и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, успѣетъ“ (Ис. 1, 2, 3). И современный русскій человѣкъ непоколебимо вѣритъ въ просвѣтельную силу божественныхъ писаній, почитая ихъ кладеземъ всякой мудрости, а грамоту—дверью, отверзаемою къ чтенію и уразумѣнію ихъ. Вотъ, на примѣръ, какъ выражаются простые крестьяне объ Евангеліи: „Евангеліе—это удивительная книга; мы, слабѣе люди, ежедневно согрѣшаемъ мыслями, а какъ почитаемъ опять Евангеліе,—оно обновить и освѣжить наши силы“. „Какъ Евангеліе почитаемъ, то оно тебѣ глаза откроетъ“. „Чудо какое чтеніе о нашемъ Спасителѣ! Просто, братцы, заплачешь“. „Такъ и сердце расшибеть!“ „Вотъ на свѣтѣ нѣтъ другой такой книги! Возьмешь, почитаемъ, положишь,—потомъ опять возьмешь читать“. „Это—книга читательная“ ¹⁾. Но при всемъ этомъ Библия, въ цѣломъ своемъ составѣ, имѣетъ ограниченное распространеніе въ народѣ,—обстоятельство весьма печальное, на которое давно бы слѣдовало обратить серьезное вниманіе.

Въ 11 и 12 стол. у насъ на Руси чтеніе свящ. книгъ пользовалось громаднымъ уваженіемъ и широко было распространено въ народѣ, о чемъ съ несомнѣнностью свидѣтель-

¹⁾ Ник. Астафьевъ. Опытъ исторіи Библии въ Россіи. 1889. Стр. 186.

ствуесть обиліе списковъ божественныхъ писаній, сохранившихся отъ того времени. При этомъ замѣчательно, что библейскія книги употреблялись преимущественно съ толкованіями, руководившими читателей къ пониманію смысла библейскаго текста и предохранявшими ихъ отъ разныхъ заблужденій. Наступившее въ 13 вѣкѣ монгольское иго явилось тяжелымъ испытаніемъ для только-что начавшагося просвѣщенія народа. Словомъ Божіимъ, такъ какъ нашествія татаръ сопровождались истребленіемъ библіотекъ, вмѣстѣ съ которыми погибали и списки свящ. книгъ. Послѣдніе становились все большею и большею рѣдкостью, и для русскихъ людей наступилъ „гладъ слышанія Слова Божія“, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ сильный упадокъ религіозно-нравственной жизни народа. Съ появленіемъ у насъ книгопечатанія Библия пріобрѣла сравнительно большее распространеніе въ народѣ, но того вліянія, какое она имѣла на умственную и религіозно-нравственную жизнь въ прежнія времена, теперь она не сразу могла пріобрѣсть и, пожалуй, еще и до сихъ поръ не пріобрѣла. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что древнеславянскій языкъ Библии теперь сталъ слишкомъ разниться отъ языка народа и потому оказался малопонятнымъ, а съ другой стороны—тѣмъ, что вѣковое невѣжество и укоренившіяся суевѣрія представляли собою почву, на которой произрастало больше искаженіе смысла Библейскаго текста, чѣмъ проникновеніе божественными истинами его, такъ какъ печатную Библию читали уже безъ толкованій. Первая изъ этихъ двухъ причинъ слабого вліянія Библии на народъ, съ переводомъ св. Писанія на русскій языкъ, устранена ¹⁾, вторая же—отсутствіе у народа разумнаго пособія къ самостоятельному чтенію Писанія съ истинною пользою для ума и сердца—и до настоящаго времени не только не устранена и не ослаблена, но даже, повидимому, мало признана. А между тѣмъ съ увеличеніемъ количества школъ и развитіемъ въ народѣ грамот-

¹⁾ Тамъ же, стр. 184.

ности, а вмѣстѣ съ нею и потребности въ чтеніи, настоятельно необходимо рѣшить вопросъ о томъ, какими средствами можно было бы сдѣлать Библию настольной книгой въ каждой семьѣ и сообщить ей значеніе одного изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ умственного и религіозно-правственного развитія народа.

Послѣдняя половина вопроса, намъ кажется, легко можетъ быть разрѣшена изданіемъ толковой Библии для народа. Когда-то предполагалось издать Библию съ противосектантскими примѣчаніями въ цѣляхъ миссіонерско-полемическихъ. Конечно, такое изданіе могло бы принести несомнѣнную пользу тяжелому дѣлу борьбы Церкви съ разнаго рода заблужденіями, но народной потребности въ чтеніи божественномъ оно не совсѣмъ бы удовлетворило, потому что народъ хочетъ читать Слово Божіе прежде всего для собственнаго религіознаго назиданія. Одинъ крестьянинъ Вятской г. вотъ что говорилъ своему духовному отцу: „Я вчера купилъ у тебя Евангеліе, и принесши его изъ Церкви, положилъ его, какъ ты велѣлъ, на божницу, а самъ пошелъ въ деревню съ приглашеніемъ грамотеевъ почитать новую книгу и обрѣлъ трехъ человѣкъ изъ сосѣдей своихъ, и мы не только съ удовольствіемъ, даже со слезами на глазахъ внимали чтенію Слова Божія, и уже за недостаткомъ сальной свѣчи оставили чтеніе,—одну свѣчку сожгли же. О, больно хороша книжка! Сколько отъ нея спасенія“!.. ¹⁾ Такое чтеніе Библии и само по себѣ имѣетъ безусловно великое значеніе и для цѣлей противосектантскихъ, пожалуй, наиболѣе дѣйствительное средство. Когда вдумчивое чтеніе Писанія просвѣтитъ религіозное сознаніе народа свѣтомъ Христовой истины и согрѣетъ сердце его теплотою любви Божьей, тогда, естественно, что никакія заблужденія невѣжества не будутъ опасны для него, какъ бы усердно ни распространялись они. Въ настоящее время защитники православнаго ученія, въ противовѣсъ сектантскимъ заблужденіямъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 175.

составляютъ и издають для народа разные листки съ объясненіями св. Писанія, бесѣды, поученія и т. п. Конечно, эта работа приноситъ свою пользу, но для полнаго успѣха нужно направить грамотный людъ къ источникамъ воды живой, къ Слову Божію, а для этого нужно имѣть толковую Библию, которую можно было бы предложить народу въ руки съ увѣренностью, что она просвѣтитъ его. Священныя книги съ толкованіями святоотеческими извѣстны были въ старину и пользовались особеннымъ уваженіемъ грамотныхъ людей,—такимъ же уваженіемъ пользовались бы онѣ и у современнаго русскаго человѣка, который, покупая, напр., Евангеліе, спрашиваетъ: „имѣть ли съ толкованіемъ“?

Потребность въ изданіи толковой Библии ощущается не только простыми грамотеями, но и людьми болѣе образованными, для которыхъ результаты изученія св. Писанія, служащія къ раскрытію его внутренняго смысла, также недоступны, потому что заключаются въ спеціально-богословскихъ сочиненіяхъ. Если пастыри церкви усиленно заботятся о томъ, чтобы современные образованные люди „не преклонялись подъ чужое ярмо съ невѣрными“, то ихъ заботы тогда только увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, когда образованные люди, искренно желающіе просвѣтиться Христовой вѣрой, будутъ имѣть возможность читать толковую Библию и „ежедневно разбирать Писанія, точно ли это такъ“ (Дѣян. 17, 11).

Каковъ же долженъ быть составъ толковой Библии? Удовлетворительное разрѣшеніе этой задачи составляетъ дѣло весьма нелегкое и можетъ быть достигнуто только послѣ многихъ подготовительныхъ работъ, но общій характеръ изданія, кажется, можетъ быть такой, какъ, напр., у Эдуарда Рупрехта въ его „Толковой нѣмецкой народной Библии“ ¹⁾. Издатель этой Библии въ руководственномъ предисловіи къ ней, на вопросъ, какова должна быть народная Библия, говоритъ: „народная Библия должна быть толковая и по возможности

¹⁾ Erklärte Deutsche Volksbibel im gemeinverständlicher Auslegung und Anwendung mit apologetischer Tendenz. 1899.

иллюстрированная. Слово и картина должны сообща дѣйствовать, чтобы сдѣлать откровеніе Божіе понятнымъ и нагляднымъ, и чтобы посредствомъ мыслительной и представляющей силы духа ввести его въ сердце человѣка, куда сходятся всѣ впечатлѣнія и откуда исходятъ всѣ желанія“. Народная Библия должна удовлетворять, по мысли издателя, двумъ цѣлямъ—служить для ежедневнаго домашняго молитвеннаго назиданія и для изученія Писанія въ свободное время. Для первой цѣли издатель помѣщаетъ текстъ Лютерова перевода съ объясненіями (въ скобкахъ, рядомъ съ текстомъ) устарѣлыхъ выраженій его, а послѣ каждой главы—примѣненіе содержанія ея къ жизни читателя съ выводами апологетическаго, догматическаго, нравственнаго и практическаго характера. Для второй же цѣли должны служить слѣдующіе элементы: 1) апологетическое введеніе въ Библию вообще и спеціальное введеніе въ Ветхій Заветъ, равно и въ Новый; 2) заключительныя свѣдѣнія, помѣщаемыя въ концѣ каждой книги, о ея происхожденіи, цѣли написанія и содержаніи, а также о несостоятельности тѣхъ или другихъ нападокъ на книгу со стороны современнаго невѣрія; 3) руководственное слово, помѣщаемое въ началѣ нѣкоторыхъ книгъ и служащее къ лучшему пониманію ихъ содержанія; 4) краткое изложеніе содержанія впереди каждой главы, имѣющей кромѣ того и общее заглавіе; 5) подстрочныя примѣчанія церковно-археологическаго содержанія къ наиболѣе труднымъ стихамъ, и 6) указаніе параллельныхъ мѣстъ, которое дается въ самомъ текстѣ библейскомъ послѣ того или другого стиха.

Такой составъ Библии Руппрехта ясно показываетъ, что изданіе толковой Библии для русскаго народа должно потребовать отъ нашихъ библиологовъ громаднаго труда; поэтому желательно, чтобы организованы были подготовительныя работы къ этому изданію, и именно одновременно съ организаціей работъ по предстоящему пересмотру Славянской Библии съ цѣлью изданія ея въ исправленномъ видѣ, такъ какъ оба эти изданія имѣютъ между собою много точекъ соприкосновенія.

Миссіонерская проповѣдь ¹⁾.

(окончаніе).

Миссіонерское дѣло среди магометанъ

Какъ показываютъ статистическія данныя, число обращающихся ко Христу язычниковъ несравненно болѣе количества переходящихъ въ христіанство магометанъ. Миссіонерскіе же опыты свидѣтельствуютъ, что насажденіе христіанства среди магометанъ сопровождается значительно большими трудностями, чѣмъ среди инородцевъ-язычниковъ. Главными причинами малоуспѣшности нашей миссіонерской проповѣди среди магометанъ, въ особенности приволжскихъ, являются сплоченность магометанъ, сильное вліяніе на нихъ и весьма тѣсная близость къ нимъ мусульманскаго духовенства и въ особенности большое распространеніе среди магометанскаго населенія грамотности. Во многихъ мѣстахъ Россіи существуютъ магометанскія духовныя школы—*медрессе*, ежегодно выпускающія изъ своихъ стѣпъ цѣлыя сотни ученыхъ муллъ, усвоившихъ всю мудрость ислама. Въ свою очередь, эти умудренные муллы, отправляясь въ разныя мѣста Европейской и Азіатской Россіи, гдѣ есть магометанское населеніе, открываютъ цѣлую сѣть учебныхъ заведеній низшаго типа, такъ называемыхъ *мектебе*. При этихъ учебныхъ заведеніяхъ—*медрессе* и *мектебе* существуютъ устроенныя на европейскій ладъ, не рѣдко обширныя, бібліотеки, куда пріобрѣтаются исключительно магометанскія книги, распространяющіяся по всему мусульманскому міру ежегодно въ милліонахъ экземпляровъ изъ центровъ магометанскаго просвѣщенія, т. е. изъ Казани, Константинополя, Каира, Александріи и Мекки. Кромѣ учебныхъ заведеній и бібліотекъ, утвержденію магометанъ въ ихъ заблужденіяхъ и въ ожесточеніи ихъ противъ христіанства весьма много способствуютъ фанатичныя магометанскія *ишаны* („святые“), усердно распространяющіе идеи ислама не только среди магометанъ, но и среди прочихъ инородцевъ и эксплуатирующіе даже темныхъ русскихъ людей, являясь для окрестнаго населенія врачами, совѣтниками, судьями и

¹⁾ См. № 51 за 1902 г.

учителями. Какъ къ людямъ авторитетнымъ, признаваемымъ мусульманами за истовыхъ послѣдователей Магомета, къ ишанамъ стекаются массы денежныхъ пожертвованій, которыя тотчасъ же идутъ на дѣло фанатизированія магометанъ и распространенія между ними грамотности. На эти деньги фанатичные ишаны, заклятые враги христіанства, считающіеся магометанами за лицъ богодухновенныхъ, нерѣдко строятъ при себѣ большія медресе, гдѣ ученики въ отличіе отъ обыкновенныхъ *шакирдовъ*, носятъ названіе *муридовъ*. Послѣдніе получаютъ не одно только мусульманское образованіе, но главнымъ образомъ воспитаніе въ духѣ магометанской религіи путемъ совершенія такъ называемыхъ *зикровъ*, т. е. особаго рода магометанскихъ религіозныхъ упражненій, состоящихъ изъ безчисленныхъ повтореній именъ Божіихъ. Помимо всѣхъ этихъ причинъ, малоплодность православной миссіи среди мусульманъ объясняется еще и тѣмъ, что основныя положенія христіанства слишкомъ необычны для большинства магометанскаго населенія, въ которомъ, подъ вліяніемъ Магометова ученія, въ высшей степени развились эгоистическіе принципы и воззрѣнія. Для грубаго татарскаго племени мало понятно христіанское ученіе о любви къ ближнему, повелѣвающее раздѣлить послѣднее съ неимущимъ и не прибѣгать къ насилію. Легче быть отличнымъ магометаниномъ, чѣмъ плохимъ христіаниномъ: легче совершать ежедневно регулярное обмываніе нѣкоторыхъ частей тѣла, простоять пять разъ на *намазъ* (молитвѣ) и считать себя исполнившимъ всѣ свои обязанности, нежели постоянно чувствовать свое несовершенство предъ лицомъ всевидящаго Бога и сознавать, что удѣлъ нашей жизни—страдальческій крестъ, который мы должны нести въ теченіе всей своей жизни. Грубо-чувственному человѣку гораздо свойственнѣе слѣдовать ученію Магомета, который *три* вещи называлъ любимѣйшими на свѣтѣ: молитву, женщину и благовонія, чѣмъ, вѣруя во Христа, слѣдовать ученію, повелѣвающему совлечься ветхаго человѣка и распять плоть свою съ страстями и похотями. При такихъ особенно-

стяхъ магометанской религіи нѣтъ ничего удивительнаго, что татары-мусульмане крѣпко держатся за свою вѣру. Мало-успѣшность нашей миссіи среди татаръ даетъ нѣкоторымъ писателямъ поводъ думать, что болѣе успѣшными послѣдствіями будутъ сопровождаться труды нашихъ миссіонеровъ только въ томъ случаѣ, когда будетъ подготовлена среди магометанъ надлежащая почва для воспріятія ими христіанства. А чтобы приготовить эту почву, нужно, по мысли тѣхъ же писателей, принять мѣры репрессивныя: нужно освободить татарскую массу отъ вліянія фанатичнаго магометанскаго духовенства, нужно потушить очаги мусульманской образованности и уничтожить силенность духовнаго сословія, нужно среди татаръ распространить школы, гдѣ бы, при преподаваніи на русскомъ языкѣ, внушался и русскій образъ мыслей. Но такъ какъ эти желанія нашихъ писателей не осуществимы на дѣлѣ, то послѣдніе приходятъ къ очень печальному и безнадежному заключенію, будто миссія среди магометанъ уже запоздала. „Одной изъ огромныхъ ошибокъ,—читаемъ на страницахъ самаго распространенаго изъ духовныхъ журналовъ,—прежняго миссіонерства, которой многіе не сознаютъ и понынѣ, было неосновательное мнѣніе, что татаръ-магометанъ можно обратить въ христіанство путемъ устной проповѣди, собесѣдованій и распространенія среди нихъ христіанскихъ книгъ на ихъ книжномъ языкѣ“. Видя въ обычныхъ миссіонерскихъ пріемахъ и дѣйствіяхъ одну лишь ошибку, эти писатели прямо заявляютъ, что „миссіонерская проповѣдь среди такихъ закоренѣлыхъ магометанъ, каковы казанскіе татары, уже запоздала“, что „не возможно бороться съ магометанствомъ проповѣдью тамъ, гдѣ исламъ уже вкоренился въ народѣ, какъ вполне организованная религія“ 1).

Итакъ, христіанство уже безсильно предъ исламомъ; непобѣдимое оружіе противъ враговъ и бѣсовъ—Крестъ Христовъ болѣе уже не въ состояніи повергнуть къ ногамъ Спа-

1) *Бобровниковъ Н.* Языкъ—орудіе просвѣщенія инородцевъ. „Церк. Вѣдом.“, 1899 г., № 51—52.

сители заблудшихъ людей!.. Но предоставимъ маловѣрнымъ сомнѣваться въ силѣ Христа. Вѣрующій христіанинъ знаетъ, что обращеніе язычниковъ и магометанъ въ христіанство есть дѣло Божіе, а „насаждающій и поливающій есть ничто“ (1 Кор. 3, 7), и что отъ миссіонера, насаждающаго среди извѣстнаго народа истинную вѣру, требуется не приведеніе опредѣленнаго количества невѣрующихъ къ спасительной вѣрѣ, а только глубокая вѣра въ Божественное домостроительство, ревность къ проповѣданію Слова Божія, религіозное воодушевленіе и даже готовность положить душу свою за проповѣдуемую вѣру. „Богъ назначаетъ вѣнцы,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—взирая не на конецъ подвиговъ, и на расположеніе подвижающихся“. Приведеніе магометанъ ко Христу есть побѣда надъ діаволомъ,—а эта побѣда достигается только вѣрой и кровавыми трудами. „Они побѣдили его, т. е. діавола,—говорится о христіанахъ въ Апокалипсисѣ,—Кровію Агнца и словомъ свидѣтельства своего и не возлюбили души своей даже до смерти“ (Апок 12, 11). Вѣдь, быть можетъ, потому и не имѣетъ наша противомусульманская миссія успѣха, что сами миссіонеры не имѣли въ сердцѣ своемъ апостольской ревности, чужды были той глубокой вѣры, которая можетъ и горы переставлять, шли на проповѣдь о Христѣ съ тѣми же сомнѣніями въ успѣхѣ, какія стали въ послѣднее время маловѣрными писателями высказываться въ слухъ всего міра, не имѣли необходимаго при такомъ трудномъ дѣлѣ терпѣнія. Не потому безуспѣшна наша миссія среди татаръ, что она запоздала, а скорѣе потому, что не было еще такихъ миссіонеровъ, какіе нужны. Нужны же не *казенные* миссіонеры, работающіе по найму, а вдохновенные и ревностные провозвѣстники евангельскихъ истинъ. Проповѣдь миссіонера только тогда будетъ имѣть успѣхъ, когда онъ будетъ исполненъ воодушевленія и искренняго желанія нести слово спасительной истины къ заблудшимъ, несмотря ни на какіе труды и опасности. Большое значеніе въ дѣлѣ проповѣди имѣетъ также и самая постановка миссіонерскихъ бесѣдъ. Не нужно забывать,

что религія есть священнѣйшее достояніе каждаго человѣка. Несмотря на то, что существуетъ множество религій, изъ которыхъ каждая отрицаетъ другую, всякій человѣкъ свое исповѣданіе считаетъ истиннымъ. Открыто нападать и прямо порицать вѣру человѣка, какова бы она ни была, значитъ—оскорблять его въ самыхъ святыхъ чувствахъ. Поэтому, начинать христіанскую проповѣдь среди магометанъ съ указанія и обличенія недостатковъ ислама, значитъ—дѣлать только большую ошибку и промахъ. Сказать магометанину прямо, что исламъ есть ложная религія, значитъ—обидѣть его; настаивать на этомъ, значитъ—вооружить его противъ себя. Современный христіанскій миссіонеръ непременно долженъ слѣдовать примѣру великаго апостола языковъ, который, для приведенія людей къ истинѣ, отыскивалъ крупицу добра и правды, содержащаяся въ ихъ заблужденіяхъ, и, основываясь на этихъ крупицахъ, раскрывалъ предъ своими слушателями все величіе христіанства ¹⁾.

Миссіонерское дѣло среди евреевъ.

Среди населенія Россійской Имперіи всюду встрѣчаются разсѣянные по всему міру евреи.—особенное же скопленіе ихъ замѣчается въ юго-западномъ краѣ нашего отечества. Съ православно-христіанской точки зрѣнія это—народъ, подобно язычникамъ и магометанамъ, сидяцій во тьмѣ и сѣни смертной. Свѣтъ вѣры Христовой долженъ озарить сердца и этихъ людей, омраченныхъ нелѣпыми заблужденіями и суевѣріями талмуда. Но, къ сожалѣнію, на приведеніе ко Христу этихъ людей, все еще чающихъ пришествія Мессіи, современное православное духовенство обращаетъ меньше вниманія, чѣмъ бы слѣдовало. При всемъ томъ, создалось какъ среди духовенства, такъ и среди православныхъ мірянъ предубѣжденіе

¹⁾ *Виссаріонъ*, іерод. Вопросъ о возможномъ слияніи мусульманъ-инородцевъ съ кореннымъ населеніемъ Русской Имперіи. „Прав. Благов.“, 1900 г., № 9.

относительно евреевъ, будто бы они совершенно глухи къ воспріятію истины, и что если они и принимаютъ крещеніе, то исключительно по своекорыстнымъ расчетамъ. Но такое воззрѣніе на евреевъ не совсѣмъ основательно. Факты говорятъ совершенно иное. Извѣстный миссіонеръ среди евреевъ архимандритъ Нафанаиль (въ мірѣ протоіерей П. Кузнецкій, по происхожденію еврей), посвятившій болѣе 30 лѣтъ своей жизни дѣлу евангельской проповѣди среди евреевъ, свидѣтельствуемъ, что послѣдніе—совсѣмъ не такіе фанатики, какими ихъ обыкновенно представляютъ. Обратившій на своемъ кѣбу свыше 300 евреевъ и имѣвшій возможность близко и долго присматриваться къ новообращеннымъ, архим. Нафанаиль утверждаетъ, что случаи обращенія евреевъ по своекорыстнымъ расчетамъ встрѣчаются очень рѣдко и составляютъ лишь исключеніе, и что, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ евреи, принявшіе христіанство, настолько искренно проникаются евангельскимъ ученіемъ, что готовы бываютъ даже жертвовать за него своею жизнію¹⁾. Другіе знатоки еврейскаго народа, свидѣтельствуя о возможности озаренія евреевъ истиннымъ ученіемъ и спасительной вѣрой, раздѣляютъ ихъ на *три* категоріи. Къ *первой* категоріи относятъ раввиновъ и всѣхъ вообще знатоковъ талмуда, всецѣло проникнутыхъ заблужденіями его. Лица этой категоріи, враждебно относясь къ христіанской религіи, весьма рѣдко принимаютъ православіе, а остаются обыкновенно до самой смерти своей въ слѣпой привязанности къ талмуду. Ко *второй* категоріи относятъ евреевъ „либеральныхъ“, „интеллигентныхъ“, получившихъ европейское образованіе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти лица уже утратили вѣру своихъ отцовъ, не раздѣляютъ талмудистическихъ воззрѣній и суевѣрій, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспитали въ себѣ религіозный индифферентизмъ, и потому нерѣдко принимаютъ православіе—чаще всего не по убѣжденію въ его святости и истинности, а просто по своимъ жи-

¹⁾ *Нафанаиль*. архим. Миссіонеръ изъ евреевъ. К. 1885 г.—Что дѣлать съ евреями? „Южн. Край“. 1892 г., №№ 3935 и 3936.

тейскимъ расчетамъ. Наконецъ, евреи *третьей* категоріи, составляющіе громадное большинство, считаются наиболѣе доступными вліянію христіанской истины. „Евреи, не знающіе талмуда и далекіе отъ образованности,—говоритъ одинъ изъ знатоковъ еврейскаго быта,—какъ, напр., мастеровые, торговцы и т. д., едва настолько грамотны, чтобы прочесть по молитвеннику свои молитвы, содержанія же ихъ они положительно не понимаютъ; за то они усердно вѣрують. Спросите такого еврея: зачѣмъ онъ то-то и то-то исполняетъ? Онъ не обинюясь вамъ отвѣтитъ, что не знаетъ почему, но что раввины сказали, что такъ должно дѣлать, и что, слѣдовательно, такъ Богъ велѣлъ. Этого рода люди, въ своей простотѣ, руководствуются по большей части въ отношеніи религіозныхъ обрядовъ указаніями раввиновъ, а въ отношеніи обыденной жизни—естественнымъ разумомъ. Слѣдствіемъ этого бываетъ, что въ этой средѣ нерѣдко можно встрѣтить людей очень добрыхъ и честныхъ. Не зная талмуда, они не заражены (а если и заражены, то, по крайней мѣрѣ, мало) испорченностью религіозныхъ воззрѣній и враждой ко всему неіудейскому, а потому они способны быть искренно привязанными къ христіанину и быть честными по отношенію къ иновѣрцу; съ другой стороны, не будучи образованными, они относятся къ вѣрѣ, совѣсти и нравственности по крайнему разумѣнію, отлочно понимая, что не вѣрятъ въ Бога—значитъ отказаться отъ всего высокаго и святаго, что совѣсть и нравственность заключается въ томъ, чтобы другому не дѣлать того, чего себѣ не желаешь. Они доступны и разумнымъ доводамъ, и логическимъ заключеніямъ гораздо болѣе, нежели двѣ предыдущія категоріи, и если они не тотчасъ крестятся, то это потому, что ихъ просто пугаетъ новое состояніе“ ¹⁾. Такое нравственное состояніе евреевъ-простецовъ, дѣлающее ихъ способными къ принятію христіанства, должно обратить на себя вниманіе православныхъ священниковъ, кроткія рѣчи и нрав-

¹⁾ Кирилловъ Л., свящ. Свѣтъ Израилю. — О миссіи среди евреевъ. „Церк. Вѣд.“, 1892 г., № 26

ственное вліяніе которыхъ могутъ значительно облегчить переходъ евреевъ въ христіанство. Архимандритъ Наѳанаиль, вспоминая о своемъ обращеніи въ христіанство, указываетъ, насколько важное значеніе въ миссіонерскомъ дѣлѣ имѣеть кроткое обращеніе священника съ евреями. „Какъ вспомню теперь,—говоритъ онъ,—то великодушіе, съ которымъ священники преподавали намъ вѣру Христову, то даже и теперь мое сердце наполняется глубокимъ умиленіемъ“.

Миссіонерскія бесѣды съ евреями могутъ носить характеръ и частный и публичный. Если частныя бесѣды могутъ имѣть мѣсто во всякомъ приходѣ, гдѣ есть нѣсколько евреевъ, то публичныя бесѣды могутъ быть открываемы, конечно, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ евреи составляютъ среди населенія весьма значительный процентъ. Такія бесѣды были открыты, напр., въ 1892 г. въ г. Вильнѣ, гдѣ для нихъ была выработана даже краткая программа, по смыслу которой сначала должна быть предложена слушателямъ *проповѣдь* священника, раскрывающая положительное христіанское ученіе въ связи съ ветхозавѣтными пророчествами, а послѣ ужъ проповѣди должна идти *бесѣда* въ собственномъ смыслѣ, т. е. въ формѣ разговора священника съ евреями, пожелавшими вступить въ состязаніе. „Выбравъ какой-нибудь евангельскій текстъ для проповѣди,—говорится въ программѣ,—миссіонеръ долженъ концентрировать и сопоставлять ветхозавѣтныя пророчества съ новозавѣтными истинами такъ, чтобы эти проповѣди имѣли характеръ послѣдовательнаго поученія по порядку, т. е. чтобы такимъ путемъ, привлекая всегдашнихъ слушателей, эти проповѣди могли вестись въ порядкѣ изложенія Четвероевангелія, Дѣяній Апостоловъ и исторіи Православной Церкви, и чтобы слушатели вынесли изъ таковыхъ проповѣдей по крайней мѣрѣ нѣкоторое знаніе православной вѣры. Послѣ каждой проповѣди, продолжающейся обыкновенно не болѣе одного часа, миссіонеръ приглашаетъ, по согласію слушателей между собою, одного или двухъ лицъ по порядку для состязанія и собесѣдованія съ нимъ. Таковыя собесѣдованія должны быть

ведены безъ шума, смѣха, безъ укоровъ и упрековъ съ каждой стороны, а только самымъ мирнымъ путемъ¹⁾.

Свящ. А. Юрьевскій.

¹⁾ Открытіе въ г. Вильнѣ собесѣдованій съ евреями и иновѣрцами.
„Литовск. еп. вѣд.“, 1892 г., № 41.

Добрыя вѣсти для церковно-школьныхъ дѣятелей.

Въ печати появились рѣчь г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ г. Житомирѣ и Циркуляръ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ гг. Губернаторамъ, имѣющіе отношеніе къ церковной школѣ. Взгляды на церковно-школьныя дѣла, проведенные въ этой рѣчи и циркулярѣ, еще разъ доказываютъ, что *высшіе* представители свѣтской власти относятся къ церковной школѣ безъ всякаго предубѣжденія, признають ея государственное значеніе, ея нравственную мощь, и стараются утвердить въ тѣхъ же взглядахъ и *низшіе* органы подвѣдомыхъ имъ министерствъ, нерѣдко нарушающіе добрыя отношенія къ церковной школѣ въ угоду нашей свѣтской прессѣ. Приводимъ эту рѣчь и этотъ циркуляръ въ томъ убѣжденіи, что они вдохнутъ новыя силы въ сердца *безкорыстныхъ* и самоотверженныхъ церковно-школьныхъ дѣятелей—пастырей Церкви, и хотя отчасти удовлетворятъ ихъ за ту борьбу и тѣ скорби, какія перенесены нѣкоторыми изъ нихъ за святое и правое дѣло.

Министръ Народнаго Просвѣщенія т. с. Зенгеръ въ руководство чинамъ учебнаго вѣдомства преподаль слѣдующее: „Сегодня я имѣлъ возможность, съ благосклоннаго согласія его преосвященства епископа волинскаго, посѣтить мѣстную церковъ-школу и сегодня же присутствовалъ на урокахъ въ нашемъ министерскомъ народномъ училищѣ. Это даетъ мнѣ поводъ указать на ошибочность высказываемаго иногда мнѣнія о томъ, что плодотворная дѣятельность школъ обоого типа

¹⁾ Открытіе въ г. Вильнѣ собесѣдованій съ евреями и иновѣрцами. „Литовск. еп. вѣд.“, 1892 г., № 41.

въ одномъ и томъ же мѣстѣ не представляется возможной. Слѣдуетъ, напротивъ, имѣть въ виду, что потребности народнаго образованія вполне оправдываютъ ту одновременную работу какъ министерства, такъ и вѣдомства православнаго исповѣданія, которая происходитъ на данномъ поприщѣ въ цѣломъ рядѣ пунктовъ. Необходимо только, чтобы при дальнѣйшемъ насажденіи начального просвѣщенія въ краѣ, работа эта велась съ возможною согласованностью и свободно *отъ неумѣстныхъ взаимныхъ пререканій*. Мы, съ своей стороны, должны употребить всѣ старанія, чтобы не породить въ этомъ отношеніи какихъ-либо недоразумѣній. Я не сомнѣваюсь, что мы будемъ съ полнымъ доброжелательствомъ относиться всюду къ соотвѣтственнымъ начинаніямъ духовнаго вѣдомства, исходя изъ убѣжденія, что этимъ нисколько не умаляются ни наши права, ни наши задачи. *Согласно воли Его Императорскаго Величества, я напоминаю господамъ служащимъ министерства народнаго просвѣщенія, что, въ видахъ предотвращенія могущаго возникнуть среди населенія соблазна, надлежитъ избѣгать даже всякаго подобія розни въ такомъ дѣлѣ, которое должно объединить усилія всѣхъ истинныхъ ревнителей народнаго просвѣщенія*“.

Въ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ д. т. с. Плеве (отъ 2 октября 1902 г. за № 19) г.г. Губернаторамъ читаемъ: „Образованное по училищному при Святѣйшемъ Синодѣ совѣту особое совѣщаніе объ установленіи правилъ распоряженія и отчетности по кредитамъ, ассигнуемымъ на церковныя школы, обсудивъ вопросъ о порядкѣ поступленія денежныхъ суммъ на содержаніе сихъ школъ по приговорамъ сельскихъ обществъ, признало соотвѣтственнымъ принять нѣкоторыя мѣры, къ обезпеченію церковныхъ школъ необходимыми на ихъ содержаніе средствами.

По разсмотрѣніи нынѣ этихъ предположеній я нахожу, что отсутствіе единообразнаго порядка поступленія по назначенію указанныхъ денежныхъ суммъ, а также и несвоевременность этого поступленія, порождаютъ въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ крайне неблагопріятныя условія дѣятельности церковныхъ школъ, лишая ихъ матеріальнаго обезпеченія, а слѣдовательно и устойчивости, столь необходимой въ цѣляхъ правильного исполненія ими своего назначенія.

Посему въ видахъ устраненія приведенныхъ неудобствъ, я считаю необходимымъ установить, чтобы сборъ означенныхъ суммъ производился своевременно, въ опредѣленные по усмотрѣнію подлежащихъ сельскихъ сходовъ сроки, а самыя суммы вносились должностными лицами крестьянскаго общественнаго управленія священнику, наблюдающему за благосостояніемъ школъ, или другому лицу, если бы таковое было указано уѣзднымъ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта. Надзоръ за точнымъ выполненіемъ указаннаго порядка я считаю необходимымъ поручить Земскимъ Начальникамъ, а въ губерніяхъ, въ коихъ не введено Положеніе 12 іюля 1889 года,—соотвѣтствующимъ имъ должностнымъ лицамъ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій.

За симъ, такъ какъ, согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ, постановленія о выдачѣ пособій на содержаніе учебныхъ заведеній признаются обязательными для земствъ, городскихъ и сословныхъ учрежденій, но не для крестьянскихъ обществъ, коимъ законъ не воспрещаетъ измѣнить составленные ими по сему предмету приговоры, то, въ цѣляхъ матеріальнаго обезпеченія школъ какъ существующихъ, такъ и вновь открываемыхъ при содѣйствіи крестьянскихъ обществъ, необходимо, чтобы мѣстныя должностныя лица крестьянскихъ учрежденій давали надлежація указанія крестьянамъ о желательности послѣдовательнаго исполненія принятыхъ или принимаемыхъ ими на себя въ семъ отношеніи обязательствъ и разъясняли, насколько всякое отъ сего уклоненіе можетъ имѣть вредныя для правильной постановки школьнаго дѣла послѣдствія. Такого рода указанія и разъясненія, относясь въ равной мѣрѣ ко всѣмъ школамъ, какъ министерскимъ или земскимъ, такъ и церковнымъ, несомнѣнно будутъ способствовать устраненію неопредѣленности и случайности матеріальныхъ средствъ

школь, а слѣдовательно и обезпеченію самого ихъ существованія.

О веденіи въ исправности клировыхъ вѣдомостей.

Секретарь Новгородской Духовной Консисто́ріи вошелъ въ Консисто́рію докладомъ о томъ, что по разнымъ дѣламъ, производящимся въ Епархіальномъ Управленіи, неоднократно приходилось убѣждаться въ необстоятельности и неточности, иногда же и въ невѣрности свѣдѣній, помѣщаемыхъ нѣкоторыми причтами церквей въ клировыхъ вѣдомостяхъ; отсюда происходятъ разныя затрудненія въ дѣлопроизводствѣ и безъ нужды умножается переписка въ Консисто́ріи. Въ частности, можно указать на слѣдующіе недостатки этихъ церковныхъ документовъ: 1) Въ вѣдомости о *церкви* нѣкоторые причты помѣщаютъ не совсѣмъ обстоятельныя свѣдѣнія о церковныхъ земляхъ, школахъ въ приходяхъ, церковныхъ и причтовыхъ капиталахъ, средствахъ содержанія причтовъ и постройкахъ, состоящихъ въ пользованіи причтовъ, а именно: 1) о земляхъ не прописываютъ, имѣются ли въ церкви какіе либо документы на нихъ (планы, межевыя книги или другіе какіе либо крѣпостные документы), какимъ путемъ онѣ поступили въ церковь и на какой предметъ, т. е. даны ли правительствомъ въ узаконенную пропорцію, надѣлены ли прихожанами въ довольствіе причтовъ, или пожертвованы частными лицами и учрежденіями; затѣмъ не сообщаютъ свѣдѣній о разрядности земли (сколько состоитъ земли усадебной, пахотной, сѣнокосной, лѣсной и неудобной); 2) о школахъ прописываютъ, что „существуютъ въ приходѣ школы“, но какія именно школы (т. е. церковно-приходскія ли, школы грамоты, земскія ли, или министерскія, или же какого либо другого вѣдомства) не объясняютъ, усвояютъ школамъ неодинаковыя наименованія въ разные годы, не указываютъ или указываютъ неточно время основанія школы, не даютъ также свѣдѣній и о томъ, на какомъ разстояніи школы находятся отъ мѣстной церкви и кто въ нихъ состоитъ законоучителемъ; 3) о причтовыхъ и церковныхъ капиталахъ прописываютъ, что „имѣются въ церкви процентныя бумаги на такую то сумму и столько то состоитъ наличными“, а какія процентныя бумаги, т. е. Государственныхъ учрежденій или частныхъ банковъ, именныя или на предъявителя и какимъ путемъ деньги поступили въ

церковь, имѣють ли специальное назначеніе и какое именно, объ этомъ свѣдѣній не помѣщаютъ; 4) въ отдѣлѣ о средствахъ содержанія причтовъ совсѣмъ не помѣщаютъ свѣдѣній о доходахъ отъ прихожанъ за требоисправленія и о доходности отъ земельныхъ угодій и арендныхъ статей и 5) о причтовыхъ домахъ прописываютъ, что „имѣются дома для причтовъ, казенные дома, общественные дома“, а на какія средства устроены эти дома, не упоминають. Такого же рода неполныя свѣдѣнія о земляхъ и капиталахъ встрѣчаются и въ вѣдомостяхъ о монастыряхъ. II. Въ вѣдомости о причтѣ чаще всего неточности встрѣчаются въ графѣ о прохожденіи службы, именно: а) не прописывается годъ, мѣсяць и число той или другой переменны въ служебномъ движеніи лица, напр. рукоположенія въ санъ діакона или священника, назначенія въ должность и увольненія отъ нея, полученія награды и т. п., тогда какъ эти данныя постоянно требуются для дѣлопроизводства и должны отличаться полною точностію; б) неточно обозначаются назначенія въ должность, напр. пишутъ „опредѣленъ законоучителемъ начальной школы“, а какой именно—не указываютъ; в) помѣщаютъ обстоятельства, которые не относятся къ прохожденію службы, напр. „духовенствомъ округа избранъ въ кандидаты депутата по слѣдственнымъ дѣламъ“ и проч. „Въ графѣ о подсудности иногда встрѣчалось неточное изложеніе сентенціи (рѣшенія) епархіальнаго суда, замѣчались случаи опущенія такой судимости, которая должна быть непременно вносима въ формуляръ, и съ другой стороны—иногда помѣщаются въ эту графу такіе случаи подсудности и взысканій, которые должны быть вносимы не въ штрафную графу, а въ особый листокъ, приклеиваемый къ клировымъ вѣдомостямъ, согласно точному указанію Епархіальнаго Начальства и общимъ положеніямъ (Опред. Епарх. Нач. 13 октября 1894 г. № 23 Епарх. Вѣд. за 1894 г.). Подобная неполнота и неточность свѣдѣній встрѣчаются и въ спискахъ о монашествующихъ и послушникахъ монастырей. Кромѣ того замѣчено, что въ спискахъ о монастыряхъ и послушникахъ и въ свѣдѣніяхъ о псаломщикахъ часто не показывается (о вдовыхъ лицахъ) о томъ, послѣ котораго брака они вдовы (перваго, втораго), на комъ были женаты—на дѣвицахъ или на вдовахъ, между тѣмъ какъ эти свѣдѣнія крайне необходимы въ дѣлахъ о рукоположеніи такихъ лицъ въ священный санъ. Наконецъ, съ недостаточной полнотой сообщаются свѣдѣнія о семействахъ служащаго и заштатнаго и сиротствующаго духовенства, а именно: а) не всѣ дѣти духовенства показываются въ составѣ семейства, а часто только состоящія при родителяхъ или въ учебныхъ за-

веденіяхъ, и б) не указываются годъ, мѣсяць и число рожденія дѣтей, между тѣмъ эти свѣдѣнія о времени рожденія постоянно требуются какъ для точнаго опредѣленія возраста дѣтей духовенства, такъ и для составленія послужныхъ списковъ и въ другихъ случаяхъ. Въ предупрежденіе на будущее время неполноты и неточности свѣдѣній, вносимыхъ въ клировыя вѣдомости, необходимо сдѣлать надлежащія руководственныя указанія епархіальному духовенству. По поводу означеннаго доклада состоялось утвержденное Его Высокопреосвященствомъ 1 сего ноября такое опредѣленіе Консисторіи: съ прописаніемъ доклада о замѣченныхъ недостаткахъ и неточностяхъ записей, вносимыхъ въ клировыя вѣдомости, циркулярно предписать духовенству епархіи при составленіи на будущее время клировыхъ вѣдомостей избѣгать означенныхъ недостатковъ, подѣ опасеніемъ взысканій за неисправность. При этомъ разъяснить благочиннымъ, что провѣрка свѣдѣній, записываемыхъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ, и вообще наблюденіе за правильнымъ веденіемъ этихъ вѣдомостей входитъ въ непремѣнную обязанность ихъ, благочинныхъ.

(Новг. Еп. Вѣд. № 22, 1902 г.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 17 декабря 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.